

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

РУССКО-ЯПОНСКАЯ
ВОЙНА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

**ОСАДА И ПАДЕНИЕ
ПОРТ-АРТУРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** **ТРАНЗИТКНИГА**
МОСКВА 2004

УДК 94(47)"1904/05"

ББК 63.3(2)521

Р89

Серия основана в 1998 году

Перевод с японского А. Воскресенского

Составление А. Лактионова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Подписано в печать 24.06.04. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 38,64. Тираж 5000 экз. Заказ № 2441.

*Книга подготовлена издательством «Мидгард»
(Санкт-Петербург)*

Русско-японская война: Осада и падение Порт-Артура. — М.: Р89 ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. — 733, [3] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-024932-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-1096-7 (ООО «Транзиткнига»)

«Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи (1904—1905 гг.)» — хрестоматийная официальная японская версия Русско-японской войны. До сих пор эта книга издавалась лишь в 1909—1910 гг. и грешила многочисленными разночтениями и неточностями.

Предлагаемый том, исправленный и дополненный комментариями участников войны, посвящен действиям 1-й Тихоокеанской эскадры, осаде и падению Порт-Артура.

Предназначается для широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей военной истории.

УДК 94(47)"1904/05"
ББК 63.3(2)521

© Составление. А. Лактионов, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2004

От редакции

Русско-японская война, столетие начала которой приходится на нынешний год, стала, наряду с войной англо-бурской, одной из первых войн нового смыслового содержания — войн уже не за раздел, а за передел мира (империалистических войн, если вспомнить марксистскую терминологию). Сокрушительное — и неожиданное — поражение в этой войне «российского колосса» в очередной раз обнажило извечную русскую беду — привычку полагаться на «авось»: авось японцы не нападут, авось успеем достроить и пустить КВЖД, авось наши «солдатики» сумеют справиться с «супостатом», если он, паче чаяния, нападет. Из этих «авось» оправдалось лишь последнее — русская Дальневосточная армия и русский Тихоокеанский флот, даже в условиях едва ли не полной военной безграмотности своего высшего руководства, оказали японцам ожесточенное сопротивление — и, не произошли рокового совпадения нескольких политических, экономических и «бытовых» (к примеру, не погибни адмирал Макаров при взрыве «Петропавловска») обстоятельств, вполне могли бы одержать в этой войне победу. Но — случилось то, что случилось.

Библиография русско-японской войны на суше и на море весьма обширна. Самые знаменитые книги, посвященные этой войне, среди отечественных изданий — безусловно, документальное повествование А. Новикова-Прибоя «Цусима» и роман А. Степанова «Порт-Артур», дневники военного министра А.Н. Куропаткина, воспоминания капитана первого ранга В. Семенова, исследования П. Левицкого и В. Быкова; среди зарубежных изданий отметим, прежде всего, капитальный труд виднейшего англ-

лийского историка Дж. Корбетта «Морские операции в годы русско-японской войны». К числу хрестоматийных зарубежных работ о событиях этой войны принадлежит и книга, предлагаемая вниманию читателя, — «Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи», официальная (штабная) японская версия русско-японской войны. На эту книгу ссылаются практически все, кто интересуется историей русско-японской войны, однако, как ни удивительно, целиком на русском языке она издавалась лишь единожды — в 1909–1910 гг.

При подготовке современного издания этой книги редакция столкнулась со значительными трудностями, связанными, в первую очередь, с множеством разночтений в именах и географических названиях, присущих первому изданию. Географические названия в первом издании давались в трех-четырёх вариантах написания каждое (русское, японское, китайское, иногда английское), при этом нередко были ошибки в транскрипции одного и того же названия на двух соседних страницах. Редакция провела сверку имен и названий, однако в ряде случаев была вынуждена оставлять разночтения, свойственные исходному тексту, особенно когда эти разночтения касались карт: дело в том, что карты исходного издания брались, по всей видимости, из нескольких источников (японских, русских, английских), поэтому разночтения в них фактически неизбежны.

Первое и единственное русское издание «Описания военных действий на море» выходило в четырех томах. Наше издание будет двухтомным: в первый том вошли материалы, посвященные действиям 1-й Тихоокеанской эскадры и осаде и падению крепости Порт-Артур; во второй — материалы, посвященные действиям Владивостокского отряда крейсеров и сражению в Цусимском проливе. В качестве комментариев к первому тому использованы воспоминания офицеров-артурцев и фрагмент из книги генерала А.Н. Куропаткина «Русско-японская война 1904–1905 гг.», в котором анализируются причины неудач России в войне с Японией. В качестве комментариев ко второму тому использованы воспоминания моряков Владивостокского отряда и 2-й Тихоокеанской эскадры, а также фрагмент из работы видного отечественного теоретика военно-морского искусства Н.Л. Кладо «Очерк военных действий во время русско-японской войны».

Русско-японская война отстоит от нас на целый век. Но память об этой войне, на которой, по выражению поэта-артурца, «с честью лилась наша русская кровь», — память не стареет. И наше издание — дань уважения героизму русских воинов, который, как несложно увидеть на страницах этой книги, признавали даже враги.

ОПИСАНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

НА МОРЕ

В 37—38 22. МЕЙДЗИ

(1904—1905 22.)

Предисловие

Главным предметом изложения этой книги является описание морских сражений 1904–1905 гг.

В этом описании нередко встречаются повторения, главные эпизоды изложены подробно, а второстепенные — в сокращенном виде. Это сделано для того, чтобы сразу можно было видеть сущность дела.

Материалами для этого описания послужили главным образом официальные указы, приказы, правительственные сообщения, донесения и дневники. Кроме того, в виде справок в некоторых местах помещены примечания вне текста, в которых цитируются русские правительственные и частные сообщения и выдержки из разных наших¹ сочинений.

Названия местностей преимущественно обозначены согласно книгам и картам Главного гидрографического управления. К имевшим отношение к сражениям и военным операциям названиям портов, заливов, мысов, островов и т. п. приоблачено краткое их описание.

Числа месяцев и время обозначены по нашему календарю, и хотя вообще принято среднеяпонское время, но в тех случаях, в которых пользуемся русскими источниками, время обо-

¹ Японских. — *Примеч. пер.*

значено по русскому счислению. Во всех остальных случаях неизменно пользуемся нашим счислением¹.

Уже во время войны в состав Соединенного флота было зачислено несколько новых судов, кроме того, иногда суда переводились из одного отряда в другой, так что Соединенный флот не был постоянно в одном и том же составе. То же касается начальствующих лиц и личного состава судов.

В этой книге местами помещены планы и таблицы, которые являются дополнением к тексту и, таким образом, вместе с ним дают полную картину событий.

¹ Для всей Японии принято средияпонское время меридиана Акаси, близ Кобе, на долготе 135° 0'. — *Примеч. пер.*

Вступление

Причины войны и объявление об открытии военных действий

Статья 1. Причины войны

А. Оккупация Россией Маньчжурии

Когда в 1895 году по Симоносекскому договору к Японии был присоединен Ляодунский полуостров, Россия увидела в этом опасность для существования Китая и Кореи и угрозу сохранению мира на Дальнем Востоке и, пользуясь поддержкой Германии и Франции, протестовала против этого присоединения. В конце концов мы были принуждены уступить Китаю и вернуть занятую территорию.

Вслед за тем, так как Россия этим вмешательством оказала услугу Китаю, отношения между этими правительствами стали весьма дружественными, и Россия, пользуясь ими, положила основание для приобретения особых преимуществ в Маньчжурии. Первым проявлением этого соглашения было учреждение Русско-Китайского банка и Общества Восточно-Китайской

железной дороги. Целью первого из этих учреждений было поставлено способствовать русской торговле в разных странах Восточной Азии, но вместе с тем через посредство своих агентов в разных частях Китая Россия приобретала громадное влияние на финансовую политику и экономическую жизнь страны. Восточно-Китайская железная дорога, находясь под финансовым контролем банка, должна была от конечной станции Сибирско-Забайкальской железной дороги Кайдаровки направиться на юго-восток, пересечь Амур и обе Гириинские провинции и выйти к станции Южно-Уссурийской дороги Никольску. При этом не только русская столица соединялась прямым непрерывным путем с Владивостоком, но и создавалось тесное влияние России на прилегающей к дороге полосе земли в Северной Маньчжурии.

Впоследствии снова, пользуясь тем или другим случаем, при переговорах с китайским правительством Россия выговорила себе важные преимущества в Южной Маньчжурии, а именно получила в аренду Порт-Артур и Талиенван. В январе 1897 года, под предлогом того, что туземцы в провинции Шантун убили немецких миссионеров, германское правительство отправило военные суда в бухту Киао-Чао и приказало оккупировать эту бухту, а затем в марте следующего года заручилось согласием китайского правительства на аренду вышеназванной бухты.

Около этого же времени Россия заняла Порт-Артур. 27 марта русским поверенным в делах в Пекине Александром Ивановичем Павловым, с одной стороны, и великим советником Ли Хун-Чаном и товарищем министра финансов Чжан-инь-хэном — с другой, был подписан секретный договор из 9 пунктов, по которому Порт-Артур и Талиенван, с прилегающими к ним территориями, отдавались России в аренду на 26 лет. Этим договором России предоставлялось право содержать в границах арендованной земли войска и флот, воздвигать необходимые военные сооружения и постройки и, кроме того, предоставлялись особые права на проведение железнодорожной линии от магистрали Восточно-Китайской железной дороги прямо на юг к Талиенвану и соединительных веток от нее в сторону Инкоу и Ялу до любого пункта на побережье.

Сначала Россия, посредством Восточно-Китайской железной дороги, достигла прямого сообщения метрополии с берегами Японского моря, теперь же сразу перескочила на юг, захватив незамерзающий порт на Ляодунском полуострове и получив права на постройку до него железной дороги. Этим вполне достигался замысел иметь непрерывный рельсовый путь из столицы империи через Харбин на восток до Владивостока и на юг до Талиенвана. Возникшие через несколько лет после того события в Северном Китае еще более способствовали укреплению России в Маньчжурии.

В 1900 году в Шантунской провинции началось восстание секты, известной под названием И-хо-туан (у нас ее называли «секта больших кулаков»), и отовсюду шли слухи о зверствах и насилиях туземцев над христианами. Движение это внезапно распространилось и, все более разрастаясь и усиливаясь, охватило также Пекин и Тяньцзинь. Тогда заинтересованные иностранные державы вызвали для самообороны военные силы. Тем временем китайские войска примкнули к бунтовщикам, еще более увеличив беспорядки. Наконец, эти волнения перешли также и в Маньчжурию — в разных местах появились боксеры, которые не только жгли церкви и убивали христиан, но местами разрушили Восточно-Китайскую железную дорогу, обстреливали Благовещенск и производили нападения на русские пароходы на реке Амур. Россия под предлогом охраны железной дороги и подавления восстания отправила в Маньчжурию войска из Сибири и Порт-Артура, и, когда восстание было подавлено, русские войска оккупировали важнейшие пункты Маньчжурии и не возвращались обратно. Между тем 14 августа международная армия вошла в Пекин и сняла осаду с иностранных миссий, после чего восстание было окончательно подавлено и порядок в стране восстановлен.

В октябре того же года представители держав на общем совещании составили предварительные условия мирного договора с Китаем, по которому все державы обязывались эвакуировать свои войска из Китая. К этому соглашению не примкнула одна только Россия. В то время главный начальник Квантунской области, вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев, заключил секретное соглашение по сему поводу с вице-королем

Чжен-цзянской провинции Цзен-Ци. Однако случайно это дело выплыло наружу и, будучи встречено с большим неодобрением прочими державами, в конце концов не получило осуществления. Тем не менее планы России по отношению к Маньчжурии не изменились. 21 февраля 1901 года российский министр иностранных дел граф Владимир Николаевич Ламздорф обратился с проектом нового договора к китайскому чрезвычайному посланнику в Петербурге Ян-цзы. Две-три иностранные державы, узнав об этом, снова противодействовали заключению этого договора, обратившись с настоятельным предупреждением к китайскому правительству и сделав запрос России, действительно ли она выступила с подобными предложениями. На этот запрос ответа не последовало, а между тем Россия настаивала на скорейшем подписании договора.

Тогда Япония обратилась к Китаю с серьезным предостережением по сему поводу, а к русскому правительству с предложением уменьшить свои требования, чтобы надолго не нарушать status quo и политического равновесия в Тихом океане. Так как и среди других иностранных держав встретилось одобрение нашему шагу, то в конце концов Россия сама взяла обратно проект своего договора. Однако, несмотря на то, что уже второй раз Россия не могла решить маньчжурский вопрос так, как она хотела, она все-таки не оставляла своих первоначальных замыслов. 7 сентября 1901 года состоялось подписание мирного договора между державами и Китаем, чем, казалось бы, ликвидировалось дело о китайских беспорядках. Тем не менее некоторое время спустя российский чрезвычайный и полномочный посланник в Пекине Павел Михайлович Лессар в третий раз открыл секретные переговоры о Маньчжурии, всеми путями стараясь добиться скорейшего подписания договора, но его усилия остались безрезультатными.

В то время Япония и Англия, ввиду общности интересов серьезно обсудив соотношение сил на Дальнем Востоке, пришли к необходимости заключения союзного договора, и 31 января 1902 года этот договор был подписан. Вслед за тем последовало объявление о дальнейшем развитии франко-русского союза, и таким образом группировка держав на Дальнем Востоке выяснилась. С этих пор обстановка переменилась. Россия,

по-видимому, серьезно призадумалась относительно маньчжурского вопроса, и, наконец, 8 апреля между русским посланником в Пекине Лессаром и представителями китайского правительства — председателем Совета Министров и министром иностранных дел Вень-Юань и Ван-вен-шао было достигнуто мирное соглашение о возвращении Маньчжурии Китаю. По этому договору Россия возвращала сюзеренные права в Маньчжурии китайскому правительству, которое должно было охранять русских подданных в Маньчжурии и их предприятия. Затем Россия должна была эвакуировать войска из Маньчжурии в 3 срока: в первый — через 6 месяцев после подписания договора, вывести войска из юго-западной части Чжен-цзянской провинции вплоть до реки Ляохэ и возвратить заречную железную дорогу; во второй срок, еще 6 месяцев спустя, эвакуировать остальную часть Чжен-цзянской провинции и Гиринскую провинцию, а в третий срок, также через 6 месяцев, эвакуировать Амурскую провинцию. Далее, Китай по-своему усмотрению мог определять численность войск в Маньчжурии и места их расположения, но обязывался сообщать о том России. Россия также обязывалась возвратить Китаю железную дорогу Шанхай-гуань—Инкоу—Синминтин.

Хотя при эвакуации первого срока Россия действовала согласно с этим новым договором, выведя свои войска из юго-западной части Чжен-цзянской провинции на 6 дней ранее срока, т. е. 2 октября 1902 г., и возвратила Китаю заречную железную дорогу, но при приближении второго срока эвакуации (8 апреля 1903 года) вдруг изменила свое намерение и не только не выполнила соответствующей статьи договора, но через своего поверенного в делах в Пекине Георгия Антоновича Плансона предъявила китайскому правительству новый проект соглашения относительно эвакуации войск. Так как этот проект затрагивал интересы держав в Маньчжурии, то Япония вместе с одной-двумя державами обратилась с серьезным предостережением к Китаю, а Соединенные Штаты особо через своего посланника в Петербурге заявили протест по поводу действий русского правительства. На это русское правительство дало заверения, что не имеет намерения приобрести особые права в Маньчжурии и нисколько не препятствует открытию ее для международной торговли.

Между тем, несмотря на такое заявление, эвакуация войск была выполнена только в одной части Чжен-цзянской провинции, а в остальной ее части и в Гирииской провинции войска оставались по-прежнему. Такое положение вещей заставило державы сомневаться в исполнении Россией своих обязательств, и с этого времени между Россией и Японией начались непосредственные переговоры по этому поводу.

Б. Отношения России и Японии к Корее

Дружественные сношения между Японией и Кореей поистине начались с давних пор. Хотя по временам и случались неизбежные разногласия, но доброжелательные отношения между двумя такими близкими соседями неизменно продолжались. Еще 26 февраля 1876 года Япония первую из иностранных держав, признавших независимость Кореи, заключила с нею торговый трактат. Хотя Япония, не жалея сил, помогала развитию этой страны, все-таки находились люди, которые ложно истолковывали наши намерения, и вследствие этого в Корее два раза возникали беспорядки — в 1882 году (эпоха Дзинго) и в 1884 г. (эпоха Косин). Китай с самого начала противодействовал нашему влиянию и насильственно проводил политику суверенитета над Кореей. Наконец, в 1894 году, ввиду того что Китай принял произвольные меры в Корее, Японии пришлось обратиться к оружию для поддержания независимости дружественной страны и сохранения в неприкосновенности ее владений.

Еще в 1 году Бан-ен (1860 г.) Россия по Пекинскому договору получила от Китая земли, лежащие по правую сторону Уссури и граничившие на юг с Кореей рекою Тюмьнь-ула. В 1884 году секретарь русской миссии в Пекине Вебер был назначен полномочным комиссаром в Корее для заключения торгового договора с этой страной. Впоследствии Вебер сделался посланником и генеральным консулом в Сеуле. Заручившись симпатиями корейцев, в 1888 г. Вебер заключил новое соглашение о сухопутной торговле. Этим договором пограничный город Кион-Хеун назначался меновым пунктом, для проезда русских купцов были открыты дороги в провинции Кьян-ян-до (Северо-Восточная Корея) и приобретались разные другие важные права.

Так как после войны 1894–1895 гг. проводимые под нашим руководством реформы в Корее встречали противодействие со стороны некоторой части населения, то г. Вебер, пользуясь этим обстоятельством и завязав тайные сношения с одной придворной партией, натравливал одну партию на другую. В разгар последовавших затем беспорядков в 1895 году была убита корейская императрица. Вслед за тем в январе следующего года возникли волнения в провинции Кьян-ян-до и Шун-сен. В то время как из Сеула были высланы туда войска для подавления беспорядков, русские войска неожиданно вошли в Сеул. 11 февраля король бежал из дворца и укрылся в русской миссии. Первый министр Ким-о-сю был убит, и образовался кабинет противной партии. Влияние России вдруг возросло. Тогда японскому посланнику и полномочному министру в Сеуле Камура Дзютаро было предписано войти в переговоры с Вебером. 14 мая того же года состоялось соглашение, по которому король должен был вернуться во дворец, назначались новые министры и определялась численность японских и русских охранных отрядов в Корее.

Затем, в бытность свою чрезвычайным послом на коронации императора Николая II, генерал маркиз Ямагата Аритомо 9 июня имел в Москве с русским министром иностранных дел князем Лобановым-Ростовским совещание, на котором оба правительства пришли к соглашению по вопросам финансов, военных сил, полиции и телеграфов в Корее.

С тех пор влияние России в Корее значительно упало, но Россия, направив тогда все свое внимание и силу на вновь занятые Порт-Артур и Галиенван, по-видимому, была склонна уступить первенствующее положение в Корее Японии. 25 апреля 1898 года российским чрезвычайным посланником и полномочным министром в Токио бароном Романом Романовичем Розеном и министром иностранных дел бароном Ниси Токутаро было подписано соглашение о взаимном признании независимости Кореи и невмешательстве во внутренние ее дела. Инструкторы в войсках, учителя и финансовые советники должны были быть назначаемы в Корею по взаимному осведомлению и согласию. Сверх того, Россия, признавая преобладающее значение японской торговли и промышленности в Корее, согласи-

лась этому ничем не препятствовать. Однако, когда в мае месяце следующего 1899 года корейское правительство открыло для торговли порт Мозампо, Россия немедленно выбрала наилучший участок земли и построила склады для снабжения эскадры, по-видимому желая воспользоваться этим пунктом как промежуточным портом между Владивостоком и Порт-Артуром. Однако все старания заручиться согласием на то корейского правительства не имели успеха. Также и прочие попытки получить разные привилегии не встретили согласия на то корейского правительства, и только в следующем году было дано право аренды в Ри-кю-ми-хо¹.

Таким образом, отношения между Россией и Кореей были то дружественны, то враждебны, и, хотя не было достигнуто прочного согласия, тем не менее дипломатические сношения между ними были весьма многочисленны. Наконец, Россия, пользуясь своими большими силами в Маньчжурии, перенесла свою беспокойную политику и на левый берег Ялу и таким образом стала угрожать территориальной неприкосновенности Кореи. Япония, заняв свое обычное выжидательное положение, наблюдала за событиями в Маньчжурии и Корее, которые с каждым днем все более и более обострялись, и нельзя было предвидеть, чем все это кончится; тогда по этому поводу были начаты непосредственные переговоры с Россией.

В. Переговоры между Японией и Россией по маньчжурскому и корейскому вопросам

С самого возникновения маньчжурского вопроса императорское правительство (Микадо) с доброжелательством и терпением ожидало скорейшего подписания договора между Китаем и Россией, для того чтобы эти страны шли рядом, нога в ногу, к светочу мира. Когда Россия своевременно вывела войска из Маньчжурии в первый срок, Япония поверила в добросовест-

¹ Местное название острова Ross, лежащего против порта Чемульпо. На этом острове в 1895 году были выстроены японские военные склады и магазины парходной компании Ниппон-Юдзон-Кайса, чем и объясняется противодействие Японии арендованию этого острова Россией. — *Примеч. ред.* (Здесь и далее по тексту, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. ред.)

ные намерения России и вместе с другими державами полага- ла, что и эвакуация второго срока будет исполнена. Но до наступления этого срока Россия внезапно предъявила новые требования и не только не исполняла своего обязательства, но приняла еще новые козьи на Ялу. Смотри на это, державы не могли не сомневаться, действительно ли Россия желает сохранения мира.

Япония, глубоко задумываясь о своей будущности и политическом положении на берегах Тихого океана, видя печальные последствия, к которым может привести прежнее ее соглашение с Россией (1898 года), и желая исключить причины раздора и обеспечить долгий мир между обеими странами, решила выработать новые условия соглашения. 28 июля 1903 года министр иностранных дел барон Камура Дзютаро поручил чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Петербурге Курино Синичиро заявить о том русскому правительству и получить согласие на открытие переговоров. По получении этого согласия императорское правительство 12 августа передало основания своего предложения, а именно:

«1. Обе договаривающиеся стороны обязуются уважать независимость и нераздельность Китая и Кореи и соблюдать принцип равноправия международной торговли в этих странах.

2. Россия признает преобладающие интересы Японии в Корее, а Япония признает особые интересы России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии. Вместе с тем, согласно статьям этого договора, для охраны своих интересов: Япония — в Корее, а Россия — в Маньчжурии могут принимать необходимые для того меры.

3. Обе стороны обязуются в границах, не противоречащих статье 1 договора, признавать и не препятствовать развитию торговых и промышленных интересов обеих стран: России — в Корее, а Японии — в Маньчжурии. Кроме того, Россия обязуется не препятствовать продолжению корейских железных дорог до соединения с Южно-Маньчжурскою ветвью Восточно-Китайской железной дороги.

4. Во время охранения интересов, изложенных в статье 2 этого договора, и с целью усмирения могущих возникать в сказанных странах волнений и беспорядков, по мере надобности

могут быть посылаемы войска из Японии в Корею и из России в Маньчжурию, но численность этих войск ни в каком случае не должна превосходить действительной надобности и по окончании возложенных на них поручений войска должны быть немедленно возвращены.

5. Россия признает исключительное право Японии путем советов и помощи (включая сюда и военную) проводить реформы и устройство управления в Корее.

6. Этот договор вполне заменяет заключенный ранее между Японией и Россией трактат о Корее¹.

Не давая никакого ответа на наше предложение, Россия вдруг 23 августа заявила о желании перенести место переговоров в Токио. С этого момента наступила кипучая деятельность в политике Дальнего Востока.

Российский император для объединения власти и во избежание задержек в управлении учредил наместничество Дальнего Востока в Порт-Артуре, назначив на эту должность главного начальника Квантунской области адмирала Алексева. Наместнику были даны высшие полномочия по гражданской и военной части на всей подведомственной ему территории Дальнего Востока и, кроме того, были поручены дипломатические сношения, касающиеся соседних стран. Вследствие этого дальневосточный вопрос перешел во вновь учрежденное наместничество и все распоряжения проходили через наместника.

По-видимому, предложение переменить место переговоров находилось в связи с учреждением наместничества. Но так как предложение императорского правительства (Микадо) имело в виду определить принципиальные основания отношений обоих государств к Маньчжурии и Корее, то не было ни малейшей надобности в осведомлении о местных условиях и все вопросы могли решаться центральным русским правительством непосредственно. Сверх того, самый ход переговоров ускорился бы, если бы переговоры велись в русской столице. Несмотря на то что эти соображения неоднократно выставлялись (Японией) перед русским правительством с просьбой изменить свое решение, Россия не соглашалась. С другой стороны, наше предложение взять за основание для переговоров наш проект и русский

¹ Трактат 1898 года.

контрпроект не встретило сочувствия в Петербурге. Полагая невыгодным откладывать дело далее, императорское правительство 9 сентября выразило согласие перенести место переговоров в Токио и просило ответа на свое предложение. 22 сентября посланник в Токио барон Розен имел совещание по этому поводу с наместником в Порт-Артуре, и наконец 3 октября было получено русское контрпредложение, которое гласило следующее:

«1. Обе стороны обязуются уважать независимость и неприкосновенность Кореи.

2. Россия обязуется признавать преобладающие интересы Японии в Корее, в пределах, не противоречащих статье 1 договора, и признает за Японией право способствовать в формах корейскому правительству советом и помощью.

3. Россия обязуется не противодействовать развитию торговых и промышленных предприятий Японии в Корее, в границах, не противоречащих статье 1 договора, а также тем общим мероприятиям, которые пришлось бы предпринять для охраны вышеназванных предприятий.

4. Россия признает за Японией право в вышеозначенных случаях посылать в Корею войска по уведомлении о том России, понимая под этим, что численность войск не превысит действительной надобности и что войска, по исполнении возложенных на них поручений, должны быть возвращены.

5. Обе стороны обязуются не пользоваться ни одной частью корейской территории для военных целей и не возводить на корейском побережье военных сооружений, могущих препятствовать свободе плавания через Корейский пролив.

6. Часть корейской территории, лежащая к северу от 39-й параллели северной широты, признается нейтральной, и сюда обе договаривающиеся стороны обязуются не вводить войск.

7. Япония признает Маньчжурию и ее побережье совершенно вне сферы ее интересов.

8. Этот договор заменяет все прежние договоры, заключенные между Россией и Японией относительно Кореи».

В последовавших затем совещаниях между министром иностранных дел бароном Камура и русским посланником бароном Розеном хотя и было достигнуто соглашение по некото-

рым пунктам, но коренное разногласие в принципах оставалось по-прежнему. Императорское правительство, видя в оттягивании переговоров все увеличивающуюся опасность, 30 октября, сделав некоторые поправки в своем первоначальном предложении, вновь внесло его на обсуждение России.

В этом новом предложении Япония, как и раньше, выставила принципы взаимного уважения независимости и территориальной неприкосновенности Китая и Кореи. Со стороны России требовалось обязательство признавать за Японией преобладающие интересы в Корее и право давать советы и оказывать помощь корейскому правительству во внутреннем управлении страной, а также не препятствовать развитию торговой и промышленной деятельности Японии в Корее и проведению тех мер, которые она считала бы нужным предпринять для защиты своих интересов. Далее требовалось признание Россией права Японии посылать в Корею войска для вышеозначенных целей или с целью подавления беспорядков и волнений, могущих вызвать международные осложнения. Со своей стороны, в соответствии с русским предложением были сделаны следующие поправки: Япония обязуется не предпринимать никаких военных сооружений на побережье Кореи, могущих стеснить свободу плаванья Корейским проливом; взаимное обязательство учредить на границе Маньчжурии и Кореи нейтральную полосу шириною в 50 километров с каждой стороны, на которую без взаимного согласия ни одна из сторон не должна вводить войск. Далее Япония соглашалась признать Маньчжурию вне сферы своих особых интересов, с тем чтобы Россия признала Корею вне сферы ее интересов. Япония признавала также особые интересы России в Маньчжурии и право России принимать необходимые меры для защиты этих интересов. Сверх того, Япония обязывалась признавать полученные по договорам с Кореей и Россией права свободы торговли и проживания в стране, но и Россия обязывалась не препятствовать таким же правам и привилегиям, которые Япония получила по договорам с Китаем в Маньчжурии. И наконец, требовалось взаимное обязательство не препятствовать соединению корейских и восточно-китайских железных дорог, в том случае, если бы в будущем эти дороги были продолжены до Ялу.

Однако Россия медлила с ответом на наше новое предложение. Посланник Куррино два-три раза спрашивал об ответе, и только 11 декабря мы получили русское исправленное контрпредложение. По-прежнему оно ограничивалось только статьями относительно Кореи. Признавать свободную посылку наших войск в Корею Россия не соглашалась. Нейтральная зона по-прежнему выставлялась к северу от 39° северной широты. Наше принципиальное предложение о Маньчжурии, которое мы считали особенно важным, было совершенно замолчено, и, таким образом, добрая половина нашего предложения не была принята во внимание.

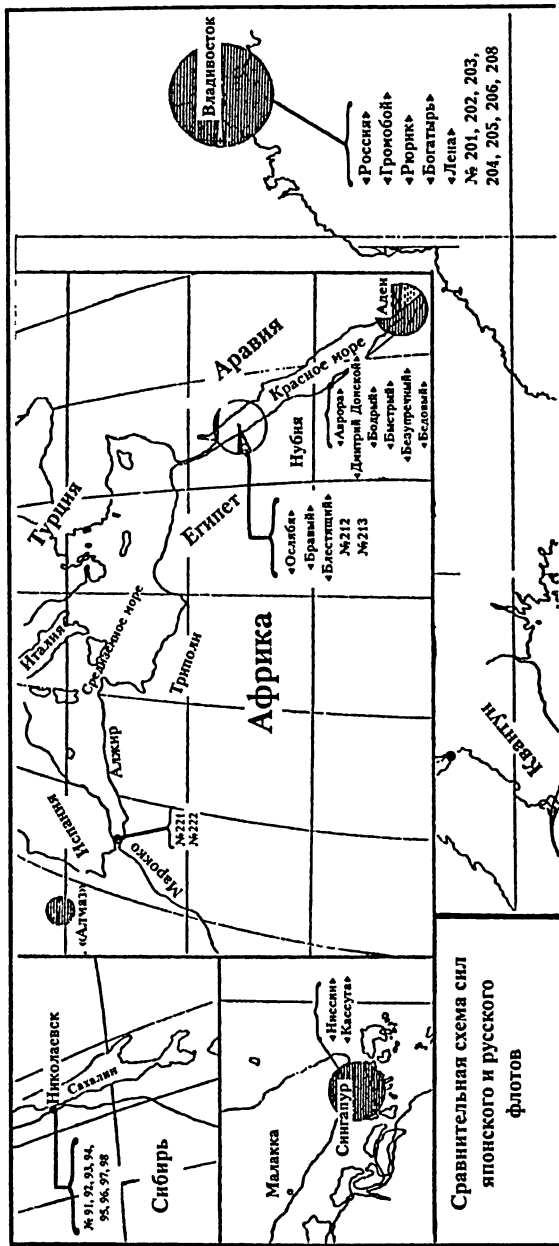
На это Япония выставила возражения, что так как интересы обеих стран распространены на всей территории Дальнего Востока, то она считает существенно необходимым вести переговоры также и о Маньчжурии, а также настаивает на полной свободе пользования корейской территорией, без ограничения словами «с военными целями». Что касается нейтральной зоны, то если Россия не соглашается принять таковую и для Маньчжурии, то предлагалось лучше совершенно исключить эту статью.

В своем ответе от 6 января 1904 года Россия твердо стояла на своей прежней точке зрения относительно Кореи, но в том случае, если бы Япония согласилась на эту комбинацию, Россия соглашалась признавать полученные по договорам с Китаем, Японией и прочими державами права и привилегии в Маньчжурии. На это Япония возразила, что так как Россия не упомянула о признании безусловных суверенных прав Китая на Маньчжурию, то заверения России о признании договорных прав и преимуществ Японии и других держав в Маньчжурии не имеют практического значения. Выставив вновь эти соображения русскому правительству 13 января 1904 года, Япония просила обсудить это предложение и не замедлить с ответом. Однако до 31 января Россия даже не назначила дня своего ответа.

С 12 августа 1903 года, когда Япония выступила со своим предложением к русскому правительству, и до сих пор Япония терпеливо старалась привести дело к мирному соглашению. Но Россия, затягивая переговоры, в то же время вела значительные военные приготовления. Сопоставляя таковые с ходом переговоров, нетрудно было угадать их истинное значение. По-

Карта распределения судов Соединенного флота, местонахождения крейсеров «Кассута» и «Ниссин» и расположение русской эскадры в Тихом океане и судов, идущих в Тихий океан к 5 февраля 37 г. Мейдзи (1904) (23 января)

Составлена Морским Генеральным штабом в Токио

Сравнительная схема сил японского и русского флотов

этому императорское правительство потеряло надежду решить дело путем дипломатических сношений. 5 февраля министр иностранных дел барон Комура отправил депешу в Петербург посланнику г. Курино с извещением, что императорское правительство окончательно прерывает переговоры и считает себя свободным принять произвольные меры для самозащиты и охраны своих интересов и что о том следует сообщить русскому правительству. Согласно этому приказанию посланник Курино на следующий день, 6 февраля, передал вышеозначенный текст русскому правительству и затем сам с составом миссии и прикомандированными студентами выехал из Петербурга. Таким образом, переговоры, длившиеся более полугода, кончились ничем. С этих пор произошел полный разрыв сношений между обеими странами.

Статья 2. Начало военных действий

Переговоры о Маньчжурии и Корее, к несчастью, не привели к желаемым результатам, и потому, потеряв надежду на мирное соглашение, Япония была принуждена прекратить дипломатические сношения. Ввиду сего 5 февраля был издан нижеследующий императорский указ армии и флоту, в котором повелевалось во имя независимости и самообороны поддержать славу империи:

«Так как мир на Дальнем Востоке составляет счастье и радость Нашего сердца, то Мы приказали Императорскому правительству с прошлого года вступить в переговоры с Россией по поводу известных вопросов о Маньчжурии и Корее. Однако Мы пришли к убеждению, что русское правительство не имеет искреннего желания мира. Целость территории Китая и Кореи имеет тесную связь с независимостью и существованием Японии. Посему Мы приказали прервать переговоры с Россией, оставив за собою свободу действий во имя нашей независимости и существования.

Мы искренне надеемся, что, благодаря верности и доблести наших подданных, цель Наша будет достигнута и вместе с этим поддержана слава Империи».

По издании этого указа морской министр барон Ямамото Гомбей, начальник Морского Генерального штаба виконт Ито Сакенори и все главные командиры портов и начальники поднесли ответный адрес императору, в котором выражали готовность, не жалея живота своего, исполнить свой долг перед отечеством и волю императора.

Наш Соединенный флот, согласно принятому плану уничтожить русскую Тихоокеанскую эскадру и овладеть морем, 6 февраля вышел в море и пошел к Порт-Артуру и Чемульпо, чтобы померяться силами с неприятелем.

10 февраля был обнародован императорский эдикт об объявлении войны России:

«Милостью Неба, Мы, Император Японии, потомок династии, занимающей трон с незапамятных времен, объявляем всем Нашим верным и храбрым подданным, что:

Мы объявляем войну России и повелеваем Нашей армии и флоту начать военные действия против этого государства с полным рвением, и также повелеваем подлежащим властям приложить все силы к исполнению их обязанностей, чтобы стремиться к достижению национальной цели всеми средствами, которые признаются законами наций.

Мы всегда считали существенным и руководствовались целью способствовать мирному прогрессу Нашей Империи на пути цивилизации, укреплять дружественные отношения с другими государствами и достигнуть такого положения вещей, которое позволило бы иметь продолжительный мир на Дальнем Востоке и обеспечивало бы будущую безопасность наших владений, без нарушения прав и интересов других наций. Наши подлежащие власти исполняли свои обязанности согласно этой Нашей воле, так что дружественные отношения с иностранными государствами становились еще теснее. Таким образом, совершенно против наших ожиданий, Мы, к несчастью, принуждены были начать военные действия против России.

Нераздельность Кореи является для Нашей Империи существенно необходимой, не только ввиду наших традиционных отношений к этой стране, но и потому, что независимое существование Кореи важно для безопасности Нашей Империи. Россия, несмотря на свои торжественные договорные

обязательства по отношению к Китаю и неоднократные заверения перед прочими державами, все еще занимает Маньчжурию и укрепляет свои силы в этой провинции, стремясь к окончательному ее присоединению. С поглощением Россией Маньчжурии станет невозможным поддерживать территориальную неприкосновенность Кореи, и потому пропадет всякая надежда сохранить прочный мир на Дальнем Востоке. Мы полагали решить вопрос посредством дипломатических переговоров и тем сохранить продолжительный мир. С этою целью Наши подлежащие власти обратились с предложением к России, и в течение 6 месяцев велись непрерывные сношения по сему поводу. Россия не только не отвечала на наши предложения уступкою, но своими чрезмерными затянками задерживала решение вопроса и хотя наружно говорила о желании мира, но в то же время, для осуществления своих эгоистических замыслов, вела спешные военные и морские приготовления.

Мы никак не можем допустить, чтобы Россия с самого начала имела серьезное и искреннее желание мира. Она отвергла предложения Нашего правительства. Целость Кореи находится в опасности, и существенные интересы Нашей Империи находятся под угрозой. Гарантий для будущего, которые Мы тщетно старались получить мирными переговорами, Мы можем теперь искать только обращением к оружию.

Мы выражаем Наше горячее желание, чтобы верностью и доблестью Наших подданных мир был бы скоро восстановлен и воссияла бы слава нашей Империи».

Собственноручная императорская подпись.

Императорская печать.

10 февраля 37 года Мейдзи.

Подписи:

председатель Совета Министров
и министр внутренних дел
морской министр
министр земледелия и торговли
министр финансов
министр иностранных дел
военный министр

граф Кацура Таро
барон Ямамото Гомбей
барон Киоура Кейго
барон Соне Араске
барон Камура Дзютаро
Тераучи Масатаке

министр юстиции	Хатано Иосинао
министр путей сообщения	Оура Канетаке
министр народного просвещения	Кубота Юдзуру

11 февраля в императорском дворце была учреждена главная квартира. В тот же день в дворцовых покоях (в залах Кендзо, Ко-рей-ден, Ками-доно) были исполнены богослужения с возвещением об объявлении войны. Обер-гофмаршал принц Ивакура Томосада от лица императора отправился с тою же целью в храм Исе на поклонение гробницам императоров Дзимму Ден-но (основатель династии) и Комей (отец нынешнего императора).

27 января 1904 года, по русскому стилю, российский император также обнародовал манифест об объявлении войны, который гласил следующее:

БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫИ,

Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея Северные страны Повелитель; и Государь Иверский, Карталинской и Кабардинской Земли и Области Армения; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский, и Ольденбургский и прочая, и прочая и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

В заботах о сохранении дорогого Нашему сердцу мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия

на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже последних ответных предложений правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россией.

Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии.

Объявляя о таковом решении Нашем, мы с непоколебимою верою в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с Нами на защиту Отечества призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота.

Дан в Санкт-Петербурге в двадцать седьмой день Января, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, Царствования же Нашего в десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

После объявления войны обеими странами Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Северной Америки, Великобритания, Италия, Дания, Голландия, Франция, Сиам, Германия, Бразилия, Мексика, Австро-Венгрия, Швейцария, Аргентина, Португалия и прочие договорные государства одно за другим объявили нейтралитет. Китай также объявил о соблюдении им строгого нейтралитета вне пределов территории, занятой Россией.

**Военные действия
против русской эскадры
в Порт-Артуре**

Глава I

Деятельность японского и русского флотов перед открытием военных действий

Статья 1. Плавание Постоянной эскадры и формирование Соединенного флота

После войны 1894–1895 гг. наши морские власти, тщательно взвешивая современное международное положение Японии и, в особенности, будущую политическую обстановку на Дальнем Востоке, с особым вниманием выработали планы увеличения морских сил и в то же время энергично принялись за подготовку и обучение личного состава. В 1895 г. была составлена первая программа усиления флота, а в 1896 г. — вторая программа. По получении одобрения парламента было приступлено к постройке судов. Однако и русское правительство горячо принялось за увеличение своих морских сил. По готовности всех строившихся судов той и другой стороны нашим 260 000 тонна русских Тихоокеанский и Балтийский фло-

ты (кроме них Россия обладает Черноморским и Каспийским флотом) могли противопоставить 510 000 тонн. Получив сперва в аренду Порт-Артур и Талиенван и права на постройку железных дорог в Маньчжурии, Россия воспользовалась затем боксерским восстанием, чтобы оккупировать Маньчжурию. Под давлением прочих держав заключив договор об эвакуации Маньчжурии, Россия тем не менее ждала лишь удобного случая, чтобы освободиться от этого договора.

Около этого времени наши суда почти все уже были готовы. В первых числах апреля 1903 года были произведены большие маневры в водах Кюсю, после чего Постоянная эскадра разделилась на две части. Главный отряд под командой начальника эскадры вице-адмирала Хидака Сонодзо в составе броненосцев «Сикисима», «Ясима» (этот броненосец был выделен на некоторое время) и крейсеров «Идзумо», «Токива», обойдя кругом острова Ниппон, вернулся в Сасебо 28 августа. Второй отряд под командой контр-адмирала Идзуин Горо из крейсеров «Читосе» и «Иосино», совершив отдельное плавание, также прибыл в Сасебо 4 сентября.

К концу ноября броненосцы «Асахи», «Микаса», «Хацусе», «Фудзи», крейсера «Якумо», «Ивате», «Асама», «Адзума», «Такасаго», «Кассаги», «Сума», «Акаси», авизо «Чихая», «Тацута» и все отряды истребителей постепенно были зачислены в Постоянную эскадру, а почти все прочие суда вышли из резерва и вступили на действительную службу. Вместо вице-адмирала Хидака начальником постоянной эскадры был назначен вице-адмирал Того Хейхачиро, а также состоялись перемещения младших флагманов, командиров и офицеров. За это время эскадра часто выходила из гавани, занимаясь в полном составе разными учениями и маневрированием. В конце декабря Постоянная эскадра была расформирована и вместо нее образованы три эскадры — Первая, Вторая и Третья, составлявшие вместе Соединенный флот. Вместе с тем состоялись назначения начальствующих лиц: в Первую эскадру — начальником вице-адмирал Того Хейхачиро, младшими флагманами контр-адмиралы Дева Сигенори и Насиба Токиоки; во Вторую эскадру — начальником вице-адмирал Камимура Хиконадзо, младшими флагманами контр-адмиралы Уриу Сотокичи и Мису

Сотаро. Начальнику 1-й эскадры вице-адмиралу Того была предоставлено общее руководство флотом с назначением его командующим Соединенным флотом. Заведовавший подготовлением к войне в порте Сасебо вице-адмирал Катаока Сичиро был назначен начальником Третьей эскадры, а контр-адмиралы Того Масамичи и Хосоя Сукеудзи — младшими флагманами. Эта эскадра получила приказание находиться в Куре и Такесики в ожидании дальнейших приказаний.

Состав Соединенного флота и Третьей эскадры был следующим:

Соединенный флот

Первая эскадра

Начальник эскадры (командующий Соед. флотом)	вице-адмирал Того Хейхачиро (флаг на «Микаса»)
Начальник штаба	капитан 1 ранга Симamura Хаяо
Чины штаба:	капитан 2 ранга Арима Риокичи капитан-лейтенант Акияма Синси лейтенант Мацумура Кикую
Адъютант	капитан-лейтенант Нагата Тайдзиро
Флагманский механик	механик-инспектор Ямамото Ясудзиро
Младший флагман	контр-адмирал Насиба Токиоки (флаг на «Хацусе»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Цукамото Дзэнгоро лейтенант Сайто Сичигоро
Младший флагман	контр-адмирал Дева Сигенори
Чины штаба:	капитан-лейтенант Ямадзи Кацуиоиси лейтенант Такеноучи Сигетоси

Первый боевой отряд

Броненосец «Микаса»	15 140 тонн	18 узлов	капитан 1 ранга	Идзичи Хикодзиро
« Асахи»	15 200	« 18	«	Ямада Хикохачи
« Фудзи»	13 535	« 18,25	«	Мацумото Канау
« Ясима»	12 320	« 18,25	«	Сакамото Хадзиме
« Сикисима»	14 850	« 18	«	Терагаки Идзо
« Хацусе»	15 000	« 18	«	Накао Ю

Третий боевой отряд

Крейсер «Читосе»	4760 тонн	22,5 узла	капитан 1 ранга	Такаги Сукеичи
« Такасаго»	4150	« 22	«	Исибаси Хадзиме
« Кассаги»	4900	« 22,5	«	Идэ Ринкоку
« Иосино»	4150	« 22,5	«	Саеки Кураси
Авизо «Тацута»	866	« 21	«	Камае Тадамичи

Первый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 1 ранга Асай Сейдзиро

«Сиракумо»	321 тонна	31 узел	капитан-лейтенант	Хадзама Коота
«Асасиво»	321 «	31 «	«	Мацунага Мичинори
«Касуми»	363 «	31 «	«	Осима Масатаге
«Акацуки»	363 «	31 «	лейтенант	Суэцуги Наодзиро

Второй отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Исиды Ичиро

«Икадзучи»	305 тонн	31 узел	лейтенант	Мимура Киндзабуро
«Оборо»	«	«	«	Такемура Ханго
«Инадзума»	«	«	капитан-лейтенант	Синовара Рисицу
«Акебоно»	«	«	«	Куцуми Ясао

Третий отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Цучия Микикане

«Усугомо»	274 тонн	31 узел	капитан-лейтенант	Ояма Иноске
«Синономе»	274 «	31 «	лейтенант	Исида Мооси
«Сазанами»	305 «	31 «	капитан-лейтенант	Кондо Цунемацу

Первый отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Секи Сигетака

Миноносец № 69	89 тонн	23,5 узла	капитан-лейтенант	Секи Сигетака
« № 67	89 «	23,5 «	мичман	Тайра Мао
« № 68	89 «	23,5 «	лейтенант	Вада Хакуай
« № 70	89 «	23,5 «	«	Миримото Иосихиро

Четырнадцатый отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Сакураи Иосимару

«Чидори»	152 тонны	29 узлов	капитан-лейтенант	Сакураи Иосимару
«Хаябуса»	152 «	29 «	лейтенант	Кувасима Шодзо
«Монадзуру»	152 «	29 «	«	Иэда Энтаро
«Касасаги»	152 «	29 «	«	Иосикава Ясихиро

Вторая эскадра

Начальник эскадры

вице-адмирал Камимура Хиконадзо
(флаг на «Идзумо»)

Начальник штаба

капитан 1 ранга Като Томосабуро

Чины штаба:	капитан 2 ранга Сато Тецутаро капитан-лейтенант Сисомура Энтаро лейтенант Ямамото Ейске
Адъютант	капитан-лейтенант Фунакоси Кадзисиро
Флагманский механик	механик-инспектор Ямадзаки Цуруноске
Младший флагман	контр-адмирал Мису Сотаро (флаг на «Ивате»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Мацуи Кенкичи лейтенант Иэда Хисацуне
Младший флагман	контр-адмирал Уриу Сотокичи (флаг на «Нанива»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Морияма Кейдзабуро лейтенант Танигучи Шосин

Второй боевой отряд

Крейсер «Идзумо»	9733 тонны	20,75 узла	капитан 1 ранга	Идзичи Кисин
«Адзумо»	9326 «	20 «	«	Фудзии Коичи
«Асама»	9700 «	20,5 «	«	Ясиро Рокуро
«Якумо»	9695 «	20 «	«	Мацучи Аринобу
«Токива»	9700 «	21,5 «	«	Иосимацу Мотаро
«Ивате»	9773 «	20,75 «	«	Такетоми Хотей

Четвертый боевой отряд

Крейсер «Нанива»	3650 тонн	18 узлов	капитан 1 ранга	Вада Кенсукэ
«Акаси»	2755 «	19,5 «	капитан 2 ранга	Миядзи Тейсин
«Такачихо»	3650 «	18 «	капитан 1 ранга	Мори Ичибей
«Нийтака»	3366 «	20 «	капитан 2 ранга	Содзи Иосимото
Авизо «Чихая»	1238 «	21 «	«	Фукуи Сейчи

Четвертый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Нагай Гункичи				
«Хяядори»	375 тонн	27 узлов	капитан-лейтенант	Гакеночу Дзиро
«Харусаме»	375 «	27 «	«	Арима Ричусабуро
«Мурасаме»	375 «	27 «	«	Мидзаумачи Ген
«Асагири»	375 «	27 «	«	Исикава Котодзиро

Пятый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Мано Гандзиро				
«Кагеро»	247 тонн	30 узлов	капитан-лейтенант	Идэ Ацуюки
«Муракumo»	247 «	30 «	«	Мацуока Шодзо
«Югири»	247 «	30 «	«	Кагивада Сентаро
«Сирануи»	247 «	30 «	«	Нисию Юдзиро

Девятый отряд миноносцев

Начальник отряда — капитан 2 ранга Ядзима Дзюнкичи

«Аотака»	152 тонны	29 узлов	капитан 2 ранга	Ядзима Дзюнкичи
«Хато»	152 «	29 «	лейтенант	Харада Мацудзиро
«Кари»	152 «	29 «	«	Сакомото Хигекуни
«Цубане»	152 «	29 «	«	Шоно Иосио

Двадцатый отряд миноносцев

Начальник отряда — капитан-лейтенант Аракава Чуго

Миноносец № 62	109 тонн	29 узлов	капитан-лейтенант	Аракава Чуго
«	№ 63	109 «	29 « лейтенант	Накамура Сейки
«	№ 64	109 «	29 «	«
«	№ 65	109 «	29 «	«
				Тадзири Тададзи
				Мияке Дайотаро

Состоящие при эскадре суда особых назначений

«Кассуга-мару»	3819 тонн	16,6 узла	капитан 1 ранга	Арикава Тейхаку
«Гонконг-мару»	6169 «	17,11 «	«	Иноуэ Тосиво
«Ниппон-мару»	6168 «	17,53 «	«	Кадзукава Риокичи
Канонерская лодка				
«Осима-мару»	620 «	12 «	капитан 2 ранга	Хиросе Кацухико
Канонерская лодка				
«Акаги»	612 «	10,25 «	«	Фудзимото Хидехиро
«Дайчу-мару»	3319 «	16 «	«	Мацумура Наоми
«Дайнин-мару»	3311 «	16 «	«	Такахаси Сейчиро
«Никко-мару»	5823 «	17,76 «	«	Кимура Кокичи
«Миике-мару»	3364 «	11,5 «	наблюдающий капитан-лейтенант	Кумииоси Кацусабуро
«Кобе-мару»	2877 «	14 «	капитан-лейтенант	Санноке Иодзиро
«Киншю-мару»	3853 «	14,38 «	«	Мизогучи Такегоро
«Коото-мару»	3182 «	11,5 «	«	Сата Наомичи
«Ямагучи-мару»	3320 «	12,5 «	мичман	Акияма Ионекичи
«Фукуока-мару»	2744 «	12 «	«	Аванака Сейкай
«Дзинсен-мару»	1445 «	11 «	«	Торисаки Ясидзо
«Таро-мару»	3117 «	12 «	«	Окада Сейдзиро
«Хикозан-мару»	3722 «	12,2 «	«	Сонода Хандзиро

Третья эскадра

Начальник эскадры

вице-адмирал Катаока Сичиро (флаг на «Ицкусима»)

Начальник штаба

капитан 1 ранга Накамура Сидзюка

Чины штаба:

капитан 2 ранга Ивамура Данзиро

капитан-лейтенант Мацумото Наокичи

лейтенант Иокояма Цугоо

Адъютант	капитан-лейтенант Такасахи Юичи
Флагманский механик	механик-инспектор Сайто Тосимаса
Младший флагман	контр-адмирал Того Масамичи (флаг на «Идзуми»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Иосида Сейфу
	лейтенант Нодзаки Кодзюро
Младший флагман	контр-адмирал Хосоя Сукеудзи
Чины штаба:	лейтенант Ниси Тейзо

Пятый боевой отряд

Крейсер «Ицукусима»	4210 тонн	16 узлов	капитан 1 ранга	Нарита Кацуро
Броненосец «Чин-Иен»	7670 «	14,5 «	«	Иман Канемаса
Крейсер «Хасидате»	4210 «	16 «	«	Като Садакачи
« «Мацусима»	«	«	«	Кавасима Рейдзиро

Шестой боевой отряд

Крейсер «Идзуми»	2987 тонн	17 узлов	капитан 2 ранга	Икеанакэ Кодзиро
« «Суми»	2657 «	20 «	капитан 1 ранга	Цучия Тамоцу
« «Акицусу»	3159 «	19 «	капитан 2 ранга	Ямайя Танин
« «Чиода»	2450 «	19 «	капитан 1 ранга	Мураками Кауичи

Седьмой боевой отряд

Броненосец «Фусо»	3783 тонн	13 узлов	капитан 2 ранга	Окуномия Мамору
Канонерская лодка «Хией»	2150 «	10,5 «	«	Асаба Киндзабуро
Судно береговой обороны «Каймон»	1350 «	12 «	«	Такахаси Моримичи
Канонерская лодка «Иваки»	656 «	10 «	«	Саеки Танесадэ
Канонерская лодка «Чиокай»	612 «	10,5 «	«	Ямадзуми Тародзо
Канонерская лодка «Атаго»	612 «	10,5 «	«	Кубота Хикеичи
Канонерская лодка «Сайен»	2159 «	15 «	«	Тадзима Коретака
Канонерская лодка «Цукуба»	1350 «	16 «	«	Нисияма Ясукичи
Канонерская лодка «Майя»	612 «	10,5 «	«	Накагава Сигемицу
Канонерская лодка «Удзи»	610 «	13 «	капитан-лейтенант Канеко Манки	
Аviso «Мияко»	1771 «	20 «	капитан 2 ранга	Точинай Содзиро

Десятый отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Отаки Мицуске

Миноносец	№ 43	109 тонн	27 узлов	капитан-лейтенант	Отаки Мицуске
«	№ 42	109 «	27 «	лейтенант	Накабори Хикокичи
«	№ 40	109 «	27 «	«	Ямасита Масатаке
«	№ 41	109 «	27 «	«	Мидзуно Котокү

Одиннадцатый отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Такебе Кисиро

Миноносец	№ 73	85 тонн	23,5 узла	капитан-лейтенант	Такебе Кисиро
«	№ 72	85 «	23,5 «	лейтенант	Ямагучи Деничи
«	№ 74	85 «	23,5 «	«	Ота Гентацу
«	№ 75	85 «	23,5 «	«	Игучи Дайдзиро

Шестнадцатый отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Бакабаяси Кин

«Сиротака»		126 тонн	28 узлов	капитан-лейтенант	Бакабаяси Кин
Миноносец	№ 71	89 «	23,5 «	лейтенант	Отаки Косиро
«	№ 39	109 «	27 «	«	Иоково Гитацу
«	№ 66	109 «	27 «	«	Цунодо Кандзо

Состоящие при эскадре суда особого назначения

«Тоихоаси»	4055 тонн	12,5 узла		капитан 1 ранга	Нива Норитада
«Ариаке»	2987 «	12 «		лейтенант	Мидзуно Шюсин

Статья 2. Деятельность русского флота в Тихом океане

Ко времени второго срока эвакуации Маньчжурии, т. е. к апрелю месяцу 1903 г., русская эскадра Тихого океана находилась под командой начальника эскадры вице-адмирала Оскара Викторовича Старка и младших флагманов контр-адмиралов князя Павла Петровича Ухтомского и барона Эвальда Антоновича Штакельберга и состояла из 4 броненосцев («Пересвет», «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь»), 3 броненосных крейсеров («Громобой», «Россия», «Рюрик»), 5 крейсеров («Варяг», «Аскольд», «Новик», «Разбойник», «Забияка»), 9 кано-

нерских лодок («Всадник», «Гайдамак», «Гремящий», «Отважный», «Мандчжур», «Кореец», «Гиляк», «Бобр», «Сивуч»), 2 минных заградителей («Амур», «Енисей») и 11 эскадренных миноносцев («Боевой», «Беспощадный», «Бесстрашный», «Бесшумный», «Лейтенант Бураков», «Решительный», «Бдительный», «Сердитый», «Сторожевой», «Стерегающий», «Смелый»), с общим водоизмещением всех судов более 117 700 тонн. Кроме того, в это время находились на пути в Тихий океан из России 2 броненосца («Ретвизан», «Победа»), 5 крейсеров («Богатырь», «Паллада», «Боярин», «Джигит», «Диана»), 7 эскадренных миноносцев («Бойкий», «Внимательный», «Внушительный», «Выносливый», «Грозовой», «Властный», «Бурный»), всего водоизмещением около 52 600 тонн. С середины мая все суда, находившиеся в Тихом океане, были собраны в Порт-Артур и всем флотом были произведены большие маневры в Желтом море. В крепости Владивосток в то же время производилась боевая стрельба из орудий. В конце апреля военный министр, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин приехал из Петербурга во Владивосток, где произвел смотр войскам и крепости. Вслед за тем, совершив поездку по Японии, он отправился в Порт-Артур, куда прибыл 17 (30) июня. Здесь он также осматривал положение оборонительных сооружений и присутствовал на маневрах сухопутных войск и совершал поездки на судах флота. С 25 июня (8 июля) в Артуре открылись особые совещания по военным вопросам, которые длились несколько дней, и наконец 5 (18) июля генерал Куропаткин выехал обратно. За это время «Ретвизан» и прочие 14 судов прибыли из России и присоединились к эскадре. В начале июля контр-адмирал Штакельберг с 3 крейсерами, «Громобой», «Россия» и «Богатырь», прибыл во Владивосток для ремонта и ввода в док судов. 22 июля (4 августа) вице-адмирал Старк с 6 броненосцами также прибыл во Владивосток. Прочие суда за это время плавали в разных местах. Во Владивостоке все суда не только были введены в док, но и постоянно занимались различными учениями в Амурском заливе. 30 июля (12 августа) во Владивосток прибыл вновь назначенный наместником адмирал Алексеев, который также произвел осмотр различных сооружений в этом порту. По возвра-

щении его в Порт-Артур предполагалось вторично устроить большие маневры.

Во главе с броненосцами эскадра из 13 судов 10 (23) сентября, сопровождаемая восторженными криками жителей города, вышла из Владивостока. Пройдя Корейский пролив, эскадра занималась маневрированием и направилась в Порт-Артур. В середине сентября в этом порту также производилась боевая стрельба крепости, а находившиеся там суда были посланы в Талиенван для совместных учений. Они вернулись в Порт-Артур вместе с пришедшей из Владивостока эскадрой 17 сентября (1 октября).

По окончании маневров главная эскадра перекрасилась в боевой цвет. «Россия», «Рюрик» и «Богатырь» спешно пошли во Владивосток («Громобой» оставался во Владивостоке и не участвовал в маневрах); прочие же суда главной эскадры собрались в заливе Талиенван, выходя оттуда на стрельбу и эскадренное маневрирование, а ночью высылая миноносцы для несения охранной службы. В конце октября эскадре был произведен смотр наместником, и 19 октября (1 ноября) эскадра вернулась в Порт-Артур и стала на якорь на внешнем рейде. 29 октября (11 ноября) суда вошли в гавань. В декабре к эскадре присоединились прибывшие из России броненосец «Цесаревич» и крейсер «Баян». Итак, к этому времени главная сила русской эскадры состояла из 7 броненосцев, 4 броненосных крейсеров и 10 легких крейсеров. Вместе с канонерскими лодками и эскадренными миноносцами получалось в итоге более 190 000 т. Кроме того, броненосец «Ослябя», крейсер «Дмитрий Донской», «Аврора» и несколько эскадренных миноносцев находились на пути в Тихий океан. Тем временем адмирал Старк посылал каждый день суда в море на учения. Бывший в Чемульпо стационар был заменен более сильным судном. С самого начала 1904 года всюду шли спешные военные приготовления. Владивостокский отряд, каждый день при помощи ледокола разбивая окружающий лед, держал пары в котлах и был наготове к неожиданному выходу. Главная эскадра в Порт-Артуре около 3 (16) января в полном составе вошла в гавань для ремонта. 21 января (3 февраля) все суда, за исключением «Севастополя», т. е. 6 броненосцев и 6 крейсеров, вышли в крей-

сервство недалеко от Артура и, вернувшись 22 января (4 февраля) после полудня, стали на якорь по диспозиции под Золотой горой. Состав бывшей в то время в разных водах Восточной Азии русской эскадры Тихого океана был следующим:

В Порт-Артуре:

Начальник эскадры	вице-адмирал	Старк (флаг на «Петропавловске»)	
Начальник штаба	капитан 1 ранга	Эбергард	
Чины штаба:	лейтенант	Азарьев	
	«	Шереметев	
	мичман	Смирнов	
Флагманский минер	лейтенант	Денисов	
Флагманский артиллерист	«	Мякишев	
Младший флагман	контр-адмирал	князь Ухтомский	
Флаг-офицер	лейтенант	Ставраки	
Броненосец «Петропавловск»	10 960 тонн	16,9 узла ¹	капитан 1 ранга Яковлев
« «Цесаревич»	12 912 «	18 «	« Григорович
« «Ретвизан»	12 902 «	18 «	« Щенсевич
« «Пересвет»	12 674 «	18 «	« Бойсман
« «Победа»	12 674 «	18 «	« Зацаренный
« «Полтава»	10 960 «	17 «	« Успенский
« «Севастополь»	10 960 «	17 «	« Чернышев
Крейсер «Баян»	7726 «	21 «	« Вирен
« «Паллада»	631 «	19,3 «	« Коссович ²
« «Диана»	6731 «	19 «	« Залесский
« «Аскольд»	5905 «	23,36 «	« Грамматчиков
« «Боярин»	3020 «	22 «	капитан 2 ранга Сарычев
« «Новик»	3080 «	22 «	« фон Эссен
« «Забияка»	1236 «	14,2 «	« Лебедев
Канонерская лодка «Гремящий»	1492 «	14,5 «	« Загорянский-Кисель
Канонерская лодка «Отважный»	1492 «	14,2 «	« Ержикович
Канонерская лодка «Гиляк»	963 «	12 «	« Алексеев
Канонерская лодка «Бобр»	950 «	11,2 «	« Бубнов
Канонерская лодка «Всадник»	400 «	20 «	« Давыдов ³

¹ Приводимые скорости судов показаны контрактные, на самом деле многие из судов во время войны уже не обладали показанной скоростью; так, например, в бою 28 июля броненосцы «Полтава» и «Севастополь» не могли дать и 14 узлов.

² 4 февраля 1904 г. сдал командование капитану 1 ранга Сарнавскому.

³ Ошибка. Капитан 2 ранга Стронский.

Минный крейсер «Гайдамак»	405 тонн	20 узлов	капитан 2 ранга	Стратанович ¹
Эскадренный миноносец «Боевой»	350 «	27 «	лейтенант	Хмелев ²
Эскадренный миноносец «Беспощадный»	350 «	27 «	«	Лукин
Эскадренный миноносец «Бесстрашный»	350 «	27 «	капитан 2 ранга	Циммерман
Эскадренный миноносец «Бесшумный»	300 «	26 «	«	Колландс
Эскадренный миноносец «Внимательный»	312 «	26 «	«	Симон
Эскадренный миноносец «Выносливый»	312 «	26 «	лейтенант	Рихтер
Эскадренный миноносец «Внушительный»	312 «	26 «	«	Подушкин
Эскадренный миноносец «Властный»	312 «	26 «	«	Карцев
Эскадренный миноносец «Решительный»	240 «	27,5 «	«	Корнильев
Эскадренный миноносец «Сердитый»	240 «	27,5 «	«	Кузьмин- Караваев ¹
Эскадренный миноносец «Бойкий»	350 «	26 «	капитан 2 ранга	Цвингман
Эскадренный миноносец «Бурный» ³	350 «	26 «	«	Погорельский
Эскадренный миноносец «Грозовой»	350 «	26 «	«	Шельтинга
Эскадренный миноносец «Смелый»	240 «	26,5 «	«	фон Шульц
Эскадренный миноносец «Сторожевой»	240 «	26,5 «	«	Киткин
Эскадренный миноносец «Стережущий»	240 «	26,5 «	лейтенант	Кузьмин- Караваев ⁴

(Следующие три миноносца были, по-видимому, закончены во время войны)

Эскадренный миноносец «Скорый»	240 «	26,5 «	«	Хоменко
Эскадренный миноносец «Разящий»	240 «	26,5 «	капитан 2 ранга	Симонов
Эскадренный миноносец «Расторопный»	240 «	26,4	«	Сакс

¹ Ошибка. Капитан 2 ранга Иванов 6-й.

² Ошибка. Капитан 2 ранга Елисеев.

³ Пропущены суда: миноносцы «Бдительный» и «Лейтенант Бураков» и госпитальное судно «Ангара».

(Следующие 4 миноносца, по-видимому, были зачислены на службу во время войны)

Эскадренный миноносец «Стройный»	240 тонн	26,5 узла	капитан 2 ранга	неизв.
Эскадренный миноносец «Сильный»	240 «	26,5 «	лейтенант	Ходорович
Эскадренный миноносец «Страшный»	240 «	26,5 «	капитан 2 ранга	Юрасовский
Эскадренный миноносец «Статный»	240 «	26,5 «	«	Кессинский
Минный тральщик «Енисей»	2652 «	18 «	«	Степанов
Минный тральщик «Амур»	2652 «	18 «	«	Бернатович

В Талиенване:

Крейсер «Разбойник»	1329 тонн	13 узлов	капитан 2 ранга	князь Ливен
« «Джигит»	1334 «	12 «	«	Назаревский

В Чемульпо:

Крейсер «Варяг»	6500 тонн	23 узла	капитан 1 ранга	Руднев
Канонерская лодка «Кореец»	1213 «	13,5 «	капитан 2 ранга	Беляев

В Инкоу:

Канонерская лодка «Сивуч»	1950 тонн	11,7 узла	капитан 2 ранга	Гинтер ¹
------------------------------	-----------	-----------	-----------------	---------------------

В Шанхае:

Канонерская лодка «Маньчжур»	1416 тонн	13,3 узла	капитан 2 ранга	Круон
---------------------------------	-----------	-----------	-----------------	-------

Во Владивостоке:

Начальник отряда – капитан 1 ранга Рейценштейн				
Крейсер «Россия»	12 195 тонн	19,4 узла	капитан 2 ранга	Арнаутов
« «Громобой»	12 359 «	20 «	«	Дабич
« «Рюрик»	10 936 «	18,8 «	«	Матусевич ²
« «Богатырь»	6675 «	23 «	«	Стемман
« «Лена»	10 675 «	19,5 «		неизвестно ³

¹ Капитан 2 ранга Стратанович, а капитан 2 ранга Гинтер 17 января назначен заведующим 2-м отрядом эскадренных миноносцев.

² Капитан 1 ранга Трусов, а капитан 1 ранга Матусевич был начальником 1-го отряда миноносцев.

³ Капитан 2 ранга Берлинский.

Миноносец	№ 201	76	тонн	17,2	узла
«	№ 202	76	«	17,2	«
«	№ 203	140	«	20,4	«
«	№ 204	140	«	19,5	«
«	№ 205	130	«	19,2	«
«	№ 206	130	«	19,2	«
«	№ 208	120	«	18,5	«
«	№ 209	120	«	18,5	«
«	№ 210	120	«	18,5	«
«	№ 211	120	«	18,5	«
Миноноска	№ 91	24			
«	№ 92	24	«		
«	№ 93	23	«		
«	№ 94	22	«		
«	№ 95	23	«		

Глава II

Выступление в поход Соединенного флота

Когда 24 января (6 февраля) 1904 года Соединенный флот получил императорский указ начать военные действия, то адмирал Того с подведомственными ему силами находился в порту Сасебо. Немедленно в 1 час ночи, собрав на флагманское судно «Микаса» всех флагманов и командиров судов, он объявил им императорский указ и прибавил следующее: «Я предполагаю теперь же со всем флотом направиться в Желтое море и атаковать суда неприятеля, стоящие в Порт-Артуре и Чемульпо. Начальник 4-го боевого отряда, контр-адмирал Уриу, со своим отрядом (с присоединением крейсера «Асама») и 9-м и 14-м отрядами миноносцев, имеет идти в Чемульпо и атаковать там неприятеля, а также охранять высадку войск в этой местности. 1, 2 и 3-й боевые отряды, вместе с отрядами истребителей, пойдут прямо к Порт-Артуру. Отряды истребителей ночью атакуют неприятельские суда, стоящие на рейде. Эскадра же предполагает атаковать неприятеля на другой день. Так как эта война поистине связана с самым существованием нашего отечества,

то усердно прошу всех чинов приложить все силы к исполнению своих обязанностей. Соединенный флот предполагает выйти в поход сегодня в 9 часов утра».

В то же время в ответ на императорский указ командующий флотом адмирал Того от лица всех своих подчиненных поднес нижеследующий всеподданнейший адрес:

«Я, Хейхачиро,

почтительно представляю:

Мы не имеем слов выразить наши чувства по поводу все-милостивейше пожалованного нам указа. Я вместе со своими подчиненными сегодня выхожу из Сасебо. Мы, не жалея живота, приложим наши ничтожные силы, чтобы оправдать высочайшую милость. Выходя в поход, я, Хейхачиро, с душевным трепетом осмеливаюсь принести свой ответ».

Настало время выхода. Младший флагман 1-й эскадры, контр-адмирал Дева с 3-м боевым отрядом, 1, 2, 3, 4 и 5-м отрядами истребителей, 9-м и 14-м отрядами миноносцев и вспомогательными судами «Кассуга-мару», «Никко-мару» и «Киншю-мару» вышел из гавани первым. За ним следовал начальник 2-й эскадры, вице-адмирал Камимура со 2-м боевым отрядом. Затем вышел командующий флотом, вице-адмирал Того с 1-м боевым отрядом и наконец, начальник 4-го боевого отряда, контр-адмирал Уриу, конвоируя военные транспорты «Дайрен-мару», «Отару-мару» и «Хейдзо-мару». До выхода из порта флота его провожали на катерах главный командир порта Сасебо, вице-адмирал Самедзима Кадзунори и прочие начальствующие лица. В этот день дул легкий ветер, море было спокойно и стояла ясная погода. Корабли смело шли вперед, и у всех была твердая уверенность в победе.

Флот шел назначенным курсом. На следующее утро, подходя к скале Найпин¹, с правого борта было замечено коммерческое судно, следующее на Ost. Для осмотра его был послан aviso «Тацута». Оказалось, что это пароход русского Общества

¹ На широте 33° 57' N и долготы 126° 17' Ost, высота ее 144 фута; форма коническая, очень приметная скала.

пароходства и торговли «Россия». Пароход был остановлен и арестован. Близ острова Single¹ флот разделился, — часть направилась к Порт-Артуру, а другая часть к Чемульпо, каждая для выполнения заранее назначенного плана.

¹ Остров Single лежит на большом фарватере из Нагасаки и Симоно-сэки в Чемульпо и Пишьян между группами островов Windzor Castle, Маккау и Маури

Глава III

Сражение у Чемульпо

Статья 1. Положение дел в Чемульпо

В декабре 1903 года, когда отношения между Японией и Россией обострились, настроение в столице Кореи Сеуле также было беспокойно. Поэтому наш стационар в Корее «Сайен» почти постоянно находился в Чемульпо, но, ввиду возникших недоразумений между нашими поселенцами и корейцами в Мокпо¹, это судно было послано туда, чтобы уладить недоразумения, а в Чемульпо 5 (18) декабря прибыл крейсер «Чиода», бывший в то же время стационаром в Северном Китае.

С тех пор как осложнились дела в Маньчжурии и Корее, бывшие в разных местах наши военные суда были спешно отозваны в Японию, и только на стоянке в Чемульпо оставался крейсер «Чиода». В январе 1904 года с судов всех наций, стоявших в Чемульпо, один за другим были свезены десанты в Сеул для ох-

¹ Город Мокпо лежит в 6 милях вверх по течению от входа и является открытым для торговли портом. Широта его 34° 47' N и долгота 126° 20' O; расстояние от Чемульпо на юг около 190 миль.

раны миссии и иностранных подданных. Чувствовалось беспокойное настроение, и никто не был уверен в завтрашнем дне.

Стоявшие перед тем на станции в Чемульпо русские суда «Боярин» и «Гиляк» были отозваны в Порт-Артур, и там оставался только один «Варяг»; однако 5 (18) января в порт прибыл «Кореец» и стал на якорь таким образом, что «Чиода» оказался между ним и «Варягом». 18 (31) января он переменял место, став несколько к востоку. Командир «Чиода» капитан 1 ранга Мураками на всякий случай 21 января (3 февраля) переменял место и стал ближе к выходу, чтобы иметь свободу движений. 23 января (5 февраля), получив телеграмму о разрыве дипломатических сношений, он приказал принять строгие меры предосторожности. Затем, согласно телеграфному приказанию присоединиться к 4-му боевому отряду, который должен был прибыть сюда из Сасебо, он днем 7 февраля секретно выполнил приготовления к походу и, ничем себя не обнаруживая, нес охранную службу, а в 11 часов 55 минут ночи тихонько снялся с якоря и вышел из гавани. В 12 часов 30 минут ночи, обогнув остров Иодольми, крейсер вышел в море и направился к острову Baker¹.

Чемульпо, открытый для торговли порт в провинции Киен-кие-до, уезд Чемульпо, лежит при устье южного истока реки Хан, называемого Эн (Salee). Островами Гецуби-то (Rose) и Копегуби-то гавань разделяется на внешний и внутренний рейды. На внешнем рейде ширина реки более 1 мили, глубина от 4 до 9 сажень; на нем может поместиться большое число судов. К нему идут три фарватера, из коих каждый изо-

¹ Остров Иодольми расположен в 7 милях на юг от рейда Чемульпо; большой остров, высотой около 213 ф. Хотя с севера и с запада от него море и опасно для плаванья, но с восточной стороны между самым островом и мелководным заливом Императрицы проходит фарватер, годный для больших судов. Залив Императрицы находится к югу от рейда Чемульпо и, сливаясь с ним, образует большой плес, с многочисленными отмелями, между которыми пролегают узкие фарватеры; однако эта местность еще не исследована. К северу и западу от острова Иодольми имеется много мелей, препятствующих доступу в реку Хан. Остров Baker лежит в 32 милях на SW от острова Pong do, расположенного при входе в залив Газан (Prince Jerome Chanel), высота его 228 ф.

билует мелями и опасными местами; кроме того, ввиду сильного течения плавание по ним должно совершаться с полной осторожностью. Западный фарватер пролегает между островами Току-чаку-то и группой White Hall и пригоден для судов с малою осадкою, идущих со стороны Северного Китая. Прочими двумя фарватерами, а именно — Flying Fish и Восточным, могут пользоваться большие суда. Хотя большие суда охотно пользуются фарватером Flying Fish, но во время тумана лучше идти Восточным фарватером, т. к. глубина его более подходит для постановки на якорь.

Порт Чемульпо, по нашему настоянию, был первоначально открыт для торговли в январе 1873 года и, хотя в то время это была не более как маленькая рыбацья деревушка, с 1877 года он стал уже населенным международным портом, с торговлею, превосходящею Фузан. В 1903 году число вышедших и вошедших в него судов было — 2964 с водоизмещением в 813 920 тонн. Из них судов под японским флагом насчитывалось 1530, вместимостью в 584 884 тонны. Число японцев, живущих на нашей концессии в Чемульпо, достигает 6400 человек. Из Чемульпо проходит телеграф через Сеул до Фузана и Гензана, а оттуда через Японию, Китай и Россию соединяется со всеми пунктами земного шара. Железная дорога идет до Сеула на расстоянии в 27 миль; проезд требует 1 час 45 минут; линия однокорейная, широкого типа.

Статья 2. Прикрытие высадки отдельного отряда войск

А. Прибытие в порт 4-го боевого отряда

25 января (7 февраля), встретившись в проходе у острова Single с 1-м боевым отрядом и удостоверившись, что, по самым последним известиям, «Варяг» и «Кореец» по-прежнему продолжают стоять в Чемульпо, адмирал Уриу в 4 часа 30 минут дня отделился от главных сил и с 4-м боевым отрядом, крейсером «Асама», 9-м и 14-м отрядами миноносцев, пароходами «Кас-

суга-мару» и «Киншю-мару» и военными транспортами направился к острову Baker. В сумерках, проходя остров Pinnacle¹, головной крейсер «Такачихо» протаранил кита, и окружающее море окрасилось в красный цвет. Все были очень довольны этим маленьким инцидентом. На рассвете 8 февраля близ острова Baker начальник отряда получил по беспроволочному телеграфу телеграмму от «Чиода», а вскоре встретился и самый крейсер. Получив подробное донесение о русских судах в Чемульпо и взвесив различные обстоятельства, адмирал Уриу решил произвести высадку войск теперь же. Поэтому, подходя к рейду, собрал на «Нанива» всех командиров судов и дал им инструкции, определив диспозицию каждого судна. Затем сигналом дал знать начальнику десантного отряда генерал-майору Кикоси Ясуцуна о месте постановки на якорь транспортов и, пожелав ему с помощью богов удачно высаживать войска, сам в 2 часа 15 минут дня в указанном ниже порядке направился на рейд Чемульпо.

Было 4 часа 20 минут, когда суда подошли к острову Иодольми. «Чиода» и «Такачихо», выйдя из строя, направились вперед, за ними следовал 9-й отряд миноносцев и несколько позади во главе транспортов крейсер «Асама».

¹ Остров Pinnacle лежит на широте 34° 47' 30" N и долготе 125° 48' 30" Ost, высота его 328 футов, форма коническая.

В это время показалась идущая из гавани русская лодка «Кореец». Суда постепенно сближались и «Кореец» уже проходил с левого борта от «Чиода» и «Такачихо», когда «Асама», для защиты транспортов повернув влево, стал между «Корейцем» и транспортами, которые в свою очередь несколько уклонились вправо. Когда 9-й отряд миноносцев подошел на траверз «Корейца», «Аотака» и «Хато» зашли с его левого борта, а «Кари» и «Цубане» — с правого, при этом «Цубане» приткнулся к мели; остальные же три миноносца, идя навстречу «Корейцу», подошли к острову Иодольми. Видя приближение наших миноносцев, «Кореец» уклонился вправо и затем открыл огонь из орудий. Было ровно 4 часа 40 минут пополудни, когда раздался первый выстрел войны 1904–1905 гг. Вернувшийся на прежний курс «Асама», увидев это, немедленно сигнализировал на «Нанива» — «Кореец» открыл огонь, и приказал транспортам отойти, сам же направился было в море, но так как «Кореец» в это время повернул обратно на рейд, то крейсер «Асама» вновь пошел прежним курсом, а «Нанива», «Акаси» и «Нийтака», временно уклонившиеся вправо, пошли также на рейд.

В представленном командиром лодки «Кореец», капитаном 2 ранга Беляевым донесении на имя командира крейсера «Варяг» в общих чертах говорится нижеследующее: «Приняв секретные пакеты от императорского консула в Сеуле и по сигналу Вашего Высокоблагородия, снялся с якоря 26 января в 3 часа 40 минут и вышел по направлению в Порт-Артур. 15 минут спустя увидел по носу японскую эскадру, о чем немедленно Вам сигнализировал. Японская эскадра шла в двух кильватерных колоннах, в правой — крейсера, в левой — 4 миноносца. Когда лодка приблизилась к эскадре, ее миноносная колонна быстро повернула влево, а крейсера уклонились вправо, так что лодка неизбежно должна была пройти между ними. В это время на японских крейсерах направили орудия по траверзу, сняли с них чехлы и вызвали прислугу. На миноносцах чехлы с минных аппаратов еще не были сняты. Когда крейсер, бывший вторым в колонне, пришел на траверз лодки, броненосный крейсер, по-видимому флагманский, вдруг вышел из строя и, повернувшись бортом к лодке, пошел наперерез ее курсу. Кроме того, миноносцы, дойдя до кормы лодки, повернули, намереваясь атаковать ее с двух сторон. В это время с мин-

ных аппаратов у них чехлы уже были сняты¹. Не зная в точности о разрыве сношений между нашим и японским правительством, я решил возвратиться на рейд».

Б. Прикрытие высадки войск

4-й боевой отряд прибыл на рейд в 5 часов 30 минут дня. «Чиода», «Нийтака» и 9-й отряд миноносцев стали на якорь на SO от «Варяга», а транспорты «Дайрен-мару», «Отару-мару» и «Хейдзо-мару» начали высадку войск. «Асама» держался к югу от русских судов, будучи готовым ко всякой неожиданности. «Нанива», «Акаси» и «Нийтака» обошли рейд, и затем «Акаси» стал на якорь близ транспортов для их охраны, а «Нанива» и «Нийтака» вышли из порта и соединились с 14-м отрядом миноносцев. В сумерках подойдя к острову Иодольми, они стали на якорь на условном месте. «Асама» также до захода солнца вышел из гавани и соединился с прочими судами.

В то время кроме русских судов «Варяга», «Корейца» и парохода «Сунгари» на рейде Чемульпо находились английский крейсер «Тальбот» (5507 тонн), французский «Паскаль» (4015 тонн), итальянский «Эльба» (2732 тонны), американская лодка «Виксбург» (1000 тонн) и корейский военный пароход «Ио-бу» (3485 тонн) (это японское произношение,

¹ Предыдущая выписка передает содержание донесения, по последующей фразы в донесении капитана 2 ранга Беляева на имя командира крейсера «Варяг» нет, а далее в нем говорится: «Предполагая, что все вышеозначенные маневры вытекали исключительно из желания японского адмирала не пустить вверстную миноносцевую лодку в море, с одной стороны, а также находясь в полном неведении о разрыве отношений Японии с нашим правительством, с другой стороны, я повернул обратно на рейд, по циркуляции лодки одним из 4 миноносцев, продолжавших атаку, была выпущена первая мина, прошедшая за кормой на расстоянии 4 сажней. Сейчас же пробил боевую тревогу, — это произошло в 4 часа 35 минут дня; через 2 минуты батареи была готова, но в это время была выпущена вторая мина с того же миноносца, прошедшая так же, как и первая, а за ней и третья с другого миноносца. Третья мина была пущена перпендикулярно к правому борту и шла на правый трап, но, не дойдя до борта 2–3 сажней, пошла ко дну. Атака миноносцев производилась в расстоянии 1–2 кабельтовых.

После выпущенной с миноносца второй мины сделал сигнал "открыть огонь" и потом дал "перестать стрелять", так как лодка входила на нейтральный рейд Чемульпо. Нечаянно, после сигнала "перестать стрелять", было сделано два выстрела из 37-мм револьверной пушки».

корейское неизвестно). 27 января (9 февраля) в 2 часа 30 минут ночи наш десантный отряд окончил высадку, и транспорты «Дайрен» и «Отару-мару» отправились на условное место вблизи входа. Только «Хейдзо-мару», ввиду того, что в полную воду прошлой ночи зашел далеко внутрь гавани, не мог следовать за другими и вышел лишь в 10 часов утра.

Статья 3. Бой

А. Выход с рейда Чемульпо русских судов

Адмирал Уриу 26 января (6 февраля) в 10 часов вечера, получив донесение от «Такачихо», что высадка войск окончится до 6 часов утра, сейчас же послал своего флаг-офицера лейтенанта Танигучи Масадзана в Чемульпо к нашему консулу Като Мотосиро, чтобы тот через посредство русского консула передал старшему из командиров русских судов требование выйти из гавани до полдня 27 января (9 февраля) и что если это не будет исполнено, то адмирал Уриу будет принужден атаковать их на рейде. Об этом было также сообщено английскому и китайскому консулам, корейским властям и председателю муниципального совета. Кроме того, адмирал Уриу сообщил о своем намерении командирам иностранных военных судов, уведомив их, что атака не будет произведена до 4 часов дня и что для безопасности этих судов он просит командиров на время боя изменить свое место стоянки.

27 января (9 февраля) в 5 часов утра для несения дозорной службы к острову Shoraiul¹ были посланы миноносец «Касагаги» и авизо «Чихая».

Затем, дав судам инструкции для боя, адмирал ожидал выхода русских судов. «Такачихо», «Акаси» и 9-й отряд миноносцев, окончив свое поручение по охране высадки войск, около 7 часов утра вместе с транспортами вышли с рейда. «Чиода» снялся с якоря в 9 часов 23 минут утра; все они, по-

¹ Остров Shoraiul лежит на широте 37° 1' N и долготе 126° O, голый, необитаемый остров. На нем две вершины — северная, высотой в 650 футов, и южная, около 780 футов.

дойдя к острову Филипп¹, стали на якорь по восточную сторону этого острова.

9-й отряд миноносцев пошел ко входу на рейд за водой и углем.

Однако командиры иностранных судов, получившие требование переместить место стоянки, выразили письменный протест против этого требования, а русские суда не выказывали и признаков желания выйти из порта. Наконец в 12 часов 10 минут² стоявший ближе всех к рейду «Асама» увидел, что «Варяг» и «Кореец» медленно направились к выходу, и тотчас донес о том начальнику отряда.

Б. Атака неприятельских судов при выходе из порта и дальнейшее наблюдение за ними

Получив сигнал о выходе русских судов, адмирал Урну немедленно приказал судам своего отряда занять назначенные им места. Когда приказание было исполнено и все были в полной готовности, русские суда уже проходили северную оконечность острова Иодольми. Оба судна, подняв на стеньгах боевые флаги, решительно шли в бой. «Асама» и «Чиода» шли впереди, за ними следовали «Нанива» и «Нийтака», а несколько позади были «Такачихо» и «Акаси». 14-й отряд миноносцев держался со стороны нестреляющего борта «Нанива» («Касасаги» вместе с «Чихая» оставались у Shoraiul).

В этот день была ясная погода и прозрачный воздух, и хотя дул легкий юго-восточный ветер, но волны не было. В 12 часов 15 минут «Кореец» занял место по левую сторону «Варяга». Расстояние между обеими сторонами было около 7000 метров, последовательно уменьшаясь. «Асама», имея неприятеля по левому борту и идя на пересечку его курса, в 12 часов 20 минут открыл огонь, стреляя по «Варягу». Неприятель отвечал. Вслед затем «Асама» повернул вправо и, поставив неприятеля по носу, открыл сильный огонь. «Чиода» специально занялся «Корей-

¹ Остров Филипп лежит на широте 37° 22' N и долготе 126° 26' O в трех милях на W 1/2 к N от острова Иодольми, высота его 150 футов, форма конусообразная.

² «Варяг» и «Кореец» снялись до полдня, именно в 11 ч. 20 м. утра.

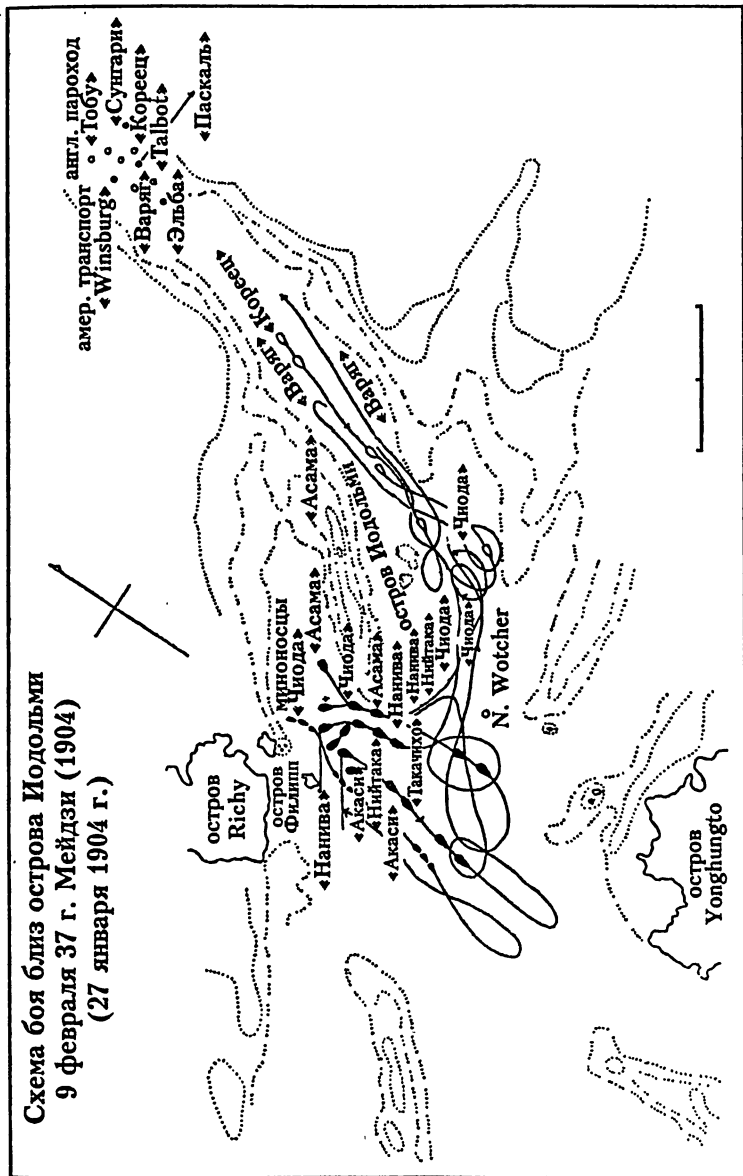
цем». «Нанива» и «Нийтака» также открыли огонь. «Такачи-хо» и «Акаси», пользуясь удобными моментами, по временам также вели редкую стрельбу. Все суда двигались с осторожностью, чтобы не сесть на мель. Падение наших снарядов становилось все более и более верным. Снаряды крупного калибра стали попадать в «Варяг», вызывая на нем пожары, раздуваемые ветром. Неприятель, хотя храбро оборонялся, но в конце концов, не будучи в состоянии держаться под огнем, повернул вправо и укрылся за островом Иодольми. Адмирал Уриу приказал преследовать его крейсеру «Асама», который прибавил ходу и пошел в погоню. «Чиода» также некоторое время следовал за неприятелем, но за недостаточную скорость хода прекратил погоню. «Асама» один преследовал неприятеля, не переставая вести жестокую стрельбу. «Варяг», по-видимому, имел сильные повреждения и, охваченный пламенем, бежал на рейд. «Кореец» следовал за ним. Так как в 1 час 15 минут дня неприятель подошел к якорной стоянке, то «Асама» прекратил огонь, повернул обратно и пошел на прежнее рандеву у острова Филипп. Туда же прибыли 3 миноносца 9-го отряда, ходившие за углем. В этом бою неприятельские снаряды ни разу не попали в наши суда и мы не понесли не малейших потерь¹.

В записках командира «Варяга» капитана 1 ранга Руднева в общих чертах говорится следующее: «После обеда я собрал всю команду и сказал приблизительно следующее: "Я получил сегодня письмо от японского адмирала об открытии военных действий и требование выйти с рейда до полдня. Разумеется, я решил идти на бой, хотя бы и против сильнейшего неприятеля. Мы составляем с крейсером одно целое и никогда не сдадим его врагу, сражаясь до последней капли крови. Хорошенько запомните же это и с крепкою верою в Бога, за царя и отечество пойдем в бой... Ура!"²

¹ По нашим сведениям: были попадания в крейсер «Асама» и в четвертый по порядку строя крейсер.

² На самом деле в записках говорится: «По окончании обеда команды се вызвали наверх и командир обратился к ней приблизительно с такими словами: "Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий с предложением оставить рейд до полдня. Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно

Схема боя близ острова Иодольми
 9 февраля 37 г. Мейдзи (1904)
 (27 января 1904 г.)

Затем, приказав оркестру играть гимн, снялся с якоря и в сопровождении „Корейца” пошел к выходу. Японская эскадра преграждала путь, и миноносцы держались поблизости. Вдруг с крейсера „Асама” загремел первый выстрел, а затем открыли огонь и прочие суда. Крейсер отвечал на огонь с расстояния в 45 кабельтовых (кабельтов — 182,8 метра). Первый же выстрел японцев попал в цель, снаряд разрушил верхнюю часть мостика, произвел пожар в штурманской рубке, убил и ранил несколько человек команды. Снаряды постоянно попадали в крейсер, наконец были разбиты пять 6-дюймовых орудий и 9 мелких. Пожары вспыхивали там и сям. На траверзе острова Иодольми одним снарядом был перебит рулевой привод, в то же время другой снаряд попал в передний мостик; осколки его, проникнув в рубку, ранили меня в голову и убили и ранили несколько человек бывшей вблизи команды. Снова были подбиты два орудия, кроме того, один котел сдвинулся с места и стал пропускать пар. Ввиду сего, для починки рулевого прибора и прекращения пожаров, хотел временно выйти из района обстрела, но при повороте судно не слушалось руля. Поэтому, подойдя к острову Иодольми, приказал вернуться обратно на рейд. В это время расстояние до неприятеля все уменьшалось, и огонь был особенно сильным. Получив большой снаряд в левый борт, крейсер начал наполняться водой, и, несмотря на принятые меры, крен постепенно увеличивался. Таким образом, с серьезными повреждениями и продолжая стрелять из оставшихся орудий, вернулся на якорное место».

В донесении командира «Корейца» капитана 2 ранга Беляева на имя командира «Варяга» говорится:

«Снявшись с якоря по сигналу Вашего Высокоблагородия, шел половинного скоростью впереди крейсера и начал бой. Затем перешел вслед за вверенным вам крейсером. Расстояние до неприятеля было настолько велико, что, опасаясь напрасного расхода снарядов, временно прекратил стрельбу. При сближении с неприятелем вновь открыл огонь. Проходя остров Иодольми, хотя видел Ваш сигнал „изменяю курс направо”, но, угадывая повреждение руля на крейсере, чтобы не поставить суда в одну прямую линию, положил руль на борт

командоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушить его без огласки, давая мне знать. Помолимся Богу перед походом и с твердой верой в милосердие Божие пойдем смело в бой за веру, царя и отечество. Ура!»

описал окружность в 270° и, продолжая стрельбу, вступил в кильватер за крейсером. Лодка не получила ни одного снаряда¹.

В 1 час 50 минут дня адмирал Уриу приказал судам стать на якорь у острова Филипп. В 4 часа 30 минут дня в стороне Чемульпо послышался гул взрыва, и густой белый дым заволок небо. Немедленно для расследования этого на рейд были посланы «Акаси» и «Монадзуру» и были даны инструкции судам на случай побега неприятеля. «Акаси» и «Монадзуру», приблизившись к рейду, увидели пылавший «Варяг», но, не видя «Корейца», немедленно донесли о том адмиралу. Подойдя к неприятелю на 4000 метров, разглядели, что «Варяг» значительно накренился на левый борт и погрузился кормой в воду. Из кормовой части верхней палубы и из портов вырывалось пламя. Хотя по-прежнему на нем были подняты флаг и гюйс, но наверху людей не было видно. У кормы английского крейсера

¹ На самом деле в донесении командира мореходной канонерской лодки «Кореец» командир крейсера «Варяг» говорится о бое следующее: «В 11 часов 20 минут, по сигналу Вашего Высокоблагородия, снялся с якоря и вступил в кильватер ввершнему Вам крейсеру. Опредив на некоторое время «Варяг», в 11 часов 45 минут утра, в ответ на выстрел японской эскадры, открыл огонь из правого погонного 8-дюймового орудия, идя средним ходом. После того как «Варяг» обогнал меня, дал полный ход, стараясь сохранить между судами малую дистанцию. Ввиду получавшихся недолетов и доклада артиллерийского офицера лейтенанта Степанова об его опасении, что при продолжении стрельбы по такой дистанции снарядов может не хватить, на случай сближения с противником, а также чтобы недолетами не поднимать дух неприятеля, временно прервал стрельбу. По дальнейшем сближении с противником вновь открыл огонь, ведя стрельбу из погонного и ретирадного орудия фугасными снарядами.

Пройдя остров Иодольми, увидел Ваш сигнал: меняю курс вправо, и, избегая соствориться с Вами для неприятеля, а также предпологая у Вас повреждения в руле, положил право на борт и, уменьшив ход до малого, описал циркуляцию в 270°.

Все это время безостановочно поддерживал огонь из 8-дюймовых погонных и 6-дюймового ретирадного орудия; было попутно сделано 3 выстрела из 9-фунтовых пушек, но за большими недолетами стрельбу из них прекратил. В 12 1/4, следуя движению «Варяга», повернул на рейд, продолжая стрелять сначала из левого 8- и 6-дюймовых орудий, а затем из одного 6-дюймового. В 12 часов 45 минут дня одновременно с японской эскадрой прекратил огонь. Японская эскадра оставалась под парами за островом Иодольми.

В продолжение часового боя во ввершнюю мне лодку не попало ни одного снаряда, было 3 недолета, а остальные — перелеты, хотя из последних многие были незначительны. В 1 час дня стал на якорь на рейд Чемульпо.

стояло много шлюпок, по-видимому занимавшихся перевозкой раненых. «Кореец» был взорван и затонул, только близь острова Ross виднелись 5 брошенных им шлюпок, а пароход «Сунгари» стоял на якоре под маяком. Когда было получено это известие, то команды на всех судах, обратясь к востоку, радостными криками «банзай» приветствовали первую победу. Так как наступала ночь и нельзя было следить за всеми действиями неприятеля, то адмирал Уриу приказал каждому судну быть наготове, а из 14 отряда послал два миноносца к острову ROUNG DO, один миноносец из 9-го отряда к острову Иодольми, а прочие два миноносца в проход Flying Fish. Аviso «Чихая» выслал вперед к острову Бундеги¹, чтобы предупредить отряд в случае приближения неприятеля со стороны Порт-Артура. В 8 часов вечера пароход «Сунгари» взорвался и затонул, а наконец и «Варяг» перевернулся и затонул.

Остров ROUNG DO был местом первого морского боя в войну 1894–1895 гг. и потому получил всеобщую известность. Он лежит при входе в Чемульпо с Восточного фарватера и в то же время занимает позицию при входе в бухту Асан. Ширина острова около $3/4$ мили, высота 572 фута.

В записках командира «Варяга», капитана 1 ранга Руднева в общих чертах говорится:

«По возвращении крейсера на прежнее место и по осмотре повреждений выяснилось, что кроме упомянутых ранее подбитых пяти 6-дюймовых орудий и семи 75-мм были еще значительные повреждения. 47-мм пушки совершенно не были годны для стрельбы. Насчитывалось убитыми — 1 офицер и 31 нижний чин, ранеными — 6 офицеров и 85 нижних чинов, легкораненых свыше 100 человек. Так как вступать вновь в бой было невозможно, то, собрав офицеров, открыл совещание, на котором решили уничтожить крейсер. Сначала свезли раненых на присланные с иностранных судов шлюпки, а затем приказал съехать и остальной команде. Судовым механикам приказал открыть кингстоны. Ввиду тесноты рейда взорвать крейсер опасался, чтобы не нанести вреда стоявшим поблизости судам. Судно

¹ Остров Бундеги — самый южный из островов группы Ferrieres на краю архипелага Prince Imperial. Широта его 36° 55' 45" N и долгота 125° 47' 30" Ost. Высота 197 футов, форма коническая.

медленно погружалось в воду, накренившись на левый борт, и в разных местах крейсера были произведены пожары. Наконец, во время прилива крейсер совершенно затонул на глубине 10 сажен¹.

В донесении капитана 2 ранга Беляева на имя командира «Варяга» говорится: «Став на якорь и получив особое извещение Вашего Высокоблагородия, что «Варяг» будет затоплен, немедленно собрал офицеров лодки и передал им Ваше решение, опросив мнение каждого офицера. В результате все высказались за потопление лодки, каковое мнение разделял и я. Приказав команде покинуть судно, велел взорвать бомбовый погреб, и после двух взрывов лодка затонула. Получив также согласие от агента пароходства Восточно-Китайской железной дороги, приказал командиру парохода «Сунгари» взорвать котлы и затопить пароход. Пароход подожгли, открыли кингстоны, и ночью он затонул».

В. Распоряжения после боя

На рассвете 28 января (10 февраля), когда все миноносцы вернулись со своих постов, адмирал Уриу послал «Чидори» и «Касасаги» в Чемульпо для осмотра, в каком положении находится неприятель. В 7 часов 30 минут утра с прочими судами пошел ко входу на рейд, по дороге оставив для несения сторожевой службы у острова *Ронг до* крейсер «Нийтака». Подойдя к назначенному месту к 10 часам утра, застал там «Кассуга-мару», «Никко-мару» и транспорты, перевозившие войска.

Адмирал Уриу уже знал в общих чертах по беспроволочно-му телеграфу о передвижениях Соединенного флота у Порт-Артура, подробно же услышал о наших успехах в 12 часов 30 минут дня, по прибытии отрядов истребителей. Собрав командиров судов, он передал им это известие. Вскоре прибыли также 1, 2 и 3-й боевые отряды, и суда обменялись поздравлениями друг друга с победой. В 2 часа дня адмирал Уриу вновь послал крейсер «Чиода» в Чемульпо для дальнейшего осведомления, а прочим судам, ввиду признаков дурной погоды, приказал приготовиться к шторму. 9-й отряд миноносцев был послан укрыть-

¹ Все это сведено из разных мест записок и рассказано своими словами.

ся ко входу в Мозампо¹, «Чихая» был оставлен у рейда, а прочие суда были распределены для сторожевой службы по условным местам.

Крейсер «Чиода» пришел в Чемульпо в сумерках и увидел, что «Варяг» лежит опрокинувшись на месте своей стоянки, едва обнажаясь над водой своей подводной частью. «Кореец» и «Сунгари» затонули на NW от места стоянки иностранных судов, и над водой виднелись только стеньги и концы дымовых труб. Таким образом, неприятельские суда были совершенно уничтожены, но так как команды их находились на иностранных военных судах, то командир крейсера «Чиода» всю ночь находился наготове. На другое утро 11 февраля с «Чиода» был послан офицер с обычным визитом на иностранные военные суда. Ему было поручено передать, что ввиду того, что этот день считается японским национальным праздником «Кигенсецу» (основание Японии), командир просит иностранные суда присоединиться к церемонии, но что ввиду военного времени полного расцвечивания флагами не будет, а будут подняты лишь стеньговые флаги и произведен салют в полдень. В 8 часов утра на «Чиода» были подняты стеньговые флаги, и то же было сделано на стоящих в гавани иностранных судах. Вслед за тем прибыл «Чихая» с приказанием от начальника отряда — в полдень произвести салют и церемонию по положению. В установленный момент на «Чиода» и «Чихая» был произведен салют, причем иностранные суда также салютовали. После полдня капитан 1 ранга Мураками приказал готовиться к выходу в море, выразил благодарность иностранным судам за участие в церемонии и в 4 часа 30 минут снялся с якоря, направившись к месту стоянки 4-го боевого отряда. С наступлением темноты, не найдя отряда, стал на якорь у острова Round do и на следующее утро, встретив «Нанива», идущего на рейд, донес адмиралу о положении вещей в этом порту.

С самого первого выстрела сражение у Чемульпо, таким образом, оказалось полной нашей победой, почему 10 февраля на

¹ Мозампо лежит на широте 37° 11' N и долоте 126° 38' 30" Ost, к югу от Чемульпо в 17,5 мили, между островами Champoine (высота 217 футов) и Кокайсоо-до (высота 221 фут; ширина рейда около 450 метров и глубина от 2 до 8 сажен).

имя младшего флагмана 2-й эскадры контр-адмирала Уриу Сотокичи был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«Мы глубоко оцениваем действия 4-го боевого отряда, который не только исполнил свое поручение конвоировать войска в Чемульпо и охранять их высадку, но и, кроме того, нанес поражение неприятельским судам и тем самым заставил их окончательно себя уничтожить».

31 января (13 февраля) адмирал Уриу поднес на это ниже-следующий ответный адрес:

«Мы не имеем слов, чтобы выразить наши чувства благодарности Вашему Величеству за то, что Вы соизволили даровать всемилостивейший рескрипт о том, что милостию Вашего Величества отряд, конвоируя войска и охраняя их высадку, нанес поражение неприятелю. Я, верноподданный Сотокичи, с подчиненными мне командами еще более приложим все силы, чтобы оправдать высочайшую милость, о чем я, Сотокичи, с сердечным трепетом осмеливаюсь доложить».

Хотя адмирал Уриу поручил надзор за потопленными русскими судами нашему консулу в Чемульпо господину Като, но так как оставшиеся в живых экипажи этих судов были взяты на иностранные суда, то он полагал необходимым иметь надзор и за ними. С этою целью 31 января (13 февраля) утром послал в Чемульпо лодку «Осима» и посредством одного миносца в течение дня поддерживал с нею связь.

Затем чрезвычайный и полномочный посланник в Сеуле Хаяси Гонсуке имел совещание с иностранными посланниками, командирами иностранных военных судов и адмиралом Уриу относительно судьбы спасенных русских моряков. На этом совещании было решено, что команды русских судов не должны возвращаться во время войны к северу от Шанхая и должны дать клятву не участвовать более в военных действиях, о соблюдении чего было взято обещание от всех участвовавших посланников. 3 (16) февраля французский крейсер «Паскаль», имея на борту чинов с «Варяга» (8 офицеров и

339 нижних чинов) и «Корейца» (9 офицеров и 160 нижних чинов), всего 516 человек, русского посланника в Сеуле и охранный отряд миссии, вышел в Шанхай. В этом порту он оставил посланника и чинов миссии и пошел далее в Сайгон¹.

Английский крейсер «Amphitrite» (11 000 тонн), взяв старшего офицера «Варяга» и 275 человек команды и 53 человека экипажа с «Сунгари», 20 февраля вышел в Сингапур. Итальянский крейсер «Эльба» с 181 человеком команды «Варяга» (7 офицеров и 174 нижних чинов) 25 февраля ушел в Гонконг. Среди взятых на «Паскаль» русских чинов находились 24 человека тяжелораненых, за которыми необходим был хороший уход. Поэтому русский посланник через своего английского коллегу мистера Джордана получил согласие японских властей на лечение их в береговом госпитале. Перед уходом крейсера раненые были перенесены в госпиталь Красного Креста. Адмирал Уриу послал от себя старшего доктора с «Нанива» Ямамото Ейске узнать о состоянии раненых, после чего послал им разные подарки и необходимые вещи.

¹ Город Сайгон находится во французских владениях в Индокитае и расположен вдоль реки Алюс-Чинойс. Северная часть гавани имеет от 5 до 7 сажен, на ней поставлены бочки для стоянки судов, и ею пользуются как военную гаванью. Южная часть служит коммерческой гаванью, в ней пароходы ставятся на бочки с носа и с кормы или швартуются к пристаям.

Глава IV

Первая атака Порт-Артура

Статья 1. Движение Соединенного флота

Соединенный флот, выйдя из Сасебо 24 января (6 февраля), собрался на randevу в проходе у острова Single 25 января (7 февраля) в 3 часа дня. Удостоверившись, что, по последним известиям, русские суда находятся в Порт-Артуре и Чемульпо, адмирал Того издал приказ с инструкциями каждому судну, в конце которого говорилось: «Исполним же, полагаясь на помощь Неба, великий подвиг Соединенного флота».

В это время с юга от острова Pinnacle показался какой-то пароход, следующий на юг. Адмирал Камимура приказал крейсеру «Адзума» догнать его. При этом выяснилось, что это русский пароход «Аргунь». Он был арестован и под конвоем «Чихая» отослан в тыл. (Поэтому «Чихая», не догнав своевременно флота, присоединился к 4-му боевому отряду у Чемульпо.) Затем 3-й боевой отряд был выслан впе-

ред на разведку у острова Soichonto¹, почему прибавил скорость и ушел вперед, а за ним следовал 4-й боевой отряд, направляющийся к Чемульпо.

Прочие суда под командой адмирала Того в 5 часов дня направились к Порт-Артуру.

3-й боевой отряд около 8 часов утра 8 февраля прибыл к острову Soichonto, но, не обнаружив следов неприятеля, пошел обратно и в 11 часов утра соединился с главными силами. Флот продолжал идти по назначению. В 6 часов вечера подошли к острову Round².

Адмирал Того, подняв сигнал «По заранее назначенному плану идите в атаку. Желаю полного успеха», приказал отрядам истребителей идти в атаку. Начальник 1-го отряда истребителей капитан 1 ранга Асай Масадзиро поднял ответный сигнал «Ручаюсь за успех», и миноносцы пошли по назначению. 1, 2 и 3-й отряды пошли к Порт-Артуру, а 4-й и 5-й к Та-лиенвану. Провожаемые приветствиями с прочих судов, они постепенно скрылись в сгустившихся сумерках; главная эскадра продолжала идти по назначенному курсу.

Порт-Артур расположен в Чже-цзянской провинции Китая, на юго-западной оконечности Квантунского полуострова на широте 38° 47' N и долготе 121° 15' Ost. Он занимает важную позицию в горле Печилийского залива. С трех сторон окруженный волнистыми холмами, Порт-Артур только в южной части открывается узким проходом в море, ширина которого приблизительно 273 метра (для больших судов ширина прохода не превосходит 91 метр). С обеих сторон от входа поднимаются крутые холмы. Внутри гавани по западную сторону от входа тянется на север узкая песчаная коса под названием Тигровый хвост, которою гавань разделяется на две части — Восточный бассейн и Западный бассейн.

Когда в 1898 году Россия получила в аренду от Китая Квантунский полуостров, Порт-Артур был назначен вторым

¹ Остров Soichonto — самый южный, самый малый остров в группе Sir James Hall. Широта его 37° 46' 30" N и долгота 124° 45" Ost, высота достигает 570 футов.

² Остров Round лежит на широте 38° 40' N и долготе 122° 11' O в 44 милях на SSO от Порт-Артура. Высота его 196 футов, маленький круглый остров.

военным портом в Тихом океане для стоянки судов в зимнее время; впоследствии он стал резиденцией *наместника* на Дальнем Востоке. Для устройства Порт-Артура были предприняты обширные работы — были учреждены управление порта, управление войсками округа, суд, полиция; были предприняты исправление старых и постройка новых укреплений, углубление внутренней гавани, расширение дока; приступлено к постройке нового города (необходимые постройки существовали у Восточного бассейна, но новый город строился в северной части Западного бассейна), кладке пристаней, постройке железной дороги и т. п. Работы по всем этим предприятиям постепенно шли вперед, и к моменту открытия военных действий в Восточном бассейне уже могли свободно швартоваться 4 или 5 броненосцев, а в углубленной части Западного бассейна могло поместиться более 10 больших судов. Береговая оборона к тому времени была также закончена на пять, шесть десятых¹.

С моря Западный бассейн защищен выдающимся от Тигрового хвоста гористым мысом с возвышенностями (Дзото-сан) Ch'eng-t'ou-shan, (Мантоушань) Man-tou-shan и (Кейка-сан) Chi-kuan-shan, а Восточный бассейн — холмистой грядой от Золотой горы до Электрического утеса и затем далее на восток отдельной грядой от возвышенности Mu-chu-chiao до Lao-lu-tsui, примыкающей к расположенному более вглубь Pai-yuing-shan. Далее на восток от Lao-lu-tsui выступает на SO крутой мыс, называемый Hsien-chen-chao (Swainson Point) (мыс Тахе).

На всех этих возвышенностях были построены более или менее значительные укрепления долговременного типа, числом более 20. По месту их расположения они составляли три группы укреплений — группа на полуострове Тигровый хвост, группа Золотой горы и группа Тахе.

¹ Так как на приложенной к книге карте названия батарей не совсем сходятся с помещенными на наших или на английских картах, то здесь даны названия каждой батареи по-китайски, с пекинским произношением, в скобках — японским произношением и наконец в скобках со знаком вопроса — наше название, которое, можно думать, соответствует первым двум. Вообще, сравнительно с нашими картами перечень батарей в этой книге не полный. — *Примеч. пер.*

В группе укреплений Тигрового хвоста находились батареи для обстрела рейда, для стрельбы по Голубиной бухте и батареи для воспрепятствования высадки неприятеля на низменной части полуострова у самого входа в гавань. Каждая батарея в зависимости от конфигурации местности обстреливала известную часть водного пространства, так что в целом они предназначались для защиты всей береговой полосы. В этой группе находились следующие форты и батареи: укрепление Южный (Бан-ка-коо), P'an-chia-kou, укрепление (Хаку-ган-си) Po-lan-tsu (редут Белый Волк), Верхнее укрепление (Дзотосан), Cheng-tou-shan, Нижнее укрепление (Дзотосан), Cheng-tou-shan (батарея № 8), форт (Мантоушань) Man-tou-shan, батарея (Кейкасан) № 1 Chi-kuan-shan, (Суворовская № 6), батарея (Кейкасан) № 2 Chi-kuan-shan (Суворовская № 7), батарея (Бан-си-ей) Man-tsu-ying (батарея № 8), подлежащая ей батарея (батарея № 9), батарея (И-ен) Wei-yuan и подлежащая ей батарея Wei-yuan (батарея № 10).

Группа Золотой горы заключала в себе батареи Золотой горы, Электрического утеса и батареи, лежащие близ мыса Мучу-чиао. Одни из них для обстрела прилежащей полосы моря, другие для стрельбы с фланга по части рейда у Тигрового хвоста, третьи — чтобы воспрепятствовать прорыву судов в гавань, и наконец батареи для защиты бонов и минного заграждения. В этой группе находились следующие укрепления: Верхняя батарея Золотой горы (батарея № 13), подлежащая ей (Мортирная батарея), Нижняя батарея Золотой горы (батарея Электрического утеса), подлежащие ей батареи за № 1, 2 и 3, батарея № 1 (Боку-чо-шоо) Mu-chu-chiao, батарея (№ 18) и батарея № 2 (Боку-чо-шоо) Mu-chu-chiao, старая батарея того же имени, форт того же имени и батарея (Сан-чо-и) Shad-ting-wei.

Группа Тахе Lao-lu-tsui состояла из укреплений Lao-lu-tsui, Chia-pan-tsui и батарей и фортов близ гор Pai-yuing-shan. Частью они обращены на юг к морю, а частью на рейд в стороны входа в гавань. Южный же форт Chia-pan-tsui — для отражения высадки в бухте Тахе. В этой группе были расположены следующие батареи.

Нижняя батарея (Ро-кен-си) Lao-lu-tsui, батарея (№ 21), Верхняя батарея того же имени (батарея № 22), Южный форт

(Хакучинсан) Pai-yuing-shan (форт № 8), укрепление того же имени, Южная батарея (Кио-хан-си), Chia-pan-tsui, Восточная батарея и форт того же имени (батарея Тахе).

Кроме того, уже после открытия военных действий, когда наш флот начал из-за Ляотешаня перекидной стрельбой бомбардировать гавань, на Ляотешане была спешно возведена для стрельбы по нашим судам группа укреплений из следующих батарей: Северная Ляотешань, Южная Ляотешань и 1-й и 2-й батареи (Чинкасен) Ch'en-chiachü'an.

На Золотой горе имелся беспроводный телеграф для сношения с судами, а на западном входном мысе в проходе стоял маяк, видимый в ясную погоду на 8 миль.

Между Порт-Артуром и Чифу был проложен телеграфный кабель. Хотя этот кабель был проложен во время китайских событий Большим северным телеграфным обществом, но впоследствии перешел в собственность русского правительства. Сухопутный телеграф, следуя по линии железной дороги, шел через Харбин на Владивосток и в Европейскую Россию, а другая линия — через Инкоу до станции Чиа-Ко-Ту Северной Китайской железной дороги

Между Порт-Артуром и Чифу пароходами Восточно-Китайской железной дороги «Нагадан» и «Новик» поддерживалось срочное сообщение каждый день, а для сообщения со Владивостоком и Европой, кроме срочных рейсов Добровольного флота, еще по временам заходили пароходы Русского восточноазиатского общества и Русского общества пароходства и торговли.

Число жителей перед войной было: китайцев свыше 30 000, русских более 3000 (не считая войска), японцев 770, прочих иностранцев до 1000 человек (из них более всего немцев).

Талиенван расположен в Чжен-цзянской провинции в северо-восточной части Квантунского полуострова в 27 милях на ОНО от Порт-Артура. Россия, с превращением Порт-Артура в военный порт, торговую гавань собиралась устроить в Талиенване и приступила к выполнению этого плана в большом масштабе. В 1901 году, хотя работы еще и не были закончены, Талиенван был объявлен открытым портом для международной торговли, в городе были разбиты участки земли и учреж-

дены правила об аренде и покупке с торгов земельных участков. Право владения землей было предоставлено также и иностранцам.

Вход в залив Талиен ограничивается мысами Probin и West Entry Point, лежащими от глубины залива в расстоянии 6 миль. Внутри залива имеются несколько малых бухт, как-то: Odin-cove, Хэнд-бэй, Junk-bay, Victoria-bay. Бухта Odin-cove лежит непосредственно к северу от мыса Пробин. Ширина ее около 1 мили с глубиною в 772 сажен при входе. Хэнд-бэй лежит по восточную сторону полуострова Хо-шонг-тау и имеет глубину около 10 футов, эта бухта особенно подходящая для стоянки малых судов. Junk-bay (Лю-шун-тун) лежит к западу от полуострова На-chong-tau с шириною при входе более 2 миль. На ее восточном берегу расположен Талиенван (Лю-шун-тун). Россия в этой местности устроила казармы, военные склады и т. п.

Железная дорога, проходя к югу от Кинжоу до станции Тафан-шен, соединяется с главной линией Восточно-Китайской железной дороги Victoria-bay, лежит в западной части залива Талиен. Со времени аренды Талиенвана Россией южная часть этой бухты была взята под новую коммерческую гавань, которая получила название Дальний. Было приступлено к постройке 1, 2 и 3-го участка гавани и волноломов. К началу войны 1-я и 2-я пристани были уже готовы. В особенности вторая пристань отличалась большими размерами и могла принять более 10 пароходов. Предполагалось, что волноломы и набережные должны быть окончены к осени 1904 года. Во внутренней части первого участка был построен небольшой сухой док; поблизости от него к северу строился другой док для больших судов, готовность коего ожидалась или в конце 1904 г., или в начале 1905 г.

Что касается климата, то самые сильные холода бывают в конце января, когда гавань, как это было в ближайшие годы, совершенно замерзала. Однако, сравнительно с другими портами в Северном Китае, период замерзания короче, и в конце февраля гавань уже освобождается ото льда. Хотя гавань и замерзает, но суда все-таки могут ходить без затруднения.

Железная дорога, разветвляясь от станции к гавани, доходит сначала до станции Нангалин и затем соединяется с юж-

ной линией Восточно-Китайской железной дороги. В Дальнем имелась также телеграфная станция. До войны пароходство Восточно-Китайской железной дороги содержало срочные линии между Порт-Артуром, Дальним, Нагасаки и Чифу. Кроме того, между Дальним и Чифу постоянно ходил китайский пароход «Те-хо».

Что касается обороны, то за неимением времени была построена только одна батарея из 8 орудий на полуострове Хошонг-тау, стрелявшая в море на West Entry Point; было поставлено несколько полевых орудий, служащих только для сторожевых целей при входе в залив.

Население в июле 1903 г. в Талиенване и Дальнем вместе было около 30 400 человек. Из них русских 1600, японцев около 400, прочих иностранцев свыше 1000 и остальные все китайцы.

Статья 2. Ночная атака истребителей миноносцев

26 января (8 февраля) в 6 часов вечера 1-й («Сиракумо», «Асасиво», «Касуми», «Акацуки»), 2-й («Икадзучи», «Оборо», «Инадзума»; «Акебоно», столкнувшись 25 (7) числа с «Никкомару», не принимал участия в атаке) и 3-й («Усугомо», «Синономе», «Сазанами») отряды истребителей, отделившись от эскадры, прибавили ходу и пошли к Порт-Артуру.

С наступлением темноты, имея только кормовые огни, продолжили курс на мыс Ляотешань.

Полуостровом Ляотешань называется вся береговая полоса от мыса Кай-ян-чау до Race Point. От его SO оконечности на NW в расстоянии 1,3 мили выдается кверху горный массив, известный под названием горы Ляотешань (высота 1512 футов); между этой горой и лежащими к северу возвышенностями лежит обширная равнина, так что, смотря на Ляотешань издали, кажется, что это остров.

В 10 часов 30 минут вечера по носу с правого борта увидели то появляющийся, то исчезающий, прорезывающий темноту ночи луч света. Начальник 1-го отряда Асай, зная, что это должны быть лучи прожекторов с русских судов, стоящих на

внешнем рейде Порт-Артура, продолжал идти тем же курсом. Минут 20 спустя на носу с левого борта опять заметили два луча света. Замедлив на некоторое время скорость с целью расследовать их причину, увидели два неприятельских сторожевых миноносца, идущих на NO¹. Уклонившись от них вправо, погасили кормовые огни. Однако при этом миноносцы потеряли свое место и истребитель 2-го отряда «Оборо» столкнулся с головным того же отряда «Икадзучи» и получил повреждение в носу. Третий миноносец «Инадзума», пройдя вперед, потерял из виду «Икадзучи», и таким образом все суда этого отряда разделились. 3-й отряд по той же причине разошелся с передовым отрядом и пошел в атаку самостоятельно.

1-й отряд истребителей, временно уклонившись от неприятеля вправо, снова лег на прежний курс и в 11 часов 08 минут открыл огонь Ляотешанского маяка. Определив свое место, снова заметил свет прожекторов с неприятельских судов и, уменьшив скорость, крадучись подвигался вперед. Было 12 часов 20 минут ночи. Луна еще не взошла, и поверхность моря бороздили только лучи неприятельских прожекторов. В темноте показались темные массы неприятельских судов, и капитан 1 ранга Асай отдал приказание произвести на них атаку. Головной истребитель «Сиракумо» немедленно повернул влево и в 12 часов 28 минут атаковал трехтрубное неприятельское судно, затем, выпустив мину в еще одно трехтрубное судно, повернул и пошел полным ходом на юг. Говорят, что обе мины попали в неприятеля. Второй миноносец «Асасиво», следуя за «Сиракумо», повернул влево и в 12 часов 32 минуты атаковал судно типа «Пересвет», а затем, подойдя к судну типа «Ретвизан», выпустил в него мину и быстро пустился уходить на SSO. В это время неприятель, поняв, что его атакуют наши миноносцы, поднял тревогу на всех судах: внезапно раздались звуки выстрелов. Снаряды стали падать в большом количестве вблизи наших миноносцев. Третий миноносец «Касуми», следуя за «Асасиво», повернул налево и попал в освещение и обстрел неприятеля, но, пользуясь тем, что в него еще не попал ни один

¹ Сторожевые миноносцы «Бесстрашный» и «Расторопный», вышедшие в море в 6 часов вечера.

снаряд, в 12 часов 33 минуты произвел первый выстрел миной в двухмачтовое трехтрубное судно, а затем в судно типа «Паллада», причем увидел, что с этого крейсера обильно валил пар. Находясь все время под огнем неприятеля, он быстро повернул и полным ходом пошел на юг. Последний миноносец отряда, «Акацуки», часто попадая в лучи света и несмотря на стрельбу неприятеля, в 12 часов 33 минуты повернул влево и в 12 часов 35 минут выпустил мину в судно типа «Ретвизан», затем пройдя еще к W, атаковал двухмачтовое трехтрубное судно, причем услышал взрыв мины, под дождем снарядов повернул на юг и полным ходом пошел из района падения снарядов.

Так как миноносцы 2-го отряда потеряли друг друга, то начальник отряда капитан 2 ранга Исида пошел в атаку с одним «Икадзучи». В 12 часов 05 минут подошел к стоянке неприятельских судов и, определив свое место по свету их прожекторов и маяку Ляотешань, повернул на N и пошел малой скоростью, по временам попадая в лучи света, но, к счастью, в конце концов не был обнаружен, в 12 часов 30 минут, увидя неприятельские суда, прибавил ходу и подошел к их линии. В 12 часов 35 минут, поворачивая вправо, выпустил мину в двухмачтовое трехтрубное неприятельское судно. Удаляясь полным ходом, миноносец был обстрелян с судна типа «Аскольд», но все снаряды пролетали над головой, не нанеся повреждений.

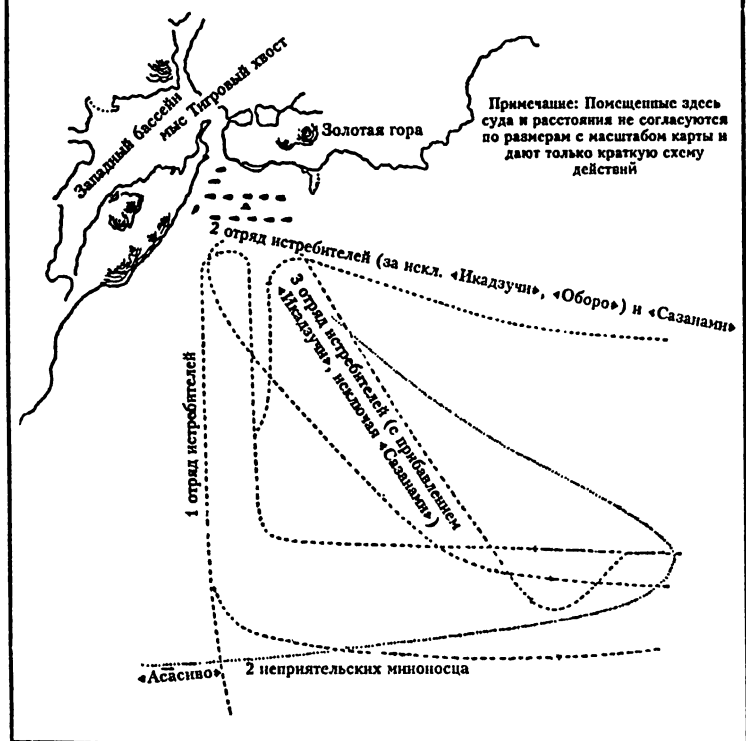
3-й отряд истребителей, разойдясь с головным отрядом, увидев на NW луч прожектора, понял, что там должны быть неприятельские суда, и застопорил машину, чтобы разглядеть их расположение. В это время подошли два истребителя, которыми оказались «Инадзума» и «Оборо». При этом с «Инадзума» попросили начальника 3-го отряда капитана 2 ранга Цучия, не возьмет ли начальник 3-го отряда его под свое командование, ввиду того что этот миноносец разошелся со своим отрядом, а «Оборо», потерпев аварию, не может принять участия в атаке. Капитан 2 ранга Цучия, не зная, где находится его задний миноносец «Сазанами», согласился взять вместо него «Инадзума», после чего отряд пошел по направлению света прожекторов. Вскоре разглядели очертания 10 больших судов. По-видимому, как раз в это время наш передний отряд произвел атаку, так как неприятель усиленно светил прожекторами и открыл сильный

огонь из орудий. Начальник отряда, чтобы не потерять удобного момента, решил начать атаку и, в 12 часов 39 минут повернув влево на головном миноносце «Усугомо», приказал выпустить мину в судно типа «Диана», а затем атаковал соседнее с ним к W судно. «Синономе» подошел к неприятелю в 12 часов 42 минуты и, повернув вправо, выпустил мину. Оба миноносца пустились обратно полным ходом на SO. Задний миноносец «Инадзума» бросился вперед между передним и вторым миноносцем и в 12 часов 45 минут, поворачивая влево, выпустил мину по судну типа «Диана», снова вернул и еще атаковал судно типа «Ретвизан», после чего пошел к острову Round.

Третий миноносец 8-го отряда «Сазанами» около 11 часов вечера, разойдясь со своим отрядом, увидел вдалеке 2 луча света. Полагая, что это сторожевые суда неприятеля, пошел по направлению к ним; при приближении оказалось, что это шли ему навстречу два неприятельских миноносца, светя прямо на него фонарями. «Сазанами» немедленно уклонился в сторону и продолжал поиски своих товарищей. Наконец, не найдя их, решил идти в атаку самостоятельно и, повернув на Порт-Артурский маяк, стал подкрадываться к эскадре. Неприятель освещал прожекторами весь горизонт. В числе неприятельских судов были два, несшие бортовые огни. В 1 час 25 минут ночи, полагая себя среди судов неприятеля, выпустил мину в судно типа «Полтава» и повернул назад.

2-й миноносец 2-го отряда «Оборо», после столкновения с «Икадзучи» имея повреждение в носовой части, не только не мог сам идти в атаку, но, опасаясь служить помехой для прочих судов, вышел из строя и занялся подробным осмотром повреждений. Пробуя давать ход, убедился, что миноносец не лишился способности управляться и вообще не имел серьезных повреждений. Поэтому командир решил все-таки идти в атаку самостоятельно и повернул к Порт-Артуру. Во втором часу ночи издали увидел возвращение окончивших атаку наших миноносцев. Усиленное освещение и огонь неприятеля несколько утихли, и окрестности Порт-Артура погрузились в мрак и молчание. Продолжая путь, «Оборо» медленно приближался к неприятелю и, наконец, в 1 час 45 минут ночи выпустил мину в 4-трубное судно и пошел на SO.

Общая схема движения 1, 2 и 3 отрядов истребителей при атаке
Порт-Артура в ночь на 27 января 1904 г.

Как было изложено ранее, наши 1, 2, 3-й отряды истребителей по окончании атаки пошли в Корею и один за другим к вечеру 9-го февраля собрались в условном месте на северо-западном побережье Кореи. На другой день, 10-го числа, они пришли на стоянку близ входа в Чемульпо.

Говорят, что в результате этой атаки на броненосец «Цесаревич» было разрушено рулевое отделение и получился крен на левый борт более 18°. На броненосце «Ретвизан» в отделении бортовых подводных минных аппаратов была сделана большая пробоина, а на крейсере «Паллада» была сделана пробоина под ватерлинией у кочегарного отделения.

I. В донесении наместника, адмирала Алексеева говорится:

1. «Около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную ночную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причем броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины; степень их серьезности выясняется. Подробности следуют».

2. «Все три поврежденных судна держатся на воде, котлы и машины исправлены. «Цесаревич» получил пробоину в рулевом отделении, руль поврежден. На «Ретвизане» пробоина в отделении подводных минных аппаратов. На «Палладе» пробоина в середине борта близ машины. После взрыва к броненосцам немедленно подошли дежурные крейсера оказать помощь и, невзирая на темную ночь, приняты были меры ввести потерпевшие суда во внутренний рейд. Потерь в офицерах нет; нижних чинов убито два, потонуло пять, ранено восемь. Неприятельские миноносцы своевременно были встречены сильным огнем с судов. По окончании атаки найдены невзорвавшиеся мины».

II. В записках капитана 1 ранга Бубнова в общих чертах говорится следующее:

«26-го января, будучи в 4 часа дня у супруги адмирала Старка, я услышал от Плансона (чиновник по дипломатической части при наместнике), но и то потихоньку, что посланники действительно отозваны».

Две или три последние ночи, перед атакой японцев, суда наши, по сигналу адмирала, готовились по вечерам к отражению минной атаки, но сети все-таки не привязывали. В силу этого сигнал о приготовлении к отражению минной атаки считали за ученье, и, понятно, ночью бдительность была слаба, тем более что по сигналу не приказано

было даже заряжать больших орудий, так как без выстрела их разрядить нельзя. Вся команда поэтому преспокойно раздевалась, по крайней мере на некоторых судах, и спала в койках, а не при орудиях. Многие из судов, стоявших на рейде в ночь с 26-го на 27-е января, грузили с барж уголь, почему имели зажженными на верхней палубе люстры, но и без того все суда стояли со штаговыми и кормовыми огнями.

В последние ночи, как и в ночь на 27-е января, в море выслаплось по два миноносца, но командирам этих судов давалась такая инструкция — отнюдь не стрелять, а, если увидят что-либо подозрительное, возвращаться и докладывать адмиралу.

В силу этого вышло то, что японские миноносцы, идя в ночь с 26-го на 27-е января в атаку на нашу эскадру, действительно встретили два наших миноносца и, не желая преждевременно поднимать шум, не открыли по ним огонь, а обошли их потихоньку. Наши же миноносцы, встревоженные появлением чужих миноносцев, не открыли по ним огня, чтобы тем предупредить эскадру, а, действуя согласно полученным инструкциям, повернули обратно и почти одновременно с неприятелем подошли к своим кораблям. Командир одного из миноносцев докладывал на флагманский корабль о появлении неприятеля в тот момент, когда "Паллада" была уже взорвана. На "Цесаревиче" открыли огонь по неприятельским миноносцам после уже взрыва под ним мины.

Подорванная "Паллада" бросилась на запад к берегу под батареи и там приткнулась к мели. Подорванный "Ретвизан" бросился в гавань и стал на мель в проходе, завернувшись поперек прохода, вслед за ним бросился туда же "Цесаревич", и как при этом дело обошлось без несчастья, — один Бог знает. "Цесаревич" должен был обойти "Ретвизан" и, сделав это, тоже сел на грунт.

Только с восходом луны наступило затишье. Кроме двух сторожевых миноносцев, все остальные были в гавани. Им после атаки было приказано развести пары и идти вдогонку за неприятелем. Они, понятно, никого не нашли и рано утром вернулись обратно».

III. В записках одного русского офицера говорится: «так как на день 26 января как раз приходится празднование именин Марии, то большинство офицерства были на именинах. Более половины начальствующих лиц с эскадры были на берегу. Ввиду того что супруга адмирала Старка была также именинница, то в его доме на берегу в этот вечер был устроен бал, на который были приглашены все высшие морские чины. Сухопутные офицеры собрались на вечере у жены одного во-

енного врача. Хотя среди ночи вдруг услышали стрельбу, но так как говорили, что этой ночью должна была быть ночная учебная стрельба на "Ретвизане", то не придали этому никакого значения. Однако стрельба послышалась снова и становилась все сильнее и сильнее. Наконец раздалась тревога, и только тогда узнали об атаке японских миноносцев. Все перепугались и наперегонки бросились по своим местам. Войска были спешно вызваны на позиции, но кто перепутал места, а кто забыл боевые припасы. В особенности на двух-трех батареях не было заготовлено ни пороха, ни снарядов, и если бы японцы высадили десант, то они не могли бы обороняться. Так прошла в тревоге и суматохе вся ночь»¹.

Направившиеся в Талиенван 4-й и 5-й отряды истребителей 26 января (8 февраля) в 8 часов 30 минут вечера открыли огонь Нан-сан-шан-дауского маяка² и, подготовившись к атаке, пошли вперед. В 9 часов 50 минут, подойдя ко входу в залив, встретили два парохода, которые приняли было за сторожевые суда неприятеля и уклонились от них. 4-й отряд шел по восточную сторону от West Entry Point и, пройдя полуостров Хо-шан-тао, осмотрел внутреннюю гавань Дальнего. 5-й отряд прошел с запада от Нан-сан-шан-дао, тщательно осмотрел весь залив от Хо-шан-дао до Odin-cove, но, не найдя и следов неприятеля, вместе с другим отрядом отправился в обратный путь, придя в Чемульпо 28 января (10 февраля) в 2 часа дня.

Статья 3. Вызов на бой русской эскадры

26 января (8 февраля) в 6 часов вечера, отослав вперед отряды истребителей, адмирал Того сам с 1, 2 и 3-м боевыми отрядами пошел по назначенному курсу к Порт-Артуру. На рассвете следующего утра, желая выяснить состояние неприятеля, приказал адмиралу Дева с 3-м боевым отрядом произвести развед-

¹ С 6 часов вечера 26 января адмирал и все офицеры эскадры находились на своих судах.

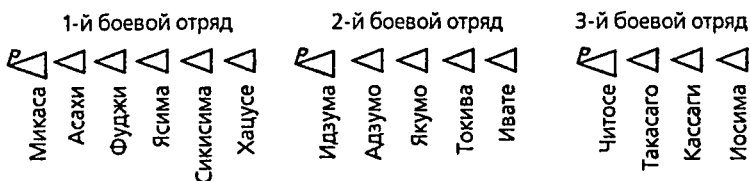
² Остров Нан-сан-шан-дао лежит при входе в залив Талиен, высота его 470 футов.

ку рейда Порт-Артура и, в случае встречи превосходящего по силе неприятеля, завлечь его к югу от Encounter Rock.

3-й боевой отряд с 7 часов утра, постепенно прибавляя ходу, отделился от эскадры и ушел вперед, а главные силы продолжали следовать прежним курсом. По временам наши аппараты беспроводного телеграфа получали депеши непонятного смысла, из чего адмирал заключил о приближении к неприятелю и приказал всем судам иметь пары во всех котлах. В 8 часов 06 минут утра эскадра изменила курс на Encounter Rock. Немного спустя встретили пароход, на мачте которого развевался японский консульский флаг. Он оказался английским пароходом «Фули», на котором находился императорский консул в Чифу Мидзуно Кокичи. Консул вчера был в Порт-Артуре и Дальнем, чтобы забрать оттуда японских подданных, и теперь находился на обратном пути в Чифу; пароход был наполнен нашими соотечественниками, которые, не ожидая встретить в море наш величественный флот, не могли удержаться от радости и, проходя у нас по левому борту, провожали флот дружными криками «банзай».

3-й боевой отряд, приблизившись к рейду Порт-Артура, постепенно в тумане стал различать рангоут стоявших на рейде судов и, подойдя еще ближе, на расстоянии до 7000 метров, увидел 12 больших судов неприятеля, канонерские лодки и минные заградители стоящими на внешнем рейде. Из них три судна, по-видимому, потерпевшие от нашей ночной атаки, стояли накренившись или приткнувшись к берегу. Все суда стояли неподвижно на якоре, и только «Аскольд» и «Баян» тихо двигались по рейду, а вблизи эскадры сновали миноносцы. Адмирал Дева, направившись к месту пребывания флота, с пути послал телеграмму: «Большая часть неприятеля стоит на внешнем рейде. Мы приблизились на 7000 метров, но огня по нему не открывали. По-видимому, несколько судов пострадали от наших мин. Полагаю выгодным атаковать их». В это время с отряда заметили на Ost пароход; по осмотре его крейсером «Такасаго» оказалось, что это русский пароход «Маньчжурия», почему он был арестован, и «Тацута» приказано было конвоировать его в тыл. Когда 3-й боевой отряд присоединился к главным силам, Соединенный флот находился в 20 милях на SO от Порт-Артура.

Затем, изменив курс на NWtW $1/2$ к W и построив суда в одну кильватерную колонну в нижеследующем порядке, флот направился к Порт-Артуру.

Постепенно увеличили скорость, и был поднят сигнал «сейчас буду атаковать главные силы неприятеля». Немного спустя впереди нашего курса показался крейсер «Диана» и через короткое время повернул обратно. Удаляясь, крейсер выпустил три снаряда из кормовых орудий, которые в нас не попали.

Когда адмирал Того, который со своим штабом находился на переднем мостике броненосца «Микаса», увидел, что настал момент боя, то, приказав поднять на стенах кормовые флаги, сделал следующий сигнал: «В этом сражении лежит решительная победа или поражение; пусть каждый старается изо всех своих сил».

В этот день легкая дымка окутывала берег, дул слабый ветер и море было спокойно. Оба флота находились друг от друга на расстоянии 10 000 метров. Вдалеке на рейде виднелись смешанными в одну кучу броненосцы «Петропавловск», «Севастополь», «Полтава», «Пересвет», «Победа», «Цесаревич», «Ретвизан», крейсера: «Баян», «Диана», «Аскольд», «Боярин», «Новик», «Паллада», «Ангара», а также канонерские лодки и эскадренные миноносцы.

Суда всех типов стояли вперемешку друг с другом¹. Адмирал Того, имея намерение вести бой правым бортом, подошел на расстояние до неприятеля в 8500 метров, изменил курс прямо на W и в то же время был произведен первый выстрел из носовой 12-дюймовой башни «Микаса». Было 11 часов 55 ми-

¹ В это время эскадра, снявшись с якоря для того, чтобы вступить в бой на ходу, держалась на рейде на своих местах машинами.

нут утра. Выстрел с «Микаса» повлек за собою огонь неприятеля. Неприятельские суда и некоторые батареи открыли совместный огонь по нашему флоту. Расстояние все уменьшалось. Следом за «Микаса» открыли огонь и все суда 1-го боевого отряда. «Асахи» сосредоточил огонь на броненосце «Пересвет»; «Фудзи» и «Ясима» стреляли по «Баяну»; «Сикисима» стрелял в самую середину скупившихся неприятельских судов, а задний корабль «Хацусе» стрелял в ближайшее к нему судно. 2-й и 3-й боевые отряды также, последовательно повернув влево, следовали за 1-м боевым отрядом, каждый своевременно открывая жестокий огонь. Большие снаряды частенько пролетали мимо и бороздили поверхность моря. Неприятель, по-прежнему не двигаясь, оставался на якоре¹. Только «Аскольд» и «Баян» медленно передвигались и стоявший настороже «Новик» бросился вперед. Огонь с береговых батарей постепенно усиливался, батареи непрерывно стреляли из орудий крупного калибра и мортир в помощь эскадре. В 12 часов 11 минут выпущенный с «Микаса» 12-дюймовый снаряд попал в броненосец «Победа»; вслед за густым черным дымом взрыва показались клубы пара из его средней трубы. Наши снаряды, попавшие в неприятельские суда, взрывающиеся на берегу, падающие в воду, взаимно перемешиваясь, блистали как молния. На некоторых неприятельских судах возникли пожары². В густых клубах дыма не видно было солнечного цвета. Понемногу падающие вблизи нас неприятельские снаряды также стали многочисленны. Около 12 часов 11 минут дня попавший с правого борта у «Микаса» 10-дюймовый снаряд рикошетирует и разорвался у основания грот-мачты; им была снесена часть заднего мостика и ранены бывшие на заднем мостике флагманский механик Ямамото Ясудзиро, флаг-офицер 1-й эскадры лейтенант Мацумура Кикоу, ревизор Иосимура Микисабуро, гардемарин Савамото Хитоси и 3 нижних чина. Немного спустя другим снарядом срезало клотик грот-мачты и сшибло боевой

¹ Фантазия составителей.

² Пожаров не было ни одного. Повреждения наших судов в бою 27 января: разрушение 2-х кормовых кают правого борта на броненосце «Победа»; 2 подводные пробойны на крейсере «Новик», мелкие повреждения на «Аскольде», «Палладе» и броненосце «Полтава».

флаг. Вновь поднятый боевой флаг был снова пробит снарядом. В 12 часов 15 минут дня, когда бой был в полном разгаре, выпущенный с батареи Ман-тоу-шан снаряд попал в передний мостик «Фудзи», причем были убиты старший артиллерийский офицер капитан-лейтенант Яманака Кан и ранены состоявший в его распоряжении гардемарин Наима Тацуо, сигнальный кондуктор Оно Мичинага и 2 нижних чина. Этот снаряд, пронизав переднюю часть дымового кожуха, пробил дымовую трубу и, взорвавшись, разбил стоявшую у левого борта шлюпку, причем были ранены мичман Миура и 5 человек нижних чинов. Затем 75-мм снаряд попал в кормовую рубку, рикошетировал к носу и ранил гардемарина Ито Тамоцу и разбил приемник беспроводного телеграфа. «Микаса» уже подходил к Ляотешаню, когда адмирал Того в 12 часов 20 минут, ввиду того, что расстояние до неприятеля слишком увеличилось, приказал изменить курс на 8 румбов влево, и все суда последовательно повернули за флагманским судном. В это время часть неприятельских батарей, пользуясь нашим невыгодным положением во время поворота, с близкой дистанции осыпала нас снарядами разных калибров. Один снаряд, попавший в «Хагусе», пролетел с кормы с правого борта и, попав в носовую часть спардека, ранил бывших на верхнем переднем мостике старшего штурмана капитана 2 ранга Чидзака Чидзиро, мичмана Муракоси Хачиро и 3 нижних чинов. Другой снаряд попал с кормы правого борта, осколки его пробиты адмиральское помещение и, войдя в нижнюю палубу, убили гардемарина Кадзумура и одного унтер-офицера и ранили 9 человек нижних чинов. В 12 часов 30 минут дня 15-см снаряд попал в переднюю дымовую трубу броненосца «Сикисима», разорвался, и разлетающимися осколками была разбита подъемная стрела фок-мачты и ранило штурмана капитан-лейтенанта Камая Рокуро, мичмана Хаяси Сейдзи и 15 нижних чинов.

2-й боевой отряд в 12 часов 07 минут, следуя за 1-м боевым отрядом, лег на курс чистый W и в 12 часов 12 минут с флагманского судна «Идзумо» был открыт огонь в самую середину сгучившихся¹ неприятельских судов. «Адзума» открыл огонь

¹ Кроме крейсеров, вся эскадра во время боя находилась в строс кильватера с флагманским броненосцем «Петропавловск» во главе строя.

по броненосцу «Победа», «Якумо» также стрелял по одному из броненосцев. «Токива» обстреливал все место расположения неприятеля. Последний крейсер, «Ивате» открыл огонь по «Баяну». Соединив свой огонь с огнем 1-го боевого отряда, суда вели ожесточенный бой.

Когда 1-й боевой отряд повернул влево, часть неприятеля направила свой огонь главным образом на 2-й боевой отряд. Снаряды падали близ него в большом числе. С 12 часов 22 минут «Идзумо» постепенно усилил огонь. «Адзума» перенес свою цель на броненосец «Петропавловск». «Якумо» принялся стрелять по крейсеру «Новик», который храбро сражался, подходя к нам с разных сторон. «Ивате» стал стрелять по идущему на Ost «Аскольду». «Токива», также недолго стрелявший по «Аскольду», перевел свой огонь на два судна типа «Петропавловск», затем на 2 судна типа «Победа» и по «Баяну». Попадания снарядов отчетливо выделялись, и огонь неприятельской эскадры понемногу ослабевал, но когда в 12 часов 26 минут адмирал Камимура, следуя за 1-м боевым отрядом, повернул влево и отряд последовательно вступал на SW курс, снаряды с неприятельских батарей и части эскадры стали в большом числе падать около строя. Один снаряд пронизал боевой флаг, поднятый на грот-мачте «Адзума», другой снаряд, ударившись и разорвавшись о поверхность воды с кормы у правого борта «Ивате», осколками пробил борт, другими осколками, проникшими в батарею, были ранены командир батареи мичман Такахаши, гардемарин Аоки, старший кондуктор Осуми и 7 человек нижних чинов. На «Якумо» также попал снаряд близ фок-марса, которым был тяжело ранен стоявший на измерении расстояния гардемарин Кувабара. Вскоре вслед за тем один снаряд из носовой 8-дюймовой пушки «Якумо» попал в самую середину левого борта «Новика» и взорвался. Однако этот крейсер не растерялся и все еще шел вперед, поддерживая сильную стрельбу, но в конце концов, не выдержав убийственного огня нашего флота, повернул и на отступлении выпустил мину, которая прошла под носом у «Ивате». «Ивате», стреляя по «Аскольду», заметил, что один снаряд попал в борт этого крейсера сзади грот-мачты и, разорвавшись, поднял столб огня. 3-й боевой отряд вошел в линию боя около 12 часов 15 минут и открыл огонь с каждого судна. Флагманский крейсер «Читосе» стал стрелять

в самую середину неприятельских судов, «Такасаго» взял целью находившийся в стороне «Баян». «Кассаги» обстреливал судно типа «Севастополь». «Иосино» вел стрельбу по ближайшему к нему неприятелю. Неприятельские снаряды в большом числе падали близ судов отряда. В 12 часов 13 минут снаряд разорвался у правого борта «Кассаги», и осколки его проникли вовнутрь судна. Затем снова у правого борта разорвался 12-дюймовый снаряд, разрушил осколками сетки, сделал большую пробоину в верхней палубе и разбил окружающие предметы. В это время «Такасаго» и «Читосе», заметив, что «Аскольд» в одиночку постепенно приближается к нашему отряду, открыли по нему сильный огонь. Один из наших снарядов попал во вторую дымовую трубу «Аскольда», затем другой попал в переднюю трубу и поднял столб черного дыма. В 12 часов 24 минуты «Читосе» вел бой с приближающимся к нему «Новиком», а «Такасаго» перенес свой огонь на «Баян».

Когда 1-й и 2-й боевые отряды последовательно повернули влево, уходя с поля сражения, то огонь неприятеля сосредоточился на 3-м боевом отряде, и с 12 часов 25 минут в течение некоторого времени бой был особенно сильным. Тогда от командующего флотом пришло приказание: «3-му боевому отряду выйти из района сражения», почему адмирал Дева в 12 часов 37 минут приказал всем судам повернуть вдруг на 8 румбов влево и весь отряд одновременно повернул на юг и вышел с поля битвы. Хотя наш флот, уходя, еще поддерживал слабый огонь, но постепенно расстояние увеличивалось и огонь был прекращен. В 12 часов 45 минут, следуя за «Микаса», на всех судах были спущены боевые флаги. Изменив строй, флот направился к Чемульпо.

В донесении заместника, адмирала Алексеева говорится:

«После вероломной ночной минной атаки, на следующий день, 27 января, в 10 1/2 часов утра, японский флот в составе 16 боевых судов показался в виду Порт-Артура. Приближение его было замечено с береговых сигнальных станций, а также с судов нашей эскадры, которая, под флагом вице-адмирала Старка и младшего флагмана контр-адмирала князя Ухтомского, в составе 5 броненосцев, 5 крейсеров 1 и 2 ранга и 15 эскадренных миноносцев, стояла в пол-

ной боевой готовности на внешнем рейде. Тотчас же приморские береговые батареи изготовились к встрече неприятеля. Наша эскадра снялась с якоря в боевом порядке, и по первому выстрелу неприятеля флот и батареи ответили ему дружным, оживленным огнем. Наибольшему обстреливанию со стороны неприятеля подверглись суда эскадры, а также батарея № 15 Электрического утеса и № 13 Золотой горы. Кроме того, под огнем находились также и остальные береговые батареи, главным образом № 17 и № 18. В бою принимали участие в строю на ходу: броненосцы: "Петропавловск" — флаг вице-адмирала Старка, командир капитан 1 ранга Яковлев, "Севастополь" — капитан 1 ранга Чернышев, и "Полтава" — капитан 1 ранга Успенский, "Пересвет" — флаг контр-адмирала князя Ухтомского, командир капитан 1 ранга Бойсман, "Победа" — капитан 1 ранга Зацаренный; крейсера 1 ранга: "Баян" — капитан 1 ранга Вирен, "Диана" — капитан 1 ранга Залесский, "Аскольд" — капитан 1 ранга Грамматчиков; крейсера 2 ранга: "Боярин" — капитан 2 ранга Сарычев, "Новик" — капитан 2 ранга Эссен. Принимали также участие в бою стоявшие на якоре броненосцы "Цесаревич" — капитан 1 ранга Григорович, "Ретвизан" — капитан 1 ранга Щенснович, крейсер 1 ранга "Паллада" — капитан 1 ранга Коссович, имевшие повреждения, полученные при предыдущей минной атаке, а также транспорт "Ангара" — капитан 2 ранга Сухомлин. Эскадренные миноносцы 1-го и 2-го отрядов с отрядными начальниками капитаном 1 ранга Матусевичем и капитаном 2 ранга Гинтером: "Внимательный" — капитан 2 ранга Симон, "Властный" — лейтенант Карцов, "Боевой" — капитан 2 ранга Елисеев, "Бесстрашный" — капитан 2 ранга Циммерман, "Беспощадный" — лейтенант Лукин, "Внушительный" — лейтенант Подушкин, "Выносливый" — лейтенант Рихтер, "Грозовой" — лейтенант Шелтинга, "Разящий" — капитан 2 ранга Симонов, "Решительный" — лейтенант Корнильев, "Сильный" — лейтенант Ходорович, "Стерегающий" — лейтенант Кузьмин-Караваев 2-й, "Сторожевой" — капитан 2 ранга Киткин 1-й, "Смелый" — капитан 2 ранга Шульц, "Сердитый" — лейтенант Кузьмин-Караваев 1-й, — все время боя держались по правую сторону эскадры, в расстоянии 10–15 кабельтов, в ожидании сближения с неприятелем и приказания атаковать его. Береговые батареи — под общим руководством командира квантунской крепостной артиллерии генерал-майора Белого. Результат боя еще трудно определить, но, по наблюдениям с наших судов, можно полагать, что некоторые из неприятель-

ских судов потерпели аварии, чем и можно объяснить уклонение от дальнейшего боя, несмотря на значительное превосходство неприятельских сил. Из поступивших ко мне донесений участвовавших в бою начальствующих лиц усматривается, что команды судов, а также прислуга артиллерийских батарей действовали с отличным мужеством, стойкостью и в образцовом порядке, почему я счел возможным, в исполнение Высочайшей Вашего Императорского Величества воли, назначить следующие награды: по 6 знаков отличия Военного Ордена 4-й степени на роту судам 1 ранга и судам 2 ранга, имеющим более 200 чел. команды, по 4 знака на роту остальным судам 2 ранга, по одному знаку на каждый эскадренный миноносец и 1 знак чинам сигнальной станции на Золотой горе, продолжавшей действовать под сильным огнем неприятеля¹.

Статья 4. Возвращение Соединенного флота

Адмирал Того, опасаясь атаки неприятельских миноносцев, приказал 1-му и 2-му боевому отрядам отступить на юг с большою скоростью и затем направиться к мысу Шантун²; а 3-му боевому отряду велел по способности идти в Чемульпо. Затем 1-й и 2-й боевые отряды понемногу уменьшили скорость, изменили курс и пошли к сборному пункту близ Чемульпо. 28 января (10 февраля) в 8 часов утра, вдалеке с левого борта увидев приближение 3-го боевого отряда, адмирал Того приказал вступить в общий строй одной кильватерной колонны. В 10 часов 26 минут утра была получена телеграмма от адмирала Урну, что оба неприятельских судна в Чемульпо уничтожены и что нам эта победа далась без всяких потерь и ущерба. Затем встретили возвращающийся из Талиенвана 4-й отряд истребителей и в 2 часа дня стали на якорь близ рейда Чемульпо. Там уже находились 4-й боевой отряд, «Асама», «Чиода», все отряды истребителей, 9-й и 14-й отряды миноносцев, «Никко-мару»,

¹ Всеподданнейшая телеграмма от 5 февраля 1904 года.

² Shantung Promontory лежит в провинции Шантун, в Китае, и тянется на восток от Юнчин гористою грядою на 6 миль, шириною от 2 до 3 миль. Его восточная оконечность лежит на широте 37° 24' N и долготе 120° 43' Ost.

«Кассуга-мару» «Киншо-мару», «Дайрен-мару», «Отару-мару», «Хейдзо-мару» и «Генкай-мару», а также пароход «Маньчжурия» со своим конвоиром «Тацута». Все чины флота поздравляли друг друга с успешным началом кампании и прокричали три раза «банзай!» в честь императора.

Когда донесения о наших успехах были получены в главной квартире, то на имя командующего Соединенным флотом вице-адмирала Того Хейхачиро был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«С чувством душевного волнения Мы услышали, что Соединенный флот, выполнив охрану высадки войск в Корее и очистив от неприятеля ее западный берег, произвел атаку на неприятельские суда в Порт-Артуре и нанес поражение некоторым из них. Мы хвалим действия наших воинов, и пусть они проявят еще более старания».

Затем обер-гофмаршал императрицы виконт Кагава Кейзо передал нижеследующий рескрипт ее величества:

«До сведения Ее Величества достигло известие, что Соединенный флот в Чемульпо и в Порт-Артуре нанес тяжкие поражения неприятелю, чем Ее Величество была несказанно обрадована».

31 января (13 февраля) от наследника престола был также дарован нижеследующий рескрипт:

«Получив известия о победных действиях нашего флота в Чемульпо и Порт-Артуре, хвалю его смелые и доблестные действия».

1 (14) февраля вице-адмирал Того принес свой ответный адрес на высочайший рескрипт:

«Я, верноподданный Хейхачиро,
почтительно представляю:

Победы Соединенного флота всецело зависят от великих добродетелей его Верховного Вождя, Вашего Императорско-

го Величества, и мы не имеем слов, чтобы выразить наши чувства благодарности по поводу дарования всемилостивейшего рескрипта, но еще более приложим свои усилия, чтобы во исполнение высочайшей воли уничтожить оставшиеся на море силы неприятеля».

На рескрипт императрицы адмирал Того ответил нижеследующим адресом:

«Мы не имеем слов, чтобы выразить наши чувства по поводу дарования всемилостивейшего рескрипта о первых победах Соединенного флота, и отныне с еще большим старанием будем стремиться к окончательной победе, чтобы исполнить волю Вашего Величества».

На рескрипт наследника престола адмирал Того ответил следующим образом:

«Мы не имеем слов, чтобы выразить наши чувства по поводу дарованного всемилостивейшего рескрипта о первоначальных действиях Соединенного флота. Отныне мы приложим еще большие старания, чтобы возблагодарить за оказанную милость».

Глава V

Вторая атака Порт-Артура

Статья 1. Действия отрядов, принимавших участие в деле

Нанеся поражение Порт-Артурской эскадре и уничтожив неприятеля в Чемульпо, главный и вспомогательный отряды нашего Соединенного флота встретились на условном месте близ Чемульпо. 29 января (11 февраля) по случаю праздника «Кигенсецу» (основание Японии) суда расцветились флагами, произвели салют и установленную церемонию. Хотя в этот день дул холодный северный ветер, но погода стояла ясная, и настроение у всех чинов было приподнятое. Пользуясь тем, что неприятель не успел еще оправиться от первоначального удара, адмирал Того хотел вновь произвести на него атаку частью своего флота. По сему поводу в тот же день был отдан нижеследующий приказ, а именно: 2-й и 3-й боевые отряды и 4-й и 5-й отряды истребителей имеют произвести усиленную рекогносцировку у Порт-Артура с одной стороны, а с другой стороны выставить цепь судов у мыса Шантун для захвата неприятельских пароходов; 1-й же и 4-й боевые отря-

ды, оставаясь у корейских берегов, должны готовиться к специальной задаче и нести охранную службу. Таким образом была назначена вторая атака.

3-й боевой отряд (за исключением крейсера «Кассаги»), получив назначение идти к мысу Шантун, вышел со стоянки 11-го февраля в 5 часов дня, вместе с 4-м и 5-м отрядами истребителей, назначенными для атаки неприятеля. С рассвета следующего дня задул жестокий NW, сопровождаемый снегом. Суда еле двигались вперед, борясь с волнами. В 8 часов утра, ввиду того, что 4-й и 5-й отряды истребителей отставали, адмирал Дева приказал им остановиться вместе с крейсером «Такасаго» у острова Soy-chong-to (Sir James Hall Group), а сам с крейсерами «Читосе» и «Иосино» укрылся у ближайшего берега. Из 5-го отряда истребителей были налицо только «Сирануи» и «Кагеро», почему «Такасаго», несмотря на ветер и волну, пошел на поиски за прочими миноносцами, но, не найдя их в сумерках, вернулся к своему отряду. 4-й отряд истребителей, совершенно не будучи в состоянии двигаться вперед, чтобы укрыться от непогоды, вернулся обратно к Чемульпо. Миноносцы 5-го отряда потеряли друг друга. «Муракумо» и «Югири» укрылись по восточную сторону мыса Фан-ко-чи¹. Только «Кагеро» и «Сирануи» шли вместе с 3-м боевым отрядом.

В 3 часа дня от начальника 2-й эскадры адмирала Камимура было получено приказание, что предположенные действия ввиду дурной погоды отменяются. На это адмирал Дева телеграфировал местонахождение 3-го боевого отряда и состояние миноносцев и свое дальнейшее намерение ожидать сбора миноносцев и затем, сообразуясь с погодой, возобновить назначенные действия. На следующее утро, 13-го, к третьему боевому отряду подошли «Муракумо», «Югири» и «Киншю-мару», и, таким образом весь 5-й отряд истребителей был в сборе; поджидали прибытия 4-го отряда истребителей, чтобы тогда отправиться по назначению. После полдня пришел «Мурасаме» (4-го отряда) и заявил, что четвертый отряд уже вышел по назначению, почему адмирал Дева отправил этот миноносец об-

¹ Мыс Фан-ко-чи находится на самой южной оконечности корейской провинции Хуан-хай-до на широте 37° 41' N и долготе 326° 21' O.

ратно к своему отряду с приказанием передать начальнику отряда капитану 2 ранга Нагаи пожелания успеха, а сам с 3-м боевым отрядом и 5-м отрядом истребителей решил идти к Порт-Артуру на следующее утро. Однако разведенная дувшими за последние дни ветрами волна еще не улеглась, а около 1 часу ночи пошел особенно сильный снег. Несмотря на такую погоду, адмирал Дева все-таки вышел в море в 7 часов утра. На пути встретили «Мурасаме», который так и не мог догнать своего отряда, его причислили к 5-му отряду. Суда едва передвигались вперед, так как все еще дул жестокий норд-вест и миноносцы бросало волнами, как игрушки. Корпуса судов мало-помалу покрывались льдом, и плавание становилось опасным. Наконец, видя, что ничего нельзя сделать, адмирал Дева в 10 часов 30 минут утра повернул обратно и вернулся на прежнюю якорную стоянку. На пути встретили «Харусаме» (4-го отряда), который пошел в кильватер «Мурасаме». Наконец в 1 час дня пришли на стоянку.

В 7 часов 40 минут вечера туда же прибыл «Асагири» (4-го отряда). Этот миноносец вышел из Чемульпо вместе с «Хаядори», «Мурасаме» и «Харусаме» 31 января (13 февраля) в 8 часов утра. «Мурасаме», нуждаясь в угле и воде, отделился от отряда и пошел в условный пункт на северо-западное побережье Кореи, после чего, однако, не мог догнать своего отряда. Прочие три миноносца шли к Порт-Артуру, но, не будучи в состоянии держаться вместе, понемногу потеряли из виду один другого. «Асагири» один шел по назначению. Борясь с густым снегом и жестоким ветром, бросаемый громадными волнами со стороны на сторону, при качке, достигавшей опасных размеров, экипаж стойко выдерживал непогоду, и миноносец шел вперед. Около 3 часов ночи на 1 (14) февраля, находясь к югу от Ляотешаня, «Асагири» услышал звуки неприятельских выстрелов и, повернув ко входу в гавань, подошел туда почти на расстояние в 1000 метров. Валил густой снег, и погода все еще не прояснялась. Приблизившись еще более, миноносец стал различать суда неприятеля: 3 миноносца несли сторожевую службу у входа в гавань, приткнувшись к западному берегу у входа, стояло одно большое судно, выпуская черные клубы дыма, далее к северу от него стояло еще одно судно; выпустив мину в

последнее, «Асагири» полным ходом пустился обратно. Открытый с неприятельских судов и батарей огонь по миноносцу не причинил ему никакого вреда, и в конце концов он благополучно добрался до стоянки 3-го боевого отряда.

Угадывая из донесения «Асагири» о состоянии неприятеля, адмирал Дева полагал, что было бы выгодно совместно с 1-м боевым отрядом произвести вторичную атаку на неприятеля. Поэтому 2 (15) февраля в 11 часов 40 минут утра, выйдя со своей стоянки с 3-м боевым отрядом и 4-м и 5-м отрядами истребителей, направился на соединение с главными силами.

Ввиду того, что «Хаядори» еще не вернулся с атаки, приказано было «Киншю-мару» ожидать его возвращения до сегодняшнего вечера, а если к тому времени миноносец не вернется, то идти в Чемульпо и передать адмиралу Уриу о том, что было известно о неприятеле.

В дороге адмирал Дева встретил «Кассаги» и присоединил его к отряду. Далее встретили крейсер «Асама», который пришел с приказанием от командующего флотом ожидать улучшения погоды и вторично произвести рекогносцировку у Порт-Артура. Однако ввиду того, что положение неприятеля уже почти выяснилось, адмирал Дева послал крейсер «Кассаги» вперед донести о том по телеграфу командующему флотом. С остальными судами и крейсером «Асама» 3 (16) февраля в 9 часов 40 минут утра прибыл в условный пункт в юго-западной части Кореи, где находился 1-й боевой отряд. Около этого же времени вернулся и «Хаядори» с донесением, что он произвел атаку неприятельских судов. Этот миноносец, отделившись от своих товарищей, несмотря на бурю и снег, шел вперед и наконец добрался до Артура на рассвете 1 (14) февраля. В дымке рассвета обнаружил два неприятельских судна и выпустил по одному из них мину; несмотря на то, что он был обстрелян неприятелем, поврежденный не получил и благополучно вернулся обратно.

За эту атаку на имя начальника 4-го отряда истребителей капитана 2 ранга Нагаи Гункичи был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«До нашего сведения дошло, что 4-й отряд истребителей, пользуясь темнотою ночи, пренебрегая опасностью, атаковал

неприятельские суда в Порт-Артуре. Мы хвалим такой доблестный поступок».

На это капитан 2 ранга Нагаи 16 (29) февраля принес ответный адрес в следующих выражениях:

«Мы не имеем слов выразить наши чувства благодарности по поводу всемилостивейше дарованного нам рескрипта за атаку 4-го отряда истребителей у Порт-Артура. Мы с еще большим рвением будем стремиться нашими слабыми силами оправдать такую великую милость.

Я, верноподданный Гункичи, почтительно представляю».

Адмирал Камимура, получив приказание, обойдя окрестности Порт-Артура, идти к юго-восточному мысу Шантун, вышел со стоянки у Чемульпо 30 января (12 февраля) в 8 часов утра. Ввиду крупной волны такое судно, как «Чихая», почти не могло держаться на курсе, почему, приказав ему вернуться, адмирал Камимура с прочими судами пошел далее по назначению, но за недостатком воды и угля и по разным другим причинам решил оставить разведку у Порт-Артура и идти прямо в крейсерство к югу от Шантунского мыса. В 9 часов 45 минут утра 31 января (13 февраля) адмирал Камимура повернул прямо на юг и, растянув суда в широкий строй фронта, шел на юг в поисках русских или нейтральных пароходов с контрабандой до 5 часов дня, после чего направился на randevу на юго-западном берегу Кореи, куда и прибыл 14-го числа.

Статья 2. Действия не принимавших участия в деле отрядов

А. Охранная служба 4-го боевого отряда

Адмирал Уриу, оставаясь с 4-м боевым отрядом, 9-м и 14-м отрядами миноносцев и «Кассуга-мару» на стоянке у Чемульпо, 11-го февраля в 4 часа дня выслал сторожевые суда к устью реки Хан, а затем приказал крейсеру «Нийтака» отвести захваченный пароход «Маньчжурия» и имевший неисправности миноносец

«Цубане» в Сасебо. Крейсерам «Такачихо», «Карн» и «Хато» было приказано нести сторожевую службу близ якорной стоянки. В этот день на разведку в Чемульпо был послан «Чиода», и так как на другое утро он все еще не возвращался, то адмирал Уриу в 8 часов утра на «Нанива» и в сопровождении миноносца «Аотака» сам пошел в Чемульпо. Однако, встретив по дороге «Чиода» и получив донесения, приказал идти крейсеру «Нанива» обратно; в Чемульпо адмирал Урия отрядил миноносец «Аотака», а крейсер «Чиода» по способности отправил в Сасебо. 30 января (12 февраля) в отряд были зачислены лодки «Осима» и «Акаги». «Осима» был послан на стоянку в Чемульпо, и, для поддержания сообщения с отрядом, туда же был командирован один из миноносцев. 1 (14) февраля миноносец «Хаябуса» принес известие относительно перевозки войск. Адмирал Уриу, чтобы знать об этом наверное, запросил у соответствующих властей, на что получил ответ от начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито, что действительно отправка 12-й дивизии уже начата (подробное описание во 2-м томе — о совместных действиях с армией). Затем 7 (17) февраля пришли 1, 2 и 3-й отряды истребителей; «Нийтака» и «Цубане» также вернулись из Сасебо. Так как сила отряда вследствие этого сразу увеличилась, то начальник отряда изменил порядок несения охранной службы. Затем прибыл «Тацута» с приказанием от командующего флотом: «9-й и 14-й отряды миноносцев и 1-й отряд истребителей послать 7 (20) февраля в условный пункт на северо-западном берегу Кореи» и «2-му и 3-му отрядам истребителей и 20-му отряду миноносцев нести охрану Чемульпо». Поэтому адмирал Уриу приказал этим судам немедленно ночью принять воду и уголь.

Б. Приготовления 1-го боевого отряда

Во время пребывания на стоянке близ Чемульпо адмирал Того, дав инструкции разным отрядам относительно второй атаки Порт-Артура, сам с 1-м боевым отрядом и 1, 2 и 3-м отрядами истребителей и «Никко-мару» в 4 часа 37 минут 12-го февраля пошел в условный пункт на юго-западном побережье Кореи для спешной заделки полученных судами повреждений и замены поврежденных орудий и частей запасными. По получении известия от адмирала Ито, что уже началась перевозка 12-й ди-

визии, командующий флотом, имея намерение охранять перевозку войск и в то же время знать о действиях неприятеля, приказал «Кассаги» и «Тацута» крейсировать у определенного пункта, указывая транспортам безопасный фарватер, а крейсер «Асама» послал навстречу 3-му боевому отряду для передачи приказа адмиралу Дева вторично произвести разведку у Порт-Артура. Однако неожиданно адмирал Дева вернулся сам и принес известие о состоянии неприятеля. 4 (17) февраля от адмирала Ито было получено подтверждение того же известия. 5 (18) февраля адмирал Того дал инструкции относительно заграждения входа в Артур и перекидной стрельбы по внутреннему рейду, составленные на основании остроумно разработанного плана.

После первой атаки неприятельской эскадры «Цесаревич» и «Паллада» были с трудом введены в гавань, а «Ретвизан» оставался на мели, приткнувшись под маяком. На эскадре дух упал, и настроение было тревожное. Жители города не занимались обычными занятиями, а большинство укладывало пожитки и выезжало прочь. В особенности в большом числе бежали китайцы–рабочие. В порту за недостатком рабочих рук не могли исполнять работы, чем задерживался ремонт судов. 29 января (11 февраля) минный транспорт «Енисей» во время постановки мин в заливе Талиенван, наткнувшись на мину, приблизительно в 2400 футов от берега затонул. При этом погибли командир капитан 2 ранга Степанов, 2 офицера, 1 механик и 80 нижних чинов. Говорят, что командир, приказав спастись своим подчиненным, сам решил разделить участь своего судна и, несмотря на просьбы команды, оставался на своем посту до гибели судна. В тот же день крейсер «Боярин», идя из Порт-Артура в Талиенван, коснулся мины у южной оконечности Саншан-дао, причем погибло 5 человек нижних чинов. Командир крейсера, капитан 1 ранга Сарычев приказал спешно спастись и бросил крейсер на волю волн. Судно носилось ветром и течением, пока 1 (14) февраля, наткнувшись на другую мину, не затонуло окончательно. Кроме того, 31 января (13 февраля)¹ в гавани столкнулись 2 миноносца, нанеся друг другу значительные повреждения. Как передавали, ввиду всего этого вера во флот постепенно ослабевала, и настроение духа падало.

¹ 29 января «Боевой» и «Стерегущий».

Глава VI

Третья атака Порт-Артура и первое заграждение входа

Статья 1. Подготовки к заграждению входа

Послав во вторую атаку на Порт-Артур часть флота, главные силы адмирал Того оставил в некотором пункте на юго-западном побережье Корси, для ремонта поврежденных, пополнения запасов и отдыха команды, а затем им было решено предпринять заграждение входа в Порт-Артурскую гавань, чтобы запереть там флот неприятеля и обстреливать гавань перекидным огнем. 5 (18) февраля командующий флотом издал приказ относительно 3-й атаки, гласивший следующее:

«Заграждение входа предполагается произвести на 4-й день после выхода со стоянки в 3 часа 30 минут утра; если неприятельские суда будут этому препятствовать, то их должно атаковать. Для спасения людей с заградителей назначаются к пароходу "Тянцинь-мару" миноносец "Чидори", к "Хококу-мару" — "Хаябуса", к "Дзинсен-мару" — "Хато", к "Буио-

мару" — "Манадзуру" и к "Бушю-мару" — "Цубане". 5-й отряд истребителей назначается передовым и должен найти сторожевые миноносцы неприятеля и атаковать их, затем идти на восток и отвлечь туда внимание неприятеля. 9-й отряд миноносцев (за исключением "Цубане"), крейсируя вдоль берега у Ляотешаня до самого входа в гавань, имеет подбирать команды с заградителей, которые не были подобраны на приписанные к пароходам миноносцы. 1-й отряд истребителей, идя впереди пароходов, осматривает местность и затем следует вместе с ними ко входу в гавань, охраняет их от атаки с тыла и затем идет с донесением к главным силам: состоялось или нет заграждение. Затем 4-й отряд истребителей, идя в авангарде 2-го боевого отряда, подходит на рассвете следующего дня к Ляотешаню и еще раз осматривает, нет ли оставшихся команд с заградителей. 1, 2 и 3-й боевые отряды идут с прочими отрядами до кануна назначенного дня заграждения и затем, разделившись, 1-й боевой отряд идет к Encounter Rock, 3-й боевой отряд производит разведку у Порт-Артура, а 2-й боевой отряд вместе с 4-м отрядом истребителей, пройдя под Ляотешанем, соединяется с 1-м боевым отрядом. Веря в помощь неба, со всею энергией и мужеством идите же смело на выполнение этого дела».

Первоначально решено было вступить в решительный бой с русским флотом, но по ходу военных действий пришлось остановиться на другом плане, который был выработан уже давно, а именно на заграждении входа в гавань Порт-Артура. Для этой цели воспользовались следующими пятью пароходами: «Тянцинь-мару», «Хококу-мару», «Дзинсен-мару», «Буио-мару» и «Бушю-мару». Командный состав для них уже был выбран, оставалось набрать охотников из нижних чинов. Поэтому вместе с объявлением приказа о заграждении была открыта запись желающих на комплектацию пароходов. Немедленно же, оспаривая друг у друга первенство, предложили свои услуги свыше 2000 человек. Среди них были даже и такие, которые в пылу одушевления писали свое заявление собственной кровью¹. Однако ввиду опасности предприятия адмирал Того, не

¹ Опрос пленных, взятых с брайдеров-заградителей, показал, что все они были назначены своим начальством.

желая потерять для этого дела много жизней, в конце концов выбрал 67 человек. На другой день 6 (19) февраля команды перешли на свои пароходы и принялись за приготовления к взрыву, затоплению и т. п. Отряд заградителей был укомплектован следующим образом:

«Тянцзинь-мару» (4325 тонн; 11,93 узла): командующий капитан 2 ранга Арима Риокичи (из штаба 1-й эскадры), старший инженер-механик Ямага Дайзо (с броненосца «Хацусе»), 15 человек команды.

«Хококу-мару» (2400 тонн; 11,5 узла): командующий капитан-лейтенант Хиросе Такео (минный офицер с «Асахи»), младший механик Курида Томитаро (с броненосца «Сикисима»), 14 человек команды.

«Дзинсен-мару» (2800 тонн; 11 узлов): командующий капитан-лейтенант Сайто Сичигоро (из штаба 1-й эскадры), старший инженер-механик Минамисава Ясуо (с миноносца «Касуми»), 14 человек команды.

«Буио-мару» (1200 тонн; 13 узлов): командующий лейтенант Масаки Иоситацу (арт. оф. с «Такасаго»), помощник старшего инженер-механика Оиси Чиканори (с броненосца «Хацусе»), 12 человек команды.

«Бушю-мару» (1690 тонн; 11 узлов): командующий мичман Торисаки Ясидзо (с воен. транспорта), младший инженер-механик Суги Сейдзин (с крейсера «Токива»), 12 человек команды.

Статья 2. Выход отрядов

Итак, 15 февраля адмирал Того начал действия по выполнению 3-й атаки. 3-й боевой отряд («Читосе», «Кассаги», «Такасаго», «Иосино»), 5-й отряд истребителей («Кагеро», «Муракумо», «Сирануи», «Югири»), отряд заградителей («Тянцзинь», «Хококу», «Дзинсен», «Буио», «Бушю-мару») и пароход «Киншю-мару» вышли со стоянки в 8 часов утра, 1-й боевой отряд («Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Ясима», «Сикисима», «Хацусе») в полдень, а 2-й боевой отряд («Идзумо», «Адзума», «Асама», «Токива», «Якумо», «Ивате») и 4-й отряд истребителей («Хаядори», «Асагири», «Мурасаме», «Харусаме») вышли в 1 час

дня, и самым последним ушел «Чихая». 9-й отряд миноносцев («Аотака», «Хато», «Цубане», «Кари»), 14-й отряд миноносцев («Чидори», «Хаябуса», «Касасаги», «Монадзуру»), «Тацута» и «Кассуга-мару» вышли со стоянки у Чемульпо в 4 часа дня. 1-й отряд истребителей («Сиракумо», «Асасиво», «Касуми», «Акацуки») вышел оттуда же в 7 часов утра 4 февраля.

Постепенно все отряды собрались в назначенный пункт на северо-зап. берегу Кореи, но, так как в этот день дул норд-вест и развело большую волну, то поход был отложен. На другой день, 9 (22) числа в 4 часа дня вышли в море 3-й боевой отряд и 5-й отряд истребителей, за ними следовали 9-й и 14-й отряды миноносцев с отрядом пароходов-заградителей и затем уже 1-й и 2-й боевой отряды и 4-й отряд истребителей, и пошли по назначению. 1-й отряд истребителей и «Кассуга-мару» вышли 10 (23) числа. Так как ввиду спокойного состояния моря пароходы-заградители шли из определенного пункта без изменения, то 1-й и 2-й боевые отряды, прибавив скорость, скоро нагнали их и пошли соединенно; с 2 часов 40 минут дня изменили строй и в 5 часов дня достигли пункта в 20 милях на SO от острова Round. Вместе со звуками оркестра с флагманского судна со всех судов раздались приветствия уходящему отряду, и команды были выстроены во фронт. Отряд заградителей, под охраной минных судов, отделился от эскадры и направился к Порт-Артуру. В это время солнце утонуло за горизонтом, и там и сям в его последних лучах блестели брызги, поднимаемые чайками.

Статья 3. Заграждение входа

А. Выполнение заграждения

5-й отряд истребителей, идя в авангарде пароходов, в 5 часов дня отделился от эскадры, увеличил ход и направился к подножию Ляотешаня, куда и подошел к 11 часам 50 минутам ночи. Так как на небе еще виднелся серп луны, то, опасаясь быть открытым неприятелем, отряд стал под тенью горы ожидать захода луны. Неприятель уже открыл сильное боевое освещение с Золотой горы, с Белого Волка и с Тахе, а сторожевые с

неприятеля дополняли охрану рейда. Избегая попасть в освещение, двигаясь вдоль берега, отряд в 1 час 30 минут ночи приблизился ко входу в гавань, подошел для разведки под возвышенности Золотой горы и увидел стоящие на якоре несколько судов и миноносцев. Начальник отряда капитан 2 ранга Мано немедленно приказал атаковать их. «Кагеро» первый выпустил мину по одному из судов, «Сирануи» атаковал двухтрубное судно и одновременно с тем повернул в море, «Муракумо» атаковал приближавшееся к нему с бока неприятельское судно. «Югири» выпустил мину и, желая пройти под носом «Муракумо», повернул влево, причем возникла неисправность в рулевом приводе, и миноносцу пришлось остановиться и остаться одному. Однако, спешно исправив повреждение, он благополучно добрался до своего отряда.

10 (23) февраля начальник 1-го отряда истребителей капитан 1 ранга Асай в 3 часа 20 минут дня отделил «Акацуки» и послал его на условный пункт к югу от Ляотешаня, приказав ему по прибытии туда поднять белый огонь для обозначения своего места, а сам с прочими тремя истребителями стал во главе отряда пароходов и направился к Порт-Артуру. 14-й отряд миноносцев стал справа от заградителей, а 9-й охранял отряд с тылу. Таким образом, около 12 часов 30 минут ночи подошли на SO от Ляотешаня. В это время как раз зашла луна и настала полная темнота. Неприятель, светя прожекторами, по-видимому, был настороже. Поэтому отряд заградителей остановился на SW от Ляотешаня, а вперед было выслано 2-е отделение 14-го отряда миноносцев («Хаябуса», «Монадзуру», «Цубане») с целью определить удобный момент для атаки и дать о том знать заградителям. Миноносцы, дойдя до траверза батареи Man-tzu-ying (батарея № 8), повернули направо и наконец могли разглядеть, что делается у входа. Увидев суда неприятеля, застопорили машину приблизительно в одной миле на SO от входа. Однако в 3 часа 40 минут, будучи открыты неприятелем и подвергшись обстрелу, пошли обратно. Неприятель также, постреляв некоторое время, прекратил огонь.

Бывшие в тени Ляотешаня пароходы-заградители в 4 часа 15 минут, полагая настоящий момент удобным для атаки, двинулись вперед в следующем порядке — «Тянцинь-мару», «Хо-

коку-мару», «Дзинсен-мару», «Буио-мару» и «Бушю-мару». Обогнув Ляотешань, они вошли в пределы боевого освещения. Вдруг со всех батарей по ним открыли страшный огонь, однако они, не обращая внимания на летящие снаряды и ослепляющий глаза свет, ринулись вперед. Командующий головным судном «Тянцзинь-мару» капитан 2 ранга Арима, дойдя до Кай-ян-чау¹, приткнулся к этому рифу, и так как ничего нельзя было поделывать, то и взорвался на этом месте.

Командующий пароходом «Хококу-мару» капитан-лейтенант Хиросе, заметив сигнал с «Тянцзинь-мару» — «руль на борт», немедленно повернул вправо и продолжал идти ко входу в гавань. «Дзинсен-мару» следовал вместе с ним. Командующий пароходом «Буио-мару» лейтенант Масаки, не зная, что «Тянцзинь-мару» сел на камни, и приняв висевший у него на клотике сигнальный огонь за сигнал, что тот дошел до места, направился к нему, однако, разобравшись в окружающей местности, понял свою ошибку и вновь повернул ко входу в гавань. В это время 5-й пароход «Бушю-мару», потеряв способность управляться вследствие подбитого руля, прошел между «Тянцзинь» и «Буио-мару» и, приткнувшись к западному берегу, взорвался и затонул. Лейтенант Масаки, полагая, что тот достиг входа, прошел далее и бросил якорь рядом с «Бушю-мару»; опасаясь, что взрывом будет разрушен корпус судна, отменил распоряжения о взрыве и приказал открыть кингстоны и покинуть судно. В это время огонь неприятеля был сосредоточен на «Хококу» и «Дзинсен-мару», однако те не колеблясь шли вперед к своей цели. Немного не дойдя до места, на «Хококу-мару» неприятельским снарядом был подбит руль и затем возник пожар. Наконец, приткнувшись к берегу прямо под маяком и повернув носом на NW, капитан-лейтенант Хиросе громким голосом отдал приказание взорвать судно, однако провода были перебиты, и взрыва не последовало. Тогда, полагая, что взрыв последует сам собою от пожара, вместе с командой вскочил на шлюпку и удалился в море. «Дзинсен-мару», идя справа от «Хококу-мару» и видя прожекторы Золотой горы прямо на норд,

¹ Кай-ян-чау находится в 3 милях на NO от SO-ой оконечности Ляотешанского мыса и тянется каменистою грядою от берега на 400–500 метров. В малую воду обнажается над поверхностью моря футов на 6.

положил руля и направился ко входу, но в это время вдруг наскочил на какое-то препятствие вроде затонувшего судна и остановился. Взорвав судно на этом месте и прокричав «банзай», команда перешла на шлюпку и направилась в море; при этом неприятельским снарядом был убит один нижний чин и ранено четверо.

Б. Спасение экипажа заградителей

1-е отделение 14-го отряда миноносцев («Чидори», «Касагаги»), следуя за пароходами, все время держалось под берегом. Пройдя около полутора миль от мыса Ляотешань, отделились от заградителей и крейсировали поблизости в ожидании момента спасания людей. Когда в 4 часа 28 минут «Тянцзинь», сев на камни, взорвался, то «Чидори», заметив идущие с него шлюпки, пошел им на помощь и снял людей. Затем подобрал также команду с «Буно-мару» и отправился вновь на поиски. Кроме того, желая выяснить, в каком положении находится заграждение входа, под градом снарядов направился к гавани. Не найдя там наших шлюпок, повернул назад и в 9 часов 30 минут утра присоединился к 3-му отряду истребителей.

2-е отделение 14-го отряда миноносцев, а именно «Монадзуру», «Хаябуса» и «Цубане», будучи обстреляны во время разведки у Золотой горы, прошли к западу от входа. Увидев наши заградители, пошли в их сторону, по дороге встретили «Касагаги», с которого передали, что большинство команд уже подобраны, но, несмотря на это, все-таки пошли на дальнейшие поиски. Подобрал капитан-лейтенанта Хиросе и команду с «Хококу-мару», «Хаябуса» вместе с «Касагаги» в 6 часов 30 минут вернулся к своему отряду. «Монадзуру» оставался до рассвета близ входа в гавань, видел пожар на «Хококу-мару» и, чтобы затопить его, выпустил в него мину. «Цубане», тщетно производя поиски, наконец вернулся обратно.

9-й отряд миноносцев с 4 часов 15 минут утра держался к востоку от Ляотешаня, ожидая возвращения команд заградителей. На рассвете заметил два парохода, приткнувшиеся к берегу у входа, и еще один, на котором был пожар; не видя ни одной шлюпки, которой он мог бы оказать помощь, отряд на-

правился в море и соединился с 3-м отрядом истребителей в 9 часов утра.

5-й отряд истребителей, произведя атаку на сторожевые суда неприятеля, услышал выстрелы около 3 часов 35 минут ночи. Полагая, что это стреляют по нашим заградителям, вышел к югу от батареи Тахе и занял наблюдательное положение. В 6 часов 30 минут утра, несмотря на сильный огонь неприятеля по нашим заградителям, приблизился ко входу в гавань в поисках за оставшимися шлюпками, но, ничего не найдя, вышел в море и затем соединился с 1-м боевым отрядом.

1-й отряд истребителей, дойдя вместе с пароходами до Ляотешаня, после того, как они пошли ко входу, следовал за ними, охраняя их с тыла. Затем, произведя разведку, в каком положении было заграждение входа, отправился с донесением о том к 1-му боевому отряду и встретился с ним в 8 часов 30 минут утра.

4-й отряд истребителей, идя в авангарде 2-го боевого отряда, отделился от него в 2 часа ночи и пошел к Ляотешаню. Затем в поисках за командами с пароходов приблизился ко входу в гавань. По дороге заметил шлюпку, но она оказалась пустою, почему бросил ее и продолжал идти ко входу. Будучи встречен огнем с трех неприятельских миноносцев¹ и батареей, под градом падающих снарядов вступил в перестрелку с неприятельскими миноносцами, стараясь завлечь их в море, но так как они не отходили из-под батарей и кругом не видно было шлюпок с командами заградителей, то отряд повернул в море и пошел на соединение со 2-м боевым отрядом.

Командующий пароходом «Дзинсен-мару» и команда с этого парохода в числе 15 человек после взрыва судна перебрались на шлюпку и пошли искать наши миноносцы. Ввиду сильной стрельбы при входе шлюпка держалась вдоль самого берега Тигрового полуострова, направляясь к Ляотешаню. Однако ни одно из наших судов не встречалось, между тем ветром и течением шлюпку стало относить на юг в открытое море, команда, выбиваясь из сил, боролась с волнами, и шлюпке приходилось плохо, когда, к счастью, встретили команду с «Бушю-мару» и вслед за тем были подобраны нашими отрядами.

¹ «Сторожевого», «Стерегущего» и «Скорого».

В донесении наместника, адмирала Алексеева говорится следующее:

1. «В дополнение телеграммы от 11 февраля всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству следующее: 11 февраля с 2 часов 45 минут ночи до рассвета неприятель сделал попытку атаковать "Ретвизан" многими миноносцами и затопить в проходе большие пароходы с горючими материалами. Обнаружив сперва миноносцы и открыв по ним сильный огонь, "Ретвизан", поддерживаемый батареями, уничтожил близ входа шедшие прямо на него два парохода, из которых первый выскочил на камни под маяком Тигрового полуострова, другой затонул под Золотой горой. Стрельба по миноносцам продолжалась до рассвета, когда на рейде обнаружены всего четыре погибших парохода и восемь медленно удалявшихся миноносцев, которые направлялись к ожидавшим их в море кораблям. Спасавшиеся на шлюпках команды пароходов частью утонули, и, может быть, подобраны неприятельскими миноносцами. Производится обыск берегов; проход в порт чист. Полное расстройство плана неприятеля отношу к молодецкому отпору и убийственному огню "Ретвизана". Пароход горит еще теперь. На рейде усмотрены плавающие мины. На горизонте двумя отрядами держится неприятель. Возвращаю посланные в погоню 3 крейсера, дабы предварительно очистить рейд от плавающих мин».

2. «Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству подробное донесение вице-адмирала Старка об атаке броненосца "Ретвизан" японскими миноносцами и брандерами ночью 11 февраля и о нападении неприятельских крейсеров на миноносцы "Бесстрашный" и "Внушительный", произведенном 12-го февраля.

В 2 часа 40 минут пополудни 11 февраля, после довольно продолжительного затишья в военных действиях, вновь раздался первый выстрел с броненосца "Ретвизан", который, неустанно и зорко наблюдая за рейдом у берегов Тигрового полуострова, усмотрел белый неприятельский миноносец. Стрельба с броненосца, как можно судить с внутреннего рейда, поддерживаемая береговыми батареями, происходила в течение часа с перерывами, и только в исходе четвертого часа она обратилась в сплошной убийственный огонь, который, как впоследствии оказалось, был открыт по неприятельским пароходам-брандерам, большим ходом направлявшимся на бронено-

сец "Ретвизан" и в проход в гавань. Огонь был настолько губителен для неприятеля, что через четверть часа после открытия первого парохода можно было даже из бассейна усмотреть его горевшим и выскочившим на камни под входным маяком. У второго парохода удачно попавшим снарядом отдался якорь, и он, подобно первому, принужден был, не достигнув цели, выбраться под Золотой горой. Брандеры сопровождалась миноносцами, которых назначение, по-видимому, было снять с пароходов команду, а затем, при удачной постановке к "Ретвизану" брандеров, его взорвать.

По показанию многих очевидцев, 2 миноносца, находясь в лучах прожекторов, были утоплены, и поэтому надо полагать, что с неприятельских пароходов не всем удалось спастись.

После полного отражения пароходов неприятельские миноносцы подходили неоднократно и тем вызывали артиллерийскую стрельбу "Ретвизана" до самого рассвета. С рассветом было обнаружено еще два парохода, тоже выброшенных на рифы, и, кроме того, на довольно глубоком месте у Тигрового берега в малую воду оголялся корпус большого японского миноносца.

Пароходы величиною свыше трех тысяч тонн оказались начиненными пропитанными керосином угольной пылью и большим количеством кальция в банках. Это сочетание горючего материала привело к тому, что объятый пламенем пароход, несмотря на все принятые меры, продолжал гореть в течение недели. Пароходы были снабжены приспособлением для взрыва и затопления их в желаемом месте, и можно с уверенностью сказать, что это представляло тип наиболее губительного брандера. По предметам, найденным на пароходах и на берегу, хотя их было и немного, можно судить по той поспешности, с какою пароходы оставлялись своим экипажем. На одном из пароходов найдены платье и кортик морского офицера, очевидно, вплавь искавшего спасения. Найдена карта с прокладкою курса отряда; на одной из карт сделан схематический набросок того положения, которое должны были принять в проходе брандеры-пароходы, с обозначением и самого броненосца "Ретвизан", отмеченного японской надписью, не оставляющей никаких сомнений в их замысле. По всему вероятно, гибель неприятельских миноносцев и во всяком случае неизвестность их местонахождения, а также легко понятный интерес неприятеля узнать, к какому конечному результату привела их атака брандерами, призвали утром на вид броненосца "Ретвизан" и наших

фортов 5 японских миноносцев и отряд мелких крейсеров, которые с осторожностью держались вдали от батарей. Вскоре по выходе на наружный рейд наших крейсеров "Баян", "Аскольд" и "Новик" неприятельские суда скрылись; преследование их не представлялось возможным вследствие большого числа плававших на рейде предметов, заставлявших опасаться присутствия между ними мин».

3. В записках капитана 1 ранга Бубнова об этом в общих чертах изложено так.

«11-го февраля, в 3-м часу ночи, в лучах прожекторов замечены были какие-то суда, направляющиеся ко входу в гавань. Сильный огонь с "Ретвизана" и с батарей их не остановил; он сослужил только ту службу, что, подобно лучам прожекторов, затруднил им определение места входа, а главное, повлиял морально на настроение духа командиров этих судов, лишив их необходимого хладнокровия.

Из пяти, как выяснилось потом, посланных японцами заградителей близко подошли к намеченной цели только три, другие два погибли на значительном расстоянии: один выбросился на камень у Белого Волка, а другой погиб на рейде. Из остальных трех удачнее всего действовал "Віґо-Маґу"¹, который, несмотря на адский огонь с "Ретвизана", подошел к самому входу и выскочил на камень, лежащие у западного края входа. Возьми он чуть-чуть правее, и "Ретвизан" мог бы быть протаранен в корму. Остальные два заградителя выскочили восточнее входа на берег.

Если проход остался свободен, то это надо приписать только случаю. У нас тогда еще не было на рейде мин инженерного ведомства, которые начали ставить позже; не было на рейде затоплено и парходов с заведенным между ними боном, что могло бы затруднить подход к самому входу.

Во всяком случае, после этого проход все-таки остался свободен, и все этому были рады, хотя таковая попытка японцев явилась для нас большим предостережением.

Пока заградители подходили в эту ночь к Артуру и затем далее, когда они были уже на камнях и на берегу, нельзя было до рассвета выслать из гавани ни миноносец, ни шлюпку, потому что прислуга орудий на батареях и на "Ретвизане" стреляла по всем предметам, попадавшим в лучи прожекторов. Это обстоятельство в свою очередь дало

¹ Ошибка — это пароход «Хококу-мару».

возможность экипажу с этих пароходов удрать в море, где люди были сняты со шлюпок японскими миноносцами. Если бы с рассветом от нас выслали не два миноносца, дежурившие в ту ночь у "Ретвизана", а четыре или шесть, да еще с "Новиком", то часть команды пароходов попала бы к нам в плен.

То, что почти вся команда с японских заградителей была спасена своими же, имело большое значение в будущем. При следующих попытках заградить вход командир и команда японских заградителей действовали увереннее и храбрее, так как они знали, что град наших снарядов не так уже губелен, что и дало возможность спастись всем их предшественникам»¹.

Статья 4. Сражение близ Порт-Артура

А. Выход главной эскадры

1-й и 3-й боевые отряды в 5 часов дня 10 (23) февраля, расставшись с отрядами заградителей, шли по намеченному курсу, когда вдруг с броненосца «Фудзи» получился сигнал «вижу на NW четырехтрубное судно». Вследствие сего адмирал Того приказал изменить курс на NW и выслал вперед на разведку «Тацута». Уже становилось темно, но выяснить, какое это судно, не удавалось, и потому оба отряда легли на прежний курс. На другое утро с рассветом встретились с «Кассуга-мару». Имея в голове 3-й боевой отряд, флот шел вперед. Около 8 часов 30 минут утра встретили 1-й отряд истребителей и узнали подробности о заграждении, однако ввиду того, что подробный результат заграждения не был известен, адмирал Того послал на рекогносцировку к рейду Порт-Артура 3-й боевой отряд, а сам с 1-м боевым отрядом остался крейсировать на том же месте, поджидая сбор отрядов истребителей и миноносцев. Один за другим вернулись 5-й отряд истребителей и 9-й и 14-й отряды миноносцев. Эти последние два отряда адмирал Того под конвоем «Кассуга-мару» отправил на стоянку в северо-западной части

¹ Из приведенного описания капитана 1 ранга Бубнова японцы исключили все, что касается выхода и действий наших крейсеров, от которых удрали японские миноносцы.

Кореи. В это время были получены донесения от адмирала Дева о положении заграждения входа и о том, что «Баян» и «Новик» вышли из гавани; о том же узнали и от возвратившегося 2-го боевого отряда. Адмирал Того, созвав отряды истребителей к борту «Микаса», приказал им с наступлением ночи произвести атаку на эти суда и объявил, что назавтра предполагается стрельба со всех судов по неприятелю; сверх того, приказал 3-му боевому отряду до 4 часов дня охранять отряды истребителей, а затем пройти к острову Торнтон¹ и на другой день прибыть к острову Round. В полдень 1-й и 2-й боевые отряды ушли на SO.

3-й боевой отряд, выйдя перед тем на рекогносцировку у Порт-Артура в 9 часов 11 минут, находясь в расстоянии около 6 миль от Золотой горы, рассмотрел положение заградителей и состояние неприятеля и донес о том командующему флотом. В это время в стороне Ляотешаня показалось несколько дымок и вслед за тем различили «Новик» и 5 миноносцев, идущие из Голубиной бухты. Прибавив ходу, отряд стал нажимать на неприятеля и открыл по нему огонь из орудий; «Новик» также открыл огонь. Стоявший на рейде «Баян» и некоторые батареи сделали несколько выстрелов, но за дальностью расстояния снаряды не долетали. Между тем неприятель полной скоростью приближался к гавани. Полагая невыгодным преследовать его далее, адмирал Дева в 9 часов 58 минут прекратил огонь и пошел в море.

Б. Атака истребителей и несение ими сторожевой службы

Получив приказание произвести ночью атаку на неприятельские суда на внешнем рейде Порт-Артура, 4-й отряд истребителей подошел в полночь на 12 (25) февраля на SO от Ляотешаня. В 1 час 30 минут ночи 2-е отделение («Мурасаме», «Харусаме») отделилось от отряда и пошло ко входу в гавань. Несколько времени спустя зашла луна и наступил полный мрак.

¹ Остров Торнтон (Хайян-тао) лежит на широте 39° 3' N и долготе 123° 9' O. Длина его с севера на юг 4,5 мили, а ширина с востока на запад 3 мили. Высота 1320 футов. Остров находится в 70 милях на Ost от Талиенвана.

Неприятель светил по рейду прожекторами с трех пунктов — с Тигрового полуострова, с Золотой горы и с Тахе и таким образом бдительно освещал весь фарватер. Когда «Мурасаме» и «Харусаме» находились в нескольких милях на SW от входа, вдруг блеснул огонек выстрела. Немедленно все прожекторы направились на подножие Ляотешаня и с батарей и сторожевых судов открыли беспорядочную стрельбу¹ — по-видимому, неприятель, еще не зная о приближении наших миноносцев, принял за атакующие суда севший прошлой ночью на камни у Кай-юнчао пароход «Тянцинь-мару». Оба миноносца стали приближаться. В 3 часа 30 минут «Мурасаме», открыв силуэт судна, стоящего под Золотой горой, выпустил в него мину. Однако неприятель, ничего не подозревая, по-прежнему продолжал светить впустую вместе с прочими судами и батареями на Тигровый хвост. «Харусаме» тихонько приблизился и, улучив не освещенное во входе пространство, прошел туда и, выпустив мину, удалился. Навстречу ему попались несколько неприятельских сторожевых судов и открыли по нему огонь, но миноносец быстро ушел в море. «Мурасаме», намереваясь произвести атаку во второй раз, снова пошел на рейд и, различив несколько сторожевых судов, стоявших у входа в гавань, выпустил по ним мину и пустился удирать. Только тогда неприятель заметил нашу атаку² и открыл частый огонь. Однако «Мурасаме», отстреливаясь от сторожевых судов, благополучно вышел в море и соединился с «Харусаме».

1-е отделение 4-го отряда, «Сазанами» и «Асагири», подойдя ко входу в гавань почти на расстояние в 1400 метров, обыскали весь рейд, но никого не нашли, кроме сторожевых судов. При этом они были открыты сначала прожекторами с Тигрового хвоста, а потом освещены фонарями и с других батарей и подверглись сильному обстрелу. «Сазанами», отстреливаясь от сторожевых судов, полным ходом повернул в море, а «Асагири» выпустил мину по судну, стоявшему около входа, и тоже повернул обратно. Таким образом, миноносцы благополучно

¹ Частый огонь.

² Все атаки были вовремя замечены, и это не позволяло японцам приблизиться на мишний выстрел; мины, выпущенные ими со слишком большого расстояния, не попали в суда.

встретили 2-е отделение и все вместе направились в назначенное место на северо-западном побережье Кореи.

5-й отряд истребителей вышел 11 (24) февраля в 5 часов 50 минут дня с целью осмотреть залив Талиенван и атаковать там неприятельские суда, если бы таковые пришли туда укрываться от атаки 4-го отряда истребителей. Придя ко входу в залив, отряд разделился на отделения и каждое тщательно осмотрело определенный район залива. В стороне Порт-Артура виднелись несколько густых передвигающихся дымов. В 8 часов вечера заметили один неприятельский миноносец, идущий от Порт-Артура; желая отрезать ему путь отступления, отряд повернул и начал заходить ему в тыл, но в конце концов потеряли его из виду и еще более усилили бдительность. Наступила глубокая ночь, и в стороне Порт-Артура виднелись по временам блески выстрелов. Не встретив неприятеля, в 2 часа ночи отряд вышел из сторожевого района и на следующий день после полудня прибыл в условный пункт на северо-западном побережье Кореи.

1-й отряд истребителей в поход за неприятельскими миноносцами, которые приходили укрываться¹ в Голубиную бухту, вышел с заходом солнца и прибыл туда к 2 часам ночи. Не найдя неприятеля, отряд пошел на соединение с 1-м боевым отрядом.

В. Сражение главной эскадры

После заграждения входа адмирал Того с 1-м и 2-м боевыми отрядами 11 (24) февраля повернул на SO, решив отойти от окрестностей Порт-Артура. 12 (25) февраля с целью беспокоить неприятеля была назначена перекидная стрельба по внутренней гавани Порт-Артура, и потому флот снова лег на NW. По пути встретили 1-й отряд истребителей и 3-й боевой отряд. Построившись в одну кильватерную колонну, флот приближался к Порт-Артуру. Вдалеке под Тигровым хвостом заметили «Баяна», «Аскольда» и «Новика», идущих на юг, также в строе киль-

¹ Наши миноносцы ежедневно посылались осматривать Голубиную бухту, острова Reef и другие у NW-го побережья Квантуна.

ватера с поднятыми боевыми флагами. Адмирал Того, дав особые инструкции 3-му боевому отряду, «Тацута», «Чихая» и 1-му отряду истребителей, сам с 1-м и 2-м боевыми отрядами устремился на неприятеля. Милях в 10 к югу от Swainson Point усмотрели плывущую неприятельскую мину заграждения и, уклонившись от нее, пошли на вершину горы Ляотешань. В 11 часов 30 минут, когда расстояние до неприятеля было 18 000 метров, адмирал Того приказал судам в удобный момент открыть огонь.

Неприятель сначала, заметив приближение нашего флота, пошел было в гавань, но затем, когда мы уклонились, чтобы избежать плавающей мины, снова пошел по направлению к Swainson Point, как бы желая завлечь нас на опасное место. Наш флот продолжал приближаться к неприятелю, и в 11 часов 43 минуты с «Микаса» был открыт огонь. «Баян», «Аскольд» и «Новик», пользуясь поддержкой батарей Тигрового хвоста, Золотой горы и Тахе, отвечали на наш огонь. Все броненосцы, выбирая удобный момент, начали стрельбу по неприятельским судам, батареям или же перекидным огнем в гавань. В 11 часов 55 минут бой был в самом разгаре и снаряды взрывались там и сям. Около полдня неприятельские суда скрылись в гавань, а 1-й боевой отряд в 12 часов 19 минут спустил боевые флаги и пошел обратно.

2-й боевой отряд следовал за 1-м в следующем порядке: «Идзумо», «Адзума», «Асама», «Якумо», «Токива», «Ивате» и с полдня начал стрельбу. «Идзумо» стрелял в «Аскольд» и в батареи Тахе, прочие суда также открыли огонь, но неприятель заходил в гавань, и, когда в 12 часов 18 минут его совершенно не было видно, 2-й боевой отряд направил огонь на батареи, а в 12 часов 25 минут прекратил бой.

Так как этот бой велся на очень дальней дистанции, то трудно было знать о его результатах; тем не менее было видно, что вблизи судов неприятеля взрывалось много снарядов, а в батарее и внутреннюю гавань вероятно также попало немало. Говорят, что на «Аскольде» попавшим 12-дюймовым снарядом были выведены из строя 2 орудия в батареейной палубе. На «Баяне» была разбита дымовая труба. На «Новике» также были некоторые повреждения. На судах было 22 убитых и 41 раненый, а на берегу 3 убитых и 18 раненых.

В то время как 1-й и 2-й боевые отряды вели бой у Порт-Артура, 3-й боевой отряд находился у Ляотешаня, наблюдая за неприятелем. В 10 часов 30 минут утра, отделившись от главных сил, он направился к острову Мяо-тао для прикрытия производящих разведку у этих островов «Чихая» и «Тацута». Спустя немного по открытии канонады отряд направился, чтобы наблюдать за входом в гавань, прямо к Ляотешаню. При прохождении у западного мыса Ляотешань вдали были замечены несколько дымов; по сближении выяснилось, что это два неприятельских миноносца, возвращающиеся вдоль берега в Порт-Артур. Отряд прибавил ходу и направился к ним; с «Читосе», а затем и с прочих судов был открыт огонь по головному миноносцу. Бывшие на рейде суда неприятеля и батареи открыли также сильный огонь в их защиту. Один из миноносцев с трудом успел проскочить в гавань, другой же, по-видимому не рассчитывая прорваться, вдруг повернул и пошел по направлению к Голубиной бухте. Адмирал Дева, обогнув мыс Ляотешань, пустился за ним в погоню, все время не теряя его из виду, и в 12 часов 30 минут, подойдя ко входу в Голубиную бухту, увидел, что миноносец уже затонул, а команда переправлялась на шлюпке на берег. Тогда адмирал Дева, выделив крейсер «Иосино», приказал ему расстрелять и потопить миноносец окончательно, для исполнения чего крейсер «Иосино» подошел вплотную к неприятелю и открыл по нему огонь. Один из снарядов, попав сзади командирской рубки, поднял столб дыма и пламени, попал и другой снаряд, при этом перебиравшаяся на берег команда, побросав шлюпки, бросилась вплавь в воду в большом смятении. Так как три попавших в цель снаряда не изменили положения миноносца и было видно, что он, погрузившись на мели, совсем потерял боевую силу, то в 1 час 17 минут крейсер прекратил огонь и вернулся к своему отряду. При этом, хотя в него и стреляли с батареи Чи-куан-шань, но снаряды не долетали. Вслед за тем 3-й боевой отряд пошел на юг и, выйдя из-за Ляотешаня, послал по телеграфу донесение об этом на «Микаса». Этот жалким образом окончивший свое существование миноносец оказался «Внушительным». По слухам, он был взорван на другой день самим неприятелем.

В донесении наместника, адмирала Алексеева говорится:

«Утром 12-го февраля наши крейсера "Баян", "Аскольд" и "Новик" были посланы в море для производства разведки, а также для розыска миноносцев "Бесстрашный" и "Внушительный", не вернувшихся и посланных накануне вечером в составе целого отряда. В 9-м часу утра с фортов и застав было сообщено, что два наших миноносца спускаются с севера по западную сторону Квантуна; одновременно получилось сведение и о приближении неприятельского флота в полном его составе, причем число неприятельских миноносцев было ограничено восемью. Неприятельский флот старался держаться вдали от наших фортов, что в то же время не мешало ему открыть огонь по нашим крейсерам, которые, в ожидании возвращения миноносцев "Бесстрашный" и "Внушительный", держались под защитой береговых батарей и отстреливались от неприятеля. В 10 часов 50 минут утра неприятельский флот приблизился настолько, что форты открыли по нему огонь. В то же время отряд легких крейсеров отделился, чтобы отрезать наши миноносцы, подходившие к маяку Ляотешань, с которого семафором им передавалось о нахождении неприятеля в виду крепости. Миноносец "Бесстрашный" шел полным ходом, и ему удалось под выстрелами проскочить на рейд; миноносец же "Внушительный" отстал от головного и затем решил вернуться в Голубиную бухту, где, как оказалось впоследствии, и был настигнут неприятельскими крейсерами. Наши крейсера, по возвращении миноносца "Бесстрашный", вошли в гавань.

На крейсере "Аскольд" ранен один нижний чин. Возвращение миноносца "Внушительный" в Голубиную бухту было усмотрено неприятельскими крейсерами, так как, не успев отрезать миноносец "Бесстрашный", они направились к бухте, и все четыре крейсера открыли по миноносцу "Внушительный" частый огонь. Миноносец значительно поврежден с разрывом воздушного резервуара минного аппарата. Убитых и раненых на миноносце нет».

Статья 5. Возвращение главной эскадры

12 (25) февраля в 12 часов 30 минут дня адмирал Того с 1-м и 2-м боевыми отрядами отошел от Порт-Артура и приказал 2-му боевому отряду идти в известный пункт на юго-западном по-

бережье Кореи, где принять воду и уголь и ожидать дальнейших приказаний; сам с 1-м боевым отрядом и 1-м отрядом истребителей направился на стоянку на северо-западном побережье Кореи. На рассвете 13 (26) февраля встретили 8-й боевой отряд и «Тацута», а затем по приходе на место нашли там уже вернувшиеся ранее 4-й и 5-й отряды истребителей и 9-й и 14-й отряды миноносцев. Командующий флотом приказал адмиралу Дева с «Читосе», «Такасаго», «Фудзи» и «Ясима» и 5-м отрядом истребителей произвести разведку у острова Торнтон, а 4-му отряду истребителей и 9-му отряду миноносцев велел идти в Чемульпо в распоряжение адмирала Уриу. Сам же с 1-м боевым отрядом (без «Фудзи» и «Ясима») с «Кассаги», «Иосино», «Чихая» и 1-м отрядом истребителей в 6 часов вечера вышел в море и 27-го февраля после полудня прибыл в условный пункт на юго-западном побережье Кореи, где встретился со 2-м боевым отрядом.

28-го февраля командующему флотом вице-адмиралу Того Хейхачиро по поводу последних действий у Порт-Артура был дан нижеследующий императорский рескрипт:

«Узнав о доблестных действиях Соединенного флота по заграждении входа в Порт-Артур, Мы глубоко радуемся горячей преданности офицеров и команды».

На этот милостивый рескрипт адмирал Того поднес нижеследующий ответный адрес:

«По поводу действий наших по заграждению входа в Порт-Артур Ваше Величество соизволили даровать всемилостивейший рескрипт, и мы не имеем слов, чтобы выразить нашу благодарность. Мы весьма сожалеем, что не вполне достигли желаемых результатов, но участники дела почти все вернулись невредимыми, что могло быть достигнуто только ввиду высокого покровительства Вашего Величества, и нет сильнее того чувства благодарности, которое мы испытываем.

Вышеизложенное почтительно доношу».

Глава VII

Четвертая атака Порт-Артура

Статья 1. Выход Соединенного флота

Вернувшись по окончании 3-й атаки Порт-Артура на стоянку в юго-западной Корее 14 (27) февраля, адмирал Того на другой день по телеграфу обратился в главную квартиру с просьбой вторично приготовить суда для заграждения входа в гавань. 14 (27) февраля вернулся из рекогносцировки к острову Торнтон адмирал Дева с подробным донесением относительно положения в этом районе. В тот же день была получена телеграмма от начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито следующего содержания: «3-й эскадре приказано вступить в ваше распоряжение» (3-я эскадра была зачислена в состав Соединенного флота с 3-го марта). Первоначально 3-я эскадра была назначена для действий против Владивостокского отряда крейсеров, в случае походов их на юг, и для конвоирования и защиты наших военных транспортов, плавающих в этих водах (подробно о действиях против Владивостокской эскадры см. во 2-м томе нашего издания). Теперь же, с присоединением этой эскадры к Соединенному флоту, адмирал

Того немедленно приказал адмиралу Катаока выслать 7-й боевой отряд на раидеу в юго-западной части Кореи, а прочим судам этой эскадры продолжать свою службу по-прежнему. Начальнику же 2-й эскадры адмиралу Камимура было приказано произвести усиленную рекогносцировку у Владивостока (подробно изложено во 2-м томе). 4-го марта начальнику 7-го боевого отряда адмиралу Хосоя было приказано идти на север к устью реки Пинъян для охраны высадки наших войск (подробно изложено во 2-й части данного тома «Осада Порт-Артура»).

Около этого времени в Порт-Артуре исправления почти на всех судах, кроме «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллада», были окончены. Сверх того, по ходившим слухам, в недалеком будущем в Артур ожидали прибытия нового командующего флотом вице-адмирала Степана Осиповича Макарова (прибыл в Артур 24 февраля (8 марта)), и настроение духа на неприятельских судах сильно поднялось. Поэтому адмирал Того, чтобы не дать неприятелю оправиться, решил снова тревожить его атакой и в тот же день, вызвав адмирала Уриу, решил идти к Порт-Артуру сам с 1, 3 и 4-м боевыми отрядами. Однако ввиду дурной погоды в поход вышли только 23 февраля (7 марта). В этот день 7-й боевой отряд (за исключением «Хейен» и «Атаго») в 7 часов утра вышел к устью реки Тайдон. В 9 часов утра вышли в море 3-й боевой отряд (за исключением «Кассаги» и «Иосино» и с прибавлением «Токива»), 1-й боевой отряд и 1-й отряд истребителей и на другое утро прибыли на стоянку в северо-западной части Кореи. Адмирал Уриу с 4-м боевым отрядом уже находился там, и, таким образом, все суда, назначенные участвовать в 4-й атаке на Порт-Артур, были в сборе. 9-го марта в 4 часа 40 минут утра вслед за 3-м боевым отрядом вышли в море 1-й и 4-й боевые отряды и 1-й и 3-й отряды истребителей и в назначенном строю направились к Порт-Артуру. В 6 часов вечера адмирал Того, приказав отрядам истребителей идти вперед в атаку на неприятельские сторожевые суда, поднял им сигнал «Желаю большого успеха», и вместе с тем 1, 3 и 4-й боевые отряды изменили курс на юг. «Тацута» и «Чихая», шедшие вместе с истребителями, также отделились от них и примкнули к главным силам, неся сторожевую службу у них в тылу.

Статья 2. Жестокий бой между отрядами миноносцев¹

А. Сражение вплотную 1-го отряда истребителей

1-й отряд истребителей («Сиракумо», «Асасиво», «Касуми» «Акацуки») подошел к южной оконечности Ляотешаня 25 февраля (9 марта) в 4 часа 20 минут вечера и поджидал появления неприятеля, крейсировав в расстоянии одной мили от берега по линии ост-вест на протяжении 4 миль. В 2 часа 10 минут ночи взошла луна и показались мутные очертания берегов. Отряд уменьшил скорость хода. В 4 часа 20 минут ночи при вторичном следовании отряда на ост, имея на траверзе мыс Ляотешань, на «Касуми» стали делать сигнал вспышками. Начальник отряда капитан 1 ранга Асай, опасаясь быть открытым неприятелем и желая скрыться за тенью Ляотешаня, повернул влево и пошел снова на W. В 4 часа 35 минут головной и второй миноносцы «Сиракумо» и «Асасиво» уже повернули, «Касуми» описывал циркуляцию, а «Акацуки» только что собирался положить руль, и таким образом суда были расположены полукругом, когда на «Сиракумо» вдруг услышали с кормы несколько выстрелов. Хотя начальник отряда не уклонялся от боя, но так как в это время мы находились в полном освещении луны, а неприятель, по-видимому, скрывался в тени гор, то пришлось остановиться, чтобы разглядеть, где находится неприятель. Внезапно увидели неприятельский миноносец близ нашего последнего. Чтобы занять выгодную позицию относительно луны, начальник отряда приказал увеличить ход, продолжая идти на W. Хотя перестрелка все усиливалась, но «Сиракумо», имея за собой другие миноносцы своего отряда, не мог ни светить боевым фонарем, ни открывать огня. Вслед за тем по носу с левого борта увидели блеск огня и, полагая, что это другой неприятельский миноносец, избегая его, повернули на SW, прочие же три миноносца, проходя с неприятелем чуть не касаясь бортами, вели жестокую перестрелку.

¹ Бой нашего 1-го отряда миноносцев «Выносливый», брейд-вымпел капитана 1 ранга Матусевича, «Властный», «Внимательный» и «Бесстрашный».

2-й миноносец «Асасиво» в 4 часа 37 минут заметил с кормы по правому борту 3 неприятельских судна, как будто бы миноносца; не успели оглянуться, как один из них был уже на расстоянии около 200 метров, нажимая на наш миноносец и ведя сильную пальбу. Затем неприятель, обойдя «Асасиво» с кормы, подошел к нему с левого борта почти вплотную, так что можно было рукой бросить снаряд, и продолжал вести бой на параллельном курсе, стреляя в нас правым бортом. Тем временем наши снаряды не падали даром, там и сям раздавались звуки взрывов и поднимались всплески воды. В наш миноносец также попало 8 снарядов, которыми был убит 1 нижний чин и легко ранено 3. Вдруг неприятель, по-видимому получив повреждение в котлах, вышел под нос миноносца, сильно паря, и остановился. «Асасиво», чтобы избежать столкновения, быстро повернул влево и в то же время из носовой пушки под углом снижения выпустил два снаряда по неприятелю. Видно было, что один из них, попав в цель, разорвался, подняв столб пламени и дыма. Затем, все еще продолжая стрелять из орудий правого борта, «Асасиво» разошелся с неприятелем и прекратил огонь.

Третий миноносец «Касуми» был неожиданно обстрелян неприятелем в тот момент, когда он поворачивал, но так как мы находились в невыгодном положении, будучи освещены луною, то не могли сразу обнаружить неприятеля, который оставался в темноте; поэтому, опасаясь стрелять, чтобы не подбить свои же миноносцы, «Касуми» некоторое время осматривался, ища неприятеля. Наконец заметил у себя по левой раковине на расстоянии 200–300 метров два неприятельских миноносца и открыл по ним огонь. Спустя немного времени на одном из неприятельских миноносцев возник пожар, и потому он отошел под Ляотешань. Вслед за тем открыли какое-то судно также и по носу и, осветив его фонарем, убедились, что это неприятель, и вступили с ним в перестрелку. При этом заметили сигнал о помощи со своего заднего мателота «Акацуки», с которого валил пар. Немедленно повернули к нему, пройдя под кормой неприятеля, но, подойдя и боясь столкнуться, снова повернули налево и пошли почти рядом с неприятелем, все время поддерживая сильный огонь. Неприятель, осыпаемый нашими сна-

рядами, мужественно сражался, когда вдруг, после одного попавшего нашего снаряда, неприятель сразу уменьшил ход и отступился. Пройдя у него по носу и освещая его прожектором, увидели, что он совершенно остановился, почему, вновь стреляя в него, пошли вперед вдогонку за «Сиракумо». В этой перестрелке в «Касуми» попало более 10 снарядов. Был убит 1 нижний чин и тяжело ранены механик Минамисава Ясуо и 2 нижних чина.

Последний миноносец, «Акацуки», собираясь следовать за головным миноносцем при повороте на W, вдруг услышал выстрелы под Ляотешанем и хотя видел, что идущий перед ним «Касуми» стреляет по неприятелю, но самого неприятеля не видел и потому, поворачивая, начал светить фонарем и наконец открыл 3 неприятельских миноносца, идущих под Ляотешанем, и немедленно открыл по ним огонь. Хотя одним из наших снарядов на одном из судов неприятеля был вызван пожар, тем не менее тот не сдавался и, зайдя с нашего правого борта, выпустил мину. В это время миноносцы были почти вплотную. «Акацуки», избегая столкновения, уклонился вправо; неприятель, срезав нашу корму в 3–4 метрах, пошел у нас по левому борту. «Акацуки», пользуясь удобным моментом, продолжал вести жестокий огонь; наконец на неприятеле был подбит котел и он удалился к Порт-Артуру. Спустя немного огнем двух неприятельских миноносцев, бывших у нас слева по корме, на «Акацуки» была подбита машина и сел пар, так что миноносец потерял способность управляться и просил сигналом помощи у товарищей. В это время по носу появились вновь три неприятельских миноносца¹ и, таким образом, неприятель был с обеих сторон. Однако спустя немного неприятель стал перестреливаться между собою, ведя перестрелку в течение нескольких минут; таким образом, нам удалось избежать опасности и в 5 часов 20 минут утра присоединиться к своему отряду. В этом сражении было убито 4 нижних чина и ранено 2.

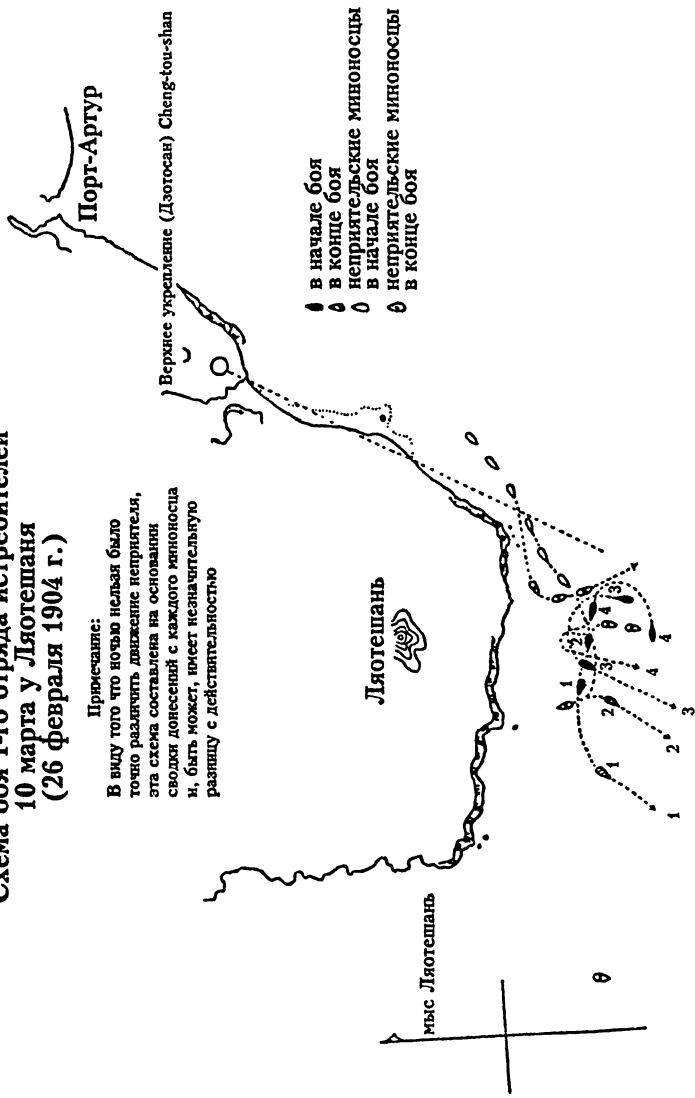
Когда все миноносцы собрались, отряд направился к 1-му боевому отряду и встретился с ним в 8 часов утра 26 февраля

¹ Те же самые. В этом бою принимали участие только 4 наших миноносца. Наши повреждения: перебит руль на «Властном», пожар и повреждение машины на «Выносливом» в начале боя, на время лишившее его хода.

Схема боя 1-го отряда истребителей 10 марта у Ляотешаня (26 февраля 1904 г.)

Примечание:

В виду того что ночью нельзя было точно различить движение неприятеля, эта схема составлена на основании сведений донесенный с каждого миноносца и, быть может, имеет незначительную разницу с действительностью

(9 марта). Донеся командующему флотом о ходе боя и свежая раненых на броненосцы, под прикрытием «Тацута» отряд направился на стоянку в северо-западной Корее.

По поводу этого боя в записках капитана 1 ранга Бубнова говорится следующее:

«В ночь с 25-го на 26-е февраля должны были выйти на разведку восемь миноносцев 1-го и 2-го отрядов.

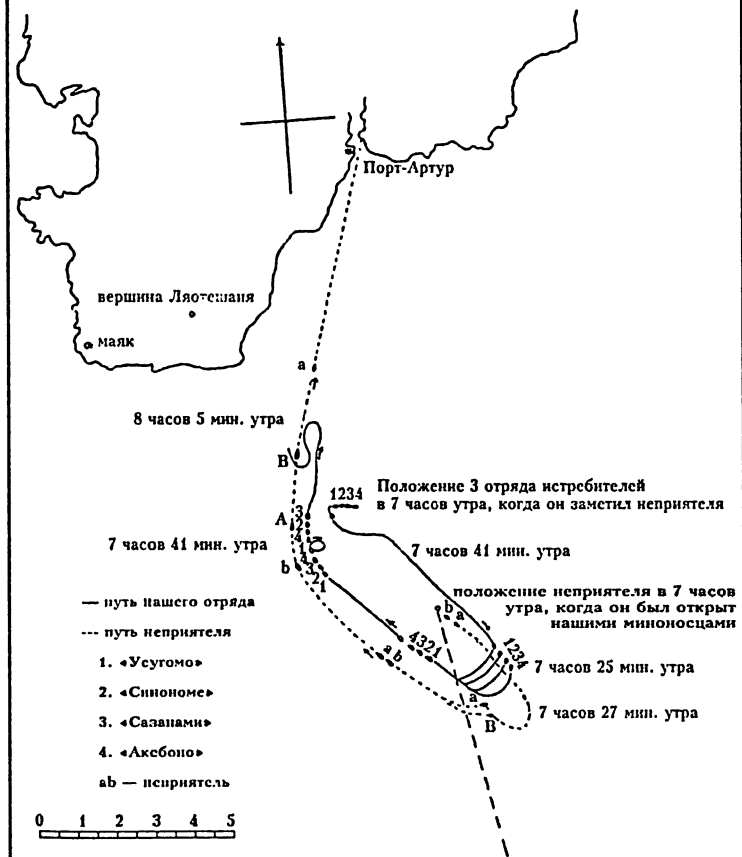
Первый отряд находился под командой капитана 1 ранга Матусевича, а 2-й — капитана 2 ранга князя Ливена (бывшего ранее командиром крейсера 2 ранга "Разбойник").

Японский флот в эту же ночь приблизился к Порт-Артуру, но держался вне сферы действий наших миноносцев; от себя он выслал две флотилии миноносцев, из которых одна, произведя разведку на внешнем рейде и не найдя там никого, ушла оттуда и стала держаться за горизонтом лучей прожекторов. Флотилию эту у нас хотя и заметили, но не были уверены в этом за дальностью расстояния. Другая флотилия японских миноносцев, в то время нами не замеченная, имела с собою мины для постановки на рейде, которые она и расставила в нескольких местах. Первая флотилия японских миноносцев под утро встретилась с четырьмя миноносцами нашего 1-го отряда. Начальник этого отряда, увидев какую-то сигнализацию, приказал дать полный ход и почти вплотную столкнулся с неприятелем. Бой продолжался хотя и не долго, так как миноносцы шли контр-курсами, но был очень горяч, так как миноносцы были друг от друга на очень близком расстоянии. О потерях японцев мы судить не могли; они считают их около 20 человек и говорят, что миноносцы их не были повреждены, но это неверно, так как один наш снаряд наверное разорвался в машине. У нас было несколько раненых, и в числе их начальник отряда, капитан 1 ранга Матусевич. С рассветом эти наши миноносцы вернулись в гавань».

Б. Упорный бой 3-го отряда истребителей

Целью похода к Порт-Артуру 3-го отряда истребителей («Усуго», «Синономе», «Сазанами», «Акебоно») было: в случае нахождения неприятеля на рейде — атаковать его, а если нет, то держаться близ входа и вызывать напрасный расход непри-

**Схема боя 3-го отряда истребителей
10 марта 37 г. Мейдзи (1904)
(26 февраля 1904)**

ятельских снарядов. Придя на рейд в 12 часов 15 минут ночи на 26 февраля (10 марта), отряд осмотрел весь рейд и, не найдя неприятеля, повернул влево и выбросил светящиеся буйки. Хотя прожекторы неприятеля несколько раз скользили по нашему отряду, но, по-видимому, наши суда обнаружены не были, и береговые батареи угрюмо молчали. Немного спустя прожекторы осветили наши буйки и с батареей раздались десятки выстрелов; отряд же в 7 часов утра отправился на юг от Ляотешаня для соединения с главной эскадрой. На пути туда вдруг увидели на SO два неприятельских миноносца, возвращающихся в гавань. Чтобы не дать им возможности войти под защиту батарей и оттеснить их к W от мыса Ляотешань, начальник отряда капитан 2 ранга Цучия пошел им наперерез курса. Неприятель, видя это, повернул было обратно и пошел на SO, но при нашем приближении снова изменил курс и пошел к Ляотешаню. Отряд также повернул и пошел в строе фронта, понемногу нагоняя миноносцы, которые были уже у нас впереди с правого фланга; чтобы не дать им возможности ускользнуть, снова перестроились в строй кильватера и, идя параллельным курсом, открыли по неприятелю жестокий огонь. Неприятель, не видя другого исхода, яростно отбивался, в особенности сосредоточив огонь на «Сазанами» и «Акебоно». Один неприятельский миноносец уже обогнал «Сазанами»; не будучи в состоянии отрезать ему путь отступления, мы сосредоточили огонь на другом миноносце, который был сзади. Этот последний, окутанный дымом взрывающихся снарядов, все еще храбро сражался, но скорость его и сила огня постепенно ослабевали и наконец в 8 часов 05 минут он совершенно остановился, находясь в критическом положении. Ввиду этого начальник отряда капитан 2 ранга Цучия прекратил огонь, осмотрел повреждения наших миноносцев, приказал «Акебоно» взять раненых для доставки их на бывший поблизости крейсер «Токива», а «Сазанами» велел забрать неприятельский миноносец.

Когда «Сазанами» подошел к неприятельскому миноносцу, то несколько матросов с него бросились в воду и искали спасения вплавь на нашем миноносце; они были подобраны. Командир «Сазанами» капитан-лейтенант Кондо Цунемацу отправил на неприятельский миноносец шлюпку с мичманом

Ямадзаки Хирата и 5 матросами. Неприятель, видя это, сам спустил флаг и сдался. Мичман Ямадзаки с одним нижним чином вошел на миноносец, выяснил, что имя его «Стерегущий», поднял наш флаг и дал приказание приготовить буксиры. При осмотре миноносца оказалось, что жилая палуба его уже вся наполнилась водой, а верхняя палуба была залита свежей кровью и на ней лежали груды трупов; среди них подобрали двух еще живых матросов¹. В 9 часов 05 минут буксиры были заведены и «Сазанами», буксируя неприятельский миноносец, направился в море. В это время бывшие на рейде «Баян» и «Новик» быстро направились к «Сазанами», береговые батареи открыли по нему сильный огонь. Ввиду большой волны и постепенного заполнения водой буксируемого миноносца, капитан-лейтенант Кондо решил бросить его и приказал мичману Ямадзаки снова сесть на шлюпку, спустить со «Стерегущего» наш флаг и снять оттуда людей. В это время было получено приказание и с находившегося поблизости крейсера «Читосе» бросить захваченный миноносец и расстрелять его. «Усугомо» направился было к нему с этою целью, но как раз попал в огонь между 4-м боевым отрядом и русскими судами, почему отказался от своего намерения. «Стерегущий» в 10 часов утра затонул сам собою в 7 милях на OSO от маяка Ляотешань.

В этом сражении «Усугомо» не получил никаких повреждений, на «Синономе» были легкие повреждения и 2 нижних чина ранеными. В «Сазанами» попало 7–8 снарядов, был убит один нижний чин и один тяжело ранен. «Акебоно», находясь под обстрелом обоих неприятельских миноносцев, пострадал больше всех: в него попало 27 снарядов, и были нанесены более или менее серьезные повреждения, причем были ранены мичман Сима Юкичи и 3 нижних чина.

В записках капитан 1 ранга Бубнова по сему поводу говорится следующее: «Бывшие на охранной службе вместе с 1-м отрядом миноносцев из 4-х миноносцев 2-го отряда два благополучно вернулись в гавань, но два других, "Решительный" и "Стерегущий", следую-

¹ Все четыре оставшиеся в живых матроса миноносца «Стерегущий» были взяты в плен.

щим утром встретили японские миноносцы¹. С открытием жестокого огня со всех неприятельских миноносцев оба миноносца пустились самым полным ходом в гавань. Уже прошло с полчаса, и миноносцы понемногу приближались к гавани. У нас уже знали о бедственном состоянии миноносцев, и бывший на крейсере "Новик" адмирал Макаров немедленно приказал ему идти на помощь. Но в это время, из-за попавшего в машину "Стережущего" снаряда, миноносец остановился. Японские миноносцы в мгновение ока окружили его и открыли по нему убийственный огонь. Первым же снарядом был убит командир миноносца лейтенант Сергеев и посыпавшимся затем градом снарядов был постепенно уничтожен почти весь личный состав. При приближении быстро подходящего "Новика" неприятельские миноносцы удалились, в то же время появились 4 неприятельских крейсера и, открыв огонь по "Новику", заставили его удалиться».

Статья 3. Стрельба разных отрядов

А. Перекидная стрельба

Утром 26 февраля (10 марта) адмирал Того, идя с 1, 3 и 4-м боевыми отрядами к мысу Ляотешань, по дороге приказал 3-му боевому отряду произвести разведку в виду Порт-Артура, а с 1-м и 4-м отрядами держался к югу от Ляотешаня. В это время к отряду подошел 1-й отряд истребителей и донес о ночном деле.

Адмирал Того дал следующие приказания: адмиралу Насиба со 2-й бригадой броненосцев («Хацусе», «Сикисима», «Ясима») начать перекидную стрельбу по внутренней гавани, 4-му боевому отряду идти к Талиенвану, «Чихая» произвести разведку в Голубиной бухте, а «Тацута» конвоировать 1-й отряд истребителей на стоянку в северо-западной Корее.

Адмирал Насиба со 2-й бригадой броненосцев, отделившись от главных сил, лег на определенный курс, и в 10 часов 08 минут утра с «Хацусе» был открыт перекидной огонь через Ляотешань по внутреннему рейду. Громадные снаряды при полете пятна-

¹ 25-го февраля на разведку к острову Торнтон вышло всего 2 миноносца 2-го отряда, «Решительный» и «Стережущий», а 1-й отряд вышел почью при появлении японских миноносцев на внешнем рейде для их атаки.

ми выделялись между облаками, то скрываясь, то появляясь, и издавдалека доносились раскаты взрывов. Как только на поворотах наши суда выходили из-за Ляотешанского мыса, немедленно по ним открывался огонь с батарей Золотой горы, почему наши суда тщательно избегали выходить из-за мыса. В 12 часов 30 минут стрельба была окончена и броненосцы отошли на юг от Ляотешаня. Вместо них на стрельбу вышла 1-я бригада броненосцев («Микаса», «Асахи», «Фудзи»), в 12 часов 52 минуты с «Микаса» был открыт огонь. В 1 час 46 минут дня, выпустив определенное число снарядов, суда прекратили огонь и, соединившись со 2-й бригадой, в 2 часа 50 минут пошли к острову Round.

1. В записках капитана 2 ранга Семенова по этому поводу в общих чертах говорится следующее: «Японская эскадра некоторое время скрывалась за Ляотешанем, как вдруг около 10 часов утра между судами, стоявшими в Западном бассейне, поднялся большой столб воды, сопровождаемый страшным гулом. Перепуганные, все недоумевающе смотрели по сторонам и наконец поняли, что это японский флот, находясь за 8–9 миль отсюда, обстреливает нас перекидной стрельбой из-за Ляотешаня. Среди батарей крепости не было ни одного орудия, которое бы могло отвечать неприятелю. Полагаю, что такая стрельба перед войной не приходила в голову нашим военным и морским властям, наоборот — неприятель, по-видимому, серьезно разработал этот способ стрельбы.

Его снаряды ложились очень хорошо. Иногда снаряды падали прямо сверху, как будто велась обыкновенная учебная стрельба, не торопясь, неприятель выпускал 12-дюймовые снаряды. Крепость и флот терпеливо ждали ее окончания, не будучи в состоянии ничего предпринять. Чтобы выйти из этого ужасного положения, был только единственный способ — это вывести эскадру из гавани, но, несмотря на то, что мы уже 7 лет владели Порт-Артуром, не только не были выполнены работы по углублению внутренней гавани, но и выход больших судов на рейд мог состояться только в высокую воду, а в малую суда были заперты внутри. Сегодня малая вода приходилась около 9 часов утра, и японская эскадра выбрала для бомбардировки как раз это время.

С командного обеда, т. е. с 11 часов, неприятельские снаряды стали ложиться очень хорошо. Один снаряд упал около левого трапа

"Ретвизана" и, разорвавшись, повредил кессон, служивший для заделки пробоин, произвел пожар на стоявших рядом шлюпках и осыпал осколками пароход "Силач". Команда на "Ретвизане" заволновалась. Было приказано "Силачу" отвести нос броненосца на мелкое место. Затем другой снаряд попал в тот же броненосец у ватерлинии с правого борта; к счастью, броневая палуба выдержала и не была пробита. Снаряды попали также в корму "Дианы", близ "Казани" и в бруствер мортирной батареи Золотой горы¹.

2. В записках одного русского офицера в главных чертах говорится следующее: «Бывшие некоторое время за Ляотешаном неприятельские суда вдруг начали стрельбу из 12-дюймовых орудий. При этом способе стрельбы неприятель был на фланге наших батарей и свободно обстреливал стоявшие в Западном бассейне наши военные суда. Действительно остроумный план. Из наших батарей отвечать неприятелю могла только одна батарея Электрического утеса, и то только тогда, когда неприятель показался из-за Ляотешаня. Этой стрельбой на судах были нанесены более или менее серьезные потехи, а именно: на "Ретвизане" было 2 убитых и 13 раненых, на "Силаче"

¹ Приводим подлинник из книги капитана 2 ранга Ссменова «Распла- дабы восстановить искаженные японскими переводчиками места.

«Японская эскадра, казалось сначала, прошла мимо, направляясь на запад, и скоро скрылась за горой Ляотешань...

Но вот в начале 10-го часа утра между судами, стоявшими в Западном бассейне, внезапно поднялся гигантский водяной столб и резкий звук, не похожий ни на выстрел, ни на взрыв мины, заставил всех бросить повседневные работы и тревожно оглянуться.

Скоро выяснилось, что это через Ляотешань ведут нерскидной огонь японские броненосцы, крейсирующие от нас на дистанции 8–9 миль. Ни одно из крепостных орудий не могло воспрепятствовать им мирно предаваться этому занятию. Очевидно, до войны самая идея о возможности такой стрельбы признавалась недопустимой как в морском, так и в военном ведомстве...

У японцев, по-видимому, не только станки и прицелы удовлетворяли всем требованиям, но и личный состав был хорошо обучен. Снаряды ложилась очень недурно, а ведь одного такого, упавшего сверху (они падали под огромным углом к горизонту), достаточно было, чтобы вывести из строя любой броненосец. В конце осады 11-дюймовые мортиры японцев доказали это с очевидностью.

И так неприятельские броненосцы беспрепятственно маневрировали к югу от Ляотешаня и, приходя в определенную точку, не торопясь, как на ученье, разряжали по нам свои 12-дюймовые пушки, а находившиеся под расстрелом крепость и эскадра — безмолвовали.

Казалось бы, у последней было еще одно средство избавиться от такой тяжелой и обидной роли — выйти в море, но... владея 7 лет Порт-Артуром,

Б раненых, на "Севастополе" и прочих судах были также убитые и раненные. Кроме того, на берегу был разрушен склад материалов и пострадали постройки в Новом городе. С тех пор мы стали строить батарею на вершине Ляотешаня и выработали способ перекидной стрельбы с судов эскадры».

3. В записках капитана 1 ранга Бубнова говорится: «В 2 часа дня японский флот ушел на юг. В этот день мы могли по-прежнему отвечать японскому флоту. Именно в тот день высокая вода была вечером, и японский флот уже тогда скрылся. Можно было думать, что неприятель нарочно выбрал такое время, чтобы раздражить адмирала Макарова. Мы видели ясно японский флот с маяка Ляотешань, обстреливающий нас перекидной стрельбой, а на всех наших батареях не было ни одного орудия, способного отвечать неприятелю. И так как не было сделано никаких приготовлений, чтобы отвечать неприятелю с наших броненосцев, стоящих в гавани, то мы совершенно не могли ничего предпринять».

3-й боевой отряд («Читосе», «Такасаго», «Токива»), имевший целью произвести разведку у входа в гавань и наблюдать за падением снарядов при перекидной стрельбе броненосцев, в

мы к началу войны не только не успели закончить широкопроектированного углубления его внутренних рейдов, но даже и самый выход в море был доступен большим судам только в полную воду. Во время отлива боевые суда эскадры были заперты в гавани самым непобедимым врагом — мелководьем... 26 февраля малая вода в Порт-Артур приходилась около 9 часов утра, и вот почему именно этот момент японцы избрали началом своего первого опыта бомбардировки с моря...

Перед командным обедом (или нашим завтраком), около 11 часов утра, неприятельские снаряды стали ложиться особенно удачно... Один из них ударил в "Ретвизан"... Снаряд только задел его левый борт близ трапа, разорвался, разнеся две шлюпки, стоявшие у борта, одну из них зажег и осыпал осколками тут же находившийся портовый буксирный пароход "Силач".

На броненосце что-то усиленно забегали. Вот он отдал носовые швартовы, с помощью "Силача" развернулся вправо и выбросился на отмель носом, который заметил для глаза садился все глубже... Впоследствии выяснилось, что взрывом снаряда повредило кессон, подведенный под пробонну. Не прошло и нескольких минут, как новый снаряд ударил его в правый борт близ ватерлинии, под кормовой башней. Броня выдержала, и, когда рассеялся столб дыма и водяных брызг, мы увидели на месте удара только бросе пятно. Пробонны не было.

Вот разорвался снаряд впереди и влево от нас, под самой кормой "Дианы". Там забегали люди, заработали пожарные помпы. Другой "кряхнул" у борта "Казани", стоявшей позади нас. Один "чмодан" угодил в бруствер мортирной батареи Золотой горы».

7 часов 25 минут утра направился к Ляотешаню. В 8 часов 05 минут утра, увидев, что 3 наших миноносца, находясь под огнем неприятельских батарей, обстреливают «Стерегающий», отряд пошел к ним. Адмирал Дева приказал «Токива» принять раненых с «Акебоно», а «Такасаго» послал на разведку в Голубиную бухту. В это время к миноносцам стремительно приближался «Новик»¹, неприятельские батареи усилили огонь, так что снаряды в большом числе падали близ «Читосе» и «Токива». Оба судна отошли на юг, «Новик» вернулся обратно и уже почти заходил в гавань, когда, заметив, что «Сазанами» буксирует «Стерегающий», вновь вместе с «Баяном» направился в море.

Хотя «Сазанами» и находился под защитой 3-го боевого отряда, но ввиду жестокого огня с Золотой горы положение его с миноносцем на буксире было опасно; поэтому адмирал Дева приказал бросить захваченный миноносец и уничтожить его. В это время подходил 4-й боевой отряд, и неприятельские суда поспешили уйти в гавань.

Во время перекидной стрельбы 1-го боевого отряда «Токива» и «Читосе» вновь подошли к рейду и вели наблюдение за падением снарядов. Ввиду огня с неприятельских батарей отряд не мог долго оставаться на месте, тем более что после полудня дымка тумана окутывала сушу и различать падение снарядов было невозможно. Однако все-таки было замечено несколько десятков попаданий. С возвращением из Голубиной бухты «Такасаго» отряд направился к острову Round на соединение с 1-м боевым отрядом.

Б. Стрельба по острову Сан-шан-дао

4-й боевой отряд («Нанива», «Такачихо», «Нийтака», «Цусима»), получив приказание разрушить неприятельскую сигнальную станцию на острове Сан-шан-дао, в 8 часов 40 минут утра, отделившись от главных сил, направился к Талиенвану. Вскоре пришло приказание от командующего флотом полным ходом идти к Ляотешаню для атаки неприятельских миноносцев. Повернув немедленно, отряд в 9 часов 30 минут по-

¹ Под флагом командующего флотом вице-адмирала Макарова.

дошел к Артуру и увидел, что «Сазанами» ведет на буксире неприятельский миноносец, а «Баян» и «Новик» идут к последнему на выручку. Адмирал Уриу немедленно пошел на неприятеля, но в это время «Сазанами» бросил захваченный миноносец и таким образом надобность в защите его миноносец; в 10 часов 20 минут отряд вновь повернул к Талиенвану и подошел к Южному Сан-шан-дао около полдня. Осмотрели весь остров — на северной стороне и позади маяка было разбросано несколько построек и на вершине виднелись следы от наблюдательного пункта, но на всем острове не было заметно ни одной живой души. Суда обстреляли строения на северной стороне острова. Приготовились свести десант, но за большой волной от этого намерения отказались и в 2 часа 15 минут направились к острову Round.

Статья 4. Возвращение отрядов

По окончании 4-й атаки на Порт-Артур 1, 3 и 4-й боевые отряды собрались в некотором пункте к югу от острова Round и оттуда направились на стоянку в северо-западной Корее. 1-й боевой отряд шел головным, за ним следовали 3-й и 4-й боевые отряды, в арьергарде — «Чихая». Прибыв утром 27 февраля (11 марта) на место, адмирал Того, ввиду получения тревожных известий, приказал в тот же день адмиралу Дева с 3-м боевым отрядом («Читосе», «Такасаго» «Токива») и 2-м отрядом истребителей (за исключением «Акебоно») идти на рекогносцировку к островам Торнтон и Эллиот, а пароход «Сайкио-мару» отослал с ранеными в Сасебо.

По поводу последних действий флота командующим Соединенным флотом вице-адмиралом Того Хейхачиро был послан нижеследующий императорский рескрипт:

«Мы услышали, что Соединенный флот беспокоил неприятеля в Порт-Артуре и что в особенности 1-й и 3-й отряды истребителей, невзирая на опасность, под огнем неприятельских батарей, храбро сражались с превосходящими их по силе отрядами неприятельских миноносцев.

Мы вновь глубоко радуемся доблести наших офицеров и нижних чинов».

Адмирал Того поднес ответный адрес следующего содержания:

«По поводу того, что Ваше Величество соизволили даровать всемилостивейший рескрипт о действиях флота у Порт-Артура 10 марта, мы не имеем слов выразить наши чувства благодарности.

Теперь, когда холода в Желтом море уменьшились, нам будет легче вести военные действия против неприятеля, и мы с еще большим усердием будем стремиться к успешному окончанию войны».

1 (14) марта от наследника престола также был пожалован милостивый рескрипт флоту, и адмирал Того ответил на него в подобающих выражениях.

Глава VIII

Пятая атака Порт-Артура

Статья 1. Действия отрядов в разных районах

Придя на стоянку в северо-западной Корее, эскадра начала вести энергичные приготовления к новой атаке неприятеля. 1 (14) марта получилось известие, что неприятельский флот, пользуясь нашим отсутствием, вышел из порта. Адмирал Того, опасаясь ухода неприятеля во Владивосток, немедленно послал о том телеграммы адмиралу Катаока, находившемуся в Корейском проливе, и адмиралу Камимура, бывшему на обратном пути с усиленной рекогносцировки у Владивостока, а адмиралу Дева приказал идти на разведку к Порт-Артуру. 3-й боевой отряд («Читосе», «Такасаго», «Токива») вышел в море 2 (15) марта утром и прибыл к Порт-Артуру 3 (16) в 8 часов 40 минут утра. Сильная пасмурность и мгла над побережьем делали наблюдения затруднительными; однако когда туман немного рассеялся, то могли разглядеть во входе судно типа «Победа», «Ретвизан», «Баян» и еще одно (вероятно, «Новик»). Судя по поднимавшимся из западного

бассейна дымам, можно было заключить, что главные силы неприятеля все еще скрываются в гавани.

Об этом немедленно была послана телеграмма командующему флотом.

В 10 часов утра отряд снова приблизился ко входу, но туман опять сгустился и пошел мелкий снег, вследствие чего отряд за невозможностью дальнейшей разведки повернул обратно.

Адмирал Того, узнав, что главные силы неприятеля по-прежнему находятся в Порт-Артуре (по поводу выхода неприятельской эскадры имеются сведения, что адмирал Макаров более с 30 вымпелами вышел из гавани 27 февраля (11 марта) и, совершив крейсерство у острова Мяо-Тао, в тот же вечер вернулся в гавань) и с возвращением от Владивостока 2-го боевого отряда и крейсеров «Кассаги» и «Иосино», намеревался произвести пятую атаку Порт-Артурса.

7 (20) марта, собрав на «Микаса» флагманов и командиров, адмирал Того дал им инструкции относительно новой атаки.

В 5 часов дня 1, 2 и 3-й боевые отряды, 4-й и 5-й отряды истребителей вышли в море и на ночь стали на якорь. На следующее утро, начиная с 3-го боевого отряда, суда один за другим снялись с якоря и пошли по назначению. В 6 часов 40 минут дня, подойдя к условному пункту, отряды истребителей были выделены от главных сил и отправлены вперед на разведку о положении неприятеля.

Статья 2. Движение отрядов

А. Разведка истребителей

Вечером 8 (21) марта 4-й («Хаядори», «Мурасаме», «Асагири», «Харусаме») и 5-й («Кагеро», «Муракумо», «Югири», «Сира-нуи») отряды истребителей, отделившись от эскадры, пошли по намеченному курсу, но в пути разделились. 4-й отряд подошел к рейду в 10 часов 50 минут. Неприятель светил прожекторами справа и слева от входа, с заходом луны стали светить и прожекторы, расположенные всередине, и казалось, что неприятель нес бдительную охрану. В 12 часов 30 минут ночи, подойдя приблизительно на две с небольшим тысячи метров от входа в гавань,

отряд был освещен, по нему был открыт огонь со сторожевых судов и некоторых низко расположенных батарей.

«Хаядори», выпустив мину в сторожевые суда, ушел с рейда¹; «Харусаме» отвечал на огонь из орудий.

В 1 час 30 минут ночи все миноносцы собрались на юг от Ляотешаня.

Начальник отряда Нагай, имея намерение уничтожить наблюдательный пункт на северном мысу Голубиной бухты, пошел туда, и в 6 часов 20 минут утра отряд подошел ко входу в эту бухту. Как раз в это время был поднят сигнал на «Харусаме» «5-й отряд находится в перестрелке с неприятельскими миноносцами». Повернули обратно и полной скоростью пошли на рейд. Однако, придя туда, неприятеля уже не застали, а увидели только 5-й отряд, шедший на юг. Ввиду этого пошли в море и в 9 часов встретились с 1-м боевым отрядом.

5-й отряд истребителей подошел в 10 часов 30 минут вечера к Swainson Point и остановился, чтобы издали наблюдать за неприятелем. Ночью, когда 4-й отряд затеял перестрелку и затем ушел в море, 5-й отряд, в свою очередь, стал понемногу продвигаться ко входу в гавань, избегая неприятельских прожекторов. В 5 часов утра отряд подошел приблизительно на 1,5 мили на SO от входа в гавань. В это время боевое освещение с Золотой горы и с Тигрового полуострова было прекращено, и отряд, пользуясь удобным случаем, ринулся вперед. По нему был открыт огонь с нескольких неприятельских миноносцев; вместе с тем на него навели лучи трех прожекторов и был открыт огонь и с батарей. Потеряв удобный случай для атаки, отряд удалился в море.

Пройдя в Талиенван и обыскав всю бухту, отряд в 9 часов утра присоединился к главным силам.

Б. Перекидная стрельба 1-го боевого отряда

Когда вечером 8 (21) марта миноносцы отделились от эскадры, адмирал Того приказал 2-му боевому отряду идти по заранее назначенному курсу, а сам с 1-м и 3-м боевыми отрядами пошел к Порт-Артуру.

¹ Выпущенная с дальнего расстояния мина в сторожевые суда не попала.

На следующее утро в 8 часов 30 минут, когда подошли 4-й и 5-й отряды пистрелителей, адмирал приказал 3-му боевому отряду идти на разведку ко входу в гавань. В 9 часов 05 минут утра, выделив из строя броненосцы «Фудзи» и «Ясима», он приказал им идти на перекидную стрельбу из-за Ляотешаня, а прочим судам держаться в море у Ляотешаня, наблюдая за неприятелем.

В 9 часов 30 минут утра «Фудзи» и «Ясима», приготовившись к бою, пошли на место стрельбы.

Пройдя маяк Ляотешаня, броненосцы обнаружили на горе как бы дальномерный пост, а вблизи его одно орудие; около них то появлялись, то исчезали люди.

«Фудзи» выпустил несколько снарядов по этому месту, но так как неприятель не отвечал, то прекратил огонь и в 10 часов 29 минут утра начал перекидную стрельбу по гавани. «Ясима», пройдя к Н от «Фудзи», открыл огонь в 10 часов 45 минут утра.

Выпустив определенное число снарядов, оба судна прекратили стрельбу и вернулись к 1-му боевому отряду.

Во время этой стрельбы неприятель отвечал также перекидным огнем через Ляотешань. Число упавших вблизи «Фудзи» снарядов достигло 24.

Итак, неприятель, воспользовавшись нашим примером, выработал свой план перекидной стрельбы из гавани, а построенный на Ляотешане дальномерный пост, по-видимому, имел назначение наблюдать за падением снарядов и корректировать стрельбу. Наши снаряды в большом количестве падали в гавани и, по слухам, в особенности нанесли повреждения Старому городу.

1. В записках капитана 1 ранга Бубнова по поводу этой стрельбы говорится: «Со 2-го марта адмирал Макаров ставил в проходе по ночам две канонерские лодки, "Бобр" и "Отважный"¹, для отражения неприятельских заградителей и миноносцев и в глубине крейсер "Разбойник".

Было около полночи 9-го числа, когда в лучах прожекторов появились японские миноносцы. По ним открыли огонь обе лодки и бе-

¹ Сторожные лодки в проходе были поставлены с 24 февраля, сначала «Гиляк» и «Отважный», а 3 марта вместо «Гиляка» поставлен «Бобр».

реговые батареи. Адмирал Макаров на катере уже подходил к "Бобру", и я донес, что на рейде что-то делают японские миноносцы. Адмирал Макаров, выходя с "Бобра", сейчас же приказал поднять сигнал эскадре приготовиться к походу к 6 часам утра. В 8 часов появилась неприятельская эскадра и разделилась на две части. Одна часть остановилась у рейда, а "Фудзи" и "Ясима", обогнув Ляотешань, начали от Голубиной бухты стрелять по внутреннему рейду, проходу и Восточному бассейну. Выпустили более 200 снарядов. Несмотря на дождь больших снарядов, эскадра почти не понесла повреждений. Затем все суда, за исключением бывших в ремонте "Ретвизана", "Цесаревича" и "Паллады", вышли из гавани, но, встретив преобладающего по силе неприятеля, не выходили из обстрела батарей. Неприятель также, опасаясь береговых батарей, не вступил в бой, и суда обменялись лишь несколькими выстрелами. С 8 часов неприятель ушел, и мы вернулись в гавань. "Ретвизан" и "Цесаревич" отвечали на перекидную стрельбу "Фудзи" и "Ясима". Один из снарядов, по-видимому, попал в "Фудзи».

2. В записках одного русского офицера говорится: «Сегодняшний выход нашего флота, после того как с самого начала войны они видели только "Баян", "Новик" и несколько миноносцев, выходящих под прикрытие батарей, несомненно напугал ненавистных японцев. Перекидная стрельба неприятеля нанесла некоторые повреждения в разных местах: так, был разрушен Ляотешаньский маяк, а попавшими в казармы снарядами были убиты 6 нижних чинов крепостной артиллерии и ранены 8».

Во время перекидной стрельбы с броненосцев «Фудзи» и «Ясима» 3-й боевой отряд держался у входа в гавань, наблюдая за падением снарядов и высматривая, что делает неприятель. На рейде находился один «Баян», но немного спустя вышли «Аскольд», «Новик», а за ними «Диана».

«Баян» стал головным, за ним следовали «Аскольд», «Диана» и «Новик», в таком порядке суда направились к Тахе. Суда, стоявшие в гавани, также выпускали густые клубы дыма и, казалось, готовились к выходу.

Получив донесение об этом, адмирал Того послал спешную телеграмму: «2-му боевому отряду полной скоростью идти на соединение с главными силами», а «Тацута» был послан на рейд Порт-Артура следить за движением неприятеля.

В 10 часов 42 минуты из гавани появился броненосец «Петропавловск», затем «Полтава». Оба броненосца соединились с бывшими ранее на рейде судами и, выстроившись в кильватер, пошли под Тигровым хвостом. «Гайдамак», «Гиляк», «Всадник» и несколько миноносцев держались за большими судами.

Бывший в гавани «Ретвизан» отвечал на перекидную стрельбу «Фудзи» и «Ясима».

В 12 часов 15 минут один за другим вышли из гавани «Севастополь», «Победа» и «Пересвет», и, таким образом, вся эскадра, за исключением «Ретвизана», «Цесаревича» и «Паллады», была на рейде.

Команды на наших судах горели желанием вступить в решительный бой, но неприятель занял выжидательное положение и оставался под прикрытием береговых батарей; с прекращением нашей перекидной стрельбы вновь вернулся в гавань.

Адмирал Того, собрав весь флот, в 1 час 40 минут дня ушел от Порт-Артура.

Утром 10 (23) марта 1-й и 2-й боевые отряды вернулись на стоянку в северо-западной Корее, а немного позже подошли 3-й боевой отряд и истребители. Пароходы, предназначенные для второго заграждения входа, уже стояли там, ожидая эскадру. Один за другим подошли также 1-й и 3-й отряды истребителей, 9-й и 20-й отряды миноносцев и «Кассуга-мару».

Глава IX

Шестая атака Порт-Артура и второе заграждение входа

Статья 1. Подготовка к заграждению

Хотя 11 (24) февраля и была сделана попытка заградить вход в гавань, но так как цель не была достигнута и неприятель по-прежнему мог свободно входить и выходить из гавани, то адмирал Того решил вторично предпринять ту же операцию и, придя 14 (27) числа на стоянку в юго-западной Корее, послал телеграмму в главную квартиру с просьбой сделать приготовления для вторичного заграждения входа.

Для этой цели были назначены 4 военных транспорта: «Чийо-мару», «Фукуи-мару», «Яхико-мару» и «Ионеяма-мару».

Морской министр адмирал Ямамото приказал заняться подготовлением этих пароходов главному командиру порта Куре вице-адмиралу Сибаяма Яхачи, который под своим личным наблюдением принялся за снаряжение заградителей. Работали днем и ночью, и пароходы были вскоре готовы и высланы к месту пребывания эскадры.

5 (18) марта адмирал Того издал приказ о вербовке охотников на эти заградители. Состав первого отряда заградителей целиком просил принять их вновь, так как прошлый раз они не исполнили возложенной на них задачи, но адмирал Того, не желая подвергать опасности одних и тех же людей, разрешил вторично идти только офицерам, так как они уже имели опытность в этом деле. Кроме того, было назначено в распоряжение каждого командующего пароходом по одному офицеру.

Из числа охотников из команды в несколько тысяч человек адмирал выбрал только 50. Итак, состав второго отряда заградителей был следующим:

«Чиёо-мару» (3778 тонн, 11,75 узла): командующий капитан 2 ранга Арима Риокичи, мичман Торисаки Ясидзо, старший механик Ямага Дайзо, 15 человек нижних чинов.

«Фукуи-мару» (4000 тонн, 11 узлов): командующий капитан-лейтенант Хиросе Такео, старший кондукт. Сугино Магосичи, помощник старшего механика Курида Томитаро, 15 чел. нижних чинов.

«Яхико-мару» (4000 тонн, 10 узлов): командующий лейтенант Сайто Счигоро, мичман Мори Хачидзи, младший механик Огава Хидео, 13 чел. нижних чинов.

«Ионейма-мару» (3745 тонн, 12 узлов): командующий лейтенант Масаки Иосимацу, мичман Симада Хацудзо, младший механик Суги Масато, 13 чел. нижних чинов.

К 10 (23) марта экипаж этих пароходов уже был на местах и все приготовления были окончены.

Статья 2. Выход эскадры

Когда после пятой атаки Порт-Артура флот вернулся на стоянку в северо-западной Корее, адмирал Того собрал на «Микаса» флагманов и командиров и дал следующие инструкции относительно второго заграждения входа и шестой атаки Порт-Артура.

«Соединенный флот имеет произвести вторично заграждение входа в Порт-Артур.

1-й и 3-й боевые отряды, 1, 2 и 3-й отряды истребителей и 9-й отряд миноносцев, конвоируя пароходы-заградители, выходят в море утром 11 (24) марта.

При заградителях состоят: миноносец “Кари” при “Чийо-мару”, “Цубане” при “Фукуи-мару”, “Касагаги” при “Яхико-мару”, “Монадзуру” при “Ионеяма-мару”».

Вечером того же дня 2-й отряд истребителей уходит вперед от отрядов и идет к Порт-Артуру большою скоростью; в случае, если он найдет сторожевые суда неприятеля, то должен их атаковать и к 3 часам ночи, подойдя на юг от Ляотшаня, имеет нести там сторожевую службу.

1-й и 3-й отряды истребителей, в том случае, если неприятель откроет приближение наших пароходов-заградителей и будет их атаковать, должны немедленно открыть боевое освещение фонарями и стрелять холостыми зарядами, для того чтобы ввести в заблуждение неприятеля, и, кроме того, должны атаковать неприятельские миноносцы; по выполнении плана заграждения они должны спасти людей.

Два миноносца 9-го отряда, идя впереди, слева от заградителей, в случае встречи с неприятельскими судами, имеют их атаковать.

Вообще миноносцы должны держаться с левой стороны у своих заградителей согласно назначению, охранять их от атак неприятеля и спасать с них людей.

3-й боевой отряд крейсирует недалеко от рейда и утром 12 (25) марта занимается спасанием людей, которые не были подобраны миноносцами, а также выясняет, состоялось ли заграждение входа или нет.

1-й боевой отряд находится вблизи Encounter Rock в готовности на случай выхода из гавани главных сил неприятеля.

2-й боевой отряд и 4-й и 5-й отряды истребителей остаются на стоянке в северо-западной Корсе, ожидая приказаний».

Соединенный флот начал выходить в море 11 (24) марта в 6 часов утра; 3-й боевой отряд уже вышел в море, а 1-й отряд только снимался с якоря, когда нашел такой густой туман, что в двух шагах ничего не было видно; кроме того, задул сильный норд-вест и понемногу развело большую волну. Ввиду полной невозможности идти в море адмирал Того приказал вернуться

8-му боевому отряду, и поход был отложен. На следующее утро 12 (25) марта, хотя все еще был туман, но погода стихла; адмирал Того приказал заградителям под конвоем «Тацута» и 9-го отряда миноносцев выйти в море. Прочие же суда вышли утром 13 (26) марта. 3-й боевой отряд шел головным, за ним следовали 1-й боевой отряд и истребители. По дороге нагнали вышедших накануне заградителей и в сумерках подошли к условному пункту, где эскадра разделилась. 1-й и 3-й боевые отряды стали по сторонам отряда заградителей, были зажжены фальшфейеры, и команды, стоя во фронте, криками «банзай» напутствовали уходящий отряд.

Статья 3. Выполнение плана заграждения

А. Стремительное движение заградителей

Отделившись от главных сил 13 (26) марта в 6 часов 30 минут вечера, отряд заградителей под конвоем минных судов, идя по назначению, в 2 часа ночи подошел к Ляотешаню и отсюда, в следующем порядке: «Чийо-мару», «Фукуи-мару», «Яхико-мару» и «Ионеяма-мару», потихоньку направился ко входу в гавань.

Ночь была пасмурная и луны не было видно.

Пароходы, пользуясь этим, увеличили ход и быстро приближались ко входу. Однако в 3 часа 30 минут ночи головной пароход «Чийо-мару» был открыт неприятелем. По нему открыли огонь сторожевые суда и батареи. Со всех сторон засвистали снаряды, а свет прожекторов слепил глаза, не давая возможности различать, что находится впереди.

Однако командиры пароходов смело шли к цели.

«Чийо-мару» сначала пошел на прожектор Золотой горы, затем направился на входной маяк, но, ослепленный лучом, не мог ясно разглядеть входа и, подойдя под Золотую гору, пригнувшись носом к берегу, отдал якорь на фарватере, взорвался и затонул.

«Фукуи-мару», видя взрыв на «Чийо-мару», хотел пройти слева от него и собирался уже отдать якорь, когда в него попа-

ла неприятельская мина. В пробоину, полученную от взрыва, быстро хлынула вода, и в одно мгновение пароход затонул несколько слева и спереди от «Чийо-мару».

«Яхико-мару» вышел еще левее «Фукуи-мару» и затонул рядом с последним.

Немного отставший последний пароход «Ионейма-мару» с трудом приближался ко входу, как вдруг под носом увидел неприятельский миноносец и почти задел за его корму. Увидев, что слева от «Яхико-мару» есть еще свободное место, повернул влево и, пройдя между «Фукуи» и «Яхико-мару», стал на середине фарватера и отдал якорь. Однако якорь не забрал, и судно продолжало двигаться далее, приближаясь к Тигровому хвосту. Отдали второй якорь и собирались взорвать судно, но в это время судно было взорвано попавшей неприятельской миной, и пароход затонул под самым маяком, поперек прохода, носом к западу.

Затопив суда, экипаж их, сев на шлюпки, направился в море, но неприятель начал обстреливать шлюпки беспорядочным огнем из пулеметов.

Командующий пароходом «Фукуи-мару» капитан-лейтенант Хиросе, отдавая приказание взорвать судно, вместе с тем велел людям садиться на шлюпку, причем лично поименно выкрикивал каждого человека. Оказалось, что не хватает старшего кондуктора Сугино Сонсичи. Тогда Хиросе, несмотря на дождь падавших снарядов, обошел все судно, ища своего пропавшего помощника, снова вернулся к шлюпке и еще и еще продолжал поиски. Между тем пароход быстро погружался, вода уже достигала верхней палубы. Опасаясь, что при погружении судна вместе с ним будет увлечена в воду и шлюпка, капитан-лейтенант Хиросе волей-неволей пересел на нее, и шлюпка отвалила от тонувшего судна и направилась в море. В это время она была замечена неприятельскими сторожевыми судами, и по ней открыли огонь. Одним из снарядов был убит капитан-лейтенант Хиросе — на шлюпке от него остался лишь кусок мяса. Был убит также один машинист и ранены механик Курида Томитаро и 4 нижних чина. Бывший на пароходе «Ионейма-мару» мичман Симата Хацудзо был тяжело ранен еще до потопления этого судна. Один из унтер-офицеров, будучи сам ранен, взял его на плечи, чтобы снести с мостика на шлюпку, но при этом не вы-

держал и упал. Тогда командующий пароходом лейтенант Масаки сам взял его на руки и отнес на шлюпку. Выходя в море, были ранены командующий лейтенант Масаки и 4 нижних чина.

1. В записках капитана 1 ранга Бубнова в главных чертах говорится следующее: «После первого заграждения неприятелем прохода, чтобы воспрепятствовать дальнейшим попыткам, нами были затоплены 2 парохода "Харбин" и "Хайлар".

В ночь с 13-го на 14-е марта японцы вновь повторили попытку заградить выход из Порт-Артура, с каковою целью послали 4 парохода. В дежурстве стояли миноносцы моего отряда "Решительный" и "Сильный".

Пароходы эти были замечены в лучах прожекторов в 3-м часу ночи, на расстоянии около 2 миль от входа, и батареи тотчас же по ним открыли сильный огонь. Оба дежурных миноносца посланы были на них в атаку. Первым выскочил миноносец "Сильный" и сейчас же встретил один из пароходов, направляющийся к проходу. На ходу он выпустил в него мину, которая взорвалась. Вслед за ним шел другой пароход, по которому он выпустил вторую мину и пошел дальше. Надо было вновь заряжать аппарат, чего в одну минуту не сделаешь, как вдруг его чуть не разрезал третий пароход, у которого он проскочил под самым носом.

Этот проскользнувший пароход был встречен у самого прохода вторым нашим миноносцем, "Решительным", и в тот момент, когда пароход уже отдал якорь перед самым проходом, миноносец взорвал его миной. При потоплении парохода, пока он еще не коснулся дна, течением завернуло корму его вправо, и он лег как раз в проходе, заградив западную половину его так, как она была заграждена "Ретвизаном", только этот последний стоял дальше в глубь прохода и был длиннее этого парохода.

Насколько мне помнится, к этому пароходу даже подскочил паровой катер, чтобы закинуть корму его к югу, т. е. вдоль прохода, пока он еще не затонул окончательно, но сильный огонь со сторожевых судов, направленный в этот пароход, помешал катеру выполнить эту задачу. В данном случае взрыв парохода миной лишь ускорил его потопление и ухудшил дело.

Таким образом, из четырех пароходов один затонул в проходе, а три под Золотой горой. Эти последние пароходы, два из которых были

подорваны "Сильным", благодаря только случаю не попали в проход. По выходе "Сильного" из прохода на нем кто-то из команды нечаянно дернул за паровой свисток, и он загудел. Японские заградители приняли этот свисток за сигнал своего же парохода, обозначающий приказание уклониться вправо, что они и сделали, и очутились под Золотой горой, иначе были бы в проходе. Рассказ этот слышал я от офицеров миноносца "Сильный". Разрядив свои минные аппараты и отдав приказание зарядить их снова, командир "Сильного" бросился вперед, с целью атаковать неприятельскую эскадру, огни которой он видел на горизонте (хотя в действительности это были огни японских миноносцев).

Не успел он далеко отойти, как встретился с каким-то миноносцем, похожим на наш. Он даже чуть было его не потаранил, почему и взял под корму, но тут, увидев у него за кормой небольшой огонек, решил, что это неприятель.

"Стреляй скорее!" — крикнул один из офицеров миноносца (мичман Дмитриев) комендору у орудия. Грянул выстрел, миноносец не отвечает. "Стреляй, стреляй скорее!" — настаивал тот же офицер, и выстрелы на врага посыпались градом, но он так и не отвечал, а куда-то исчез. Из одной только 75-мм пушки по нему сделали около 8 выстрелов, а из 47-мм значительно больше.

На эти выстрелы подошел другой японский миноносец, за ним третий и открыли огонь по "Сильному", командир которого тотчас же повернул обратно. В этот момент в машину миноносца попал снаряд, пробивший главную паропроводную трубу, отчего все машинное отделение наполнилось паром. Бывшие у самого входа машины два машиниста успели выскочить, но потом, когда они снова хотели спуститься в машину, чтобы наложить на разорванную трубу бинт, то не могли этого сделать и только зря получили большие ожоги. Механик Зверев и 7 нижних чинов, бывшие в машине, сварились...»

2. В записках одного русского офицера об этом говорится: «14 марта около 2 часов 30 минут ночи с батареей раздались выстрелы. Была темная ночь, и туман окутывал море. Огонь продолжался непрерывно до 4 часов 40 минут утра. Оказалось, что японский флот вновь выслал заградителей, шедших под конвоем миноносцев. Наши батареи обнаружили их при подходе и открыли по ним огонь. С пароходов отвечали на огонь из митральез. Для отражения их были вы-

сланы 4¹ миноносца, одному из них удалось попасть миной в корму парохода, но зато на миноносце "Сильный" был прострелен котел и он приткнулся к берегу. Одни говорят, что он был подстрелен со своих же батарей, другие же утверждают, что снаряд был неприятельский (этот миноносец долгое время затем был в доке и с трудом был приведен в исправный вид). Из числа заградителей два судна, идя борт о борт, приткнулись к берегу под Золотой горой и вместе с затопленными нами же пароходами "Харбин" и "Хайлар" значительно стеснили свободу прохода. Другие два судна приткнулись носом к заградителям первой блокады — один под Электрическим утесом, другой под входным маяком. Экипаж пароходов, быстро перейдя на шлюпки, ушел в море и был спасен своими миноносцами. Вообще операция была выполнена с удивительной ловкостью, смелостью и выдержкой. На одном из пароходов нашли обрывок бумаги с написанными по-русски следующими словами: "Мы опять придем сюда и выполним нашу задачу; цель же наша закупорить проход в гавань". На другом было написано: "Остерегайтесь, господа русские моряки, капитан-лейтенант такой-то уже 2 раза приходит сюда".

3. В выходившей в Порт-Артуре газете «Квантунский вестник» было написано следующее: «На мостике затонувшего у Тигрового хвоста заградителя нашли написанную по-русски бумагу следующего содержания: "Уважаемые русские моряки и господа, я, нижеподписавшийся, капитан-лейтенант японского флота Хиросе Такео, уже 2 раза прихожу сюда. Первый раз был на пароходе «Хококу-мару»; сколько раз придется вернуться сюда?»».

Б. Спасение команд заградителей

1-й («Сиракумо», «Касуми», «Асасиво»), 2-й («Инадзума», «Икадзучи», «Акебоно», «Оборо») и 3-й («Усугомо», «Сазанамии», «Синопоне») отряды истребителей и 9-й отряд миноносцев (с прибавлением «Монадзуру» и «Касагаги») подошли вместе с заградителями к Порт-Артуру. Истребители остались на условных местах, а 9-й отряд миноносцев пошел далее, охраняя заградители. Уже подходя ко входу, начальник отряда миноносцев капитан 2 ранга Ясима Тонкичи оставил «Хато»,

¹ 2 миноносца: «Сильный» и «Решительный».

«Кари», «Монадзуру» и «Касасаги» в некотором пункте к югу от входа, с приказанием спасать людей с возвращающихся шлюпок, а сам с «Аотака» и «Цубане» пошел еще далее вместе с заголовками. Подойдя приблизительно на расстояние одной мили от входа и не найдя по пути неприятельских судов, миноносцы остановились.

Около 4 часов ночи увидали, что один неприятельский миноносец¹, делая сигнальные вспышки, идет на «Аотака». В это время «Аотака» стоял носом почти на W, а «Цубане», бывший сзади его метров на 200, стоял на NW. Неприятель, подойдя к «Аотака» на 200 метров, открыл огонь и, стреляя, прошел между обоими миноносцами и направлялся на юг. «Аотака», повернув влево на борт, также открыл огонь по неприятелю, «Цубане» же, опасаясь стрелять, чтобы не нанести вред своему же миноносцу, некоторое время воздерживался от стрельбы и, только хорошо различив неприятеля, открыл также сильный огонь, затем, нагнав неприятеля, выпустил в него мину. Оба миноносца продолжали вести жестокую перестрелку, когда вдруг на неприятельском миноносце из кочегарки повалил густой пар, и он остановился. Наши миноносцы, пользуясь этим, еще более усилили огонь, но в темноте скоро его потеряли из виду. Между тем неприятель пошел к берегу и приткнулся между Золотой горой и Swainson Point. Береговые батареи, не разобрав в чем дело, открыли по нему огонь и осыпали его снарядами. Мы это видели собственными глазами. Говорят, этот миноносец оказался «Сильным». На нем был разбит котел и ранены и убиты командир и 19 человек команды².

«Цубане» вслед за тем подобрал команду с «Чийо-мару» и ушел в море. «Аотака» еще оставался на рейде в поисках шлюпок, но, будучи обстрелян неприятелем, стрельба которого становилась все более меткой, после попадания в него двух снарядов принужден был уйти с рейда.

Миноносцы «Монудзуру», «Кари», «Касасаги» и «Хато», оставаясь на условном месте, поджидали возвращения шлюпок. «Монадзуру», заметив какое-то идущее в море судно, принятое

¹ Это был миноносец «Сильный».

² Ранены командир лейтенант Криницкий и 12 человек команды; убиты 1 офицер и 6 человек команды.

им за неприятеля, с которого сильно валил пар, открыл по нему огонь. Но, будучи сам обстрелян, избегая падающих снарядов, повернул на W и ушел за пределы попадания снарядов. «Касасаги» нашел шлюпку с парохода «Ионейма-мару» и снял с нее инженер-механика Сути и нижних чинов. «Кари» заметил другую шлюпку и подобрал с нее лейтенанта Масаки и его команду. Начальник отряда миноносцев капитан 2 ранга Ясима, собирая сведения о вернувшихся командах и видя, что еще не вернулась шлюпка с «Фукуи-мару», пошел на поиски за нею с «Аотака», «Хато» и «Монадзуру», а остальные миноносцы отослал к главным силам, приказав сдать на суда спасенных людей.

2-й отряд истребителей, в сумерки 13 (26) марта отделившись от главных сил, обыскал рейд Порт-Артура и, не найдя неприятеля, в 1 час 30 минут ночи ушел к Ляотешаню для песеня сторожевой службы. 1-й и 3-й отряды истребителей продолжали идти вместе с пароходами. Подойдя в 3 часа ночи к рейду Порт-Артура, 1-й отряд остановился у Тахе, а 3-й отряд — в море, к югу от входа. 1-й отряд, согласно инструкциям, должен был отвлекать внимание неприятеля, 3-й же отряд крейсировал в определенном ему районе, в поисках шлюпок с заградителей. В 6 часов 30 минут утра миноносец «Касуми» встретил шлюпку с «Фукуи-мару», снял с нее людей и немедленно направился к 1-му боевому отряду для перевязки бывших на ней раненых. Остальные 3 истребителя 1-го отряда, для выяснения результатов заграждения, вторично подошли ко входу в гавань. Таким образом, все миноносцы, не получив никаких повреждений, несмотря на огонь неприятеля, спасли экипаж заградителей и к 9 часам утра один за другим вернулись к главным силам.

В. Прикрытие со стороны боевых отрядов

1-й и 3-й боевые отряды, проводив заградителей, разделились. 3-й боевой отряд на пути к Ляотешаню, пересекая в 6 часов 30 минут утра рейд Порт-Артура, увидел, что «Баян» и «Новик» обстреливают наши спасательные отряды миноносцев, по которым по временам открывали сильный огонь также и батареи. Спустя немного подошли «Кари» и «Касаса-

ги» и донесли об имеющихся с отряда заградителей раненых. Адмирал Дева приказал крейсеру «Асама» выйти из строя и принять раненых.

В 7 часов 46 минут на судах была пробита боевая тревога. В это время на рейде находились «Аскольд», державший курс на О, и «Баян» и «Новик», шедшие на W, которые хотя по временам и открывали по нам огонь, но половина их снарядов не долетала.

В 8 часов 05 минут появились на рейде и пошли вдоль берега в следующем порядке: броненосцы «Петропавловск», «Полтава», «Победа», крейсера «Аскольд», «Баян», «Диана», «Новик» и спустя немного повернули на SW.

1-й боевой отряд, идя к Порт-Артуру, встретил спасательные отряды миноносцев, почему адмирал Того приказал остановиться и принять на суда спасенных людей, а 9-й отряд миноносцев вместе с «Кассуга-мару» отправил на стоянку в северо-западной Корее. Затем, увидя выход «Петропавловска» и удостоверившись в безуспешности второго заграждения входа, а также ввиду того, что неприятель не отходил далеко от порта, соединившись с 3-м боевым отрядом, пошел в обратный путь и 15 (28) марта утром прибыл на стоянку в северо-западной Корее.

16 (29) марта на имя командующего Соединенным флотом вице-адмирала Того Хейхачиро по поводу последней атаки на Порт-Артур был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«Узнав о доблестных действиях флота по второму заграждению входа в Порт-Артур, Мы хвалим горячую верность офицеров и нижних чинов, принявших участие в этом деле».

На другой день адмирал Того поднес нижеследующий ответный адрес:

«Мы не имеем слов, чтобы выразить наши чувства благодарности по поводу дарования всемилостивейшего рескрипта. Не только мы, но и души павших при этом верных воинов, оставаясь невидимо на поле битвы, будут способствовать ус-

пехам и охранять императорские военные силы. Мы с еще удвоенным усердием будем стремиться к исполнению высочайшей воли».

30 марта наследником престола по этому же поводу был также дарован рескрипт на имя адмирала Того, на который было отвечено подобающими словами.

1. В донесении наместника, адмирала Алексеева по поводу этого говорится следующее:

«В ночь с 13 на 14 марта после захода луны японцы сделали попытку заградить выход из гавани, для чего ими были пущены 4 брандера в сопровождении флотилии миноносцев. Около 2 часов 15 минут ночи сторожевые суда и батареи заметили приближение неприятельских судов, по которым открыли дружный и сильный огонь. Впереди брандеров шли неприятельские миноносцы, а на значительном расстоянии сзади более крупные суда, которые открыли огонь по крепости, поддерживая действие брандеров и миноносцев. Вследствие сильного артиллерийского огня и лихих действий наших миноносцев, брандеры не достигли входа в гавань. Два попали на камни под Золотой горой, один затонул, пробитый миной нашего миноносца, среди первых двух, а четвертый затонул, упершись носом в ранее затопленный японский пароход у Маячной горы. Проход остался свободным. На затопленных пароходах найдены скорострельные орудия Гочкисса, калибра один дюйм, из которых стреляли по нашим миноносцам; с каждого затопленного судна спущена была шлюпка для спасения команды. Из четырех шлюпок спаслась, по-видимому, одна. Около 4 часов утра неприятельские миноносцы отошли, и канонада прекратилась. Командующий флотом адмирал Макаров тотчас на паровом катере вышел на рейд для осмотра затонувших неприятельских судов. Во время минной атаки неприятельских судов на миноносце "Сильный" была перебита паропроводная труба и привод рулевой машины, почему он выбросился на берег под Золотой горой, откуда его теперь снимают. Убитые и раненые на миноносцах есть, но число их еще теперь неизвестно. Около 5 часов 25 минут утра к югу от Артура замечены неприятельские миноносцы, по которым батареи открыли огонь. Около 6 часов утра на горизонте показалась неприятельская эскадра. В 6 часов 30 минут батареи Тигрового полуострова открыли огонь,

а наша эскадра начала вытягиваться из гавани. "Баян", "Новик" и "Аскольд" вышли первыми и тоже открыли огонь. Стрельба скоро прекратилась за дальностью расстояния до неприятельской эскадры. В 9 часов 15 минут вся наша эскадра вытянулась на рейд. Японская эскадра начала отходить на юго-восток, по-видимому уклоняясь от боя. Около 10 часов утра неприятельская эскадра скрылась за горизонтом».

2. В донесении командующего флотом вице-адмирала Макарова говорится следующее:

«Всеподданнейше доношу, что неприятель отошел, а потому я возвратился с флотом в гавань. Миноносец "Сильный", ставший на камни ночью вследствие повреждения машины неприятельским снарядом, благодаря энергии команды снят и благополучно введен в гавань. Командир лейтенант Криницкий ранен в руку легко, не покидал поста. На брандерах оказались адские машины, проводники которых были перерезаны охотниками, из которых некоторые — лейтенанты Кедров 4-й, Азарьев 3-й, мичман Пильсудский, посланные мною, вступили на пароход тотчас, когда он остановился, обрезали проводники и потушили пожар, который осветил бы неприятелю вход в гавань. На рейде утром оказалась плавающая мина с адской машиной; благополучно вынута, рейд протрален. Пароходы, послужившие брандерами, по осмотре оказались не старыми, около 2000 тонн, были вооружены малокалиберною артиллериею, которую ставлю на батареи для усиления огня. Часть пароходов подниму для надобностей порта».

Глава X

Седьмая и восьмая атаки Порт-Артура

Статья 1. Седьмая атака

А. Начало операций флота

Так как и вторым заграждением входа наша цель была не вполне достигнута, то адмирал Того, опасаясь прорыва неприятеля во Владивосток, вернувшись 15 (28) марта на стоянку в северо-западной Корее, немедленно приказал начальнику 2-й эскадры адмиралу Камимура с 2, 3 и 4-м боевыми отрядами быть наготове на случай выхода неприятельского флота во Владивосток, и послал приказание начальнику 3-й эскадры адмиралу Катаока иметь самое строгое наблюдение за Корейским проливом. 29 марта адмирал Того снова послал просьбу в главную квартиру приготовить пароходы-заградители, а до этого решил на рейде Порт-Артура набросать мины. Сверх того были отданы распоряжения лодкам «Осима» и «Акаги» прибыть из Чемульпо, а «Хейен», «Атаго» и 1-му отряду миноносцев

идти на соединение с 7-м боевым отрядом, находившимся в устье реки Тайдон¹.

25 марта (7 апреля) был дан приказ относительно 7-й атаки Порт-Артура, но в назначенный день выхода 26 марта (8 апреля) задул свежий южный ветер.

28 марта (10 апреля) все еще была большая волна, а метеорологические бюллетени предвещали дурную погоду, поэтому поход все откладывался.

29 марта (11 апреля) пришли и вступили в состав флота вновь прибывшие из Европы броненосные крейсера «Ниссин» (7700 тонн, скорость 20,4 узла, командир капитан 1 ранга Таке-ноучи Хейтаро) и «Кассуга» (7700 тонн, скорость 20 узлов, командир капитан 1 ранга Осиноуэ Кума). В тот же день ввиду восстановившейся погоды вышли в поход.

30 марта (12 апреля) после полудня 1-й и 3-й боевые отряды, 2, 4 и 5-й отряды истребителей, 14-й отряд миноносцев и вспомогательное судно «Кориу-мару» (на нем находился начальник партии минного заграждения флота капитан 2 ранга Ода), придя на пункт в 25 милях SO от острова Round, застопорили машины. 4-й и 5-й отряды истребителей, 14-й отряд миноносцев и «Кориу-мару» приступили к приготовлениям. Когда в 5 часов 40 минут дня они вместе со 2-м отрядом истребителей направились к Порт-Артуру, густые облака заволакивали небо и море было подернуто туманом. Для постановки мин погода была самая подходящая.

На «Микаса» подняли сигнал «заранее поздравляю с успехом»; на всех судах команды стояли во фронте, провожая экспедицию. С «Кориу-мару» последовал ответный сигнал «ввиду благоприятной погоды ручаюсь за успех», и суда отправились на W.

¹ Тайдон образуется от слияния рек Хэй-дзо и Сайпей и разделяет провинции Пей-ян-до и Хо-хай-до. Выходя в Желтое море к северу от острова Дау-чен, устье реки изобилует мелями, но имеется безопасный фарватер, по которому вверх по реке на 34 мили вплоть до острова Чель-тау, при слиянии рек Хэй-дзо и Сайпей, могут даже в малую воду доходить большие суда. Эта река замерзает обыкновенно с начала декабря, и лед держится до марта.

Б. Постановка мин заграждения и бой 2-го отряда истребителей

4-й и 5-й отряды истребителей, 14-й отряд миноносцев и «Кориу-мару» подошли к рейду Порт-Артура около 11 часов 40 минут ночи, но ввиду дождя и полного мрака не могли различать окрестностей. Неприятель с судов и с берега светил шестью-семью прожекторами и, казалось, был особенно настороже. Наш минный отряд нередко попадал в освещаемое пространство, но, к счастью, открыт не был. Определяясь по различным предметам, справа и слева от входа в назначенном порядке были расставлены мины, окончив постановку которых отряды вернулись на стоянку в северо-западной Корее.

2-й отряд истребителей, назначенный конвоировать минные отряды, сначала шел впереди их, но затем, полагая, что еще слишком рано, замедлил ход и, пропустив мимо себя 5-й отряд истребителей и 14-й отряд миноносцев, пошел рядом с «Кориу-мару». Затем он отделился от него и в 11 часов 40 минут ночи подошел к бухте Тахе и застопорил машины. Со стороны Тигрового хвоста несколько раз блеснули выстрелы, но затем ничто не нарушало тишины ночи, так что, по-видимому, постановка мин вполне удалась.

На рассвете, не видя на рейде наших судов, отряд в 5 часов 50 минут утра пошел к Ляотешаню.

В это время на горизонте показался легкий дымок, и затем разглядели один неприятельский миноносец, возвращавшийся в гавань.

Начальник отряда капитан 2 ранга Исида, построив миноносцы в кильватер, пошел прямо на W, на пересечку курса неприятеля. В 6 часов 15 минут расстояние до него уменьшилось до 1200 метров и головной миноносец «Икадзучи» открыл огонь, чему последовали и прочие миноносцы. Неприятель также отвечал на огонь, но, теснимый нами, уклонился влево и пошел рядом с «Икадзучи» на расстоянии около 1000 метров. Один неприятельский снаряд попал в «Икадзучи» и, разорвавшись, осколками ранил четырех нижних чинов. Капитан 2 ран-

га Исида, видя, что скорость неприятеля больше нашей, приказал пметь самое полное давление пара и усилить огонь. Неприятель сражался с ожесточением, выпустил в «Икадзучи» мину, но не попал. В это время в носовой части неприятельского миноносца возник пожар и, по-видимому, было получено серьезное повреждение в носу, затем воспламенилась разбитая у дымовой трубы шлюпка и миноносец начал сильно парить. В 6 часов 25 минут он совершенно остановился, прекратил огонь и затем стал тонуть. В это время был замечен другой неприятельский миноносец¹, отряд быстро пошел на него, открыв огонь с правого борта, но тот, отстреливаясь, поспешил укрыться в гавань, почему отряд вторично направился к прежнему миноносцу. Убедившись, что вследствие больших повреждений он тонет, приготовили шлюпку для спасения оставшихся в живых людей, но в это время на рейде показался «Баян», шедший в нашем направлении, почему оставили свое решение и пошли в море. Этот миноносец оказался «Страшным» — он затонул около 7 часов утра.

1. В записках капитана 1 ранга Бубнова по сему поводу говорится: «Утром 29 марта эскадра вышла из гавани и, подойдя к Талиенвану, через некоторое время вернулась в Порт-Артур. На следующий день в 8 часов вечера снова из гавани вышли 8 миноносцев и, пройдя близ Соншандао, пришли к островам Эллиот и, осмотрев рейд, пошли обратно. В это время 2 миноносца «Смелый» и «Страшный» потерялись из виду. Прочие 6 миноносцев, ожидая, что их встретит «Баян», полным ходом пошли в гавань. Оказалось, что «Страшный» был окружен неприятелем. Сначала идя вместе со «Смелым», затем отделился от него, увидя вдруг несколько миноносцев, командир «Страшного» принял их за своих, поднял флаг и позывные, на что через несколько минут получил в ответ снаряды. Тогда только пустился уходить полным ходом. В самом начале боя командир был убит, но, несмотря на большие потери в людях, миноносец храбро дрался. Один снаряд попал в минный аппарат и взорвал лежавшую в нем мину, причем были убиты мичман Акинфиев и минер. Сверх того, машина стала, слабый борт лопнул и миноносец начал тонуть, но лейтенант Малеев все еще продолжал отстреливать—

¹ Миноносец «Расторошный».

ся из пулемета. Наконец, видя, что сейчас потонет, он крикнул "спасайся кто может" и сам бросился в воду.

Миноносец тотчас же затонул, а человек 12 здоровых и раненых очутилось в воде»¹.

2. В записках одного русского офицера говорится следующее: «Сегодня ночью было очень темно, горизонт был покрыт облаками, и к рассвету пошел мелкий дождь. Кажется, около 4 часов 30 минут утра в море слышались звуки выстрелов. На одном из возвращающихся полным ходом миноносцев был поднят сигнал: ««Страшный» окружен неприятелем». Адмирал Макаров, не теряя ни минуты, приказал "Баяну" идти на выручку миноносца. Оказывается, "Страшный", будучи окружен 4 неприятельскими миноносцами, вел с ними жестокий бой. Неприятельскими снарядами на нем были разбиты машины, поврежден руль; миноносец, лишившись возможности управляться, все-таки еще храбро защищался, но в конце концов попавшим в котел снарядом был вызван взрыв и получилась пробоина в корпусе судна, почему миноносец стал тонуть. Миноносец до последнего момента продолжал стрелять, бывший на нем лейтенант Малеев сам до самого конца стрелял из пулемета. Опоздавший с помощью "Баян", отогнав неприятельские миноносцы, спустил шлюпки, которые на большой волне смело шли подбирать людей, но в это время появились несколько больших судов неприятеля, которые выказали намерение окружить "Баян", почему крейсер, отказавшись от своего намерения, пошел обратно; спасли только 5 человек нижних чинов».

В. Сражение 3-го боевого отряда с целью завлечь неприятеля

30 марта (12 апреля) в 6 часов 30 минут вечера 3-й боевой отряд, отделившись от 1-го боевого отряда, направился к Порт-Артуру. На следующее утро еще до рассвета видел прожекторы неприятеля и около 7 часов утра увидел державшийся на рейде «Баян». Спустя немного к отряду подошел 2-й отряд истребителей и занял место справа.

В это время в проходе появились два судна, а стоявшие в гавани суда выпускали густой черный дым, как бы готовясь

¹ Описание очень сокращено против оригинала.

к выходу. Вслед за тем «Баян» пошел по направлению к нам и, подойдя на расстояние около 10 000 метров, открыл огонь. Поэтому адмирал Дева в 7 часов 20 минут утра приказал судам отряда приготовиться к бою, а 2-му отряду истребителей стать за пределы падения снарядов. Увеличив ход, суда в следующем порядке: «Читосе», «Такасаго», «Кассаги», «Иосино», «Токива», «Асама» шли в строю кильватера и, подойдя к неприятелю на расстояние в 8000 метров, открыли по нему огонь из крупных орудий. «Баян», стреляя из всех своих орудий, постепенно сближался, и мы сосредоточили по нему огонь всех орудий, почему он, не выдержав, повернул в гавань.

Один из наших снарядов, однако, попал ему в корму с левого борта и, разорвавшись, поднял столб пламени. Отряд, прекратив огонь, пошел на NO. В это время со стороны Bluff Bevan, направляясь к Артуру, шли несколько неприятельских миноносцев, а на рейд один за другим вышли «Новик», «Аскольд» и «Диана» и держались там, заволакивая небо густым дымом.

В 8 часов утра 3-й боевой отряд снова лег на SW и выделил из строя «Асама» для приема раненых с «Икадзучи» (крейсер вступил опять в строй в 9 часов 05 минут).

Ввиду сгустившегося в это время у берега тумана и невозможности следить за неприятелем отряд снова лег на NO; при этом по восточному берегу Ляотешаня показался сначала «Баян», а затем из тумана появились «Петропавловск», «Севастополь», «Аскольд», «Диана», «Новик» и при них с правой стороны 9 миноносцев: «Баян», повернув налево, вошел в строй между «Дианой» и «Новиком». В то же время показалось одно судно типа «Победа». Неприятель, пользуясь преимуществом в силе, принял наступательный образ действий и направился к отряду.

Адмирал Дева, отстреливаясь, желал завлечь неприятеля в открытое море, в то же время послал телеграмму на «Микаса»: «Главные силы неприятеля вышли из гавани и ведут с нами бой».

В 9 часов 05 минут суда отряда повернули вправо все вдруг и, прибавив скорость, направились к месту нахождения 1-го боевого отряда. Неприятель тоже повернул «влево все вдруг», построился в строй пеленга по направлению вправо и постепенно нагонял нас. Расстояние достигло 6500 метров. Неприятельские снаряды большого калибра рвались вокруг нас со всех сторон, и

в особенности много снарядов падало близ «Токива» и «Иосино», поднимая вокруг них целые столбы брызг, так что корпуса этих судов стали совершенно мокрыми. Неприятель, продолжая бой и постепенно нажимая на нас, вышел в море миль на 15, далеко из района обстрела крепости. Наконец, в 9 часов 15 минут вдалеке показался наш 1-й боевой отряд, и неприятель, прекратив погоню, удалился по направлению к рейду.

Г. Помощь со стороны главных сил эскадры

Идя с 1-м боевым отрядом к Порт-Артуру, адмирал Того в 6 часов 30 минут утра встретил «Кориу-мару», 5-й отряд истребителей и 14-й отряд миноносцев и получил от них донесение о постановке мин прошлой ночью. Затем, встретив 2-й боевой отряд, 3-й отряд истребителей и 9-й отряд миноносцев, приказал им остаться у Encounter Rock, а сам с 1-м боевым отрядом, присоединив к нему «Ниссин» и «Кассуга», пошел далее. Спустя немного была получена телеграмма от адмирала Дева и слышались звуки отдаленных выстрелов, но за стоявшею мглою положение боя еще не было видно.

Суда шли в строю кильватера: «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Ясима», «Сикисима», «Хацусе», «Кассуга», «Ниссин».

Наконец различили неприятельскую эскадру, но та вдруг повернула и пошла под защиту береговых батарей. Наша эскадра прекратила погоню и осталась крейсировать в виду рейда. В это время туман совершенно рассеялся и ясно был виден вход в гавань.

Неприятель направлялся на рейд и, подойдя к мысу Тахе, остановился там, видимо, ожидая приближения нашего флота, чтобы при содействии береговых батарей открыть огонь.

Головной броненосец типа «Петропавловск» подходил к мысу Lutin Rock, как вдруг раздался страшный гул, густые клубы дыма заволкли небо, и спустя немного броненосца уже не было видно. Это было в 10 часов 32 минуты утра. Затем внезапно накренился другой броненосец. Прочие суда все смешались, начали беспорядочно обстреливать прилегающее водное пространство и один за другим вошли в гавань. После полудня на внешнем рейде уже не было видно ни одного судна.

Оставшиеся у Encounter Rock 2-й боевой отряд и миноносцы в 9 часов 15 минут утра, по телеграмме командующего флотом, были вызваны на соединение с главными силами, но в 10 часов 30 минут получили приказание вернуться на прежнее место и потому, поворотив, вернулись к Encounter Rock и стали на якорь.

Д. Возвращение отрядов

Адмирал Того, видя, что неприятельская эскадра вошла в гавань, и зная, что она уже не осмелится выходить более для вторичного боя, оставив для наблюдения за неприятелем 3-й боевой отряд, сам с 1-м боевым отрядом направился в северную часть Желтого моря. По дороге, встретив 2-й боевой отряд и миноносцы, возвратил крейсера «Ниссин» и «Кассуга» в свой отряд.

В 2 часа дня, по телеграмме от адмирала Камимура, послал «Чихая» на поиски за неизвестно где находившимися пароходами «Никко-мару», «Такасака-мару», а 3-му отряду истребителей и 14-му отряду миноносцев приказал вернуться на стоянку в северо-западной Корее

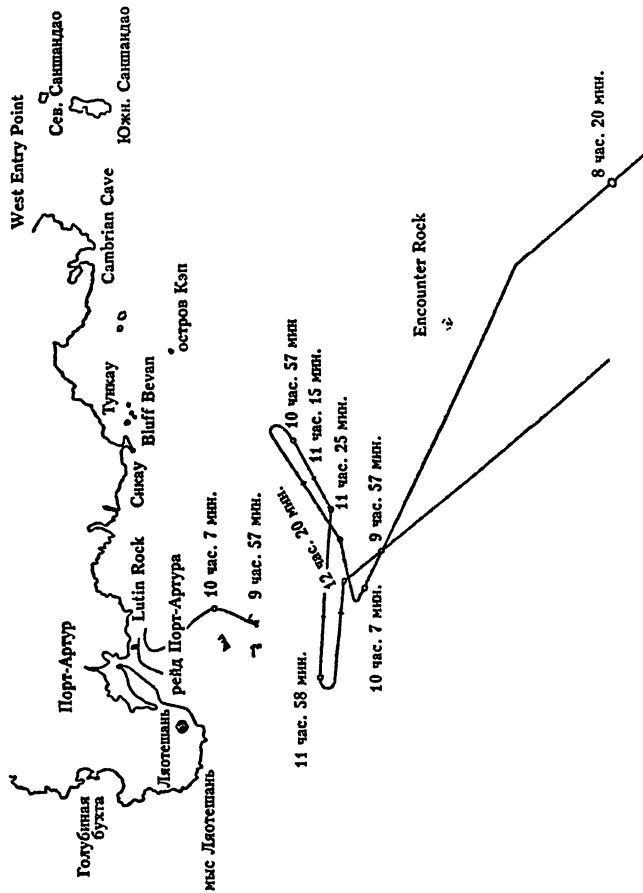
3-й боевой отряд, по приходе 1-го боевого отряда, стал у него с правой стороны и больше уже не обменялся с неприятелем ни одним выстрелом.

В 12 часов 30 минут дня он получил приказание выяснить, что делает под Тигровым хвостом броненосец типа «Полтава», почему повернул на север и осмотрел рейд, не найдя на нем ни одного судна. Даже бывшие ранее всегда на рейде «Баян», «Аскольд» и «Новик» теперь зашли в гавань, о чем и было послано донесение командующему флотом. На обратном пути отряд встретил «Чихая», «Никко-мару» и «Такасака-мару»; адмирал Дева, отправив последний на стоянку в северо-западной Корее, с двумя прочими судами присоединился к 1-му боевому отряду.

1 (14) апреля адмирал Того, приказав истребителям, миноносцам, «Никко-мару» и «Кориу-мару» идти для пополнения запасов угля и воды, сам с 1, 2 и 3-м боевыми отрядами в 10 часов утра стал на якорь к северу от острова Торнтон.

В тот же вечер со сторожевого судна «Нийтака» было получено известие, что утонувшее накануне неприятельское судно

Схема движения 1-го боевого отряда под Порт-Артуром 13 апреля 37
г. Мейдан (1904) (31 марта 1904 г.)

оказалось флагманским кораблем «Петропавловск» и что на нем погиб командующий флотом вице-адмирал Макаров со своим штабом. Другой броненосец, коснувшийся мины, был «Победа».

Е. Гибель командующего русским Тихоокеанским флотом

Когда первоначальные неудачи русского Тихоокеанского флота значительно потрясли его силы, командующим этим флотом был назначен пользующийся большим доверием как начальства, так и подчиненных вице-адмирал Степан Осипович Макаров. С самого приезда своего в Порт-Артур в начале марта он деятельно принялся за работу: привел в порядок побитую и расстроенную эскадру, поднял военный дух, водворил дисциплину и от всего сердца и не жалея сил старался восстановить честь флота.

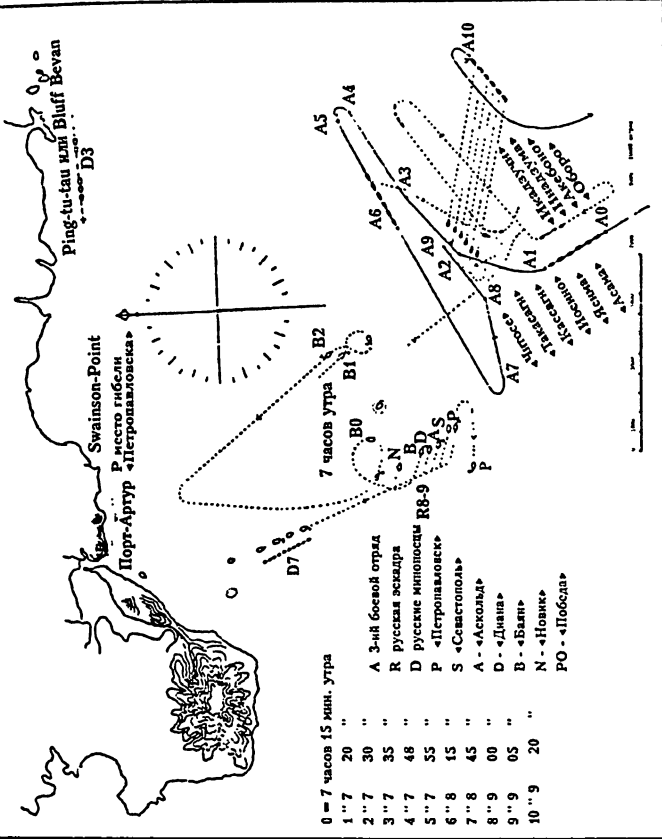
31 марта (13 апреля) на рассвете, получив донесение, что миноносец «Страшный», возвращаясь в гавань, отрезан неприятелем и находится в опасном положении, не мог удержать своего гнева и, послав на выручку миноносца «Баян», сам с «Петропавловском», «Победой», «Аскольдом», «Дианой» и «Новиком» немедленно вышел из гавани. «Баян» не успел оказать требуемой помощи миноносцу и мог спасти только 5 человек из его команды и принужден был отойти под угрозой со стороны нашего 3-го отряда.

Адмирал Макаров, не переставая гневаться, пошел в погоню за нашим 3-м боевым отрядом.

Отойдя на 10 с лишком миль от гавани и увидев приближение наших главных сил, адмирал полагал невыгодным продолжать бой и вернулся на рейд, где, соединившись с вышедшими из гавани «Пересветом», «Победой» и «Севастополем» и выстроив эскадру в строй кильватера на курс Ost, ожидал нашего приближения, чтобы встретить нас под защитой своих береговых батарей.

При повороте на обратный курс близ Lutin Rock вдруг раздался страшный гул взрыва, и корпус флагманского броненосца «Петропавловск» вздрогнул и накренился, выпуская клубы черного дыма и пара. Дым заволок все судно. Приблизительно

Схема движения 3-го боевого отряда и 2-го отряда истребителей
13 апреля 37 г. Мейдан (1904) и предположительный
курс истребительской эскадры.
(31 марта 1904 г.)

- 0 — 7 часов 15 мин. утра
 1 " 7 " 20 " "
 2 " 7 " 30 " "
 3 " 7 " 35 " "
 4 " 7 " 48 " "
 5 " 7 " 55 " "
 6 " 8 " 15 " "
 7 " 8 " 45 " "
 8 " 9 " 00 " "
 9 " 9 " 05 " "
 10 " 9 " 20 " "
- A — 3-ий боевой отряд
 R — русская эскадра
 D — русские миноносцы R8-9
 P — «Петропавловск»
 S — «Севастополь»
 A — «Аскольд»
 D — «Длана»
 B — «Баян»
 N — «Новик»
 PO — «Победил»

через 2 минуты броненосец затонул. Очевидно, взрыв мины заграждения повлек за собою взрыв порохового и минных погребов на судне, а также взрыв котлов, почему корпус судна положительно разломился на две части. Когда адмирал Макаров увидел, что судно тонет, то, сняв пальто, опустился на колени¹ и, творя свою последнюю молитву, разделил участь судна. При этом погибли начальник штаба флота, контр-адмирал Петр Павлович Молас, 31 офицер, более 600 нижних чинов и художник Верещагин. В числе спасенных находились великий князь Кирилл Владимирович, командир судна капитан 1 ранга Николай Матвеевич Яковлев, 9 офицеров и 120 человек команды.

Младший флагман, контр-адмирал князь Ухтомский, оставив на рейде «Победу»², с прочими судами вошел в гавань. Броненосец «Победа» также коснулся мины, получил пробойну в средней части судна у угольных ям и, накренившись, с большим трудом был введен в гавань. Говорят, что при выходе в этот день судов из гавани адмирал Макаров предупреждал каждое судно принять меры предосторожности против неприятельских подводных лодок. Поэтому, когда случилась катастрофа с двумя судами, все прочие суда, полагая, что их атакуют подводные лодки, усиленно стреляли вокруг себя в воду.

1. В записках капитана 1 ранга Бубнова по этому поводу говорится нижеследующее:

«Адмирал Макаров повернул обратно и всю эскадру в строе кильватера пошел в Артур. Японская эскадра шла за ними полным ходом. На границе огня наших батарей японцы резко застопорили машины.

Мы были уже на внешнем рейде, когда адмирал поднял сигнал «миноносцам войти в гавань», а сам в то же время повернул вправо и пошел малым ходом на восток. Это был 11-й час утра. Первый отряд миноносцев уже вошел в гавань (кроме отставших). Миноносец «Сторожевой», на котором был я, был уже в проходе, как вдруг послышался взрыв, вскоре за ним другой, большой силы. На моем миноносце раздался крик: «Броненосец взорвался — «Петропавловск» взорвался!»

¹ О последних минутах адмирала Макарова ничего не известно.

² Эскадра сначала пропустила в гавань поврежденный броненосец «Победа», а затем только вошла в гавань.

Я увидел громадный столб дыма и пара, а под ним корму и винты броненосца "Петропавловск".

Задние миноносцы, еще не вошедшие в проход, прямо помчались к месту катастрофы; туда же пошли и минные крейсера. Когда миноносец "Сторожевой" выскочил на рейд, море уже было совершенно спокойно и ничто, кроме столпившихся в одном месте миноносцев, не указывало место катастрофы.

Я приказал миноносцу "Сторожевому" следовать туда же, как вдруг послышался второй взрыв. Обернувшись, я вижу, что броненосец "Победа" сильно накренился; с него полетели на воду койки и начали даже спускать шлюпки. Очевидно, на этом броненосце явилось опасение, что и "Победу" постигнет та же участь, что и "Петропавловск". Опасаясь его гибели, я тотчас же приказал идти к этому броненосцу, но не прошел "Сторожевой" и половины пути, как с "Победы" открыли сильный огонь в воду. Снаряды рвались, и осколки летели прямо в миноносец. Приближаться было рискованно, так как и с другого какого-то корабля сделали несколько выстрелов в воду, а затем открыла огонь по воде одна из батарей Тигрового полуострова. Видимо, всем мерещилась подводная лодка.

Адмирал князь Ухтомский поднял сигнал "эскадре войти в гавань". Первым влетел туда, даже не дожидаясь сигнала, броненосец "Победа", затем вошли другие суда и миноносцы.

С гибелью Макарова у всех явилось предчувствие, что погиб не только адмирал Макаров и "Петропавловск", а погибла вся Тихоокеанская эскадра или, по крайней мере, погибла для этой эскадры надежда на лучшее будущее».

2. В записках одного русского офицера говорится: «При повороте на "Петропавловске" вдруг раздался гул взрыва, затем снова второй, третий и четвертый взрывы и броненосец немедленно затонул. Все это произошло в какие-нибудь 2 минуты, и на месте броненосца был виден только водоворот. Первый взрыв последовал от японской мины, второй от взрыва резервуаров бывших на броненосце 18 мин, третий — взрыв котлов и четвертый — взрыв порохового погреба. Адмирал Макаров всегда перед тем производил очистку окружающих вод перед выходом флота из порта, и сегодня, не в пример прочим дням, в пылу раздражения на то, что "Страшный" был отрезан неприятелем, не производя траления фарватера, вышел из гавани. Вид катастрофы поистине был ужасный — бывшие на батареях или на возвышенностях люди при

виде катастрофы сняли шапки и шептали молитвы, некоторые плакали, некоторые попадали в обморок¹. Бывший на Золотой горе Великий Князь Борис Владимирович также упал без чувств²».

Статья 2. Восьмая атака Порт-Артура

Прибыв на назначенную стоянку близ острова Торнтон 1 (14) апреля в 10 часов утра, адмирал Того, хотя удовлетворенный тем, что во время седьмой атаки неприятель понес серьезные потери, тем не менее решил снова тревожить неприятеля и потому в тот же день, создав на «Микаса» флагманов и командиров судов, дал инструкции каждому отряду относительно восьмой атаки Порт-Артура.

Окончив приготовления к походу, 2, 4 и 5-й отряды истребителей и 9-й отряд миноносцев вышли к Порт-Артуру 1 (14) в 7 часов 30 минут вечера.

Около 3 часов ночи отряды подошли к месту назначения и стали наблюдать за неприятельским боевым освещением. С 9-го отряда миноносцев были выпущены светящиеся буйки; с Золотой горы начали делать сигналы прожекторами, но неприятельские батареи не открывали огня и были погружены в угрюмое молчание.

Имеющий целью конвоировать минные отряды 3-й боевой отряд вышел со стоянки 1 (14) числа в 4 часа дня и подошел к Порт-Артуру на следующее утро.

На рейде не было видно ни одного судна, и окрестности были пустынные. Адмирал Дева, узнав, что наши минные суда провели ночь благополучно, телеграфировал об этом командующему флотом.

1-й боевой отряд вышел со стоянки 1 (14) числа в 6 часов вечера и подошел к Порт-Артуру на другое утро в 8 часов.

Выделив «Ниссин» и «Кассуга» для производства перекидной стрельбы, 1-й боевой отряд остался держаться в море на SO от Ляотешаня.

¹ Фантазия неизвестного автора.

² Фантазия неизвестного автора.

9-й отряд держался вблизи стреляющих судов, готовый к атаке на неприятеля. «Кассуга», подойдя на SSW от маяка Ляотешаня, открыл огонь по внутреннему рейду, а «Ниссин» держался на SW от Ляотешаня. Так как сношение по беспроводному телеграфу с нашими наблюдающими судами прерывалось неприятелем с находившейся на SO от входа к берегу наблюдательной станции, то трудно было корректировать стрельбу и снаряды падали недостаточно метко. Однако спустя немного удалось установить сообщение посредством крейсера «Такасаго», и снаряды стали ложиться лучше.

Неприятель построил две открытые батареи на NO от маяка, с которых открыл по нам огонь, но «Ниссин» и «Кассуга» вскоре заставили их замолчать.

Суда неприятеля, стоявшие в гавани, хотя тоже стреляли перекидным огнем, но ни один снаряд в нас не попал¹.

В 12 часов 50 минут адмирал Того приказал прекратить стрельбу и в 1 час дня с 1-м боевым отрядом пошел в обратный путь, 3-й боевой отряд следовал за ним, а отряды истребителей шли в тылу на случай атаки неприятеля; 9-му отряду миноносцев было приказано возвращаться по способности. Таким образом, 16-го апреля в 1 час дня один отряд за другим вернулся на стоянку в северо-западной Корее.

4 (17) апреля на имя командующего флотом вице-адмирала Того Хейхачиро был дан нижеследующий императорский рескрипт:

«Мы узнали о великом успехе Соединенного флота, который, атакуя неприятеля под Порт-Артуром, потопил его судно. Мы снова хвалим эти действия».

Адмирал Того донес на это следующий ответный адрес:

«На этот раз достигнутые под Порт-Артуром успехи Соединенного флота всецело зависят от добродетелей Вашего Величества, а не от человеческих усилий. Тем не менее мы, имея слов выразить наши чувства по поводу всемилостивейшего рескрипта, с еще большим рвением будем стремиться к тому, чтобы уничтожить остатки неприятельского флота».

¹ По нашим сведениям, снаряд с броненосца «Пересвет» попал в борт крейсера «Ниссин».

Глава XI

Третье заграждение входа

Статья 1. Движения флота перед походом

С самого начала войны Соединенный флот, находясь под Порт-Артуром, всегда действовал наступательным образом. Ныне решили произвести еще третье заграждение входа. С другой стороны, в это время 7-й боевой отряд, окончив охрану высадки войск в устье реки Тайдон, сопровождал их в движении на север, оказывая им поддержку со стороны моря. Часть этой армии уже достигла южных берегов Ялу и была недалеко от того момента, чтобы перейти в наступление на поля Маньчжурии.

Около этого времени неприятельская армия постепенно дополняла оборону крепости Порт-Артур, строила оборонительные сооружения близ Кинчжоу и выставила пикеты по всему побережью от Ялу до Талиенвана. Главные силы армии были, по-видимому, сосредоточены в Ляояне, Кайпине и Вафангоу. Для действия против них наша главная квартира организовала вторую армию, которая должна была высадить-

ся в бухте Энтоа¹ одновременно с выполнением третьего заграждения входа в Порт-Артур и затем двинуться для совместных действий с 1-й армией.

2 (15) апреля была получена относительно этого телеграмма от начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито.

Когда адмирал Того вернулся с 8-й атаки Порт-Артура на стоянку в северо-западной Корее, то он решил предпринять действия против Владивостока, чтобы, пользуясь удобным случаем, постараться нанести поражение базирующемуся на этот порт отряду крейсеров.

Поэтому он приказал адмиралу Камимура идти к Владивостоку со 2-м (за исключением «Якумо» и «Асама» и с прибавлением «Кассуга») и 4-м (с прибавлением «Идзуми») боевыми отрядами, 1-м отрядом истребителей, пароходами «Никкомару» и «Киншо-мару» и бывшими в Корейском проливе 11-м и 15-м отрядами миноносцев. (Подробно изложено во 2-м томе.) Начальнику 3-й эскадры вице-адмиралу Катаока приказано было с подведомственными ему судами идти из Корейского пролива на соединение с главными силами флота в базу в северо-западной Корее. В то же время адмирал Дева получил особое поручение обследовать с 3-м боевым отрядом (за исключением «Такасаго» и с прибавлением «Асама»), лодкой «Цукуси» и 14-м отрядом миноносцев («Монадзуру», «Касагаги», «Цубане») место, предназначенное для высадки 10-й дивизии в устье реки Та-янг-хо².

6 (19) апреля прибыли из столицы посланные с милостивыми словами и подарками Соединенному флоту от императора и наследного принца — адъютант императора контр-адмирал Иноуэ Риочи и адъютант наследника капитан 2 ранга Куромидзу Косабуро.

¹ Бухта Энтоа расположена приблизительно в 23 милях на NO от Та-лиенвана, на широте 39° 12' N и долготе 122° 6' O. Внутри бухта изобилует островками, рифами и камнями и опасна для плавания.

² Река Та-янг-хо находится в 25 милях на W от Ялу, вверх по течению приблизительно в 8 милях от устья лежит город Дагушань. Это вторая по значению гавань в Манчжурии, в ней построен целый ряд складов и с севера вывозится много товаров. Хотя доступ в реку затрудняется песчаным баром, почти обнажающимся в отлив, но внутри реки глубина держится около 8 футов, почему шлюпки могут беспрепятственно подыматься до города Дагушань.

К 9 (22) числу постепенно подошли суда 3-й эскадры. Транспорты со 2-й армией также понемногу собирались с 10 (23) апреля в устье реки Тайдон. 11 (24) апреля на место стоянки флота прибыл командующий 2-й армией генерал барон Оку Ясуката и имел совещание с адмиралом Того по поводу высадки армии. 13 (26) числа вернулся из рекогносцировки адмирал Дева.

Итак, ввиду наступления момента начала совместных действий армии и флота, адмирал Того решил окончательно закупорить вход и запереть в гавани главные силы неприятеля, чтобы беспрепятственно охранять высадку 2-й армии. Поэтому он приказал адмиралу Хосоя с 7-м боевым отрядом (за исключением «Майя», «Чиокай» и «Удзи») и пароходами «Никко-мару» и «Гонконг-мару» и 20-м отрядом миноносцев 19 апреля (2 мая) войти в устье реки Тайдон, 20 (3) выйти оттуда и подойти на следующее утро с рассветом к Энтоа и, с помощью отдельного отряда сухопутных войск, быстро завладеть пунктами высадки. Затем, пользуясь удобным моментом, начать высадку войск, руководить ею и охранять ее от неприятеля. Адмиралу же Катаока было приказано с 5-м и 6-м боевыми отрядами, пароходами «Дайнин-мару» и «Иобу-мару»¹, и 2, 6, 12 и 21-м отрядами миноносцев выйти в море и конвоировать транспорты с 2-й армией от устья реки Тайдон до бухты Энтоа, куда прибыть 21 апреля (4 мая) и охранять высадку войск.

Сам адмирал Того с 1-м и 3-м боевыми отрядами, лодками «Акаги» и «Чиокай», отрядами истребителей, 9, 10, 14 и 16-м отрядами миноносцев и пароходами-заградителями предполагал выйти на заграждение входа в гавань Порт-Артура и затем, вполне овладев морем, перенести базу флота в группу островов Эллиот, чтобы начать тесную блокаду Порт-Артура.

Статья 2. Подготовления к заграждению

Так как бывшие перед тем две попытки закрыть вход в гавань не удалось, то адмирал Того на этот раз решил произвести опе-

¹ Захваченный корейский военный пароход, стоявший в Чемульпо при бое «Варяга» и «Корейца».

рацию в большем масштабе и просил приготовить 12 пароходов. Главной квартирой были выбраны из числа военных и морских транспортов следующие суда: «Сибата-мару», «Кокура-мару» (или «Огура»), «Асагао-мару», «Микава-мару», «Тотоми-мару», «Фузан-мару», «Иедо-мару», «Нагато-мару», «Отару-мару», «Сакура-мару», «Сагами-мару» и «Айкоку-мару». По надлежащем приготовлении их к походу суда были высланы на место стоянки флота и, придя туда, к 13 (26) апреля окончили все приготовления.

Для комплектации их адмирал Того вновь объявил набор охотников; на этот призыв откликнулся весь состав флота. Надо было выбрать вдвое больше народу, чем прежде, и адмирал Того вновь отклонил просьбы желавших идти во второй раз. В этот раз был назначен общий начальник всего отряда заградителей, а именно командир лодки «Чиокай» капитан 2 ранга Хаяси Минео. Состав этого отряда заградителей был следующим:

«Сибата-мару» (4200 тонн, 13 узлов): начальник отряда капитан 2 ранга Хаяси Минео, командующий лейтенант Тооя Юноске, мичман Накамура Риозо, механик Каваи Иосидзиро, 20 нижних чинов.

«Кокура-мару» (3340 тонн, 13 узлов): командующий капитан-лейтенант Фукуда Масатеру, мичман Мадусима Кагэски, механик Томиясу Риоичи, 19 нижних чинов.

«Асагао-мару» (3550 тонн, 12,65 узла): командующий лейтенант Мукай Кикутаро, мичман Итояма Тейдзи, механик Симидзу Юто, 15 нижних чинов.

«Микава-мару» (2320 тонн, 10 узлов): командующий лейтенант Соса Танецугу, мичман Ониси Иосисуке, механик Тойода Минору, 15 нижних чинов.

«Тотоми-мару» (2380 тонн, 10,4 узла): командующий капитан-лейтенант Хонда Чикатами, мичман Мори Наганори, механик Такеучи Ничизо, 15 нижних чинов.

«Фузан-мару» (2920 тонн, 11 узлов): командующий лейтенант Осуми Нинсей, лейтенант Идэ Коки, механик Токунага Бин, 15 нижних чинов.

«Иедо-мару» (1850 тонн, 11,43 узла): командующий лейтенант Такаянаги Наонобу, мичман Нагата Такедзиро, механик Йокура Мориносукэ, 15 нижних чинов.

«Нагато-мару» (2120 тонн, 13 узлов): командующий капитан-лейтенант Танака Дзиуро, мичман Ямагучи Киичи, механик Фудзии Горо, 19 нижних чинов.

«Отару-мару» (3000 тонн, 11,7 узла): командующий лейтенант Номура Цутому, мичман Касавара Сабуро, механик Иваса Тадаси, 15 нижних чинов.

«Сакура-мару» (3700 тонн, 12 узлов): командующий лейтенант Сираиси Иосии, мичман Такахаси Сидзюка, механик Терасима Тейтаро, 17 нижних чинов.

«Сагами-мару» (2108 тонн, 11 узлов): командующий Юаса Такедзиро, мичман Ямамото Яикаюки, механик Яно Кеничи, 20 нижних чинов.

«Айкоку-мару» (1650 тонн, 13 узлов): командующий лейтенант Инудзюка Таро, мичман Учида Хироси, механик Аоки Кодзи, 21 нижний чин.

Так как в числе выбранных офицеров много было из 3-й эскадры, еще незнакомых с местностью у Порт-Артура, то они были распределены по истребителям и под командой адмирала Насиба с конвоем из 2-й бригады броненосцев ночью 14 (27) апреля подошли к Порт-Артуру и, произведя обследование местности, вернулись на другой день к эскадре. 17 (30) апреля команды перешли со своих судов на заградители и начали приготовления. 1 мая после полудня все было окончено, и суда были готовы к походу.

Статья 3. Выход отрядов

Итак, 18 апреля (1 мая) Соединенный флот начал действовать. Имевшие цель охранять транспорты 2-й армии: 5-й и 6-й боевые отряды и 2, 6, 12 и 21-й отряды миноносцев, вместе с 7-м боевым отрядом и 20-м отрядом миноносцев, вышли того же числа утром со стоянки в северо-западной Корее и направились к острову Чода¹. (Относительно операций этих отрядов подробно изложено далее.)

¹ Остров Чода лежит на SW от устья реки Тайдон на широте 38° 32' N и долготе 124° 54' O, высота его 1041 футов. Большой остров, густо заросший лесом, с многочисленными пашнями и возделанными полями.

Прочие же суда, идущие к Порт-Артуру, снялись с якоря в 5 часов дня.

Адмирал Дева с 3-м боевым отрядом (с прибавлением «Асама» и «Якумо») вышел первым, за ним следовал адмирал Того с 1-м боевым отрядом, ведя за собою 12 пароходов-заградителей с начальником отряда капитаном 2 ранга Хаяси на «Сибата-мару» во главе. С правой стороны пароходов шли 9, 10, 14 и 16-й отряды миноносцев, с левой — «Акаги» и «Чинокай». 2, 3, 4 и 5-й отряды истребителей держались справа от 1-го боевого отряда, «Тацута» шел слева.

Таким образом, к Порт-Артуру двигалось 50 с лишком вымпелов.

На другой день ненадолго уменьшили ход, так как у «Фузан-мару» настолько текли котлы, что он требовал немедленного ремонта, поэтому, выделив его из строя, пошли прежним ходом. В 7 часов вечера, подойдя к условному пункту, поставили заградители с левого борта 1-го боевого отряда и был поднят сигнал «заранее поздравляю с успехом». На всех судах команды стояли во фронте, провозжая товарищей на опасное дело.

Статья 4. Выполнение заграждения

А. Отправление пароходов-заградителей

Отделившись от главных сил в 7 часов вечера, пароходы-заградители под конвоем «Акаги», «Чинокай» и минных судов шли к Порт-Артуру. Около 10 часов вечера вдруг поднялся сильный южный ветер и развел большую волну. Луна скрылась и настала полная темнота, так что строй пароходов мало-помалу пришел в беспорядок.

Многие из конвоиров отделились от своих пароходов. Ввиду этого начальник отряда капитан 2 ранга Хаяси, опасаясь, что при такой погоде трудно будет спасти шлюпки и будет большая потеря в людях, решил отменить поход и немедленно послал «Акаги» дать знать о том на все суда, вместе с тем уменьшил скорость и повернул обратно. Однако приказание об отмене похода было передано только двум пароходам — шедшим

вторым «Кокура-мару» и восьмым «Нагато-мару», остальные 8 судов и их конвоиры, не зная об отмене, продолжали идти вперед. К полночи ветер еще усилился, волны перекатывались через верхнюю палубу, и миноносцам приходилось очень тяжело. Тем не менее суда шли вперед и, достигнув назначенного пункта, стали действовать согласно инструкциям.

«Акаги», который в поисках за судами шел в обратном направлении около часа, не найдя никого, решил, что суда пошли к Порт-Артуру, и потому сам направился туда же.

Б. Вытолнение заграждения

Приказание начальника экспедиции капитана 2 ранга Хаяси, как было сказано, не было передано на большинство судов, и потому 8 пароходов шли по способности, в одиночку, на свой смелый подвиг к Порт-Артуру.

Командующий 4-м пароходом, «Микава-мару», лейтенант Соса, потеряв другие суда, шел вперед и в 2 часа ночи увидел в 6 милях на север прожекторы Золотой горы. Уменьшив ход, ожидал подхода прочих судов. В 2 часа 10 минут, услышав у входа в гавань стрельбу, лейтенант Соса решил идти сейчас же и повернул на рейд. По дороге встретил наши миноносцы и спросил, пошли ли уже и другие суда в дело, на что получил ответ: «Вы идете первый, идите смело вперед».

Немного спустя пароход был открыт неприятелем, освещен прожекторами и по нему открыли огонь. Несмотря на возникший пожар и взорвавшуюся поблизости мину, «Микава-мару» смело шел вперед и, пройдя через два ряда боновых заграждений, подошел к левому берегу от входа, повернулся носом на NW, взорвался и затонул.

Вслед за ним шел бывший под командой лейтенанта Сираиси пароход «Сакура-мару»; подойдя к берегу справа от входа и став носом на NW, он также взорвался и затонул.

Когда следующий за ним «Тотоми-мару», под командой капитан-лейтенанта Хонда, идя в строе к Порт-Артуру, заметил, что «Сибата-мару» и еще одно судно повернули обратно, то, решив, что это делается ввиду того, что еще рано, также повернул и замедлил ход. Однако, опасаясь столкновения с шед-

шими ему навстречу судами, снова повернул к Порт-Артуру и решил идти в атаку один. По дороге встретил «Отару», «Сагами», «Иедо» и «Айкоку-мару» и пошел вместе с ними. Впереди шел «Тотоми-мару».

Подойдя на траверз прожекторов Тигрового полуострова, пароход был открыт неприятелем, и немедленно посыпался град снарядов со всех батарей. Рулевой был ранен, так что капитан-лейтенант Хонда сам встал на руль и пошел в проход. В это время снарядами были разбиты котел и свисток, повалена фок-мачта, повреждена рулевая машина и возник пожар. Судно остановилось как раз в середине прохода, носом на WSW. Был произведен взрыв, и судно затонуло.

Командующий 9-м пароходом, «Отару-мару», лейтенант Номура хотя и получил приказание об отмене похода и видел, что два-три судна повернули обратно, но так как шедшее впереди его судно продолжало идти прежним курсом, то следовал за ним. Подойдя на рейд и прорвавшись через преграды, вышел впереди «Микава-мару» и, повернув носом на WSW, взорвался и затонул налево от входа.

2-й пароход, «Сагами-мару», под командой лейтенанта Юаса, идя следом за «Отару-мару», пошел рядом с «Сакура-мару», вместе с ним вошел в проход и, повернувшись носом на W, взорвался и затонул.

Командующий пароходом «Айкоку-мару» лейтенант Инудзука, увидел, что некоторые суда как будто бы повернули назад, и, слыша свистки, не мог понять, в чем дело, и долго рассматривал местонахождения пароходов. Так как «Сагами-мару» и прочие суда все-таки шли вперед, то и он снова дал ход и направился к Порт-Артуру. Несмотря на сильный огонь неприятеля, он добрался до входа, как вдруг раздался гул взорвавшейся под пароходом мины. Лейтенант Инадзука решил затопить пароход на этом же месте и дал приказ отдать якорь, но судно само наполнилось водой и начало тонуть.

Командующий 7-м пароходом, «Иедо-мару», лейтенант Такаянаги, видя, что два-три судна как будто бы повернули, сначала последовал за ними, но затем, увидев, что прочие суда идут по назначению, снова повернул и пошел вместе с ними.

Под градом снарядов приближаясь ко входу, лейтенант Такаянаги, полагая, что настал удобный момент для затопления судна, приказал приготовить к отдаче якорь и, стоя у компаса, определял место, как вдруг был сражен неприятельским снарядом, попавшим ему в живот. Заменявший его мичман Нагата отдал якорь посреди прохода, стал носом на NNW и затопил судно взрывом.

3-й пароход, «Асагао-мару», сначала повернул вслед за «Сибата-мару», но, заметив, что другие суда все-таки идут к Порт-Артуру, вновь повернул, решив идти самостоятельно. В 5-м часу подошел к мысу Тахе и полным ходом пошел к цели. В это время семь других пароходов уже затонуло, и неприятель обстреливал спасающиеся команды. Огонь, по-видимому, ослабевал, но когда был обнаружен «Асагао-мару», то огонь всей крепости сосредоточился на нем. В 4 часа 30 минут он приткнулся к берегу под Золотой горой, взорвался и затонул. Это был наш последний пароход-заградитель.

Начальник экспедиции капитан 2 ранга Хаяси, после отдачи приказа об отмене похода, возвращаясь к острову Round, заметил, что за ним следуют только два судна. Поэтому около полуночи повернул по направлению к Порт-Артуру, решившись идти на заграждение. Около 2 часов ночи была видна стрельба у входа в гавань. Находясь в 5 милях от Тигрового хвоста и слыша звуки сильной стрельбы, «Сибата-мару» устремился ко входу, но в это время случилось повреждение в руле и пришлось заняться починкой. Когда окончили исправление, было уже около 5 часов утра и на востоке небо посветлело. Таким образом, пропустив удобный случай для атаки, он решил отказаться от нее вовсе, и пароход направился в открытое море.

В. Возвращение команд с заградителей

«Микава-мару», подходя к цели, был сильно обстрелян и имел убитым одного машиниста и 6 нижних чинов ранеными. Шлюпки все были разбиты, оставалась лишь одна небольшая, в которую и поместились все 18 человек вместе с ранеными. Начали выгребать в море, но путь преграждали бобы. Сторожевые суда неприятеля находились с тыла, снаряды с батареей обоих бере-

гов сыпались дождем, и шлюпка, будучи игрушкой волн, не двигалась ни назад, ни вперед. Все думали, что пришел конец, но, к счастью, стрельба батарей не позволяла неприятельским судам вести погоно, и шлюпке наконец удалось, найдя отверстие в преграде, выскочить из львиной пасти.

На «Тотоми-мару» командующий капитан-лейтенант Хонда, дав приказание затопить судно, вместе с тем приказал спустить шлюпку и перенести туда 6 человек раненых. Затем, переключая людей, посадил команду на шлюпку. Однако ввиду темноты ночи и потому, что многие от стрельбы оглохли, и у самого капитан-лейтенанта Хонда была повреждена барабанная перепонка, не могли точно выяснить, все ли в сборе. Между тем судно тонуло, и когда капитан-лейтенант Хонда садился на шлюпку, то вода уже доходила до пояса. Вынув саблю, он перерезал конец, но в это время шлюпку поставило лагом, а затем прижало к судну и наполнило водой. Дружно выкачивая воду, с трудом избежали потопления, и то только потому, что шлюпка была с воздушными ящиками. Наконец удалось выгрести в море. На пароходе пропали без вести 3 нижних чина.

Когда «Айкоку-мару», наткнувшись на мину, остановился, то лейтенант Инудзука, чтобы не подвергаться дальнейшему расстрелу, решил затопить судно на том же месте и приказал отдать якорь. Корма парохода уже начала тонуть, почему он сразу же приказал садиться на шлюпку, и когда это было исполнено, то вода уже доходила до верхней палубы. Едва успели отойти от борта, как судно затонуло. На шлюпке вместе с лейтенантом Инудзука было 17 человек, таким образом, не хватало еще восьми. Поискав их немного и думая, что они спаслись на другой шлюпке, в 4 часа 10 минут вышли в море. На этом пароходе пропали без вести мичман Учида, механик Аоки и 6 нижних чинов.

На пароходе «Иедо-мару», когда командующий лейтенант Такаянаги был сражен неприятельским снарядом, то мичман Нагата бегом поднялся на мостик, перенес труп командира на шлюпку и затем, взорвав судно, с криками «банзай» приказал людям садиться на шлюпку. Шлюпка была сильно разбита и непрерывно наполнялась водой. Заткнув дыры платьем и отчаянно выкачивая воду, удалось избежать гибели. На этом па-

роходе кроме лейтенанта Такаянаги был убит 1 машинист и ранено 3 нижних чина.

Хотя команды с перечисленных выше судов были подобраны, но участь экипажа «Асагао-мару», «Отару-мару», «Сакура-мару» и «Сагами-мару» осталась неизвестной. Позже, уже при сдаче крепости, несколько человек из команды «Отару» и «Сагами-мару» были найдены пленными. Из их рассказов впервые узнали о действиях этих судов. «Отару-мару», полагая себя в надлежащем месте, приготовился к затоплению, и командующий пересчитал всю команду и нашел только одного раненого. Затем, взорвав судно и прокричав «банзай», начали садиться на шлюпку; так как шлюпка № 1 была разбита, то сели в № 3. Тут только впервые мичман Касавара, пересчитывая команду, заметил, что не хватает командира лейтенанта Номура и 2 нижних чинов. Искать их на палубе, где уже гуляли бешеные волны, было невозможно, к тому же и шлюпка наполнилась водой и стала тонуть. Поблизости несло волнами какую-то шлюпку, все бросились в море и поплыли к ней. Едва уселись в нее, как налетавшей большой волной ее перевернуло. При этом утонуло 15 человек, а механик Ивасе и 7 нижних чинов в бесчувственном состоянии на следующее утро были подобраны неприятелем.

«Сагами-мару», прорвавшись через преграды, шел ко входу, причем, дойдя до середины прохода, лейтенант Юаса велел взорвать судно. Прокричав «банзай», начали спускать шлюпку. Не успели спустить ее и до половины, как снарядам были перебиты тали и разбило нос шлюпки. Спустили шлюпку № 2, команда уже перебралась на нее, а командир и мичман Ямамото еще были на мостике, подготавливая взрыв судна. Наконец и они сошли и сели в шлюпку, но она, нажимаемая ветром и волной, не могла отвалить от борта. Неприятель вел сильную стрельбу из пулеметов, и один за другим валились убитые и раненые; наконец, когда судно затонуло, шлюпка перевернулась и застряла между дымовой трубой и вентилятором, оставшись неподвижно на расстрел неприятеля. На другое утро неприятелем были спасены только боцман Кавано и 9 нижних чинов.

Так как с «Асагао-мару» и «Сакура-мару» не осталось в живых ни одного человека, то последние минуты этих пароходов так и остались невыясненными.

Таким образом, во время доблестной и бесстрашной атаки 3-го заграждения входа из команды восьми судов в 158 человек было подобрано нашими спасательными отрядами 67 человек (из них 4 убитых и 20 раненых) и подобрано неприятелем 17 человек (из них 1 умер). Участь остальных 74 человек осталась невыясненной. Когда в ноябре 1905 года раскапывали старое русское кладбище у подножия Перепелниной горы, то были открыты трупы лейтенанта Мукай, мичмана Итояма, механика Симидзу и 14 человек команды «Асагао-мару» и лейтенанта Сироиси и 9 человек команды «Сакура-мару», кроме того, лейтенанта Юаса и 3 человек команды с «Сагами-мару», мичмана Касавара и 6 человек команды с «Отару-мару» и 7 человек неизвестных морских чинов. Инженер-механик Ивасе, будучи ранен в голову, умер в госпитале. Команды с «Отару-мару» и «Сагами-мару» в числе 16 человек были освобождены при взятии Порт-Артура нашей армией.

1. В записках капитана 1 ранга Бубнова по этому поводу в главных чертах говорится нижеследующее:

«В ночь с 19-го на 20-е апреля японцы предприняли третью попытку окончательно заблокировать Порт-Артур. Погода в эту ночь до полуночи была очень бурная, и так как при этом светила еще луна, то все мы рассчитывали, что никаких демонстраций японцы делать не будут.

Около 2 часов ночи раздался выстрел и вслед за тем началась канонада. Наместник при первых же выстрелах перешел на катере на лодку "Отважный".

Вначале видны были только неприятельские миноносцы, затем открылся один пароход, направляющийся полным ходом в гавань. Вскоре за ним показался второй, третий и т. д. Так как до этого циркулировали слухи, что японцы готовят 20 пароходов для закрытия прохода, то, по мере появления пароходов, в голове у каждого естественно появлялась мысль, когда же это все кончится и останется ли свободный проход для судов? Ходили даже слухи, что японцы предполагают затопить в проходе пароход с керосином, чтобы этот последний, разойдясь по гавани и рейду, произвел пожар. Предположение это было маловероятным, потому что сам пароход мог вспыхнуть далеко от входа от первого попавшего в него снаряда, но все-таки лодки, сто-

явшие в проходе, повернули кормами к морю, чтобы работою винтов отгонять керосин, если бы он направлялся в гавань.

С появлением пароходов выслали в море оба дежурных миноносца, которые были моего отряда, а наместник кроме того приказал и всем остальным миноносцам немедленно развести пары и подойти к самому выходу, чтобы пойти в атаку, когда будет приказано. Через 20 минут, а то и раньше, весь отряд был уже готов.

Неприятельские пароходы шли один за другим, засыпаемые нашими снарядами; они взрывались на наших минах, стукались о бон и тонули в разных местах. Мы узнали потом, что из десяти пароходов два вернулись, не дойдя до Артура, а остальные восемь все-таки не заградили выхода в море броненосцам. На рассвете все кончилось, и все вздохнули свободно. Много врагов погибло на пароходах и втрое больше погибло на шлюпках. Вследствие сильного волнения они не могли идти в море, а стали подходить к берегу. Наши сторожевые посты на берегу прекратили стрельбу и стали ждать, когда они высадятся; японцы, однако, сами открыли огонь по нашим постам из ружей и револьверов и стреляли до тех пор, пока наши всех их не перебили.

Другую шлюпку прибило к Тигровому полуострову, и она стала на мель недалеко от берега. Наши войска тоже по ним не стреляли, но когда подбежали ближе, чтобы принять их по высадке, то с ужасом увидели, что японцы рубят друг другу головы. За эту ночь взято было в плен 2 офицера и 30 нижних чинов, да и то почти все раненые, которые, приходя в сознание, с яростью кидались на наших солдат и успокаивались нескоро; 13 из них скоро скончались.

Был еще такой случай. 20-го апреля, после попытки японцев заградить проход, шлюпка с одного из наших сторожевых судов с капитаном 2-го ранга Ивановым и другими офицерами пристала к одному из выбросившихся на берег пароходов. Их встретили было выстрелами, но на палубе этого парохода никого не оказалось. Офицеры вышли на пароход и, проходя по палубе, слышали в трюмах какой-то шорох и шаги людей. Из предосторожности офицеры бросились в сторону, и в этот момент раздался взрыв. Наши не пострадали, только были оглушены и получили сотрясение, но бывшие внизу японцы, которые и произвели этот взрыв, понятно, погибли».

2. В корреспонденции газеты «Русское слово» говорится: «Около часу ночи, когда раздались выстрелы, я побежал и взобрался на Золотую гору. В это время были открыты неприятельские брандеры, и

все батареи открыли по ним сильный огонь. Неприятель под убийственным огнем, пренебрегая смертью, шел вперед. В 2 часа 30 минут головной пароход подошел к берегу, вслед за ним второй. Снаряды наших батарей падали очень верно. Но удивительна спокойная решимость и храбрость неприятеля, заслуживающая похвалы. Когда первое судно было затоплено, команда его собралась на носу и, издавая громкие крики, потерялась в волнах. Вероятно, кричали "банзай". Затем затонули 2, 3 и 4-й пароходы. Шестой брандер затонул значительно к югу, седьмой, будучи освещен прожектором, смешался и сел на мель. Где затонул восьмой пароход — не видел. Пересевшие на шлюпки команды пошли в море, но огнем наших батарей люди постепенно сметались, пока не остались одни только трупы. Оставшиеся на пароходе, приткнувшись под Золотой горой, неприятельские матросы, получив предложение сдаться, схватили ружья и бросились на нас. С другого судна люди не желали спасаться и стреляли по оказывающим им помощь шлюпкам».

Г. Помощь спасательным отрядам от конвоиров

Имевшие назначением охранять заградители и затем спасти с них людей «Акаги», «Чиокай» и минные отряды, отделившись 19 апреля (2 мая) в 7 часов вечера от главных сил, направились вместе с заградителями к Порт-Артуру. Ввиду поднявшегося южного ветра, сильной волны и темноты, потеряв большую часть из виду свои пароходы, они пошли прямо на назначенные им пункты. Начальник 14-го отряда миноносцев капитан-лейтенант Сакурай с 1-м отделением («Чидори» и «Хаябуса») и 2-м отделением (миноносцы № 70 и 67, временно зачисленные в отряд) в 12 часов 30 минут ночи отделились от заградителей и подошли почти на 3 кабельтова от входа, высматривая положение неприятеля. Будучи обстрелян, отряд направился к назначенному ему месту, причем один снаряд попал в рубку миноносца на № 67 и ранил 2 человек команды. Этот миноносец, разойдясь со своим отрядом, встретил идущее ко входу «Микава-мару» и пошел вместе с ним ко входу. При этом снова в него попал снаряд, пробил правый борт, вошел в машинное отделение и разорвался. Минный кондуктор Фурукава и еще один унтер-офицер, коснувшись электрических проводов, впали в

бесчувственное состояние, и машина стала. Снова попал еще один снаряд, но, к счастью, подошел миноносец № 70, который взял его на буксир и с трудом увел в море. «Чидори» и «Хаябуса» находились в 1,5 мили от входа, ожидая прибытия шлюпок. По затоплении заградителей неприятель перенес свой огонь на спасательные миноносцы. В 4 часа 30 минут оба миноносца были освещены и попали в перекрестный огонь, причем на «Хаябуса» был убит один унтер-офицер. «Хаябуса», подобрав экипаж с «Айкоку-мару» и «Тотоми-мару» в числе 31 человека, а «Чидори» — команду с «Иедо-мару», ушли на юг.

10-й отряд миноносцев пришел на назначенный пункт около 1 часа 30 минут ночи. Подойдя на расстояние около 2,5 мили от Золотой горы, увидел, что 14-й отряд ведет перестрелку с неприятелем, и, чтобы отвлечь внимание неприятеля, начал стрельбу по прожекторам Тахе, но, увидев затопление одного из заградителей, пошел на помощь его команде. Около 4 часов 30 минут ночи миноносец № 41 увидел в 1 миле на юг от Золотой горы шлюпку и под огнем неприятеля немедленно направился ей на помощь. Несмотря на большую волну, подошел к ней и снял 18 человек с «Микава-мару».

9-й отряд миноносцев, придя на назначенный пункт, около 2 часов 30 минут ночи видел, что несколько пароходов устремились ко входу. Затем около 4 часов увидел судно, похожее на «Асагао-мару», шедшее с востока; на этом пароходе сосредоточился весь огонь неприятеля. Тогда, чтобы отвлечь неприятеля, отряд начал стрелять по прожекторам на Тахе. Вслед за тем, заметив шлюпку, направился к ней, но люди с нее уже были подобраны 10-м отрядом, почему повернул назад. При этом отряд был обстрелян с батареи Золотой горы. Далее полагая, что не пошли ли экипажи заградителей вдоль берега к бухте Тахе, направился туда, но не нашел ни одной шлюпки. Было уже близко к рассвету, когда отряд повернул на юг в море. Этот отряд подвергся сильному огню неприятеля. На «Аотака» один снаряд прошел с левого борта в машину и вышел на верхней палубе, причем был убит один машинист. Другой снаряд попал в среднюю часть миноносца, разорвался, и осколки вышли в подводной части правого борта, ввиду чего получилась течь. На помощь к нему подошли «Кари» и «Аотака», и миноносец, наскоро заделав повреждения, мог самостоятельно выйти из района стрельбы.

16-й отряд миноносцев, придя на назначенное место в 1 час 50 минут ночи, застопорил машины, но вскоре, заметив, что неприятель обстреливает 14-й отряд и что «Микава-мару» бросился вперед, снова дал ход и открыл огонь по прожекторам на Тигровом хвосте. Неприятель также открыл огонь по этому отряду, и большие снаряды нередко падали вблизи миноносцев.

Было 3 часа 40 минут, когда несколько заградителей один за другим шли ко входу; отряд снова старался отвлечь неприятеля, но тот занялся специально заградителями и на огонь миноносцев не отвечал. Пройдя еще раз ко входу в гавань и не найдя шлюпок, ввиду приближающегося рассвета отряд повернул в море.

Спасательные отряды, подобрав команды с «Микава», «Томи», «Иедо» и «Айкоку-мару», но не встретив более команд с других судов, до рассвета держались у входа в гавань, продолжая поиски людей, и затем отошли на юг.

«Чидори», «Хаябуса» и миноносец № 41, имея раненых, пошли и передали их на «Асама». К 8 часам утра отряды миноносцев один за другим подошли к главным силам.

Поврежденный миноносец № 67, получивший ранее приказание идти в восточную бухту острова Кван-ло-тау, был взят на буксир № 70 и поведен к острову Торнтон.

Остров Кван-ло-тау самый западный в группе Эллиот и находится на широте 39° 10' N и долготе 122° 20' O, в расстоянии около 30 миль на ONO от Талиенвана. Южная часть этого острова покрыта холмами высотой до 820 футов, от которых на NNW тянется ряд высот, наивысшую точку которых составляет конический пик в 1000 футов высоты, остальная часть острова низменна и почти не возвышается над уровнем моря.

Отряды истребителей действовали следующим образом: 2-й и 3-й около 3 часов ночи, а 4-й и 5-й около 1 часа 30 минут ночи заняли назначенные им места. Когда заградители шли в атаку, то они пробовали отвлекать внимание неприятеля. Затем, ожидая возвращения шлюпок и не найдя их, вернулись к 3-му боевому отряду в 8 часов 30 минут утра.

По приказанию адмирала Дева вновь пошли ко входу в гавань и под огнем неприятеля обыскали весь наружный рейд, но безрезультатно, и с 1 часа 30 минут дня один за другим присо-

единились к 1-му боевому отряду. Лодки «Акаги» и «Чиокай», стоя на назначенных местах до рассвета, ожидали возвращения команд с пароходов, но, также ничего не найдя, пошли на юг и позже соединились с 3-м боевым отрядом.

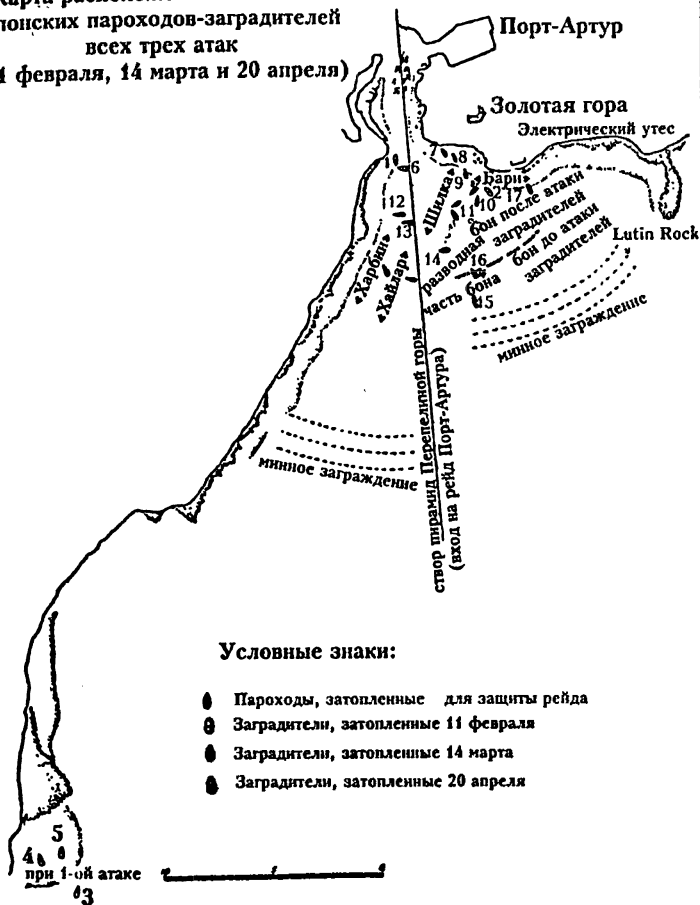
Д. Действия боевых отрядов

3-й боевой отряд, расставшись с заградителями 19 апреля (2 мая) в 7 часов вечера, лег на определенный курс и в 5 часов 30 минут утра подошел к Порт-Артуру. Вдали на юг от Ляотешаня был замечен пароход «Сибата-мару». Затем, находясь приблизительно в 10 милях от берега, был достигнут густым туманом, так что не стало видно берега. К 6 часам постепенно подошли спасательные отряды. По сигналу с «Сибата-мару» — «испорчен руль, не могу управляться и требую ремонта», адмирал Дева послал к нему на помощь «Акаги», приказав передать, чтобы он «по окончании ремонта немедленно шел к острову Торнтон». Затем, так как пароход все еще стоял с застопоренной машиной, то приказал «Такасаго» осмотреть его повреждения и если не удастся починить руль, то взять его на буксир и отвести к острову Торнтон. Спустя немного вернулся «Акаги» и донес об обстоятельствах, почему «Сибата-мару» не принял участия в заграждении, вслед затем и «Такасаго», не найдя надобности в буксировании судна, вернулся к отряду.

В 7 часов 30 минут встретили «Чидори», «Хаябуса» и миноносец № 41, с которых получили донесение, что на борту имеются тяжело раненные. Адмирал Дева приказал перенести раненых на «Асама», а лодки «Акаги» и «Чиокай» отправил к острову Торнтон. Ввиду того, что многие из команд заградителей оставались неразысканными, адмирал Дева в 8 часов 40 минут вновь послал отряды истребителей на поиски за ними. В 9 часов утра отряд изменил курс на Ost и затем встретил 1-й боевой отряд и соединился с ним.

Когда вечером 19 апреля (2 мая) поднялся сильный южный ветер, адмирал Того, опасаясь за переход транспортов с войсками 2-й армии, рано утром послал броненосец «Ясима» передать приказание адмиралу Катаока отложить поход транспортов и послать о том же телеграмму командующему второй армией генералу Оку. В 9 часов утра отряд подошел к Порт-Артуру и встре-

Карта расположения затопленных японских пароходов-заградителей всех трех атак (11 февраля, 14 марта и 20 апреля)

Список заградителей

	11 февраля		14 марта		20 апреля
1	«Хококу-мару»	6	«Ионезим-мару»	10	«Сагани-мару»
2	«Дзисей-мару»	7	«Яхико-мару»	11	«Сакура-мару»
3	«Гянцзин-мару»	8	«Фукуи-мару»	12	«Отару-мару»
4	«Буйо-мару»	9	«Чийо-мару»	13	«Микава-мару»
5	«Бушо-мару»			14	«Тотоми-мару»
				15	«Исдо-мару»
				16	«Айкоку-мару»
				17	«Асагао-мару»

тил 3-й боевой отряд. Получив донесения с разных сторон, адмирал Того приказал миноносцам идти и ожидать дальнейших приказаний у острова Кван-ло-тау, а сам для дальнейших поисков за невернувшимися командами и с целью разведки направился к рейду Порт-Артура. Однако туман не позволял ничего видеть, и только едва виднелись очертания гор.

В 1 час 30 минут дня вернулись истребители, вторично не найдя никого. Они были отосланы к острову Кван-ло-тау. В 3 часа 30 минут дня 1-й и 3-й боевые отряды пошли на восток. Близ Encounter Rock увидели две шлюпки, несомые волнами. Осмотрев их, нашли, что одна была без имени, а другая — с «Сакура-мару», обе сильно разбитые. Кругом плавали также многочисленные предметы с заградителей, которые было приказано подобрать. Идя далее, в 7 часов 20 минут вечера увидели пароход «Огура-мару», который отправили к острову Торнтон. Приказав 3-му боевому отряду в 1 час 30 минут ночи быть в условном пункте на WSW от острова Южный Блонд¹, адмирал Того с 1-м боевым отрядом в 7 часов 30 минут вечера стал на якорь в восточной бухте острова Кван-ло-тау.

7-го мая на имя командующего Соединенным флотом вице-адмирала Того Хейхачиро был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«Узнав, что Соединенный флот, произведя в третий раз смелое дело по заграждению входа в гавань Порт-Артура, мы все более и более радуемся горячей преданности офицеров и команды».

На это адмирал Того поднес следующий ответный адрес:

«Мы не имеем достаточно слов, чтобы выразить наши чувства благодарности по поводу дарования всемилостивейшего рескрипта относительно третьего заграждения входа в Порт-Артур. Так как теперь военные действия охватывают все больший и больший район, то и служба флота становится более сложной. Мы с еще большим усердием приложим свои силы к достижению окончательной победы».

¹ Остров Южный Блонд (Чан-дзу-тао), самый большой в группе островов того же имени, лежит на широте 39° 1' N и долготе 122° 43' O, в 48 милях на восток от Талиенвана. Гористый остров с двумя вершинами, высотой около 480 футов, между которыми лежит глубокая долина.

Глава XII

Действия флота после 3-го заграждения входа и объявление блокады

Статья 1. Гибель разных судов

В планы нашего флота уже давно входила комбинация, с одной стороны, блокировать превосходными силами Порт-Артур, не взирая на то, будет или нет закупорен вход в гавань, а с другой стороны — совместными действиями с армией стараться уничтожить неприятельские силы на Ляодунском полуострове. Поэтому, когда состоялась закупорка входа в гавань¹, адмирал Того, находясь у острова Кванло-тау, 21 апреля (4 мая) послал шлюпки со всех судов 1-го боевого отряда для содействия высадке 2-й армии, а сам 22 апреля (5 мая) направился к Порт-Артуру, чтобы удостовериться в заграждении входа. 23 апреля (6 мая) 1-й боевой отряд пришел в бухту Энтоа, где застал 3-й боевой отряд, охраняющий высадку 2-й армии.

¹ Проход остался свободным и после третьей атаки брандеров.

На следующий день, получив донесение от заведующего портовыми сооружениями стоянок флота военного времени контр-адмирала Миура, что приготовления якорной стоянки на рейде островов Эллиот совершенно закончены, 26 апреля (9 мая) перенес базу флота на этот рейд. Первая эскадра была назначена нести тесную блокаду Порт-Артура, а Третья эскадра — охранять высадку войск. При выполнении этих обязанностей нас постигли многочисленные неудачи.

Миноносец № 48 и авизо «Мияко» затонули, наткнувшись на мины в бухте Кегг¹, «Иосино» столкнулся с «Кассуга», «Хяцусе» и «Ясима» погибли от мин, «Тацута» сел на камни, «Осима» столкнулась с «Акаги» и, наконец, «Акацуки» погиб от мины. Таким образом, в течение нескольких дней наш флот лишился многих сильных единиц.

Производя высадку войск 2-й армии, адмирал Катаока по приказанию командующего флотом с 29 апреля (12 мая) начал очистку от мин бухты Кегг. Во время траления миноносец 12-го отряда № 48 коснулся мины заграждений близ мыса Ellis и, получив большие повреждения, сразу наполнился водой и затонул приблизительно через 7 минут после взрыва. На нем были убиты мичман Кагияма и 5 нижних чинов и ранены боцман Норимацу и 9 человек нижних чинов.

1 (14) мая авизо «Мияко», стоявшее на якоре у мыса Робинсон² для обстрела бывших на берегу неприятельских войск и охраны тралящего каравана, уже почти закончив траление этой местности, поднимая свой паровой катер, вдруг коснулся одной из оставшихся мин. Получилась большая пробоина с левого борта около машины, и судно, наполняясь водой, затонуло через 23 минуты после взрыва, причем было убито 2 нижних чина.

Адмирал Дева с 3-м боевым отрядом (исключая «Асама», «Такасаго», «Кассаги» и с прибавлением «Фудзи» и «Кассуга»), выйдя с рейда Эллиот, 30 апреля (13 мая) на рассвете

¹ Бухта Кегг лежит на широте 39° 1' N и долготе 121° 52' Ost. Эта бухта отделяется от Талиенванского залива полуостровом Тайкушань, а от соседней на NO бухты Blackney отделяется длинным узким мысом Ellis.

² Мыс Робинсон выдается на юг с восточной стороны бухты Blackney и лежит на широте 39° 2' N и долготе 122° 53' O.

подошел к Порт-Артуру. Отряд разделился на два отделения: в 1-м шли «Читосе» и «Госино», а во 2-м «Кассуга», «Якумо» и «Фудзи». На рейде Порт-Артура было замечено 6 неприятельских миноносцев; к вечеру снова увидели, что паровой катер буксирует баржу под Белым Волком. На следующее утро было пасмурно и нельзя было видеть внутренность рейда. На другой день опять стоял легкий туман и погода не прояснялась, едва можно было различить стоящие под Белым Волком 4 миноносца. Поэтому отряд в 4 часа дня ушел с рейда и направился к островам Эллиот. Во главе шел «Читосе», за ним «Иосино», «Кассуга», «Якумо» и «Фудзи». Ночью вдруг нашел густой туман. Стоявший третьим в строю «Кассуга», ничего не видя вокруг и боясь отделиться от своего переднего мателота, немного прибавил ходу. На 2 (15) мая в 1 час 40 минут ночи с крейсера заметили справа по носу как бы блеск луча прожектора. Полагая, что это идущий впереди «Иосино», чтобы стать за ним в кильватер, немного уклонились вправо и в это время по тому же направлению, почти на расстоянии человеческого голоса, увидели красный бортовой огонь. Командир «Кассуга», поняв опасность, немедленно дал полный ход назад, но было уже поздно и таран крейсера врезался в левый борт «Иосино». Перед столкновением «Иосино» как раз поворачивал, и люди, видя приближение «Кассуги», криком дали знать на него об опасности, но уже предотвратить катастрофу было нельзя. При столкновении на «Иосино» сразу же погасло освещение, и вода быстро наполняла внутренность судна, получился крен направо и почти не было никакой надежды на спасение. Ввиду этого командир крейсера капитан 1 ранга Саеги Ген, собрав команду и прокричав 3 раза «банзай», приказал спастись на шлюпках и на одну из них перенес портрет императора. Вскоре крейсер повернулся (приблизительная широта $38^{\circ} 7' N$ и долгота $122^{\circ} 33' Ost$) и затонул, а также затонули и все шлюпки, увлеченные водоворотом. Осталась только одна, на которой был портрет императора (она была спасена крейсером «Кассуга»).

Когда судно начало переворачиваться, командир судна капитан 1 ранга Саеги находился на переднем мостике, отдавая последние приказания; пожав руку исполняющему должность

старшего офицера капитан-лейтенанту Хироватару Гэничи, он и этот последний оба разделили участь судна.

На крейсере погибло 32 офицера и кондуктора, 284 нижних чина и 3 вольнонаемных.

«Кассуга» сейчас же по столкновении застопорил машину, но был уже далеко от места катастрофы; ничего нельзя было различить, и только на беспроводном телеграфе получилась депеша: «Мы тонем, требуется помощь». Поэтому немедленно были спущены шлюпки и отправлены отыскивать крейсер. Однако ввиду того, что судно уже затонуло, были спасены только старший механик Канецуне Сисизо, 6 кондукторов и 93 нижних чина и вольнонаемных. На крейсере «Кассуга» также образовалась течь и немедленно было приступлено к ее прекращению.

Бывший на «Читосе» адмирал Дева с наступлением тумана приказал поднять кормовые огни и показал скорость хода, а затем приказал открыть и отличительные огни и огни «Ядам», показывающие скорость хода. В 1 час 30 минут ночи изменили курс на № 2 к Ost и, закончив поворот, вдруг со стороны крейсера «Иосино» услышали необыкновенный шум. Адмирал, угадывая о столкновении, немедленно запросил по телеграфу о повреждениях, но, не получив ответа, приказал судам стать на безопасном друг от друга расстоянии на якорь. Таким образом, кроме «Кассуга», никто не мог оказать помощи погибающему судну. «Якумо» и «Фудзи» только на следующее утро увидели «Читосе». Адмирал, приказав «Якумо» конвоировать «Кассуга» к островам Эллиот, сам с «Читосе» и «Фудзи» пошел на прежнюю якорную стоянку. Туман снова сгустился, и, потеряв из виду «Фудзи», знали о его месте только по свисткам. Наконец, в 5 часов 34 минуты дня подошли на якорную стоянку у острова Блонд.

«Хацусе» и «Ясима» погибли в тот же самый день, когда «Иосино» столкнулся с «Кассуга». Катастрофа эта произошла так: адмирал Насиба с «Хацусе», «Сикисима», «Ясима», «Касагаи» и «Тацута» вышел с рейда Эллиот и направился для несения блокады поблизости Порт-Артура. Подойдя к Ляотешаню 2 (15) мая в 10 часов 50 минут утра, «Хацусе» вдруг коснулся подводной мины, корма его сильно задрожала и вода быстро

заполнила рулевое отделение. Вблизи находились собранные в один отряд суда из 6-го боевого отряда «Акаси», «Сума», «Чидода», «Акицусу», из 7-го боевого отряда «Удзи», 14-го отряда миноносцев «Чидори» и «Хаябуса» и лодки «Осима» и «Акаги» и крейсер «Такасаго», но они проходили по тому же месту благополучно. Адмирал Насиба немедленно приказал судам изменить курс, но несколько минут спустя снова наткнулся на подводную мину броненосец «Ясима».

Броненосец получил пробоину с правого борта; не прошло и нескольких мгновений, как последовал второй взрыв. Адмирал немедленно послал на помощь к «Ясима» крейсер «Такасаго», а к «Хацусе» крейсер «Кассаги». В 12 часов 33 минуты «Хацусе» вторично коснулся другой мины, и одновременно с гулом взрыва с броненосца вырвался желтый столб пламени, полетела грот-мачта и дымовая труба, и в одну-две минуты он совершенно затонул. При этом погибли, кроме старшего офицера, капитана 2 ранга Аримори Генкичи, 35 офицеров и кондукторов, 445 нижних чинов и 12 вольнонаемных.

«Кассаги» и бывшие поблизости суда немедленно спустили шлюпки и начали спасать людей. Неприятель, видя наше несчастье, выслал из гавани сперва 4 миноносца, а около 2 часов их уже было 11¹ и они быстро приближались к месту катастрофы.

В это время уже были подобраны на «Тацута» командир судна капитан 1 ранга Накао Ю, 15 офицеров и кондукторов и 199 нижних чинов и вольнонаемных. Сначала «Кассаги», идя на помощь «Хацусе», собирался взять его на буксир, но после второго взрыва занялся спасением людей и подобрал 16 офицеров и кондукторов и 118 нижних чинов. Затем собирался послать свои паровые катера на помощь «Ясима», который находился неподалеку, но ввиду приближения неприятельских миноносцев начал обстреливать их с дальней дистанции. Неприятель изменил курс и направился было к нашим паровым катерам, находившимся сзади, но «Кассаги», хотя находился на расстоянии около 6500 метров, снова встретил его сильным огнем и заставил отойти. Хотя неприятельские миноносцы приближались вновь, направляясь к «Ясима», но так как вблизи находи-

¹ Одновременно нами было выслано 16 миноносцев.

лись «Сикисима», «Такасаго» и прочие суда, то «Кассаги» пошел к ним на соединение и снова открыл огонь по неприятелю. Теперь неприятельских миноносцев было 16. Однако ввиду приближения к ним наших судов они вскоре повернули и пошли в гавань. Поэтому «Кассаги», прекратив огонь, вместе с «Сума» и «Тацута» вернулся к «Ясима», чтобы спасти с него людей.

Командир броненосца «Ясима» капитан 1 ранга Сакамото Ичи сейчас же после катастрофы принял все меры, чтобы уменьшить прибыль воды, но вода так прибывала, что можно было думать, что броненосец затонет. Поэтому часть команды была пересажена на «Такасаго», а броненосец с 12 часов 25 минут дня пошел к Encounter Rock. Крен все увеличивался и в 5 часов 35 минут дня достиг 16° 30'. Так как почти уже не было надежды на спасение, то в 5 часов 41 минуту отдали якорь в 5 милях на ОНО от Encounter Rock. Портрет императора в это время уже был перенесен на «Сума». Выстроив команду на шканцах, при звуках народного гимна, спустили флаг, и, прокричав три раза «банзай», экипаж покинул судно. Броненосец позже затонул на этом же месте.

Адмирал Насиба, пересев на «Тацута», в 6 часов вечера пошел к рейду Эллиот, но по дороге был застигнут туманом, и в 9 часов 18 минут авизо приткнулось к берегу около северо-восточной оконечности острова Кван-ло-тау.

Младший флагман 3-й эскадры контр-адмирал Того для наблюдения за южным крылом неприятельской армии и согласно с планом действий нашей 2-й армии вышел с 6-м боевым отрядом из бухты Энтоа в 5 часов утра этого дня. Около 11 часов утра, узнав по беспроводному телеграфу о бедствии с «Ханцусе» и «Ясима», пошел туда полным ходом. «Акаси», «Сума», «Чиода» и «Акицусу», спасая людей, в то же время отбили атаку неприятельских миноносцев. На другой день отряд с присоединением «Осима», «Акаги» и «Удзи» с раннего утра обстреливал местность у Tower Hill¹ и после полудня направился к заливу Кинчжоу.

¹ Tower Hill лежит на широте 40° 19' N и долготе 122° 8' O, в 25 милях на юг от Ишкоу. Высота горы 420 футов, на самой вершине приметная пагода.

С наступлением ночи нашел густой туман, и судам было приказано стать на якорь по способности. При постановке на якорь лодка «Акаги» протаранила «Осима». Эта последняя лодка, накренившись на правый борт, затонула 4 (17) мая в 3 часа 38 минут ночи. Команда ее была спасена на «Акаги». С рассветом спасенная команда была пересажена на «Акицусу». Оставив «Акаги» сторожевым судном у NW оконечности острова Угон¹, адмирал Того с прочими судами начал стрельбу по побережью Кинчжоуской бухты и в 5 часов 30 минут дня, собрав суда, пошел в обратный путь (подробно во 2-м томе).

«Акацуки», находясь в блокаде, 4 (17) мая в 6 часов 20 минут вечера, заметив дымок к югу от Ляотешаня, пошел в его сторону, но вскоре потерял его след и возвращался на свое место, когда в 10 часов 22 минуты вечера в 8 милях на SWtS от Ляотешаня коснулся подводной мины и немедленно затонул. Миноносцы его отряда поспешили к нему на помощь и спасли 36 человек команды. Погибли командир лейтенант Суэцуги Наодзиро, 6 офицеров и кондукторов и 16 нижних чинов.

5 (18) мая 4-й и 5-й отряды истребителей вместе с 10-м и 16-м отрядами миноносцев, получив приказание нести сторожевую службу, около 5 часов дня подходили к острову Кэп².

В это время со стороны Тахе появились «Новик» и 2 миноносца и открыли по нам огонь. Наши миноносцы отстреливались, желая завлечь неприятеля, но он скоро удалился в гавань. После третьего заграждения входа «Новик» был первым из больших судов, вышедших из гавани. Поэтому командующий флотом, видя, что проход в гавань очищен, еще более усилит

Вместе с заливом Талиенван залив Кинчжоу отделяет Квантунский полуостров от материка. Широта его 39° 6' N и долгота 121° 35' O. В глубине его лежит г. Кинчжоу — небольшой, обнесенный стенами город, у подножия горы Самсон находится станция Восточно-Китайской железной дороги того же имени, от города приблизительно в 2900 метрах.

¹ Остров Угон лежит на широте 38° 57' N и долготе 120° 58' O, в 6 милях на NW от Квантунского полуострова, высшая точка его 750 футов; вершина острова образует ровную поверхность с крутыми скатами в море. В окружности остров имеет 1,5 мили.

² Остров Кэп лежит на широте 37° 47' 30" N и долготе 121° 35' 30" O в 16 милях на Ost от Порт-Аргура. Высота его 280 футов. Западный берег обрывист и круто спускается к морю, тогда как восточный отлого поднимается до вершины; на SO от него в 360 метрах лежит маленький островок высотой 44 фута.

бдительность, опасаясь, чтобы неприятель, воспользовавшись нашими неудачами, не предпринял бы против нас наступательных действий. Была усилена также охрана рейда Эллиот.

После гибели адмирала Макарова, 3 (16) апреля командующим русским Тихоокеанским флотом был назначен главнокомандующий Черноморского флота, вице-адмирал Николай Илларионович Скрыдлов. В то же время русское правительство решило послать на восток Балтийскую эскадру. 17 (30) апреля было объявлено о формировании таковой под названием 2-й эскадры Тихого океана, а бывшая на Дальнем Востоке эскадра получила название 1-й эскадры Тихого океана. 22 апреля (5 мая) начальником этой эскадры был назначен вице-адмирал Петр Алексеевич Безобразов, а начальником 2-й эскадры контр-адмирал Зиновий Петрович Рожественский с подчинением обоих командующему флотом вице-адмиралу Скрыдлову. Однако, отправившись из столицы к месту службы, адмиралы Скрыдлов и Безобразов не попали в Порт-Артур, а пребывали во Владивостоке. В Артуре же временно командовать эскадрой остался контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт. Под его руководством, изучив движение наших судов, командир минного транспорта «Амур» капитан 2 ранга Федор Николаевич Иванов, испросив на то разрешение начальника эскадры, ночью 1 (14) мая¹ вышел из гавани и поставил минное заграждение приблизительно в 10 милях² от берега на протяжении одной мили, через каждые 50 или 100 футов. Этот план принес ожидаемые результаты.

Видя потопление «Хацусе» и повреждение «Ясима», адмирал Витгефт, чтобы использовать момент, немедленно выслал против наших судов миноносцы. Говорят также, что бывшие на Золотой горе офицеры, чтобы нас спутать, простой азбукой по беспроводному телеграфу послали известие, что 1-й отряд подводных лодок вернулся, а второй еще нет. С тех пор адмирал Витгефт то и дело ставил минные заграждения в различных имеющих стратегическое значение пунктах или около доступных для атаки с моря побережий. С этой целью тральщик «Амур», по-видимому, нередко выходил в море под защитой «Новика» и миноносцев, но каждый раз³ встречал противодействие со стороны

¹ Не ночью, а в 2 часа 40 минут дня 1 мая.

² В 11 милях от берега.

³ 14 мая тральщик «Амур» выходил и беспрятственно поставил мины против Шаха.

наших минных судов, поэтому, все-таки не оставляя идеи постановки мин, их ставили с катеров, шлюпок или китайских джонок. Таким способом, говорят, были поставлены мины в Голубиной бухте¹. В то время когда высадившаяся в Энтоа наша 2-я армия шла на Кинчжоу, адмирал Витгефт, опасаясь, что часть наших войск будет переправляться на джонках в Талиенван, послал туда 3 вооруженных катера, окрашенных в желтый цвет, под цвет берега. С другой стороны, эскадра ежедневно производила очистку внешнего рейда от мин, при этом миноносец «Бесшумный» 8 (21) мая, выходя из гавани, коснулся мины и получил серьезные повреждения. Говорят, что сухопутные власти просили адмирала Витгефта для поддержки кинчжоуских позиций с моря выслать в Талиенван и бухту Кинчжоу канонерские лодки; на первое адмирал согласился и послал в Талиенван «Бобр» и миноносцы «Буйный» и «Бойкий», дослать же суда в бухту Кинчжоу отказался.

В записках капитана 1 ранга Бубнова говорится следующее:

«В 10 часов утра 2 мая на всех судах была молитва. Вскоре после молитвы мы услышали какой-то глухой, далекий взрыв, и в тот же момент сигнальщики на мостике закричали: "Японский броненосец подорвался; он сильно накренился!" Все бросились на передний мостик, но за дальностью расстояния даже в бинокль видны были только силуэты судов и трудно было рассмотреть, что там происходит; все-таки виден был беспорядок строя судов. Сигнальщики уверяли, что потом подтвердила и станция Золотой горы, что подорвался броненосец "Fuji" (в действительности подорвался "Yashima", с ним однотипный).

В 11 часов мы сели завтракать, и только мы уселись за стол, как раздались один за другим два взрыва, причем второй был громадной силы. Команда на верхней палубе закричала "ура", подхваченное другими судами эскадры, и мы услышали, что один из японских броненосцев взорвался и потонул.

Через несколько минут после этого на флагманском корабле взвился сигнал: "Миноносцам развести пары"...

По выходе от адмирала я встретил начальника 1-го отряда миноносцев, с которым условился указанным ниже образом.

Миноносцы 2-го отряда будут держаться к северу от японских судов, тревожа их и привлекая тем на себя внимание; миноносцы же 1-го отряда, если к японцам не подойдут подкрепления, попытаются

¹ И во многих других местах.

обойти японские броненосцы с юга и удрать в корейские шхеры для действия в течение следующих суток на путях сообщения японцев к Артуру; затем к утру 4-го мая они должны вернуться назад, а 2-й отряд миноносцев должен выйти к ним навстречу. Прибыв на свои миноносцы и узнав, что все они готовы, я приказал выходить следом за мною на рейд, а сам вышел первым на миноносце "Сторожевой".

Через несколько минут показался рангоут двух японских броненосцев, а затем стали видны и их корпуса. В это время все уже миноносцы вышли, и я дал полный ход. Приблизившись к броненосцам на расстояние 40 кабельтовых, я приказал повернуть влево, чтобы пойти малосходящимся курсом с японскими судами, зайти вперед и атаковать, если удастся, на контркурсе. Неприятель уже открыл огонь, и снаряды его ложились среди миноносцев 2-го отряда. Первый отряд в это время по условию подавался к югу, будучи от 2-го отряда несколько на запад.

Подходя уже к траверзу японских броненосцев, я увидел впереди их дым и мачты быстро приближающегося большого крейсера. В бинокль был виден за ним другой крейсер, правее неприятеля еще два судна, а вдали третье. Слишком много прошло времени после гибели броненосца, и японцы по беспроволочному телеграфу успели собрать все находившиеся поблизости их крейсера.

Дневная атака на броненосцы была бы бесцельна и гибельна для миноносцев, почему я приказал всем повернуть обратно, а чтобы поставить об этом в известность 1-й отряд, разрешил сделать выстрел, в ответ на который сразу получил десяток. Первый отряд в это время уже повернул обратно, сознав неудачу обхода».

Статья 2. Объявление блокады и последующие действия

6 (19) мая 10-я дивизия, имея назначением действовать между 1-й и 2-й армией, начала высадку под прикрытием 7-го боевого отряда у мыса Восточный Тунгуз¹ в Нандендзы.

¹ Мыс Восточный Тунгуз лежит в 43 милях к западу от реки Ялу на широте 39° 45' N и долготе 123° 25' O с востока от залива Тунгуз. Нандендзы называется оконечность этого мыса.

2-я армия 13 (26) мая должна была атаковать кинчжоуские позиции и, завладев ими, немедленно перейти на западный берег Талиенвана. Соединенный флот в связи с этим имел задачей не допустить неприятельский флот прорваться из Порт-Артура, держать тесную блокаду этого порта и вместе с тем охранять высадку оставшейся части 2-й армии. Сверх того отдельному отряду судов было приказано действовать совместно с армией по войскам неприятеля, атакуя их с тылу. Однако, опасаясь, что неприятель разными способами ночью или в туман будет прорывать блокаду на джонках и с этих же джонок ставить мины, адмирал Того, согласно приказанию из главной квартиры, издал нижеследующее объявление о блокаде:

«Я, по приказанию императорского правительства, сим объявляю во всеобщее сведение, что с 13 (26) мая и впредь все побережье, лежащее к югу от линии Пулантиен и Бицзыво, Чже-цзянской провинции, Квантунской области Китая, есть и будет находиться в блокаде превосходными силами судов императорского флота и что против всякого судна, пытающегося прорвать эту блокаду, будут приняты все меры, дозволяемые законами наций и особыми договорами между Японией и нейтральными государствами.

Дан на судне Его Величества "Микаса". Командующий Соединенным флотом, вице-адмирал Того Хейхачиро».

На рассвете 13 (26) мая 2-я армия, согласно намеченному плану, начала атаку кинчжоуских позиций.

«Цукуба», «Хейен», «Акаги», «Чиокэй» и 1-й отряд миноносцев, под командой командира «Цукуба» капитана 2 ранга Нисияма, пошли в Кинчжоускую бухту и приняли деятельное участие в сражении, причем были убиты командир лодки «Чиокэй» капитан 2 ранга Хаяси и еще несколько человек.

2-я армия после жестокого боя в тот же день завладела Наншанем и затем повела атаку на Нангалинские позиции.

15 (28) мая все побережье залива Талиенван уже было в наших руках. Однако ввиду того, что в заливе было поставлено много мин и им нельзя было пользоваться для плавания судов, адмирал Того приказал начальнику 8-й эскадры адмиралу Ка-

таока принять на себя руководство по очистке от мин этого залива и приведению в порядок средств для высадки войск. Вместе с тем блокирующим судам было приказано осматривать все джонки, плавающие вблизи Артура, ставить мины на внешнем рейде этого порта и всеми способами беспокоить главные силы неприятельского флота. Получив известие, что неприятель после поражения под Наншанем двинул отряд войск с севера до Гайпина и собирается идти еще южнее и что отрезанные на Квантуне войска пользуются для сношения с частями, расположенными на севере, джонками, посылаемыми из Шуан-тай-коу¹, адмирал Того приказал части флота идти в глубь Печилийского залива.

Неприятельская эскадра, следя за развитием наших операций, хотя и оставалась в гавани, но по временам проявляла энергичную деятельность. Так, 22 мая (4 июня) в сумерки 2 канонерские лодки, 4 миноносца и 3 паровых катера вышли из гавани; бывший поблизости наш 4-й отряд истребителей, желая завлечь их, подошел к мысу Swainson, но, будучи обстрелян с батарей Тахе, отошел к югу. Около 7 часов 40 минут вечера под Тигровым полуостровом раздался сильный гул взрыва и увидели столбы дыма и бегущие в смятении неприятельские суда в гавань. Одно из них наткнулось на нашу мину и затонуло². 28 мая (10 июня) после полудня 2-й отряд истребителей, увидев, что 2 неприятельских миноносца подходят к Лун-ван-тан, немедленно же подняв боевые флаги, пошел на них полным ходом, неприятель же, дойдя до бухты Сикау, соединился с другими бывшими там миноносцами и пошел обратно к Артуру под прикрытие батарей.

Бухта Лун-ван-тан находится в 7 милях на восток от Порт-Артура и выступает на SO от Тахе. С запада ее окружают горы

¹ Вероятно, бухта 10 кораблей. По лоции большое водное пространство, лежащее внутри Печилийского пролива, разделяется на два больших залива — Печилийский и Ляодунский, но составителями оба залива обозначены под общим именем «Печилийский залив», что будет соблюдаться и в дальнейшем изложении. — *Примеч. пер.*

² Ничего подобного не было. При возвращении по окончании работ тралящего каравана и охранных судов взорвалась мина в тране у борта одной землечерпательной баржи, которая, оставшись на воде, была приведена в порт.

высотой около 430 футов, а с востока в 540 футов; между горами в глубь берега идет долина. В окружающих водах много подводных камней и рифов от 6 до 10 футов, обнажающихся над поверхностью моря.

Полуостров Ping-tu-tau (иначе Bluff Bevan) примыкает к низменному берегу и скалистой грядой тянется в длину более 1 мили. От Артура он отстоит на Ost в 12 милях. Средняя часть его низменна, составляя продолжение равнины материка, сторона же, обращенная к морю, обрывиста. На низменном перешейке расположена деревня Пинг-ту, и по обеим сторонам перешейка имеются бухты — восточная под названием Тункау и западная под названием Сикау.

31 мая (13 июня) утром нашими судами были замечены на рейде под батареей Чентоушань 5–6 неприятельских катеров, а под Ман-дзу-ин «Гиляк» и 5 миноносцев, а после полудня под батареей Мантоушань было видно судно типа «Гремящий», 3 миноносца, 1 паровой катер и 6 минных заградителей (?), но с ними в дело не вступали¹.

На другой день 1 (14) июня 5 неприятельских судов с утра производили траление вод к востоку от Ляотешаня и их охраняли 4 миноносца и 2 канонерские лодки. Днем около Swainson Point появились 7 неприятельских миноносцев, которые шли вдоль берега на восток; с ними был также «Новик», который, увидя наши миноносцы, спешил на помощь к своим. Наши суда направились в море, и неприятель, пользуясь превосходством в силе, преследовал нас. «Новик» был у острова Кэп, а миноносцы у Пинг-ту-тау, когда, заметив наш блокадный боевой отряд, вдруг повернули и пошли в гавань². 4 (17) июня 1-й и 3-й отряды истребителей и 10-й и 14-й отряды миноносцев, находясь в блокадном районе и высматривая, что делается на рейде

¹ Это был караван тралящих судов из паровых и минных катеров эскадры, портовых баркасов, пароходов и землечерпательных барж, под охраной канонерской лодки «Гремящий» и 4 миноносцев.

² 1 (14) июня в 10 часов утра крейсер 2 ранга «Новик» и 12 миноносцев обоих отрядов выходили в море для обстрела с моря из бухты Меланэ неприятельских береговых позиций. На пути «Новик» и миноносцы встретили 14 японских миноносцев и отогнали их. Обстреляв японские позиции и наступающие на сухом пути войска, весь наш отряд в 3 часа дня вернулся в гавань.

Порт-Артура, увидели, что «Новик», 2 канонерские лодки и 4 миноносца пошли на Ost от Золотой горы, а к югу от Тигрового полуострова находились 4 миноносца и 6 портовых катеров.

Около 2 часов дня «Новик», две лодки типа «Бобр» и 3 миноносца подошли к Пинг-ту-тау. Наши миноносцы были в это время на юге от них и в 3 часа 50 минут дня, подойдя к Encounter Rock, соединились с крейсерами «Кассаги» и «Такасаго» и затем, прибавив ход, пошли к Пинг-ту-тау. На пути близ острова Кэп были слышны звуки выстрелов и вдалеке видны облака дыма; повернули туда. В то же время со стороны Саншандао туда же шли «Чин-Иен» и «Мацусима». Однако ввиду пасмурности так и не могли найти неприятеля, и только в 6 часов 15 минут заметили вдалеке уходящих «Новика» и несколько миноносцев¹.

На неприятельской эскадре изо всех сил спешили с окончанием ремонта своих судов, занимались тралением мин, очищением прохода в гавань, и вообще было видно, что эскадра имеет намерение прорвать блокаду и уйти из порта. Кроме того, были слухи, что русский император, беспокоясь за судьбу Порт-Артура, обратился со следующими указаниями к начальнику обороны генералу Стесселю: так как и самые неприступные крепости, не получая поддержки извне, наконец не выдерживают, то военные суда должны изо всех сил стремиться пробраться во Владивосток; в том же случае, если это им не удастся, лучше взорвать и уничтожить их, но не сдавать неприятелю². Кроме этих слухов, были и другие признаки выхода Порт-Артурской эскадры. Владивостокский отряд также по временам выходил в окрестные воды, по-видимому, ожидая прихода далекой Артурской эскадры.

Ввиду этого адмирал Того (он был произведен в адмиралы 24 мая (6 июня)) все более и более усиливал бдительность и 5 (18) июня издал приказ с предварительными инструкциями 1, 8, 5, 6 и 7-му боевым отрядам и отрядам минных судов на

¹ В этот день, кроме сторожевых миноносцев, из гавани никто не выходил, а потому все сообщенное здесь о выходе «Новика», лодок и пр. — ошибка.

² Все рассказанное про указания его императорского величества генералу Стесселю составляет сплошной вымысел.

случай внезапного выхода неприятеля. Для совместных действий с армией 6 (19) июня командующий флотом приказал адмиралу Катаока сформировать морской отряд тяжелой артиллерии и, высадив его в Дальнем, отправить в распоряжение командующего 3-й армией генерала барона Ноги. Эта армия специально была организована для осады Порт-Артура в конце мая, и ее штаб прибыл в Энтоа уже 22 мая (4 июня). 7 (20) июня командующий флотом приказал контр-адмиралу Того с 7-м боевым отрядом, лодками «Чиокай» и «Удзи» и 20-м отрядом миноносцев 11 (24) июня выйти для конвоирования военных транспортов с продовольствием к Хоиун-юе-чен, но это приказание не было исполнено, так как 10 (23) июня произошло большое событие — неприятельская эскадра вышла из гавани.

Глава XIII

Выход неприятельского флота

Статья 1. Боевые действия разных отрядов

Неся обязанности по блокаде Порт-Артура, 1-й отряд истребителей 10 (23) июня около 5 часов 40 минут утра увидел, что «Новик», 3 миноносца, 1 паровой баркас и одно судно вроде коммерческого парохода двигаются из-под Золотой горы по направлению к Тигровому полуострову и что несколько неприятельских судов как будто бы выходят из гавани. Начальник отряда капитан 1 ранга Асай немедленно послал «Сиракумо» с донесением об этом адмиралу Дева, находившемуся на «Якумо» близ Encounter Rock. Адмирал Дева сейчас же телеграфировал главным силам: «Неприятельская эскадра выходит из гавани».

В это время адмирал Того находился на рейде Эллиот со следующими судами 1-го боевого отряда — «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима», 3-го боевого отряда — «Такасаго», «Касаги», 5-го боевого отряда — «Ицукусима», «Хасидате», «Ясима», 6-го боевого отряда — «Ака-

си», «Сума», «Акицусу», «Идзуми», 2, 3 и 5-м отрядами истребителей и 1, 16 и 20-м отрядами миноносцев.

Вследствие этого отрядам было приказано выходить на места по заранее назначенному плану. Первыми вышли «Кассаги» и «Такасаго» в 9 часов утра и прямо пошли к Порт-Артуру. «Ицукусима» и «Хасидате» вышли в 9 часов 45 минут утра и направились к Encounter Rock. «Ясима» вышел в 10 часов к Талиенвану, «Акаси», «Сума», «Акицусу», «Идзуми» вместе с 20-м отрядом миноносцев в 10 часов 30 минут вышли также к Encounter Rock (6-й боевой отряд, как сказано ранее, имел поручение выйти 11 (24) числа в Печилийский залив, но с получением известия о выходе неприятельского флота поход был отставлен). Прочие два отряда миноносцев и три отряда истребителей вышли одновременно с 1-м боевым отрядом под командой адмирала Того.

В это время суда 5-го боевого отряда «Чин-Иен» и «Мацусима» находились в бухте Керр; 3-го боевого отряда — «Асама», 6-го боевого отряда — «Чиода», 5-го боевого отряда — «Ниссин» и «Кассуга» и 6, 2, 12 и 21-й отряды миноносцев по способности шли к Порт-Артуру. «Якумо» и «Читосе» уже находились у Encounter Rock, 14-й отряд миноносцев около мыса Нанкау, 1-й и 4-й отряды истребителей у рейда Порт-Артура и 10-й отряд миноносцев близ острова Кэп. Таким образом, все суда флота, за исключением судов особого назначения и находившихся в ремонте, были готовы встретить неприятеля.

Еще до выхода с рейда Эллиот в 9 часов 30 минут утра адмирал Того послал приказание находившемуся в бухте Керр адмиралу Катаока собрать все бывшие поблизости от него минные суда и послать их к Порт-Артуру беспокоить неприятеля. Ввиду этого адмирал Катаока отдал следующие распоряжения: 2, 12 и 21-й отряды миноносцев немедленно отправил к Порт-Артуру, бывшие при исполнении блокадной службы отряды истребителей поставил для поддержания связи между судами, а из миноносцев 6-го отряда 3 послал в распоряжение адмирала Хосоя в бухту Энтоа, а один в Талиенван, чтобы предупредить начальника тралящего каравана капитан-лейтенанта Иосисима. Затем, заметив 14-й отряд миноносцев, идущий к югу от

острова Кэп, приказал ему идти к Порт-Артуру для совместных действий с 1-м отрядом истребителей.

Неприятель вышел из гавани в числе 8 судов — «Новик», «Баян», «Пересвет», «Полтава», «Севастополь», «Паллада», «Аскольд» и «Диана»; головной корабль уже дошел до Ю оконечности Тигрового полуострова. Наши 1-й, 4-й отряды истребителей и 14-й отряд миноносцев приблизились к ним, но неприятель сделал по ним лишь несколько выстрелов с одного-двух судов.

К 11 часам утра из гавани появились «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа» и соединились с эскадрой¹. В 3 часа дня, имея во главе тралящий караван, «Гайдамак» и прочие малые суда, главные силы эскадры двинулись вперед.

«Новик» и 7 или 8 миноносцев, охраняя тралящий караван слева, понемногу выходили в море и, дойдя до параллели мыса Ляотешань, остановились, тогда как большие суда находились еще под Тигровым полуостровом.

Наши 1-й и 4-й отряды истребителей старались мешать тралению неприятеля и постепенно нажимали на него слева; тралящий караван повернул и пошел обратно в гавань², а 7 неприятельских миноносцев пошли в нашем направлении и открыли огонь. 4-й отряд истребителей и 14-й отряд миноносцев пошли к ним навстречу и некоторое время вели перестрелку, когда строй неприятельских миноносцев пришел в замешательство и за нами в погоне оставались только два миноносца³. Наши суда сосредоточили на них жестокий огонь; скоро на одном из них возник пожар и он быстро скрылся в гавань, на помощь к нему из-под Золотой горы приближался

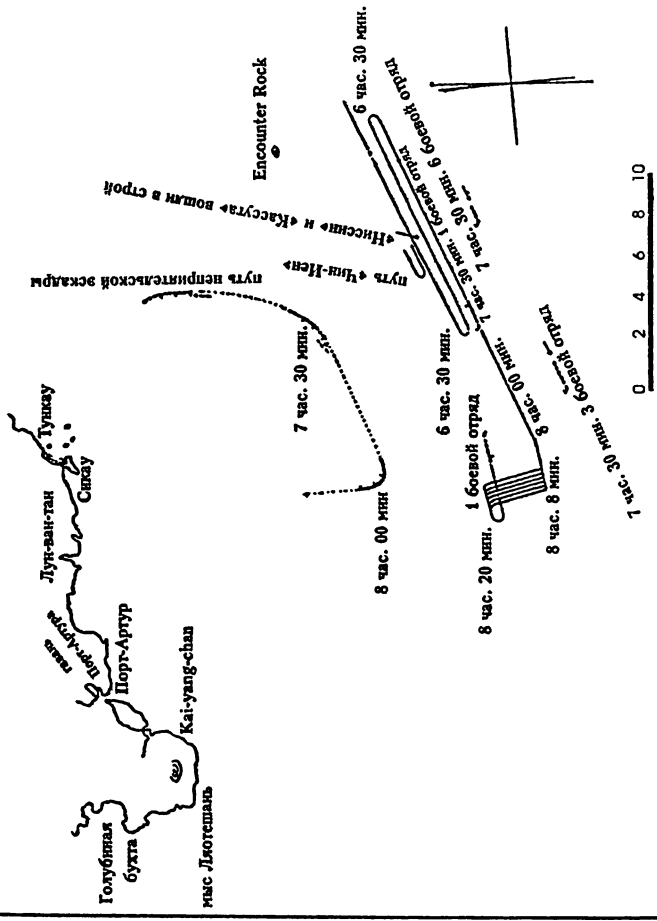
¹ Вся эскадра уже вышла из гавани на рейд к 8 часам утра, причем броненосец «Цесаревич» под флагом командующего флотом контр-адмирала Витгефта вышел на внешний рейд около 5 часов 30 минут утра одним из первых.

² Неверно. Тралящий караван шел впереди эскадры 17 миль и ушел обратно в гавань не от огня японских миноносцев, а тогда, когда эскадра вышла на свободное от мин пространство.

³ Все это совершенно неверно. Наши миноносцы, обстреливавшие японцев, были своевременно поддержаны огнем «Новика», «Дианы» и «Аскольда», а потому никто из них поврежден не был, никаких пожаров на них не было и ни один в гавань не «скрывался быстро», а, наоборот, японские миноносцы должны были отойти.

Схема движения Соединенного флота во время боя под Порт-Артуром

23 июня 37г. Мейдан (1904) (10 июня 1904 г.)

«Новик» и несколько миноносцев, и в нашу сторону посыпался град снарядов.

В это время у Encounter Rock находился только 3-й боевой отряд с присоединившимся к нему крейсером «Чиода», 1-й же, 5-й и 6-й боевые отряды еще не подошли. Адмирал Дева послал сначала к острову Кэп «Кассаги» и «Такасаго» на помощь нашим минным отрядам и для разведки движения неприятеля, а затем усилил их прибавлением «Читосе» и «Чиода».

Немного спустя неприятель во главе с «Новиком» вышел в открытое море. Адмирал Дева с «Якумо» и «Асама» направился к неприятелю, а затем в 5 часов 40 минут дня, приняв в строй «Кассаги», «Такасаго» и «Читосе» и отослав «Чиода» к своему отряду, повернул и пошел по направлению к 1-му боевому отряду, стараясь завлечь туда неприятеля.

Неприятель шел сначала на SO, а затем изменил курс прямо на юг. Адмирал Того, находясь к югу от Encounter Rock и собрав все минные отряды, в 5 часов 50 минут приказал им приготовиться к атаке неприятеля и затем, присоединив к 1-му отряду «Ниссин» и «Кассуга», в следующем порядке: «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима», «Ниссин», «Кассуга», пошел на ONO.

Только около 6 часов 15 минут удалось впервые ясно различить неприятельскую эскадру в 8 милях на NW от Encounter Rock. Неприятель, имея головным броненосец «Цесаревич» (флаг адмирала Витгефта), шел на юг в строе одной кильватерной колонны, «Новик» и 7 или 8 миноносцев держались с правого борта больших судов.

В 6 часов 30 минут 1-й боевой отряд изменил курс на WSW, 3-й боевой отряд держался слева от него в расстоянии 5 миль, 6-й боевой отряд сзади на расстоянии около 6 миль, а минные суда держались вне района выстрелов. Ожидая удобного момента, чтобы начать бой, адмирал Того вместе с тем приказал миноносцам войти в соприкосновение с неприятелем, чтобы после захода солнца начать на него минные атаки. В 7 часов 05 минут неприятельская эскадра находилась на правом траверзе 1-го боевого отряда на расстоянии около 15 000–16 000 метров. 1-й боевой отряд, имея намерение теснить головной неприятельский корабль, увеличил ход, и расстояние уменьшилось до 14 000 мет-

ров, причем неприятель уклонился вправо и как будто бы шел с нами параллельным курсом. Обгоняя неприятеля, мы все более и более сближались.

Около 8 часов вечера неприятель вдруг повернул на норд и направился ко входу в гавань. 1-й боевой отряд также немедленно повернул на 8 румбов вправо, перестроившись в строй фронта, и вместе с 3, 5 и 6-м боевыми отрядами пошел в погоню за неприятелем. Уже понемногу сгущались сумерки и приближался удобный момент для атаки миноносцев. Поэтому в 8 часов 20 минут адмирал Того дал приказ атаковать неприятеля всеми миноносцами, а боевым отрядам повернуть и идти на назначенные пункты.

Отряды миноносцев и истребителей немедленно бросились на неприятеля, который, стараясь спрятаться за клубами дыма и вечерней мглой, подошел к Bluff Bevan и повернул на W¹. Видя это, 1-й и 2-й отряды истребителей и 12-й и 21-й отряды миноносцев устремились к мысу Тахе, 3-й отряд истребителей и 16-й отряд миноносцев пошли к Bluff Bevan, 4-й отряд истребителей и 20-й отряд миноносцев направились на рейд Порт-Артура; 5-й отряд истребителей и 14-й отряд миноносцев держались справа от неприятеля, а 1-й отряд истребителей нагонял его сзади.

Солнце уже давно зашло, и неприятель подходил к рейду при тусклом свете луны, по-видимому с трудом различая путь, и с замешательством в строе судов.

14-й отряд миноносцев («Чидори», «Касагаги», «Хаябуса», «Монадзуру»), уловив удобный момент, первый пошел в атаку, и «Чидори» в 9 часов 38 минут выпустил мину по судну типа «Полтава». Это был наш первый минный выстрел этой ночью. Немедленно с каждого неприятельского корабля засветили прожекторы и раздалась стрельба. «Чидори», уходя полным ходом, подвергся преследованию со стороны неприятельских миноносцев, и в 9 часов 43 минут в него попала мина Уайтхеда. Образовалась пробоина, в которую быстро хлынула вода и заполнила внутренние помещения, тем не менее ему удалось благополучно добраться малой скоростью до базы на островах Эллиот. «Касагаги», выпустив мину в судно типа «Диана», бы-

¹ Это был просто поворот на входной створ рейда Порт-Артура.

стро повернул на ост и пошел в море, причем ему попал один 37-мм снаряд в нос. «Хаябуса», выпустив мину в трехтрубное судно, пошел к Лаотешану и ожидал там удобного случая для новой атаки. «Монадзуру», находясь последним в строю и опасаясь, что поэтому он пропустит момент атаки, прибавил ходу и вышел вперед. В 9 часов 30 минут, идя против двухтрубного неприятельского судна, выпустил в него мину и, отвечая на огонь из орудий, удалился на Ost.

Шедший вместе с 14-м отрядом миноносцев справа от неприятеля 5-й отряд истребителей («Кагеро», «Югири», «Сирани», «Муракумо»), пользуясь замешательством неприятеля, подошел к нему в 9 часов 40 минут и «Кагеро» атаковал судно типа «Полтава», «Югири» — суда типа «Победа» и «Ретвизан», «Муракумо» — «Победу» и «Пересвет», и только один «Сирани», не имея удобного случая для атаки, отделился от отряда для производства атаки самостоятельно.

1-й отряд миноносцев (миноносцы № 70, 67, 68, 69; командующий отрядом был ранен 2 (15) июня на миноносце № 69, находился в госпитале, и его обязанности исполнял командир № 70 лейтенант Моримото) пошел в атаку на неприятеля с тылу. Миноносец № 70 атаковал двухмачтовое двухтрубное судно, № 67 — судно типа «Победа», № 68 — также «Победу». Эти три миноносца удалились затем к острову Кэп, причем № 70, отделившись от своих товарищей, снова пошел в атаку и, встретив по дороге № 69, пошел вместе с ним.

В это время головной корабль неприятеля уже подошел под батареи Тигрового полуострова, а последний еще находился под Ляотешаном¹. 1-й отряд истребителей, издали увидев суда неприятеля, пошел к Ляотешану, 16-й отряд миноносцев («Сиротака», № 71, 39 и 66) от Bluff Vevan приближался к Тахе, 4-й отряд истребителей был в расстоянии около 5 миль от неприятеля, а 8-й отряд истребителей («Усугомо», «Синноме», «Сазанами») держался на Ost от мыса Тахе. Этот отряд, пользуясь приостановкой неприятеля, устремился на него, «Усугомо» выпустил мину в двухмачтовое двухтрубное судно. Неприятель,

¹ Крейсера «Паллада» и «Новик», задержавшись концевыми, приняли на себя атаки японских миноносцев во время постановки эскадры на якорь на рейде.

светя прожекторами, открыл по отряду жестокий огонь, тем не менее «Усугомо», вновь увидев при свете прожекторов двухмачтовое трехтрубное судно, атаковал и его. «Сазанами» выпустил мину в двухмачтовое двухтрубное судно, и затем эти три миноносца удалились к Bluff Bevan.

Во время атаки 3-го отряда истребителей 16-й отряд миноносцев был в 4 милях на SO от мыса Swainson и затем направился в атаку. Около 11 часов 20 минут отряд был открыт прожекторами с Золотой горы и подвергся сильному обстрелу. Несмотря на огонь, бросился вперед и в 11 часов 45 минут «Сиротака» атаковал судно типа «Победа», № 71 — «Полтаву», а № 39 и 66 также выпустили мины по разным судам, после чего миноносцы ушли на ост. При этом один снаряд попал в левый борт миноносца № 66. Истребитель «Сирануи», заметив, что суда неприятеля скучились и еще не стали на якорь, улучив момент, бросился вперед и, выпустив мину в судно типа «Севастополь», повернул и, придя на SO от мыса Swainson, соединился со своим отрядом.

Миноносец № 69, еще ранее потерявший свой отряд, шел в атаку один, когда по дороге встретил идущий снова в атаку № 70 и пошел с ним вместе. Открыв вдалеке под прожекторами Золотой горы силуэт «Дианы», миноносец в 1 час 15 минут выпустил в него мину и затем атаковал стоящее рядом с ним судно типа «Победа». Миноносец № 70 выпустил мину в двухмачтовое трехтрубное судно, и затем оба миноносца направились к Талиенвану.

С закатом луны, пользуясь стгутившимся мраком ночи, 1-й отряд истребителей («Сиракумо», «Касуми», «Асасиво»), 20-й отряд миноносцев (№ 62, 63, 64 и 65) и уже бывший ранее в атаке миноносец 14-го отряда «Хаябуса» один за другим подошли к неприятелю. «Хаябуса» выпустил мину в 3 часа 10 минут в стоявшее крайним с юга неприятельское судно и сразу повернул на юг. «Сиракумо» в 3 часа 13 минут атаковал судно типа «Пересвет». «Асасиво» в 3 часа 14 минут атаковал судно, светившее прожектором. «Касуми» в 3 часа 15 минут выпустил мину по судну, стоявшему третьим в строю и светившему прожектором, и затем по окутанному дымом судну типа «Севастополь». «Асасиво» и «Касуми» пошли к острову Round, но

в «Сиракумо» попал неприятельский снаряд, причем были убиты 3 нижних чина, вызван пожар и поврежден руль, так что миноносец лишился способности управляться. С трудом двигаясь по направлению к Тахе, он снова попал в огонь неприятеля. Однако, затушив пожар и наладив управление рулем вручную, миноносец благополучно добрался до острова Round.

20-й отряд миноносцев, идя к Тигровому полуострову, был освещен прожекторами и, полагая невыгодным продолжать идти этим курсом, повернул на другой курс. В это время на судах закрыли освещение, и только батареи усиленно светили по рейду, оставляя в тени место стоянки судов, к тому же море кругом кипело от падающих снарядов, почему миноносцы разошлись со своим головным миноносцем № 62. Миноносец № 63 в 3 часа 15 минут атаковал второе с юга судно типа «Полтава» и затем двухмачтовое трехтрубное судно. № 65 выпустил две мины в судно типа «Полтава», и затем оба миноносца отошли. № 64 также атаковал судно типа «Полтава», причем получил снаряд неприятеля в борт. Хотя при этом получилась течь, но, наскоро заделав пробоину, миноносец благополучно удалился. Потерявший другие миноносцы отряда № 62 подошел под Золотую гору под огнем неприятеля, но, не видя судов, чтобы успеть выбраться с рейда до рассвета, ушел к острову Round.

Миноносец № 53 из 12-го отряда (№ 50, 51, 52 и 53), потеряв из виду у Тахе свой отряд, пошел в атаку один и под огнем неприятеля подошел к судну, стоявшему под Тигровым полуостровом. В 3 часа 45 минут выпустил мину во второе от входа судно и затем снова в четвертое судно в строю и удалился. При этом неприятельский снаряд попал в отличительный флажок и ранил одного нижнего чина. Прочие три миноносца этого отряда, проискав некоторое время отделившийся от них № 53, не нашли его и потому решили идти в атаку, не теряя времени. В 4 часа 30 минут они подошли к Тахе, но так как уже наступал рассвет, то в конце концов они повернули к острову Round.

4-й отряд истребителей («Хаядори», «Мурасаме», «Асагири», «Харусаме») пошел под батареями Тигрового хвоста, и в 4 часа 22 минуты «Хаядори» выпустил мину по двухмачтовому двухтрубному судну. «Харусаме» и «Асагири» атаковали судно

типа «Полтава», а «Мурасаме» — судно типа «Севастополь», и все четыре удалились на юг. В 7 часов 15 минут отряд снова подошел к рейду для разведки состояния неприятеля, причем увидел, что 10 неприятельских судов стоят на якоре на внешнем рейде и что судно типа «Севастополь» на буксире у «Паллады» или «Ретвизана» входит в гавань. В 10 часов 50 минут отряд подошел к острову Round и соединился с главными силами.

В этом деле не участвовали 2-й отряд истребителей и 2, 6, 10 и 21-й отряды миноносцев. 2-й отряд истребителей вначале держался к югу от мыса Swainson, ожидая удобного момента для атаки, но все время атаке мешали сперва прочие отряды, а потом наступивший рассвет. 2-й и 6-й отряды миноносцев в эту ночь несли сторожевую службу в бухте Энтоа, и хотя 6-й отряд и направился было к Порт-Артуру, но так как уже было поздно, то вернулся обратно. 10-й отряд по некоторым обстоятельствам пошел в базу Эллиот. 21-й отряд сначала подошел на SO от Золотой горы, но, будучи позади всех других отрядов, не имел удобного случая для атаки¹.

Таким образом, наш Соединенный флот не допустил выйти неприятельскую эскадру, и когда донесение о том было получено в главной квартире, то 13 (26) июня на имя командующего Соединенным флотом адмирала Того Хейхачиро был дан нижеследующий императорский рескрипт:

«Узнав, что Соединенный флот, несмотря на большие несчастья, все время угрожал неприятельской эскадре, оказал содействие при высадке нашей армии на неприятельскую территорию, устроил надежную базу для своей стоянки и, наконец, теперь атаковал неприятельский флот у Порт-Артура и нанес поражение некоторым из его судов. Мы вновь восхваляем труды и доблесть офицеров и команд. По-прежнему старайтесь же достигнуть полного успеха».

18 июня (1 июля) адмирал Того поднес нижеследующий ответный адрес:

¹ За всю ночь японцами произведено 30 атак миноносцами, выпустившими 38 мин, но ни одна из них в наши суда не попала.

«Мы не имеем слов выразить наши чувства благодарности по поводу дарованного всемилостивейшего рескрипта о ничтожных трудах наших; мы с еще большим усердием будем стремиться оправдать милость Вашего Величества».

14 (27) июня через обер-гофмаршала двора императрицы виконта Кагава Кейзо был также пожалован милостивый рескрипт флоту от императрицы, на что адмирал Того ответил в подобающих выражениях.

Статья 2. Состояние неприятельской эскадры

Когда в середине июня¹ месяца был окончен ремонт броненосца «Цесаревич», то адмирал Витгефт перенес на него свой флаг с броненосца «Севастополь» и назначил начальником штаба эскадры контр-адмирала Николая Александровича Матусевича.

Для траления рейда был сформирован особый тралящий караван из пароходов-землесосов и шаланд, работавших в западном бассейне. В Инкоу для получения известий с театра войны и для передачи депеш посылался два раза миноносец «Лейтенант Бураков», который оба раза пробрался благополучно, но каждый раз привозил известия о поражениях русской армии в Маньчжурии². При втором возвращении миноносцем было привезено также приказание наместника выйти флоту из гавани для решительного боя. Ввиду этого адмирал Витгефт, собрав совет флагманов и командиров, решил выйти из гавани, назначив для этого день 9 (22) июня. Говорят, что он издал следующий приказ:

«Закончив ныне исправления поврежденных вероломным нападением неприятеля до объявления войны наших судов, эскадра по приказанию наместника должна³ выйти из гавани,

¹ 25 мая.

² Миноносец «Лейтенант Бураков» посылался адмиралом Витгефтом за инструкциями от наместника Е. И. В. на Дальнем Востоке и за командующим флотом вице-адмиралом Скрыдловым.

³ В подлиннике: «выходит для того, чтобы помочь сухопутным боевым товарищам защитить Артур».

и настало время расстаться с сухопутными защитниками Порт-Артура. Уповая на Всевышнего и под защитой покровителя нашего чудотворца Николая, пусть каждый исполнит свой долг и присягу перед нашим Государем. Уничтожим же неприятельский флот, ослабленный гибелью на наших минах части его судов. Как вы видели, даже такие малые суда, как "Бобр", будучи поставлены в особо тяжелые условия, и те все-таки достигали своей цели. Пусть это будет служить вам примером»¹.

Таким образом, решено было выйти из гавани 9 (22) июня, произвести разведку у островов Эллиот, и если бы встретили сопротивление со стороны нашего флота, то вступить с ним в бой. Броненосец «Победа» хотя и был исправлен от минной пробойны и способен к выходу в море, но 8 (21) июня командир броненосца внезапно заболел и не мог исполнять своих обязанностей, почему вместо него был назначен командир броненосца «Полтава», на «Полтаву» был переведен командир «Аскольда». Ввиду того, что новые командиры до утра 9 (22) июня не могли ознакомиться со своими новыми судами, адмирал Витгефт решил волей-неволей отложить выход эскадры до 10 (23) июня². С вечера 9 (22) июня на рейд были отправлены 8 миноносцев, которые застали на рейде уже кончившие постановку мин две наши вспомогательные лодки (по-видимому, неприятель принял их за истребителей миноносцев). Лодки возвращались с рейда, когда на рассвете были застигнуты неприятельскими миноносцами и вступили с ними в бой, который продолжался около 20 минут. При этом в миноносец «Боевой» (на нем был начальник отряда Рихтер)³ попали 2 снаряда — одним из них был разбит котел, а другим перебит рулевой привод и ранен началь-

¹ Последняя фраза в подлиннике: «Маленькая лодка "Бобр" показала пример, что можно сделать даже при самых тяжелых обстоятельствах. Да поможет нам Бог!»

² Только 9 июня были вновь установлены на все суда снятые на берег орудия. Внезапно заболевший командир броненосца «Победа» был накануне выхода заменен командиром крейсера «Паллада», а на крейсер «Паллада» был назначен командир транспорта «Амур». Большой командир броненосца «Победа» оставался на корабле, а по выздоровлении командовал в бою 28 июля.

³ Капитан 2 ранга Елисеев.

ник отряда и один из офицеров. На другом миноносце была разбита корма.

С рассветом эскадра начала выходить из гавани: «Новик», миноносцы и тралящий караван вышли первыми. За ними шли «Диана», «Аскольд», «Севастополь» (флаг адмирала Ухтомского¹), «Полтава», «Пересвет», «Баян», «Паллада». Позже вышли «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа», так что около полудня все собрались на рейде. Тем временем вблизи были замечены 2 плавающие мины.

Адмирал Витгефт приказал судам сниматься с якоря и тралящему каравану идти вперед, очищая путь. Снова на ост от стоянки были замечены и уничтожены 10 мин. Около 2 часов дня эскадра снова снялась с якоря и построилась в кильватер, причем крейсера шли спереди и сзади, а броненосцы в середине строя. Тралящий караван под охраной «Новика», канонерских лодок и миноносцев шел впереди и постепенно вышел в море. Когда наши минные суда приблизились к тралящему каравану, стараясь мешать ему тралить, то «Новик» и миноносцы открыли по нам огонь и заставили удалиться. Эскадра, следуя за караваном, шла на юг и, пройдя около 8 миль², увидев появление судов нашего флота, отослала обратно тралящий караван и канонерские лодки (как говорят, и часть миноносцев). Эскадра изменила строй — впереди стали броненосцы, сзади крейсера, «Новик» и миноносцы держались справа. Идя далее, встретили главные силы нашего флота. Адмирал Витгефт, увидев, что неприятель явился не только в превосходных силах, но и, по-видимому, имеет намерение отрезать путь отступления, решил вернуться в Порт-Артур, чтобы ожидать более благоприятного случая для похода. С наступлением вечера привести это решение в исполнение, сначала уклонился вправо, а затем повернул обратно в Порт-Артур.

На отступлении построились в две кильватерные колонны — в левой шесть броненосцев, в правой 4 крейсера; «Новик» и миноносцы стали с левой стороны броненосцев. В это время было замечено, что наши миноносцы держатся вблизи, не вхо-

¹ Флаг контр-адмирала Ухтомского был на броненосце «Пересвет».

² Всего от выхода тралящий караван прошел 17 миль.

дя, однако, в сферу огня эскадры, очевидно ожидая наступления темноты, чтобы начать атаки.

Уже становилось темно, когда концевые суда эскадры «Полтава», «Севастополь» и крейсера «Паллада» и «Диана» подверглись нашим минным атакам; отражая их, эскадра начала светить прожекторами и открыла огонь из орудий. Спустя немного вновь была сделана попытка атаковать, но суда без повреждений дошли до якорной стоянки на рейде. При постановке на якорь с левого борта броненосца «Севастополь» взорвалась мина заграждения и броненосец накренился левым бортом. Командир его немедленно сигнализировал о том адмиралу и, осмотрев машинное отделение, не нашел в нем повреждений, поэтому малой скоростью подошел к берегу, отдал якорь и принял соответствующие меры.

Всю ночь до рассвета эскадра подвергалась атакам наших миноносцев и, светя прожекторами, отражала нападения. Утром 11 (24) июня суда одно за другим вошли в гавань. «Севастополь» был введен в гавань с помощью портовых судов.

Глава XIV

Действия Соединенного флота после выхода неприятельской эскадры

С заходом солнца 10 (23) июня после отправления минных отрядов в атаку на неприятеля, 1, 3, 5 и 6-й боевые отряды заняли назначенные сторожевые пункты и на другое утро в 7 часов утра встретились у острова Round. Постепенно подошли 1, 2, 3, 4 и 5-й отряды истребителей и 1, 12, 14, 16, 20 и 21-й отряды миноносцев. В 8 часов адмирал Того вторично послал 3-й боевой отряд на разведку у Порт-Артура.

В 1 час дня адмирал назначил 2-й и 5-й отряды истребителей и 21-й отряд миноносцев, а также не принявшие участие в атаке прошлой ночью 2-й и 10-й отряды миноносцев идти наступающей ночью в поход, приказав во что бы то ни стало атаковать стоящего на рейде неприятеля. Однако, узнав из донесения бывшего с рассвета на разведке у Порт-Артура «Асама», что все неприятельские суда вошли в гавань, и, таким образом, имея основания думать, что вторично они не выйдут из порта, в 3 часа 30 минут

адмирал, оставив в море у Порт-Артура из 3-го боевого отряда крейсера «Асама», «Кассаги», «Такасаго», 2-й и 5-й отряды истребителей, 2, 6, 10 и 21-й отряды миноносцев, со всеми прочими судами вернулся на рейд Эллиот.

12 (25) июня, по окончании первого и второго траления залива Талиенван, адмирал Того поручил заведующему портовыми сооружениями контр-адмиралу Миура произвести траление этой бухты в третий раз, а адмиралу Хосоя способствовать высадке войск в Дальнем и в Люшунтун (г. Талиенван), охраняя у входа в залив предназначенные для производства высадки военные транспорты.

За это время совместные действия флота и армии все более и более развивались. Левое крыло 3-й армии на рассвете 13 (26) июня предполагало занять высоты близ Ping-tu-tau, поэтому «Ицукусима» и «Асама», выйдя в 1 час ночи с рейда Эллиот и придя к Талиенвану, обстреливали побережье, помогая сухопутной атаке. 2-й отряд истребителей также пошел к Ping-tu-tau и в 4 часа 40 минут услышал звуки выстрелов. Увидя, что наши две вспомогательные канонерские лодки, подойдя к берегу, обстреливали его, а отряд войск с горы Ping-tu-chan и лежащих к востоку от нее высот атаковал неприятеля в западном направлении, отряд истребителей начал перекидную стрельбу по направленно лежащей на W от горы Ping-tu-chan возвышенности в 350 футов, затем с судов был высажен на Ping-tu-tau десант, который овладел этим пунктом и водрузил кормовой флаг; после этого отряд вернулся назад.

В этот же день 6, 10 и 21-й отряды миноносцев и две вспомогательные канонерские лодки с раннего утра были у Ping-tu-tau, оказывая помощь 3-й армии с моря.

В 11 часов утра у мыса Swainson появились вышедшие из гавани «Новик» 2 канонерские лодки и 10 миноносцев, которые затем держались некоторое время у Лунвантаня, сильно обстреливая местность к западу от Ping-tu-tau. В это время неприятель, заметив патрулирующий около острова Кэп наш 5-й отряд истребителей, произвел по нему несколько выстрелов, но за дальностью расстояния снаряды не долетали; стрельба неприятеля по 6-му отряду миноносцев и прочим судам также не нанесла нам вреда.

В это время шедшие на всех парах от острова Кэп 4-й отряд истребителей и 6-й отряд миноносцев, желая завлечь неприятельские миноносцы, направились в бухту Тахе, но, будучи обстреляны «Новиком» и лодками, отказались от своего намерения. Позже неприятель, увидев приближение с моря нашего 6-го боевого отряда, удалился в Порт-Артур.

6-й отряд миноносцев вместе с 10-м и 21-м отрядами вернулся на рейд Эллиот, а 14-й (за исключением «Чидори») и 16-й отряды заменили их для несения службы по блокаде. 6-й боевой отряд вскоре прекратил погоню за «Новиком», причем им было замечено под батареей Мантоушань как будто бы прикнувшееся к мели двухмачтовое трехтрубное неприятельское судно¹. Около 9 часов 20 минут утра 14 (27) июня вышли в бухту Тахе «Новик», «Гиляк», лодка типа «Отважный», одна канонерская лодка² и более 10 миноносцев³. Наши наблюдающие истребители и 14-й и 16-й отряды миноносцев, желая вовлечь неприятеля в бой, стали отступать в море, однако последнее им не удалось: пошел проливной дождь и они потеряли неприятеля из виду.

Бывший в это время у острова Round 12-й отряд миноносцев получил приказание адмирала Того выяснить, действительно ли под горой Мантоушань выскочило на мель взорвавшееся неприятельское судно, и немедленно пошел по назначению. У острова Кэп он встретил 6-й отряд миноносцев и от него узнал, что на мели близ Мантоушаня никакого судна нет и что, по-видимому, за таковое ошибочно сочли одно из сторожевых судов.

Несмотря на это известие, отряд все-таки пошел по назначению и в 8 часов 30 минут вечера, будучи в расстоянии одной мили от восточного мыса Ляотешаня, действительно увидел под Золотой горой двухмачтовое трехтрубное судно.

Выполнив таким образом свою задачу, отряд решил предпринять атаку на это судно, но, избегая при луне попасть под обстрел неприятеля, отошел на Ost. В 9 часов 30 минут вечера, пользуясь тем, что луна скрылась за облаками, он пошел прямо

¹ Крейсер «Диана» нес сторожевую службу.

² «Гремящий».

³ «Всадник» и 13 миноносцев.

на прожекторы батареи Man-tsu-ying. Подойдя к Маптушаню почти на 1000 метров и не найдя там неприятеля, отряд повернул к Золотой горе, причем был открыт прожекторами с батареи Man-tsu-ying и подвергся обстрелу с батареей и неприятельских судов. Миноносцы хотя и потеряли друг друга из виду, но, не смущаясь этим, все-таки атаковали неприятеля.

Миноносец № 50 (начальник отряда) выпустил в неприятеля мину на расстоянии почти 400 метров; при его отступлении за ним погнались два неприятельских миноносца. Уходя от них полной скоростью, миноносец получил в корму снаряд с батареи Тахе, которым был ранен боцман Яманака. Неприятельские миноносцы приблизились почти на 800 метров, но изменили курс и ушли.

Миноносец № 51 в 10 часов 07 минут вечера, открыв неприятельское судно под Золотой горой, выпустил в него мины и немедленно повернул обратно в море. При этом попавшим в миноносец неприятельским снарядом были тяжело ранены 2 нижних чина. Не найдя прочих миноносцев своего отряда у мыса Swainson, № 51 пошел один к рейду Эллиот. На пути в 3 часа утра на 15 (28) июня он был застигнут туманом, потерял свое место и в 4 часа утра сел на риф Dangerous¹.

Миноносец получил столь большую пробоину в дне, так что течь остановить никак не удавалось. Командир миноносца Гондо Кунги, сделав из рангоута и мебели плот, взял его на буксир парусинки² и, рассадив команду на парусинку и на плот и собрав секретные книги, бросил миноносец и направился к ближайшему берегу. Спустя немного времени сидящий на камнях миноносец ветром и волной разломило пополам. Парусинка, не выдержав ударов волн, также вскоре наполнилась водой. Выбиваясь из сил, команда гребла, но, видя, что сделать ничего нельзя, прокричала три раза «банзай», оставила шлюпку и бросилась вплавь кто на плот, а кто к берегу. В конце концов двумя джонками³ были спасены с плота мичман Танигути, боцман

¹ Dangerous Reef лежит в 9 милях на NOtO от острова Нан-сан-шан-дао на широте 38° 58' N и долготе 121° 69' Ost, длиною около 74 мили, в высокую воду почти затопляется.

² Парусинка — небольшая, сделанная из парусины складная шлюпка, вмещает не более 6 человек.

³ Китайскими.

Мидзума и 2 машиниста, а командир Гондо, старший машинный кондуктор Танеда и 11 нижних чинов пропали без вести.

Миноносец № 52 в 10 часов вечера 27 дня также был открыт прожекторами с Man-tsu-ying и обстрелян сильным огнем с батарей; за ним погнался неприятельский миноносец. В 10 часов 10 минут, в то время, когда у № 52 была на левом траверзе батарея Man-tsu-ying, разорвавшимся вблизи миноносца об воду снарядом был ранен мичман Яно Ютака.

Прочие миноносцы отряда разошлись в разные стороны и встретили только миноносец № 53, с которым на рассвете 15 (28) числа подошли к острову Кэп; застигнутые здесь туманом, в 5 часов утра взяли курс на северную оконечность острова Chang-zu-dao (Южный Блонд), подойдя к которому стали на якорь, а 16 (29) июня в 10 часов утра вошли на рейд Эллиот.

В этот день было получено известие, что 3-я армия овладела горой Ляотешань (Ляотешань к Ost от Лунвантаня, высотой в 808 футов) или Росасан.

Адмирал Того приказал начальнику десанта тяжелой артиллерии капитану 2 ранга Курои Тейдзиро отделить нижних чинов сигнальщиков на Ping-tu-tau. Кроме того, получив сведения от командующего 3-й армией генерала Ноги о плане дальнейших действий, адмирал Того приказал адмиралу Миура, по окончании 3-го траления Талиенвана, произвести траление этого залива в 4-й раз.

Не было никакого сомнения, что неприятельские суда в Порт-Артуре по окончании ремонта будут снова способны к бою, доказательством чего уже служил выход эскадры 10 (23) июня, и что неприятель будет стараться уйти из Порт-Артура на соединение с Владивостокским отрядом, чтобы там ждать прибытия Балтийской эскадры, или же для спасения судов уйдет в нейтральные порты. Поэтому, чтобы не допустить неприятеля сосредоточить на Дальнем Востоке силы, превосходящие японский флот, адмирал Того принял ряд самых тщательных мер для воспрепятствования прорыву Порт-Артурской эскадры из гавани. Чтобы не прозевать прорыва неприятельского флота на юг, он дал новые инструкции блокирующим судам, приказал, кроме того, адмиралу Камимура усилить надзор в Корейском проливе за Владивостокской эскадрой.

17 (30) июня три неприятельских крейсера и 5 миноносцев этой эскадры произвели нападение на Гензан и утопили наш пароход «Коунг-мару» и шхуну «Сейшо-мару», а затем те же крейсера, спустившись на юг, появились между островами Цусима и Ики. Хотя 2-й боевой отряд пустился за ними в погоню, но, будучи задержан туманом, с наступлением сумерек окончательно потерял их из виду (подробно изложено в «Действиях русской Владивостокской эскадры»).

Так как после этого местонахождение русских крейсеров перестало быть известным, адмирал Того, предполагая незаметный проход их через Корейский пролив на соединение с Порт-Артурской эскадрой, отправил «Чиода» крейсировать в 40 милях к северу от мыса Шантун для наблюдения за идущими с юга судами, а адмиралу Катаока приказал принять меры к особенно бдительной службе сторожевых пунктов.

20 июня (3 июля) «Гиляк», «Отважный», «Всадник» и 4 миноносца появились в бухте Тахе и обстреливали левое крыло нашей армии. С полдня число миноносцев увеличилось до 9, и они прошли далее до Лунвантаня, но затем повернули к гавани и в 4 часа 40 минут на рейде остался только один «Баян».

Бывший на рекогносцировке у Порт-Артура на следующее утро 3-й отряд истребителей в 6 часов 15 минут заметил поднимающийся от гавани дым; в проходе находился «Баян», а в бухте Тахе «Новик», «Отважный», два судна типа «Гайдамак», «Гиляк», 6 миноносцев и 3 парохода.

Отряд истребителей направился к ним, однако неприятель не уходил; тогда отряд пошел в море донести об этом «Якумо». В 7 часов 15 минут адмирал Дева с крейсерами «Якумо» и «Такасаго», идя в тумане на свои места для блокады, услышал звуки выстрелов и, подозревая, что суда неприятеля атакуют нашу 11-ю дивизию, бывшую у Ping-tu-tau, направился туда; подойдя к острову Encounter Rock, встретил крейсер «Чиода» и приказал ему идти вперед и охранять у этого острова наш тралящий караван (в это время близ Ping-tu-tau суда 7-го боевого отряда «Каймон», «Хейен», вспомогательная лодка № 6, «Увадзима-мару» и «Ихима-мару» производили траление мин).

С целью отогнать неприятеля крейсера разъединились: «Такасаго» пошел к югу от Encounter Rock, а «Якумо» вошел меж-

ду островами Кэп и Encounter Rock. Около 4 часов дня адмирал Дева узнал из телеграммы с крейсера «Чиода», что неприятельские суда все еще находятся в бухте Тахе и что 4 тралящих парохода занимаются вылавливанием мин под Ляотешанем. Затем «Чиода» вернулся и донес, что неприятельские суда все повернули на запад и возвращаются в гавань.

На рассвете 22 июня (5 июля) «Новик», три канонерские лодки и 5 миноносцев появились близ Лунвантаня, подошли к Ping-tu-tau и в продолжение почти двух часов обстреливали наши сухопутные позиции, ближайшие наблюдательные посты и наблюдающие отряды миноносцев. В это время адмирал Дева с «Якумо» и прочими судами своего отряда, несмотря на туман, нес охрану этой местности. Он получил через «Чиода» приказание командующего флотом немедленно отогнать неприятеля, а также требование из 3-й армии обстрелять высоты к W от Тайхошань (лежит в самой глубине бухты Лунвантань), но он не мог атаковать неприятеля ввиду закрывавшего море тумана.

В 4 часа 20 минут суда 5-го боевого отряда «Чин-Иен» и «Мацусима», подойдя к острову Кэп с W приблизительно на 5 миль и заметив со стороны бухты Тахе «Новик», «Гиляк», «Гайдамак» и «Всадник», в 4 часа 30 минут на расстоянии от неприятеля в 12 000 метров открыли по нему огонь; в 5 часов 15 минут все суда неприятеля вернулись в гавань, а оба наших судна пошли к рейду Эллиот.

В этот день «Каймон» затонул, наткнувшись на неприятельскую мину близ острова Нан-сан-шан-дао. Погибли командир, капитан 2 ранга Такахаси Моримичи, 1 офицер, 1 кондуктор и 19 человек команды.

«Каймон» вместе с «Хейен» и вспомогательной лодкой № 6, «Увадзима-мару» и «Ихиме-мару», выйдя с рейда Эллиот, направился к бухте Tung-кау, вход в которую он защищал, охраняя наш тралящий караван. 22 июня (5 июля) все суда пошли к Odin-cove; на пути у южной оконечности Северного Саншандао отряд был застигнут сильным туманом и потерял из виду берега. Суда, подавая свистки, все же двигались вперед, как вдруг около 6 часов 23 минут с правого борта «Каймон» взорвалась неприятельская мина заграждения. Командир Такахаси, собрав на верхнюю палубу команду, сделал 3 холостых вы-

стрела из пушки, давая тем знать прочим судам об опасности. Так как судовой паровой катер и шлюпки для траления остались у Ping-tu-tau, то сперва хотели сделать плот и пробовали спустить имевшуюся промерную шлюпку, но судно быстро погружалось и шлюпку спустить не успели. Прокричав три раза «банзай», командир приказал, пользуясь обломками, бочками и тому подобными средствами, всем спастись на находящийся с левого борта остров, сам же остался на переднем мостике, отдавая последние приказания. Судно затонуло через 4 минуты после взрыва (в 2 милях на SSW от Нан-сан-шан-дао).

«Хейен» и вспомогательные лодки, приняв взрыв и звуки выстрелов за сигнал постановки на якорь, хотели было исполнить его и отдать якоря, но, услышав раздавшиеся крики, догадались о бедствии «Каймона». Немедленно были отправлены шлюпки, которые спасли старшего офицера судна, капитан-лейтенанта Танака Дзиуро, 11 офицеров, 8 кондукторов, 171 нижнего чина и 8 вольнонаемных. После этого суда встали на якорь на S от Нан-сан-шан-дао.

На следующее утро «Увадзима-мару» со спасенным экипажем вернулся, а прочие суда стали на якорь у Ping-tu-tau и в 4 часа дня опять пошли в Odin-cove.

23 июня (6 июля) в 5 часов 30 минут дня 10-й отряд миноносцев, получив приказание атаковать неприятеля, немедленно приготовился и вышел к рейду Порт-Артура. Под батареей Wei-yuan (на Тигровом хвосте) отряд увидел только один стоящий на якоре крейсер «Аскольд», но вследствие сильного волнения отказался от атаки. Бывший в сторожевом районе 20-й отряд миноносцев на другой день после полудня в 15 милях к югу от Ляотешаня заметил неприятельский миноносец, погнался за ним, но потерял его из виду.

25 июня (8 июля) отряд истребителей, выйдя на разведку в 8 часов утра, увидел у входа в гавань крейсер «Аскольд», который начал по нему стрельбу, но снаряды не долетали; к W и от него, под берегом, было замечено много судов, занимавшихся тралением. Когда сменивший его 4-й отряд истребителей в 1 час 40 минут дня подошел к Тахе, «Аскольд» все еще был на рейде, а под Мантоушанем стояло судно типа «Диана». Заметив, что тралящий караван неприятеля направляется к бухте Тахе и под-

ходит к месту, где были поставлены наши мины, 4-й отряд пошел в его направлении, при этом для его охраны появились две неприятельские канонерские лодки и открыли по нам огонь, но вскоре все суда неприятеля вернулись в гавань, и на рейде не было видно ни одного судна.

26 июня (9 июля) около 7 часов утра 2 крейсера типа «Диана», броненосец типа «Севастополь», «Баян», «Новик» и несколько лодок и миноносцев, идя за тралящим караваном, вышли из гавани и некоторое время шли на Ost. В 10 часов 20 минут они, увидя близ рейда наши 1-й отряд истребителей и 16-й отряд миноносцев, открыли по ним огонь; отвечая на него, отряды взяли курс на SO, но завлечь неприятеля в море не удалось, почему в 10 часов 40 минут они прекратили огонь.

Отойдя к острову Кэп, наши миноносцы встретили суда 6-го боевого отряда «Акаси» и «Акицусу» и 5-го боевого отряда «Ицукусима» и «Хасидате», донесли о движении неприятеля и вновь приблизились к нему; «Ицукусима» и «Хасидате» пошли за отрядом миноносцев.

Неприятель уже вышел из бухты Тахе и, охраняя тралящий караван, подошел к Лунвантану. Ввиду этого начальник 5-го боевого отряда адмирал Ямада приказал бывшему там нашему тралящему отряду удалиться, а сам с «Ицукусима» и прочими судами пошел к неприятелю.

Видя это, неприятельский тралящий караван остановился, почему и наши суда повернули обратно. Около Лунвантана остались лодки типа «Отважный» и «Гайдамак», обстреливавшие левое крыло нашей 3-й армии.

В 12 часов 20 минут к отряду подошли «Акаси» и «Акицусу»; выстроившись в порядке — 1-й отряд истребителей, «Акаси», «Акицусу», «Ицукусима» и «Хасидате» и имея с правой стороны 16-й отряд миноносцев, все суда пошли на неприятеля. 1-й отряд истребителей для атаки тралящего каравана пошел вперед и открыл огонь; неприятель отвечал, и обе стороны понемногу сблизились на расстояние около 5000 метров. 1-й отряд истребителей немного отступил, но затем, снова приблизившись, продолжал артиллерийский бой.

«Акаси», «Акицусу» и 16-й отряд миноносцев, подойдя на 10 миль на SW от острова Кэп вместе с «Ицукусима» и «Ха-

сидате», охраняя 1-й отряд истребителей, атаковали неприятеля; 16-й отряд миноносцев, подготовившись к бою, действовал по способности, прочие суда описывали циркуляции. Неприятельские суда вскоре ушли на W, но в Лунвантане оставались еще 2 лодки, непрерывно обстреливавшие побережье, а 4 крейсера, охраняя их, вышли вперед; поэтому наш 1-й отряд истребителей не мог к ним приблизиться. Во время перестрелки на «Асами» были ранены доктор Усмори и один слуга. В это время обе неприятельские лодки уже шли на Ost и несколько приблизились, почему приостановившие было огонь «Ицукусима» и «Хасидате» снова открыли по ним стрельбу на расстоянии около 8300 метров; лодки немедленно отступили. Вскоре наши суда увидели неприятельские суда, идущие вдоль берега у Тахе во главе с «Баяном», и вступили с ними в бой. К 4 часам дня неприятель отступил, а в 8 часов его суда зашли в гавань.

27 июня (10 июля) утром 6-й отряд миноносцев заметил во входе в гавань судно типа «Диана», отошел в Odin-cove и приготовился к атаке; с наступлением ночи, разделившись на 2 отделения, 6-й отряд пошел в атаку. 1-е отделение (№ 56 и № 58), приближалось со стороны Тахе, а 2-е отделение (№ 57 и № 59) — со стороны Ляотешаня. 1-е отделение подошло ко входу в гавань в 11 часов 50 минут ночи и, ища неприятеля, попало в лучи прожекторов и под обстрел всех батарей, поэтому, не достигнув цели, повернуло обратно. Миноносец же 2-го отделения № 57 в 12 часов 40 минут ночи, разглядев под Золотой горой 2-мачтовое 3-трубное судно, подошел ближе и с расстояния около 600 метров выпустил мину, № 59 также атаковал то же судно; затем оба миноносца, вернувшись в Odin-cove, соединились с 1-м отделением.

В ту же ночь 4 наших парохода, приспособленных для постановки мин заграждения, под охраной 2-го и 5-го отрядов истребителей и 10-го и 20-го отрядов миноносцев пошли на рейд Порт-Артура с целью постановки мин.

В 12 часов 40 минут ночи с неприятельских батарей по ним был открыт огонь, причем один неприятельский снаряд, попал в левый борт у ватерлинии, пробил жилую палубу на одном упомянутом выше пароходе.

30 июня (13 июля) — в 9 часов 50 минут утра 12 неприятельских пароходов¹ под охраной одной лодки и 3 миноносцев, идя под Ляотешаном, производили траление. При входе стояло судно типа «Паллада». Истребитель 5-го отряда «Кагеро» пошел к тралящему отряду и завязал бой с неприятельскими судами. В 1 час дня, заметив, что бывшие у Тахе «Муракума», «Югири», «Сирануи» и 20-й отряд миноносцев перестреливаются с неприятелем, пошел к ним и в 2 часа 30 минут соединился с ними. Неприятель же вернулся в гавань.

Бывший на броненосце «Фудзи» мичман Июкоо после долгих опытов изобрел новый способ стрельбы минами Уайтхеда. Взяв минный катер с «Фудзи» и японское фунэ², под охраной 2-го отряда истребителей упомянутый выше офицер пошел в эту ночь к Порт-Артуру испытать свой способ. В 1 час ночи 14-го июля, подойдя на расстояние около 3000 метров к неприятельскому боновому заграждению, он пересел с 4 нижними чинами на фунэ и продвинулся немного вперед. Оставив одного человека на веслах, прочие бросились вплавь, таща за собою мину; однако неприятеля на рейде они не нашли и, вернувшись на фунэ, пошли в море, причем были открыты неприятельским сторожевым катером, подверглись обстрелу, но все-таки вышли в море (1 матрос был легко ранен снарядом)³.

2-й отряд истребителей, стоя мористее внешнего рейда, ночью охранял суда, ставящие мины, а с рассветом пошел на рейд на рекогносцировку.

В 11 часов 30 минут из гавани вышли «Новик», «Гиляк», 1 лодка и 2 миноносца и, дойдя до бухты Тахе, стали обстреливать наши сухопутные позиции. Стрельба продолжалась около двух часов, к сумеркам суда вернулись в гавань.

2 (15) июля под Тигровым хвостом появился «Баян», а снаружи у Тигрового хвоста «Победа»⁴. С 2 часов дня «Гиляк», «Гайдамак», 2 миноносца и 4 парохода производили траление, идя из-под Мантошана к Тахе. «Баян» и «Гиляк», увидя наш 3-й отряд истребителей, открыли по нему огонь, но тот, не отвечая, отошел.

¹ Тралящий караван.

² Фунэ — небольшая шлюпка.

³ В наших документах сведений об этом предприятии не имеется.

⁴ По нашим документам, русские суда в этот день не выходили.

4-й отряд истребителей подошел к Порт-Артуру на рассвете для наблюдения за рейдом, но не мог ничего разглядеть из-за тумана; придя вновь туда на другое утро 3 (16) июля в 7 часов 10 минут и увидев стоящее на охране бонового заграждения судно типа «Диана» и еще одну лодку, удалился. В 2 часа дня, вновь подойдя к рейду, заметил 1 канонерскую лодку и 4 парохода, производящих траление со стороны Тахе. В 9 часов 12 минут вечера, идя в сторожевой район, встретил минный катер с «Фудзи», буксирующий фунэ и вновь идущий с мичманом Иокоо в атаку. Начальник 4-го отряда капитан 2 ранга Нагаи приказал «Асагири» конвоировать этот катер до входа в гавань; прочие суда ушли на свои места. «Асагири» в 1 час ночи вернулся к своему отряду и снова пошел к гавани; в 5 милях на SO от входа встретил минный катер с «Фудзи», но фунэ при нем не было. Оказалось, что катер в 1 час 30 минут ночи оставил фунэ в 3000 метрах от гавани и отошел на 4000 метров. Был уже пятый час, а фунэ не возвращалось. Поэтому «Асагири» вновь начал поиски и только в 7 часов утра нашел фунэ и, сняв с него мичмана Иокоо, присоединился к отряду, а в 11 часов 15 минут вернулся на рейд Эллиот.

В этот день на стоянку в Chang-za-dao (Южный Блонд) из Японии пришел пароход морского ведомства «Маншю-мару» (был захвачен в начале войны; прежнее его имя «Маньчжурия»).

На нем в качестве пассажиров были иностранные морские агенты, члены обеих палат и иностранные корреспонденты, всего в числе 55 человек; пароход пришел сюда с целью ознакомления с военными действиями. Адмирал Того с «Микаса» и «Асахи» вышел в Chang-za-dao и, обменявшись визитами с прибывшими, вернулся обратно на рейд Эллиот. Так как в этот день после полудня было окончено траление Талиенвана и окрестностей Ping-tu-tau, то на другой день, 5 (18) июля, адмирал Того приказал пароходу «Сибата-мару» совершить пробное плавание по этим местам.

В последующие затем дни стояла пасмурная погода и туман застилал море, поэтому событий, происходивших у обеих сторон, подробно описать нельзя; 9 (22) июля рано утром 1-й отряд истребителей, находясь в 10 милях на W от Ляотешаня и осматривая джонки, увидел в стороне Голубиной бухты два дыма; полагая, что это миноносцы, погнался за ними, но не до-

гнал. Вскоре им была замечена джонка у острова Reef¹; при осмотре ее нашел в ней русского офицера-корнета² и еще двух человек; корнет привез приказания от наместника из Инкоу в Порт-Артур и теперь возвращался обратно, их арестовали и поместили на «Касуми». В это время миноносцы попали под огонь батарей и одним снарядом, попавшим в «Касуми», было ранено 3 человека; вместе с тем у него оказалось значительное повреждение корпуса, поэтому, передав пленных на бывший поблизости «Чин-Иен», «Касуми» вернулся на рейд Эллиот, а вместо него в сторожевой район был послан «Асасиво».

После полудня 4-й отряд истребителей, имея на буксире джонку, направился в сторожевой район. В 10 часов 10 минут, посадив на нее 8 человек команды, с привязанной шлюпкой на буксире, послали ко входу в гавань для того, чтобы появление ее потревожило неприятеля и вызвало огонь батарей. Подведя джонку ко входу мили на 2 и попав под огонь неприятеля, команда села на шлюпку, а джонка была пущена плыть по направлению к Золотой горе; неприятель все еще вел по ней стрельбу.

Окончив приготовления к наступлению, наша 3-я армия собиралась 13 (26) июля начать наступление по линии от южных высот Ту-чен-зы (Волчьих горы) до западных высот Зеленых гор.

Ввиду этого 10 (23) июля адмирал Того дал каждому отряду инструкции, которые совмещали в себе требования как на случай выхода неприятельского флота, так и на случай оказания помощи армии; по этим инструкциям 1, 2 и 3-й отряды истребителей должны были действовать между Ping-tu-tau и Дальним, 4-й боевой отряд и 1, 14 и 16-й отряды миноносцев обязаны были оказывать поддержку левому крылу 3-й армии, 4-й и 5-й отряды истребителей назначались для крейсерства между Ляотешанем и Odin-cove, причем должны были поддерживать связь с 3-м боевым отрядом и 10-м и 20-м отрядами миноносцев. На случай, если бы неприятель повел атаку против нашего сборного отряда, находящегося в Печилийском заливе

¹ Остров Reef находится на широте 38° 52' N и долготе 121° 2' O, приблизительно в 10 милях на NW от мыса Ляотешань.

² Прапорщик Тагеев и унтер-офицер Синицын.

Через 1 1/2 месяца они были выпущены из плена, так как японцы не могли доказать принадлежность их к военному званию (документы же их были все утоплены).

(этот отряд состоял из «Сайен», «Хейен», «Чиокай», «Акаги», «Ихиме-мару», «Кагава-мару» и миноносцев № 55 и № 52), 3-й отряд истребителей должен был немедленно дать о том знать этому отряду и одновременно атаковать неприятеля. Сборному отряду было приказано, выйдя 12 (25) июля из Дальнего и войдя в Печилийский залив, содействовать наступлению 3-й армии.

Рано утром того дня, то есть 10 (23) июля, 14-й отряд миноносцев крейсировал у Ping-tu-tau; «Хаябуса», подойдя для разведки к Тахе, заметил вблизи этой бухты 4 неприятельских миноносца; командир миноносца, лейтенант Кувасима, желая атаковать их с наступлением темноты, временно стал на якорь у Siau-ping-tu¹.

Посадив своих офицеров на вспомогательную лодку «Манден-мару» и миные катера с «Микаса» и «Фудзи», вместе с другой лодкой, «Иосидакава-мару», в 10 часов 20 минут вечера лейтенант Кувасима вышел с якорной стоянки и направился к бухте Тахе; миные катера шли под берегом, вспомогательные лодки и 14-й отряд миноносцев, конвоируя их, шли морем. Действия этого отряда, сразу по заходе луны подошедшего к 25-футовой скале (в 2 часа 30 минут ночи), были таковы: миные катера прокрались в глубину бухты, чтобы атаковать неприятеля с тылу, в расчете, что если бы неприятель преследовал их, то с другой стороны на него напали бы наши лодки; в 2 часа 32 минуты ночи катер с «Микаса» (командир — мичман Эндо), зайдя с южной стороны неприятеля, выпустил мину по 2-му справа миноносцу и затем вскоре другую с правого борта; в 2 часа 35 минут катер с «Фудзи» (командир — мичман Яначинума), направляясь на миноносец, стоявший южнее остальных, с расстояния 400 метров выпустил в него с обоих бортов мины, почти одновременно. Неприятель, хотя открыл огонь, пользуясь освещением прожекторов, с батареей Тахе, но не погнался за нами, отряд же миноносцев и вспомогательные лодки, сделав по неприятелю несколько выстрелов, соединились с минными катерами и пошли к Кохсйто.

¹ Остров Siau-ping-tu находится в 1 миле на Ost от Ping-tu-tau; широта 39° 49' N и долгота 121° 31' 1/2 O.

В этой атаке был утоплен неприятельский миноносец «Лейтенант Бураков» и поврежден «Боевой».

12 (25) июля сборный отряд вышел по назначению из Дальнего в Печилийский залив. В 9 часов 30 минут утра, придя в бухту Луизы и застав сухопутный бой в самом разгаре, открыл убийственную стрельбу по неприятелю в помощь нашей армии, а также отрядил вооруженные катера в западную часть бухты Луизы для обстрела прилегающих к берегу неприятельских позиций.

2-й отряд истребителей (капитан 2 ранга Исида), заметив, что «Баян», 2 крейсера типа «Диана», «Новик», «Аскольд» и несколько лодок и миноносцев, имея впереди тралящий ее караван, вышли утром из гавани на восток и, дойдя до Тахе, обстреливают наши сухопутные позиции, немедленно донес о том боевому отряду, бывшему у Ping-tu-tau.

В то же время 3-й отряд истребителей, находясь у Лунвантаня, заметил, что занимающиеся тралением близ этого мыса наши вспомогательные лодки «Увадзима-мару» № 5 и «Иосидагава-мару» и отряд миноносцев были обстреляны неприятельскими судами («Иосидагава-мару» получил повреждения от неприятельского снаряда (2 убитых и 5 раненых), был взят на буксир и уведен пароходом «Увадзима-мару» № 5), спешно донес о том бывшему мористее 5-му боевому отряду, а затем, видя, что 2 неприятельских миноносца бросились к нашему 2-му отряду истребителей, своим огнем заставил их удалиться.

Вдалеке виднелся приближающийся 5-й боевой отряд. Когда он приблизился к неприятелю, то тот скрылся за густым дождем и 5-й боевой отряд от Лунвантаня пошел на SO; в 3 часа дня, когда дождь несколько уменьшился, наши суда увидели, что 4 больших неприятельских судна находятся между батареями Man-tsu-ying и Мантоушанем, а лодки и «Новик» в восточной части Восточной бухты Тахе; немного спустя нашел туман, и неприятель вновь был потерян из виду. Когда туман поднялся, стало видно, что неприятельские лодки, находясь к западу от Лунвантаня, стреляют по нашим сухопутным войскам, а крейсера, находясь близ мыса Swainson, идут на Ost. Увидев наш 2-й отряд истребителей, неприятель открыл по нему огонь, причем снаряды несколько раз падали вблизи наших судов. В это

время 5-й боевой отряд, идя 10-узловым ходом, пошел прямо на неприятеля, а 6-й боевой отряд, извещенный телеграммой, спешно приближался со стороны Encounter Rock. В 4 часа 47 минут дня «Баян» (под брейд-вымпелом), «Аскольд», «Новик» и крейсер типа «Диана» были в середине бухты Тахе, а канонерские лодки начали обстреливать. «Баян» с расстояния в 9000 метров открыли огонь по 5-му боевому отряду, который в свою очередь отвечал на огонь; вслед за ним, идя на неприятеля, открыли огонь 1-й и 6-й боевые отряды. Немного спустя неприятель направился ко входу в гавань. 5-й и 6-й боевые отряды уже предполагали удалиться: «Акаси» и «Сума» уже повернули на юг, «Идзуми», «Чиода», «Акицусу» еще шли прямо, и в 6 часов 32 минуты, находясь на SSW от Ping-tu-tau, «Чиода» коснулся неприятельской мины заграждения, корпус крейсера сильно задрожал и люди, бывшие на носу и на мостике, попадали. Взрывом были убиты 7 нижних чинов и ранено 27 человек офицеров и нижних чинов, кроме того, многие лишились сознания от вдыхания ядовитых газов. Командир судна Мураками остановил машину и, подняв сигнал «терплю бедствие», вышел из строя; однако повреждение оказалось сверх ожидания легким и под конвоем «Акицусу» крейсер пошел в Дальний.

Было 7 часов вечера; «Баян» уже вошел в гавань, прочие же суда неприятеля все еще держались под Мантоушанем; поэтому ушел только 5-й боевой отряд, а суда 6-го боевого отряда «Акаси», «Сума», «Идзуми» остались к югу от острова Кэп для наблюдения за неприятелем.

Вскоре начальник 6-го отряда контр-адмирал Того, получив донесение с «Чиода», что он может прийти один, вернул «Акицусу» в строй, и в 10 часов 30 минут вечера, пройдя Encounter Rock, 6-й отряд лег на назначенный курс.

С раннего утра 14 июня (27 июля) «Ретвизан», «Баян», «Аскольд», «Диана»¹, «Новик» и несколько лодок и миноносцев появились на рейде и пошли на Ost. В это время 2-й отряд истребителей находился у Порт-Артура, а 1-й и 3-й отряды истребителей у Ping-tu-tau. Неприятель с 9 часов 30 минут начал обстреливать наши войска, одновременно стреляя и по нашим

¹ Выходила не «Диана», а «Паллада».

миноносцам, которые тотчас вышли из района обстрела и оставались там, наблюдая издалека. 5-й боевой отряд, заметив неприятеля, прибавил ходу и направился к нему; 6-й боевой отряд, получив донесение с 1-го отряда истребителей, также приближался к неприятелю. Неприятельские суда, медленно пройдя под Золотой горой, дошли до Дайпайшань у Лунвантаня и открыли огонь по берегу, обстреливая наши войска; 5-й и 6-й боевые отряды, не входя в опасный район минного заграждения, с осторожностью подходили к неприятелю, но так как расстояние все еще было около 9000 метров, то огня открыть не могли.

В 12 часов 50 минут, встретив идущих на помощь от острова Round «Ниссин» и «Кассуга», начальник 5-го боевого отряда адмирал Ямада поставил головным «Хасидате», а «Кассуга» и «Ниссин» с расстояния в 12 000 или 15 000 метров начали стрельбу по неприятелю. Один снаряд с «Кассуга» попал в «Баян»¹, другой с «Ниссин» — в корму «Ретвизана» с левого борта, вызвав огонь и дым. Неприятельским снарядом был перебит приемник беспроволочного телеграфа на «Ниссин» и пробит стеньговый флаг. Немного спустя неприятель ушел на рейд: «Баян», «Аскольд», «Ретвизан» и судно типа «Паллада» стали под г. Мантоушань, а прочие вошли в гавань. «Ниссин» и «Кассуга» опять пошли к острову Round, а 5-й боевой отряд наблюдал за неприятелем до 7 часов 55 минут, после чего ушел на сторожевую стоянку в бухту к югу от мыса Terminal; 6-й боевой отряд и 1-й и 3-й отряды истребителей также заняли назначенные им места, 2-й отряд истребителей пошел в Дальний, отряды миноносцев находились в назначенных им районах. Ввиду того что все суда неприятеля вошли в гавань, для несения сторожевой службы остались 1-й и 16-й отряды миноносцев, а прочие отряды ушли на якорную стоянку флота.

15 (28) июля «Новик», судно типа «Диана», лодки, миноносцы и тралящие суда снова вышли из гавани и, медленно подвигаясь на Ost, начали обстреливать находящийся близ Лунвантаня наш тралящий отряд, но были отражены нашим 14-м отрядом миноносцев и 2-м отрядом истребителей. Затем 18 (31)

¹ Сведений об этом попадании в наших документах нет.

июля 2 миноносца 10-го отряда, № 40 и № 41, увидев у Голубиной бухты два неприятельских миноносца, открыли по ним огонь, и неприятель полным ходом направился вдоль берега к Порт-Артуру; догоняя их, наши соединились с 5-м отрядом истребителей и изо всех сил старались нагнать неприятеля, но в конце концов он успели уйти¹. Поэтому, встретив на сторожевом районе два других миноносца своего отряда (№ 43 и № 42), вместе пошли в Odin-cove, а на другой день оттуда в Дальний. Тем временем из гавани Порт-Артура появилось более 10 миноносцев, устремившихся на наши блокирующие отряды с видимой целью их окружить; 10-й отряд миноносцев с помощью 2-го отряда истребителей перестреливались с ними в течение 20 минут, но неприятель ввиду наступивших сумерек отступил в гавань².

Видя приближение момента общей атаки на Порт-Артур и ожидая развития операций на море, адмирал Того с 20 июля (2 августа) решил переменить местопребывание 1-го боевого отряда, перенеся его к острову Round, и приказал бдительно наблюдать за морем, особенно ночью, так как опасался, что, оставаясь у островов Эллиот, он рисковал пропустить неприятеля, который, пользуясь туманом, мог бы выйти из гавани незамеченным.

Вместе с тем было приказано адмиралу Хосоя обратить особое внимание на телеграфную связь морских и сухопутных станций, а адмиралу Миура спешно пополнить углем и водой суда, находящиеся в Odin-cove и Дальнем.

22 июля (4 августа) адмирал Того дал инструкции минным судам относительно атаки. 23 июля (5 августа) 16-й отряд миноносцев, производя разведку у Порт-Артура, заметил, что неприятель производит траление под горой Мантоушань. После полудня отряд вновь подошел к рейду, но так как из гавани быстро вышли более 10 миноносцев и пошли к нему, то отряд отошел на Ost. Бывшие случайно в 9 милях от Порт-Артура истребители 2-го отряда «Акацуки» и «Оборо», увидев это, подошли к неприятелю и с расстояния в 5000 метров завязали бой. Под-

¹ Русские миноносцы возвращались из рекогносцировки в Порт-Артур.

² Этот выход русских судов был связан с постановкой мин заграждения, каковая и была удачно выполнена под огнем неприятеля.

держивая жестокий огонь, миноносцы изменили курс на NO и, идя к мысу Lao-lu-tsui (Swainson), нагоняли бывших впереди три неприятельских миноносца; неприятель, повернув, направился к рейду, наши миноносцы его преследовали. В шестом часу дня, встретившись со спешившим со сторожевого района «Инадзума», снова направились на находящегося на юге неприятеля. В это время суда 3-го боевого отряда «Асама», «Кассаги» и «Читосе», находившиеся у Encounter Rock, увидели сражение миноносцев, и командир «Асама» капитан 1 ранга Ясиро приказал «Читосе» и «Кассаги» идти им на помощь. Одновременно подошел 1-й отряд миноносцев с известием, что неприятель направился в Печилийский залив. Увидев три неприятельских миноносца, которые, идя под берегом Ляотешаня, направлялись в этот залив, капитан 1 ранга Ясиро приказал «Кассаги» и «Читосе» догнать эти суда. Оба крейсера увеличили скорость и вместе с 1-м отрядом миноносцев в 8 часов подошли на 18 миль на W от вершины Ляотешаня, но, не найдя ни наших, ни неприятельских миноносцев, уменьшили ход, повернули и ушли на юг (отряд миноносцев с заходом солнца ушел на свой пост); 24 июля (6 августа), придя в свой наблюдательный район, крейсера соединились сначала с «Асама», а 25 июля (7 августа) с бывшими на рейде Эллиот «Якумо» и «Такасаго».

Адмирал Дева, отправив в базу «Читосе», вышел из наблюдательного района (по направлению к Порт-Артуру). 26 июля (8 августа) бывшими в море у Ляотешаня в 10 часов 40 минут утра был замечен позади Золотой горы густой черный дым как бы от большого пожара; впоследствии было удостоверено, что 120-миллиметровый снаряд нашей десантной тяжелой батареи попал в склад масла и, разорвавшись, вызвал пожар.

В то же время 1-й боевой отряд, крейсируя взад и вперед по линии OW у острова Round, предупрежденный телеграммой об обстреле неприятельскими судами наших сухопутных позиции, спешно выделил из отряда «Ниссин» и «Кассуга» и послал их к острову Кэп; 1-й и 16-й отряд миноносцев в полдень также подошли к острову Кэп. 2-й отряд истребителей, подойдя к Порт-Артуру и увидев, что «Новик», 1 лодка и 5 миноносцев обстреливают наши позиции из бухты Тахе и что по ним также стреляют батареи Тахе, Золотая гора и Man-tsu-ying, а

на рейде стоит крейсер типа «Диана» и одна лодка, поспешил донести о виденном бывшему у Ляотешаня «Якумо». 5-й боевой отряд направился к «Новику» вместе с 4-м отрядом истребителей, полагая вовлечь его в бой, но неприятель, заметив приближение наших судов, ушел из бухты Тахе к гавани; в это время «Ниссин» и «Кассуга» оставались наблюдать за неприятелем.

В 4 часа дня 2-й отряд истребителей, подойдя вновь к рейду Порт-Артура, увидел, что судов на рейде и следа нет, а батареи по-прежнему обстреливают сухопутный фронт. На другое утро 27 июля (9 августа) «Новик», 4 лодки, 6 миноносцев, идя один за другим, снова вошли в бухту Тахе и открыли огонь по нашим сухопутным позициям. На неприятеля сразу устремился 1-й отряд истребителей, а от острова Кэп шел туда же 5-й боевой отряд; неприятель, увидев их, удалился. Адмирал Ямада приказал немедленно открыть огонь по «Новику»; во время перестрелки были убиты мичман Хаяси Топичи, инженер Фучиваки и 12 человек нижних чинов, ранено 15 нижних чинов. В это время неприятель, отступая от Swainson Point под батарею Кейкасан, по-видимому, не имел намерения продолжать бой и с прекращением огня 5-го боевого отряда совершенно скрылся из виду; поэтому наш отряд отошел к Ping-tu-tau.

Однако, заметив около 5 часов 40 минут дня, что 6 неприятельских миноносцев снова обстреливают сухопутные позиции из бухты Тахе, отряд открыл по ним огонь, и неприятель постепенно отступил к г. Мантоушань.

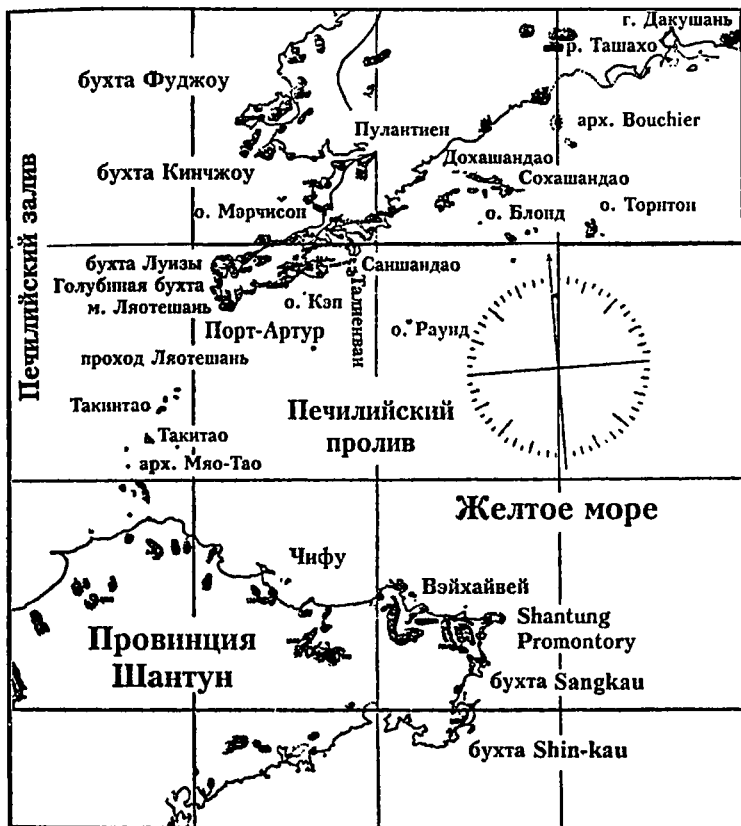
Глава XV

Сражение в Желтом Море

Статья 1. Бой

А. Первая встреча

Препятствуя выходу неприятельской эскадры из Порт-Артура, 10 июня (23 июня) наш Соединенный флот не дал ей возможности достигнуть своей цели и с тех пор постепенно сжимал блокаду. К этому времени подготовка операций 3-й армии значительно подвинулась вперед, и, так как день общей атаки приближался, адмирал Того, приготовившись оказать в нужный момент содействие армии, ожидал, что неприятельская эскадра выйдет из порта. В конце июля был издан приказ, в котором сборному отряду («Сайен», «Хейен», «Чиокай», «Акаги», 2 вспомогательные лодки, 2 миноносца из 12-го отряда) и судну 5-го боевого отряда «Мацусима» предписывалось беспокоить со всех сторон неприятеля в соответствии с движением армии, а главным силам: 1-му боевому отряду с прибавлением «Ниссин», «Кассуга» и «Асама», 3, 4, 6-му боевым отрядам, 1, 2, 3, 4, 5-му отрядам истребите-

лей, 1, 2, 6, 10, 14, 16, 20-му и 21-му отрядам миноносцев было приказано, находясь для наблюдения постоянно под Порт-Артуром, постепенно усилить блокаду.

Рано утром 28 июля (10 августа) адмирал Того с 1-м боевым отрядом («Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима») и крейсер «Асама» находились к северу от острова Round, и в 6 часов 35 минут утра, получив одно за другим несколько предупреждений, что неприятель выходит из гавани, адмирал пошел к югу от острова Encounter Rock и одновременно приказал бывшему на рейде Эллиот «Асама», а в Дальнем — отрядам истребителей спешно выйти в море.

Немного спустя вновь пришла радиограмма от бывшего у Ping-tu-tau «Хасидате», что «неприятель вышел из гавани и идет на SO», а затем, что «неприятель направляется в Печилийский залив». Ввиду этого адмирал Того приказал крейсерам «Ниссин» (флаг адмирала Катаока) и «Кассуга» присоединиться к 1-му боевому отряду, а «Асама» спешно был послан в Дальний привести с собою отряды истребителей.

Когда подошли «Ниссин» и «Кассуга», то 1-й боевой отряд построился в кильватерную колонну в следующем порядке: «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима», «Кассуга», «Ниссин»; в 12 часов 09 минут дня, подойдя на 3 мили на SOtO от острова Encounter Rock, отряд изменил курс на WSW, а в 12 часов 30 минут, будучи в 10 милях на OSO от острова Encounter Rock, увидел неприятельскую эскадру, идущую на SO.

Адмирал Того, подняв на «Микаса» стеньговые флаги, приказал начать бой.

В это время неприятель был в строе кильватера из 9 судов — броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава» и крейсеров «Аскольд», «Паллада», «Диана»; крейсер же «Новик» и 8 миноносцев шли с левой стороны, госпитальное судно «Орел»¹ следовало в конце.

В этот день хотя легкая дымка и окутывала море, но погода была ясная и дул легкий южный ветер.

¹ Это была «Монголия».

Адмирал Того, опасаясь, чтобы неприятель не отступил в гавань, и желая завлечь его в открытое море, в 1 час дня приказал повернуть сразу на 8 румбов влево и, перестроившись в строе фронта, пошел на SSO.

Так как неприятель, по-видимому, имел намерение проваться на SO, адмирал Того снова повернул сразу влево на 8 румбов, лег на обратный курс в строе кильватера и, имея головным «Ниссин», отряд пошел на ONO.

В 1 час 15 минут дня все суда поочередно открыли огонь с дальней дистанции, причем 1-й боевой отряд, изменив курс на NO, нажимал на головной неприятельский корабль. Неприятель временно уклонился влево, но затем, снова повернув вправо, взял курс на юг, по-видимому желая пройти под кормой наших судов. Поэтому 1-й боевой отряд в 1 час 30 минут дня, сразу изменив курс вправо на 16 румбов, вернулся в первоначальный строй кильватера и, имея головным «Микаса», большим ходом пошел на SW против фронта противника, образуя по отношению к нему букву «Т».

В это время наш огонь был направлен на головной корабль неприятеля, и так как последний вновь уклонился влево, а его строй представлял волнообразную линию, причем одно судно временами закрывалось другим, то 1-й боевой отряд воспользовался этим моментом и, постепенно поворачивая на N, усилил огонь.

Бывшие сначала в конце строя неприятельские крейсера зашли за недействующий борт броненосцев и образовали неправильный строй¹ двух кильватерных колонн, по-видимому имея целью пройти на SO. Ввиду этого адмирал Того приказал бывшему от него на W 3-му боевому отряду атаковать неприятельские крейсера.

1-й боевой отряд повернул вправо, чтобы идти наперерез неприятелю, но, опоздав немного выполнить этот маневр, лег на параллельный к нему курс.

В это время неприятель был несколько впереди нас.

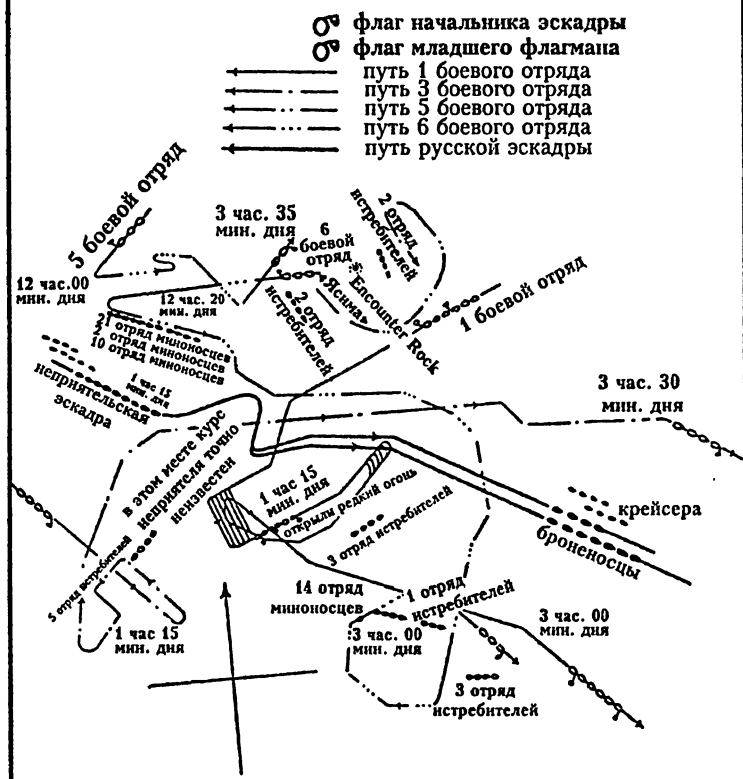
¹ Крейсера зашли за броненосцы, так как за дальностью дистанции не могли вести бой и в то же время не желали подвергаться обстреливанию.

«Микаса» направил свой огонь в самую середину строя неприятеля, но так как тот понемногу уклонился влево и расстояние увеличилось, то около 3 часов 20 минут дня стрельбу приостановили и, увеличив ход, стали нагонять неприятеля.

Хотя в течение этой фазы боя неприятелю были нанесены значительные повреждения, но и у «Микаса» около 1 часа 36 минут дня неприятельским 12-дюймовым снарядом, попавшим с кормы в спардек, была пронизана грот-мачта, причем были убиты 12 человек команды и ранены ротный командир, лейтенант Ичикава и 4 нижних чина. На «Асахи» был ранен 1 нижний чин. В «Ниссин» попало 2 снаряда и убило ревизора — Курада Кун и 2 нижних чинов, ранило мичмана Мурамацу и 12 нижних чинов.

В этот день на рассвете адмирал Дева с 3-м боевым отрядом (крейсера «Якумо», «Кассаги», «Такасаго», «Читосе»; «Асама» был в Элиоте) находился в 15 милях к югу от Ляотешаня, наблюдая за неприятелем. Впервые он узнал о выходе неприятельского флота из телеграммы, посланной с броненосца «Фусо» на «Микаса». Затем, имея донесение со 2-го отряда истребителей, что неприятельская эскадра, без сомнения, в полном составе вышла из гавани, в 10 часов 23 минуты 3-й отряд спешно пошел на Ost, но, получив немного спустя известие, что неприятель как будто направился в Печилийский залив, снова пошел на W и в полдень, находясь на S ¹/₂ румба к Ost от Ляотешаня, впервые увидел неприятеля, идущего на Ost. Так как в это время прочие боевые отряды еще не были вблизи неприятеля, то, держась около него в строе кильватера и в 12 часов 10 минут самостоятельно подняв боевые флаги, крейсера «Якумо», «Кассаги», «Такасаго», «Читосе», то сбавляя, то прибавляя ход, пошли справа одним курсом с неприятелем, завлекая его к нашим главным силам. В 12 часов 20 минут с отряда заметили на NO 6-й боевой отряд, а затем увидели и 1-й боевой отряд, который спешил с OtN наперерез неприятелю, по-видимому завлекая его справа в открытое море; вскоре затем 1-й боевой отряд, изменив курс, начал бой, который постепенно разгорался. Поэтому 3-й боевой отряд, зайдя в тыл неприятеля и намереваясь атаковать его задний корабль, увеличил скорость и пошел на N, нажимая на бывшие концевыми в строе крейсера; в 3 часа 15 минут, получив приказание командующего фло-

**Схема 1-го боя в Желтом море
10 августа 37 г. Мейдзи (1904)
(28 июля)**

том атаковать отряд неприятельских крейсеров, понемногу начал нагонять неприятеля, огонь которого с приближением к нему нашего отряда становился все сильнее.

Попавшим в «Якумо» снарядом были убиты инженер Ма-чиды и 21 нижний чин.

«Якумо» также обстреливал «Полтаву», но расстояние постепенно увеличивалось, и адмирал Дева, послав «Якумо» и спешно подошедший «Асама» вслед за 1-м боевым отрядом, с «Кассаги» и 3 прочими крейсерами изменил курс на S и пошел под углом к 1-му боевому отряду, так как рассчитывал, идя на юг, нагнать неприятеля одновременно с 1-м боевым отрядом.

Младший флагман 3-й эскадры контр-адмирал Ямада Хикохачи (он был назначен младшим флагманом 24 мая (6 июня)) с 5-м боевым отрядом («Хасидате», «Мацусима»; «Чин-Иен» же был у Odin-cove, а «Ицукусима» у островов Эллиот), близ Ping-tu-tau наблюдая за неприятелем и увидев поворот его эскадры на юг, немедленно телеграфировал о том на «Микаса» и приказал спешно собираться отрядам истребителей и миноносцев.

Затем «Хасидате» и «Мацусима» старались поддерживать связь с неприятелем, но так как, пройдя северо-восточный мыс Ляотешаня, он, казалось, направился в Печилийский залив, то отряд, выйдя к Encounter Rock, снова лег на SW, наблюдая за движением неприятеля. В это время вдалеке на горизонте с Ost показался 1-й боевой отряд. Около 1 часа 08 минут дня, чтобы не мешать движениям и стрельбе 1-го боевого отряда, 5-й отряд пошел к Encounter Rock и соединился с пришедшим из Odin-cove броненосцем «Чин-Иен».

Построив кильватерную колонну из «Хасидате», «Мацусима» и «Чин-Иен», адмирал Ямада Хикохачи старался держаться в районе наблюдения за неприятелем. «Идзуми» (из 6-го боевого отряда) подошел с севера и донес, что не может найти судов своего отряда; адмирал Ямада, поставив его за «Чин-Иен» и увеличив скорость, чтобы приблизиться к неприятелю, в 4 часа 40 минут снова увидел на SSO 1-й боевой отряд и, полагая, что 6-й боевой отряд должен находиться вблизи него, отослал туда крейсер «Идзуми».

Младший флагман 3-й эскадры контр-адмирал Того с 6-м боевым отрядом («Акаси», «Сума», «Акицусу»; «Идзуми» же

находился у островов Эллиот, а «Чиода» в Дальнем) рано утром был у Encounter Rock, но, узнав из перехваченных радиogramм, что неприятель выходит в 11 часов 25 минут, пошел на W от Encounter Rock.

Неприятель уже вышел из района мин заграждения и шел на юг в строю кильватера. С отряда было замечено, что неприятель, теснимый 1-м боевым отрядом, построил крейсера в отдельную колонну слева. Находясь впереди слева от неприятеля, 6-й отряд шел на SO, но так как неприятель изменил курс на OSO и расстояние до него как бы начало уменьшаться, то полной скоростью пошел на OSO. Однако расстояние все не уменьшалось, поэтому он понемногу уклонился на юг и, пройдя наперерез курса неприятеля, вышел на восточную сторону 1-го боевого отряда. Затем, когда неприятель изменил курс на SO и 1-й боевой отряд пошел почти рядом с ним, 6-й боевой отряд повернул вправо и в 3 часа 13 минут занял место в 5 милях сзади 1-го боевого отряда и пошел тем же курсом. В это время у «Сума» случилось повреждение в машине, и контр-адмирал Того оставил его позади строя, а подошедший от 5-го боевого отряда «Идзуми» включился в строй.

Б. Вторая встреча

Завлекая неприятельскую эскадру в открытое море, Соединенный флот почти достиг своей цели и завязал бой в первой встрече, но так как неприятель стремился, по-видимому, пройти на юг, то и все наши отряды, следуя за ним, понемногу вышли на более открытые пространства моря.

Адмирал Того, видя, что расстояние между флотами увеличивается, приостановил временно огонь и, прибавив ходу, шел вслед за неприятелем почти в течение 2 часов, когда в 5 часов 30 минут дня, находясь в 45 милях к северу от мыса Шантун, сблизился с головным кораблем неприятеля на расстоянии 7000 метров.

В это время с броненосца «Полтава» открыли огонь, на который наш флот сейчас же ответил, причем 1-й боевой отряд сосредоточил огонь на головном неприятельском корабле. После почти часового боя было заметно, что огонь неприятеля ос-

лабел, особенно в 6 часов 37 минут вечера, когда наш большой снаряд взорвался близ боевой рубки головного броненосца «Цесаревич». Этот броненосец, имея повреждение, по-видимому, в руле, вдруг повернул влево и бросился в середину своего строя. Строй неприятеля был нарушен, и корабли пошли кто вправо, кто влево. Воспользовавшись этим, 1-й боевой отряд в 7 часов, описывая дугу на север, окружил неприятеля и, наконец, повернув влево на 4 румба, в строе пеленга стал на пути неприятеля.

Его суда благодаря нарушению строя, казалось, не имели в этот момент определенного намерения и каждый действовал самостоятельно.

Как раз в это время появились с NW «Асама» и часть 5-го боевого отряда, и, так как на SO держался 3-й боевой отряд, то все отряды, действуя совместно, постепенно окружали неприятеля; неприятель, потеряв строй, уже не мог продолжать эскадренного боя.

«Аскольд» и «Новик» и несколько миноносцев, прорвав окружающее их кольцо, пошли полным ходом на юг. Бывший вдалеке на SSO от 1-го боевого отряда 6-й боевой отряд, увидя это, встал им поперек пути; 3-й боевой отряд, повернув влево, также погнался за ними, прочие отряды продолжали вести усердно бой, пока не зашло солнце и стало трудно различать корпуса судов. Поэтому адмирал Того в 8 часов вечера приказал минным судам идти в атаку, прекратил бой и пошел по назначенному курсу.

При второй встрече «Микаса» в 5 часов 38 минут сосредоточил огонь по головному броненосцу «Цесаревич», а затем стрелял по 2-му и 3-му судну неприятельского строя. Когда строй был нарушен, понемногу сблизившись, он атаковал броненосцы «Пересвет», «Ретвизан» и «Победа», причем были видны частые взрывы от попавших снарядов; этот броненосец обстреливал также два неприятельских миноносца.

2-й корабль, «Асахи», сначала вел стрельбу по заднему неприятельскому судну, а после обстреливал головной и 5-й корабли неприятельского строя. Когда в строю неприятеля произошло замешательство, то «Асахи» атаковал оставшийся одиноким «Ретвизан» и другие суда.

«Фудзи» сначала стрелял по головному судну, затем перевел огонь на 2; 3, 4 и 5-й суда неприятельского строя. Около 7 часов 02 минут сосредоточил стрельбу по вставшему на место «Цесаревича» головным «Ретвизану».

Четвертый корабль, «Сикисима», открыл огонь почти одновременно с «Фудзи», стреляя сначала исключительно по «Победе», а затем по «Севастополю», «Ретвизану», «Цесаревичу».

«Кассуга» начал бой обстреливанием заднего корабля неприятеля, затем перенес свой огонь на 5-й корабль, а в момент замешательства неприятеля снова сосредоточил огонь на «Ретвизане».

«Ниссин» сначала стрелял по заднему судну, а когда 3-й¹ корабль неприятельского строя пошел на наши суда, то отражал его нападение. Затем, видя прорыв на юг «Аскольда», обстреливал и этот крейсер.

Таким образом, при втором бое большие повреждения неприятелю нанес главным образом опять 1-й боевой отряд, но зато и он немало пострадал от снарядов.

«Микаса», бывший более всех под огнем неприятеля, насчитывал, только в главных частях, более 20 попаданий снарядов, каковые случились главным образом в начале боя; взорвавшийся близ кормовой башни снаряд разбил одно 12-дюймовое орудие, ранил ротного командира капитан-лейтенанта принца Хироясу, убил 1 нижнего чина и ранил старшего кондуктора Миямото и 16 нижних чинов. В 6 часов 30 минут разорвавшимся на переднем мостике снарядом убило мичмана Фудзиса Синдзиро, старшего сигнального кондуктора Фукуда и 5 человек нижних чинов и ранило: командира судна капитана 1 ранга Идзичи, флаг-офицеров капитан-лейтенантов: Уэда и Огура, мичмана Накадзава, гардемаринов Хасегава, Касима и 10 нижних чинов. Прочими снарядами были убиты мичманы Синагава, Хата, гардемарин Савамото и 13 нижних чинов, ранены старший минный офицер, капитан-лейтенант Оямада, старший кондуктор Сакай, гардемарин Такацучи, 49 нижних чинов и три человека вольнонаемных.

¹ Третий корабль строя был броненосец «Победа».

«Асахи» получил снаряд в левый борт под ватерлинией около кормы; осколками других снарядов был убит старший артиллерийский офицер капитан-лейтенант Вада.

В «Кассуга» попало три снаряда; было ранено 11 человек команды и вольнонаемных чинов.

На «Ниссин» попал один снаряд, были убиты флагманские механик 3-й эскадры Сайто, капитан-лейтенант Мацумото, лейтенант Иокояма, адъютант капитан-лейтенант Такахаси, шкипер Кувобора и шесть человек нижних чинов; в этом числе от 9 трупов не осталось и следа; кроме того, были ранены 2 нижних чина.

В «Сикисима» попал один снаряд, но убитых и раненых не было. На «Фудзи» повреждений не было совершенно.

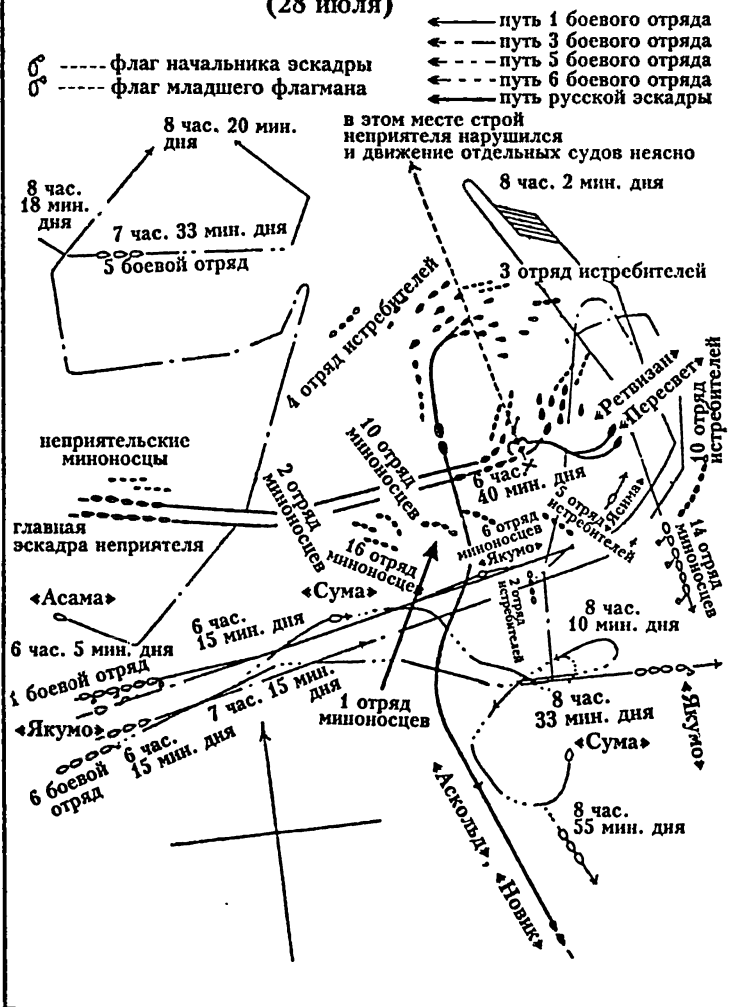
3-й боевой отряд во время первого боя не нагнал неприятельских крейсеров и своей цели не достиг, а потому с началом второго боя флагманское судно этого отряда «Якумо» встало следом за «Ниссин»; «Кассаги», «Читосе», «Такасаго» находились справа от него и двигались отдельно. «Якумо» с 6 часов вечера сосредоточил свой огонь на концевом неприятельском корабле «Полтава», и когда произошло у неприятеля замешательство, то сосредоточил стрельбу на одном из его судов с самой близкой дистанции. «Кассаги» и прочие два крейсера также усердно стреляли по неприятелю.

Когда большая часть неприятеля направилась на W, то подошедший в это время от островов Эллиот «Асама» заметил это и пошел с намерением отрезать путь отступления.

Адмирал Дева, увидев, что прорвавшиеся на юг «Аскольд», «Новик» и несколько миноносцев теснят «Асама» с мипными судами и, кроме того, стреляют в отделившийся на SW и бывший одиноким крейсер 6-го боевого отряда «Сума», соединив в отряд «Якумо», «Кассаги», «Читосе», «Такасаго», поспешил на выручку к своим судам. 6-й боевой отряд также подошел на помощь, и «Сума» присоединился к своему отряду; «Асама» и миноносцы отделались благополучно. В это время солнце совершенно зашло, поэтому 3-й отряд прекратил огонь и пошел прямо на Ost.

5-й боевой отряд до и после 1-го боя шел слева от неприятельского флота, поддерживая с ним связь, а около 5 часов 37 минут, то есть в начале второго боя, пошел по способности.

Схема 2-го боя в Желтом море 10 августа 37 г. Мейдзи (1904) (28 июля)

В 7 часов 10 минут ему понемногу удалось сблизиться с неприятелем, и в это время большая часть неприятеля повернула на W. Заметив, что «Асама», став на пути отступления, открыл по неприятелю огонь, головной крейсер отряда «Хасидате» также открыл огонь правым бортом, его примеру последовали, нагоняя понемногу неприятеля, «Мацусима» и «Чин-Иен».

К 7 часам 16 минут, когда 1-й боевой отряд описывал дугу, тесня головной неприятельский корабль, адмирал Ямада, опасаясь мешать движениям адмирала Того, изменил курс влево и, перенося огонь на левый борт, еще продолжал бой, однако, вследствие увеличения расстояния до неприятеля, в 7 часов 54 минуты прекратил стрельбу.

Повреждения этого отряда были незначительны. Только в «Чин-Иен» попало два снаряда и ранило шесть нижних чинов и вольнонаемных.

Судно этого отряда «Асама», по приказанию адмирала Того, держалось отдельно и до первой встречи имело назначение идти во главе минных судов 5-го боевого отряда. Пройдя остров Ping-tu-tau, «Асама» повернул на SW и, соединившись с ними, передал им приказание командующего флотом, а затем, желая соединиться с 1-м боевым отрядом, приблизился к неприятелю. Попав под огонь неприятеля и видя, что соединение с 1-м боевым отрядом представляется затруднительным, обстреливая концевой корабль неприятеля, отошел от него. Только в 8 часов 40 минут вечера «Асама» соединился с 1-м боевым отрядом.

6-й боевой отряд с начала первого боя увеличил ход и пошел вслед за 1-м боевым отрядом; ввиду неисправности машин у «Сума», который не мог поддерживать большой ход, контр-адмирал Того приказал ему присоединиться к бывшему в 10 милях на севере 5-му отряду, а сам с «Акаси», «Идзуми», «Акицусу» нагнал полным ходом 1-й боевой отряд. Около 6 часов 16 минут вечера, когда неприятель склонился к югу и уже начинался второй бой и когда флагманский броненосец «Цесаревич», нарушив строй, вдруг повернул налево, 6-й отряд, вместе с прочими отрядами окружая неприятеля, следовал за 1-м боевым отрядом. В это время, чтобы соединиться с 5-м боевым отрядом, «Сума» шел один на NO; когда же большая часть неприятеля повернула к Порт-Артуру, то «Сума» оказался отрезан-

ным от 5-го боевого отряда, который повернул влево, и таким образом расстояние между крейсером «Сума» и 5-м боевым отрядом все более и более увеличивалось. Видя, что подойти к нему никак не удастся, «Сума» снова пошел на соединение с 6-м боевым отрядом.

Тем временем «Аскольд», выйдя из строя, направился прямо на оставшийся одиноким «Сума»; спустя немного к неприятельскому крейсеру присоединился «Новик», и «Сума» вел жестокий бой с этими 2 судами до тех пор, пока 6-й боевой отряд, открыв огонь, не бросился между ним и «Аскольдом». Неприятель, однако, избегал боя и уходил большим ходом. Ввиду того что расстояние постепенно увеличивалось между противниками, а солнце уже зашло, контр-адмирал Того в 7 часов 40 минут прекратил огонь и немедленно отослал «Сума» к островам Эллиот, а с прочими 8 судами, преследуя неприятеля, пошел на SSO.

В. Атака истребителей и миноносцев

а) отряды истребителей

Хотя во время второго боя наши суда окружили неприятеля и результат сражения окончательно склонялся в нашу пользу, но так как солнце уже зашло, то пришлось прекратить бой, в силу чего адмирал Того выслал минные отряды разыскивать в темноте главные силы неприятеля, отступившие к Порт-Артуру, и в случае удачи атаковать их.

Утром 28 июля (10 августа) отряды истребителей, наблюдая за неприятелем, были расположены так: 1-й отряд («Асасиво», «Касуми», «Сиракумо») находился вблизи рейда Порт-Артура, 2-й отряд («Икадзучи», «Инадзума», «Оборо», «Акебоно») к югу от рейда, 3-й отряд («Усугомо», «Синономе», «Сазанами») на SW от Ляотешаня.

Видя, что неприятель медленно выходит из гавани, каждый отряд отправился с донесением к находящимся поблизости их боевым отрядам.

После этого 1-й отряд поместился впереди неприятеля, а 2-й слева от него, 3-й отряд истребителей, продолжая наблюдать за

неприятелем, пошел вслед за 3-м боевым отрядом, 4-й отряд истребителей («Хаядори», «Харусаме», «Асагири», «Мурасаме») и 5-й отряд («Кагеро», «Югири», «Сирануи», «Муракумо»), находившиеся в Дальнем, получив приказание, немедленно вышли в море и один за другим присоединились к 3-му боевому отряду.

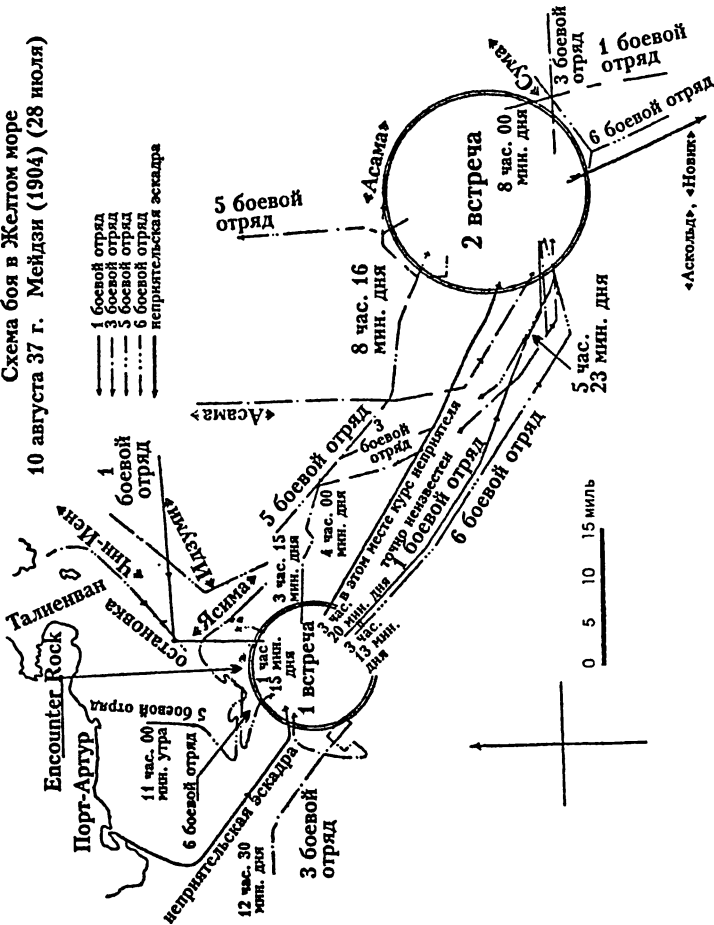
С началом боя 1-й и 3-й отряды истребителей вместе с 14-м отрядом миноносцев держались на стороне недействующего борта 1-го боевого отряда, а 2-й отряд истребителей спешно шел к ним на соединение.

Когда в 8 часов вечера было получено приказание начать атаку, 1-й отряд истребителей, обогнав с правой стороны идущего к Порт-Артуру неприятеля, пошел ему навстречу; каждый миноносец производил атаку в отдельности. «Асасиво» в 9 часов 40 минут, увидев трехтрубное судно, выпустил по нему мину. «Касуми», разглядев справа от него на встречном курсе три судна, атаковал среднее из них, повернул и, снова нагнав неприятеля, вторично атаковал одного из них. Соединившись затем с «Асасиво» и продолжая искать неприятеля, он заметил одно судно, идущее на W, и хотя погнался за ним, но потерял его из виду; однако, зная, что неприятель должен идти на NW, пошел по этому направлению и к рассвету 11-го числа подошел к острову Кэп. Здесь им был найден потерявший способность управляться миноносец № 38 (2-го отряда); «Касуми» хотел взять его на буксир, но, видя, что к острову подходили миноносцы того же отряда, оставил свое намерение и, встретив вскоре «Асасиво», совместно с ним пошел в Дальний.

«Сиракумо» в 9 часов 45 минут вечера, открыв судно типа «Победа», атаковал его, затем, произведя атаку еще на одно судно, удалился на NO и, подойдя с рассветом к гавани, увидел возвращающихся — пароход «Монголия» и «Ретвизан»; но так как наступил рассвет, истребитель не мог выполнить своего намерения атаковать их.

Шедший еще ранее на соединение с 1-м боевым отрядом 2-й отряд истребителей, будучи задержан волной, и к заходу солнца еще не достиг своей цели; узнав об отступлении неприятеля к Порт-Артуру, он с 10 часов 30 минут начал поиски вражеских судов. Спустя час увидел в темноте впереди три неприятельских судна. «Икадзучи», идя встречным к неприятелю кур-

Схема боя в Желтом море
10 августа 37 г. Мейдзи (1904) (28 июля)

сом, в 11 часов 42 минуты выпустил мину, после чего тотчас же пошел на N. «Инадзума» атаковал второе судно, «Оборо» произвел атаку на третье судно.

На рассвете 11-го числа все три миноносца встретились и пошли вместе на разведку к рейду Порт-Артура, где заметили идущих небольшим ходом на W «Победу» и еще несколько судов.

3-му отряду истребителей около 10 часов вечера удалось открыть одно из судов, которое они хотели атаковать, но так как в это время они встретились на контркурсах с идущим большим ходом одним из отрядов миноносцев, то, избегая столкновения, изменили курс, вследствие чего потеряли неприятеля из виду и направились к Порт-Артуру. В 4 часа утра, увидев от себя в нескольких милях на Ost вспышки от орудийных выстрелов, 3-й отряд пошел на них и открыл силуэты трех судов. Полагая, что наши суда и миноносцы уже ведут с ними бой, отряд сделал опознавательные сигналы, но ответа не получил. Приблизившись, отряд разглядел, что это были «Ретвизан», «Победа», «Пересвет» в сопровождении одного миноносца. Отряд немедленно пытался их атаковать, однако неприятель, положив руля, открыл беглую стрельбу из орудий; несмотря на это, каждый миноносец выпустил по мине, после чего 3-й отряд пошел в Талиенван.

Узнав на пути, что «Асагири» нуждается в помощи, отряд, конвоируя его, вошел в Дальний.

Когда 4-й отряд истребителей увидел, что неприятель пошел прямо на W, он направился к нему, но, будучи немедленно встречен огнем из орудий, отошел. В это время на «Мурасаме» случилось повреждение эжекционной помпы холодильника и он вышел из строя; три других миноносца, идя с правого фланга неприятеля, около 8 часов 20 минут вечера снова решились произвести атаку, но, вновь будучи открыты неприятелем и обстреляны, оставили его, затем, пользуясь случаем, снова подошли к неприятелю, но опять безрезультатно. Около 8 часов 55 минут отряд устремился в 3-ю атаку, но вдруг по носу и уже с левого борта увидел два неприятельских судна, а справа по носу одно; несмотря на сильный огонь, «Хаядори» выпустил мину в находящийся слева задний из кораблей, а затем, атако-

вав судно с правого борта, удалился на SW. Разыскивая суда своего отряда и не найдя их, «Хаядори» пошел к Порт-Артуру; около 3 часов 30 минут ночи он услышал стрельбу на S, но к неприятелю не подходил и ушел к Ping-tu-tau.

«Мурасаме», произведя атаку на головной неприятельский корабль, шел до этого вместе с «Хаядори» и «Асагири», но под огнем неприятеля с ними разошелся. Около 2 часов 20 минут он повстречался с миноносцем № 63 (20-го отряда) и совместно с ним разыскивал неприятеля до рассвета, после чего также направился к Ping-tu-tau.

«Асагири» под огнем атаковал одно из неприятельских судов, причем один снаряд с атакованного судна попал в кожух его 3-го котла с правого борта, разбил предохранительный клапан, вследствие чего из-за быстрой потери пара он временно отошел. В 9 часов 48 минут «Асагири», встретясь с неприятельскими миноносцами, вступил с ними в перестрелку, а далее, открыв дым на SO от острова Round, пошел на него, однако при сближении и он внезапно был обстрелян, причем один снаряд, пронизав угольную яму с левого борта миноносца, вошел в котельное отделение правого борта, разорвался и убил старшего машинного кондуктора Иосада и 8 человек команды. Истребитель, совершенно потеряв способность двигаться, все-таки продолжал бой; потом, произведя спешную починку повреждений, малым ходом пошел к острову Round, где увидел 3-й отряд истребителей, при помощи которого около 5 часов утра вошел в Дальний.

«Мурасаме», на котором ранее случилось повреждение эжекционной помпы, произведя необходимые исправления, пошел нагонять своих товарищей, но, вследствие темноты не найдя их, отправился на предполагаемый курс неприятеля. В 10 часов 15 минут, услышав стрельбу по носу с левого борта, устремился туда и в 12 часов 30 минут ночи открыл три неприятельских судна, следующих к Порт-Артуру. Обогнав полным ходом неприятеля, он атаковал идущий головным «Ретвизан», затем, догоняя, попытался еще раз атаковать его же, но неприятель ловко повернул, и потому подойти к нему вторично не удалось. Вследствие поломки вентиляторной машинки переднего котла, он принужден был отказаться от преследования;

однако, будучи на S от острова Кэп и атакованный неприятельским миноносцем, «Мурасаме» все же немедленно отвечал ему огнем. Неприятельский миноносец спустя несколько минут ушел к Порт-Артуру, а «Мурасаме», перейдя к NW от острова Кэп, остался держаться там, поджидая неприятеля.

5-й отряд истребителей около 7 часов 50 минут вечера встретил прорывающихся «Аскольда», «Новика» и 4–5 миноносцев; избегая встречи с ними, он потерял из виду и главные силы неприятеля. Однако будучи уверенным, что неприятель пойдет на SW, производил поиски в этом направлении и в 10 часов 55 минут вечера заметил три неприятельских судна и один миноносец. Каждый миноносец отряда произвел выстрел миною; «Кагеро» под огнем первым попытался атаковать двухмачтовое двухтрубное, идущее последним неприятельское судно, после чего удалился, направляясь вместе с «Югири» и «Сирануи» на назначенный сборный пункт. По дороге «Кагеро» снова встретил неприятеля и был им обстрелян, причем потерял из виду два других миноносца своего отряда. Было уже близко к рассвету и случая для атаки не представлялось, поэтому истребитель пошел к острову Сар, где на другое утро встретил три миноносца своего отряда и занял блокадный пост.

«Югири» также под огнем атаковал двухмачтовое трехтрубное судно, после чего соединился с судами своего отряда; разыскивая вместе с ними неприятеля, около 4 часов 13 минут утра открыл на SO от острова Ecounter Rock три неприятельских судна; под огнем он атаковал судно типа «Севастополь».

«Сирануи» сначала атаковал двухмачтовое двухтрубное судно, потом вместе с «Югири» при встрече неприятеля атаковал «Ретвизан» а после присоединился к «Кагеро».

«Муракумо», заметив судно типа «Паллада» и один миноносец, как только неприятель открыл по нему огонь, выпустил мину и, ведя перестрелку с неприятельским миноносцем, вышел из района падения снарядов. Около 1 часа ночи он встретил «Югири» и «Сирануи», но вскоре вновь потерял их. В 3 часа 30 минут, увидев двухмачтовое трехтрубное судно в сопровождении миноносца, атаковал их; рано утром увидел один миноносец, но, избежав встречи с ним, соединился с «Кагеро».

б) отряды миноносцев

Утром 28 июля (10 августа) 1-й отряд миноносцев (№ 69, 68, 70 и 67) находился у Lao-lu-tsui, а 16-й отряд («Сиротака», № 39, 71, 66) у рейда Порт-Артур наблюдал за неприятелем. 2-й отряд (№ 38, 37, 46, 45) и 21-й отряд (№ 47, 49, 44) были у Ping-tu-tau, а 6-й (№ 56, 59, 57 и 51), 10-й (№ 43, 42, 40, 41), 14-й («Чидори», «Касагаги», «Хаябуса», «Монадзуру») и 20-й (№ 62, 64, 63, 65) отряды хотя стояли в Дальнем, но с выходом неприятельского флота уже следовали за своей эскадрой, поджидая захода солнца, чтобы атаковать неприятеля.

1-й отряд, несмотря на недостаток в угле и воде, при приближении времени, удобного для атаки, начал нагонять неприятеля. Около 9 часов 15 минут вечера, повстречавшись с 4 неприятельскими миноносцами и избегая с ними боя, отряд разделился на два отделения. Миноносцы № 69 и № 68, хотя и искали всюду неприятеля, но не нашли и за недостатком угля и воды пошли на рейд Эллиот. Действия № 70 также не увенчались результатами? и только один № 67 в 9 часов 40 минут, заметив судно типа «Полтава», направлявшееся на SO, подошел к нему и, атаковав его под огнем, благополучно достиг островов Эллиот.

Из числа миноносцев 2-го отряда № 46, столкнувшись днем с № 37, повредил себе нос и ушел в Дальний, прочие же три миноносца после захода солнца пошли на NW и в одиннадцатом часу, разделившись, отыскивали неприятеля. Между прочим, в это время № 38 пытался атаковать двухмачтовый двухтрубный неприятельский броненосец, после чего все еще продолжал гнаться за ним следом. В 12 часов 20 минут в носовую часть миноносца с левого борта попала мина и нанесла большие повреждения; кроме того, при взрыве ее был убит один нижний чин и ранены мичман Иомори и 8 человек команды; однако миноносец избежал потопления и, встретив миноносцев № 39, передал на него раненых. Спустя немного времени он снова натолкнулся на неприятеля, был им обстрелян, избежал, однако, опасности и, встретив миноносцев своего отряда № 37, был взят им на буксир и отведен в Дальний. № 45, открыв двухтрубное неприятельское судно, выпустил в него мину и ушел к

Ping-tu-tau. № 37, будучи задержан встречей с неприятельскими миноносцами, не произвел атаки, а после перестрелки с ними оказывал помощь № 38.

Миноносцы 6-го отряда после захода солнца, нагоняя неприятеля, потеряли друг друга из виду и производили поиски в одиночку. Миноносец № 56 заметил, что судно типа «Диана» в сопровождении одного миноносца идет на юг. Произведя на них две атаки, в 9 часов 20 минут вечера № 56 пошел к Ping-tu-tau. Миноносец № 58 в 3 часа 30 минут ночи в 15 милях к югу от Порт-Артура, заметив три неприятельских судна, немедленно атаковал среднее из них типа «Полтава», вслед затем, вновь встретив судно типа «Диана» в сопровождении двух миноносцев, под огнем из орудий атаковал неприятельский крейсер, после чего пошел к Ping-tu-tau. № 59 и № 57 (последний миноносец опоздал выходом из Дальнего и действовал самостоятельно), не найдя неприятеля, вернулись в Ping-tu-tau.

10-й отряд после захода солнца в погоне за неприятелем шел на NWtW; в полночь близ Encounter Rock он открыл суда типа «Цесаревич», «Ретвизан» и три миноносца. Миноносец № 43 атаковал «Ретвизан», отошел и, снова выйдя на пересечку курса неприятеля, под жестоким огнем атаковал судно типа «Цесаревич»; № 42 подобным же образом атаковал «Ретвизан», а потом повернул на S; № 40, произведя атаку на «Цесаревич», при повороте получил повреждение в рулевой машине и, не будучи в состоянии действовать рулем, ушел из района падения снарядов. Затем № 40 снова направился к Порт-Артуру, но не нашел неприятеля. № 41 также произвел атаку на судно типа «Цесаревич», а затем еще на какое-то судно, после чего направился на сборный пункт.

14-й отряд, намереваясь сразу идти в атаку и встретившись с оставшимся для починки котлов в Дальнем «Монадзуру», отправился совместно с последним на поиски неприятеля. К югу от острова Round наши суда увидели судно типа «Диана». «Чидори» и «Касагаи», атаковав неприятеля, пошли к Порт-Артуру.

«Хаябуса», не имея удобного случая для атаки, в 11 часов отделился от своих товарищей и, заметив «Цесаревич», атаковал его; «Монадзуру» также, действуя в одиночку, около 8 ча-

сов 50 минут вечера атаковал судно типа «Диана», около 11 часов вечера напал на «Цесаревич» и затем, соединившись с прочими миноносцами, стал нести блокадную службу.

16-й отряд, рассчитав местонахождение неприятеля, после захода солнца пошел на пересечку его курса; «Сиротака» в 10 часов 04 минуты, открыв на носу, с левого борта, идущий встречным курсом «Ретвизан», выпустил в него мину. № 89 произвел одну атаку, а № 71, увидев неприятельское судно малых размеров, не атаковал его. № 66 потерял неприятеля, почему не мог произвести атаки. «Сиротака» после атаки, потеряв суда своего отряда, хотя и продолжал искать неприятеля, но безуспешно, после чего в 3 часа ночи пошел к острову Round; № 39 и № 71, встретив стоящий без движения ввиду полученных повреждений миноносец № 38, сняли с него раненых. Покинув его, эти миноносцы попали под обстрел неприятельских судов; обогнав неприятеля, они сначала сблизились с ним в надежде на удобный случай для атаки, но так как уже светало, то им пришлось уйти к острову Round.

№ 66 в 2 часа 05 минут, увидев двухмачтовое двухтрубное судно, пытался его атаковать, но, не будучи в состоянии догнать неприятеля, также пошел к упомянутому выше острову и соединился со своим отрядом.

Миноносцы 20-го отряда с 8 часов 30 минут, разделившись, пошли в атаку. № 62 в 8 часов 57 минут, открыв идущих на S судно типа «Диана» и один миноносец, пытался встать на пути неприятеля, но неприятельский крейсер, быстро повернув вправо, пошел зигзагами. Хотя миноносец и пробовал атаковать неприятеля на встречном курсе, но вследствие большого волнения и превосходящего хода неприятеля это намерение не удалось выполнить. Тогда, идя некоторое время одним курсом с неприятелем, № 62 выпустил в него мину, после чего, встретясь с миноносцем № 64, послал его в погоню за неприятелем, а сам, поискав еще некоторое время неприятельский миноносец, пошел к Ping-tu-tau. Миноносец № 64, узнав от № 62 о курсе неприятеля, пошел на NW и, заметив в 9 часов 35 минут судно типа «Цесаревич», идущее на S, произвел на него атаку и на следующее утро достиг Ping-tu-tau. № 63 около 9 часов вечера заметил с левого траверза дым и, приблизившись к нему, раз-

личил двухмачтовое двухтрубное судно и один миноносец, но не знал, неприятель это или нет. В это время суда изменили курс, вследствие чего он их потерял; несмотря на поиски, неприятель найден не был, и № 63 изменил курс. В 1 час 30 минут ночи он встретил два неприятельских миноносца и, будучи обстрелян ими, избегая боя, пошел на N. Встретившись с «Харусаме», совместно продолжал искать неприятеля, а с приближением рассвета вернулся к Ping-tu-tau. № 65 в 10 часов вечера увидел на левом траверзе судно типа «Цесаревич» и атаковал его под огнем из орудий и ружей; продолжая поиски, в 3 часа ночи снова атаковал встреченное судно типа «Севастополь» и пошел к Ping-tu-tau.

21-й отряд с 8 часов вечера принялся за поиски неприятеля; спустя некоторое время неприятель показался слева с кормы, и каждый миноносец отряда произвел атаку. № 47 напал на одномачтовое трехтрубное судно, повернул и продолжал поиски неприятеля, но более никого не встретил и на следующее утро, пройдя близ острова Round, пошел к Odin-cove. № 44, увидев в полночь вспышки выстрелов на N, пошел на них и, встретив неприятельское судно, идущее на S, немедленно выпустил в него мину; в 1 час 10 минут этот же миноносец снова атаковал судно типа «Победа», после чего направился к Odin-cove. № 49 всю ночь искал неприятеля, но безуспешно и утром 11-го числа, придя в Odin-cove, встретился с судами своего отряда.

Г. Действия во время боя русской эскадры

Временно командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт хотя и вышел со всею эскадрой 10 (23) июня, но, увидя наше превосходство в силах, вернулся в гавань. Однако немного спустя наша 3-я армия все ближе и ближе подвигалась к Порт-Артуру с тыла, и, таким образом, русская эскадра очутилась между двух огней. Сверх того, по-видимому, адмиралом Витгефтом было получено приказание следовать во Владивосток, почему он и решил прорвать блокаду и идти в этот порт.

27 июля (9 августа) были окончены приготовления к выходу из гавани, а на другой день все суда, кроме наткнувшегося

ранее на мину «Баяна», провожаемые восторженными криками, один за другим вышли из гавани.

Выходя, адмирал Витгефт поднял сигнал: «Всем судам идти во Владивосток»¹. Имея впереди тралящий караван, эскадра шла в следующем порядке: «Цесаревич» (флаг адмирала Витгефта), «Ретвизан», «Победа», «Пересвет» (флаг адмирала Ухтомского), «Севастополь», «Полтава», крейсер «Аскольд» (флаг адмирала Рейценштейна), «Паллада», «Диана» — все в строе кильватера, крейсер «Новик» шел впереди восьми миноносцев, справа от флагманского корабля «Цесаревич»; госпитальное судно «Монголия» с поднятым флагом Красного Креста шло сзади; для охраны тралящего каравана шли две лодки и один миноносец.

В 10 часов 15 минут (по русскому времени), когда все суда вышли из района мин заграждения, тралящий караван был отослан обратно в гавань.

Имея Ляотешань на севере, суда взяли курс на SO. Около этого времени на эскадре заметили, что справа и слева, поддерживая между собою связь, появились наши отряды крейсеров и что наши главные силы идут на пересечку курса. В полдень эскадра, идя 13-узловым ходом, вышла в открытое море. Когда наша главная эскадра, чтобы завлечь противника подальше в море, перестроилась в строй фронта, а затем в строй кильватера в обратном порядке номеров и двигалась на ONO, русская эскадра уклонилась вправо и, идя с нами контркурсом, открыла огонь.

После нашего поворота вправо на 16 румбов неприятель также уклонился вправо, и оба флота продолжали идти контркурсом. Русская эскадра шла на мыс Шантун, почему и наш флот, своевременно повернув, пошел за ней в погоню тем же курсом и прекратил огонь.

В этом бою в «Аскольд», в переднюю дымовую трубу попал снаряд, которым также был разбит один котел. «Паллада» и другие суда также имели некоторые повреждения. Русские крейсера заняли место с левой стороны от броненосцев и с мино-

¹ Сигнал был следующий: «Флот извещается, что Государь Император приказал идти во Владивосток».

носцами образовали три кильватерных колонны. С прекращением стрельбы адмирал Витгефт приказал дать командам отдых и обед. С приближением нашей эскадры, когда расстояние достигло 8000 метров, русские снова открыли огонь, и, когда бой был в самом разгаре, командующий эскадрой приказал крейсерам идти на юг¹. Наша эскадра, все более и более сближаясь с неприятелем, сосредоточивала огонь на флагманском судне «Цесаревич». Попадания больших снарядов были очень часты, одних только 12-дюймовых снарядов насчитывалось до 15 попаданий; около 6 часов 40 минут вечера один из этих снарядов, попавший в основание фок-мачты, разрушил большую часть ее. При этом был убит адмирал Витгефт и убиты или ранены все чины штаба; был также ранен и командир. Ввиду повреждения румпеля руль переложился на борт и судно, поворачивая, вышло из строя.

Ввиду этого принял командование следующий по старшинству контр-адмирал Ухтомский. Этот адмирал оставил намерение прорываться на юг и решил вернуться в Порт-Артур, вследствие чего им был поднят сигнал: «следовать за мной».

Однако все суда были как бы в недоумении, им не хватало общего руководителя, они не знали, что делать.

«Ретвизан», выйдя из строя, бросился к нашей эскадре, а затем повернул влево и, обойдя кругом «Цесаревич», повернул к Порт-Артуру. 8-й корабль, «Победа», последовал за ним, 4-й корабль, «Пересвет», и следующие за ним два броненосца, повернув вправо, пошли к Порт-Артуру. «Цесаревич» поневоле остался один на месте боя. При этом бывший на «Аскольде» младший флагман контр-адмирал Рейценштейн, увидя, что находящиеся под его командой крейсера находятся в опасности и могут быть окружены неприятелем, бросился в сторону наименьшего сопротивления.

Подняв сигнал: «следовать за мной», он на «Аскольде» бросился вперед, «Новик» следовал за ним, «Паллада» и «Диана» шли несколько позади. Взяв курс на юг и выйдя из опасного пространства, «Аскольд», вследствие преследования наших

¹ Крейсера пошли прорываться по сигналу начальника отряда крейсеров: «Следовать за мной».

крейсеров, увеличил ход до 20 узлов. Ввиду того что солнце уже зашло, «Аскольд» вскоре потерял суда своего отряда и пошел дальше один. Несколько миноносцев также прорвались на юг. Из них один «Буйный»¹ разбился на камнях близ мыса Шантун, его экипаж был спасен английскими властями в Вейхайвэй².

Статья 2. Поиски неприятеля после боя

А. 1-й и 3-й боевые отряды

28 июля (10 августа), прекратив в сумерках бой, 1, 3 и 6-й боевые отряды, чтобы воспрепятствовать бегству неприятеля, разделились и пошли на юг в Желтое море. Однако адмирал Того, дабы действовать в поисках неприятеля совместно с охраняющей Корейский пролив 2-й эскадрой, в 10 часов 30 минут вечера послал телеграфное приказание этой эскадре идти к острову Ross³.

В 2 часа ночи пришло донесение, что «Аскольд» и «Новик» прорвались на юг и что «Сума», хотя и преследовал их, не уступаая в скорости, не мог догнать и повернул обратно.

Адмирал Того, не встретив ночью неприятеля, с рассветом повернул с 1-м боевым отрядом обратно, 3-му боевому отряду приказал идти на NO, ведя поиски неприятеля в восточной части моря, а 6-му боевому отряду — в западной части. Немного спустя, получив от 6-го боевого отряда донесения, что «Аскольд» уходит на SSO и мы его преследуем, адмирал Того приказал этому отряду продолжать погоню. Около 6 часов 30 минут утра 1-м боевым отрядом был обнаружен впереди один неприятельский миноносец; адмирал Того послал крейсер «Касуга» нагнать его, а адмиралу Дева было приказано отделить к 1-му боевому отряду «Такасаго» и «Читосе», но, получив от него

¹ Миноносец «Бурный».

² Экипаж миноносца, приняв меры к уничтожению его, сам дошел до Вейхайвэй.

³ Остров Ross, находясь в SW части Корейского архипелага, лежит на широте 34° 5' N и долготе 125° 7' O. Высота его 1905 футов; остров покрыт густым лесом, берега большей частью крутые и обрывистые.

ответ, что отряд преследует два неприятельских миноносца, адмирал Того велел прислать только одного «Такасаго». Еще до прихода последнего к отряду подошел «Асама». Этот крейсер после вчерашнего боя хотел зайти вперед к югу от Шантуна и пошел на SO. На рассвете 11-го числа, заметив 1-й боевой отряд, пошел к нему на соединение.

Адмирал Того приказал ему занять место впереди, справа от боевого отряда, а по приходе «Такасаго», выдвинув того на Ost от «Асама», приказал обоим судам вести разведку. Сопоставив все полученные утром донесения и удостоверившись, что главная часть неприятеля вернулась в Порт-Артур, адмирал Того приказал находившемуся в Дальнем отряде адмирала Хосоя строго наблюдать в эту ночь за Порт-Артуром, а 2-й эскадре приказал вернуться в Корейский пролив.

1-й боевой отряд в 11 часов утра, подойдя к Kwan-lo-tao, временно стал на якорь; сюда же вернулся, произведя разведку у Шантуна, и «Кассуга», преследовавший неприятельский миноносец, но из-за меньшей скорости не догнавший его.

3-й боевой отряд в 8 часов 32 минуты вечера 28 июля (10 августа), прекратив бой, сначала шел на Ost, затем в 11 часов лег на SSO, а в 6 часов 25 минут утра повернул к N. Спустя немного времени была получена телеграмма от 6-го боевого отряда с приказанием преследовать «Аскольд», почему адмирал Дева вторично пошел на юг в погоню за ним. Однако увидав, что последнего догнать невозможно, повернул на север, идя в целях разведки в строе удлиненного фронта. Вскоре вдалеке на NO был замечен дым и выяснилось, что это шли два неприятельских миноносца. Адмирал Дева послал за ними в погоню «Якумо». В то же время, получив от командующего флотом приказание прислать «Такасаго» и «Читосе», а затем согласно измененному приказанию послать только «Такасаго», велел «Якумо» и «Кассаги» идти на NNW, «Читосе» же одному приказал во что бы то ни стало нагнать неприятеля. Вместе с тем, имея в виду, что вблизи, спереди и сзади шло несколько наших военных транспортов с войсками, адмирал Дева послал им предупреждение об опасности; идя далее на NW, отряд по носу встретил крейсер «Асама», который, присоединившись с утра к 1-му боевому отряду, производил поиски неприятеля и теперь, окон-

чив свое поручение, шел к своему отряду; поставив его за «Кассаги», адмирал Дева направился к Encounter Rock. В 12 часов 07 минут ночи 12 августа адмирал Дева приказал двум судам занять посты по службе блокады, а «Якумо» послал на рейд Эллиот, чтобы передать раненых на госпитальное судно.

Бывший в погоне за двумя неприятельскими миноносцами, «Читосе» не был в состоянии их догнать и вскоре потерял их из виду, однако, видя их дымы, все же дошел до группы островов Tsia-tung¹.

Отсюда крейсер сделал попытку продвинуться еще севернее, но, дойдя до мелководных мест и принимая во внимание наступление отлива, не рискнул идти далее и, ничего, таким образом, не сделав, повернул на W. Так как в холодильнике крейсера появилась течь и движение по фарватеру стало затруднительным, то «Читосе» прекратил погоню и пошел к Ping-tu-tau. Подойдя на рассвете 12 августа к острову Round, крейсер получил приказание адмирала Того вновь идти на поиски неприятельских миноносцев и в 8 часов утра снова пошел по назначению. Осмотрев вторично всю местность и ничего не найдя, крейсер вернулся к островам Эллиот.

Б. 6-й и 2-й боевые отряды

6-й боевой отряд в 11 часов вечера 28 июля (10 августа) пошел на StO и, спускаясь на юг, гнался за неприятелем. На другое утро с рассветом слева по носу был замечен «Аскольд»; выделив из строя имевшего неисправность в машине «Акицусу», контр-адмирал Того с «Акаси» и «Идзуми» направился к «Аскольду». Последний дал 17–18 узлов ходу, расстояние до него понемногу увеличивалось, и преследовать его становилось бесполезным; однако согласно приказанию командующего Соединенным флотом преследовать «Аскольд» крейсера все еще старались его догнать, но в 10 часов 25 минут утра совершенно потеряли из виду. Чтобы дать знать об этом 2-й эскадре, пошли

¹ Архипелаг Tsia-tung — в северо-восточной части Корен, широта 37° 40' N и долгота 125° 42' O. Между двумя большими островами лежат многочисленные островки, камни и скалы. Северный остров называется То-yon-pion, а южный Sho-yon-pion.

к северной оконечности острова Мокусанто соединились с «Акицусу» и послали срочное извещение в главную квартиру и 2-й эскадре, что неприятельское судно пошло на юг. В 10 часов 05 минут вечера 29 июля (11 августа) впервые удалось снестись со 2-й эскадрой, а 30 июля (12 августа) в 9 часов 30 минут утра и встретиться с нею. Тогда же контр-адмирал Того донес адмиралу Камимура о ходе боя и нахождении неприятеля. Расставшись со 2-й эскадрой, контр-адмирал Того пошел на NtW, удлинив с целью разведки фронт, 31 июля (13 августа) в 4 часа дня 6-й боевой отряд возвратился к островам Эллиот.

Адмирал Камимура с 25 июля (7 августа) крейсировал к северу от острова Цусима; 27 июля (9 августа) было приказано судам принять уголь, но, получив около 5 часов дня предупреждение о выходе Порт-Артурской эскадры, приказал судам немедленно приготовиться к походу и, ведя строгое наблюдение за морем, ждать дальнейших известий.

Утром 29 июля (11 августа) от адмирала Того получилось известие о бое и приказание идти к острову Ross.

Оставив в Корейском проливе 4-й боевой отряд и миноносцы и приказав им иметь строгое наблюдение за проливом, адмирал Камимура сам в 10 часов 45 минут утра со 2-м боевым отрядом («Идзумо», «Адзума», «Ивате», «Токива») и авизо «Чихоя» направился к назначенному пункту.

В 7 часов 30 минут вечера «Ивате» и «Токива» были посланы пройти к югу от Кельпар¹, а «Идзумо», «Адзума» и «Читосе» прошли прямым путем по северному берегу этого острова.

Тем временем начали получаться депеши от 6-го боевого отряда. 30 июля (12 августа) в 9 часов 30 минут утра было получено приказание от адмирала Того вернуться в Корейский пролив и быть настороже. Затем, встретившись с 6-м боевым отрядом и узнав о ходе боя 28 июля (10 августа), с подходом «Ивате» и «Токива» 2-й боевой отряд расстался с 6-м боевым отрядом и пошел в обратный путь. 31 июля (13 августа) утром отряд подошел к острову Цусима.

¹ Остров Кельпар лежит на юг от W оконечности Корси. Одинокий, высокий остров; широта 33° 22' N и долгота 126° 35' O. Длина около 17 миль. Северный и восточный берега почти сплошь возделаны. Лежащие сзади горы достигают высоты 6558 футов, так называемая гора Капрасан. Остров покрыт густым сосновым и дубовым лесом.

В. 5-й боевой отряд и канонерские лодки

5-й боевой отряд прекратил с наступлением сумерек 28 июля (10 августа) стрельбу и, следуя на N, на другое утро с рассветом подошел к острову Round и увидел, что «Касуми» и миноносец № 37 ведут на буксире поврежденный миноносец № 38. Во время оказания ему помощи близ острова Encounter Rock были замечены возвращающиеся в Порт-Артур «Пересвет», «Победа» и «Полтава». Немедленно 5-й отряд пытался передать об этом прочим боевым отрядам, но ни от кого, кроме бывшего в Дальнем «Фусо», ответа не получил.

Тогда адмирал Ямада приказал «Мацусима» идти на юг и, по возможности снесясь сигналами, доложить командующему флотом о местонахождении неприятеля, а сам с «Хасидате» и «Чин-Иен», оставаясь между Encounter Rock и Ping-tu-tau, наблюдал за движениями неприятеля. После полудня по полученным сведениям было выяснено, что в гавань уже вернулись пять броненосцев, крейсер «Паллада», один миноносец и госпитальное судно, местонахождение же «Цесаревича» и прочих судов известно еще не было. В это время «Ицукусима», окончив исправление машины, пришел с островов Эллиот, после чего суда заняли свои сторожевые посты по службе блокады.

Начальник отряда канонерских лодок капитан 2-го ранга Хиросе Кацухико 28 июля (10 августа) во время выхода неприятеля из гавани направился к Lao-lui-chiu, чтобы его беспокоить. В сумерках отряд вернулся к Ping-tu-tau; ранним следующим утром, увидев вдалеке два неприятельских корабля и госпитальное судно, начальник отряда с «Чиокай», «Майя», «Акаги» и тремя вспомогательными лодками погнался за ними, но, так как неприятель уже подошел под Ляотешань, прекратил погоню; затем увидел на юге «Ретвизан», «Пересвет» и «Победу» и, сообщив о том 5-му боевому отряду, наблюдал за неприятелем, который вскоре скрылся в тумане, после чего отряд повернул к Ping-tu-tau; однако немного спустя, заметив появившиеся у Лунвантона неприятельские лодки, капитан 2 ранга Хиросе Кацухико отправил туда «Майя», «Акаги» и одну вспомогательную лодку, которые выпустили

несколько снарядов, но не сблизилась на расстояние видимости их падения; было только заметно, что снаряд с лодки «Акаги» попал в «Гиляк»¹.

Когда неприятель отступил, лодки прекратили огонь и встретились с «Чиокай» мористее Лунвантана; продолжая еще некоторое время наблюдать за неприятелем, лодки вскоре вернулись к Ping-tu-tau.

Капитан 2 ранга Хиросе передал минным отрядам приказание адмирала Того о сторожайшем наблюдении в эту ночь за неприятелем, разделил суда для сторожевой службы, используя для несения и вспомогательные канонерские лодки.

С получением в главной квартире известия о победе в сражении в Желтом море на имя командующего Соединенным флотом адмирала Того Хейхачиро 30 июля (12 августа) был пожалован следующий императорский рескрипт:

«Соединенный флот, ведя жестокий бой с главными силами неприятельского флота в море под Порт-Артуром, нанес ему большое поражение и причинил большие потери. Мы глубоко одобряем его доблесть».

Того же 12-го числа адмирал Того поднес нижеследующий ответный адрес:

«Мы не имеем слов выразить наши чувства по поводу нового дарования всемилостивейшего рескрипта относительно нашей победы над Порт-Артурской эскадрой неприятеля.

Хотя главные силы неприятеля снова укрылись в Порт-Артуре, но наступательные военные операции идут успешно, и мы с удвоенным рвением будем стремиться к окончательному достижению успешных результатов войны. О чем почтительно подношу».

13-го через обер-гофмаршала Кагава Кейзо был получен рескрипт от императрицы, а также рескрипт от наследника престола, на что адмирал Того ответил подобающими словами.

¹ В русских источниках такого сведения не имеется.

1. В донесении начальника штаба эскадры контр-адмирала Матусевича говорится:

Всепоподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: уже 28 июля, с рассветом, наша эскадра начала выходить в море и в 9 часов утра оставила Порт-Артур в составе 6 броненосцев, крейсеров «Аскольд», «Дина», «Паллада», «Новик» и 8 миноносцев. Японцы сосредоточили против нас следующие силы¹: 1-й отряд — броненосцы «Асахи», «Микаса», «Фудзи», «Ясима», «Сикисима», крейсера «Ниссин», «Кассуга»; 2-й отряд — крейсера «Акицусима», «Идзуми», «Матцусима», «Итцукусима», «Хасидате» и броненосец «Чин-Иен» и около 30 миноносцев. Наша эскадра маневрировала так, чтобы прорваться сквозь линию неприятельских судов². В это время японские миноносцы по пути эскадры бросали плавающие мины, чем очень затрудняли маневрирование. В час дня, после 40-минутного боя, эскадре удалось прорваться и взять курс к Шантуну. Неприятель всеми силами следовал и, медленно догоняя, в 5 часов опять завязал бой. Бой длился с равным успехом несколько часов³. Во время боя был убит начальник эскадры и ранен с потерей сознания командир броненосца «Цесаревич». Почти одновременно были повреждены машина и руль броненосца. «Цесаревич» на 40 минут остановился, вследствие чего и другие суда принуждены были маневрировать вокруг него. Командование эскадрой перешло к князю Ухтомскому, а броненосцем «Цесаревич» — к старшему офицеру. С наступлением темноты броненосец «Цесаревич», не будучи в состоянии следовать за эскадрой, теряя ее из виду, повернул на зюйд, чтобы попытаться идти во Владивосток самостоятельно. Ночью подвергся минным атакам, а с рассветом был у Шантуна. Командир принял командование в полночь. Осмотрев повреждения броненосца и определив степень их, командир решил, что до Владивостока броненосец дойти не может. Разрешил командиру идти в Киао-Чао для ремонта. Во время боя убиты: адмирал Витгефт, флагманский штурман лейтенант Азарьев, флаг-офицер мичман Эллис, штурман судна лейтенант Драгишевич⁴, ра-

¹ В подлинной телеграмме контр-адмирала Матусевича приводится в списке судов неприятельского флота, сосредоточенных против нас в бою 28 июля, всего 4 броненосца: «Асахи», «Микаса», «Фудзи», «Сикисима».

² Здесь пропущено по сравнению с подлинником начало фразы: «Имея предписание наместника идти во Владивосток, эскадра маневрировала».

³ В подлиннике: около часу.

⁴ В подлиннике: «и 20 нижних чинов».

нены: легко я, флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский, старший флаг-офицер лейтенант Кедров, флаг-офицер мичман Кушинников, командир броненосца капитан 1 ранга Иванов, старший офицер капитан 2 ранга Шумов, артиллерист лейтенант Ненюков, минный офицер лейтенант Пилкин, мичман Леонтьев. Число убитых и раненых нижних чинов еще не выяснено¹. В 9 часов вечера прибыл в Киао-Чао, застал там крейсер «Новик» и миноносец «Бесшумный».

Счастливы засвидетельствовать Вашему Императорскому Величеству о беззаветной храбрости как офицеров, так и нижних чинов во время тяжелых боев.

2. В донесении младшего флагмана контр-адмирала князя Ухтомского говорится²:

Доношу Вашему Императорскому Величеству, что 28 июля вся эскадра в составе: броненосцев — «Цесаревич», «Ретвизан», «Пересвет», «Победа», «Полтава», «Севастополь», крейсеров — «Аскольд», «Диана», «Паллада», «Новик» и 8 миноносцев вышла из Порт-Артура для прорыва во Владивосток. Пройдя благополучно через минное заграждение, в 20 милях встретили японскую эскадру³, с которой и вступили в бой на контргалсах. Бой продолжался полтора часа без особых повреждений с нашей стороны. В 5-м часу, придя на траверз нашей эскадры, на расстоянии 36 кабельтов, неприятель начал снова бой, продолжавшийся до 7 часов 30 минут. В конце боя «Цесаревич», имея, вероятно, повреждение в руле, вышел из строя, держа сигнал: «Адмирал передает начальство». Имея на броненосце «Пересвет» сбитыми стены и все средства для сигналопроизводства, как дневного, так и ночного, привязал к поручням мостика сигнал: «Следовать за мной». Полагаю, что не все суда могли его прочитать. Имея много убитых и раненых и серьезные повреждения по артиллерии, корпусу и электрическим приспособлениям, решил вернуться в Порт-Артур. Со мной пошли броненосцы — «Ретвизан», «Победа», «Полтава», «Севастополь», «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Броненосец «Цесаревич» концевым шел средним ходом, но за темнотой и непрерывными минными атаками, для отражения которых прихо-

¹ В подлиннике: «Раненых 60 нижних чинов».

² Приведенное донесение контр-адмирала Ухтомского представляет сокращение и сокращение двух его телеграмм.

³ В подлиннике прибавлено: «в составе 4 броненосцев, трех броненосных крейсеров, трех крейсеров 2-го ранга, 32 миноносцев, 4 броненосцев береговой обороны».

дилось временно менять курс, в темноте суда разошлись, и к рассвету у Порт-Артура оказались: броненосцы — «Ретвизан», «Севастополь», «Пересвет», «Победа», «Полтава», крейсер «Паллада» и три миноносца¹.

Во время боя убиты: лейтенант Салтанов и мичман Борис Деливрон. Тяжело ранены: капитан 1 ранга Бойсман, остававшийся после этого на мостике 20 часов до входа броненосца в бассейн, лейтенант Рыков. Всего убито 38 нижних чинов, ранено офицеров 21, нижних чинов 286, из них 50 тяжело². Корабли исправляются судовыми и портовыми средствами. Участвовали в бою японские: четыре броненосца первого ранга и один второго, четыре броненосных крейсера, четыре палубных крейсера, пять легких крейсеров и 60 миноносцев. Я, за отсутствием контр-адмирала Витгефта, принял командование Порт-Артурской эскадрой. О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Статья 3. Действия против укрывшихся русских судов

А. Захват «Решительного»

Когда утром 28 июля (10 августа) нашими блокирующими отрядами получились сведения о движении выходящей из гавани неприятельской эскадры, миноносец «Решительный», чтобы дать знать о выходе эскадры, воспользовавшись удобным моментом, вышел из гавани и, прокравшись мимо наших судов, в ту же ночь прибыл в Чифу.

¹ В подлиннике здесь прибавлено: «На возвратившихся судах убитых два офицера, 38 матросов, раненых 14 офицеров, и кондукторов, 148 матросов. Полагаю, противник также получил серьезные повреждения и взял на восток».

² В подлиннике здесь прибавлено: «Выведены из строя пушки: 12-дюймовых — 4, 10-дюймовых — 3, 6-дюймовых — 19, 75-мм — 16, 47-мм — 17. Выпущено снарядов: крупного калибра — 464, 6-дюймовых — 2428, мелкого — 5517. Уничтожено прожекторов — 15, испорчено — 3. Получено больших пробоин броненосцами «Пересвет» — 19, «Победа» — 11, «Ретвизан» — 18, «Полтава» — 14, «Севастополь» — 14, на крейсере «Паллада» — нет. Больше всех поврежден броненосец «Полтава», часть надводных пробоин близко к ватерлинии, на ходу и при волнении заливаются. Число мелких пробоин — множество. Часть пушек удалось временно исправить».

Истребители 1-го отряда «Асасиво» и «Касуми» ночью 28 июля (10 августа) гнались за каким-то судном, идущим на W, и хотя потеряли его след, все же продолжали поиски. Наконец, они узнали, что он укрылся в Чифу и находится в нейтральных водах, почему остановились сторожить у входа. Так как миноносец не выходил, то наши суда ночью вошли в порт и осмотрели гавань. Неприятельское судно оказалось миноносцем «Решительный». На нем не только не было заметно признаков разоружения, но команда по-прежнему была на борту и, сверх того, было удостоверено, что он грузил уголь¹. Поэтому начальник отряда Фудзимото на следующую ночь 30 июля (12 августа) в 3 часа утра послал на неприятельский миноносец с «Асасиво» мичмана Терасима Усаби и 10 человек команды с приказанием передать командиру, что они его преследовали и наблюдают за ним, стоя у входа, и что так как он пришел сюда еще прошлой ночью в 4 часа утра и до сих пор не выходит, то, если в течение часа он не выйдет из гавани или не сдастся, они примут свои меры. На наши аргументы командир «Решительного» не только не согласился, но и грубо обошелся с нашим офицером. Вступив в драку с мичманом Терасима, они вместе свалились в море.

¹ 29-го июля около 4 часов дня, по прибытии на «Решительный» командира китайского флагманского крейсера, началось разоружение миноносца: были свезены на китайский крейсер все оружейные и ружейные патроны, оба казенных револьвера, ударники и запальные стаканы мины Уайтхеда, затворы выбрасывающих аппаратов. Затем, по указанию командира того же китайского крейсера, миноносец перешел на новое место, где и спустил флаг и вымпел.

Прибывший около 5 часов вечера китайский адмирал Са отобрал от всех офицеров и нижних чинов подписку о непринятии участия в военных действиях в настоящей войне и невыезде без разрешения китайского правительства из порта и увез все зарядные отделения мины Уайтхеда. В 8 часов вечера, когда машина остыла, были увезены китайским инженером по одному эксцентрику переднего хода золотников среднего давления от каждой машины. Таким образом, к 8 часам вечера миноносец «Решительный» находился в состоянии невозможности пользоваться судовыми машинами, артиллерийским, миным и абордажным оружием. В половине 12 часа ночи к борту «Решительного» подошла китайская военная шлюпка с офицером, присланным для наблюдений адмиралом Са, обеспокоившимся входом на рейд двух японских миноносцев. Шлюпка эта всю ночь держалась в полукабельтове от миноносца «Решительный». Узнав о приходе японцев на рейд, лейтенант Бонцаковский разбудил господ офицеров и команду, установил вахту, предупредил о возможной опасности, о потоплении миноносца японцами, приказал команде спать наверху, имея спасательные пояса под рукой. Около 3 часов ночи к миноносцу подошла шлюпка, и на окрик с нее сказали, что она японская, и просили о разрешении подойти к

Мичман Терасима первый взобрался на борт и приказал захватить миноносец, командир его вплавь добрался до кормы и пытался взобраться с борта, но не мог и поплыл к берегу. Прочие неприятельские чины также вступили в драку и сбросили в море машинного кондуктора Сакамото, нескольких нижних чинов, но большая половина их сама бросилась в море и уплыла. Мичман Терасимо в 4 часа 35 минут приказал поднять наш флаг и с прибывшими для оказания помощи 10 человеками с «Касуми» осмотрел внутренние помещения судна, арестовал бывшего у передней дымовой трубы одного неприятельского матроса. В момент приближения мичмана к переднему мостику вдруг произошел взрыв в носовом патронном погребе, причем были ранены сам мичман Терасима и 11 человек команды и убит один нижний чин. При этом пленные исчезли. Тогда мичман Терасима отправил раненых на свои суда, а также спас одного утопающего неприятельского матроса. Затем пожар был потушен, якорный канат отклепан, а в 5 часов 50 минут «Решительный», взятый на буксир «Асасиво», был тотчас же выведен из гавани. «Касуми», выйдя несколько позже, спустя немного догнал оба судна и конвоировал захваченный миноносец уже совместно с «Асасиво».

борту переговорить с командиром. Лейтенант Рошачковский разрешил. К борту подошла 12-весьельная шлюпка, имевшая до 20 человек вооруженных нижних чинов, под командой вооруженного офицера с переводчиком. Японский офицер, выйдя на палубу, предложил лейтенанту Рошачковскому от имени начальника 1-го отряда японских миноносцев или сдаться, или выйти в море и вступить с ними в бой, от чего командир принужден был отказать, ссылаясь на то, что миноносец уже разоружен и сдан под покровительство китайского правительства. Японский офицер этому не поверил, требуя осмотра. Видя вызывающий образ поведения японцев, пытавшихся поднять на миноносце свой флаг, командир приказал лейтенанту Каневскому взорвать миноносец оставшимися подрывными патронами, а команде — обратиться около него, чтобы дать отпор японцам. В это время на миноносец «Решительный» прибыл китайский офицер, наблюдавший со шлюпки за всем происходящим, и вступил в переговоры с японским офицером, но тот его не слушал. Когда лейтенанту Рошачковскому было доложено, что подрывные патроны заложены и шнуры зажжены, он, видя, что к миноносцу подходят еще новые шлюпки с вооруженными людьми, что два японских истребителя и крейсер 3-го ранга без огней приближаются к миноносцу и что вооруженные японцы, выйдя из шлюпки, занимают все входы и выходы миноносца, схватил японского офицера, чтобы сбросить его за борт, приказав одновременно своей команде выбрасывать за борт японцев. Японцы открыли огонь из ружей, и последнее усилие командира «Решительного» спасти свой беззащитный миноносец от захвата вооруженным врагом не имело успеха.

Б. Разоружение «Цесаревича» и миноносцев

Флагманский броненосец «Цесаревич» во время 2-го боя, вследствие сосредоточения на нем нашего огня, понес большие потери в людях и получил сильные повреждения по корпусу; не имея возможности следовать за прочими судами, «Цесаревич» намеревался, пользуясь темнотою, один пройти во Владивосток, но вследствие пробоя дымовых труб расход угля был так значителен, что это ему не удалось; кроме того, были повреждены навигационные приборы и приходилось идти чуть ли не по звездам.

На рассвете 29 июля (11 августа) броненосец был близ мыса Шантун. Вследствие полной невозможности идти во Владивосток командир решил идти в Киао-Чао, изменил курс и подошел туда к 11 часам вечера. Крейсер «Новик» и миноносец «Бесшумный» один за другим также вошли в ту же гавань, а миноносцы «Беспощадный» и «Бесстрашный» прибыли туда утром 30 июля (12 августа).

Находившийся в это время с эскадрой в островах Эллиот адмирал Того, получив об этом известие, сейчас же приказал адмиралу Дева выйти с крейсерами «Якумо», «Асама», «Такасаго» и «Никко-мару» и, соединившись с бывшим на поисках неприятеля у острова Pen-Yong-to¹ крейсером «Читосе», нести строгое наблюдение за неприятелем, находящимся в Киао-Чао.

Адмирал Дева в 2 часа ночи 30 июля (12 августа) приказал «Такасаго» и «Никко-мару» идти вперед, а затем и сам на «Якумо» вышел с рейда Эллиот. Встретив в море «Асама» и приказав следовать за собой, адмирал Дева взял курс на остров Ross, но, получив вдогонку телеграмму от адмирала Того: «“Новик” сегодня на рассвете вышел из Киао-Чао, куда идет — неизвестно; “Аскольд” остается еще неразысканным», адмирал Дева, полагая, что искать уже ушедший «Новик» будет трудно, а лучше разыскивать «Аскольд», в 8 часов 10 минут вечера отправил впе-

¹ Остров Pen-Yong-to — самый северный остров в группе Sir James Hall, широта 37° 57' N, а долгота 124° 40' O; длина его с O на W около 6 миль, а ширина около 4 миль.

ред крейсер «Асама», который на другой день 31 июля (13 августа) в 3 часа дня подошел на условленный пункт на SW от острова Ross, где, согласно приказанию, ожидал прихода «Якумо» и прочих судов. В это время к адмиралу Дева подошел посланный по приказанию адмирала Того на соединение с 3-м отрядом 2-й отряд истребителей. Адмирал Дева, прикомандировав его к «Якумо», 31 июля (13 августа) в 4 часа дня пришел на W сторону острова Ross и вторично соединился с «Асама» и «Такасаго». Не имея известий о неприятеле, адмирал выслал на разведку на SSW от острова Ross «Асама» и «Такасаго», а сам остался с «Якумо» на SW от того же острова. 14-го утром пришел от острова Pen-Yong-to крейсер «Читосе» и донес о положении неприятельских судов. Адмирал Дева, вернув «Асама» и «Такасаго» с разведки, пошел со всем отрядом к Киао-Чао, а крейсерам «Читосе» и «Никко-мару» приказал отдельно идти в залив Одзаки (Цусима).

Немного спустя, получив приказание адмирала Того приостановить — ввиду появления Владивостокской эскадры у острова Цусима (подробно во 2-м томе) — выход отряда, немедленно вернулся к острову Single, отменил поход «Читосе» и «Никко-мару» и, собрав все суда, стал на якорь с южной стороны острова Windsor Castle¹, ожидая дальнейших приказаний.

К вечеру от адмирала Того было получено известие, что 2-я эскадра нанесла поражение Владивостокскому отряду и потопила «Рюрик», и приказание идти к бухте Киао-Чао.

Адмирал Дева снова отправил «Читосе» и «Никко-мару» в Одзаки-ван (Цусима), сам с «Якумо», «Асама», «Такасаго» в 11 часов вечера 14-го августа пошел к заливу Киао-Чао, а 2-му отряду истребителей приказал, приняв уголь и воду, идти к нему на соединение. По дороге был встречен крейсер «Кассаги». 3 (16) августа в 6 часов 45 минут вечера адмирал Дева подошел ко входу в залив Киао-Чао, тогда же подошел и 2-й отряд истребителей. Адмирал Дева, посадив на «Икадзучи» флаг-офицера капитан-лейтенанта Ямадзи Ичизен и мичмана с «Якумо» Кабу-

¹ Остров Windsor Castle находится в SW части Кореи. Широта его 34° 36' N и долгота 125° 52' Ost; высота самой возвышенной точки 1170 футов; эта острокопечная вершина служит хорошим приметным знаком для мореплавателей.

раги, отправил их в Киао-Чао. Прочие суда крейсировали у входа, сторожа неприятеля.

Капитан-лейтенант Ямадзи и мичман Кабураги у входа в гавань были встречены германскими офицерами штаба и по их указаниям съехали на берег для визита губернатору, капитану 1-го ранга Труппелю, у которого спросили относительно укрывшихся здесь русских судов. На это они получили ответ, что «Цесаревич» и 3 миноносца уже вчера спустили флаги, свезли на берег замки орудий и главные части машин, теперь же выгружают мины, снаряды, трубки и тому подобное. Чинам этих судов съезд на берег запрещен, и германские военные суда и миноносцы строго наблюдают за русскими судами, которые будут задержаны здесь до конца войны. Капитан-лейтенант Ямадзи вернулся на «Икадзучи» и немедленно, выйдя из гавани, пошел к своему отряду.

Адмирал Дева, получив это донесение и не видя неправильностей в действиях германского губернатора, в 3 часа 17 минут дня со всеми судами пошел в обратный путь и 4 (17) августа в 3 часа 30 минут дня прибыл на рейд Эллиот.

В. Нанесение поражения «Новику»

Крейсер «Новик» в бою 28 июля (10 августа) хотя и получил три пробоины над ватерлинией, все-таки вместе с «Аскольдом» прорвался с места боя и, пользуясь темнотой, направился на юг, но, потеряв в пути из виду «Аскольд», в сумерки 29 июля (11 августа) зашел в Киао-Чао. Немедленно приняв уголь, крейсер 30 июля (12 августа) с рассветом вышел в море и пошел вокруг восточной стороны острова Ниппон, пробираясь во Владивосток. Когда известие об этом было получено в главной квартире, начальник Генерального штаба адмирал Ито, предугадывая путь этого крейсера, немедленно послал приказание бывшему в Корейском проливе адмиралу Камимура отрядить 2 быстходных судна к Сангарскому проливу. Адмирал Камимура сначала послал было 2 судна из 4-го боевого отряда, но позже, согласно приказанию адмирала Того послать «Читосе» и «Цусима», немедленно приказал этим судам идти на север. Так как в это время «Читосе» шел от острова Ross в залив Одзаки (Цусима), а «Цусима» был на пути из этого залива в Сасебо, то ко-

мандир крейсера «Цусима» капитан 2-го ранга Сенто Такео, получив упомянутое выше приказание и боясь потерять время на ожидание «Читосе», спешно вышел один в Хакодате; «Читосе» же, придя в залив Одзаки к вечеру, в течение всей ночи принимал уголь и воду и вышел на следующее утро с рассветом, спешно направляясь также в Хакодате.

Крейсер «Цусима» прибыл в Хакодате 4 (17) августа в 5 часов 30 минут дня; командир крейсера Сенто Такео немедленно явился к заведующему охраной пролива капитану 1 ранга Мияока Наоки, узнал о правилах охраны и на другой день, прибыв в назначенный пункт, стал на сторожевую службу. «Читосе» прибыл в Хакодате на другой день 5 (18) августа в 1 час 58 минут дня. Командир его, капитан 1 ранга Такаги Сукеичи, капитан 1 ранга Мияока и командир крейсера «Цусима», возвратившись с наблюдательного пункта, совместно выработали план действий. Так как тем временем получилось известие от начальника Морского Генерального штаба, что в эту ночь следует ожидать прохода через пролив крейсера «Новик», то «Цусима» немедленно, а «Читосе» в полночь 6 (19) августа вышли в море и на рассвете встретились у острова Осима.

Получив известие около 4 часов дня, что крейсер «Новик» утром прошел Кунастри Сето¹ и пошел на NW, «Читосе» немедленно отправился к Лаперузову проливу и, дойдя до пункта, лежащего в 20 милях на NW от Rebunshima², в 3 часа ночи повернул обратно к Лаперузову проливу, ища неприятеля.

Открыв маяк на мысе Соя, он изменил курс на мыс Сиретако (Анива) на острове Сахалине³.

В 9 часов 40 минут 6 (19) августа он заметил на NW крейсер «Цусима», который, получив приказание от адмирала Ито, быстро шел от острова Осима на соединение с «Читосе». Капитан 1 ранга Такаги немедленно приказал крейсеру «Цусима» осмотреть Корсаковск⁴.

¹ Пролив Kunashiri.

² Остров Rebunto.

³ Мыс Сиретако лежит на широте 46° 2' N и долготе 143° 26' O, образуя юго-восточную оконечность южного Сахалина.

⁴ «Читосе», обследовав пролив, пошел туда же.

Корсаковск находится в северной части залива Анива, на широте 46° 40' N и долготе 143° 42' O.

«Цусима», идя по назначению, в 4 часа дня 7 (20) августа в 10 милях на S от мыса Эндума¹, вдалеке на рейде Корсаковска увидел поднимающейся дым, сейчас же пошел на него и, постепенно приближаясь, увидел крейсер «Новик», следующий на S. Этот крейсер, удачно избежав преследования нашей эскадры, только в этот день пришел в русский порт, намереваясь, выбрав удобный момент, идти во Владивосток, но теперь, видя приближение крейсера «Цусима», выйдя из порта, по-видимому, хотел вновь убежать, пользуясь своею быстроходностью². «Цусима», дав знать на «Читосе»: «Вижу неприятеля и атакую его», дал полный ход и, нажимая неприятеля с носа, открыл огонь. Тот храбро сражался, но получил три снаряда вблизи ватерлинии, вследствие чего вода заполнила рулевое отделение; кроме того, говорят, были повреждены рулевая и главная машины, почему неприятель в 5 часов 06 минут лег на обратный курс и ушел к Корсаковску. Во время преследования «Новика» один снаряд неприятеля попал в «Цусиму» ниже ватерлинии, и крейсер получил значительный крен. Поэтому «Цусима» временно прекратил огонь и, выйдя из района падения неприятельских снарядов, всеми силами откачивал воду, поручив крейсеру «Читосе» продолжать бой. Отделившись от него и окончив спешный ремонт, «Цусима» всю ночь провел настороже. «Читосе», заменив «Цусима», искал неприятеля близ мыса (Эндума), но так как солнце уже зашло и настала темнота, то держался у входа в порт, сторожа неприятеля. Наутро заметил его немного западнее мыса Эндума и, понемногу приближаясь к Корсаковску, разглядел, что «Новик» выбросился на мель недалеко от города Корсаковска, накренился на правый борт, а команда на паровом катере и шлюпках ходит взад и вперед между берегом и судном. Поэтому «Читосе» в 6 часов 25 минут утра, с расстояния 8500 метров, начал обстреливать неприятеля, но, не встретя никакого сопротивления, приблизился на 2500 метров. Удостоверившись в полной негодности крейсера,

¹ Мыс Эндума лежит на широте 46° 36' N и долготе 142° 46' O в 4 милях к югу от Корсаковска.

² Получив по беспроволочному телеграфу японское телеграфирование, крейсер «Новик», прекратив погрузку угля, вышел на свой последний неравный бой, а не для побега от неприятеля.

прекратил огонь и затем, встретив крейсер «Цусима», в 2 часа дня пошел обратно, через Отару и Хакодате. «Цусима» 14 (27), а «Читосе» 16 (29) августа вернулись на местопребывание 2-й эскадры.

По поводу поражения «Новика» 9 (24) августа на имя начальника 2-й эскадры вице-адмирала Камимура Хиконадзо был дан следующий императорский рескрипт:

«Крейсера "Читосе" и "Цусима" в Корсаковском заливе уничтожили неприятельское судно и тем достигли цели долгой погони. Мы хвалим это».

На это вице-адмирал Камимура в тот же день поднес следующий ответный адрес:

«Успех крейсеров "Читосе" и "Цусима" в Корсаковске всецело относится к величию верховного вождя, однако по этому поводу Ваше Величество соизволили дать всемилостивейший рескрипт. С душевным трепетом я, покорный слуга Хиконадзо, осмеливаюсь сие поднести».

По сему же поводу 10 (23) августа был дарован рескрипт от императрицы, на что адмирал Камимура ответил соответствующим образом.

Г. Разоружение «Аскольда», «Грозового» и «Дианы»

Флагманское судно начальника отряда крейсеров, контр-адмирала Рейценштейна — «Аскольд» при поражении эскадры во время 2-го боя, став во главе крейсеров и прорвав окружавшее его боевое кольцо, пошел на юг. В этот крейсер в тот день попало более 10 снарядов, на нем было более 50 раненых и убитых и, сверх того, повреждены дымовые трубы и котел; несмотря на это, крейсер все-таки без труда дал 20-узловую скорость и ушел на юг. Ночью он разошелся с другими судами. С пробоями в трубах, благодаря чему расход угля был весьма значителен, крейсер не имел никакой возможности дойти до Владивостока. Поэтому адмирал Рейценштейн решил идти в Шанхай и

после 2 дней пути на юг 30 июля (12 августа) в 3 часа 40 минут вошел в Вузунг. Миноносец «Грозовой» прибыл туда же в 12 часов 30 минут дня; поднявшись по реке, оба судна вошли в Шанхай. Получив это известие, адмирал Того утром 31 июля (13 августа) послал инструкцию бывшему в Корейском проливе адмиралу Камимура; в то же время, по приказанию начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито, под командой адмирала Уриу 6 (19) августа в 5 часов утра отправились к Шанхаю крейсера «Токива», «Нанива», «Нийтака» и миноносцы «Хибари» и «Удзура». 1 августа в 5 часов 20 минут дня они пришли к островам Эллиот¹. «Нанива» и «Хибари» были отправлены в Вузунг, миноносец «Удзура» встал близ фарватера Тунша², а прочие суда остались в море. Наутро следующего дня, 1 августа, они подошли к острову Gutzlaff и вместе с миноносцем встали на якорь³. С полудня «Нийтака» вышел к Amhearst Rock⁴ для несения сторожевой службы. Адмирал Уриу бдительно сторожил выход из реки, чтобы задержать побег русских судов. Удостоверившись 16 (29) августа в разоружении русских судов, по приказанию из главной квартиры, он 20 августа (2 сентября) отослал «Нанива» вперед в Корейский пролив. 24 августа (6 сентября) в 7 часов вечера сам с «Токива», «Нийтака», «Хибари», «Удзура» вышел в море и в 6 часов 25 минут утра 25 августа (8 сентября) прибыл на место стоянки 2-й эскадры.

На крейсере «Диана» в бою 28 июля (10 августа) снаряд попал в боевую палубу и ниже ватерлинии, причем было выведено из строя 27 человек убитыми и ранеными. С заходом солнца почти в одно время с крейсерами «Аскольд» и «Новик» крейсер этот прорвался сквозь окружившее его кольцо и полною скоростью прямо пошел к мысу Шантун, после чего изменил курс на S. Пройдя Шанхай, пошел дальше на юг, вошел в залив Кванчоу-ван (большой залив Кванчоу на широте $21^{\circ} 8' N$ и дол-

¹ Широта $30^{\circ} 46' N$ и долгота $122^{\circ} 23' O$; находятся от Gutzlaff на $OtS^{3/4}$ к S в 11 милях.

² Проход Тунша лежит в южном проходе устья Янцзе-Кьян, на нем имеется плавучий маяк на широте $31^{\circ} 7'$ и долготе 122° .

³ Остров Gutzlaff лежит на широте $30^{\circ} 49'$ и долготе $122^{\circ} 11'$, на вершине его стоит маяк.

⁴ Широта $31^{\circ} 10'$ и долгота $122^{\circ} 24'$; одинокая черная скала в 2 милях на $NNO^{1/2}$ к O от Gutzlaff.

годе $112^{\circ} 14' \text{ O}$) затем зашел в Хонгай (в части Тонканского залива) и 11 (24) августа наконец вошел в порт Сайгон. Когда известие об этом пришло в Токио, по этому поводу возникли переговоры с французским правительством. 28 августа (10 сентября) крейсер спустил флаг, разоружился, а экипаж его должен был быть задержан во французских владениях.

Глава XVI

Действия флота после сражения в Желтом море

Статья 1. Движение флота

Когда адмирал Того 28 июля (10 августа), разбив неприятеля в Желтом море, узнал о возвращении главных сил неприятеля в Порт-Артур и вернулся утром 30 июля (12 августа) с 1-м боевым отрядом и с «Ниссин», «Кассуга» и «Асама» на рейд Эллиот, то немедленно приказал всем судам по-прежнему занять места по службе блокады и отдал следующие распоряжения: адмиралу Катаока велел с «Ниссин», «Кассуга» и «Асама» нести сторожевую службу у Порт-Артура, бывшему у Bluff Bevan 5-му боевому отряду действовать совместно с правым крылом 3-й армии, каковое на следующий день начинало наступление, а адмиралу Дева с 3-м боевым отрядом, согласно приказанию из главной квартиры, приказал идти для наблюдения за русскими судами, укрывшимися в Киао-Чао. Затем было получено донесение от адмирала Камимура, что 2-я эскадра встретилась с Владивостокским неприятельским отрядом у Урусан и после пятичасового жестокого боя по-

топила «Рюрик»¹ и нанесла большие повреждения 2 остальным судам.

Затем было дано приказание спешно отрядить «Читосе» к острову Цусима, для погони за крейсером «Новик», который, выйдя из Киао-Чао, по-видимому, шел во Владивосток, огибая Японию с юга; одновременно было приказано адмиралу Камимура отправить в Шанхай 4-й боевой отряд (исключая «Акаси» и «Такачихо», но с прибавлением «Токива») и 2 миноносца 15-го отряда («Хибари» и «Удзуру») с ними, чтобы эти суда сторожили «Аскольд» и «Грозовой». В этот же день была получена от командующего 3-й армией генерала Ноги бумага, которая, по подписанию ее адмиралом Того и генералом Ноги, посылалась неприятелю с предложением сдаться. Адмирал Того ответил, что, кроме сдачи в наши руки неприятельских судов, он не имеет от себя, касательно условий сдачи крепости, никаких дополнительных требований и согласен со всеми условиями, предлагаемыми генералом Ноги, что же касается отправки и подписи этого предложения и тому подобного, то всецело предоставляет это генералу.

2 (15) августа была получена от помощника начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала Идзуин телеграмма относительно «Новика», почему адмирал Того немедленно послал приказание адмиралу Камимура спешно отправить в погоню «Читосе» и «Цусима».

На другой день, 3 (16) августа было получено известие о выходе неприятеля из Порт-Артурской гавани; все суда вслед за 1-м боевым отрядом вышли в море и отправились на назначенные места. Однако позже узнали об ошибочности известия, но все-таки оставались у рейда Порт-Артура. Сверх того, в этот день командующий 3-й армией отправил парламентаром из своего штаба майора артиллерии Ямаока Кумадза к военным и морским русским властям с предложением о сдаче и с извещением, что его величество император разрешил выйти из крепости некомбатантам.

Ввиду того что назначенный день общего штурма крепости приближался, адмирал Того усиливал бдительность. Поэтому

¹ «Рюрик» потонул вследствие того, что командир его приказал открыть кингстоны.

1-й боевой отряд крейсировал у острова Round, 3-й боевой отряд к S от Ляотешаня, 5-й боевой отряд у острова Кэп, 6-й боевой отряд у Encounter Rock, минные отряды также находились на назначенных блокадных постах, строго наблюдая, чтобы быть готовыми на случай выхода неприятельских судов или прорыва блокады пароходами извне.

Так как 4 (17) августа получилось известие от генерала Ноги, что неприятель отверг наше предложение о сдаче и что поэтому 5 (18) августа должен начаться общий штурм крепости, адмирал Того издал приказ по флоту, определив назначения и места блокирующих отрядов, и особо приказал адмиралу Хосоя со сборным отрядом («Сайен», «Акачи», вспомогательными лодками «Матачава-мару», «Ихиме-мару» и катерами с «Кассуга» и «Ниссин») отправиться в бухту Луизы для оказания поддержки правому крылу 3-й армии.

Назначенный на 5 (18) августа штурм крепости был отложен из-за погоды, а потому начали бомбардировку с рассветом. Результатом двухдневной жестокой стрельбы осадной артиллерии (в том числе десантного отряда тяжелой артиллерии) явилось то обстоятельство, что батарея Тунг-чин-кваншань (укрепление № 2) и форт между двумя батареями Ляотешань (Драконова голова) понесли большие повреждения. В этот день наш блокирующий флот нес усиленную службу, следя за действиями неприятеля, но все суда его, спрятавшиеся в гавани, не выходили оттуда. По временам только суда неприятеля стреляли в сторону сухопутного фронта в помощь своим войскам.

Затем адмирал Того, получив известие от генерала Ноги, что на 8 (21) с рассветом назначен штурм крепости, немедленно передал о том по всем отрядам, все более и более усиливая охрану. Однако неприятель по-прежнему оставался в гавани¹ и только вышел на рейд, отрядив несколько тралящих судов для полной очистки от мин пространства между входом в гавань и мысом Kai-uap-chan; так как на другой день 9 (22) траление продолжалось, то адмирал Того приказал истребителям мешать

¹ 8 (21) августа для поддержки правого фланга наших войск в бухту Тахе выходили оба отряда миноносцев для обстрела с моря японских сухопутных позиций и штурмующих колонн.

ему, а чтобы воспрепятствовать выходу неприятеля ночью, велел нести охрану сторожевыми катерами с судов.

Однако операции с сухого пути не дали еще хороших результатов. Неприятельские суда вместе с береговыми укреплениями вели стрельбу по сухопутному фронту. Ввиду того что сильный огонь открывали по ночам неприятельские батареи у Тахе, адмирал Того приказал адмиралу Катаока с крейсерами «Касуга» и «Ниссин», подойдя к Лунвантану, обстреливать неприятеля с фланга.

10 (23) августа на флагманское судно «Микаса» прибыли из Токио флигель-адъютанты императора капитан 1 ранга Оку Гензабуро и флигель-адъютант наследного принца капитан 2 ранга Куромидзу Касабуро, привезя высочайшие приветствия Соединенному флоту и подарки для раненых. Адмирал Того, поднеся ответный адрес, благодарил за оказанную милость.

До сего времени 3-я армия, имея на правом фланге 1-ю дивизию против Исудзан (форт № 4) и Асизан (Кладбищенской батареи), 9-ю дивизию в центре против всех восточных и западных укреплений на Ляотешане, а 11-ю дивизию на левом фланге батарей против Tung-Chin-Kwan и расположенных от нее к северу батарей, несмотря на большие потери, непрерывно днем и ночью вела бомбардировку. Наконец, захватили Западный и Восточный Риусан (редуты № 1 и № 2), но так как неприятельская оборона была все-таки сильна и крепостью нельзя было завладеть, генерал Ноги приказал приостановить штурм и снова решил вести правильную осаду крепости.

11 (24) августа вечером об этом был отдан приказ по всей армии и сообщено Соединенному флоту.

Адмирал Того, соображаясь с дальнейшим развитием военных действий и состоянием, в котором находился блокирующий флот, признавал полную необходимость, не теряя ни одного дня, ускорить падение Порт-Артура и 12 (25) августа przeprowadил эти соображения в главную квартиру, а также выразил сочувствие генералу Ноги по поводу потерь в жестоких боях 3-й армии в течение нескольких дней подряд¹.

¹ Флот, таким образом, для достижения главной цели, побуждал армию к решительным действиям.

13 (26) августа адмирал объявил по флоту о состоянии операции на суше, и так как падение Порт-Артура все еще задерживалось, то приказал всем чинам флота с еще большей настойчивостью стремиться к окончанию войны.

14 (27) августа от генерала Ноги было получено ответное известие, что «3-я армия весьма признательна Соединенному флоту за содействие и за выраженные чувства о потерях убитыми и ранеными» и что «армия, ожидая окончания приготовления к бою, продолжает вести осаду, желая как можно скорее достигнуть цели — овладения крепостью».

20 августа (2 сентября) адмирал Того сделал изменение в несении блокадной службы минными отрядами (вступили 1, 2, 3, 4, 5-й отряды истребителей и 10, 14, 16, 20-й отряды миноносцев). На следующий день, 21 августа (3 сентября) по требованию 3-й армии он приказал отправить в армию двенадцать 47-мм скорострельных пушек.

В этот день истребитель 4-го отряда «Хаядори», идя вместе с «Мурасаме» на блокадный пост в 2 милях к югу от Ping-tu-tau, коснулся подводной мины, причем корпус миноносца разломился пополам, вследствие чего не было времени принять какие-либо меры к спасению; спустя несколько минут после взрыва «Хаядори» затонул. Хотя судами 5-го боевого отряда и «Мурасаме» были спасены командир 4-го отряда капитан 2 ранга Нагаи, 7 офицеров и кондукторов и 47 человек нижних чинов, все-таки погибли или остались неразысканными врач Исикава, ревизор Исиватари, старший кондуктор Цуда и 17 нижних чинов. «Мурасаме» также чуть-чуть не наткнулся на мину.

Ввиду сего адмирал Того приказал 3, 5 и 6-му боевым отрядам изменить занимаемые ими удобные наблюдательные посты и принять меры предосторожности против неприятельских мин, а также телеграфировал находившемуся в Корейском проливе адмиралу Камимура приказание прислать на рейд Эллот 9-й отряд миноносцев.

23 августа (5 сентября) адмирал Того приказал подлежащим чинам свезти на берег две 15-см скорострельные пушки для усиления десантного отряда тяжелой артиллерии. 24 августа (6 сентября) велел адмиралу Хосоя для воспрепятствования провозу контрабанды отправить миноносцы и вспомога-

тельные лодки (миноносец № 37 из 2-го отряда и лодка «Мюсима-мару») к острову северному Hwang-ching-tao (Мяо-Тао).

27 августа (9 сентября) пришел от острова Цусима 9-й отряд миноносцев и был поставлен на службу по блокаде, а 16-й отряд был изъят от этой службы и назначен в ведение адмирала Хосоя.

30 августа (12 сентября) «Тацута» и «Читосе», окончив ремонт («Тацута» 5-го мая сел на камни у SO оконечности острова Kwanglontao (Эллиот), был отправлен в Иокоско, закончил ремонт 17 (30) августа, после боя в Желтом море пошел в Сасебо и 27 августа (9 сентября) был в полной исправности), пришли на соединение с флотом; взамен их был отправлен чиниться в Сасебо «Ясима», а «Читосе» присоединен к 3-му боевому отряду и поставлен на блокадный пост. Затем адмиралу Катаока было приказано послать «Мацусима» в Чемульпо для несения охраны у этого порта.

Ввиду того что уже прошел месяц после боя в Желтом море, неприятельские суда должны были закончить свой ремонт, и так как 3-я армия теснила неприятеля и с тылу и с фланга, адмирал Того, опасаясь вторичного выхода флота, 1 (14) сентября снова составил план операции, приготавливаясь ко всяким неожиданностям.

3 (16) сентября был зачислен в состав 1-й эскадры пришедший из Сасебо крейсер «Отава» (3000 тонн, 21 узел, командир капитан 1 ранга Арима), и так как 5 (18) сентября прибыл из Корейского пролива адмирал Мису с крейсерами «Ивате» и «Токива», то «Токива» и «Отава» были зачислены в 3-й боевой отряд, а «Ивате» и «Асама» в 1-й боевой отряд. Затем адмиралу Дева было приказано с 2–3 крейсерами обойти Печилийский залив в поисках за контрабандными судами.

3-я армия после 11 (24) августа приостановила атаку крепости и занялась, главным образом, пополнением людей и боевых припасов, увеличением числа орудий тяжелой артиллерии и, согласно требованиям правильной осады, рыла траншеи и подходы, а также делала прочие приготовления к штурму.

6 (19) сентября армия начала вторично наступательное движение с правого фланга. 1-я дивизия наступала на Нирейсан (Высокая гора), Кайсосан (Длинная гора) и группу батарей к

югу от деревни Сьюйшуин, а 9-я дивизия повела наступление на лежащие к северу от Риусана высоты.

7 (20) сентября от действовавшего в бухте Луизы «Сайен» было получено следующее донесение: «“Хейен”, выйдя на сторожевой пост, не возвращается, судя по плавающим шлюпкам и предметам с этого судна можно думать, что он затонул, наткнувшись на подводную мину». В результате дальнейших поисков лодкой «Сайен» в сумерках того же дня были найдены на острове Reef четыре человека из команды «Хейена», и только из их рассказов узнали о гибели лодки.

Лодка «Хейен» с рассветом 3 (16) сентября несла сторожевую службу между островами Угон и Reef. Около 7 часов 40 минут вечера, возвращаясь на якорную стоянку и проходя в полутора милях на W от острова Угон, лодка коснулась плавучей мины средней частью судна с правого борта. Тотчас после взрыва вода хлынула в машинное отделение; судно накренилось вправо и, говорят, через 4–5 минут совершенно затонуло. В это время командир лодки капитан 2 ранга Асабана Кинсабура и два офицера были на мостике, прочая команда спускала шлюпки, но шлюпки вместе с судном перевернулись. Погибли командир капитан 2 ранга Асабана, 12 офицеров, 4 кондуктора и 181 человек нижних и вольнонаемных чинов. Остались в живых, кроме упомянутых 4 человек, бывшие ранее командированными в десантный отряд тяжелой артиллерии старший офицер, еще один офицер и команда парового катера, оставленно-го на берегу в числе 1 офицера и 7 нижних чинов.

10 (23) числа адмирал Того получил донесение от командированного к 3-й армии офицера штаба 1-й эскадры капитана 2 ранга Ивамура Данзиро, что армия, хотя овладела северной частью Риусана, южными укреплениями Сьюйшуин и укреплениями Кайсосан (Длинной горы), но, несмотря на повторные отчаянные штурмы Нирейсан (Высокой горы), ей не только не удалось овладеть им теперь, но и в будущем, ввиду обстрела из больших орудий со стороны Ляотешаня и Та-уанг-Кои, нелегко будет достигнуть цели, и что 1-я дивизия, действуя по системе правильной осады, полагает снова начать атаку.

Далее 11 (24) сентября, имея известие, что ночью 8 (21) сентября «Россия», «Громобой» и 3 миноносца вышли из Влади-

востока, командующий флотом приказал адмиралу Дева вернуть «Якумо» ко 2-й эскадре¹.

15 (28) сентября вследствие донесения от капитана 1 ранга Курои, что армия с сего дня начала стрельбу по «Пересвету», «Победе» и еще одному судну и что снаряды ложатся хорошо, флот еще более усилил блокаду на случай выхода неприятельских судов из порта.

18 сентября (1 октября) адмирал Того послал следующую телеграмму в главную квартиру:

«Больших перемен в здешнем положении нет. Неприятельская эскадра, по-видимому продолжая ремонт, все еще скрывается в гавани. По донесениям разных разведчиков, с 18 сентября (1 октября) 2–3 неприятельских броненосца перекрасили подводную часть корпуса из красного цвета в сероватый, все суда спустили стеньги, почему можно думать, что они готовятся к ночному выходу из порта. Неприятель ежедневно, в течение нескольких часов, производит траление. С 15 (28) числа сентября десантный отряд тяжелой артиллерии ежедневно обстреливал неприятельские суда из 12-см, и 16-см орудий. В «Пересвет», «Победу», «Севастополь» и прочие суда уже попало 20 снарядов и, вероятно, нанесен немалый вред. Наш флот, находясь посменно на назначенных местах, несет блокаду. Суда боевых отрядов, находясь в море, занимаясь работами и производя ученья, совершенствуются в усилении боевой способности. Отряды истребителей и миноносцы, также посменно находясь в Дальнем, вводятся в док и значительно восстановили потери в своей скорости хода. Неприятель, будучи долгое время отрезанным, мало-помалу начинает ощущать недостаток в провианте и боевых припасах. Давая какое угодно вознаграждение, он приглашает провозить контрабанду, поэтому немало нейтральных судов и джонок, пренебрегая опасностью, достигают цели провоза. Поэтому, с одной стороны, флот готовится на случай выхода неприятельских судов, с другой — принужден употреблять все силы на захват контрабанды; находящаяся у Порт-Артура минные суда составляют

¹ Крейсера весь сентябрь из Владивостока в море не уходили.

1-ю линию блокады, крейсера — 2-ю линию, кроме того, по временам отправляются разведчики в Печилийский залив и к Шантуну для осмотра и захвата везущих контрабанду судов».

25 сентября (8 октября) в 9 часов утра было получено известие с «Фусо», что «Ретвизан» вышел из гавани и находится под Тигровым полуостровом; согласно сему адмирал Того с 1-м боевым отрядом подошел к Encounter Rock и крейсировал, будучи настороже, но так как «Ретвизан», по видимому, не собирался выходить в море, то вечером адмирал ушел от Encounter Rock и приказал адмиралу Ямада, если «Ретвизан» не войдет в гавань, атаковать его миноносцами. Поэтому адмирал Ямада дал распоряжение идти в атаку 12, 15, 16-му отрядам миноносцев. С заходом солнца миноносцы обыскали рейд, но «Ретвизан» уже зашел в гавань и атака не состоялась.

В этот день было получено известие из 3-й армии, что начиная с прошлого месяца стрельба десантного отряда тяжелой артиллерии и осадных 28-см мортир по судам неприятеля шла хорошо, и так как в них ежедневно попадало по несколько снарядов, то ожидали или выхода неприятельской эскадры из порта, или ее потопления, но неприятель постепенно переменил стоянку под Перепелиной горой и в Восточном бассейне, и корректировать падение снарядов стало затруднительными.

28 сентября (11 октября) 9 неприятельских миноносцев вышли в море на SW от Лунвантана и обстреливали тыл нашей армии; адмирал Ямада приказал немедленно отряду истребителей и миноносцев отбить их. Бывший в охране 1-й отряд истребителей вместе с другими отрядами истребителей заставил неприятеля отступить¹; при этом истребитель 4-го отряда «Харусаме», направляясь к Ping-tu-tau, на SO от Золотой горы наскочил на подводную мину, взрывом была разрушена кормовая часть и ранен доктор и 7 нижних чинов, убитых не было. Миноносец избежал потопления и на буксире у «Мурасаме» вернулся к Ping-tu-tau.

¹ Отряд миноносцев выходил в море для постановки мин заграждения к югу от бухты Лунвантан, что и было выполнено, несмотря на огонь неприятеля.

29 сентября (12 октября) миноносец 16-го отряда «Сиротака», заметив у северного острова Hwang-ching-tao германский пароход «Фупин», обнаружил на нем многочисленные боевые припасы и провиант и, сверх того, ввиду присутствия на борту парохода адъютанта главнокомандующего войсками в Маньчжурии генерала Куропаткина поручика Эггарда немедленно арестовал пароход. Согласно этому донесению адмирал Того приказал Эггарда пересадить на «Микаса» и пароход «Фупин» отправить в Сасебо.

В тот же день в соответствии с просьбой командующего 3-й армией адмирал Того приказал адмиралу Хосоя послать на усиление десантного отряда тяжелой артиллерии еще два 15-см скорострельных орудия.

3 (16) октября, получив донесение о выходе из гавани «Баяна»¹, адмирал Того немедленно отправил к Порт-Артуру «Асама» и «Ивате», а прочим судам 1-го боевого отряда приказал крейсировать к югу от острова Round, но так как в действиях «Баяна» не обнаружилось признаков желания выйти в море, то «Ивате» и «Асама» вернулись обратно к отряду. Блокирующим судам было велено строго следить за пароходами с контрабандой, идущими от Таку.

11 (24) октября от капитана 2-го ранга Ивамура пришла телеграмма, что с утра 13 (26) октября решено начать бомбардировку из 28-см орудий, которая 17 (30) утром перейдет в общую бомбардировку всего фронта, и с 19 октября (1 ноября) штурмовать Шодзосан (укрепление № 8), Нирейсан (Высокую гору), северные укрепления Тунг-чин-кван-шань (Куропаткинский люнет) и так далее. Поэтому адмирал Того приказал быть всем судам настороже.

Ночью 13 (26) октября во время похода «Асахи» коснулся плавучей мины и получил незначительное повреждение с левого борта под ватерлинией, почему адмирал Того отослал этот броненосец на рейд Эллиот для временной починки. Далее, 20 октября (2 ноября) истребитель 2-го отряда «Оборо» вместе с другими миноносцами своего отряда, крейсируя в Ляотешан-

¹ Крейсер 1 ранга «Баян» выходил на внешний рейд для того, чтобы укрыться под Золотой горой от бомбардировки 11-дюймовых снарядов, и в тот же день вечером вошел в гавань.

ском проходе, около 2 часов 30 минут ночи на SSW от этой горы коснулся мины заграждения. Была получена пробоина, и пропал без вести один машинист, но, к счастью, миноносец не затонул и на буксире товарищей пришел в Ping-tu-tau. Затем 24 октября (6 ноября) лодка «Атаго» села на камни и затонула близ острова Hwang-ching-tao. Перед этим эта лодка, находясь у острова Hwang-ching-tao, следила за судами с контрабандой. Этим утром, идя на свой район, в 7 часов 55 минут лодка коснулась неизвестного подводного камня между островами Северный и Южный Hwang-ching-tao. Командир лодки капитан 2 ранга Кубота Хокосичи немедленно принял меры, чтобы сойти с камня, но безрезультатно; ввиду прибыли воды никак нельзя было задержать погружение носа судна. Поэтому в 8 часов 05 минут, сняв портрет императора и пересадив часть команды на шлюпки и на подошедший для оказания помощи «Усугомо», командир спустил флаг; спустя немного лодка затонула.

Во время начавшегося с 13 (26) октября общего штурма крепости едва удалось завладеть лишь укреплениями Икко и Риусан; наступление против укрепления Эйкио пришлось приостановить; таким образом, снова надо было ожидать другого дня для нового штурма.

Между тем неприятель уже сформировал новую эскадру, под названием «2-я эскадра Тихого океана», из 7 броненосцев, 2 бронированных крейсеров, 5 легких крейсеров, 9 миноносцев и судов особого назначения, всего более 40 вымпелов. 1 октября эта эскадра вышла из порта Либавя, и часть ее уже была в Средиземном море, а главные силы, идя вдоль западного берега Африки, по-видимому, имели намерение обогнуть мыс Доброй Надежды.

Поэтому адмирал Того хотя не видел еще наступления момента освобождения от блокады Порт-Артура, но для подготовки операций против добавочной эскадры неприятеля в пределах возможного разделил подведомственные ему суда для очередной посылки их для выполнения необходимого ремонта. В первую очередь были отправлены в Японию «Асахи», «Такасаго» и «Акицусу». Начальнику же 2-й эскадры адмиралу Камимура было дано приказание отправить к Порт-Артуру бывшие в Корейском проливе «Никко-мару», «Гонконг-мару».

Вместе с тем адмирал Того просил начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито принять все меры к скорейшему окончанию ремонта. Таким образом, Соединенный флот по-прежнему действовал против неприятеля в Порт-Артуре и Владивостоке и в то же время готовился к встрече Балтийской эскадры.

Но адмирал Того, взвешивая состояние нашего и неприятельского флотов, решил без всякого промедления принять все меры к уничтожению неприятельской эскадры в Порт-Артуре. 28 октября (10 ноября) он специально командировал флаг-офицера 3-й эскадры лейтенанта Цукуси в главную квартиру 3-й армии для передачи генералу Ноги письма с изложением этого желания. 31 (13) октября флаг-офицером штаба 3-й эскадры, состоящим при 3-й армии лейтенантом Идзуи Сатоси, на «Микаса» был привезен ответ генерала Ноги, в котором говорилось, что так как армия еще не вполне закончила работы для атаки Нирейсан (Высокой горы), то решено в следующий общий штурм крепости ее не атаковать.

2 (15) ноября пришел из Такесики крейсер «Якумо», почему адмирал Того приказал адмиралу Дева перенести свой флаг на этот крейсер, а «Токива» отослать в Куре. Тем временем адмиралу Хосоя было приказано морским министром приехать в Токио, почему исполнять его обязанности был назначен адмирал Ямада, а командиру «Чин-Иен» капитану 1 ранга Иман Канемаса было поручено исполнять обязанности адмирала Ямада.

3 (16) ноября, согласно срочной телеграмме от адмирала Ито, что один неприятельский миноносец пришел в Чифу, немедленно был отправлен туда 1-й отряд истребителей. Ему было велено его осмотреть так, как и «Решительный». На другой день было выяснено, что это миноносец «Расторопный», который, по-видимому, передав важные известия, высадил команду на берег и взорвался; с получением этого известия адмиралом Ямада 1-му отряду истребителей было приказано вернуться.

Теперь в особенности был усилен надзор за действиями неприятельских судов и было приказано следить ближайшим к ним наблюдательным пунктам за движениями неприятельских судов вечером.

4 (17) ноября начальнику штаба Соединенного флота контр-адмиралу Симамура были присланы из Морского отдела главной квартиры имеемые там сведения о движении на восток Балтийской эскадры и заключения о наличном состоянии сил обеих сторон и тому подобные сведения. В общем говорилось, что, судя по приготовлениям судов, видно, что Балтийская эскадра без сомнения направляется в Тихий океан; рассчитывая по пройденному до сего дня ею пути, самое позднее она может подойти к Формозскому проливу в начале января 1905 года. Между тем наш Соединенный флот для восстановления своей боевой силы, хотя бы работы велись днем и ночью, все-таки потребует на ремонт 2 месяца. Поэтому, хотя до конца ноября положение под Порт-Артуром и оставалось бы без перемен, тем не менее наш флот, оставив блокаду, должен вернуться в японский порт. В силу таких обстоятельств адмирал Того командировал в штаб генерала Ноги флагманского офицера 3-й эскадры капитана 2 ранга Цучия Кокин с приказанием сообщить о положении нашего флота и, кроме того, о необходимости скорейшего, безо всякого промедления уничтожения неприятельской эскадры в Порт-Артуре и просить, чтобы армия в первую голову старалась бы овладеть горой Нирейсан (Высокой горой).

5 (18) ноября пришел из Сасебо «Ниппон-мару» и был зачислен в отряд адмирала Дева, которому было приказано отправить «Читосе» в Иокоско.

6 (19) ноября «Тацута», осмотрев германский пароход «Ветеран», ввиду нахождения на нем сомнительного груза арестовал его и отправил в Сасебо.

10 (23) ноября миноносец № 66 (16-го отряда), идя от Ping-tu-tau к острову Hwang-ching-tao, в 11 часов 45 минут утра на SO от Ляотешаня наткнулся на подводную мину, причем взрывом была разрушена вся кормовая часть, начиная с командирской каюты. Был ранен командир и убито 2 нижних чина, но миноносец не затонул, а на буксире «Сирануи» вернулся в Ping-tu-tau.

11 (24) ноября было получено известие из армии от начальника штаба Идзичи, что армия с 13 (26) ноября поведет снова общую атаку против горы Боодай (Орлиное гнездо) и положительно уверена в успехе, кроме того, она будет стараться на-

сколько можно вести операции против важного для флота Нирейсан (Высокой горы) и тому подобное.

Ввиду сего адмирал Того приказал блокирующим судам усилить бдительность и готовиться на случай выхода из гавани неприятельской эскадры.

13 (26) ноября 3-я армия начала общую атаку и вслед за бомбардировкой, хотя произвела удивительную атаку в штурме, но в конце концов не могла достигнуть результатов, почему, изменив направление, с 14 (27) ноября предприняла овладение Нирейсан (Высокой горой) и, после жестокого боя, к вечеру 15 (28) ноября хотя временно завладела горой, но вновь уступила ее неприятелю. После того для атаки на нее была прибавлена целиком вся 7-я дивизия и часть 1-й дивизии.

17 (30) ноября затонула лодка «Сайен», наткнувшись на мину. Находясь долгое время в сборном отряде в бухте Луизы, содействуя правому флангу 3-й армии, «Сайен» в этот день вместе с «Акаги» и вспомогательной лодкой «Кориу-мару» вышел в Голубиную бухту для оказания помощи при атаке Нирейсан (Высокой горы). В 2 часа 45 минут дня, при проходе лодкой места в 1 миле на NWtN от St. Abbs, произошел потрясший все судно взрыв. Командир лодки, капитан 2 ранга Тадзима Коре-така, поняв, что судно наскочило на мину, немедленно принял меры против доступа воды и направился к берегу, но не успел ничего сделать, и судно почти через 3 минуты затонуло. Бывшие поблизости суда, видя гибель «Сайен», бросились спасать экипаж и спасли старшего офицера капитан-лейтенанта Окуда Тейки, 12 офицеров, 3 кондукторов и 180 нижних чинов (на берегу на катере оставалось еще 4 человека), но командир капитан 2 ранга Тадзима, 6 офицеров и кондукторов и 31 человек команды разделили участь своего судна.

Этот (сборный) отряд, находясь с первого штурма крепости 3-й армией в бухте Луизы, невзирая на опасность от мин и бурь Печилийского залива, одновременно неся блокаду в Голубиной бухте, оказывал помощь правому флангу 3-й армии.

Итак, сначала отряд потерял «Хейен», а теперь и «Сайен». Рано утром этого дня 3-я армия начала атаку Нирейсан (Высокой горы) и после жестокого упорного боя, длившегося чуть не до ночи, овладела обеими вершинами горы. В разгаре боя было

передано донесение, что армия окончательно завладела обеими вершинами, поэтому генерал Ноги, увидев, что нет надобности в сильной поддержке со стороны моря, послал в этом смысле телеграмму адмиралу Того, который и вернул сборный отряд из бухты Луизы, послав его на усиление сторожевых судов у Hwang-ching-tao с назначением вместе с тем нести дозорную службу в Голубиной бухте, а по поводу успеха 3-й армии послал следующую телеграмму генералу Тоги:

«После нескольких дней непрерывного жестокого боя 3-я армия, благодаря выдающейся и непреклонной силе духа, одержала большую победу, взяв с боя позицию, от владения которой зависит судьба неприятельской эскадры. Соединенный флот от глубины сердца шлет поздравления вашей армии и выражает глубокое соболезнование по поводу многочисленных убитых и раненых воинов».

С овладением нашей армией Высокой горой можно было ожидать, считая по пальцам, решения судьбы неприятельской эскадры. Как бы средства ни предпринимал неприятель для избежания нашего орудийного огня, — спастись он уже не мог. Поэтому начальник Морского Генерального штаба адмирал Ито вместе с поздравительной телеграммой генералу Ноги выразил пожелание, чтобы в непродолжительном времени была бы начата бомбардировка по неприятельской эскадре, веденная так, чтобы в течение нескольких часов сосредоточить на ней огонь больших орудий, с тем расчетом, чтобы неприятель не успел ничего предпринять.

Несмотря на то что 3-я армия 18 ноября (1 декабря) перед рассветом овладела Высокой горой, неприятель все-таки контратакой отбил уже почти занятую вершину горы, а потому SW вершина, находясь под огнем неприятеля, продолжала быть почти недоступной. С рассветом, впрочем, узнали, что и с юго-западной вершины можно было отлично видеть внутренний рейд Порт-Артура.

Капитан 2 ранга Ивамура, командировав офицеров наблюдателей, приказал им вести наблюдение с башен, благодаря чему удалось разглядеть всю внутреннюю гавань: «Баян»,

«Амур» и «Севастополь» стояли в Восточном бассейне или близ него, прочие же суда укрылись под Перепелиной горой. Командующий армией, несмотря на то что все еще продолжался рукопашный бой, считая первым своим долгом как можно скорее потопить неприятельские суда, приказал устроить на вершине надежный наблюдательный пост и, связав его с батареями, вместе с морскими орудиями начал жестокую стрельбу по неприятельским судам из 28-см орудий. С другой стороны, пополнив силы, генерал Ноги предпринял новую атаку для прочного завладения всей вершиной Высокой горы. Таким образом, 3-я армия с октября устремила все силы на овладение Высокой горой. Неприятель защищался всеми силами, так что едва наши войска овладевали этим пунктом, как неприятель снова контратакой возвращал его. Жестокий бой продолжался непрерывно день за днем. Число убитых и раненых с обеих сторон было громадно.

Наши войска находились теперь уже на одной из вершин Высокой горы совсем близко к неприятелю, владевшему другой ее вершиной, и владение горой переходило то на нашу, то на его сторону. Ввиду этого адмирал Того послал извещение в армию, где, с одной стороны, выражал признательность за боевые труды армии, с другой стороны, предложил для окончательного закрепления за нами Высокой горы, ввиду ее важного значения, сформировать, если бы потребовалось, морской десант, чтобы, пользуясь истощением неприятеля, произвести им новый штурм.

Обстреливание 3-й армией неприятельских судов, по-видимому, не могло быть начато немедленно, и, так как нельзя было рассчитывать на изменение хода военных операций в лучшую сторону, то адмирал Того 20 ноября (3 декабря) послал приказание, чтобы все суда, ушедшие в Японию, ускорили в пределах возможности ремонт, для чего и экипаж судов помогал бы своими руками в работах. Имея в виду, что неприятель при обратном овладении Высокой горой понес большие потери, чем значительно уменьшил силу своего гарнизона, а одновременно и количество боевых припасов, а также принимая во внимание и то, что эскадра за последние 10 дней уже не выходила из гавани и, должно быть, уничтожена, было приказано,

чтобы блокирующие суда приложили все свои силы для несения службы.

22 ноября (5 декабря) 3-я армия снова повела атаку на Высокую гору и после упорного боя овладела всей горой; вместе с этим, пользуясь наблюдательным постом на этой горе, была открыта перекидная стрельба из 28-см орудий по неприятельской эскадре. Сверх того, там же построили вполне оборудованный наблюдательный телеметрический пост. Неприятель, истощив в этом районе во время непрерывного боя в течение нескольких дней свои силы, оставил мысль об отбитии Высокой горы и в конце концов, бросив целый пояс укреплений, отступил внутрь крепости. Поэтому полки крепостной артиллерии, согласуясь со стрельбой морского отряда тяжелой артиллерии, начали бомбардировать неприятельские суда из тяжелых орудий; вскоре было видно, что «Ретвизан» значительно накренился на левый борт, сильно поврежденный накануне броненосец «Полтава», по-видимому, не мог больше выйти в бой. Также были замечены многочисленные попадания в «Пересвет», «Победу» и прочие суда. 24 ноября (7 декабря) стрельба армии по неприятельским судам сделалась более и более действенна. «Полтава» уже села на дно. «Ретвизан» все более и более кренился на левый борт, и так как в полную воду вода уже достигала кормовой части его до высоты верхней палубы, то с этого дня перенесли огонь на другие суда. «Победа» накренилась на правый борт, на «Пересвете» возник пожар. Гавань опустела; ни одно судно не двигалось в ней; по-видимому, неприятель, бросив теперь свои суда, перешел на батареи. К следующему утру «Победа» затонула носом, «Пересвет», также потонув, находился почти в том же положении, как и «Полтава». На «Баяне» около полудня возник большой пожар, который в 5-м часу все еще не был прекращен. На «Палладе» также возник пожар, затем крейсер накренился влево и погрузился в воду кормой. Таким образом, перекидная стрельба 3-й армии принесла большие результаты. Крейсера и прочие большие суда одно за другим тонули и гибли, и только «Севастополь», по-видимому, не пошел по стопам своих товарищей.

26 ноября (9 декабря) на рассвете, внезапно выйдя из Восточного бассейна, этот броненосец вышел на рейд и, подойдя

на 1 милю к югу от батареи Чентоушань, стал на якорь с наружной стороны лодки «Отважный», чем и избег нашего огня. Получив это известие, адмирал Того приказал крейсерам «Кассуга» и «Ниссин» наблюдать за ним и поставил на сторожевые посты отряды миноносцев и истребителей, а крейсеру «Чиода» приказал нести дозорную службу на фарватере от Печилийского залива до Чифу. 1-му боевому отряду приказал спуститься на юг. Кроме того, чтобы преградить неприятелю путь отступления, было приказано набросать мин заграждения близ батареи Чентоушань, 14-му отряду миноносцев ночью произвести минную атаку, а судам партии минного заграждения отряда обороны залива Талиенван и минным катерам с «Асахи» и «Микаса» приготовиться к атаке. С этого времени отряды миноносцев (№ 2, 6, 9, 10, 12, 15, 16, 20 и 21-й — всего 30 миноносцев), суда минного заграждения отряда обороны залива Талиенван (2 судна) и минные катера с «Фусо», «Микаса» и «Фудзи» (3 катера) вели упорные непрерывные минные атаки на «Севастополь» (подробности во 2-й статье этой главы).

В этот же день вследствие стрельбы с берега «Баян» накренился на левый борт более чем на 20°, и казалось, что этот крейсер тотчас перевернется. «Паллада», накренившись на левый борт, казалось, уже погрузилась на дно. «Гиляк», приткнувшись к берегу у Перепелиной горы, накренился градусов на 50, будучи, по-видимому, совершенно разрушен. Из неприятельской эскадры теперь остались только броненосец «Севастополь», лодка «Отважный» и миноносцы.

27 ноября (10 декабря) «Акаси», крейсируя в сторожевом районе, в 8 часов 10 минут вечера в 11 милях к югу от Encounter Rock вдруг почувствовал сильный толчок всего корпуса; командир судна капитан 2 ранга Миядзи, поняв, что крейсер коснулся плавучей мины, немедленно приказал принять спешные меры, но в носу с правого борта образовалась большая пробоина и носовое провизионное отделение и некоторые другие наполнились водой; крейсер погрузился носом в воду, из-за чего получился сильный крен на правый борт. В эту ночь дул сильный ветер и была волна. Из-за качки, темноты ночи, жестокого холода и покрывающего верхнюю палубу крепкого льда рабо-

ты были очень затруднительны, однако экипаж, приготовив на всякий случай все шлюпки, работал изо всех сил по спасению судна. Крен судна понемногу уменьшался, и судно выпрямилось. Затем один за другим подошли на помощь «Ицукусима», «Хасидате»; «Акаси» под конвоем этих двух судов, дав ход, 29 ноября (12 декабря) в 1 час дня пришел в Дальний.

29 ноября (12 декабря) с ближайшего наблюдательного поста было сообщено, что большой пароход под английским флагом приближается от мыса Ляотешань к «Севастополю». Поэтому адмирал Того обратился к начальнику штаба армии Идзичи с просьбой, что если пароход этот войдет в гавань или будут выходить суда, которые его туда поведут, то как возможно сильнее обстрелять их. Спустя немного после несчастья с «Акаси», затонул «Такасаго», наткнувшись на подводную мину. Этот крейсер во время следования по назначению 30 ноября (13 декабря) наткнулся на мину; в 12 часов 01 минуту ночи в носовой части с левого борта произошел сильный взрыв. Командир его капитан 1 ранга Исибаси Хадзими немедленно пробил водяную тревогу и одновременно дал знать о несчастье другим судам, прося помощи от ближайшего к нему «Отава» и света прожектором для обозначения своего места. Но крен вдруг усилился и достиг 12 градусов; несмотря на все усилия экипажа предотвратить его было нельзя, крен, более и более увеличиваясь, достиг свыше 30°; остановили машину, и уже ничего нельзя было придумать. Поэтому капитан 1 ранга Исибаси вызвал машинную команду на верхнюю палубу и приказал всей команде перейти на левый борт; прокричав три раза «банзай», с военными песнями экипаж ожидал потопления крейсера. В 1 час 10 минут крейсер в приблизительной широте 38°10' N и долготе 121°15' Ost перевернулся на левый борт и спустя 23 минуты совершенно погрузился в воду. Кроме 25 человек, бывших на шлюпке, весь экипаж оказался в волнах. Этой ночью дул сильный NO ветер со снегом, ничего нельзя было различить на расстоянии одного фута и едва сквозь снег виднелся блеск прожектора с «Отава». Этот крейсер, бывший на сторожевом районе, спешно шел, согласно полученной телеграмме, на помощь и, подойдя к месту катастрофы, немедленно спустил шлюпки и вместе со шлюпками с «Такасаго» принялся спасать людей, но,

ввиду сильного ветра и большой волны, шлюпки не могли управляться, сверх того, густой снег слепил глаза, и шлюпки шли только на голоса утопающих то вправо, то влево. 7 шлюпок с обоих судов с трудом подобрали командира судна Исибаси, 10 офицеров и кондуктора и 151 человека команды (из них умерло 6 человек). Старший офицер капитан 2 ранга Накаяма Тейдгаро, 22 офицера и кондуктора и 251 человек команды и вольнонаемных разделили участь судна.

2 (15) декабря адмирал Того приказал адмиралу Ямада прекратить постановку мин. С середины апреля, когда впервые были поставлены мины у рейда Порт-Артура, и по сие время в течение 8 месяцев вспомогательные канонерские лодки и минные катера с судов на ветру и волне под неприятельскими снарядами наперерыв исполняли работу по постановке мин. Хотя неприятельские суда, начиная с «Петропавловска», вследствие этого часто подвергались опасности от взрыва мин, но и потери наших судов от неприятельских снарядов и прочих причин были немалые (лейтенанты Каваками, Вакида, Оцука, младший механик Сасаки, мичманы Мукаи, Курокава, Цуруда и гардемарин Камино и более 60 нижних чинов).

3 (16) декабря, ввиду почти полного уничтожения неприятельской эскадры, адмирал Того с «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Ниссин», «Тацута» в 1 час 20 минут пришел на рейд Эллиот. В этот день на «Микаса» прибыл помощник начальника штаба армии подполковник Онива Дзиро и передал от лица генерала Ноги сожаление по поводу гибели «Такасаго» и сочувствие по поводу бывших за последнее время несчастных случаев с блокирующими судами. Ввиду же того, что теперь неприятельская эскадра почти уничтожена, и если 3-я армия будет обеспечена мерами против провоза контрабанды, можно было бы возвратить большую часть флота в Японию. Затем адмирал Того телеграфировал командиру «Чин-Иен» капитану 1 ранга Имаи о прекращении атак на «Севастополь».

4 (17) декабря адмирал Того приказал адмиралу Дева на «Якумо» идти в Иокоско для выполнения полного ремонта судна. Затем сам, пересев на «Тацута», пошел в Дальний. Осмотрев 5 (18) декабря этот порт, 6 (19) прошел к Ping-tu-tau и осмотрел издали положение «Севастополя». У того был крен,

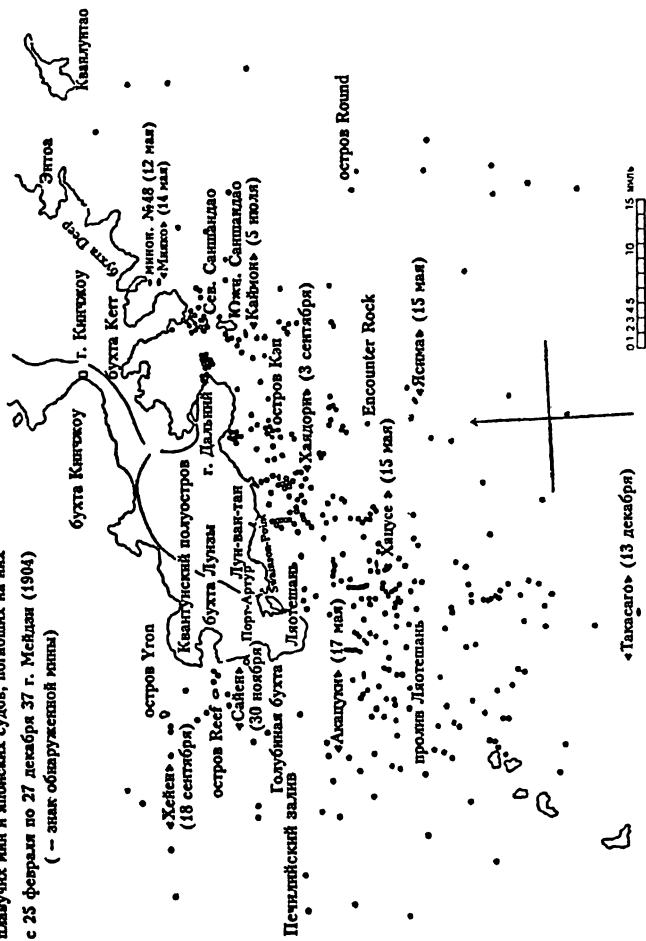
доходящий до 10°, и видно было, что он совершенно потерял способность к плаванию. На другой день, 7 (20) декабря, адмирал Того сделал визит генералу Ноги в его главной квартире.

20 декабря истребитель «Асагири» захватил английский пароход «King Artur», вышедший из Порт-Артура, и отправил его в Сасебо. 9 (22) декабря адмирал Того послал в главную квартиру общий очерк действий флота за время блокады под Порт-Артуром с указанием, что ввиду того что неприятельская эскадра в Порт-Артуре почти вся истреблена, операции нашего флота в первую стадию войны почти окончились и флоту здесь более нечего делать:

Благодаря жестоким непоколебимым атакам доблестной превосходной осадной армии решилась судьба Порт-Артура. С момента взятия нашими войсками Высокой горы стрельба тяжелой осадной артиллерии по неприятельским судам становилась все более и более успешной, вследствие чего сразу затонули «Полтава», «Ретвизан», вслед затем были потоплены «Победа», «Пересвет», «Паллада» и «Баян». Оставался только один «Севастополь». Этот броненосец, избегая орудийного огня с тыла, утром 26 ноября (8 декабря) вышел из гавани и стал под батареей Чентоушань, но и он также был подбит нашими непрерывными смелыми минными атаками и теперь почти потерял боевую силу и способность к плаванию; таким образом, главные силы Порт-Артурской эскадры фактически были совершенно уничтожены и остались только не имеющие боевого значения лодка «Отважный» и несколько миноносцев. Поэтому я намерен отослать часть флота, которая при настоящих обстоятельствах становится излишней, но вместе с тем оставляю достаточную силу, чтобы следить за недопущением провоза контрабанды и выхода из Артура судов, а также для наблюдения за оставшимися в порту еще целыми военными судами.

В течение этой длинной блокады была постоянная опасность от неприятельских мин заграждения и плавучих мин, а также мы терпели бури, туманы и волнение. Сначала мы потеряли «Мияко», «Иусино», «Хацусе», «Ясима», «Осима», «Акацуки», «Каймон», а позже «Хаядори», «Хейен», «Атаго», «Сайен» и «Такасаго»; хотя погибло немало верных воинов,

План с указанием мест обнаруженных русских
 плавучих мин и японских судов, погибших на них
 с 25 февраля по 27 декабря 37 г. Мейдзи (1904)
 (— знак обнаруженной мины)

но, к счастью, мы всегда могли поддерживать блокаду. По временам неприятель выходил из гавани, но каждый раз его намерение оканчивалось неудачей; наконец, благодаря величайшей помощи со стороны осадной армии, удалось увидеть на этом районе почти полную гибель неприятельской эскадры, а Владивостокский отряд, получив еще ранее большой удар со стороны нашей 2-й эскадры, не отваживался после того выходить в море. Говоря об этом, мы можем быть только уверены еще сильнее, чем раньше, в великих силах, заключающихся в блистательных добродетелях нашего верховного вождя императора.

Я считаю долгом также заявить, что за это время все часты, состоящие под моей командой, каждая в кругу своих обязанностей, заслужили полное мое одобрение.

То же самое нужно сказать относительно заграждающих отрядов, производивших закупорку входа в гавань, когда надежда на успех этого была уже оставлена, об особом тралящем караване, который очищал от мин неприятельские воды, невзирая на опасность, и о чинах передовых наблюдательных постов, которые, подвергаясь огню неприятеля, следили за судами; все они, неся особые обязанности, много способствовали успешному поддержанию блокады в этих водах.

10 (23) декабря адмирал Того приказал адмиралу Насиба с «Фудзи» идти для ремонта в Сасебо, вместе с тем приказал командире «Чин-Иен» Имаи освободить с блокадных постов несущих блокаду отряды истребителей и миноносцев, а контр-адмиралу Того принять под свое командование все находящиеся у Ping-tu-tau блокадные суда и, кроме того, под конвоем судов минными катерами с судов атаковать оставшиеся целыми неприятельские истребители. Далее адмиралу Ямада было приказано распустить особый тралящий караван и вернуть его личный состав в свои части по принадлежности.

Затем была получена от начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито телеграмма, в которой говорилось, что для боевой подготовки к встрече неприятельской добавочной¹

¹ 2-й Тихоокеанской эскадры.

эскадры надлежит оставить у Порт-Артура и в Корейском проливе силы, достаточные для отражения остатков неприятельских судов и для воспрепятствования провозу контрабанды, а всем прочим судам вернуться временно в Японию для скорейшего восстановления боевой силы. Для совместных действий с 3-й армией специально назначить начальника 3-й эскадры вице-адмирала Катаока, а самому адмиралу Того и начальнику 2-й эскадры Камимура в удобное время приехать в главную квартиру. Поэтому адмирал Того, дав указания адмиралу Катаока по поводу дальнейших операций и обратившись на другой день с особым приказом к остающимся судам, вышел в Японию на «Микаса» и прибыл 15 (28) декабря в Куре, откуда с начальником штаба адмиралом Симамура поехал в Токио и 17 (30) декабря вместе с начальником 2-й эскадры Камимура, прибыв в столицу, отправился в главную квартиру для всеподданнейшего доклада о ходе военных операций.

Адмирал Катаока, согласно инструкциям адмирала Того, принял в свое ведение операции под Порт-Артуром и, перенеся 13 (26) декабря флаг на «Ицукусима», на другой день вышел с рейда Эллот в Дальний.

15 (28) числа было получено известие от начальника штаба армии Идзичи, что 9-я дивизия утром того же дня произвела взрыв форта Эрлуншань (форт № 3) и в 7 часов вечера вполне овладела им. Еще 1 декабря 11-я дивизия овладела фортом Tung-Chin-Kwan-shan (форт № 2), и теперь операции 3-й армии решительно подвигались к концу.

18 (31) декабря 1-я дивизия, произведя взрыв в форту Sung-shu-shan, вслед затем овладела им.

19 декабря (1 января 1905 года) 9-я и 11-я дивизии, атаковав наблюдательный пост, захватили его, 7-я дивизия, отогнав неприятеля, заняла высоты к югу от деревни Шан-ян-тоу.

Ввиду этого адмирал Катаока обратился ко всем своим подчиненным с похвальным словом о выдающихся действиях 3-й армии, так как с получением в наши руки всего пояса укреплений на Eri-lung-shan армия более и более продвигалась вперед обоими своими флангами, чтобы вскоре поразить неприятеля в самом центре. Поэтому наша эскадра приложила все свои старания, чтобы добиться или захвата, или уничтожения всех ос-

тавших судов неприятеля. В этот день адмирал Того ввиду значительного успеха в военных операциях под Порт-Артуром издал следующее объявление относительно блокады Квантунского полуострова:

«По повелению императорского правительства, я объявляю сим, что район блокады, объявленный мною 13 (26) мая 1904 г., в настоящее время изменен и что впредь с 19 декабря 1904 г. (1 января 1905 г.) весь берег Ляодунского полуострова, Шен-цзянской провинции Китая, к западу от линии между мысами South Entry Point и Wedge Head состоит и будет находиться в блокаде превосходными силами императорского флота и что против всех судов, пытающихся нарушить блокаду, будут применены все меры, дозволяемые международным правом и соответственными договорами японской империи с другими нейтральными государствами».

Этой же ночью адмирал Катаока получил от флаг-офицера Ивамура донесение, что парламентар неприятеля прибыл в штаб 3-й армии с предложением сдачи Порт-Артура и что в армии вырабатываются условия ответа.

20 декабря (2 января) с передового наблюдательного поста было получено донесение, что, за исключением «Севастополя» и «Отважного», бывших на рейде, неприятельских миноносцев и пароходов больше не видно, а затем, что «Отважный» затонул на своей стоянке, что неприятель сам уничтожает суда, находящиеся в гавани, что бывший в восточном бассейне трехмачтовый пароход затопился в проходе и тому подобное.

Поэтому адмирал Катаока, полагая, что неприятельские миноносцы ввиду открытия переговоров о сдаче крепости прошлой ночью вышли из гавани, чтобы укрыться в Чифу или Цинтау, немедленно отправил «Акицусу» и 1-й отряд истребителей в Чифу, а «Чиода», «Тацута» и 5-й отряд истребителей в Киао-Чао с приказанием отыскать местонахождения неприятеля.

Вскоре из телеграммы адмирала Ито узнали, что миноносцы «Страшный»¹, «Скорый», «Властный», «Сердитый» и 1 паровой катер этим утром один за другим укрылись в Чифу; от-

¹ «Статный».

правив в Чифу на усиление 1-го отряда истребителей еще 15-й отряд миноносцев, адмирал Катаока приказал им принять такой способ действий, чтобы, избегая боевых действий в порту Чифу, только угрожать неприятелю и заставить его самого истребить себя. Еще ранее было получено известие, что «Севастополь» на буксире большого парохода идет на SO; адмирал Катаока приказал бывшему на рейде Эллиот броненосцу «Асахи» спешно идти к острову Round, а сам «Ицукусима» вышел в море, имея целью идти навстречу неприятелю. Немного спустя получил известие, что «Севастополь», выйдя в море против Kai-uap-chaп, открыв кингстоны, затопил сам себя, почему выход судов был отменен.

Из оставшихся неприятельских судов, кроме стоявшего под Чентоушаном «Севастополя», часть укрылась в нейтральных портах, часть уничтожила себя, и неизвестным оставалось только пребывание 2 миноносцев.

Командующий армией генерал Ноги для совещаний о сдаче крепости постановил членам обеих сторон встретиться 20 декабря (2 января) после полудня у деревни Сьюшун. Со стороны 3-й армии были назначены начальник штаба, генерал-майор Идзичи и прочие чины, а полномочным представителем от Соединенного флота — флаг-офицер штаба 1-й эскадры капитан 2 ранга Ивамура. Переговоры были открыты, как назначено, и окончены в 4 часа 35 минут дня. В то же время были прекращены военные действия с обеих сторон.

Так как военные операции против Порт-Артурской эскадры этим совершенно заканчивались, то адмирал Катаока по приказанию командующего Соединенным флотом послал «Асахи» и «Отава» к своим отрядам в Сасебо.

По дальнейшим известиям было выяснено, что 3 судовых минных катера неприятеля вошли в Чифу этим утром, а также узнали, что миноносец «Бойкий», «Смелый» и пароход «Бинтанг»¹ с 800 солдатами пришли в Цинтау. Таким образом, стало известно местонахождение всех оставшихся неприятельских судов, и так как каждое из них по требованию нейтральных властей должно было разоружиться, то 5 января адмирал Катаока снял блокаду, собрал суда в Дальнем, снова назначил охрану

¹ Пароход «Бинтанг» ни одного человека из Порт-Артура не увозил.

залива Талиенван, оставил необходимые для того суда, а прочим судам для подготовки к военным операциям 2-го периода приказал постепенно идти в Японию. 25 декабря (7 января) адмирал Катаока послал в главную квартиру и командующему Соединенным флотом донесение об окончании военных действий 1-го периода.

Затем адмирал Катаока еще некоторое время командовал эскадрой, а с учреждением управления порта в Порт-Артуре в начале февраля еще оставался в Дальнем, охраняя залив Талиенван, производя очистку Порт-Артура от мин и разбираясь с захваченным имуществом, принадлежащим флоту.

24 декабря (6 января) по случаю сдачи Порт-Артура на имя командующего 3-й армией, генерала барона Ноги и командующего Соединенным флотом адмирала Того был пожалован следующий императорский рескрипт:

«Порт-Артур был главной твердыней неприятеля на Дальнем Востоке, как с суши, так и с моря, но совместными усилиями 3-й армии и Соединенного флота, которые долгое время, несмотря на холод и зной, терпя труды и лишения, доблестно одерживали победы, наконец были сломлены его железные укрепления, уничтожены крепкие суда и в конце концов пала крепость и сдались ее защитники.

Мы глубоко радуемся тому, что наши воины исполнили свои обязанности и достигли большого успеха.»

На этот рескрипт адмирал Того поднес нижеследующий ответный адрес:

«То, что удалось достигнуть цели военных операций против неприятеля в Порт-Артуре совместно с доблестной 3-й армией, главным образом относится к блистательной добродетели нашего верховного вождя, Вашего Величества, однако на наш ничтожный труд снова соизволили пожаловать всемилоостивейший рескрипт. Не имея слов выразить наши чувства, мы только еще с большим усердием будем стараться, чтобы оправдать эту великую милость.

Вышеизложенное почтительно доносим.»

Также был получен рескрипт от наследного принца, на который адмирал Того ответил в соответствующих выражениях.

25 декабря (7 января) от имени императрицы гофмаршалом виконтом Кагава Кейзо был также привезен на имя командующего 3-й армией и командующего Соединенным флотом рескрипт, на каковой адмирал Того ответил подобающими словами.

Статья 2. Минные атаки на «Севастополь»

Открытая с 22 ноября (5 декабря) 3-й армией перекидная стрельба по судам неприятеля производилась с большим успехом; большие неприятельские суда одно за другим тонули от наших снарядов; «Севастополь», спрятавшись в глубине Восточного бассейна, сначала был вне падения снарядов, однако, разыскивая его, наша осадная артиллерия стала обстреливать и Восточный бассейн.

С рассветом 26 ноября (9 декабря) этот броненосец неожиданно вышел из Восточного бассейна, направился на рейд и, подойдя на расстояние одной мили на S от батареи Чентоушань, стал на якорь по внешнюю сторону «Отважного». Встав за боном и поставив к нему световое ограждение, «Севастополь» держал между собою и берегом 2 миноносца для отражения атак.

Адмирал Того, узнав о выходе этого судна из гавани, немедленно пошел с 1-м боевым отрядом к югу от Encounter Rock, приказав блокирующим судам следить за неприятельским броненосцем, если бы он пошел на юг; а также дал приказание 9-му и 15-му отрядам миноносцев произвести на него атаку в ту же ночь.

Поэтому начальник 9-го отряда миноносцев капитан 2 ранга Хиросе с «Аотака», «Кари» и «Касагаги» («Цубане», находясь в ремонте, не участвовал) в 8 часов вечера пошел к месту нахождения неприятеля. Неприятель, будучи настороже, кроме прежних прожекторов светил еще одним небольшим к югу от Чентоушаня. Было уже 11 часов 05 минут вечера, когда, ведя прямо на север луч света фонаря с батареи Man-tsu-ying, первый миноносец «Аотака», заметив смутное очертание судна на

WNW, выпустил мину; «Кари» и «Касагаи», произведя также один за другим атаки, ушли к Ping-tu-tau.

15-й отряд, покинув 26 ноября (9 декабря) в 10 часов вечера Ping-tu-tau, подошел в 12 часов 45 минут ночи к рейду Порт-Артур. Начальник отряда капитан 2 ранга Касама, идя с 1-м отделением («Хабари» и «Саги»), всюду искал неприятеля, но, ослепляемый прожекторами, не мог разглядеть, где находится «Севастополь». В 3 часа 15 минут второе отделение, заменив его, пошло на предполагаемое место нахождения неприятеля, но, не обнаружив его, прекратило поиски и вместе с 1-м отделением вернулось в Ping-tu-tau.

Так как 27 ноября (10 декабря) неприятельское судно стояло еще на прежнем месте, то адмирал Того отправил посыльный миноносец к адмиралу Ямада с приказанием собрать все миноносцы 7-го отряда у Ping-tu-tau и ожидать приказаний, а командиру «Чин-Иена» Имаи приказал в эту ночь послать в атаку 10, 14, 15 и 20-й отряды миноносцев, а также 2 судна партии заграждения и 2 минных катера с «Микаса» и «Асахи», назначив капитана 2 ранга Касама общим начальником над всеми атакующими отрядами.

Однако в этот день дул сильный северный ветер, и в поход было идти нельзя, почему атака была отменена.

28 ноября (11 декабря) капитан 1 ранга Имаи вновь приказал 15-му отряду миноносцев и 2 судам партии заграждения в Талиенване идти в атаку и поручил охрану их 1-му отряду истребителей. Поэтому капитан 2 ранга Касама вместе с начальником партии минного заграждения Талиенвана капитан-лейтенантом Масато Таметаро сели на миноносец и предварительно выяснили стоянку неприятельского судна, а в 11 часов вечера с вверенными им судами вновь отправились в атаку. Около 12 часов 45 минут шедший головным миноносец «Хабари», ясно заметив корпус неприятельского судна, выпустил мину, № 2 строя, «Саги» также произвел выстрел, № 3, «Удзура», еще не будучи освещен прожекторами, выпустил мину, но в это время был обстрелян неприятелем, а последний миноносец, «Хаситака», еще ранее попавший в лучи освещения и обстрел неприятеля, не будучи в состоянии его самого обнаружить, отступил, и все миноносцы без потерь вернулись в Ping-tu-tau.

Командовавший 2 судами минного заграждения Масато вышел из Ping-tu-tau вслед за 15-м отрядом миноносцев, в 1 час 30 минут ночи направился к неприятелю и, идя так в течение 5 минут, увидел по носу неприятельское судно, однако в то же время он был освещен прожекторами, и хотя полевые орудия и пулеметы с Ляотешаня и батареи Чентоушань обстреливали наши суда, но, к счастью, попаданий в них не случилось. Головное судно выстрелило миной по направлению самой середины борта «Севастополя», другое также, приблизившись, выпустило мину и, соединившись с головным, совместно вернулись к Ping-tu-tau без повреждений.

Так как несмотря на наши атаки в течение 2 ночей, не было заметно разницы в состоянии «Севастополя» и «Отважного», то капитан 1 ранга 29 ноября (12 декабря) вновь приказал идти в атаку 20-му отряду миноносцев и 2 минным катерам с судов, а 10-му отряду миноносцев охранять минные катера, но получил от командующего флотом дополнительное приказание: «собрать начальников отрядов миноносцев, передать инструкции и кроме названных двух отрядов включить также и 14-й отряд миноносцев».

Первоначально начальник 20-го отряда капитан-лейтенант Аракава, командующий минными катерами минный офицер с «Фусо» лейтенант Адачи и начальник 10-го отряда миноносцев капитан-лейтенант Такимичи совместно разработали план атаки, но с включением вновь 14-го отряда снова собрали совещание и, определив порядок атаки, в 12 часов ночи вышли из Ping-tu-tau к Порт-Артуру.

20-й отряд миноносцев после полуторачасового хода лег на NW $\frac{1}{2}$ к W, идя на прожекторы батареи Чентоушань; в 2 часа 20 минут, ввиду того, что отряд слишком приблизился к берегу, курс был затем на WNW, и тогда же впервые отряд был открыт прожектором с Золотой горы; затем миноносцы попали под лучи всех прожекторов и по ним начали стрельбу сначала с батареи Чентоушань, а затем и с других батарей и судов, «Севастополь» также как будто бы светил одним прожектором. Головной миноносец № 62, увидев по носу в расстоянии около 1500 метров «Севастополь» и 1 коммерческое судно, немедленно передал о том на задние миноносцы. В это время один сна-

ряд попал в него под ватерлинией с левого борта у командирской рубки и, пробив корпус насквозь, вышел с правого борта. Приняв меры, чтобы не допустить доступа воды, миноносец прошел вперед, произвел атаку и удалился на SO.

Миноносец № 64, также выпустив мину, хотел идти в море, но, увидав справа впереди, что миноносец № 62 парит, подошел к нему на помощь; в это время в него сквозь левый борт в кают-компанию попал снаряд и, там разорвавшись, осколком пробил переборку в машину и разворотил верхнюю палубу; кроме того, часть осколков полетела за борт. Хотя пришлось временно застопорить машину для производства спешного исправления, все-таки удалось выбраться за пределы падения снарядов. Шедший 3-м миноносец № 63 в 2 часа 52 минуты, заметив справа по носу силуэт неприятельского судна, атаковал его, после чего повернул влево, стараясь найти свои миноносцы, но, поискав безуспешно, вернулся в Ping-tu-tau один.

Миноносец № 65 около 2 часов 50 минут ночи видел, что с миноносцев № 62 и № 64 выходил пар, и в особенности у № 64, у которого вся кормовая часть была окутана паром, и что они идут в море. Следя все время за ними, № 65 все-таки двигался вперед, обнаружил неприятеля и, немедленно выпустив в него мину, пошел в море. По пути увидел с левого траверза все еще окутанный паром миноносец № 64, который находился под обстрелом неприятеля. Совместно с ним № 65 вышел за пределы падения снарядов и, когда огонь неприятеля ослабел, взял поврежденный миноносец на буксир.

Миноносец № 62, идя в море, заметил справа вспышки огня и подумал, что это требует помощи один из миноносцев отряда, подошел к тому месту и, убедившись, что это бортовой огонь № 64, снова вернулся на свой курс; затем, приблизившись к неприятелю, застопорил машину, поднял сигнальный огонь на клотике, ожидая подхода других миноносцев. Между тем течь была настолько значительна, что миноносец постепенно все более и более садился носом; встретив № 64 на буксире у № 65 и узнав, что № 63, окончив атаку, благополучно вернулся, № 62 пошел один к Ping-tu-tau, а следом за ним вернулись № 64 и № 65.

Бывшие под командой лейтенанта Адачи минные катера с «Фусо» (лейтенант Адачи) и «Микаса» (лейтенант Начано), выйдя в 12 часов ночи из Ping-tu-tau и держась первоначально назначенного курса, в пути отделились от 20-го отряда миноносцев и в 2 часа 45 минут ночи, увидя прожекторы батареи Чентоушань на N, застопорили машину. Видя, что 20-й отряд, кончив атаку, удалился, катера двинулись вперед, но, заметив, что неприятельские миноносцы как будто бы ходят около броненосца, снова вернулись на прежнее место и застопорили машину. В 4 часа снова пошли на прожектор Тахе и, двигаясь со страшной осторожностью, вскоре увидели впереди с левого борта темный силуэт неприятельского судна; удостоверившись, что это «Севастополь», катер с «Фусо» немедленно его атаковал и отступил, катер с «Микаса» также выпустил мину. По-видимому, неприятель узнал о нашей атаке одновременно с раздавшимся гулом взрыва, на судне поднялась суматоха, и затем вместе с батареями с него открыли огонь. Один из снарядов попал в машинное отделение катера с «Микаса», ранил одного матроса, пробил переборку в кочегарку, снова ранил двух нижних чинов. Осколки неприятельского снаряда также попали в корму катера с «Фусо», но убитых и раненых не было; оба катера вернулись к Ping-tu-tau.

Бывший под командой капитан-лейтенанта Секи Сигетака 14-й отряд миноносцев в 1 час ночи вышел из Ping-tu-tau и, увидя прямо на N прожекторы Золотой горы, застопорил машины. Заметив, что 20-й отряд, кончив атаку, уходит, в 3 часа 30 минут снова двинулся вперед к неприятелю, но из-за стрельбы и ослепленный прожекторами не мог найти его, отчего повернул обратно и так проделывал 4 раза, но, каждый раз ослепляемый прожекторами, не достигал цели и, наконец, вернулся к Ping-tu-tau.

Эта 3-я атака наших миноносцев и катеров не принесла желаемых результатов. 30 ноября (13 декабря), по донесению ближайших наблюдательных постов, «Севастополь» и прочие суда стояли по-прежнему и в состоянии их не замечалось перемен. Ввиду этого капитан 1 ранга Имаи, по приказанию адмирала Того, назначил идти в атаку 10-му отряду миноносцев и смешанному отряду из миноносцев 6-го и 12-го отрядов.

Затем капитаном 1 ранга Имаи было получено приказание от адмирала Того вступить в командование над всеми находящимися у Ping-tu-tau истребителями и миноносцами, распределив истребителей по блокадным районам и указав отрядам миноносцев местности, где возможно было производить атаки.

Начальники отрядов: 10-го — капитан-лейтенант Отаки и 12-го — лейтенант Миямото (флагманский миноносец находился в Дальнем в ремонте), сговорившись предварительно о способе атаки, вышли со своими миноносцами из Ping-tu-tau в 12 часов 30 минут ночи. В эту ночь дул сильный ветер со снегом, в двух шагах не было видно ни зги, почему миноносцы открыли огни и, перекликаясь между собою, осторожно продвигались вперед и тем не менее в самое короткое время потеряли друг друга. В 2 часа 30 минут шли совместно уже только головной миноносец № 43 и следующий за ним № 41. Капитан-лейтенант Отаки, опасаясь потерять удобный случай из-за ожидания 12-го отряда, пошел в атаку с миноносцами. В это время валил сильный снег. Миноносцы везде разыскивали неприятеля, но за темнотой не могли его найти и решили для производства атаки подождать рассвета, крейсируя по линии Ляотешань—Лунвантань и выжидая удобного момента. К рассвету снег прошел; в густой мгле перед собою они увидели скалы Тахе и тогда только узнали о своей ошибке. Однако немедленно же они решили идти в атаку, но так как в это время уже совсем рассвело, то вернулись к Ping-tu-tau. Третий миноносец № 42 и последний № 40, в поисках за судами своего отряда, потеряли свое место и, произведя атаки, вернулись в Ping-tu-tau. Смешанный отряд из миноносцев № 52 и № 53 из 12-го отряда и № 58 из 6-го отряда под командой лейтенанта Миямото (на № 52) в 2 часа ночи вышли из Ping-tu-tau. На пути из-за густого снега миноносцы потерялись друг от друга. № 52, идя один и разглядев слева контуры Ляотешаня, изменил курс вправо, и так как заметил впереди слабый луч прожектора с Чентоушаня, то пошел на него и в это время увидел вдруг близко по носу идущих на пересечку 3 судна, которые принял за сторожевые суда неприятеля, вследствие чего уклонился от боя с ними, и в 4 часа 06 минут слева от Чентоушаня открыл неприятельское судно.

Было приказано немедленно сделать по нему выстрел, но прислуга у аппарата не могла ясно различить судно, почему атаку отменили и легли на обратный курс. Во время дальнейших поисков за неприятелем № 52 узнал об атаке других миноносцев, почему в 4 часа 20 минут снова нашел неприятеля и, произведя атаку, вернулся. № 58 около 4 часов ночи, внезапно вблизи по носу увидев силуэт судна, выпустил мину, удалился и вслед за миноносцем № 52 вернулся в Ping-tu-tau. Один только № 53 не возвращался. Этот миноносец был под командой лейтенанта Нагата Такедзиро. Так как неприятель кроме минных сетей поставил еще заграждение вроде бона, то, прокравшись между берегом и неприятельским судном, лейтенант Нагата, вероятно, хотел атаковать неприятеля с наименее защищенной стороны и, пользуясь удобным случаем, испортить боновое заграждение, для чего и взял с собою разрывные патроны. По-видимому, миноносец сел, к несчастью, на камни и потому не мог вернуться. Впоследствии, по сведениям от неприятеля, мы узнали, что в эту ночь один миноносец, прокрадываясь от Ляотешаня, коснулся мины заграждения и, по-видимому, потонул; хотя из его экипажа многие иплыли к скалам, но с рассветом ни одного человека уже не было видно. Так как из команды судна никого не осталось в живых, а именно: погибли командир лейтенант Нагата, мичман Ямагучи, старший кондуктор Мидзума и 15 человек команды, то причина гибели миноносца так и осталась невыясненной.

Производившиеся с 26 ноября (9 декабря) каждую ночь подряд 4 атаки не имели успеха, и так как 1 (14) числа вечером было получено донесение с наблюдательного поста, что нос «Севастополя» сел в воду, в состоянии неприятельского судна не замечалось значительных перемен, то адмирал Ямада и капитан 1 ранга Имаи получили приказание от адмирала Того этой ночью послать 9-й и 14-й отряды миноносцев вместе с другими в решительную атаку. Согласно распоряжению пустить все миноносцы в атаку, поручив сторожевую службу этой ночью отрядам истребителей, адмирал Ямада приказал готовиться всем наличным отрядам (2, 6, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 21-му и одному минному катеру с «Фудзи», прочие были в ремонте), а капитан 1 ранга Имаи дал им инструкции относительно атаки, назна-

чив общим руководителем капитана 2 ранга Касама (с 15-го отряда).

Смешанный отряд из 6-го и 12-го отрядов под командой капитан-лейтенанта Учиды пошел в атаку первым. Выйдя из Ping-tu-tau 1 (14) декабря в 9 часов вечера, в 11 часов 30 минут ночи отряд подошел к батарее Чентоушань — в это время серп луны находился еще над Ляотешаном и поверхность моря была освещена. Отряд остановился, выжидая удобный момент. Вскоре луна скрылась за облака и пошел снег, поэтому отряд бросился к неприятелю; ясно разглядев силуэт судна, капитан 2 ранга Учиды приказал приготовиться к атаке, но тем временем был открыт неприятелем. Несмотря на град снарядов с батарей и неприятельского судна, головной миноносец № 56 в 11 часов 55 минут выпустил мину и удалился.

№ 58, воспользовавшись тем, что все внимание было обращено на головной миноносец, полным ходом подошел к неприятелю и, несмотря на несколько попавших в него снарядов, также произвел атаку, после чего отступил; № 52, открыв на SW и на SO от батареи Чентоушань по одному большому судну¹, выпустил 2 мины по стоящему на SW. В этой атаке на № 56 был поврежден винт. На № 58, в который попало много снарядов, было свыше 20 более или менее крупных повреждений, разбит минный аппарат и 3 нижних чина ранены. На № 52 повреждений не было. Все миноносцы встретились в море и 2 (15) вернулись в Ping-tu-tau.

Катер с «Фудзи» под командой мичмана Иоково вышел вслед за 6-м отрядом, предполагая воспользоваться атакой этого отряда, чтобы атаковать неприятеля с тылу; все-таки подвергся обстрелу, почему и решил идти в атаку вместе с идущим во второй очереди 15-м отрядом миноносцев. Около 1 часу 40 минут ночи, заметив приближение 2-й очереди миноносцев, минный катер пошел на прожектор на Чентоушане и, убедившись, что под его W оконечностью носом на O стоит «Севастополь», улучив минуту между непрерывными атаками наших миноносцев, в 3 часа 30 минут выпустил в него мину, а затем, отстреливаясь от неприятельских миноносцев, ушел в море.

¹ Броненосец «Севастополь», канонерская лодка «Отважный», портовое судно «Силач» и английский пароход «King Arthur».

Миноносцы 2-й очереди один за другим с 11 часов вышли из Ping-tu-tau. 15-й отряд стал во главе, затем шел смешанный из 2-го и 21-го отрядов; 10-й отряд (с прибавлением № 39 из 16-го отряда), 14-й и 9-й отряды шли за ним следом. Когда миноносцы подошли к рейду, то 1-я партия, по-видимому, уже начала атаку, так как в стороне Чентоушаня гремели выстрелы. Спустя немного выстрелы прекратились, луна зашла. Шедший впереди 15-й отряд в 1 час 47 минут ночи, будучи открыт прожекторами с Чентоушаня, был обстрелян жестоким огнем; головной его миноносец «Хибари», выпустив мину в «Севастополь», для дальнейших поисков пошел на S от Золотой горы и застопорил машину. «Саги» также выпустил мину и занял наблюдательное положение. «Удзура», произведя атаку, чтобы не мешать следующим отрядам, пошел им под корму и соединился со своим отрядом. «Хаситака», окончив атаку и ища свои суда, встретил «Цубане», который был веден на буксире.

Смешанный отряд из миноносцев 2-го и 21-го отрядов под командой начальника 2-го отряда капитан-лейтенанта Камимия под огнем неприятеля приблизился к «Севастополю». Каждый миноносец, выпустив мину, отступил, причем осколки снаряда попали в № 49 сзади командирской рубки и, пробив правый борт, прошли в угольную яму; других повреждений не было, и отряд вернулся к Ping-tu-tau. Следующий за ним 10-й отряд в 1 час 45 минут, приблизясь к неприятелю, попал в лучи прожекторов, подвергся жестокому обстрелу; несмотря на это, головной миноносец № 43 ринулся вперед и, выяснив местоположение «Севастополя», выстрелил миной, после чего удалился; № 41 также атаковал неприятеля; произведя затем атаку на «Отважный», № 41 уже отходил, когда вдруг большой снаряд разорвался близ миноносца, осколками пробило борт над ватерлинией и сделало еще несколько пробоин, не нанеся, однако, больших повреждений. № 42 также выпустил мину, но в то время, когда он разворачивался, снаряд попал в его передний котел. Теряя пар и потеряв способность двигаться, миноносец остановился в расстоянии от неприятеля около 1000 метров, в это время снаряды дождем падали кругом миноносца. Другой снаряд пробил носовое отделение, 3-м снарядом был убит стоявший на командирской

рубке командир миноносца лейтенант Накабори, и от него на рубке осталось лишь несколько капель свежей крови. Заменив его, мичман Карасава спешно дал знать об опасности на прочие суда своего отряда, требуя помощи. Затем стрельба неприятеля еще усилилась: начиная с машины и кочегарки не было почти отделения, куда не попали бы снаряды, вода прибывала. Тем временем к нему подошел № 40, и хотя начал оказывать ему помощь, но так как видно было, что миноносец затонет, то бросил его; экипаж же перешел на № 40.

В этой атаке кроме лейтенанта Накабори были убиты 6 машинистов и один утонул, будучи обварен паром. № 40, окончив атаку и увидя опасное положение № 42, под градом снарядов пробовал взять его на буксир, но так как буксир лопнул, то он всеми способами старался вывести его за район падения снарядов, но не мог с этим справиться; к тому же неприятель сосредоточил весь огонь на этих двух судах.

Ввиду того что у № 40 снарядом испортило передачу и была потеряна возможность управляться, а другим снарядом убило стоящего на передаче приказаний матроса, командир его лейтенант Накахара оставил мысль о взятии на буксир № 42 и, подобрав его экипаж к себе на борт, вернулся к Ping-tu-tau. Мичман Карасава, приказав экипажу перебираться на № 40, сам остался на миноносце и затем с оставшимися в машине 3 нижними чинами вышел на палубу, с трудом сел в шлюпку и отправился на ней к Ping-tu-tau, и на другое утро они были подобраны у Лунвантана тралящим караваном. Причисленный временно к отряду № 39, воспользовавшись тем, что огонь неприятеля сосредоточен на передних миноносцах, выпустил мину и при отступлении, хотя видел потерю способности № 42, но, зная, что его берет на буксир другой миноносец и полагая, что тот справится с такой задачей, ища прочие суда, вернулся к Ping-tu-tau.

14-й отряд, следуя за другими отрядами, под огнем неприятеля атаковал «Севастополь»; «Чидори», «Касагаги» и «Маназуру» каждый выпустил по mine, сверх того, «Чидори» сделал несколько выстрелов из орудий. При отступлении в него попал снаряд, пронизавший боевую рубку. Отряд вернулся к Ping-tu-tau.

Шедший последним 9-й отряд бросился в атаку вслед за 14-м отрядом. В 2 часа 15 минут ночи первый миноносец, «Аотака» выпустил мину по «Севастополю». Второй миноносец, «Цубане», третий — «Кари» и четвертый — «Хато» также произвели атаку. Стрельба неприятеля все усиливалась, и огонь становился более метким; один снаряд, попав в носовую кочегарку на «Аотака», разбил предохранительный клапан, убил двух матросов и ранил мичмана Такахаси и двух нижних чинов; другим снарядом был легко ранен один кондуктор. В «Цубане» также попал снаряд, который, пронизав правый борт машинного отделения, вышел с левого борта в задней кочегарке. Была разбита правая машина, убит один нижний чин и ранено 6 человек команды. Миноносец шел, пользуясь только левой машиной, однако вода начала набираться через пробоины, и машина левого борта сама перестала работать. Однако с помощью миноносца 15-го отряда «Хаситака» «Цубане» удалось добраться до Ping-tu-tau. «Кари», окончив атаку и отступая полным ходом, вдруг увидел у себя по носу «Аотака», хотел избежать столкновения, однако было поздно и миноносец врезался тому в борт. Нос был значительно погнут на сторону, и одно отделение заполнилось водой, но миноносец избежал потопления. «Аотака», получивший только что перед этим повреждения от снарядов и пострадав теперь от столкновения, хотя и получил сильное повреждение в борту, но все-таки смог добраться к Ping-tu-tau. «Хато», получив при отступлении поручение от «Кари» искать «Аотака», в пятом часу ночи встретил «Цубане» на буксире у «Хаситака» и, узнав, что «Аотака» уже пошел к Ping-tu-tau, охраняя «Цубане», пошел туда же.

Ушедшие перед тем под Золотую гору для наблюдения миноносцы «Хибари» и «Саги» держались вблизи этого пункта в 2 милях на S от прожектора Золотой горы; по окончании последним отрядом атаки эти миноносцы осмотрели, в каком виде находится неприятель, и в 2 часа 20 минут, заметив, что последний отряд, окончив атаку, отступил, прекратили наблюдение и, осмотрев, нет ли на рейде судов, потерпевших в бою и потерявших способность управляться, пустились в обратный путь.

Атака этой ночи ввиду сильной обороны и энергичного отражения ее была сопряжена с немалыми для нас потерями.

Положение затонувших военных судов и пароходов
во внутренней и внешней гавани Порт-Артура

В 10-м отряде миноносец № 42 был потоплен огнем, в 9-м отряде «Аотака», «Кари», «Хато» были выведены из строя, кроме того, было много и других повреждений. Убитыми было 1 офицер и 9 нижних чинов, раненых 1 офицер, 1 кондуктор и 12 нижних чинов.

Согласно донесениям с наблюдательных постов, «Севастополь», «Отважный» и блокадопрорыватель стояли по-прежнему. «Севастополь» с вчерашнего вечера еще более сел носом, так что вода доходила до носового аппарата.

Командующий флотом, хотя и видел, что после атак предыдущих ночей «Севастополь» уже очень пострадал, но желая его утопить окончательно, сделал соответствующие распоряжения капитану 1 ранга Имаи, который приказал идти в атаку 2, 14 и 21-му отрядам миноносцев. Поэтому миноносцы 2-го отряда № 45, 37 и 46 вместе с № 49 из 21-го отряда под командой капитан-лейтенанта Камимия 3 (16) декабря в 12 часов 45 минут ночи вышли в атаку из Ping-tu-tau. № 45 произвел атаку, не будучи открытым неприятелем; № 37, приближаясь, хотя из-за падавшего снега и потерял судно из виду, но идя на луч прожектора, выпустил мину, а заметив неприятельские миныносцы, открыл по ним стрельбу. № 46, окончив атаку, при отступлении был обстрелян; при этом один снаряд, войдя в носовую кочегарку, взорвался там и убил 3 человек машинной команды. № 49 производил поиски с целью атаки «Севастополя» или блокадопрорывателя, но из-за густого снега не мог его найти; отойдя на SO и определив свое место, в 3 часа 40 минут ночи вновь пошел вперед, ища неприятеля, и наконец, найдя его, выпустил мину и вернулся, как и все другие миноносцы, в Ping-tu-tau.

Командир 21-го отряда капитан-лейтенант Эзои из-за того, что его миноносец № 47 был в ремонте, не мог принять участия в атаке и, приказав всеми мерами ускорить ремонт, 2 (15) в 11 часов вечера вышел из Дальнего и подошел к Ping-tu-tau как раз в то время, как 2-й отряд собирался выходить в атаку; приказав миноносцу № 47 идти вместе с этим отрядом, сам с № 44 вышел в 1 час 55 минут ночи. Не догнав № 49, пошел в атаку один. В густом снегу, пользуясь уменьшением света от освещения прожекторов, пошел вперед и в

3 часа 55 минут, приблизившись к «Севастополю», выпустил мину, но в то же время был жестоко обстрелян неприятелем. Пролетевший близ командирской рубки снаряд попал в начальника отряда Эзои, разорвал его в куски и ранил одного нижнего чина, но не нанес больших повреждений корпусу, и миноносец вернулся в Ping-tu-tau.

Вышедший из Ping-tu-tau в 1 час ночи 14-й отряд миноносцев шел прямо на N прожектор с Man-tsu-ying; хотя снег все усиливался, но слабый луч прожектора все же был виден, и отряд продолжал идти на него. Вследствие того, что головной миноносец «Чидори» на повороте неожиданно для себя открыл неприятельское судно, момент выстрела был потерян, зато, увидев прямо по носу на близком расстоянии блокадопрорыватель, «Чидори» произвел в него выстрел, а вслед затем атаковал стоявший от него на юге, сильно светящийся прожекторами, 4-трубный неприятельский миноносец¹. В это время расстояние до неприятеля было не более 60–70 метров, и, как говорят, взрыв мины был так же хорошо слышен на «Чидори», как если бы она взорвалась под ним самим, ибо даже чувствовалось сотрясение. На другой день с наблюдательных постов сообщили, что 4-трубный миноносец выбросился на берег к западу от входа и при отливе видна над поверхностью воды подводная часть судна и винты. (Согласно сведениям со стороны неприятеля, в эту ночь 1 миноносец был взорван неприятельской миной Уайтхеда и, избегая затопления, сам выбросился на берег).

«Хаябуса», подойдя так близко, что мог видеть якорный канат «Севастополя», выпустил в него мину. «Касагаги» также выпустил мину. «Манадзуру» выпустил по мине в «Севастополь», «Отважный» и блокадопрорыватель. В момент же разворачивания расстояние от него до неприятельского миноносца было не более 30–40 метров. Противники обменялись выстрелами, причем 2 снаряда с «Манадзуру», по-видимому, попали в командирскую рубку неприятеля, и хотя наш миноносец подвергся обстрелу с батареей, но снаряды пролетали над головой и только один снаряд с неприятельского миноносца пронизал нос «Манадзуру» выше ватерлинии.

¹ Миноносец «Сторожевой».

По донесениям с наблюдательных постов, неприятельские суда стояли на прежних местах, только «Севастополь» как будто пододвинулся больше к берегу. Поэтому капитан 1 ранга Имаи, получив приказания о продолжении атак, приказал идти в атаку 6-му и 15-му отрядам; но позже, вследствие приказания от адмирала Того отменить атаки, этот же офицер передал о прекращении атак на все миноносцы, отправив тотчас же поврежденные миноносцы в Дальний для спешного ремонта, а прочие отряды хотя и приготовил к атаке, но дал им отдых. Итак, начиная с 26 ноября (9 декабря), 10 отрядов миноносцев (30 судов), 2 судна партии минного заграждения и 3 судовых минных катера вплоть до 3 (16) декабря (когда было получено приказание прекратить атаки), невзирая на энергичные действия неприятеля, произвели одну за другой 6 атак (было потеряно 2 миноносца, убитыми 5 офицеров и кондукторов и 30 нижних чинов) и добились в конце концов того, что подорвали нос и дно «Севастополя», так что он принужден был кормой сесть на морское дно.

По поводу атак на «Севастополь» на имя командующего Соединенным флотом адмирала Того Хейхачиро 23 декабря был дан следующий императорский рескрипт:

«Находящиеся под Порт-Артуром наши отряды миноносцев в течение нескольких ночей подряд, невзирая на ветер и снег и преодолевая неприятельскую оборону, атаковывали неприятельский броненосец, помогая друг другу; без всякого замешательства стойко исполнили свои обязанности, талантливо управляли судами и проявили пример храбрости...

Мы глубоко радуемся проявленной в этом деле горячей преданности наших офицеров и команды».

На изложенный рескрипт адмирал Того поднес нижеследующий адрес:

«По поводу незначительных действий вверенных мне миноносных отрядов против оставшихся на воде неприятельских судов Ваше Величество соизволили всемилостивейше даровать рескрипт. Совершенно не будучи в состоянии сдержать

чувства благодарности, отряды миноносцев, имея впереди еще много случаев действовать против неприятеля, приложат еще большие старания, чтобы оправдать такую высокую милость.

О чем почтительно представляю».

Статья 3. Состояние русской эскадры

Со времени выхода из Порт-Артура неприятельской эскадры 28 июля (10 августа) она под натиском нашего Соединенного флота была поставлена в затруднительное положение. Начальник эскадры адмирал Витгефт был убит, эскадра совершенно раздробилась, и суда или укрылись в нейтральных портах, или же, преследуемые и разбитые, снова вернулись под командой князя Ухтомского в Порт-Артур. В числе последних были броненосцы «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Полтава», «Севастополь», крейсер «Паллада» и 3 миноносца; на всех этих судах было немало повреждений; тогда же русские занялись выполнением ремонта на судах. Вместе с этим на фарватере у входа были поставлены едва выдающиеся над поверхностью моря два ряда бонов для препятствования проходу наших заградителей и атакам миноносцев; кроме того, под Золотой горой и под Маячной горой поставлены канонерские лодки для отражения наших атак¹. Затем суда действовали против наших сухопутных позиций и производили траление в местах, необходимых для входа и выхода пароходов, прорывающих блокаду, а с обоих флангов крепости ставили мины заграждения, чтобы препятствовать обстрелу со стороны нашего флота. Говорят, что начальник прибрежной обороны контр-адмирал Михаил Федорович Лощинский специально заведовал этим.

Когда 3 (16) августа от 3-й армии пришло предложение сдать-ся, то командующий укрепленным районом командир 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Анатолий Михайлович Стессель, комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов,

¹ Заграждение внешнего рейда бонами, затопление коммерческих пароходов, охрана входа и внешнего рейда мореходными канонерскими лодками были организованы не в этот период войны, а значительно ранее, в бытность еще вице-адмирала Макарова командующим флотом.

главный представитель¹ от флота контр-адмирал князь Ухтомский на совещании отвергли наше предложение и еще более сосредоточили свое внимание на обороне крепости.

Что касается флота, то на собрании флагманов и капитанов, по-видимому, было решено, что эскадра впредь оставляет намерение выхода из порта, а специально должна посвятить себя содействию армии, чтобы, пока хватит сил, защищать крепость до прибытия подкреплений с суши и с моря.

5 (18) августа лодка «Гремящий», выходя из гавани для прохода французского парохода «George», вечером наткнулась на мину и затонула, причем погибло 8 человек машинной команды.

6 (19) августа, когда был начат наш 1-й общий штурм крепости, с эскадры был вызван десантный отряд, который вместе с командой квантунского экипажа был послан на оборонительные позиции. Сверх того, с судов свезли орудия на берег и поставили на батареях, а стоящие в гавани суда обстреливали осадные позиции.

7 (20) августа лодки и миноносцы вышли из гавани для обстрела левого фланга нашей армии, но, будучи жестоко обстреляны нашей армией (причем в миноносец «Сильный» попал снаряд), суда в смятении вернулись в гавань.

10 (23) числа «Севастополь» с миноносцами короткое время обстреливал нашу армию, но «Ниссин» и «Кассуга» заставили его вернуться в гавань, причем он наткнулся на мину и получил такое повреждение, что едва был введен в гавань².

Следующего, 11 (24) августа миноносец «Разящий» на рейде наткнулся на мину; пошедший к нему на помощь миноносец «Выносливый» потерпел ту же участь. Первый из них спасся, а второй затонул немедленно; при этом погибли командир и более 10 человек команды.

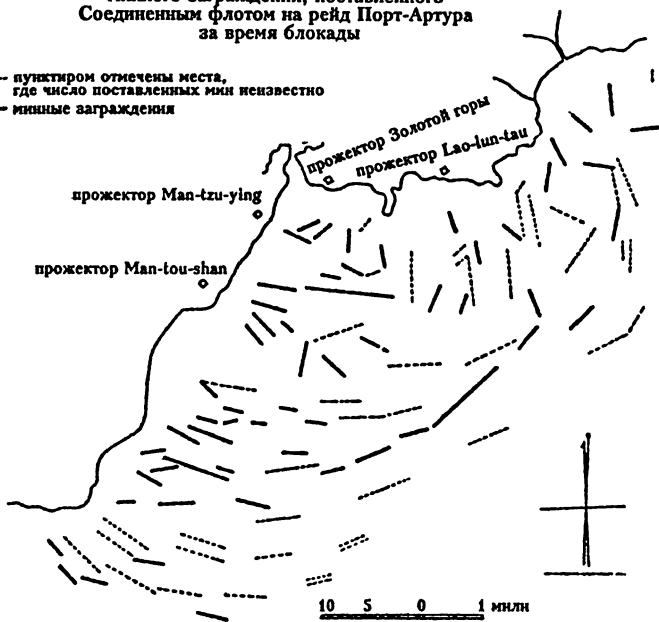
С конца августа снаряды нашей армии падали как дождь внутри гавани и города, и так как в мастерские порта также нередко падали снаряды, то во избежание потерь работали только по ночам. Однако, имея в виду произвести вскоре 1-й общий штурм крепости, наша армия, чтобы мешать ремонтным

¹ Временно исполняющий должность командующего эскадрой.

² «Севастополь» вошел самостоятельно.

План
минного заграждения, поставленного
Соединенным флотом на рейд Порт-Артура
за время блокады

- пунктиром отмечены места,
где число поставленных мин неизвестно
- минные заграждения

работам судов, снова начала обстреливать мастерские, почему были отменены ночные работы, а работали днем, когда мы прекращали огонь.

Когда 1-й штурм крепости не увенчался успехом и волей-неволей пришлось его прекратить, то неприятель немедленно произвел исправления в батареях, повысил брустверы, углубил траншеи, переменял разбитые орудия и тому подобное, сделавшись, таким образом, еще более готовым к упорному сопротивлению.

Хотя десантный отряд с эскадры был временно возвращен на суда, но чины квантунского экипажа все еще оставались вместе с сухопутными войсками на позициях. Суда, несмотря на нашу стрельбу, продолжали свой ремонт.

24 августа (6 сентября) одна джонка, прорвав блокаду, пришла в гавань из Чифу и привезла известие, что командир «Баяна» капитан 1 ранга Роберт Яковлевич Вирен производится в контр-адмиралы с назначением начальником эскадры, а контр-адмирал Ухтомский отставляется от должности; сверх того, в этот день, по-видимому, впервые были получены сведения о не вернувшихся в Артур судах после боя в Желтом море.

24 августа (6 сентября) миноносец «Расторопный» выходил в море к острову Reef для постановки мин и захватил парусное судно, принадлежащее нашему военному ведомству, при этом он забрал судно и груз, отпустив на свободу экипаж. Наша 3-я армия, ведя работу согласно требованиям регулярной осады, вместе с рытьем траншей к крепости временно ослабила огонь из орудий. Говорят, в Порт-Артуре объясняли это тем, что японская армия совсем не имеет намерения атаковать крепость и для снятия осады уже увозит орудия; другие же говорили, что приближается на выручку армия генерала Куропаткина. Вопреки подобным слухам, жестокий бой нашего второго штурма, по-видимому, заставил неприятеля разочароваться в своих ожиданиях.

Затем 6 (19) сентября, когда была начата атака против Высокой горы, неприятель вновь свез десанты с судов для усиления обороны этого пункта, и с тех пор до сдачи крепости морские команды постоянно находились на позициях.

15 (28) сентября из Чифу прибыли на шлюпке американский и французский корреспонденты и принесли известие о поражении русской армии под Лаояном. Около этого времени провиант неприятеля значительно истощился, и так как почти не хватало провизии, то русские консулы в Чифу, Тяньцзине и в прочих местах принимали всякие меры для посылки туда контрабанды, чего ввиду бдительности нашей блокады достигнуть было нелегко.

При работах на позициях недостаток питания вызывал заболевания цингой; сверх того, непрерывная бомбардировка нашей армии днем и ночью и падающие большие снаряды наносили все больше и больше вреда. Говорят, что с получением известия о поражении под Лаояном дух войск сильно упал.

С приостановкой атаки на Высокую гору наши 12-см и 15-см орудия вели главным образом перекидную стрельбу по судам в гавани. С 19 сентября (2 октября) начали снова стрельбу из 28-см мортир, и так как действия крупных орудий уже нанесли повреждения разным судам, то 24 сентября (7 октября) переменили стоянку, став под самой Перепелиной горой и стараясь скрыться из сферы наблюдения наших измерительных постов. Затем наша стрельба сильно мешала сообщению неприятеля, совершенно прекратила вход и выход в проходе и в гавани; сообщение с Тигровым хвостом едва удавалось только ночью и рано поутру. Более или менее безопасные места от наших снарядов теперь были у Ляотешаня и по береговой полосе моря.

12 (25) октября крейсер «Забияка», а 13 (26) октября пароход «Аргунь» были потоплены нашими снарядами. Между 19 октября (1 ноября) и 20 октября (2 ноября) были снова утоплены 3 парохода. Ночью 21 октября (3 ноября) мичман Дмитриев на миноноске атаковал наши блокирующие истребители, и хотя не имел успеха, но обращает внимание то обстоятельство, что неприятель сам повел на нас атаку, что случилось в первый раз¹.

¹ По нашим сведениям, неприятельский миноносец был утоплен.

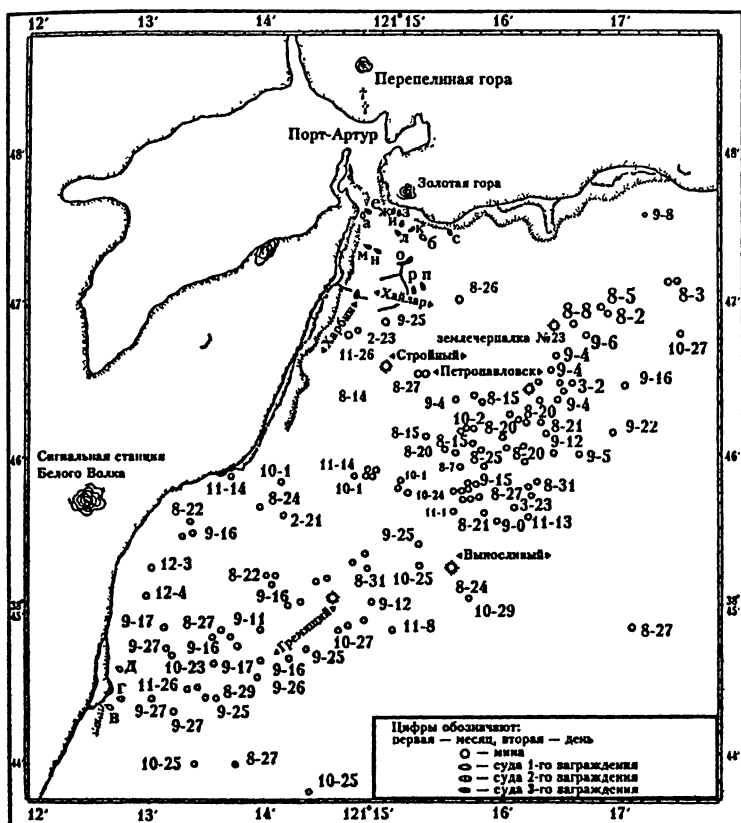
Когда 26 октября (8 ноября) в «Отважный» попал наш снаряд, то лодка вышла на рейд и с тех пор до сдачи крепости все время стояла на якоре под Чентоушанем.

29 октября (11 ноября) миноносец «Сильный» взорвался на рейде, но не затонул. Затем 31 октября (13 ноября) «Бдительный» и «Стройный» также взорвались на рейде, первый потерял боевую способность, а второй совершенно затонул. 1 (14) ноября с лодки «Гиляк» были сняты четыре 12-фунтовых орудия и поставлены у входа в гавань. Следующей ночью миноносец «Расторопный» с важными известиями, прорвав нашу блокаду, пришел в Чифу, а исполнив свое поручение и опасаясь нашего преследования, сам взорвался и затонул. Еще до этого времени сношение между Артуром и Чифу удавалось иногда на небольших джонках, но с приближением холодов море становилось бурным, наша охрана все более и более усиливалась и сношения стали невозможными. По временам с этой целью отправлялись крейсера¹ и миноносцы, но всегда им мешали наши суда и они не достигали своей цели. Наконец, удалось прорваться «Расторопному». К тому же с наступлением зимы на полуострове постепенно настали холода; гарнизону не было приготовлено теплой одежды, не хватало провианта и с сильно увеличившимся числом раненых и больных начал чувствоваться недостаток в людях на позициях. В том числе в особенности не хватало младших офицеров; говорят, что командование ротами часто поручалось фельдфебелям или унтер-офицерам.

13 (25) ноября был начат 3-й общий штурм крепости и атака на укрепления Высокой горы. Так как с сохранением этого пункта была связана судьба эскадры, то от эскадры и кантонского экипажа, насколько было возможно, посланы люди для усиления обороны, а позже даже посылались на позиции чины провиантской и счетной части, которые, напрягая последние силы, храбро вели ее оборону.

Так были собраны все силы до последних. 22 ноября (5 декабря) Высокая гора перешла в руки нашей армии. Затем в тот

¹ Крейсера не посылались.

План с указанием мест потонувших судов и поставленных русских мин с августа по декабрь 37 г. Мейдзи (1904), составленный русскими властями

же день была начата стрельба по эскадре из наших 28-см мортир, причем корректирование падения снарядов производилось с Высокой горы.

В этот день попавшим в броненосец «Полтава» снарядом был произведен взрыв кюйт-камеры, почему броненосец и затонул. За это время до 25 ноября (8 декабря) один за другим затонули от нашего огня броненосцы «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», крейсер «Паллада» и лодка «Гиляк»; далее затонули находившиеся в Восточном бассейне «Баян» и в доке минный транспорт «Амур», поэтому остался относительно целым один броненосец «Севастополь», но и он на другое утро вышел на рейд и стал на якорь рядом с «Отважным». С тех пор наш огонь, по-прежнему не уменьшаясь по силе, с 26 ноября (9 декабря) жег и топил одну за другой шлюпки и разные мелкие суда и катера; также затонули стоявшие в западном бассейне несколько пароходов, только несколько миноносцев и немногие пароходы, выходя днем на рейд, с трудом избегали огня. С пришедшего 28 ноября (11 декабря) английского парохода «King Artur» с большим грузом муки хотя и удалось значительно пополнить часть провизии, но прочие запасы все более истощались, а число больных цингой превзошло 10 000 человек. Все госпитали были заполнены этими больными, и не хватало медицинского персонала и материалов; трупы гнили, заражая воздух. Затем из-за уменьшения числа защитников, не давая полного отдыха и питания выздоравливающим больным, назначали их на санитарные обязанности, на наблюдательные посты и тому подобные обязанности, не требующие физической силы. Здоровые люди все были распределены по позициям, и, по-видимому, даже команды с затонувших коммерческих судов принимали участие в боях.

2 (15) числа, когда начальник 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Роман Исидорович Кондратенко для осмотра находился на форте Tung-Chin-Kwan-shan (форт № 2), 28-см снаряд наших орудий попал в этот форт: им был убит этот генерал и 6 офицеров, а несколько чинов ранены.

Укрывавшийся от обстреливания на внешнем рейде «Севастополь», будучи в течение нескольких ночей подряд атако-

ван нашими миноносцами, наконец опустился кормой на дно, а миноносец «Сторожевой», получив сильное повреждение от попавшей в него ночью 29 ноября (12 декабря) мины, избегая затопления, сам выбросился на берег. Таким образом, почти вся Порт-Артурская эскадра была уничтожена и способными к бою и плаванию оставалась лишь лодка «Отважный» и несколько миноносцев.

В то же время на сухом пути наши земляные работы значительно подвинулись вперед. 6 (19) декабря форт № 2, а 15 (28) Нирейсан (форт № 3) наконец попали в руки нашей армии.

Видя, что падение крепости уже вопрос лишь нескольких дней, 16 (29) числа генерал-лейтенант Стессель собрал для совещания главных начальников отдельных частей армии и флота и особых представителей, но на совете не пришли ни к какому соглашению.

Так как 18 (31) декабря пало укрепление Шодзосан (укрепление № 3) и 19 декабря (1 января 1905 года) снова на правом фланге отдали наблюдательные пункты на самой важной позиции, а на левом фланге важная позиция, расположенная против Высокой горы, начала обстреливаться с тылу, то генерал Стессель, полагая, что теперь дальнейшее сопротивление бесполезно, пришел к решению сдать крепость и после полудня того же дня отправил парламентаря в нашу армию с предложением командующему 3-й армией генералу Ноги сдать крепость.

Вместе с тем было приказано миноносцу «Страшный»¹ той же ночью отвезти в Чифу полковые знамена обороняющихся частей, прочим же миноносцам — «Скорому», «Властному», «Сердитому», «Бойкому», «Смелому», пароходу «Бинтанг» и некоторым мелким судам было приказано идти по способности и по возможности укрыться в нейтральных портах. Затем были даны распоряжения взорвать затонувшие суда, а устарелому судну «Разбойник» и землечерпалкам затопиться в проходе для заграждения входа. «Севастополь» и «Отважный» на

¹ Миноносец «Страшный» погиб 31 марта, со знаменами прорвался миноносец «Статный».

следующий день 20 декабря (2 января) сами затопились на рейде. Таким образом, базировавшаяся с начала войны на Порт-Артуре главная русская Тихоокеанская эскадра была теперь полностью уничтожена.

*Описание морской войны 37–38 гг. Мейдзи закончено.
Я бы желал, чтобы читатель этой книги узнал из нее,
как мы достигли своей цели, благодаря величию Импера-
тора и горячей верности долгу народа.*

*Адмирал граф Того Хейхачиро
41 год Мейдзи 6-й месяц*

Осага Порт-Артура

Вступление

Состав морских сил Японии, действовавших против России

Соединенный флот:

Первая эскадра

Начальник эскадры (командующий Соединенным флотом)	вице-адмирал Того Хейхачиро (флаг на «Микаса»)
Начальник штаба	капитан 1 ранга Симамура Хаяо
Чины штаба:	капитан 2 ранга Арима Риокичи капитан-лейтенант Акияма Синси лейтенант Мацумура Кикую
Адъютант	капитан-лейтенант Нагата Тайдзиро
Флагманский механик	механик-инспектор Ямамото Ясудзиро
Младший флагман	контр-адмирал Насиба Токиоки (флаг на «Хацусе»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Цукамото Дзенгоро лейтенант Сайто Сичигоро
Младший флагман	контр-адмирал Дева Сигенори
Чины штаба:	капитан-лейтенант Ямадзи Кацуиоси лейтенант Такеночу Сигетоси

Первый боевой отряд

Броненосец «Микаса»	15 140 тонн	18 узлов	капитан 1 ранга	Идзичи Хикодзиро
« Асахи»	15 200	« 18 «	«	Ямада Хикохачи
« Фудзи»	13 535	« 18,25 «	«	Мацумото Канау
« Ясима»	12 320	« 18,25 «	«	Сакамота Хадзиме
« Сикисима»	14 850	« 18 «	«	Терагаки Идзо
« Хацусе»	15 000	« 18 «	«	Накао Ю

Третий боевой отряд

Крейсер	«Читосе»	4760 тонн	22,5 узлов	капитан 1 ранга	Такаги Сукеичи
«	«Такасаго»	4150	« 22	«	Исибаси Хадзиме
«	«Кассаги»	4900	« 22,5	«	Идэ Ринкоку
«	«Иосино»	4150	« 22,5	«	Саеки Кураси
Авизо	«Тацута»	866	« 21	«	Камае Тадамичи

Первый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 1 ранга Асай Сейдзиро

«Сиракумо»	321 тонна	31 узел	капитан-лейтенант	Хадзама Кота
«Асасиво»	321	« 31	«	Мацунага Мичинори
«Касуми»	363	« 31	«	Осима Масатаге
«Акацуки»	363	« 31	лейтенант	Суэцуги Наодзиро

Второй отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Исида Ичиро

«Икадзучи»	305 тонн	31 узел	лейтенант	Мимура Киндзабуро
«Оборо»	305	« 31	«	Такемура Ханго
«Инадзума»	305	« 31	капитан-лейтенант	Синовара Рисицу
«Акебоно»	305	« 31	«	Куцуми Ясао

Третий отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Цучия Микикане

«Усугомо»	274 тонны	31 узел	капитан-лейтенант	Ояма Ионоске
«Синомоме»	274	« 31	лейтенант	Иосида Мооси
«Сазанами»	305	« 31	капитан-лейтенант	Кондо Цунемацу

1-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Секи Сигетака

Миноносец	№ 69	89 тонн	23,5 узлов	капитан-лейтенант	Секи Сигетака
«	№ 67	89	« 23,5	мичман	Тайра Мао
«	№ 68	89	« 23,5	лейтенант	Вада Хакуай
«	№ 70	89	« 23,5	«	Миримото Иосихиро

14-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Сакураи Иосимару

«Чидори»	152 тонны	29 узлов	капитан-лейтенант	капитан-лейтенант
«Хаябуса»	152	« 29	лейтенант	Кувасима Шодзо
«Манадзуру»	152	« 29	«	Иэда Энтаро
«Касагаги»	152	« 29	«	Июсикава Ясихиро

Вторая эскадра

Начальник эскадры	вице-адмирал Камимура Хиконадзо (флаг на «Идзумо»)
Начальник штаба	капитан 1 ранга Като Томосабуро
Чины штаба:	капитан 2 ранга Сато Тецутаро
	капитан-лейтенант Сисомура Энтаро
	лейтенант Ямамото Ейске
Адьютант	капитан-лейтенант Фунакоси Кадзисиро
Флагманский механик	механик-инспектор Ямадзаки Цуруноске
Младший флагман	контр-адмирал Мису Сотаро (флаг на «Ивате»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Мацуи Кенкичи
	лейтенант Иэда Хисацуне
Младший флагман	контр-адмирал Уриу Сотокичи (флаг на «Нанива»)
Чины штаба:	капитан-лейтенант Морияма Кейдзабуро
	лейтенант Танигучи Шосин

Второй боевой отряд

Крейсер «Идзумо»	9733 тонн	20,75 узлов	капитан 1 ранга	Идзичи Кисин
«Адзумо»	9326	« 20	«	Фудзии Кончи
«Асама»	9700	« 20,5	«	Ясиро Рокуро
«Якумо»	9695	« 20	«	Мацучи Аринобу
«Токива»	9700	« 21,5	«	Иосимацу Мотаро
«Ивате»	9773	« 20,75	«	Такетоми Хотей

Четвертый боевой отряд

Крейсер «Нанива»	3650 тонн	18 узлов	капитан 1 ранга	Вада Кенсукэ
«Акаси»	2755	« 19,5	капитан 2 ранга	Миядзи Тейсин
«Такачихо»	3650	« 18	капитан 1 ранга	Мори Ичибей
«Нийтака»	3366	« 20	капитан 2 ранга	Содзи Иосимото
Авизо «Чихая»	1238	« 21	«	Фукуи Сейчи

Четвертый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Нагай Гункичи				
«Хяндори»	375 тонн	27 узлов	капитан-лейтенант	Такеноучи Дзиуро
«Харусаме»	375	« 27	«	Арима Ричусабуро
«Мурасаме»	375	« 27	«	Мидзаумачи Ген
«Асагири»	375	« 27	«	Исикава Котодзиро

Пятый отряд истребителей

Начальник отряда – капитан 2 ранга Мано Гандзиро				
«Кагеро»	247 тонн	30 узлов	капитан-лейтенант	Идэ Ацуюки
«Муракумо»	247	« 30	«	Мацуока Шюдзо
«Югири»	247	« 30	«	Кагивада Сентаро
«Сирануи»	247	« 30	«	Нисиро Юдзиро

9-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан 2 ранга Ядзима Дзюнкичи

«Аотака»	152 тонны	29 узлов	капитан 2 ранга	Ядзима Дзюнкичи
«Хато»	152 «	29 «	лейтенант	Харада Мацудзиро
«Кари»	152 «	29 «	«	Сакамото Хигекуни
«Цубане»	152 «	29 «	«	Соно Иосио

20-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Аракава Чуго

Миноносец № 62	109 тонн	29 узлов	капитан-лейтенант	Аракава Чуго
« № 63	109 «	29 «	лейтенант	Накамура Сейки
« № 64	109 «	29 «	«	Тадзири Тададзи
« № 65	109 «	29 «	«	Мияке Дайотаро

Состоящие при эскадре суда особых назначений

«Кассуга-мару»	3819 тонн	16,6 узлов	капитан 1 ранга	Арикава Тейхаку
«Гонконг-мару»	6169 «	17,11 «	«	Иноуэ Тосиво
«Нипон-мару»	6168 «	17,53 «	«	Кадзукава Риокичи
Канонерская лодка	620 «	12 «	капитан 2 ранга	Хиросе Кацухико
«Осима-мару»				
Канонерская лодка	612 «	10,25 «	«	Фудзимото Хидехиро
«Акаги»				
«Дайчу-мару»	3319 «	16 «	«	Мацумура Наоми
«Дайнин-мару»	3311 «	16 «	«	Такахаси Сейичиро
«Никко-мару»	5823 «	17,76 «	«	Кимура Кокичи
«Миике-мару»	3364 «	11,5 «	«	Наблюдающий
			капитан-лейтенант	Кумиисо Кацусабуро
«Кобе-мару»	2877 «	14 «	«	Санноке Иодзиро
«Киншю-мару»	3853 «	14,38 «	«	Мидзюгучи Такегоро
«Коото-мару»	3182 «	11,5 «	«	Сата Наомичи
«Ямагучи-мару»	3320 «	12,5 «	мичман	Акияма Ионекичи
«Фукуока-мару»	2744 «	12 «	«	Аванака Сейкай
«Дзинсен-мару»	1445 «	11 «	«	Торисаки Ясидзо
«Таро-мару»	3117 «	12 «	«	Окада Сейдзиро
«Хикозан-мару»	3722 «	12,2 «	«	Сонода Хандзиро

Третья эскадра

Начальник эскадры

Начальник штаба

Чины штаба:

вице-адмирал Катаока Сичиро (флаг на «Ицукусима»)

капитан 1 ранга Накамура Сидзюка

капитан 2 ранга Ивамура Дандзиро

капитан-лейтенант Мацумото Наокичи

Адьютант	лейтенант Иокояма Цугоо
Флагманский механик	капитан-лейтенант Такасахи Юичи
Младший флагман	механик-инспектор Сайто Тосимаса
Чины штаба:	контр-адмирал Того Масамичи (флаг на «Идзуми»)
	капитан-лейтенант Иосида Сейфу
	лейтенант Нодзаки Кодзоро
Младший флагман	контр-адмирал Хосоя Сукеудзи
Чины штаба:	лейтенант Ниси Тейдзо

Пятый боевой отряд

Крейсер «Ицукусима»	4210 тонн	16 узлов	капитан 1 ранга	Нарита Кацуро
Броненосец «Чин-Иен»	7670 «	14,5 «	«	Иман Канемаса
Крейсер «Хасидате»	4210 «	16 «	«	Като Садакачи
« «Мацусима»	4210 «	16 «	«	Кавасима Рейдзиро

Шестой боевой отряд

Крейсер «Идзуми»	2987 тонн	17 узлов	капитан 2 ранга	Икеанака Кодзиро
« «Сума»	2657 «	20 «	капитан 1 ранга	Цучия Тамоцу
« «Акицусу»	3159 «	19 «	капитан 2 ранга	Ямайя Танин
« «Чиода»	2450 «	19 «	капитан 1 ранга	Мураками Каучи

Седьмой боевой отряд

Броненосец «Фусо»	3783 тонн	13 узлов	капитан 2 ранга	Окуномия Мамору
Канонерская лодка «Хейнен»	2150 «	10,5 «	«	Асаба Киндзабуро
Судно береговой обороны «Каймон»	1350 «	12 «	«	Такахаси Моримичи
Канонерская лодка «Иваки»	656 «	10 «	«	Сэеки Танесادا
Канонерская лодка «Чиокай»	612 «	10,5 «	«	Ямадзуми Тародзо
Канонерская лодка «Атаго»	612 «	10,5 «	«	Кубота Хикеичи
Канонерская лодка «Сайнен»	2159 «	15 «	«	Тадзима Коретака
Канонерская лодка «Цукуба»	1350 «	16 «	«	Нисияма Ясукичи
Канонерская лодка «Майя»	612 «	10,5 «	«	Накагава Сигемицу
Канонерская лодка «Удзи»	610 «	13 «	капитан-лейтенант	Канеко Манки
Авизо «Мияко»	1771 «	20 «	капитан 2 ранга	Точинай Содзиро

10-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Отаки Мицуске

Миноносец	№ 43	109 тонн	27 узлов	капитан-лейтенант	Отаки Мицуске
	№ 42	109 «	27 «	лейтенант	Накабори Хикокичи
	№ 40	109 «	27 «	«	Ямасита Масатаке
	№ 41	109 «	27 «	«	Мидзуно Котоку

11-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Такебе Кисиро

Миноносец	№ 73	85 тонн	23,5 узлов	капитан-лейтенант	Такебе Кисиро
	№ 72	85 «	23,5 «	лейтенант	Ямагучи Деничи
	№ 74	85 «	23,5 «	«	Ота Гентацу
	№ 75	85 «	23,5 «	«	Игучи Дайдзиро

16-й отряд миноносцев

Начальник отряда – капитан-лейтенант Бакабаяси Кин

«Сиротака»		126 тонн	28 узлов	капитан-лейтенант	Бакабаяси Кин
Миноносец	№ 71	89 «	23,5 «	лейтенант	Отаки Косиро
	№ 39	109 «	27 «	«	Иоково Гитацу
	№ 66	109 «	27 «	«	Цунодо Кандзо

Состоящие при эскадре суда особого назначения

«Тойохаси»	4055 тонн	12,5 узлов	капитан 1 ранга	Нива Норитада
«Ариаке»	2987 «	12 «	лейтенант	Мидзуно Шосин

Глава I

Охрана флотом высадки 1-й армии и содействие ее наступательному движению

Статья 1. Высадка 12-й дивизии

С разрывом дипломатических сношений с Россией, в феврале 1904 г. Япония первым делом сочла необходимым завладеть Сеулом и как можно скорее начать военные операции на суше.

Поэтому Соединенный флот вышел 6 февраля из Сасебо, конвоируя 3 транспорта с передовым отрядом войск, охрана высадки которых в Чемульпо была поручена 4-му боевому отряду. По прибытии войска заняли Сеул (подробно об этом — в главе IV части I).

Вместе с тем, пользуясь, что Соединенный флот блокировал неприятельскую эскадру в Порт-Артуре, было решено высаживать в Чемульпо 12-ю дивизию (начальник дивизии генерал-лейтенант Иноуэ Хикару).

Согласно этому Управление высадки войск¹ выехало 11 февраля из Модзи и, прибыв в Чемульпо, занялось приготовлениями для высадки. (Так как Управление высадки войск имело тесную связь с флотом, то при главнейших управлениях состояло по несколько человек морских офицеров, инженеров и плотников.)

Начальник 4-го боевого отряда контр-адмирал Уриу Сотокичи, окончив еще ранее охрану высадки войск и уничтожив бывшие в Чемульпо суда неприятеля — «Варяг» и «Кореец», 10 февраля встретился на рейде Асан² с вернувшимся от Порт-Артура командующим Соединенным флотом вице-адмиралом Того Хейхачиро и получил приказание приступить к несению сторожевой службы у устья реки Хан³ и идти туда с 4-м боевым отрядом, 9-м и 14-м отрядами миноносцев и судном особого назначения «Кассуга-мару».

Адмирал Уриу, оставив часть судов для наблюдения за затонувшими на рейде Чемульпо русскими судами, выслал в море сторожевые суда, находясь в полной готовности встретить атаку неприятеля.

¹ Управление высадки (или посадки) войск — специальный термин, не имеющий соответственного точного выражения у нас.

В японской армии организация военных сообщений в военное время заключается в следующем: Главное управление этапов ведает перевозкой и сообщением как на сухом пути, так и морем. Перевозка морем находится в ведении Главного управления перевозки и сообщений, под ведением которого в разных портах посадки и высадки войск учреждаются управления высадки (или посадки) войск, на фактической обязанности которых и лежит как приспособление пароходов под транспорты, так и оборудование портов для выгрузки и погрузки, а также и размещение людей и грузов. В мирное время эти управления не существуют. — *Примеч. пер.*

¹⁷⁵ Бухта Асан находится на широте 36° 59' N и долготе 126° 50' Ost в 20 милях на OSO от острова Pounng-do.

¹⁷⁶ Река Хан берет начало в горах провинции Хангендо и, пройдя Сеул с юга, поворачивает на NW; в 30 милях от этого города вниз по течению разделяется на 2 рукава. Главный рукав, проходя северным берегом через Нван-hai-do, а южным через Куан-haa-to, вливается в Желтое море, а приток, спустившись на юг, обращается в соленую реку, называемую Salce, проходящую своим восточным берегом по Куон-gui-do, а западным берегом по Куанг-haa-to и также вливающуюся в Желтое море. Столица Кореи Сеул находится на правом берегу реки приблизительно в 50 милях от устья. Нижнее течение ее мутное и илистое, с облажающимися местами отмелями и перекатами. Фарватер постоянно меняется — почемуплавание по ней очень опасно.

14 февраля было получено известие, что через несколько дней начнут прибывать в Чемульпо военные транспорты; вместе с тем от находившегося на юго-западном побережье Кореи адмирала Того было прислано уведомление, что 4-й и 5-й отряды истребителей назначаются в распоряжение адмирала Уриу и что для прикрытия транспортов послан крейсер «Кассаги» к острову Ochon-to и «Тацута» к острову Нансан¹.

Однако вышеозначенные отряды истребителей были заменены 1, 2 и 3-м отрядами истребителей, которые и прибыли к 17-му числу. В тот же день вернулись к отряду крейсер «Ний-така» (конвоировавший в Сасебо захваченный пароход «Маньчжурия») и миноносец 9-го отряда «Цубане» (сломавший винт во время боя у Чемульпо). Таким образом, силы отряда увеличились, и адмирал Уриу изменил распределение охранных судов и кроме сторожевых судов, назначенных к устью реки Хан, поставил еще суда для связи к северу от острова Single, рассчитывая таким образом обеспечить безопасность плавания транспортов.

В это время военные транспорты с посаженными на них войсками 12-й дивизии уже находились в пути и с 16 февраля один за другим стали входить на рейд Чемульпо, сразу же приступая к высадке войск.

14-го числа Соединенный флот произвел вторую атаку и усиленную рекогносцировку Порт-Артура. 18-го числа был отдан приказ произвести третью атаку и первое заграждение входа, почему ввиду необходимости усиленного развития военных операций как армии, так и флота — бывшие при конвоировании транспортов крейсера «Такасаго» и «Чихая» (оба судна 18-го числа были заменены «Кассаги» и «Тацута»), а также и 1-й отряд истребителей (за исключением «Акацуки»), 9-й и 14-й отряды миноносцев и «Кассуга-мару» были отозваны к

¹ Остров Нансан, или Амма-то, лежит на широте 35° 21' N и долготе 126° 2' Ost — самый большой остров в группе Амма-то. На северной вершине острова стоит обнаженно группа сосен.

Остров Ochon-to лежит на широте 36° 7' N и долготе 125° 59' Ost. Длина его с запада на восток около 1 мили, а с севера на юг около 1 мили. Гористый остров, покрытый лесом. Берега его обрывисты, на восточной стороне его имеется бухта.

Карта Квантунского полуострова с указанием возвышенностей и укреплений (высота в футах)

юго-западному побережью Кореи¹, чтобы принять участие в предстоящих действиях. Адмирал Уриу оставался на охране устья реки Хан только с 4-м боевым отрядом, 2-м и 3-м отрядами истребителей и 20-м отрядом миноносцев. Высадка 12-й дивизии за это время значительно подвинулась вперед, и 27-го февраля, когда она была вся высажена, Сеул был занят нашими войсками.

Статья 2. Высадка Гвардейской и 2-й дивизии

Когда 12-я дивизия начала высадку в Чемульпо, в Главной квартире было решено предупредить неприятеля в занятии Пинъяна и 17-го февраля об этом было послано приказание начальнику 12-й дивизии генерал-лейтенанту Иноуэ Хикару. Ввиду этого начальник дивизии для прикрытия этапного управления в Пинъяне 18-го числа отправил туда морем 1 батальон пехоты, а затем 22-го числа спешно выслал туда же из Сеула значительный отряд войск. В то же время были получены известия о набегах в Пинъян неприятельской кавалерии. Встревоженный этим известием посланный в Пинъян морем батальон, прибыв туда 23-го февраля, вместе с отрядом добровольцев из наших поселенцев принял меры предосторожности и 27-го числа отбил нападение неприятельской кавалерии за городскими воротами Сичи-сеймон².

Еще ранее было решено, что в то время как флот будет вести свои операции на море, сухопутные войска должны будут овладеть Пинъяном, после чего образованная из трех дивизий 1-я армия пойдет к реке Ялу.

5 февраля была назначена мобилизация Гвардейской (начальник дивизии генерал-лейтенант барон Хасегава Иосими-чи), второй (начальник дивизии генерал-лейтенант барон Ниси Квандзи-ро), 12-й дивизии и специального отряда войск.

10 февраля состоялся указ о сформировании 1-й армии с назначением командующим армией генерала барона Куроки Та-

¹ На юго-западном побережье Кореи находилась база флота.

² Ворота Ссми Звезд, или ворота Большой Медведицы.

момента. Гвардейская и 2-я дивизии собирались в Хиросама, в то время как 12-я дивизия высаживалась в Чемульпо и часть ее уже заняла Пингъян. Так как время очистки реки Тайдон ото льда приближалось, то согласно плану военных действий было решено высадить 1-ю армию (исключая 12-ю дивизию) в этой местности и, перейдя в южную Маньчжурию, вести оттуда наступление на неприятеля.

Ввиду вышесказанного Соединенный флот одновременно с производством операций у Порт-Артура должен был оперировать к северу от реки Тайдон.

1 марта адмирал Того послал телеграфное приказание начальнику 3-й эскадры вице-адмиралу Катаока Сичиро, находившемуся в Корейском проливе, прислать большую часть судов 7-го боевого отряда под командой контр-адмирала Хосоя к юго-западному побережью Кореи, а также приказал бывшему на рейде Асан адмиралу Уриу выслать часть его отряда к устью реки Тайдон, где занять наблюдательное положение в ожидании очистки реки ото льда. Вследствие сего адмирал Уриу 3 марта отправил туда «Такачихо» и 2 миноносца 9-го отряда «Аотакка» и «Кари», которые пришли в тот же день и тщательно обследовали окрестности Чинампо¹.

5 числа суда эти вернулись к отряду с донесением, что река уже вскрылась и хотя у устья плавание еще затруднено находящимся льдом, но препятствия для навигации нет.

Адмирал Хосоя, оставив в Корейском проливе «Каймон» и «Иваки», с остальными судами 7-го боевого отряда прибыл 4-го марта в назначенный пункт. Оставив по приказанию адмирала Того для несения в этом пункте сторожевой службы «Хейен» и «Атаго», с остальными судами направился к устью реки Тайдон, где вместе с 20-м отрядом миноносцев и пароходом «Дайнин-мару», на котором находилась партия минного заграждения, приступил к несению сторожевой службы.

Вместе с тем для оказания помощи в высадке 1-й армии, по полученному приказанию от начальника 3-й эскадры, адмирал

¹ Порт Чинампо был открыт для торговли в октябре 1897 г. Лежит на широте 38° 43' N и долготе 125° 24' O на юго-восточной части полуострова, находящегося на северном берегу реки, наружная часть которого осыхает. Единственная удобная гавань к северу от Саймонпо.

Хосоя спешно вызвал к устью реки Тайдон суда «Каймон» и «Атаго», а сам с «Фусо», «Сайен», «Цукуба», «Чиокай», «Майя» и «Удзи» в 10 часов утра 8 марта подошел к устью этой реки, где застал 20-й отряд миноносцев; разбив плавающий лед, суда вошли в Чинампо, где адмирал Хосоя распределил их по сторожевым обязанностям, а затем по совещанию с Управлением высадки войск начал приготовления для высадки, построики пристаней и т. п. Вскоре прибыли сюда же из Корейского пролива «Каймон» и «Атаго».

10-го числа прибыли в Чинампо первые 4 транспорта с передовым отрядом 1-й армии. С началом высадки адмирал Хосоя приказал своим судам днем занимать места у Rio-in-do¹, а ночью возвращаться на стоянку в Чинампо.

С 19-го числа база этих судов была перенесена в Rio-in-do (Oondogu)², и оборонительные работы в устье реки продолжались. В этот же день прибыл и пароход «Дайнин-мару», а 26-го числа работы по обороне устья реки были совершенно закончены.

За это время высадка 1-й армии значительно подвинулась вперед. 16 марта прибыл штаб Гвардейской дивизии, 17-го штаб армии и 24-го числа штаб 2-й дивизии. 25 марта окончилась высадка всей гвардейской дивизии, и она направилась через Пингъян к Сюкусен (Sukchou); 2-я дивизия, дабы встретить Гвардейскую, двигалась по направлению к Эйдзю. Шедшая же еще ранее к Пингъяну 12-я дивизия с 17-го числа поступила в ведение командующего 1-й армии и вместе с Гвардейской дивизией пошла к местечку Ансю (Anchiu), расположенному на левом берегу реки Сей-сен-ко (Ching-Choug-Gaug). Высадка всей 2-й дивизии окончилась к 29 марта.

¹ Названия местностей даны в двояком произношении. Русскими буквами в японском, а латинскими в местном или как они обозначены на английских морских картах. — *Примеч. пер.*

² Rio-in-do (Oondogu) лежит на широте 38° 39' N и долготе 125° 11' O на южном берегу Тайдона в 10 милях вниз по реке от Чинампо.

Статья 3. Содействие флота наступательному движению 1-й армии

А. Содействие армии у полуострова Тецусан (Cholsan)

Хотя передовой отряд 1-й армии понемногу подвигался вперед и дошел до Ансю (Anchiu), но служба связи и перевозка обоза по сухому пути была затруднительна, почему она спешно была организована морем. С 30 марта армия направилась к лежащему на левом берегу при устье реки Сей-сен-ко (Ching-Choug) местечку Дзосейкори и основала там этапные пункты. Адмиралу Хосоя было приказано кроме выполнения прежде данных от командующего флотом поручений, по соглашению с военными властями армии, по мере возможности оказывать содействие в наступлении 1-й армии, охраняя перевозку обоза с моря.

От находившегося в г. Пинъян командующего 1-й армией генерала Куроки была также получена телеграмма с просьбой оказывать содействие в перевозке и выгрузке предметов снабжения. Вместе с тем ввиду известия, что на полуострове Тецусан (Cholsan)¹ учреждается Управление высадки войск, адмирал Хосоя немедленно приказал командиру лодки «Каймон», капитану 2 ранга Такахаси Моримичи, 1 апреля выйти с лодками «Каймон» и «Чиокай» и двумя миноносцами 20-го отряда (№ 62 и № 63) к полуострову Тецусан, конвоируя 4 транспорта («Коду-мару», «Суехиро-мару», «Кубо-мару», «Сацума-мару»), с посаженными на них чинами Управления высадки войск.

Этот отряд прибыл в бухту Сен-сен (Sen-Sa)² 2 апреля.

3-го числа с лодок «Каймон» и «Чиокай» был высажен десант под командой исполняющего должность ротного коман-

¹ Тецусан лежит на широте 39° 39' N и долготе 124° 40' O, в расстоянии около 24 миль на SO от устья реки Ялу.

² Бухта Сен-сен находится на широте 39° 36' N и долготе 124° 46' O, в 5 милях от восточной оконечности полуострова Тецусан.

дира лейтенанта Фудзимура Шокичи, который немедленно за-
владел деревней Ботохо¹.

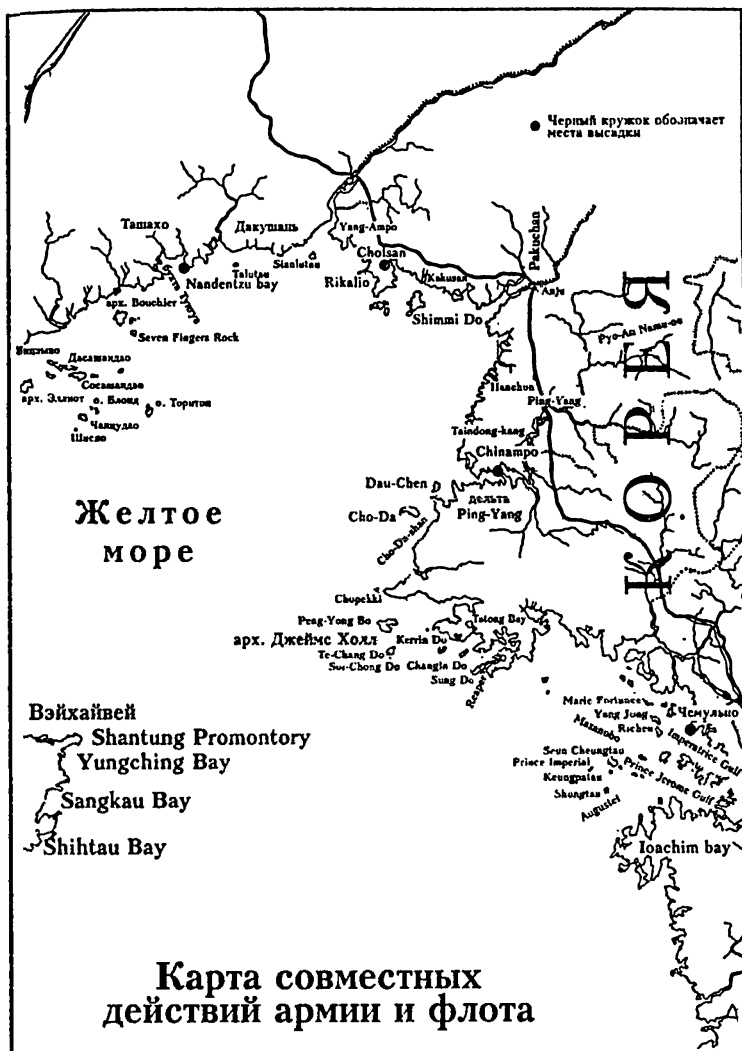
Затем «Каймон» и миноносец № 62 оказывали помощь в
устройстве Управления высадки войск, а «Чиокай» и миноно-
сец № 63 конвоировали два из бывших там 4 транспортов в Ри-
ка-хо², где принялись за подобную же работу.

Выгрузка в Ботохо началась с 4 апреля, и так как в тот же
день были закончены приготовления к устройству Управления
высадки войск, то адмирал Хосоя послал в распоряжение ко-
мандира «Каймон» еще лодку «Иваки» и приказал этому отря-
ду кроме несения ранее назначенных обязанностей нести од-
новременно и охранную службу в этой местности. В это время
нередко получались известия, что неприятель ставит мины в
устье реки Ялу.

Река Ялу протекает по границе между Китаем и Кореей и
впадает в углу Желтого моря. Это большая река. По обеим бе-
регам ее нижнего течения тянутся обширные возделанные поля.
В ее устье при малой воде обнажаются на протяжении несколь-
ких десятков миль песчаные отмели, местами образующие ост-
рова. Вблизи левого берега у устья реки находится местечко Риу-
гам-по (Jon-gam-po), которое перед войной было арендовано для
эксплуатации Россией; в 2 милях от него вниз по течению лежит
местечко То-риу-хо (Tsu-li-ppo). Вверх по реке в 272 милях от
Риу-гам-по заросли тростника настолько велики, что образу-
ют среди реки подобие острова, называемого Чусю (среднего
отмелью); еще через 2 мили на север на китайском берегу нахо-
дится черный скалистый мыс, на южной части которого лежит
деревня Ниониодзо (Niang-niang-ch'eng); поднявшись вверх по
реке на 2 мили, встречаем остров Риу-со-то (Liu-tsao-tao), се-
верная часть его густо поросла тростником и образует малень-
кий островок. На NNO от него в 572 милях находится город
Антунчен (в 16 милях от устья), а в 7 милях на NW на противо-

¹ Ботохо лежит на широте 39° 44' 1/2" N и долготе 124° 45' O в северо-
восточной части полуострова Тецусан, в 4 милях на восток от города Те-
цусан.

² Ри-ка-хо находится на широте 39° 47' N и долготе 124° 32' O на NW
оконечности полуострова Тецусан. Хотя прилегающей берег сохнет на 1/2
мили, но даже при средней воде можно проходить на шлюпках до г. Тецу-
сан, так что Ри-ка-хо является весьма удобным пунктом для высадки.

положном берегу реки лежит Ги-шю (Ы-джу), являющийся уездным городом и конечным пунктом дороги Сеул—Ы-джу и стоящий против расположенного на другом берегу реки г. Курендзо (Chiu-lien-cheng) (Тюренчен).

Ввиду этого 6 апреля капитан 2 ранга Такахаси приказал исполняющему должность ротного командира лодки «Каймон» лейтенанту Ямагучи Киичи с матросами отправиться к устью Ялу и удостовериться в действительности постановки мин, а также обследовать состояние г. Риу-гам-по (Jon-gam-po).

Лейтенант Ямагучи на шлюпке пошел к устью р. Ялу и прибыл туда 8-го числа. Произведя разведку, он выяснил, что неприятель, видя прибытие наших судов 3-го числа в Ботохо, отступил на противоположный берег Ялу к деревне Niang-Niang-Cheng и вблизи ее выставил цепь пикетов, с которых обстреливали идущие по реке корейские джонки; также узнали и об учреждении наблюдательного поста у Ансишаня. Кроме того, из донесений прибывшей в Риу-гам-по гвардейской кавалерии узнали, что неприятель своими войсками занимает в разных местах весь противоположный берег реки. Переодевшись китайцем, лейтенант Ямагучи на джонке поднялся вверх по реке, произвел тщательную разведку у Риу-гам-по и исследовал реку, но мин не нашел.

10-го числа было получено известие, что несколько неприятельских солдат производят разведку в То-риу-хо (Tsu-li-ppo), селении, лежащем в 2 милях ниже Риу-гам-по. Желая окружить неприятеля и взять его в плен, Ямагучи вместе с нашими кавалеристами спустился по течению до этого места. Неприятель, видя, что его окружают, сел на шлюпку и, выйдя на середину реки, открыл огонь; в то же время по течению спускалась другая джонка, на которой было несколько десятков неприятельских солдат. Подойдя к неприятелю на близкое расстояние, лейтенант Ямагучи завязал перестрелку; неприятель, бросив шлюпку, рассыпался по отмели, некоторое время отстреливаясь, но затем отступил на противоположный берег реки. Лейтенант Ямагучи, выяснив расположение неприятеля, вернулся в Сенсен-ван 11 числа.

В это время в Японии уже формировалась 2-я армия, и приход первой партии транспортов в реку Тайдон ожидался в не-

далеком будущем. Главные силы Соединенного флота после произведенных 7-й и 8-й атак Порт-Артура вернулись 16 апреля в базу в северо-западной Корее.

Так как с этих пор начались совместные действия армии и флота, то адмирал Хосоя отправил 19 апреля на «Микаса» своего флаг-офицера капитан-лейтенанта Итей Тейдзо с целью получить различные указания; на другой день, 20-го, был послан к месту стоянки флота «Цукуба», а бывшая в Ри-ка-хо лодка «Чиоай» вернулась к устью реки Тайдон. В тот же день адмирал Хосоя получил уведомление от генерала Куроки, что переправа армии через Ялу предполагается 30 апреля и потому желательно заранее согласовать действия судов и армии.

Адмирал Хосоя испросил по этому поводу по телеграфу соответствующих инструкций у командующего флотом. Было решено, что во время переправы армии для совместных с ней действий к Риугампо пойдет отряд судов под командой командира лодки «Майя», капитана 2 ранга Накагава Сигемицу («Майя», «Удзи», миноносцы 1-го отряда № 68 и № 69 и 4 вооруженных баркаса). 22-го числа, телеграфируя об этом генералу Куроки, адмирал Хосоя приказал командиру «Майя» с назначенными судами идти по назначению.

Б. Содействие армии у реки Ялу

Передовые разведочные отряды нашей 1-й армии прибыли на левый берег Ялу в Ги-шю (Ы-джу) и Риу-гам-по 3 и 4 апреля. Главные же силы, выйдя 7-го числа из Пингъяна, тем временем подвигались на север. Тяжелая артиллерия, понтонные материалы и т. п. были выгружаемы на берег, начиная с полуострова Cholsan. 21-го числа главные силы 1-й армии подошли к левому берегу Ялу. Гвардейская, 2-я и 12-я дивизии, заняв назначенные позиции, приступили к исследованию реки, причем оказалось, что неприятель построил окопы и укрепления с целью остановить нашу переправу; обе армии стояли друг против друга, разделенные рекой.

Ночью 25-го числа передовые посты 2-й дивизии без малейшего сопротивления завладели островом Кен-тей-то (Chien-ting-tao) и навели понтоны через первый рукав Ялу.

26-го на рассвете передовой батальон Гвардейской дивизии, сломив сопротивление неприятеля, занял остров Кию-ри-то (Chiu-li-tao) и навел понтоны через второй рукав Ялу, несмотря на стужу и огонь неприятельской артиллерии. Часть 12-й дивизии 28-го числа, сосредоточив силы близ Суй-ко-чин (Shui-kou-ching), на другой день, 29-го, отбила неприятеля на той стороне реки и приступила к наводке понтонов, причем, несмотря на сильное течение, препятствовавшее работе, окончила ее к 3 часам дня 30 апреля и спешно начала переправу через реку.

С целью оказания содействия 1-й армии на реке Ялу командир лодки «Майя», капитан 2 ранга Накагава, вышел из Чиннампо 23 апреля; по дороге к нему присоединились «Удзи», миноносцы № 68 и № 69 и вооруженный баркас во время пути с «Каймона». 25-го числа суда пришли к Ялу. Несмотря на то что, начиная с Ансишаня, суда были обстреливаемы с неприятельского берега, все они благополучно один за другим прибыли в Риу-гам-по. 26-го числа прибыли туда и баркасы с «Сайен» и «Хейен» (как уже упомянуто, было всего 4 вооруженных баркаса — эти два и затем с «Каймона» и «Удзи»).

По прибытии отряда судов в Риугампо капитан 2 ранга Накагава встретился с офицером из штаба 1-й армии майором Фукуда, по совещании с которым было решено, что отряд судов пойдет вверх по реке до Антунчена для отвлечения неприятеля к этому пункту. С 26 апреля, преодолевая слабое сопротивление, оказываемое неприятелем, суда занимались промером фарватера и разведкой противоположного берега. Так как приготовления 1-й армии были закончены и момент переправы незрел, то суда для отвлечения неприятеля установили вниз по реке от Антунчена несколько осадных и полевых орудий для обстрела Ансишаня и Ниониодзо с флангов. Утром, 29-го числа, они вышли из То-риу-хо (Tsu-li-ppo) и, пройдя по умеренному фарватеру, стали на якорь — «Майя» несколько выше Риу-гам-по, «Удзи» ниже Ниониодзо, миноносцы же и баркасы поднялись еще выше, обстреливая неприятельские батареи и войска.

На другой день, 30-го, суда продолжали действовать по-прежнему: миноносцы и катера поднялись еще выше — до Антунчена, где завязали бой с неприятельской пехотой и кавалерией,

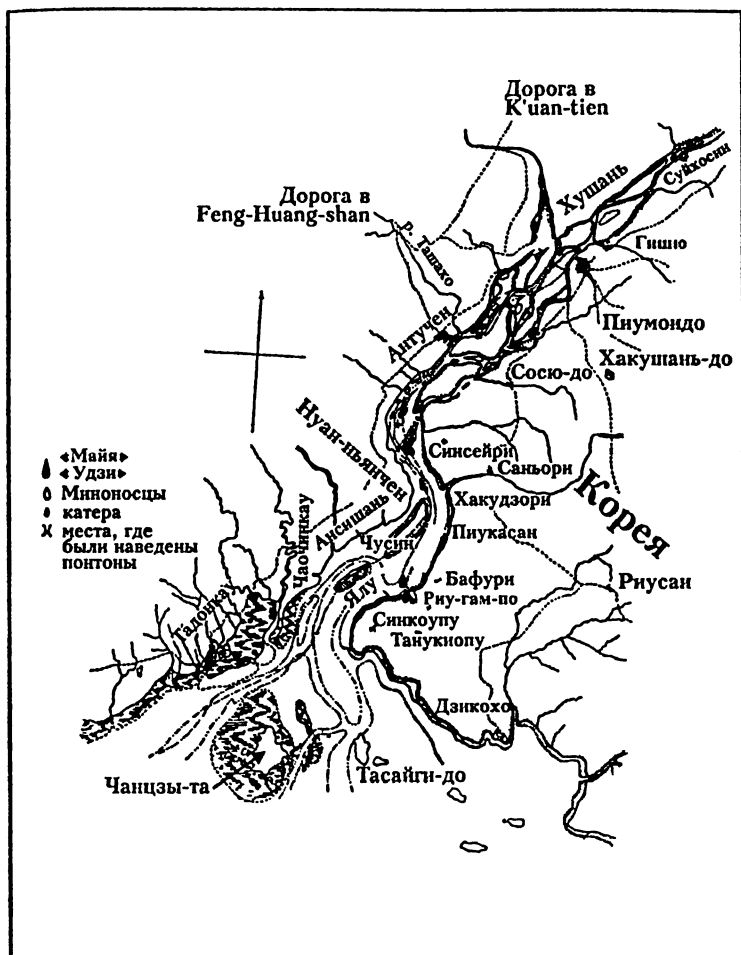

Схема сражения на р. Ялу

в числе около 400 человек, и нанесли им поражение, а ночью снова беспокоили в окрестностях Сидоко (Ssu-tao-kou) неприятеля стрельбой.

Ввиду назначения на 1-е мая общей переправы всей армии все суда по мере возможности поднялись вверх по реке и действовали следующим образом: лодка «Майя» обстреливала продольным огнем батареи на Ансишане и появлявшихся из-за домов, расположенных у подошвы этой горы, неприятельских солдат, лодка «Удзи», подойдя близ Нионидзо стреляла перекидным огнем по Сидоко, миноносцы, идя вверх по реке, обстреливали неприятельские войска от Ниониодзо до Сидоко, а затем, дойдя вместе с катерами до Антунчена, заставили отступить неприятельскую пехоту и артиллерию. Заметив, что на улицах Антунчена возник пожар, они вернулись к Риу-гам-по; «Майя» и «Удзи» со своих стоянок снова открыли огонь по Ансишаню.

Утром того же дня 1-я армия переправилась через реку Ялу и затем, пройдя вброд реку Аи, овладела деревней Киюрэндзо (Chin-lien-cheng), перенесла туда штаб-квартиру армии.

Каждая дивизия преследовала неприятеля и, окружив значительный неприятельский отряд близ Комото (Ko-mo-tong), принудила его сдаться. К 6 часам этого дня бой всюду был закончен, и капитан 2 ранга Накагава по соглашению с командующим 1-й армией решил вернуть отряд судов и по приказанию адмирала Хосоя 4-го числа в полдень вышел из Кучампо, приказав миноносцам самостоятельно идти на рейд Эллиот. Лодки же «Майя» и «Удзи», конвоируя баркасы, пришли 6-го мая в Энтоа, где и соединились с 7-м боевым отрядом.

2 мая на имя командующего 1-й армией генерала Куроки Итей и младшего флагмана 3-й эскадры контр-адмирала Хосоя Сукеудзи был дарован нижеследующий императорский рескрипт:

«Неприятель надеялся на реку Ялу, как на неприступную естественную позицию, но наша 1-я армия и приданный к ней отряд судов благодаря всесторонне разработанным планам вполне преодолели препятствие и прошли вперед, нанеся врагу большое поражение.

Мы хвалим эти действия, но полагаем, что в дальнейшем трудности завоевания будут все увеличиваться, и потому пусть все офицеры и нижние чины приложат к делу все свое усердие».

На этот рескрипт адмирал Хосоя поднес нижеследующий ответный адрес:

«Победа на реке Ялу далась нам только по милости нашего Верховного Вождя Вашего Императорского Величества, по поводу чего Ваше Величество изволили даровать Всемилостивейший рескрипт. С трепетом и душевным волнением мы осмеливаемся донести, что положим все наши силы на исполнение Высочайшей воли».

Глава II

Охрана перевозки и высадки 2-й армии

Статья 1. Начало совместных действий

В Главной квартире было решено вслед за отправкой 1-й армии сформировать 2-ю армию из 1-й дивизии (начальник дивизии генерал-лейтенант принц Фусими Саданару), 3-й дивизии (начальник дивизии генерал-лейтенант барон Осима Иосимаса), 4-й дивизии (начальник дивизии генерал-лейтенант барон Огава Матадзи) и 1-й артиллерийской бригады (командир бригады генерал-майор Учияма Кодзиро) и, высадив ее на Ляодунском полуострове, атаковать неприятеля совместными силами обеих армий.

Командующим 2-й армией был назначен генерал барон Оку Ясуката.

Штаб армии прибыл в Хиросима 22 марта, а дивизии, собравшись в предназначенных им портах посадки, ожидали приказа об отправке на театр военных действий.

По плану Главной квартиры предполагалось всю армию целиком направить сначала на транспортах к устью реки Тайдон и затем по оконча-

нии операций Соединенного флота по закупорке входа в Порт-Артур переправить эту армию на Ляодунский полуостров. Далее предполагалось смотря по обстоятельствам борьбы на море и сухом пути первым делом овладеть важными позициями, устроить надежную базу и затем уже приступить к совместным действиям с 1-й армией.

Согласно с этим планом 5 апреля начальник Морского Генерального штаба адмирал виконт Ито Сакенори передал командующему флотом указания относительно совместных действий с армией.

В это время адмирал Того с флотом находился на стоянке в северо-западной Корее. По получении этих указаний им были немедленно отданы следующие приказания: начальнику 2-й эскадры вице-адмиралу Камимура Хиконадзо со 2-м боевым отрядом (за исключением «Якумо» и «Асама» и с прибавлением «Кассуга») большою скоростью идти к Владивостоку и по выполнении там операций против неприятеля оставаться на охране в Корейском проливе (подробно во II томе); начальнику 3-й эскадры вице-адмиралу Катаока передать обязанности охраны Корейского пролива вице-адмиралу Камимура, а самому со всей 3-й эскадрой идти в северо-западную Корею, контр-адмиралу Хосоя часть судов его отряда выслать к реке Ялу для содействия переправе 1-й армии, а с остальными судами сосредоточиться в устьях Тайдона и охранять транспорты 2-й армии.

20 апреля в разных портах Японии началась посадка 2-й армии на транспорты, которые один за другим пошли к устью реки Тайдон; 24 апреля к месту стоянки Соединенного флота прибыл командующий 2-й армией генерал Оку и имел с адмиралом Того совещание, на котором было решено, что транспорты 2-й армии из устья Тайдон пойдут в назначенный пункт высадки в Энтоа, причем первый эшелон пойдет под предводительством военного судна от флота и под конвоем отряда военных судов, что же касается 2, 3 и 4-го эшелонов, то особой охраны им придано не будет, а будут даны лишь разведчики для безопасности плавания.

Вследствие этого 28-го числа адмирал Того дал следующие приказания: вице-адмиралу Катаока конвоировать 1-й эшелон 2-й армии и озаботиться обороной пункта высадки, контр-ад-

миралу Хосоя идти заранее в Энтоа и оказывать содействие в высадке войск, контр-адмиралу Миура, заведующему временной базой флота во время войны, озаботиться постановкой бона, промером якорной стоянки и устройством приспособлений для высадки в Энтоа. Кроме того, было приказано сформировать из присланных для пополнения Соединенного флота чинов десантный отряд и на вспомогательных крейсерах «Гонконг-мару» и «Ниппон-мару» доставить его на место для овладения пунктом высадки 2-й армии.

Отдав флоту распоряжения относительно совместных действий с армией, адмирал Того в то же время готовился к новому заграждению входа в Порт-Артур и 1 мая после полудня вышел туда с флотом, конвоируя пароходы-заградители.

Бывший в Корейском проливе начальник 3-й эскадры адмирал Катаока, получив приказание идти в северо-западную Корею, сам вышел оттуда 19 апреля с 5-м (исключая «Кассуга») и 6-м (исключая «Идзуми» и «Акаси») боевыми отрядами, приказав контр-адмиралу Того Масамичи с «Акаси», со 2¹, 10 и 16-м отрядами миноносцев выйти на другой день. Все суда прибыли к месту назначения 22-го числа.

Получив 28 апреля приказ относительно конвоирования транспортов, адмирал Катаока в тот же день дал инструкции подведомственным ему судам. Согласно с ними раньше всех, 1 мая, вышел к реке Тайдон авизо «Мияки», имевший поручение указывать дорогу транспортам. В тот же день снялись с якоря и направились к острову Чода (Cho-da) 5-й и 6-й боевые отряды и 2-й отряд миноносцев. На другой день к ним присоединились 6-й отряд миноносцев (№ 56 — капитан-лейтенант Учида, № 57 — мичман Митамура, № 58 — младший лейтенант Накамура, № 59 — младший лейтенант Отера), 12-й отряд миноносцев (№ 50 — капитан-лейтенант Ямада, № 51 — лейтенант Гондо, № 52 — лейтенант Миямото, № 53 — лейтенант Кихара) и 21-й отряд миноносцев (№ 47 — капитан-лейтенант Эзое, № 44 — младший лейтенант Иокочи, № 48 — младший лейтенант Хосоки, № 49 — лейтенант Нарусе).

¹ 2-й отряд миноносцев № 38 — командующий отрядом и командир миноносца капитан-лейтенант Камимия, № 37 — и. д. командира младший лейтенант Такетоми, № 45 — и. д. командира младший лейтенант Кагара, № 46 — командир лейтенант Тамаока.

Придя в устье реки Тайдон, адмирал Катаока в сопровождении адмирала Хосоя посетил бывшего на транспорте № 1 «Явата-мару» командующего 2-й армией генерала Оку и вместе с ним определил план перевозки и высадки 2-й армии.

Вышедший затем к Рио-ин-до (Oon-do-gu) адмирал Хосоя, согласно приказанию адмирала Того, 22 апреля отправил в реку Ялу отряд судов для помощи 1-й армии при переправе, «Каймон», «Иваки», «Чиокай» и миноносцы 1-го отряда № 67 и № 60 были посланы в непосредственное распоряжение командующего флотом, сам же с «Фусо», «Сайен», «Цукуба» и 20-м отрядом миноносцев приступил к охране подходивших с 23-го числа к реке Тайдон транспортов 2-й армии.

Согласно приказанию об оказании содействия высадке 2-й армии, полученному 28-го числа, адмирал Хосоя на следующий день определил порядок плавания 23 транспортов, шедших первым эшелоном с главными силами 1-й и 3-й дивизий (в этот отряд вошли еще 7 пароходов, служивших для нужд Управления высадки войск).

Всего к 29-му числу у устья реки Тайдон собралось свыше 80 транспортов первой партии этой армии.

По окончании приготовлений 7-го боевого отряда и транспортов к походу, утром 3-го мая первым вышел «Мияко», за ним следовали «Гонконг-мару» и «Нихон-мару», 7-й боевой отряд, миноносцы и 1-й эшелон транспортов. Вдруг с вышедшего уже из реки и ушедшего немного вперед «Мияко» было передано приказание об отмене предположенного похода, почему адмирал Хосоя немедленно остановил все суда и приказал им стать на якорь по способности.

Статья 2. Конвоирование 1-й партии транспортов с войсками

Адмирал Катаока, находившийся у острова Чода (Cho-da) в ожидании выхода 1-го эшелона 2-й армии, 3 мая получил с броненосца «Ясима», направлявшегося к Порт-Артуру, известие от адмирала Того, что ввиду признаков наступления плохой погоды следует приостановить движение транспортов, и

потому немедленно телеграфировал о том адмиралу Хосоя, приказав «Мияко» дать о том знать генералу Оку.

7-й боевой отряд и 1-й эшелон транспортов стали на якорь, и адмирал Катаока приказал 6-му боевому отряду выйти для их охраны. Однако на другой день 4-го мая погода значительно улучшилась, почему было приказано возобновить поход.

7-й боевой отряд (исключая «Майя», «Чиокай», и «Удзи»), «Гонконг» и «Нихон-мару» и миноносцы № 68 и № 69 вышли из реки Тайдон в 9 часов утра и направились к Энтоа первыми; 6-й боевой отряд (исключая «Идзуми») вышел в 11 часов 30 минут утра и соединился с 5-м боевым отрядом. Транспорты 1-го эшелона начали сниматься с якоря с полудня и, став один за другим в назначенный строй, пошли по назначению под конвоем 5-го, 6-го боевых отрядов, «Дайнин-мару» и «Доио-мару» и 2, 6, 12 и 21-го отрядов миноносцев.

Когда 5 мая в 6 часов 40 минут утра суда прибыли в Энтоа (транспорт «Кага-мару», выходя из реки, приткнулся к мели у острова Секи-то (Dau-chen), но с помощью крейсера «Акицусу» был снят с мели и под его конвоем пришел в Энтоа в 4 часа 30 минут дня), то 7-й боевой отряд, крейсер «Чиода» и прочие военные суда и пароходы уже находились там и делали приготовления для высадки, а бывший на «Нихон-мару» и «Гонконг-мару» десантный отряд флота уже был посажен на шлюпки и был готов для высадки. Транспорты стали на якорь по диспозиции; с судов 5-го и 6-го боевых отрядов послали паровые катера и шлюпки к «Фусо»; «Мияко» приступил к устройству бонового заграждения; прочие военные суда вышли с рейда для несения сторожевой службы, сухопутные же войска приступили к устройству Управления высадки войск.

Статья 3. Помощь, оказанная при высадке 1-го эшелона

А. Высадка войск и обстреливание побережья лодками «Акачи» и «Осима»

Когда в самом начале войны был принят план высадки армии на южном берегу Ляодунского полуострова, то одновременно

была также осознана необходимость формирования значительного десанта из команд флота. Для этой цели были выбраны капитан 1 ранга Номото Цунаеки, 26 офицеров и 1016 нижних чинов, из которых образовали кадры для пополнения убыли на эскадре. Капитан 1 ранга Номото был назначен начальником этого отряда; отряд был помещен в казармах экипажа в Сасебо, где их ежедневно заставляли практиковаться в строевых учениях, в бегании по горам, в лазании по крутым местам и обрывам и т. п., особенно обращая внимание на развитие силы и ловкости движений. Когда приблизился срок высадки 2-й армии на неприятельскую территорию, десант этот был посажен на вспомогательные крейсера «Гонконг-мару» и «Нихон-мару» и 29 апреля прибыл на место стоянки флота в северо-западной Корее. Адмирал Того присвоил этому отряду название десанта Соединенного флота, оставив командовать им капитана 1 ранга Номото, причем недостаток в офицерах был пополнен с 3-й эскадры. Оба вспомогательных крейсера 30 апреля вошли в устье реки Тайдон и поступили в ведение адмирала Хосоя, который, в свою очередь, сформировал отдельную десантную батарею с судов 7-го боевого отряда и прикомандировал ее к десанту флота. Таким образом, состав десантного отряда флота был следующим:

Штаб

Начальник десанта	капитан 1 ранга	Номото Цунаеки
Начальник штаба	капитан-лейтенант	Хоручи Сабуро
Главный врач		Судзуки
Главный ревизор		Суги
2 боцмана		
2 сигнальщика		
2 писаря		
3 переводчика		

1-й батальон

Командир батальона	капитан-лейтенант	Мачида
Адъютант батальона	лейтенант	Хираива
Адъютант батальона	старший боцман	Цуноо
1 сигнальный кондуктор		
11 сигнальщиков		
2 переводчика		
1-я рота — командир	лейтенант	Хагучи

1-я рота — командир 1-го взвода	мичман	Фунено
1-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Танака
1-я рота — командир 3-го взвода	старший боцман	Иомура
2-я рота — командир	лейтенант	Абурадани
2-я рота — командир 1-го взвода	мичман	Асидани
2-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Танабе
2-я рота — командир 3-го взвода	старший боцман	Ондо
3-я рота — командир	младший лейтенант	Янагивара
3-я рота — командир 1-го взвода	старший боцман	Симана
3-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Кога

2-й батальон

Командир батальона	капитан-лейтенант	Ямагучи
Адьютант батальона	лейтенант	Кавамаки
Адьютант батальона	старший боцман	Когава
12 сигнальщиков		
2 переводчика		
4-я рота — командир	лейтенант	Канадзаки
4-я рота — командир 1-го взвода	младший лейтенант	Мимура
4-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Имура
4-я рота — командир 3-го взвода	старший боцман	Тао
5-я рота — командир	младший лейтенант	Сонода
5-я рота — командир 1-го взвода	мичман	Фукуока
5-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Ивамото
5-я рота — командир 3-го взвода	старший боцман	Танака
6-я рота — командир	младший лейтенант	Нагано
6-я рота — командир 1-го взвода	старший боцман	Хатано
6-я рота — командир 2-го взвода	старший боцман	Иото

Сводный отряд

Командир рабочего взвода	старший боцман Мида
1-е отделение	2 старших и 8 младших плотников, 2 машинных квартирмейстера и 8 машинистов
2-е отделение	2 старших и 8 младших плотников, 2 машинных квартирмейстера и 8 машинистов
Командир взвода снабжения снарядами	старший боцман Сакамото
1-е отделение	4 машинных квартирмейстера и 14 машинистов
2-е отделение	2 машинных квартирмейстера и 16 машинистов
Командир санитарного взвода	старший врач Судзуки младший врач Куроива
1-е отделение носильщики	2 машинных квартирмейстера и 10 машинистов
Санитары	2 старших и 8 рядовых
2-е отделение носильщики	2 машинных квартирмейстера и 10 машинистов

Санитары	2 старших и 8 рядовых
Продовольственный отряд:	
Начальник	ревизор Суги, 2 писаря, 2 баталера и 10 коков
Десантная батарея полевых орудий	Командир — младший лейтенант Такакура
1 сигнальщик	
Командир 1-го орудия (47-мм)	1 унтер-офицер и 19 нижних чинов
Командир 2-го орудия (75-мм)	1 унтер-офицер и 18 нижних чинов

Десантный отряд прибыл в Энтоа рано утром 5 мая. Начальник отряда капитан 1 ранга Номото, получив приказание о высадке, первым долгом посадил на шлюпки 1-й батальон и в 6 часов 30 минут утра отправил их передовой линией к назначенному для высадки пункту у Кодзисеки (Hou-erh-tun)¹.

Так как была малая вода, то шлюпки, дойдя на расстояние около 1000 метров от берега, сели на грунт и люди, сойдя в воду, пошли вброд по пояс в воде.

В 7 часов 37 минут 2-я рота под командой лейтенанта Абурадани первой взошла на берег. За ней пошли 3-я и 1-я роты и без выстрела овладели горой Дайшань (Daishan). Подняв на ее вершине флаг Восходящего Солнца, дали тем знать на лодку «Атаго» о своем прибытии.

2-й батальон, высадившись, занял высоты к востоку от горы Дайшань. Десантная батарея под командой лейтенанта Такакура не могла прямо высадиться на берег, и поневоле орудия пришлось разобрать и тащить по воде; батарея взошла на берег в 8 часов 40 минут. Так как в это время батальоны уже заняли целый пояс высот у Дайшаня, то батарея, выставив на этой горе орудия, приступила к постройке временных окопов, дальнего поста и т. п. В 11 часов началась высадка передового отряда войск. Капитан 1 ранга Номото, оставив на позиции батарею с приказанием охранять высадку войск до тех пор, пока не высадится полевая артиллерия, сам с батальонами десанта в 2 часа 30 минут дня вернулся на суда.

В этот день вернувшиеся от Порт-Артура лодки «Акачи» и «Чиокай» вместе с прибывшей с острова Хай-яп-тао (Thornton)

¹ Hou-erh-tun лежит на широте 39° 17' N и долготе 122° 15' O на NO берегу Энтоа.

лодкой «Осима» по приказанию адмирала Хосоя обстреливали побережье; «Акачи», дойдя до НО оконечности Бицзыво (Хи-си-ка) (Pi-tsu-wo)¹, обстреливала берег, но, не получая ответа, прекратила огонь.

В 8 часов 30 минут утра для рекогносцировки с лодки была послана шлюпка на берег.

В это время внезапно появилось около роты неприятельских солдат, как бы нарочно поджидавших высадки с нашего судна. Поэтому шлюпка была отозвана на «Акачи», и с лодки открыли сильный огонь по берегу, заставивший неприятеля отступить. В 3 часа 30 минут дня лодка вышла из Бицзыво и направилась к острову Kwanglontau. Лодки «Осима» и «Чиокай» вместе с 7-м боевым отрядом после обстрела пункта высадки направились к Сан-кан-мяо (San-kuan-miao)², но, не найдя там неприятеля, вернулись в Бицзыво.

Б. Содействие высадке войск

Когда десант уже высадился и на вершине горы Дайшань в 8 часов утра взвился флаг Восходящего Солнца, адмирал Хосоя, узнав о завладении нашими войсками пунктом высадки, немедленно распорядился о начале высадки 2-й армии. При этом для оказания помощи войскам флота были назначены: старший офицер с «Фусо», капитан-лейтенант Накамура Тораносукэ — заведующим высадкой при Управлении перевозки войск, а ротные командиры с «Фусо», лейтенанты Яманаси и Кацура — заведующими шлюпками, причем один из них был послан на берег, а другой назначен для наблюдения за шлюпками с эскадры, которых было дано для высадки свыше 90 штук. Хотя в этот день стояла ясная погода, но большая волна на рейде причиняла сильные затруднения при выгрузке грузов, тем более что из-за мелководья при отливе паровые

¹ Бицзыво лежит на широте 39° 24' N и долготе 122° 22' O на восток от залива Галиенван в 40 милях. Эта гавань полукруглой формы с грядой камней у входа, хорошо защищенная ото всех ветров, к тому же не замерзающая, но зато глубина ее невелика и потому большие суда в нее входить не могут.

² San-kuan-miao лежит на широте 39° 15' N и долготе 122° 10' O в 1 миле на W от Chang-chia-tun.

катера и другие шлюпки не могли подходить к берегу ближе как на 1000 метров, что сильно мешало успешности работ. Но несмотря на это, усилиями заведующего перевозкой капитан-лейтенанта Накамура и подведомственных ему чинов за день на шлюпках, данных от эскадры, было перевезено на берег свыше 9500 солдат. Работы продолжались также и ночью. На другой день, 6-го, держалась по-прежнему большая волна, причем была разбита пристань и затонули плашкоуты, почему пришлось приостановить высадку. К заходу солнца волна несколько стихла, высадка возобновилась и продолжалась всю ночь. С прибытием 6 мая в Энтоа 2-го (11 транспортов) эшелона войск, 7 мая — 3-го эшелона (19 транспортов) и 9 мая — 4-го эшелона (17 транспортов) означенные чины флота и Управление высадки войск были особенно озабочены дальнейшим ходом высадки. Все эти транспорты пришли без конвоя судами флота.

Чтобы ускорить высадку, начальник Управления высадки войск по соглашению со штабами 2-й армии и эскадры произвел исследование ближайшего берега и нашел более удобный пункт для высадки, а именно в 3 милях на запад от Hou-erh-tun в местечке Chang-chia-tun¹.

8 мая, на 4-й день высадки, туда была перенесена часть Управления высадки войск и перешла большая часть судов и транспортов. С перенесением 9-го числа всей высадки в новый пункт последняя по установлению связи между судами и сушей пошла гораздо успешнее, так как и форма берега и значительно меньшая волна позволили быстро закончить постройку приспособления для выгрузки. Уже к 10-му числу было выгружено 35 транспортов, а к 12-му числу почти все войска (люди) были высажены. Поэтому адмирал Хосоя вернул в тот день все шлюпки 5-го и 6-го боевых отрядов по своим судам, остальные же шлюпки были возвращены к своим судам на другой день; одновременно был расформирован и специальный отряд по перевозке войск и личный состав его был возвращен на суда. Таким образом, было окончено содействие флота в высадке 1-го отряда 2-й армии.

¹ Chang-chia-tun находится на широте 39° 0' N и долготе 121° 11' O.

В вышеописанной высадке от Соединенного флота принимало участие более 90 шлюпок, хотя по временам число их менялось в зависимости от поломок и неисправностей. Личный состав от флота принимал участие в числе 660 человек офицеров и команды, работавших с 5 по 12 мая, т. е. в течение 8 дней, борясь с волнами, недосыпая и недоедая, но изо всех сил стараясь способствовать высадке. С самого начала на шлюпках военного флота были перевезены люди морского отряда по высадке войск, потом необходимое снабжение — конечно, то, которое могло быть поднято ими, и затем почти полностью все солдаты.

13 мая ввиду полного окончания высадки 1-го эшелона 2-й армии адмирал Хосоя согласно приказанию адмирала Того, оставив на пункте высадки «Чиокай» и «Каймон», с прочими судами 7-го боевого отряда вышел на рейд островов Эллиот. Бывший же в отдельной командировке у реки Ялу отряд с лодкой «Майя» прибыл в Энтоа 6 мая. Адмирал Хосоя отправил миноносцы № 68 и № 69 1-го отряда в непосредственное ведение командующего флотом, а лодкам «Майя» и «Удзи» приказал принять участие в содействии высадке войск 2-й армии.

Статья 4. Прикрытие высадки 2-го и последующих отрядов

Высавившись в устье реки Тайдон, наша 1-я армия в первых числах мая перешла Ялу и, преследуя неприятеля, овладела городом Хоодзо (Фынь-хуан-чен). 2-я армия, несмотря на сопротивление неприятеля, хотя и начала высадку на Ляодунский полуостров, но ввиду того, что неприятель, намереваясь, по-видимому, спуститься на юг, сосредоточивал большие силы в Ляояне и Кайпине, чтобы атаковать нашу армию, то в Главной квартире было решено вслед за отправкой 4-го эшелона армии усилить ее отправкой войск 2-го срока, состоявших из второй части 4-й дивизии, 5-й дивизии (начальник дивизии генерал-лейтенант Иэда Арисова), 12-й дивизии (начальник дивизии генерал-лейтенант Цучия Мицухару), 1-й кавалерийской бригады (командир бригады генерал-майор Акияма Кооко).

Эти части были собраны в назначенные места посадки и распределены на 70 с лишком транспортах, которые, начиная с 14 мая, постепенно выходили из портов, направляясь в Энтоа, где с 17-го числа уже была начата их высадка.

Так как в это время адмирал Хосоя со своим 7-м боевым отрядом находился у Нандендзы, охраняя высадку шедшей отдельно 10-й дивизии (подробно в III главе), то командующий флотом приказал оказывать содействие высадке 2-го срока 2-й армии младшему флагману 3-й эскадры контр-адмиралу Того, который только что вернулся на рейд Эллиот из Печилийского залива. Поэтому контр-адмирал Того, учредив 20 мая Управление по оказанию содействия высадке войск, назначил начальником его старшего офицера с крейсера «Акаси» капитан-лейтенанта Иосидзима Сигетаро и в 6 часов утра вышел на «Акаси» с рейда Эллиот к месту высадки.

С прибытием посланных с 5-го боевого отряда шлюпок капитан-лейтенант Иосидзима вместе с заведующими шлюпками лейтенантами Исогае и Нагамацу тотчас распределил шлюпки для переправы; туда же прибыли шлюпки с 6-го боевого отряда, а с 22-го числа еще присоединился и паровой баркас «Кочо-мару» с парохода «Дайчу-мару» и 7 шлюпок 1-го боевого отряда, благодаря чему дело пошло быстро вперед. Когда охранявший высадку 10-й дивизии адмирал Хосоя, окончив свое поручение, вернулся 22 мая на рейд Эллиот, то командующий флотом приказал контр-адмиралу Того передать заведывание высадкой войск адмиралу Хосоя, а самому идти на рейд Эллиот, адмиралу же Хосоя принять от контр-адмирала Того руководство высадкой 2-го срока 2-й армии, назначив для этой цели «Фусо», «Сайен», «Хейен» и «Цукуба», а «Каймон», «Иваки», «Майя», «Чиокай» и «Удзи» передать в непосредственное распоряжение командующего флотом.

Адмирал Хосоя, назначив заведующим высадкой снова капитан-лейтенанта Накамура, прибыл со своими судами в Энтоа и 23-го числа принял исполнение обязанностей от контр-адмирала Того, который, в свою очередь, собрав шлюпки 6-го боевого отряда и бывших на берегу людей, в тот же день на «Акаси» вышел на рейд Эллиот. Капитан-лейтенант Накамура, пользуясь своим опытом, дал соответствующие

указания заведующим шлюпками и определил порядок выгрузки. Однако в тот же день по приказанию командующего флотом были возвращены к своим судам шлюпки 1-го боевого отряда и «Кочо-мару», а «Каймон» и «Цукуба» 24-го числа были вызваны в Эллиот, чтобы идти к бухте Кинчжоу. Поэтому в распоряжении капитан-лейтенанта Накамура оставались только шлюпки с 5-го и 7-го боевых отрядов («Ицукусима» «Хасидате», «Чин-Иен», «Мацусима», «Ниссин», «Фусо» и «Сайен»), с которыми он и вел выгрузку.

С 25-го числа погода испортилась и пришлось временно прекратить работы, но затем, несмотря на непогоду, продолжали высадку до конца без перерыва. 31 мая она совершенно была закончена, и адмирал Хосоя вернул все шлюпки и личный состав на свои суда.

3-й срок 2-й армии заключал в себя тыловые части дивизии, как-то: резервные обозные части, провиант, амуниционные колонны и т. п.; начиная с 30 мая транспорты их в числе 59 начали последовательно прибывать в Энтоа, где и приступали к разгрузке. Вся эта операция производилась Управлением высадки войск, и флот только охранял транспорты и нес сторожевую службу у якорной стоянки. Однако ввиду стоявшей несколько дней подряд свежей погоды и волны работы сильно задерживались, и потому 4-го дня решили попробовать перенести выгрузку в местечко San-kuan-miao, лежащее недалеко на запад от Chang-chia-tun. Попытка эта увенчалась успехом, и, перенеся 6 июня всю выгрузку туда, закончили ее к 14 июня.

Прибывший в Энтоа с партией 1-й отправки 2-й армии, командующий ею генерал Оку сразу начал наступление для занятия Кинчжоу и Дальнего, оказывая в то же время сопротивление идущему на юг от Кайпина неприятелю, и с 26 мая до конца того же месяца овладел Кинчжоу, Талиенваном (Люшунтун) и Дальним. Таким образом, весь залив Талиен поступил в наше владение. Между тем в Главной квартире ввиду полученных известий об отправке неприятелем вспомогательной эскадры¹ и в связи с состоянием нашего флота была осознана необходимость скорейшего взятия крепости Порт-Артур и уничтожения

¹ 2-й Тихоокеанской эскадры.

находившейся в ней эскадры, почему 1-я и 2-я дивизии были выделены из состава 2-й армии и с прибавлением к ним осадного артиллерийского парка образовали 3-ю армию со специальной задачей действовать против Порт-Артура, а из 3, 4 и 5-й дивизий, одной кавалерийской и одной артиллерийской бригады была сформирована 2-я армия, которая должна была идти против главных сил неприятеля.

Когда 2-я армия выступила к Дай-сски-кю (Ташичао), было получено известие, что находящийся в Кайпине неприятель в преобладающих силах идет на юг на усиление 2-й армии ей навстречу, почему в Главной квартире решили спешно послать туда еще 6-ю дивизию (начальник дивизии генерал-лейтенант Окубо Харуно). Эта дивизия, будучи посажена на суда, с 10-го по 13-е число частями отправлялась из порта посадки в Энтоа, где сразу же приступила к высадке, охрану которой нес адмирал Хосоя. 2-го дня была окончена высадка 1-й и 2-й партий. Начавшаяся 16-го дня выгрузка остальных частей 2-й армии была совершенно закончена 9-го дня. Еще перед тем часть Управления высадки войск после окончания выгрузки военных запасов 2-й армии была переведена в начале июля из Энтоа в Дальний для выгрузки оставшихся частей 3-й армии. Выгрузка в Энтоа была совершенно закончена в конце июля.

Статья 5. Охрана побережья

В день начала высадки 2-й армии лодка «Акачи» находилась в Бицзыво и обстреливала неприятеля; позже армия учредила в этом пункте этапное управление. Когда в начале июня была высажена продовольственная часть, то было получено известие об обнаружении поблизости нескольких сот неприятельских солдат, намеревавшихся, по-видимому, произвести нападение на наше этапное управление. Ввиду этого армия, перевезя провиант в Chang-chia-tun и намереваясь эвакуировать туда же этапное управление, просила содействия командующего флотом.

Адмирал Того отправил в Бицзыво «Сайен» и «Чиокай», а адмиралу Хосоя приказал немедленно послать туда для перевозки провианта два транспорта.

«Сайен» и «Чиокай» прибыли в Бицзыво 4 июня и, приступив к оказанию содействия по перевозке провианта, сверх того высадили на берег десантный отряд (под командой лейтенанта Накагури) в распоряжение этапного управления и для его охраны. Однако до 6 июня неприятель не выказывал никаких признаков наступления, и в армии было решено оставить провиант на том же месте под небольшой охраной, а этапное управление перевести в другое место. Вследствие этого «Чиокай», вернув десант на суда, в тот же день вышел к островам Эллиот, а «Сайен» в Энтоа. Вслед за тем ввиду нового известия, что большой отряд неприятельской кавалерии собрался на левом берегу реки Тай-ша-хо и часть его обнаружена близ Бицзыво, адмирал Того приказал лодке «Атаго» идти на помощь находившемуся в этом пункте нашему сухопутному отряду. На другой же день лодка вышла с рейда Эллиот и, придя в Бицзыво, высадила десант; однако ввиду заявления начальника сухопутного отряда, что помощи не требуется, лодка снялась с якоря 12-го числа и вернулась обратно в Эллиот.

2-я армия, овладев Кинчжоу и Наншанем, заняла оборонительную линию с востока от Бицзыво и до Пулантиена на западе, но ввиду намерения неприятеля большими силами идти на юг от Кайпина на помощь Порт-Артуру армия сосредоточила свои главные силы в Пулантиене, поставив кавалерийскую бригаду на своем правом фланге, распределив ее по левому берегу реки Тайшахо.

В начале июня ввиду известия, что неприятель спускается на юг вдоль реки Тайшахо и, по-видимому, идет прямо против правого фланга нашей армии, адмирал Того для охраны этапного управления послал в Энтоа «Гонконг» и «Нихон-мару» с посаженным на них сводным десантом флота и дал приказания адмиралу Хосоя и капитану 1 ранга Номото относительно совместных действий с армией. Одновременно генералу Оку была послана телеграмма, что сводный десант флота может высадиться во всякое время и по мере готовности выступить, почему в случае надобности в его содействии необходимо непосредственно вести о том сношения с адмиралом Хосоя. Однако ввиду ответной телеграммы от генерала Оку, что по настоящему положению военных операций содействие от десанта не тре-

буется и что в случае надобности он не преминет заблаговременно уведомить о том, адмирал Того приказал временно отменить высадку. Немного спустя снова было получено извещение о желательности высадить десант для охраны пункта высадки, почему адмирал Того вторично отдал приказание адмиралу Катаока высадить десант утром 8-го дня в Chang-chia-tun и, заняв позицию по нижнему течению реки Тайшахо, нести обязанности по защите этапного управления 2-й армии.

Сводный десант флота, заняв 5 мая пункт высадки в Hou-erh-tun, ожидал высадки войск и, будучи заменен ими, в тот же день вернулся на суда. Капитан 1 ранга Номото согласно приказанию адмирала Того вернул взятых с 3-й эскадры офицеров на свои суда, а для шести 12-фунтовых полевых орудий, бывших на «Гонконг-мару», приказал сформировать новый состав прислуги из наличия десантного отряда. Таким образом, когда появилась надобность в десанте, временно командующий им капитан 2 ранга Окуномия Мамору¹ с двумя батальонами и 6-ю орудиями 8-го дня в 3 часа дня, высадившись в Chang-chia-tun, направился в Tsai-liu-chia-tun и, по совещанию с командированными из штаба 2-й армии чинами, распределил вверенный ему отряд на связи с бывшей на правом фланге армии 17-й бригадой, примыкая к бывшей на другой стороне реки Тайшахо 1-й кавалерийской бригаде. Однако ввиду известия, что неприятель атакует пункт переправы в верхнем течении этой реки, по желанию штаба армии, капитан 2 ранга Окуномия оставил занимаемую им позицию, передав ее кавалерии и оставив в Ma-chia-tun одну роту, а с прочими частями отряда передвинулся на высоты близ Hou-erh-fang. На другой день ввиду дальнейшего наступательного движения 2-й армии снова по соглашению со штабом перенес батарею на позицию у Ma-pan-shan и, следуя с тремя ротами десанта за 17-й бригадой, обнаружил неприятеля впереди себя. Так как предвиделся бой, а десантный отряд, проникнув так далеко вглубь, имел, кроме того, еще и другие обязанности, то, отделившись 14-го числа от армии, он

¹ Капитан 1 ранга Номото 6 июня был назначен командиром бронепосца «Асахи»; временно, до назначения впоследствии на эту должность капитана 1 ранга Курои Тейдзиро, десантом командовал командир бронепосца «Фусо» капитан 2 ранга Окуномия.

вернулся на позицию у Ma-pan-shan. На другой день, 15-го, 2-я армия атаковала неприятеля близ Te-li-ssu, заставив его отступить к Ляояну, благодаря чему место высадки оказалось в безопасности и пребывание десанта сделалось излишним. Адмирал Того дал приказ адмиралу Катаока вернуть по способности десант на «Нихон-мару», снова сформировать из него десантный отряд тяжелой артиллерии и высадить его в Дальнем. Десант вернулся на «Нихон-мару» 22-го числа.

Статья 6. Перенесение пункта высадки вперед

Когда в начале мая началась высадка 2-й армии, то ввиду тех неудобств, которые были связаны с высадкой в этом месте побережья, а также и того, что самый пункт этот находился далеко от главного объекта действий армии — залива Талиенван и представлял из себя много затруднений в отношении защиты от нападения неприятеля, адмирал Того пожелал перенести место высадки в бухту Керр и 10 мая приказал адмиралу Катаока заняться промером этой бухты и очисткой ее от мин. Кроме того, адмирал Того намеревался при удобном случае высадить сводный десант на полуострове Такушань. Однако ввиду потопления в этой бухте на минах миноносца № 48 и «Мияко» и вообще опасности действий в этой бухте, в конце концов прекратил работы по очистке бухты, приказав вести по-прежнему высадку в Энтоа. Ввиду того что в конце мая весь залив Талиенван перешел в наши руки, в Главной квартире имелось предположение высаживать вновь сформированную 3-ю армию в этом заливе. Вместе с тем и адмирал Того предполагал поскорее учредить в этом заливе базу флота и пункт для высадки, но, опасаясь присутствия мин, 29-го мая снова приказал адмиралу Катаока произвести очистку от мин этого залива и обставить вехами безопасный фарватер к Талиенвану (Люшунтун) и Дальнему.

С этой целью адмирал Катаока назначил старшего офицера крейсера «Акаси», капитан-лейтенанта Иосидзима, начальником тралящей партии залива Талиенван, который, начав 1 июня работы, к 14-му числу совершенно их закончил; к этому же времени был открыт безопасный фарватер от бухты Odin-rove через Талиенван (Люшунтун) до Дальнего.

14 июня командующий флотом приказал заведующему портовыми сооружениями стоянок флота военного времени контр-адмиралу Миура выделить часть вверенного ему состава и открыть портовое управление в Дальнем и до 24 июня подготовить в Талиенване и Дальнем необходимые приспособления для перевозки и выгрузки военных припасов армии. Адмирал Миура 17-го числа вышел в Дальний с транспортом «Ицукусима-мару» и вспомогательными канонерскими лодками «Такасака-мару» и «Кориу-мару» и тотчас приступил к намеченным работам. Когда 24-го числа был открыт безопасный фарватер, адмирал Того отдал приказ адмиралу Хосоя войти в сношение с Управлением военных сообщений, определить порядок выгрузки транспортов и приказать подведомственным ему судам конвоировать транспорты до входа в залив Талиенван, согласно чему адмирал Хосоя сделал необходимые распоряжения относительно следования и охраны транспортов. Адмирал Миура согласно приказанию командующего флотом также определил порядок входа и выхода транспортов из порта и закончил общие приготовления.

26-го числа в залив Талиен прибыли первые четыре транспорта из Энтоа под руководством парохода «Иобу»; с тех пор суда 7-го боевого отряда каждый день конвоировали транспорты до входа в Талиенван, а в самом заливе до Дальнего их проводили средствами временного портового управления, которое наблюдало также и за выгрузкой.

Удовлетворенный ходом работ адмирал Того решил перенести полностью высадку и выгрузку 3-й армии в Талиенван (Люшунтун) и Дальний и приказал адмиралу Хосоя со своим флагманским судном идти в Дальний и принять от адмирала Миура заведование заливом Талиенван и охрану выгрузки транспортов.

Адмирал Хосоя 14-го числа на броненосце «Фусо», конвоируя транспорт «Аки-мару», на котором находился штаб главнокомандующего маньчжурскими армиями, прибыл в Дальний и принял в свое ведение оборону залива и охрану транспортов. Так как различные устройства в Талиенване постепенно приводились в порядок и совершенствовались, то остававшееся в Энтоа Управление высадки войск целиком перебралось в Талиенван (Люшунтун) 29 июля. С 10 августа транспорты стали входить в Талиенван уже самостоятельно, без охраны.

Глава III

Охрана высадки 10-й дивизии у Нандендзы

Статья 1. Перевозка 1-го эшелона

В середине апреля в Главной квартире было решено высадить 10-ю дивизию (начальник дивизии генерал-лейтенант Кавамура Кагеаки) близ Такушаня, дав ей самостоятельное поручение, смотря по ходу военных действий, действовать совместно с 1-й или 2-й армией. По этому поводу от начальника Морского Генерального штаба адмирала Ито была послана телеграмма адмиралу Того с просьбой выяснить удобный пункт для высадки на побережье от устья реки Tai-yang-ho до мыса Западный Тунгуз.

Командующий флотом приказал произвести разведку этой местности адмиралу Дева, который с 3-м боевым отрядом (исключая «Такасаго» и с прибавлением «Асама»), с «Цукуба» и 14-м отрядом миноносцев 20 апреля вышел со стоянки флота в северо-западной Корее и направился к мысу Тунгуз. Еще в дороге разведочная партия была посажена на шлюпки и вместе с миноносцами отправлена вперед, 3-й

боевой отряд и «Цукуба» прибыли по назначению 21 апреля в 9 часов вечера.

На другой день, с рассвета, были высланы разведочной партией «Читосе», «Кассаги», «Иосино» и «Асама», которые, будучи распределены по участкам, приступили к работе, миноносцы же делали промер ближайших вод. Получив донесения от разных партий, адмирал Дева пришел к убеждению, что наилучшим местом для высадки может служить Нандендзы, расположенное на оконечности Восточного мыса Тунгуз, о чем и телеграфировал адмиралу Того. Вместе с тем был послан с подробным донесением к месту стоянки флота на крейсере «Кассаги» флаг-офицер штаба, капитан-лейтенант Ямадзи. Так как по промеру у Niu-shih-chuan оказалось, что и эта местность сравнительно удобна для высадки, то снова телеграфировал о том адмиралу Того, который, однако, окончательно остановился для высадки 10-й дивизии на Нандендзы.

10-я дивизия начала садиться на суда в назначенных портах с 9 мая. Так как 1-й эшелон ее из 11 транспортов должен был выйти из порта отправления 9 или 10 мая и идти в реку Тайдонг, то адмирал Ито телеграфировал командующему флотом об отправке части флота к реке Тайдон, где, по соглашению с начальником 10-й дивизии генералом Кавамура, ей предстояло руководить и охранять транспорты и по возможности оказывать содействие армии при высадке. Вследствие этого адмирал Того призвал на рейд Эллиот адмирала Хосоя, который только что закончил работы по выгрузке 1-го эшелона 2-й армии и поручил ему конвоировать и охранять высадку 10-й дивизии. Адмирал Хосоя, передав обязанности по охране высадки 2-й армии контр-адмиралу Того, вышел с «Фусо», «Хейен» и «Цукуба» в реку Тайдон и прибыл в Чинампо 15 мая в 9 часов утра. 16-го числа туда же прибыл генерал Кавамура. Имея с ним совещание, адмирал Хосоя выработал план перевозки и высадки войск и отдал распоряжения относительно охраны. Отправив 17-го числа вперед лодку «Иваки», на другое утро в 4 часа с «Фусо», «Хейен» и «Цукуба» адмирал вышел из Чинампо в Нандендзы, конвоируя 1-й эшелон из 11 транспортов с войсками 10-й дивизии. В дороге встретив и присоединив к отряду «Сайен» («Сайен» был в бухте Тунгуз до 17-го числа),

но не встретив «Иваки», пошел в Эллиот, откуда, выйдя утром того же дня, прибыл в назначенный пункт в 8 часов вечера, где и стал на якорь. На другое утро, 19-го, подойдя в 5 часов 40 минут к месту высадки, сначала велел лодке «Иваки» обстрелять прилежащий берег и, не обнаружив неприятеля, высадил десант с приказанием овладеть пунктом высадки и начать устройство пристаней.

Статья 2. Содействие флота при высадке

Когда 7-й боевой отряд прибыл с транспортами к месту высадки в Нандендзы, адмирал Хосоя приказал высадить десант с судов «Фусо», «Хейен», «Сайен» и «Цукуба» в размере одной роты и полубатареи (одно 47-мм и одно 75-мм орудие), назначив для его охраны два вооруженных паровых катера с «Фусо» и «Сайен». Десант под командой старшего артиллерийского офицера «Фусо» лейтенанта Такемицу, высадившись на берег, утром 19-го числа занял всю полосу берега и поднял на окрестных холмах национальные флаги; вслед затем адмирал Хосоя немедленно начал высадку войск. В этот день стояла ясная тихая погода, и работы пошли с большим успехом; кроме того, из Эллиота прибыли «Атаго», «Удзи» и «Кочо-мару». К вечеру были выгружены весь личный состав, пушки и повозки почти полностью, а лошади на $\frac{1}{3}$. Генерал Кавамура немедленно отрядил 1 батальон к Такушаню (эта местность уже была занята отрядом 1-й армии), а 20 мая выслал туда же и штаб дивизии. Адмирал Хосоя вернул десант на суда.

Адмирал Того приказал отряду вернуться к островам Эллиот, почему адмирал Хосоя сначала отправил туда «Атаго», «Удзи», «Иваки» и «Кочо-мару», а на другой день с «Сайен», «Хейен» и «Цукуба» вышел сам из Нандендзы и прибыл на рейд Эллиот.

Глава IV

Первый поход к Кайпину. Гибель «Осима»

Хотя наш Соединенный флот с начала военных действий неоднократно производил атаки на неприятельскую эскадру в Порт-Артуре и владел Желтым морем, но по ходу войны операции наших судов не распространялись на Печилийский залив. Когда военные действия значительно развились и 2-я армия была высажена на южном побережье Ляодунского полуострова, адмирал Того впервые отправил часть флота в воды Печилийского залива.

К 13 мая, когда в Энтоа была закончена высадка 1-го срока 2-й армии, неприятель сосредоточил большие силы в Ляояне, часть которых охватила лежащие на востоке горы, а главные силы спускались на юг от Кайпина с видимой целью встретить нашу 2-ю армию. Ввиду этого, командующий 2-й армией генерал Оку, видя необходимость атаковать неприятеля, пока он не сосредоточил еще свои силы, послал офицера из своего штаба к адмиралу Того на «Микаса» со следующим уведомлением: «2-я армия предполагает начать наступление утром 15 мая и встретить идущего на юг от Кайпина неприятеля, по-

этому если бы флот имел возможность обстреливать побережье близ Кайпина и Инкоу, то этим доставил бы большое облегчение армии».

Согласно этому пожеланию командующий флотом дал контр-адмиралу Того, который в то время нес охранную службу у Энтоа, инструкции относительно обстрела западного побережья Ляодунского полуострова с целью деморализовать неприятеля. Последний вышел из Энтоа утром 15 мая с 6-м боевым отрядом (за исключением «Идзуми» и с прибавлением «Акаси»), лодками «Осима», «Акачи», «Удзи» и двумя миноносцами 14-го отряда («Чидори» и «Хаябуса»). Когда отряд подходил к Encounter Rock, начали получаться телеграммы о катастрофе с «Хацусе» и «Ясима», почему контр-адмирал Того решил идти к ним на помощь и, приказав «Осима», «Акачи», «Удзи» и миноносцам идти по назначению под общей командой командира лодки «Осима», капитан 2 ранга Хиросе сам с 6-м боевым отрядом спешно направился к месту катастрофы. Подойдя к нему, приказал крейсеру «Сума» вместе с броненосцем «Сикисима» прикрывать броненосец «Ясима» (этот крейсер охранял броненосец «Ясима» и, сняв с него команду, вернулся на рейд Эллиот). Затем по сигналу с броненосцев «Сикисима» и «Тацута» — «Ясима» в опасности, преследуется неприятелем, требуется помощь», контр-адмирал Того с «Акаси», «Чиода» и «Акицусу» пошел на Ost, чтобы отрезать неприятельским миноносцам путь к отступлению, если бы они нагнали «Ясима». Однако те не пошли в погоню, а направились в числе 7 миноносцев к месту гибели «Хацусе» и открыли жестокий огонь по спасавшим людей нашим паровым катерам и шлюпкам. «Акаси» и три других судна, отразив миноносцы, прошли в виду рейда Порт-Артура и временно легли на Ost. После захода солнца снова изменили курс и вошли в Печилийский залив, а 16-го числа в 12 часов 50 минут дня у Tower Hill встретили лодку «Осима» и прочие суда. Контр-адмирал Того дал приказ начать стрельбу; «Акаси», «Чиода» и «Акицусу» под непосредственным управлением адмирала открыли огонь по побережью к северу от Tower Hill, причем «Акаси» стрелял по вершине горы, а «Чиода» и «Акицусу» обстреливали постройки. Не обнаружив неприятеля, в 2 часа дня суда прекратили

огонь. «Чиода» отправился на разведку к устью Ляохэ, а «Акаси» и «Акицусу», поменявшись местами с «Осима», «Акачи» и «Удзи», начали стрелять по скрывающемуся в лесах к югу от Tower Hill неприятелю, затем обстреливали некоторое время железную дорогу с целью испортить линию. Миноносцы, подойдя к берегу, также открывали огонь.

«Осима», «Акачи» и «Удзи» сначала находились на юге от Tower Hill, обстреливая небольшие холмы и селения, но после 2 часов дня перешли на север от Tower Hill к мысу Кайджоу¹ и обстреливали неприятельские сторожевые посты, разбросанные по вершинам прибрежных холмов и по линии железной дороги. В шестом часу дня они прекратили огонь и соединились с прочими судами. Бывший на разведке у устья Ляохэ крейсер «Чиода» подходил к устью реки миль на 5, но, не заметив ничего подозрительного, также вернулся к отряду.

Контр-адмирал Того, окончив свое поручение у Tower Hill, решил идти для обстреливания побережья в бухту Кинчжоу и вышел со своими судами от Tower Hill 16 мая в 8 часов вечера. Однако ввиду нашедшего с 1 часа 45 минут ночи тумана, сначала небольшого, а затем ставшего настолько густым, что ничего не было видно в двух шагах, приказал судам открыть ходовые огни и приготовиться стать на якорь. Затем крейсерам «Акаси», «Чиода» «Акицусу» было приказано стать на якорь по способности, а лодкам и миноносцам передать это приказание.

Шедший впереди «Акаси» и за ним «Чиода» открыли ходовые огни и во избежание столкновения шли вперед самым малым ходом, «Акицусу» же, бывший третьим, сразу отдал якорь. Шедшая четвертой в строю лодка «Юсима», получив от переднего мателота приказание стать на якорь и желая передать его шедшей сзади лодке «Акачи», уклонилась немного влево и собиралась отдать якорь, когда вдруг из тумана у самого борта появились очертания лодки «Акачи». Избежать столкновения уже было невозможно. «Акаси» врезался в середину правого борта лодки «Осима» у машинного отделения. Образовалась большая пробоина. Командир лодки, капитан 2 ранга Хиросе, немедленно пробил водяную тревогу;

¹ Мыс Kai-chu (Кайджоу) находится в 16 милях на юг от города Инчоу на широте 40° 26' N и долготе 122° 14' O.

вода быстро прибывала. Видя, что лодка не избежит потопления, он приказал экипажу спастись. Когда в 3 часа 38 минут ночи команда была уже свезена, лодка затонула на широте $40^{\circ} 1' N$ и долготе $121^{\circ} 8' O$.

Когда «Акаси», войдя в туман, потеряла из виду своего переднего мателота, то командир лодки капитан 2 ранга Фудзимото, заметив по носу с левого борта огонь, подумал, что это «Осима», и продолжал идти прежним курсом, как вдруг впереди послышались крики и затем возглас впередсмотрящего: «Вижу по носу корпус судна».

Немедленно был дан полный ход назад, но лодка не набрала еще хода и врезалась носом в правый борт «Осимы».

Капитан 2 ранга Фудзимото немедленно дал знать о случившемся на прочие суда и послал на «Осима» пластырь и брандспойты.

Крейсер «Акицусу», переменяв свое место и став на якорь близ «Осима», послал для спасения людей шлюпки; шедшая в строю шестым номером лодка «Удзи» также выслала шлюпку спасать людей.

Контр-адмирал Того, получив телеграммы о столкновении и о потоплении лодки «Осима», приказал «Акицусу» взять к себе команду с «Осима» и в 7 часов 30 минут утра тронулся далее. По дороге было приказано крейсеру «Акицусу» остаться у северной оконечности острова Угоп для сообщения с находившимся у рейда Порт-Артура нашим флотом и для наблюдения за неприятелем, а с прочими судами в полдень прибыл ко входу в бухту Кинчжоу и дал приказание приступить к намеченным действиям. Суда обстреливали появлявшихся вблизи Hsieh-I'ou неприятельских разведчиков; посланная же с «Акаси» и «Чиода» тралящая партия, находясь под охраной миноносцев, несмотря на ветер и волну и неприятельские снаряды, почти закончила траление бухты.

Однако бывшие у Порт-Артура главные силы нашего флота, потеряв «Хацусе» и «Ясима», должны были отложить предположенные действия. Имевшие назначение усилить отряд, находившиеся в бухте Кинчжоу «Кокура-мару» и «Кориу-мару» также прибыли в эту бухту, и потому контр-адмирал Того прекратил обстреливание окрестностей города Кинчжоу и прика-

зал командиру лодки «Акачи» с вверенной ему лодкой «Удзи» направиться к Militia Head¹ и обстреливать лишнюю железной дороги, мостовые сооружения и т. п.

Обе лодки немедленно направились по назначению, но так как вежи протраченного пространства еще не были везде расставлены, то при проходе остерегались непротраченных мест и прибыли к удобному для стрельбы месту только в 4 часа 47 минут, начав здесь обстрел железнодорожной линии, мостов и т. п., а в 6 часов 30 минут, вернувшись, соединились со своим отрядом.

В это время контр-адмирал Того с «Акаси» и «Чиода», находясь у Wedge Head², наблюдал за неприятелем, который, скрываясь за горами, открыл по ним огонь, почему адмирал отошел от мыса Wedge Head и, присоединив к этим двум судам «Акачи», «Удзи» и «Акицусу», лег на обратный курс. В 6 часов утра 18 мая, пройдя пролив Токи³, вернулся к 7 часам 30 минутам вечера на рейд Эллот.

¹ Militia Head лежит в $3\frac{1}{2}$ милях на юге от Wedge-Head на широте $39^{\circ} 1\frac{1}{2}'$ N и долготе $121^{\circ} 25\frac{1}{2}'$ O. Мыс высотой около 156 футов.

² Wedge Head — лежит на широте $39^{\circ} 3'$ N и долготе $121^{\circ} 22'$ O, одинокий мыс, служащий северной оконечностью горной гряды; его северная сторона круто обрывается.

³ Проливов Токи два — северный и южный. — *Примеч. пер.*

Глава V

Содействие 2-й армии при атаке Кинчжоу

Статья 1. Общее положение сухопутного боя

Когда в начале мая часть авангарда 2-й армии высадилась в Энтоа, то командующий армией генерал Оку решил для разведки и порчи сообщений выслать этот отряд в тот же день к Бицзыво и Пулантиену, а затем, обождав окончания высадки всех войск 1-го эшелона, немедленно с главными силами перейти из Пулантиена к Тайшахо и, наступая по линии железной дороги, приготовиться к встрече идущего на юг неприятеля и, обождав прибытия подкреплений, начать операции против побережья залива Талиенван.

Однако, получив сведения, что находившийся у Кайпина неприятель уменьшил свои силы, но зато получил в Кинчжоу в подкрепление почти целую дивизию из Порт-Артура и имеет там преобладающее число войск, генерал Оку соответственно уменьшил число войск, действовавших на севере, и усилил отряд на юге.

16 мая 1-я дивизия, постепенно преодолевая упорное сопротивление неприятеля, завладела высотами близ Дзюсанридай (Shih-sa-li-tai) и вместе с 4-й дивизией нажимала на неприятеля у Кинчжоу, прочие же войска, выйдя на линию Пулантиен—Бицзыво, ожидали прибытия подкреплений.

В то же время из Главной квартиры пришло приказание командующему армией, что так как с завладением заливом Талиенван последующие военные операции пойдут гораздо успешнее и скорее, то армия должна овладеть береговой полосой этого залива и, сосредоточив возможно большее количество войск, отогнать неприятеля от кинчжоуских позиций.

Поэтому генерал Оку выработал новый план действий, по которому главная сила армии из 1, 3 и 4-й дивизий и 1-й артиллерийской бригады должна на рассвете 26 мая атаковать неприятеля у Наншаня (другое название высоты Su-chia-tun) и затем, пройдя вперед, овладеть линией Ансишань (An-tsu-shan)—Кейкасан (Chi-kuan-chan), остальные же силы должны были держаться на линии Пулантиен—Тайшахо.

Гора Наншань расположена в самом узком месте Кинчжоуского перешейка и является ключом этой позиции. Высота ее около 350 футов от уровня моря, восточные склоны упираются в бухту Хэнд-бэй, а западные сливаются с равниной, примыкающей к бухте Кинчжоу, господствуя над всей близлежащей местностью. Неприятель в придачу к этой естественной позиции построил полудолговременные укрепления, на батареях которых было установлено около 70 орудий разных калибров, также были построены несколько рядов окопов, а впереди них от залива Талиенван до подошвы горы Наншань были поставлены проволочные заграждения, заложены фугасы и т. п. оборонительные сооружения, в промежутках были установлены пулеметы, а на самой вершине горы прожектор. Таким образом, эта местность была чрезвычайно сильно укреплена, для охраны же обоих флангов на Nan-kuan-ling и прилегающих высотах было установлено несколько орудий.

Генерал Оку, распределив дивизии — 4-ю на правый фланг, 3-ю на левый, а 1-ю имея в центре, — приступил к различным приготовлениям для атаки и 25 мая ночью начал наступление.

Однако с полуночи погода внезапно испортилась, разразилась гроза, и вместе с блеском молнии и грохотом грома поднялся сильный ветер с ливнем, так что вокруг в двух шагах не видно было ни зги.

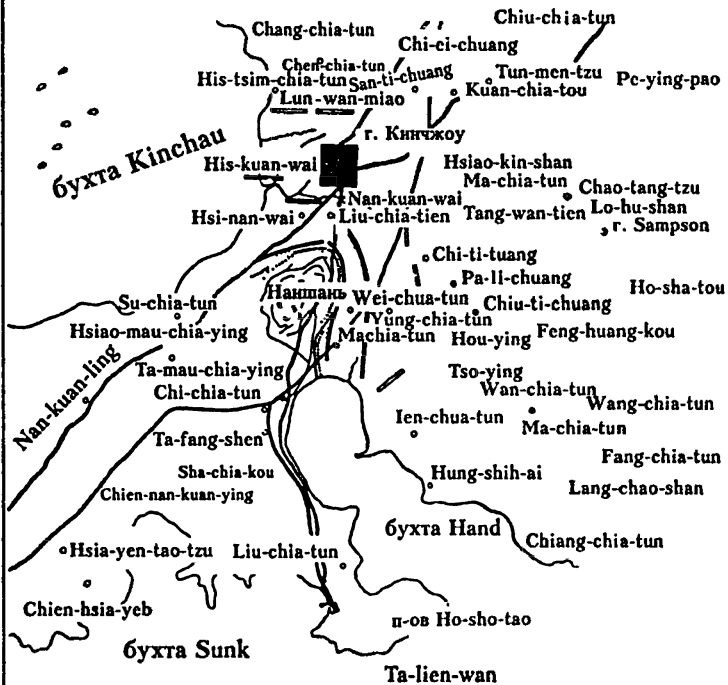
По предположенному плану 4-я дивизия должна была окончить атаку города Кинчжоу до полуночи и затем, соединившись с 1-й дивизией, на рассвете 26 мая идти на Наньшань. Однако ввиду плохой погоды овладеть городом Кинчжоу не удалось, и к рассвету войска отступили на высоты, лежащие к востоку от Лун-ван-мяо. Ввиду того что находившийся в Кинчжоу неприятель мешал движению 1-й дивизии, которая должна была до 4 часов 30 минут ночи перейти в наступление, войска правого фланга этой дивизии были направлены против восточных ворот этого города. Сломив сопротивление неприятеля, наши войска преследовали его и в конце концов завладели городом. 3-я дивизия, не встретив сопротивления неприятеля, завладела назначенной линией от Pa-li-chuan до высоты близ Nan-chia-tun. Таким образом, дивизии оказались на назначенных им позициях.

Когда в 5 часов 20 минут утра 26 мая в утренней дымке различили высоты Наншаня, был выпущен первый артиллерийский снаряд по укреплениям этой горы, а за ним открыли огонь и прочие батареи по определенным целям. На них отвечали несколько десятков орудий разного калибра со стороны неприятеля, и снаряды их стали ложиться хорошо. В это время в заливе Кинчжоу появился отряд лодок и открыл огонь по Наншаню. Так как действие наших орудий было успешно, то пехота 4-й дивизии, несмотря на огонь неприятеля, спустилась с высот у Лун-ван-мяо (Lun-wan-miao) и перешла на равнину, причем правый фланг ее пошел вдоль берега по воде.

К 8 часам 30 минутам 1-я линия пехоты уже приближалась к южной стороне Hsi-nan-wa, но, будучи встречена ружейным огнем неприятеля с фронта и артиллерийским огнем с фланга со стороны Наншаня, не могла идти далее и, окопавшись на занятой позиции, ожидала результатов артиллерийского огня.

Занимавшая центральное положение 1-я дивизия, находясь на возвышенной позиции, была сильно обстреливаема неприятелем, но держалась на своем месте, ожидая перехода в наступление фланговых дивизий, в особенности 4-й дивизии, бывшей

Схема атаки на Наншань (Кинчжоу) 14 мая 1904 г.

	Положение нашей армии в 5 часов 20 мин. утра
--- < --- в 7 часов 20 мин. утра
--- < --- от 9 часов утра до 7 часов вечера
1-я дивизия
3-я дивизия
4-я дивизия	
Неприятельские противолодочные заграждения
Неприятельские фугасы
Неприятельские рвы и окопы
Неприятельские укрепления и батареи
Наши суда
Неприятельские суда	

на правом фланге. Однако, получив приказание перейти в наступление, в 8 часов 30 минут утра эта дивизия под убийственным огнем неприятеля, подойдя на близкое расстояние, завязала жестокий бой с передовой неприятельской линией и под прикрытием своей артиллерии предприняла отчаянную попытку к наступлению, но ввиду упорного сопротивления неприятеля не скоро могла достигнуть своей цели.

3-я дивизия, бывшая на левом фланге, начала наступление около 7 часов 40 минут утра. Ввиду того что ей пришлось идти по почти ровной местности, она была обстреливаема со стороны Наншаня и продольным огнем с высот Chang-chia-tun и Ta-fang-chen, так что все время несла потери убитыми и ранеными. Несмотря на это, к 9 часам утра она перешла на линию от Yen-chia-tun до юго-западного края Ma-chia-tun. В это время неприятельская пехота, усилив свой правый фланг, вновь появилась на западных высотах Ta-fang-chen, открыв стрельбу из 8 скорострельных орудий по нашему левому флангу. Появившиеся одновременно с северо-востока от мыса Ho-shon-tau неприятельские суда — лодка «Бобр» и миноносцы «Бурный» и «Бойкий» — также открыли огонь по нашему левому флангу и в тыл, вследствие чего эта дивизия очутилась в очень опасном положении.

Таким образом, хотя передовая линия наших войск уже приблизилась под укрепления Наншаня и артиллерийская стрельба шла успешно, но ввиду упорной обороны неприятеля наша армия все еще не могла перейти в наступление и поджидала результатов артиллерийского огня. Потери там и здесь все увеличивались, и со всех частей передовой линии поступали донесения о трудностях боя. Однако генерал Оку, не оставляя своего первоначального намерения, в 1 час 30 минут дня вновь приказал идти в атаку 1-й дивизии, а 3-й и 4-й дивизии наступать вслед за нею. Для этого артиллерия специально сосредоточила огонь по неприятельской пехоте, чтобы внести смущение в ее ряды; пехота, разрушив некоторые из заграждений неприятеля, попыталась броситься в атаку, но, постоянно попадая под огонь неприятельских пулеметов, не смогла достигнуть цели и, пользуясь прикрытиями, поддерживала бой до 5 часов дня.

- Ввиду того что бывшая на левом фланге наша 3-я дивизия могла быть окружена неприятелем, а также ввиду поступавших донесений об истощении артиллерийских припасов и приближения захода солнца, командующий армией, несмотря на большие потери, решился на новое наступление и приказал каждой дивизии броситься в атаку.

1-я дивизия бросилась в 3-й раз в атаку на укрепления неприятеля, но, понеся большой урон убитыми и ранеными, не могла достигнуть своей цели. В то же время отряд лодок Соединенного флота вместе с правым крылом нашей армии сосредоточил убийственный огонь по неприятельским укреплениям левого фланга. 3-я дивизия, пользуясь этим, обошла неприятеля с левого фланга и ворвалась в его укрепления. 1-я и 4-я дивизии вслед за нею, перейдя через груды трупов, также взобрались на форты и к 7 часам 20 минутам вечера все укрепления были взяты и неприятель в полном смятении бежал к Порт-Артуру.

1. День 23 апреля, день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Федоровны, для нас, артурцев, оказался, к сожалению, самым злополучным. В этот день на параде генерал Стессель объявил о нашем отрезанном положении, о высадке японцев в Бицзыво и о движении их к Артуру. Того же числа был издан им приказ за № 157 следующего содержания:

«Славные войска укрепленного района! Неприятель 17 и 18 апреля перешел реку Ялу в больших силах; наши отошли на позиции, заранее выбранные. Вчера противник произвел значительную высадку на Ляодуне, южнее Бицзыво, близ бухты Кинчан. Теперь начнется наше дело. Противник, разумеется, прервет сообщение по железной дороге, а затем постарается оттеснить войска наши до Артура и обложить крепость. Артур — оплот России на Дальнем Востоке. Вы отстоите его до подхода войск, которые идут к нам на выручку. Я считаю долгом указать вам, что необходимо быть всегда бдительными и осмотрительными, готовыми к тому, чтобы везде встретить противника в порядке, достойном славных русских войск. Ни от каких случайностей не теряться; помнить, что на войне — все бывает. Спокойствие — главное. Офицерам беречь свои части, патроны и снаряды. С Божьей помощью мы выполним трудную задачу, на нас возложенную».

Итак, мы предоставлены самим себе, собственным силам, обречены на страшную борьбу с врагом с моря и суши, вдали от родины, вне всякой возможности получить от них хотя какую-нибудь весточку.

Первое впечатление по поводу высадки было потрясающее; все были поражены так быстро и неожиданно наступившим моментом изолирования.

Там же говорится:

«В конце апреля, на совещании начальников был поднят вопрос — защищать Кинчжоу или же бросить его и отступить к Артуру. Мнения разделились: одни стояли за защиту, так как это влекло за собою задержку неприятеля по дороге к Артуру и ослабление сил его; другие считали это опасным, так как защищать эту позицию можно было только при участии нашего флота, последний же действовать не мог; с другой стороны, ввиду невозможности получить помощь, потеря каждого солдата влекла за собой ослабление гарнизона, необходимого для защиты крепости; между тем неприятель во всякое время мог получить подкрепление. Решено было только задержать на этой позиции неприятеля насколько возможно, но не защищать ее "во что бы то ни стало"».

2. В записках капитана 1 ранга Бубнова в общих чертах говорится следующее:

«Дивизия генерала Фока, расположенная на севере Квантунской области, первой пришла в соприкосновение с неприятелем и до 13 мая имела с его передовыми частями только незначительные арьергардные стычки, как, например, 3 и 5 мая. Отступая постепенно на позиции у Кинчжоу, генерал Фок занял передовые окопы 5-м полком; остальные же полки его дивизии были расположены на флангах и в резерве; одна из рот 5-го полка с охотниками была поставлена в деревне Кинчжоу, вблизи позиции, в глубокой впадине. Против 4-й дивизии было три дивизии японцев с 120-ю орудиями.

12 мая первые выстрелы раздались со стороны японцев, на которые, к сожалению, последовал ответ со всех наших батарей, расположенных на позиции Кинчжоу. Вызвав огонь, японцы сразу прекратили свой, определив окончательно как расположение наших батарей, силу их, так и произведя самую точную пристрелку. Такой образ действия нашей артиллерии многие ставят совершенно справедливо в вину генералу Фоку, так опрометчиво поступившему в данном случае.

Бой у Кинчжоу 13 мая носил на себе характер исключительно артиллерийской дуэли.

В ночь на это число прошел страшный ливень; гром гремел беспрерывно, и молнии ежесекундно освещали весь небосклон и стоявших друг против друга противников.

Это, однако, не помешало японцам в излюбленное ими "13" число, около 4 часов утра открыть самый губительный огонь по нашим батареям и окопам, на который артиллерия не замедлила отвечать так же энергично. По рассказам очевидцев, японцы вскоре развили до того адски губительный огонь, что буквально засыпали снарядами наши батареи и окопы; уже к 11 часам дня на батареях, как говорят, не было живого места, а из стрелков, засыпанных осколками в окопах, одни начали оставлять их и искать спасения за ближайшими естественными укрытиями, другие же, так как и местность сзади заливалась чугунным дождем, молча, верные своему долгу, умирали в этих окопах, совершенно лишенных прикрытия; прислуга при орудиях, также без прикрытия, сменялась ежечасно, становясь на места убитых и раненых и продолжая вести стрельбу беззаветно и энергично. Рота, застигнутая таким губительным огнем в деревне Кинчжоу, выйти оттуда не могла и все были перебиты, а спасшиеся чудом — были захвачены в плен. Но невероятно колоссального развития артиллерийский огонь достиг с прибытием японского флота, ставшего в Цзинчжоуском заливе, в составе 4 канонерок и 6 миноносцев и громившего анфиладно наши батареи и окопы снарядами большого калибра. С этого момента бой принял уже характер страшного урагана, разразившегося огненным дождем стали и чугуна, ниспровергавшего все на своем пути. Когда наш огонь начал мало-помалу ослабевать, то японцы, около 11–12 часов дня, направили свои колонны на правый фланг нашей позиции, со стороны бухты Хунхуза; к счастью, к этому времени сюда случайно подоспела наша канонерка "Бобр", под командой капитана 2 ранга Шельтинга, открывшая такой губительный огонь по наступавшим колоннам, выпустив около 300 снарядов, что они должны были отступить и укрыться за складками местности. Это отступление японцев было принято бригадным генералом Надеиным за победу, о чем он и телеграфировал генералу Стесселю в Артур, который, к удивлению всех, не поехал лично руководить боем под Кинчжоу, а ограничился только чтением донесений о бое в своей квартире. Телефонграмма эта возбудила громадный энтузиазм, было по-

дано сейчас же шампанское и распито несколько бутылок. Но радость была преждевременна: около 3 часов дня "Бобр", за недостатком снарядов, ушел в Артур, а командиры канонерок "Отважного" и "Гремящего", как я упомянул выше, отказались выйти на помощь ему; устроив свои колонны, японцы, около 3–4 часов пополудни, опасаясь действия нашей морской артиллерии на правом фланге, двинули их на наш левый фланг под прикрытием огня своих канонерок. Боясь попасть на наши мины и фугасы (хотя последние были уже не опасны, так как провода оказались поврежденными артиллерийским огнем), они пошли заливом по пояс в воде, и так как это движение они совершали уже под огнем стрелков и полевой артиллерии, заменившей собою подбитую крепостную, то одни падали в воду, другие вступали на их место, в свою очередь падали, а на их место вступали все новые и новые силы; вода в бухте сделалась кровавой, и на поверхности ее начали появляться холмики из трупов, за которыми, как за прикрытием, японцы останавливались для передышки и открывали стрельбу по нашим. Говорят, что по количеству трупов, убыль их в этом уже месте доходила от 5 до 6 тысяч; у нас же за весь день вышло из строя более тысячи, из них раненых 603 человека.

12 мая японская армия открыла сильный артиллерийский огонь из большого числа орудий по нашим незащищенным позициям на перешейке.

Наши орудия были не только не защищены, но все они были на виду, а японские хорошо замаскированы. С началом бомбардировки "Бобру" и миноносцам приказано было перейти в бухту Хендбэй для обстрела японских колонн левого фланга, если бы они пошли в атаку. Огонь японцев скоро срыл все наши позиции и подбил орудия, нанося большие потери войскам.

На позициях мы имели 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, 2 роты 13-го полка и охотничью команду 16-го полка; остальные войска стояли в резерве сзади позиции и в бою участия не принимали. Почему генерал Фок сделал такое распоряжение, мне не понятно; да и две роты 13-го полка он послал на подкрепление 16-му полку позже. На высоте у Кинчжоуской бухты японцы успели поставить и батареи, которые действовали совместно с судами. Неприятель стрелял все залпами и исключительно шрапнелью.

Вскоре японцы пошли в атаку. На своем правом фланге они обходили наши позиции, идя чуть ли не по горло в воде. Против них дей-

ствовала батарея Саблукова, производя страшные опустошения в их рядах, но они все-таки тихо подвигались вперед.

В центре и на левом своем фланге японцы были отбиты благодаря сильному огню с лодки "Бобр" и миноносцев и понесли большие потери. Лодка "Бобр" подошла к берегу настолько, насколько было возможно; когда обеими машинами разворачиваться было трудно, то ей помогали миноносцы.

Поражение японцев на этом фланге было полное, и выскочившая вперед наша полевая батарея сильно поражала их вдогонку. Находясь в тылу и не имея связи с частями обороны, генерал Фок не знал, что творится на его левом фланге, а генерал Надеин, помимо генерала Фока, послал телеграмму в Артур, сообщая о победе.

Между тем на левом нашем фланге, под прикрытием огня со своих лодок и миноносцев, японские колонны продолжали совершать обход по воде.

Много их погибло от огня нашей пехоты, но все-таки бывшие на этом фланге роты 5-го полка (5, 6 и 7-я) не могли удержать позиции, несмотря на поддержку их батареями 4-го Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона и, в сумерки начали отступление. В центре все орудия к этому времени были уже подбиты, но дальше других все-таки держалась Соломоновская батарея. Тогда только генерал Фок осознал, что у нас была не победа, а поражение. Спешно начали с 8 часов вечера очищать позицию и отступать к Волчьим горам. Особенно трудно было передать приказание об отступлении прислуге на батареях, да тут вообще и не было особенного порядка; люди отступали сами, осознав опасность положения. Говорили даже, что несколько офицеров в центре попались в плен. Лодка "Бобр" и миноносцы, отбив атаку левого фланга японцев, вернулись в Дальний. Наше поражение на Кинчжоуской позиции стало известно в Артуре вечером; сейчас же дали знать в Дальний для окончательного его оставления и приказали "Бобру" и миноносцам вернуться в Артур. Командир лодки "Бобр" (капитан 2 ранга Шельтинг) еще при уходе получил приказание от адмирала, если явится опасность попасться в руки японцев, лодку взорвать, а самим вернуться сухим путем в Артур. "Бобр" и миноносцы тотчас же вышли из Дальнего и благополучно вернулись в Артур.

Отступление наших войск с Кинчжоуской позиции ночью произошло в беспорядке. Несколько раз в ночь были ложные тревоги и

даже выстрелы: то наших конных охотников примут за японскую кавалерию, то сзади идущие свои же войска за японцев. Командир одного из наших полков даже вызвал вперед музыкантов, чтобы музыкой остановить выстрелы, производимые своими же».

Статья 2. Содействие со стороны отдельного отряда судов

Когда адмирал Того получил извещение от командующего 2-й армией относительно предполагаемой атаки на Наншань, то, назначив командира лодки «Цукуба» капитана 2 ранга Нисияма командующим отдельным отрядом судов из «Цукуба», «Хейен», «Акачи», «Чиокай» и 1-го отряда миноносцев, приказал ему идти в бухту Кинчжоу для оказания помощи 2-й армии с моря. Капитан 2 ранга Нисияма, собрав на «Цукуба» командиров судов этого отряда, дал инструкции о том, как им действовать. 24 мая в полдень отряд вышел с рейда Эллиот и пошел по назначению под охраной 3-го боевого отряда и 3-го отряда истребителей.

В 7 часов вечера отряд расстался со своими конвоирами и на другой день 25 мая в 8 часов утра подошел к бухте Кинчжоу. Послав миноносцы на разведку и для промера бухты, капитан 2 ранга Нисияма с остальными судами направился к острову Ripon¹.

Так как около полудня поднялся сильный ветер и была малая вода, то, опасаясь приткнуться к берегу, суда стали в 1 час дня на якорь у острова Ripon. Спустя немного туда же вернулись и миноносцы с донесением о произведенной разведке. Затем командующий отрядом снова приказал приняться за работу: «Цукуба» — поставить знаки для обозначения фарватера на назначенном пункте к югу от острова Ripon, а миноносцам протралить этот фарватер; однако ввиду свежего ветра и большой волны пришлось прекратить работы и волей-неволей отказаться от намерения обстрела побережья. Оставив на якорной стоянке у острова Ripon «Акачи», «Чиокай» и 1-й отряд минонос-

¹ Остров Ripon находится на N0tN в 9 милях от мыса Wedge Head на широте 39° 12' N и долготы 121° 27' Ost.

цев, капитан 2 ранга Нисияма с «Цукуба» и «Хейен» укрылся в бухте Hulushan¹.

Оставшийся старшим из командиров судов, стоявших у о. Rirou, командир лодки «Иваки», капитан 2 ранга Фудзимото глубокою ночью увидел со стороны Кинчжоу слабые синеватые блески как бы от луча прожектора и, догадавшись о начале сухопутного боя, в 2 часа 30 минут ночи на 26 мая приказал судам сняться с якоря, но не мог передать сразу сигналом из-за бывшей грозы, препятствовавшей передаче депеш. Как только была получена возможность передачи, лодка «Акачи» снялась с якоря и направилась в южную часть бухты Кинчжоу, а вслед за ней пошли «Чиокай» и миноносцы.

Утренняя мгла застилала горизонт и мешала рассмотреть наши позиции, но звуки выстрелов становились все сильнее, и время для оказания помощи наступило. Теперь некогда было ожидать, пока миноносцы протралят фарватер, и потому «Чиокай», а следом за ним и прочие суда, пошли прямо по непрозраленному пространству, по пути измеряя глубину.

В 6 часов 15 минут впервые сквозь туман различили стены города Кинчжоу. В это время сражение было в разгаре. Наша армия с выбранных к югу от горы Самсон артиллерийских позиций и с позиций у западного края города Кинчжоу поддерживала жестокую канонаду по неприятельским укреплениям на Наншане. Поэтому «Акачи» и «Чиокай» открыли огонь по этой горе, обстреливая вместе неприятельские позиции с трех сторон.

Один за другим крупные снаряды рвались, попадая в цель и нанося ущерб неприятелю; однако он упорно вел бой, и снаряды его в изобилии ложились вокруг. Один из них разорвался на полубаке «Чиокай», причем было убито 2 матроса и ранены командир носовой батареи лейтенант Ковано и 3 нижних чина. Наконец неприятель замолчал, и наши войска, перейдя вброд вдоль берега, вступили в рукопашный бой. Поэтому «Акачи» и «Чиокай» перенесли огонь на укрепления у Nan-kwan-ling, а затем, видя, что неприятель обстреливает наши наступающие войска, снова сосредоточили огонь на Наншане. Когда в

¹ Бухта Hulushan находится на широте 39° 21' N и долготе 120° 16' O между островами Ching-Nan и Po-lo-tau.

9 часов 45 минут наши войска бросились в атаку на эти укрепления, то лодки усилили свой огонь до maximum.

Отделившиеся накануне от прочих судов и укрывшиеся в заливе Hulushan лодки «Цукуба» и «Хейен» в 6 часов 15 минут утра 26 мая, пользуясь несколько стихнувшим ветром, снялись с якоря и пошли к Наншаню. В это время бой на суше был в разгаре и «Акачи» и «Чиокай», подойдя к неприятельским укреплениям, вели бой совместно с войсками. Поэтому капитан 2 ранга Нисияма, отослав из шедших ему навстречу миноносцев № 68 и № 69 к устью реки Shoal¹ для обстрела пути отступления неприятеля, сам с «Цукуба» и «Хейен» и миноносцами № 69 и № 70 направился к Наншаню и открыл по нему огонь. К 11 часам утра батареи Наншаня окончательно замолчали, почему, оставив «Акачи», «Чиокай» и миноносцы наблюдать за движениями неприятеля, капитан 2 ранга Нисияма с «Цукуба» и «Хейен» вышел из бухты и держался в море. В 4 часа пришел миноносец № 70 и передал просьбу из армии обстрелять окрестности Nan-kwan-ling для выяснения расположения неприятеля, для чего капитан 2 ранга Нисияма послал туда «Акачи» и «Чиокай», а вслед за ними направился и сам с «Цукуба» и «Сайен». Первые две лодки, подойдя к укреплениям Нангалина, открыли по ним жестокий огонь, на что неприятель усердно отвечал из своих орудий. В 5 часов 14 минут разорвавшимся с кормы у левого борта «Чиокай» снарядом был убит стоявший на мостике командир лодки — Хаяси и ранены мичман Сато и 3 нижних чина.

Капитан 2 ранга Хаяси был командующим отрядом пароходов-заградителей во время 3-го заграждения входа; судно, на котором он находился, не могло добраться до входа в гавань вследствие порчи руля. Хаяси глубоко скорбел о случившемся и теперь, наконец, в горячем бою потерял свою жизнь.

Его заменил исполняющий должность штурманского офицера мичман Маякава, принявший командование лодкой и продолжавший управлять боем.

Однако ввиду убыли половины офицерского состава и ослабления огня неприятеля «Чиокай» вышел из боевой линии;

¹ Широта 39° 1,5' N и долгота 121° 29' O, к северу от Hsia-ho-tzu.

«Акачи» продолжал сражение. «Цукуба» и «Хейен» подошли к Нангалину вслед за другими лодками, но ввиду малой воды не могли подойти ближе и вследствие значительного удаления цели не приняли участия в бою.

В 6 часов вечера неприятель окончательно прекратил огонь. К тому же правый фланг 2-й армии повел наступление на вершину горы Наншань, и, так как помощь судов более не требовалась, капитан 2 ранга Нисияма вернул «Акачи» и «Чиокай». Временно командующим лодкой «Чиокай» был назначен старший офицер с «Цукуба» капитан-лейтенант Одате.

К 6 часам 50 минутам вечера вернулись бывшие на разведке и на обстреле линии железной дороги два миноносца, и отряд в 7 часов в 40 минут, выйдя из бухты Кинчжоу, направился в обратный путь.

Утром 27 мая, подойдя к Порт-Артуру, миноносцы были посланы вперед с донесением, а прочие суда пришли на рейд Эллиот в 6 часов вечера.

Глава VI

Второй поход к Кайпину (Гайджоу)

Когда наша 2-я армия очистила от неприятеля окрестности Кинчжоу и заняла всю береговую полосу залива Талиенван, то бывший на севере неприятель в начале июня выдвинул к Кайпину большой отряд войск, по-видимому, намереваясь спуститься на юг к Пулантиену.

Ввиду этого 2-я армия приготовилась дать бой на линии Пулантиен—Тайшахо, и авангард ее уже подошел к Фуджоу и вошел в соприкосновение с неприятелем.

Адмирал Того для содействия армии полагал послать особый отряд судов и 4-го дня приказал контр-адмиралу Того со своим отрядом снова идти в Печилийский залив. Этот адмирал, в тот же день дав инструкции своим судам относительно обстреливания побережья у Кайпина и блокады побережья к югу от Пулантиена, 6-го дня в 7 часов утра с 6-м боевым отрядом («Акаси», «Сума», «Идзуми», «Акицусу»), «Акачи», «Удзи» и 10-м отрядом миноносцев вышел из Эллиота.

7 июня отряд вошел в Печилийский залив и приступил к назначенным операциям.

В 5 часов утра 10-й отряд миноносцев, выйдя из строя, направился в бухту Кинчжоу, 6-й боевой отряд пошел к Tower Hill, причем «Акачи» и «Удзи» отделились от отряда, а «Акицусу» в полдень пошел к устью Ляохэ.

В 1 час 30 минут дня отряд подошел к южному берегу Tower Hill и обнаружил неприятеля на вершине этого холма, а также в разных местах на побережье; суда подошли к берегу насколько им позволяла осадка, и первым «Акаси», а за ним «Сума» и «Идзуми», открыли огонь по Tower Hill. Неприятель укрывался за горой.

В это же время со стороны Кайпина на юг шел поезд, который, испугавшись нашей стрельбы, поспешно удалился обратно, после чего до ночи не проходил ни один поезд. Суда начали стрельбу по линии железной дороги и мостам с самым большим прицелом, но ввиду дальности расстояния снаряды не долетали, и поэтому в 5 часов дня огонь был прекращен.

Стоявшие этой ночью на якоре к западу от Tower Hill лодки «Акачи» и «Удзи» подошли к этой местности в 2 часа 30 минут дня; «Акачи», обстреливая находившегося на побережье неприятеля, направилась к мысу Кайчжоу и обстреляла стоявший у деревни на SW от этого мыса эскадрон кавалерии, нанеся ему большие потери. «Удзи», получив приказание следовать за «Акачи», бросая лот, также пошла к мысу Кайчжоу; в 4 часа 7 минут лодка заставила отойти стрелявших по ней нескольких неприятельских солдат, бывших на этом мысу, а затем с целью разрушить неприятельский наблюдательный пост пошла к устью реки Кайчжоу. Однако ввиду малой воды подойти к берегу не могла и потому с дальней дистанции открыла по нему огонь; видя, что стрельба безрезультатна, «Удзи» вернулась к Tower Hill, где, соединившись с «Акачи», вернулась к своему отряду, обстреляв по дороге местность, принятую за неприятельский лагерь.

«Акицусу», подойдя к устью реки Ляохэ в 1 час дня, досмотрел несколько входящих и выходящих пароходов, но, не заметив ничего подозрительного, направился на сборный пункт отряда и в девятом часу вечера соединился с прочими судами.

8-го дня в 3 часа ночи крейсер «Идзуми» для охраны 10-го отряда миноносцев вышел в бухту Фучжоу (Fu-chou) (на ши-

роте 39° 4' N и долготе 121° 25' O, между мысами Table и Fuchou), а 6-й боевой отряд снялся с якоря в 6 часов 30 минут утра и вторично направился к югу от Tower Hill, «Акачи» же пошла к мысу Кайпин (Kae-chu Point).

6-й боевой отряд вместе с лодкой «Удзи», которая осматривала побережье для выбора места выгрузки провианта для армии, приблизился к берегу; с судов отряда были высланы на «Удзи» паровые катера для промера; вместе с тем, обстреливая берег, отряд нес охрану промерной партии.

Командир лодки «Удзи», капитан-лейтенант Канеко, распределил шлюпки для промера водного пространства на 3 мили вдоль берега к югу от Tower Hill. Ввиду тихой погоды и отсутствия со стороны неприятеля помех работа эта была окончена в указанном районе к полудню, после чего катера вернулись на свои суда, а «Удзи», занимаясь промером до 3 часов 30 минут дня, направилась к сборному пункту и, по дороге нагнав «Акаси» и «Акицусу», вступила им в кильватер.

Лодка «Акачи», утром направившаяся к мысу Кайпин (Kae-chu), шла на север, обстреливая по временам появлявшегося у берега неприятеля и затем обогнув самый мыс и постреляв по находившемуся на нем небольшому неприятельскому отряду, вернулась к своему отряду.

Крейсер «Сума», выйдя к устью реки Ляохэ для досмотра пароходов и не найдя ничего подозрительного, пошел обратно. Бывшие на блокаде у Пулангиена крейсер «Идзуми» и миноносцы один за другим также вернулись к отряду.

Бывший при отряде 10-й отряд миноносцев обследовал побережье от бухты Киичжоу до бухты Фуджоу и в поисках неприятеля осматривал проходящие джонки; 7 дня им было досмотрено несколько десятков джонок, шедших на юг из Инкоу¹.

Около полудня, заметив несколько джонок, идущих на юг вдоль берега бухты Фуджоу, миноносец № 41 при их досмотре обнаружил двух неприятельских солдат, которые по приказанию начальника отряда миноносцев капитан-лейтенанта Отаки на том же миноносце № 41 были отправлены на флагманское судно «Акаси».

¹ Инкоу — единственный открытый для торговли порт в Ляодунском заливе, лежит на широте 40° 43' N и долготе 122° 8' O, в 16 милях вверх по реке Ляо от устья.

На другой день миноносцы несли ту же службу. Миноносец № 42, осматривая внутренность бухты Кинчжоу, обнаружил близ мыса Ridge в бухте Tung-tzia-kou¹ сидящий на мели миноносец.

Приблизившись к нему, увидели, что людей на нем нет и только на носу поднят наш флаг. По осмотре оказалось, что это неприятельский миноносец, и выяснилось, что хотя вооружение и приборы разрушены или расхищены, но повреждения корпуса и машины не особенно велики, так что он может еще годиться в дело. Дали о том знать на миноносец № 43 начальнику отряда. Оба миноносца хотели еще раз подробно осмотреть потерпевший крушение миноносец, но надо было идти на сборный пункт, и потому пошли обратно. По дороге у бухты Фуджоу встретили «Идзуми» и миноносец № 41 и все вместе вернулись к отряду, донеся о виденном контр-адмиралу Того.

Получив это донесение, контр-адмирал Того телеграфировал о том Командующему флотом и для снятия миноносца назначил особую партию под командой командира лодки «Акачи», капитана 2 ранга Фудзимото; рано утром 9-го числа для осмотра миноносца был отправлен в бухту Кинчжоу «Акачи».

Вскоре было получено извещение от командира «Акачи», что миноносец называется «Внимательный» (говорят, что этот миноносец с прочими 9-ю вышел ночью 26 мая для атаки наших лодок — «Цукуба» и пр., но в пути сел на мель. Товарищи пытались его снять, но ничего не могли поделать. Тогда сняли людей, произвели взрыв и бросили судно) и что он сидит на подводном рифе на глубине в 11–14 футов, около 20 метров от берега; корпус его накренился на левый борт и что пробойна имеется лишь в средней части с правого борта; повреждения по корпусу, по-видимому, не особенно значительны и есть вероятность стащить его с камней.

На основании этого донесения контр-адмирал Того послал на помощь «Акачи» лодку «Удзи» с необходимыми материалами и соответствующим личным составом, собранным со всех судов, а также отправил туда 10-й отряд миноносцев, чтобы нести службу связи между Tung-tzia-kou и бухтой Hulushan, где стояли суда.

¹ Широта 39° 21' N и долгота 121° 18' O — мелководная бухта, лежащая между островами Po-lo-tau и Tun-tau.

Капитан 2 ранга Фудзимато уже приступил к работам, руководя паровыми катерами и шлюпками; прежде всего попытались заделать пробойны и выкачать воду, но так как вода не убывала, то, оставив это намерение, начали выкачивать воду только из кают-компания, а водолазам было приказано исследовать все дно миноносца. На другой день, 10-го, была окончена заделка пробоин и иллюминаторов. Поставив «Удзи» вдоль борта, снова начали выкачивать воду, а также изо всех сил работали переносными помпами, но дело не двигалось. Водолазы снова обнаружили большие пробоины в кают-компания и машине. Видя, что в короткое время нельзя ничего сделать, капитан 2 ранга Фудзимато донес о том начальнику отряда и согласно его приказанию утром 11-го дня, прекратив работы, с «Акачи», «Удзи» и миноносцами вернулся к своему отряду. Контр-адмирал Того отослал обратно в Эллиот присланный командующим флотом для снятия с мели «Внимательного» 4-й отряд истребителей, а сам с подведомственными ему судами вышел из бухты Hulushan в 7 часов 30 минут вечера.

Послав вперед 10-й отряд миноносцев, адмирал с прочими судами прибыл на рейд Эллиот на другой день 11-го дня. Командующему флотом контр-адмирал Того донес, что если послать для снятия с мели «Внимательного» судно-мастерскую, то после некоторого ремонта можно будет легко снять миноносец. На основании этого командующий флотом назначил капитана 1 ранга Сакамото Хадзиме (после потопления броненосца «Ясима» он все еще считался командиром этого судна) начальником рабочей партии по снятию миноносца и приказал ему идти туда с временно вооруженными лодками («Кагава-мару» и «Мандамару») и вести работы под прикрытием 6-го боевого отряда (исключая «Чиода»), «Чиокай» и 16-го отряда миноносцев.

Капитан 1 ранга Сакамото начал приготовления к походу, но ввиду получения на другой день, 15 июня, известия о катастрофе в Корейском проливе наших военных транспортов «Хитачи-мару» и пр. и беспокойного настроения, командующий флотом временно отменил поход в Печилийский залив. Вскоре было получено от 2-й армии известие, что «Внимательный» затонул сам собой, и, таким образом, затея спасти этот миноносец была оставлена.

Глава VII

Содействие наступлению 3-й армии

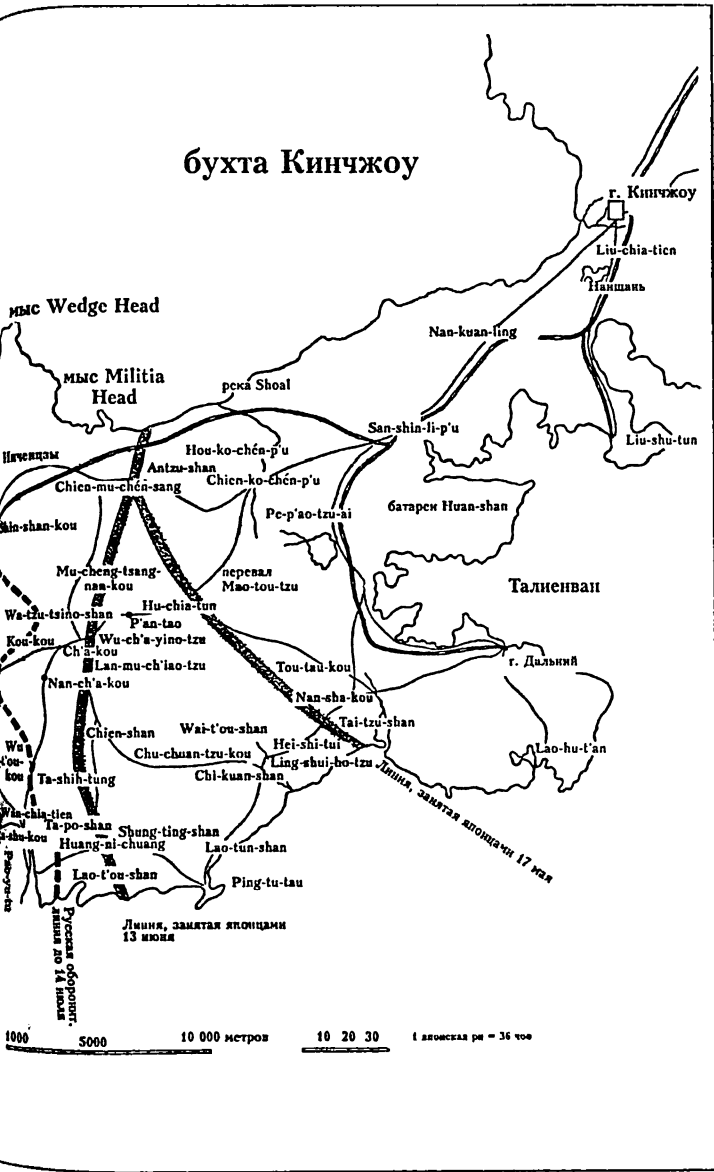
Назначенные для осады Порт-Артура и ранее выделенные в особую 3-ю армию 1-я и 2-я дивизии с начала дня, овладев линией высот от Ансишана (An-tzu-shan) до Дайсисана (Tai-tzu-shan), готовились к дальнейшему наступлению.

Командующий этой армией генерал барон Ноги Маресуке 6 дня высадился в Энтоа; его штаб-квартира была учреждена в находящемся к северу от Дальнего местечке Pe-po-tzu-ai.

К этому времени неприятельские оборонительные позиции простирались от Со-дай-коо (Shung-tai-kou) до горы Росасан (Lo-tso-shau); кроме того, на вершинах Кейкасан (Chi-kuan-shan), Айтосан (Вэйтоушань) и пр. были расположены сильные передовые отряды для наблюдения за нашими позициями. Поэтому генерал Ноги намеревался первым делом удалить неприятеля с этих высот и, окончательно укрепив нашу базу в заливе Талиенван, овладеть якорной стоянкой у Ping-tu-tau.

26 июня левый фланг и часть центра армии начали наступление и, сломив сопротивление неприятеля, в тот же день завладели лишней от

бухта Кинчжоу

возвышенности в 368 метров (впоследствии его назвали Кенсан — Крутая гора) до Сочосан (Shung-tung-shan).

Так как с многих пунктов близ Кенсана были прекрасно видны неприятельские позиции и можно было различать большую часть укреплений Порт-Артура, то неприятель всеми силами старался вернуть их, производя контратаки. Наша армия каждый раз их отбивала и еще далее продвигалась вперед, тесня неприятеля в пределы крепости. Однако приготовления армии еще не были закончены и она оставалась на занятой ею линии. К середине июля ввиду окончания всех приготовлений было решено начать общую атаку артурской крепости на 21-е число этого месяца.

Адмирал Того, получив это известие и желая одновременно не выпускать неприятельский флот из гавани и в то же время оказать содействие в наступлении 3-й армии, 18 июля дал приказание адмиралу Хосоя отправить подведомственные ему суда «Сайен», «Хейен», «Чиокай», «Акачи», две временно вооруженные лодки и два миноносца в Печилийский залив, чтобы отвлекать на себя бывший у Shung-tai-kou левый фланг неприятеля.

Командующим этим отрядом был назначен адмиралом Хосоя командир крейсера «Сайен», капитан 2-го ранга Тадзима. 24-го дня был дан об этом приказ, и на другой день в 12 часов 30 минут дня отряд вышел из Дальнего. Однако при выходе нашел густой туман, и потому, став снова на якорь, ожидали прояснения погоды. В 2 часа 30 минут дня немного прояснилось, и капитан 2 ранга Тадзима выслал вперед под командой командира «Акачи», капитана 2 ранга Иогучи, лодку «Акачи», назначенные для траления миноносцы № 50 и № 52 и «Кагава-мару», а сам с прочими судами вышел за ними следом. В 5 часов дня из-за тумана пришлось опять стать на якорь. Однако, опасаясь пропустить нужный момент, несмотря на туман, в 5 часов 30 минут снова пошли по назначению. К полуночи 26-го числа «Сайен» потерял из виду другие суда. К 3 часам ночи, хотя туман и расходился, но поднялся сильный северный ветер, который развел волну, и потому нельзя было идти назначенной скоростью. Встретив лодку «Иохиме-мару», «Сайен» с трудом в 9 часов 30 минут утра

добрался до назначенного пункта на NW от Wedge Head и застал там «Акачи» и шедшие с ней суда. Эти суда хотя и вышли ранее, чтобы не опоздать к тому времени, когда потребуется помощь армии, но также были застигнуты туманом и потому стали на якорь у острова Кэп.

В 8 часов вечера суда снялись с якоря, но ввиду тумана разделились; встретившись затем снова 26-го утром, прибыли по назначению. Однако ввиду плохой погоды нельзя было начинать траления, и потому миноносцы укрылись за островом Milne¹, а «Акачи» стала на якорь на NW от Wedge Head, где и встретилась с «Сайеном» и «Иохиме-мару».

Хотя в это время слышались звуки пальбы на суше, и таким образом стало известно о начале боя, но из-за сильного ветра и волны приступить к тралению было нельзя. Стрельба становилась все сильнее и сильнее, и «Сайен» и «Акачи», держась в море, старались отвлечь неприятеля, начав стрельбу холстыми зарядами.

В 4 часа 30 минут подошли «Чиокай» и «Хейен». Оба эти судна из-за тумана разошлись с «Сайеном». В пути на «Хейен» случилось повреждение в котлах, и потому он укрылся за высотами в восточной стороне от Fung-tzia-kou. Когда погода стихла, то вдаль на юге разглядели «Сайен» и, приблизившись, соединились с отрядом. Так как теперь все суда были в сборе и погода стихла, то капитан 2 ранга Тадзима послал для траления в бухту Инченцзы² паровые катера с «Сайен», «Хейен», миноносцы и лодку «Кагава-мару», а лодкам «Чиокай» и «Акачи» приказал по мере траления пространства войти в эту бухту и, охраняя тралящие суда, в то же время оказывать содействие армии. Приказав «Иохиме-мару» идти к устью реки Shoal для несения службы связи между стоящим в Дальнем флагманским судном «Фусо» и судами отряда посредством промежуточного наблюдательного пункта морского ведомства на горе Ансишань (An-tzu-shan), сам с «Сайеном» и «Хейеном» держался в открытом море, издали наблюдая за ходом дела. Однако, так как

¹ Широта 39° 6' 1/2" N и долгота 121° 13" O в 7 милях на WNW от Wedge Head.

² Широта 38° 58' N и долгота 121° 19' O в 5 1/2 милях на SW от Wedge Head.

волна еще не улеглась, траление велось с большим трудом. К заходу солнца «Акачи» и «Чиокай» все еще не могли подойти к берегу на расстояние действительного выстрела. Так как в 8 часов вечера с наблюдательного поста было передано известие, что 3-й армии более не требуется содействие судов, то капитан 2 ранга Тадзима рано поутру 27 июля собрал тралящие шлюпки и в 11 часов утра вышел из Wedge Head; на другой день в 2 часа пополудни суда прибыли в Дальний.

Глава VIII

Сторожевая служба у Инкоу

При начале военных действий в расположенном на нижнем течении реки Ляохэ г. Инкоу зимовали лодки — английская «Espeagle» (1070 тонн), американская «Helena» (1392 тонн) и русская «Сивуч». С открытием навигации английская и американская лодки ушли из порта, а «Сивуч» осталась на месте и несла охранную службу в этой местности. Россия в самом начале объявила Инкоу нейтральным портом, и стоявшему там «Сивучу» было приказано разоружиться по примеру бывшего в Шанхае «Манджура». Однако затем внезапно было объявлено о занятии г. Инкоу русскими, причем было учреждено военное управление и вся местность переведена на военное положение. К июлю было получено извещение, что «Сивуч» снова вооружается. В это время наш Соединенный флот почти всеми своими силами был занят тесной блокадой Порт-Артура и оказанием содействия армии и для действий в Печилийском заливе не имел времени.

За это время операции 2-й армии значительно подвинулись вперед; 25 июля она завладела

Ташичао, а затем перешел в наши руки также и Инкоу. Вследствие этого адмирал Того, желая как можно скорее воспользоваться выгодами водяного сообщения по реке Ляохэ, дал приказ командиру «Цукуба», капитану 2 ранга Нисияма, с отдельным отрядом («Цукуба», «Атаго», «Удзи» и 12-й отряд миноносцев) судов идти в Инкоу для совместных действий с особым отрядом 2-й армии, а также для несения сторожевой службы на реке.

Капитан 2 ранга Нисияма предполагал выйти со своими судами 30 июля утром, но ввиду тумана суда снялись с якоря только в 1 час 30 минут дня.

В 7 часов 30 минут утра 31-го числа суда подошли к острову Угоп, откуда 12-й отряд миноносцев был выслан вперед, чтобы заблаговременно сделать разные приготовления. Увеличив скорость, миноносцы подошли к устью Ляохэ в 6 часов 30 минут вечера, а в 7 часов 30 минут стали на якорь в Инкоу. «Цукуба», «Атаго» и «Удзи» подошли к устью реки в 9 часов 30 минут вечера и на другой день, 1 августа в 10 часов 37 минут утра, стали на якорь в Инкоу.

Капитан 2 ранга Нисияма, принимая во внимание положение, занятое нашей армией, и сведения о «Сивуче», в тот же день издал правила о несении судами сторожевой службы, а со следующего дня суда заняли назначенные им места: «Цукуба» остался на стоянке против таможи на путях сообщения между морем и сушей, «Атаго» поднялась вверх по реке до Niu-chia-tun для содействия расположенному там Управлению высадки войск и попутно для съемки, «Удзи» близ устья реки у сигнальной станции, а миноносцы по разным важным пунктам для поддержания сообщения.

По приказанию капитана 2 ранга Нисияма начальник 12-го отряда миноносцев, капитан-лейтенант Ямада, на миноносце № 50 и с паровым катером с «Удзи» вышел 2 августа в 9 часов 30 минут утра на разведку вверх по реке к Tien-chuang-tai, куда и прибыл в полдень.

Из расспросов бывших там сухопутных офицеров выяснилось, что близ Tien-chuang-tai неприятеля не видели и что «Сивуч» и три вооруженных катера еще около 20 июля поднялись вверх по реке отсюда на расстоянии около 100 китайских миль¹.

¹ 1 китайская миля = 5 cho 17 кен = 0,35 английской мили.

В 5 часов дня они вернулись в Инкоу. Ушедшая к Niu-chia-tun лодка «Атаго» немедленно по прибытии приступила к выполнению обязанностей по оказанию помощи этапному управлению по устройству места для стоянки транспортов и для несения службы связи.

Около этого времени, а именно 3 августа, кавалерийский отряд 2-й армии завладел городом Ньючуан и было получено донесение, что в тот же день «Сивуч» был взорван и затоплен своими же.

На основании этого капитан 2 ранга Нисияма приказал командиру «Удзи», капитану 2 ранга Канеко, идти вверх по реке на разведку о неприятеле. Лодка снялась с якоря 5 августа в 8 часов утра и через 2¹/₂ часа стала на якорь в Инкоу у Tien-chuang-tai. Вверх по реке были посланы две джонки с командой с лодки, а кроме того, особо было приказано мичману Сикама исследовать положение «Сивуча» и промерить фарватер к Ньючуану. Мичман Сикама вышел на паровом катере на рассвете 6 августа и, делая по пути съемку, дошел до San-cha-ho и там от местных жителей узнал, что «Сивуч» взорвался на месте своей стоянки 2 августа около 1 часу дня и команда его ушла вверх по реке. Поэтому спустились до места стоянки «Сивуча», бывшей на расстоянии около 1000 метров отсюда, и, сделав по нему несколько выстрелов из пулемета, подошли наконец вплотную для осмотра. Оказалось, что судно совершенно врезалось дном в песок и немного накренилось на левый борт. Орудия почти все целы, но принадлежности сняты, в носовой части верхней палубы большая дыра, образовавшаяся, по-видимому, от взрыва порохового погреба; кроме того, все металлические предметы, бывшие над поверхностью воды, оказались растащенными местными жителями. Мичман Сикама, удостоверившись, что судно не может больше служить неприятелю, оставил его так и для того чтобы китайцы не грабили, поднял на нем национальный флаг, чем обозначил принадлежность судна японским вооруженным силам¹.

¹ Говорят, что из бывших с «Сивучом» трех вооруженных катеров и 1 судового парового катера два поднялись вверх по реке San-cha-ho на 130 китайских миль до местечка Та-ван, а два другие, по-видимому, пошли в Ляоян.

Таким образом, окончив в 4 часа 30 минут дня разведку, катер ушел обратно в Tien-chuang-tai и прибыл туда через 6 часов, а на другой день, 7-го, «Удзи» вернулась.

Овладев Ньючуаном, 2-я армия решила воспользоваться удобствами водяного сообщения по Ляохэ, вследствие чего и была начата перевозка провианта по реке до некоторого пункта близ этого города; для охраны перевозки вдоль берега были расположены отряды пехоты и кавалерии. Однако по ходу военных действий нельзя было выделить туда артиллерии, почему начальник штаба 2-й армии, генерал-майор Оchiaй, обратился с просьбой к командиру «Цукуба» установить у пункта выгрузки одно или два орудия с судов. Капитан 2 ранга Нисияма запросил по сему поводу инструкций от Командующего флотом и тем временем просил для охраны транспортов к Tien-chuang-tai лодку «Удзи»; 10-го числа она переменила место своей стоянки, перейдя из Инкоу в Tien-chuang-tai. Находившаяся же в Niu-chia-tun лодка «Атаго» и миноносцы ввиду учреждения там Управления высадки войск вернулись в Инкоу.

Когда в Инкоу дошли сведения о поражении неприятельской эскадры в бою в Желтом море 10 августа, а также, что суда неприятеля ищут укрытия в нейтральных портах, то капитан 2 ранга Нисияма 13 августа дал инструкции судам приготовиться на случай встречи неприятеля. 7-го числа была вызвана из Tien-chuang-tai лодка «Удзи», а туда послан один из миноносцев; с 21 августа была вовсе прекращена охрана этого пункта, а «Удзи» и 1 миноносец были посланы к мысу Ebl-Lastinq.

Так как тем временем наша армия подошла к Ляояну и стала лицом к лицу с главными силами неприятеля, то в главной квартире хотели как можно скорее организовать подвоз провианта по реке Ляохэ. 23 августа Начальник Морского Генерального штаба адмирал Ито телеграфировал капитану 2 ранга Нисияма о необходимости без малейшего промедления исследовать фарватер и приготовить средства перевозки. На это капитан 2 ранга Нисияма донес, что хотя на 40 слишком миль вверх по реке от Niu-chia-tun отправка снабжения уже производится, но далее вверх река еще не обследована. По поводу перевозки он сообщил, что в мирное время на джонках можно подниматься вверх до Телина, но теперь неприятель заградил оба рукава

реки у Pin-wan и Hsia-pe-ho¹ и кроме того, ввиду опасения нападения многочисленных по берегам реки хунхузов, проход обыкновенных джонок к северу от Tien-chuang-tai с 10-го числа почти совершенно закрыт. Все-таки до Hsiao-chieh-miao² в день отправляется до ста джонок с провиантом³.

1 сентября капитан 2 ранга Нисияма приказал штурману с «Цукуба» лейтенанту Юаса на паровых катерах из таможни и с «Удзи» идти вверх по Ляохэ для съемки и промера. Лейтенант Юаса, вооружив катера и набрав промерную партию, вышел 2 сентября в 8 часов утра из Tien-chuang-tai.

У San-cha-ho река Ляохэ разделяется на 3 рукава: к Ляояну, к Мукдену и Телину. Катера, производя все время промер, пошли по фарватеру к Ляояну и в 6 часов 30 минут вечера подошли к Hsiao-chieh-miao. В то же время катер с «Удзи» обследовал проток, идущий к Ньючуану. На другой день катера, расспросив о положении неприятеля и производя обследование, понемногу поднялись вверх по реке и в 2 часа 37 минут, дойдя до Huai-tzu-wo, остановились. На другой день катер с «Удзи» прошел на три мили вверх по фарватеру к Мукдену и пытался было идти по рукаву на Телин, но ввиду мелководья не мог этого сделать, почему лейтенант Юаса приказал идти обратно, и оба катера вернулись в Инкоу 5 сентября. Тем временем наша Маньчжурская армия после 10 дней жестокого боя заняла 9 сентября Ляоян, и потому являлась необходимость дальнейшего передвижения по Ляохэ на север. Так как неприятель, затопив лодки при слиянии рек Ta-tzu-ho и Hup-ho, преградил фарватер, то начальник штаба Маньчжурской армии, генерал барон Кодама, обратился к Командующему флотом за содействием по очистке реки от препятствий. Получив относительно этого приказание, капитан 2 ранга Нисияма поручил эту работу ротному командиру с лодки «Атаго», лейтенанту Аmano. Этот офицер вместе с состоявшим при управлении порта Инкоу лейтенантом Михара и с 8 членами команды вышел из Инкоу на катере «Кицучава-мару» в 6 часов утра 13 сентября. Пройдя Hsiao-chieh-miao и Hsiao-ho-kaу, 14-го числа подошли к Ta-lo-to-tzu,

¹ Сяо-пей-хэ.

² Сяо-цзя-мяо.

³ Отряд с 28 августа поступил в распоряжение адмирала Хосоя.

но из-за убыли воды катер сел на мель; пересев на джонку, партия добралась до Hsiao-pe-ho, и с 16 сентября принялись за разрушения затопленных лодок.

Эти суда были затоплены почти на протяжении 1000 метров вниз по течению Hsiao-pe-ho при ширине реки более 100 метров; всего было затоплено несколько десятков джонок в 2 ряда и 3 слоя. Разобрать эти преграды было чрезвычайно трудно. Очистив проход шириной в 70 метров, партия 18-го числа направилась обратно и, сев снова на катер в устье реки Hsiao-ho (Hsiao-ho-kau), спустились вниз по течению. Однако из-за убыли воды неоднократно садились на мель и только 23 сентября в 3 часа дня прибыли наконец в Инкоу.

18 сентября 12-й отряд миноносцев по приказанию адмирала Хосоя направился в Дальний; лодка «Атаго», получив приказание вернуться, вышла 25 сентября. В Ляохэ по-прежнему оставались «Цукуба» и «Удзи», неся сторожевую службу и наблюдая за судами с военной контрабандой; 2 ноября капитан 2 ранга Нисияма, сдав свои обязанности командиру «Удзи», капитану 2 ранга Канеко, вышел из Инкоу.

Наступали холода; в середине сентября река выше Tien-chuang-tai уже замерзала, и можно было думать, что она скоро станет и у Инкоу. Поэтому командир «Удзи» запросил инструкций о дальнейшем назначении лодки и 18 ноября получил от младшего флагмана 3-й эскадры, контр-адмирала Ямада (контр-адмирал Хосоя был вызван в Токио, и его заменил контр-адмирал Ямада), ответную телеграмму, в которой приказывалось в зависимости от состояния ледостава по способности вернуться в залив Талиенван. Ввиду окончания 22-го числа перевозки провианта армии и резкого падения температуры, указывающей на близкое замерзание реки, лодка «Удзи» 30 ноября в 6 часов 5 минут утра снялась с якоря и 2 декабря вернулась в Дальний.

Глава IX

Содействие отряда лодок 3-й армии

Завладев с 30 июля линией высот, начиная от южных Tu-cheng-tzu до восточных Taku-shan, 3-я армия немедленно начала готовиться к общей атаке, но ввиду того, что неприятель все еще держался на Hsiao-ku-shan (Шоо-ко-сан — Малый Ku-shan) и Nien-p'an-kou (Тенеан-као), генерал Ноги приказал 9 августа левому крылу армии завладеть Большим и Малым Кушаном (т. е. Taku-shan и Hsiao-ku-shan), а затем правому крылу наступать на Хоку-дай-чиоку-сан (Pe-ta-yu-shan) и Такасаки-яма (Kao-chi-shan), чтобы таким образом совершенно запереть неприятеля в районе крепости. С этого времени неприятель стал особенно усиленно вести оборонительные работы в крепости, почему генерал Ноги решил начать общую атаку, назначив ее на 18 августа и сообщив о том командующему флотом. Ввиду этого адмирал Того, продолжая всем флотом стеречь неприятельскую эскадру, решил послать отряд судов для оказания помощи правому флангу 3-й армии и

18-го числа отдал адмиралу Хосоя приказание отправить несколько судов из его отряда в бухту Луизы¹.

Адмирал Хосоя, в свою очередь, приказал командиру крейсера «Сайен», капитану 2 ранга Тадзима, с «Сайен», «Акачи» и вспомогательными лодками «Иохиме-мару», «Матагава-мару» и паровыми катерами с «Ниссин» и «Кассуга» идти в бухту Луизы для охраны правого крыла 3-й армии и блокады этой бухты.

Капитан 2 ранга Тудзима со своими судами вышел из Ping-tu-tau на рассвете 19 августа и, несмотря на сильный ветер и волну, прибыл к острову Угон в 1 час 15 минут дня. Однако из-за крупной волны в Печилийском заливе траления производить было нельзя и потому ограничились посылкой лодки «Иохиме-мару» ближе к берегу, чтобы обследовать побережье; к 6 часам вечера, когда стало немного тише, капитан 2 ранга Тадзима приказал обеим вспомогательным лодкам протралить пространство вдоль берега от бухты Луизы до Голубиной; тралящие суда, несмотря на обстрел с батареей Ляотешаня и других, принялись за работу. Отослав затем паровые катера к берегу, капитан 2 ранга Тадзима по указаниям состоявшего при 3-й армии флаг-офицера штаба 3-й эскадры капитана 2 ранга Ивамура в девятом часу вечера с «Сайен» и «Акачи» направился к мысу St. Abbs, имея впереди обе вспомогательные лодки. Подойдя к берегу севернее мыса St. Abbs (широта 38° 49' N и долгота 121° 7' Ost), обменялся несколькими выстрелами с батареями, находившимися у Голубиной бухты, кроме того, обстрелял местность с целью произвести пожар у Chiu-tsai-fang; в 9 часов вечера огонь судов был прекращен. Затем, отойдя на N и став на якорь у острова Ripon, отряд на другое утро вторично проделал то же, что и накануне, и, соединившись с подошедшими паровыми катерами, перешел к мысу St. Abbs, обстреливая восточные и западные батареи у Chang-chia-tun и у Голубиной бухты. Затем были обстреляны и понесли немалый вред расположенные у Hou-sa-yang-t'ou и Ya-hu-tsui неприятельские казармы; их пожар продолжался до следующего дня, и большой отряд неприятельской пехоты и кавалерии был принужден оттуда отступить.

¹ Бухта Луизы лежит на широте 38° 52' N и долготе 121° 10' O в 3/2 милях на север от мыса St. Abbs.

Так как на 21 августа был назначен штурм крепости, то отряд судов не обстреливал берег, а держался у Голубиной бухты и бухты Луизы специально на случай бегства неприятельских войск и осматривал проходящие джонки. 22-го числа вспомогательные лодки и паровые катера под огнем неприятеля производили траление, а «Сайен» и «Акачи», согласно указаниям из армии, с 1 часа 45 минут дня обстреливали батареи у Tien-chia-tun и разные постройки около них и нанесли им большие повреждения. 23 августа капитан 2 ранга Тадзима послал вспомогательные лодки для телеграфной связи с «Фусо» и в то же время за пресной водой к реке Shoal. В 6 часов 30 минут вечера, находясь в 1½ милях к северу от Militia Head, лодка «Иохимемару» вдруг наткнулась на неприятельскую мину. Был разрушен руль, сломана одна лопасть винта и ранены 3 нижних чина, но корпус судна повреждений не получил.

Начав с 19 августа общую атаку крепости, 3-я армия, не будучи в состоянии добиться желаемых результатов, отказалась от штурма и повела правильную осаду. Так как срока падения крепости нельзя было предвидеть, то 24 августа адмирал Хосоя телеграфировал капитану 2 ранга Тадзима, чтобы отряд, приняв меры предосторожности, остался там на неопределенное время, главным образом для блокады, и кроме того, послал в бухту Луизы вспомогательную лодку «Иосикава-мару» и один транспорт.

С тех пор этот отряд главным образом блокировал Голубиную бухту; из опасения неприятельских мин заграждения район блокады был расширен, и отряд отошел далее в открытое море, по ночам же сторожевую службу несли вспомогательные лодки, катера и патрули; вместе с тем по временам посылались вспомогательные лодки и в Голубиную бухту для обстреливания неприятельских постов. 1 сентября, ввиду прибытия временно зачисленной в отряд лодки «Чиокай», капитан 2 ранга Тадзима отослал «Акачи» в Дальний за провизией и боевыми запасами, а когда пришла вспомогательная лодка «Мукогава-мару», то вернул обратно лодку «Матагава-мару» и до возвращения «Акачи» отправил также за провизией и «Сайен» в залив Талиенван; последний вернулся отсюда 8 сентября.

К этому времени приготовления 3-й армии были закончены, и бывшая на ее правом фланге 1-я дивизия с 10-го числа предполагала штурмовать Нирейсан (Erh-lung-shan) (Высокую гору).

9-го числа к отряду присоединился «Хейен», а «Чиокай» и «Иосида-мару» в тот же день пошли обратно в Дальний. Ввиду того, однако, что день атаки 1-й дивизии все откладывался, капитан 2 ранга Тадзима, полагая, что днем для несения сторожевой службы достаточно одного судна, остальным судам приказал стоять на якоре, а вспомогательным лодкам поручил траление тех мест, где ходят суда отряда; одновременно катерам было приказано крейсировать каждую ночь у протраленного места и вместе с тем обстреливать неприятеля в Голубиной бухте.

Ночью 10-го числа паровой катер с «Сайен» подвергся жестокому огню с берега, причем было ранено 3 нижних чина и попало несколько снарядов в корпус и машину. 16-го ночью четыре вооруженных катера вошли для содействия наступлению правого фланга дивизии в Голубиную бухту и обстреливали неприятеля. Когда, наконец, к 19 сентября было начато наступление против Высокой горы, капитан 2 ранга Тадзима, за исключением вышедшего на охрану и еще не вернувшегося «Хейен», с «Сайен» и «Акачи» в пятом часу дня подошел к мысу St. Abbs. Однако ввиду того, что поднявшийся с ночи сильный ветер не стихал и качка на судах достигала 40° и нельзя было наводить орудий, огня не открывали, а ушли и стали на якорь у острова Milne.

Так как на другой день — 20-го — на суше все еще шел сильный бой, то обождав, когда стихнет ветер, в 1 час дня снялись с якоря и подошли к бухте Луизы. Узнав, что армия нуждается в помощи со стороны моря, капитан 2-го ранга Тадзима приказал «Акачи» обстреливать берег, а сам на «Сайен» пошел на поиски «Хейен».

«Акачи», получив самостоятельное поручение, в 4 часа 30 минут дня подошел к мысу St. Abbs и открыл перекидную стрельбу по Та-jang-кау и прилежащим к нему батареям. Спустя немного получив известие, что армия овладела горой Кайсосан (Hai-lien-shan) (Длинная гора) и полагает снова атаковать Вы-

сокую гору, лодка открыла жестокий огонь по этой горе и затем вернулась на стоянку к острову Мэрчисон¹.

«Хейен», будучи на сторожевой службе, к заходу солнца 18 сентября находился у острова Ygon, осматривая проходящие джонки; до самых сумерек он находился в пределах видимости прочих судов, но вследствие внезапно засвежившей погоды, дождя и наступившей темноты, был потерян из виду. Хотя около 10 часов вечера дождь перестал, но «Сайен» и прочие суда, не зная местонахождения «Хейена», предполагали, что он укрылся от ветра за остров Мэрчисон, и потому «Сайен», снявшись в 11 часов вечера с якоря у мыса Hudson², пошел к якорной стоянке у этого острова: однако не найдя там и признаков судна, подождал до утра 19-го числа, пока не стихла погода, и вышел в дальнейшие поиски; обыскав бухту Tung-tzia-kou и вновь не найдя ничего, ввиду наступления срока оказания помощи армии, повернул на юг и в полдень пришел в бухту Луизы; оттуда снова пошел на поиски за «Хейеном» к островам Ygon и Reef, но и там не нашел судна, почему вместе с «Акачи», «Сайен» обстреляв побережье, в 6 часов вечера направились в бухту Луизы. Вдруг прямо на Ost от острова Reef была замечена ныряющая среди волн шлюпка. Когда приблизились к ней и осмотрели, то оказалось, что эта шлюпка принадлежит «Хейен», а в ней оказался труп одного человека. Сверх того, вблизи ее плавали разные предметы с «Хейен». Капитан 2 ранга Тадзима только теперь начал подозревать гибель «Хей-иена» и хотел сразу же идти на поиски к острову Reef, но ввиду наступившей плохой погоды отложил до следующего дня и телеграфировал адмиралу Хосоя, что полагает, что «Хейен» погиб. «Сайен» эту ночь провел на стоянке у острова Milne. На другой день, 20-го, «Акачи» продолжала обстреливать побережье, а «Сайен» и «Мукогава-мару» пошли вновь на поиски «Хейена». Наконец, на острове Reef заметили людей и немедленно послали за ними шлюпку. На ней спасли старшего боцмана Комацу и

¹ Широта 39° 5' N, долгота 121° 10' O в 10 милях на NtW от Wedge Head.

² Широта 39° 57' N и долгота 121° 9' O около 8 миль на запад от бухты Ing-cheng-tzu.

4 нижних чинов с «Хейена» и с их слов узнали, как потонуло судно.

18 сентября в 7 часов вечера «Хейен», возвращаясь на якорную стоянку, пошел на север западнее острова Угоп. В 7 часов 45 минут, находясь на W в 2 милях от этого острова, вдруг в середине с правого борта раздался гул взрыва, и хлынувшая вода сразу достигла высоты нижней палубы. Сверх того, из-за взрыва котлов пар заполнил всю жилую палубу; электричество погасло, так что ничего нельзя было разобрать в темноте. Приблизительно через 4 минуты после взрыва судно сильно накренилось на правый борт. Бывший на мостике командир, капитан 2 ранга Асаба, пытался сделать все возможное и приказал спустить шлюпки, но через несколько секунд судно перевернулось; с ним погиб командир и почти весь экипаж. Так как в ту ночь было очень темно и дул сильный ветер с дождем, то погибли и пропали без вести командир Асаба и 197 человек личного состава судна.

Получив известие о гибели «Хейена», адмирал Хосоя послал приказание капитану 2 ранга Тадзима, что, так как обязанности отряда у бухты Луизы требуют терпения и осторожности, то он желает, чтобы они исполняли поручения с особым усердием. Однако от генерала Ноги пришло известие, что хотя армия и предполагает штурмовать Высокую гору фронтальной атакой, но так как срок этого еще не определен, то он не имеет препятствий для временного отозвания судов, оставив только судно для несения блокады. Тем не менее Хосоя, полагая необходимым иметь самое тесное наблюдение за Голубиной бухтой, оставил там отряд по-прежнему и еще усилил его прибавлением миноносцев № 37 и № 45 из 2-го отряда.

В это время одно за другим получались известия, что ввиду истощения у находящегося в Порт-Артуре неприятеля боевых запасов и провианта, он пытается провозить таковые контрабандой на нейтральных судах. Так как для поимки контрабандных судов «Сайен» по приказанию адмирала Хосоя перешел к северному острову Hwang-ching-tao (группы Мяо-Тао), то во временное командование отрядом вступил командир «Акачи», капитан 2 ранга Иогучи. 29 сентября около 5 часов дня было получено известие о выходе одной джонки из Голу-

биной бухты; к ней немедленно направился катер с крейсера «Кассуга», и так как по осмотре на ней оказалось 2 иностранца (корреспондент *Chicago Daily News* американец Эмерсон и француз Леперс), то отправил ее в Дальний.

30 сентября блокадным судном у островов Hwang-ching-tao была назначена лодка «Атаго»; «Сайен» снова вернулся в бухту Луизы, а 2 миноносца 2-го отряда по приказанию адмирала Хосоя вернулись в Дальний. С тех пор этот отряд действовал совместно то с командированными в Печилийский залив судами 3-го боевого отряда, то с находящимися для поимки контрабанды судами у островов Hwang-ching-tao, и днем и ночью усиленно неся сторожевую службу, чтобы не допустить прорыва контрабанды. Когда лодка «Атаго» разбилась на камнях и затонула (подробно — глава XVII), то ее заменила «Акачи», которая с 11 ноября перешла к острову Hwang-ching-tao. 17 ноября в состав отряда вошел вспомогательный крейсер «Иобу». Военные суда и вспомогательные лодки поодиночке оставались на дежурстве в бухте Луизы, а прочие суда уходили в Дальний для пополнения запасов и ремонта.

Так как 3-я армия с 25 ноября должна была начать третью общую атаку крепости, адмирал Ямада приказал капитану 2 ранга Тадзима, находясь в безопасном от мин районе, оказывать поддержку армии; однако последняя, не будучи в состоянии достигнуть своей цели, прекратила фронтальную атаку, а с 27-го числа решила снова штурмовать Высокую гору, причем последовала просьба о содействии отряда судов.

В это время вспомогательная лодка «Такасака-мару» ушла в Дальний, а «Иобу» отправился в острова Мяо-Тао, и в бухте Луизы оставались только «Сайен» и вспомогательная лодка «Кориу-мару». Поэтому капитан 2 ранга Тадзима просил прислать подкрепление и адмирал Ямада выслал туда лодку «Акачи». Эта лодка вышла из Дальнего утром 29 ноября и, подойдя к Голубиной бухте, увидела, что там все спокойно; не зная, когда потребуется помощь «Акачи», направилась к бухте Луизы и, войдя в сношение с берегом, узнала, как идут дела армии и где следует стрелять в помощь армии. Эту ночь она провела на якоре у входа в бухту.

«Сайен» и «Кориу-мару» вышли 30-го числа от острова Мэрчисон и, придя в бухту Луизы, встретили там «Акачи», которая для стрельбы по берегу подошла к мысу St. Abbs и высадила на берег офицеров для наблюдения за падением снарядов. Держась в удобном для себя положении, лодка обстреливала батареи у Ja-hu-tsui и позиции полевых орудий; в 1 час 40 минут дня один неприятельский снаряд взорвался на воде близ лодки, и разлетавшимися осколками было ранено 2 нижних чина.

В это время «Сайен» вместе с «Кориу-мару» шел на помощь к «Акачи» и для передачи ей наблюдения о падении снарядов; вдруг в 2 часа 24 минуты дня, находясь на NWtN от мыса St. Abbs, с правого борта «Сайен» близ передней кочегарки раздался грохот взрыва, сопровождавшийся сильным сотрясением судна. Капитан 2 ранга Тадзима, поняв, что судно наткнулось на мину, немедленно приказал закрыть непроницаемые двери, дал знать о катастрофе прочим судам и, чтобы спасти судно от потопления, повернулся носом к берегу. Однако вода сильно прибывала: не прошло и минуты после взрыва, как судно стало тонуть носом, и предпринять для спасения ничего было нельзя. Видя это, капитан 2 ранга Тадзима приказал экипажу покидать судно, спустить шлюпки и бросить в море плавающие предметы, на которых можно было бы держаться. Судно легло на правый борт и спустя три минуты после взрыва окончательно затонуло. «Кориу-мару», видя бедствие с «Сайеном», подошел прямо к нему; «Акачи», прекратив стрельбу, также пошел на помощь; затем подошел и катер с крейсера «Кассуга» (катер с крейсера «Ниссин» в это время для ремонта был в Дальнем); все принялись за спасение людей, причем были подобраны: старший офицер капитан-лейтенант Окуда и 195 человек офицеров и команды; командир капитан 2 ранга Тадзима, 38 офицеров и нижних чинов пропали без вести. Так как в то время бой на суше был в разгаре и Высокая гора была сильно обстреливаема неприятелем, то «Акачи» в 5 часов 7 минут, подойдя к мысу St. Abbs, снова открыла огонь по прежним пунктам.

Когда генерал Ноги узнал о гибели «Сайена», то 1 декабря послал нижеследующую телеграмму командующему флотом:

«Я глубоко благодарен за ту помощь армии, которую оказывал отряд судов Соединенного флота, но армия не может более требовать помощи от судов, раз они сами подвергаются опасности; что же касается прекращения провоза контрабанды, то хотя с самого начала было желательно совершенно прекратить доступ ее, но можно было бы довольствоваться только такими мерами, при которых драгоценные военные суда держались бы в безопасном районе».

Поэтому адмирал Того в тот же день приказал адмиралу Ямада вернуть отряд из бухты Луизы и усилить отряд судов, находящихся у островов Hwang-ching-tao для поимки контрабанды. Адмирал Ямада приказал командиру «Акачи», капитану 2 ранга Иогучи, перед уходом отряда еще раз обыскать — не найдется ли кто из пропавших без вести из экипажа «Сайен» и затем идти обратно по способности. «Корну-мару» со спасенными чинами с «Сайен» вернулась в Дальний 3 декабря. «Акачи», произведя поиски пропавших с «Сайена» людей и ничего не найдя, 4-го ушла из бухты Луизы и, конвоируя катер с «Касуга», прибыла в Дальний вечером того же дня.

Глава X

Общее состояние осады крепости Порт-Артур и действия морского отряда тяжелой артиллерии

Статья 1. Наступление 3-й армии

Командующий 3-й армией генерал Ноги для действий против неприятельских войск, находящихся в крепости Порт-Артур, вместе с подведомственными ему частями высадился в Энтоа 6 июня 37 г. Мейдзи (1904 г.), и пока штаб-квартира армии устраивалась в лежащем к северу от Дальнего местечке Ре-ро-tzu-ai, вновь вошедшие в состав 3-й армии из 2-й армии 1-я и 2-я дивизии уже выступили на линии с севера от An-tzu-shan и с юга от Tai-tzu-shan и стояли лицом к лицу с неприятелем, находившимся в Порт-Артуре.

20 июня была сформирована Маньчжурская армия; ее главнокомандующим был назначен начальник Генерального штаба генерал, член Верховного Совета, маркиз Ояма Ивата, а начальником ее штаба помощник начальника Генерального штаба, генерал, барон Кодама Гентаро; 1-я,

2-я и 3-я армии и отдельная 1-я дивизия, т. е. вся действующая армия была в ведении Главнокомандующего. Ввиду этого начальник Морского Генерального штаба адмирал Ито передал адмиралу Того приказание, что в случае совместных действий с армией ему следует входить о том в соглашение с главнокомандующим Маньчжурскими армиями, и адмирал Того, снесясь с командующим 3-й армии, назначил состоять при штабе этой армии двух офицеров из штаба 3-й эскадры капитана 2 ранга Ивамура и лейтенанта Идзуина, в обязанности которых входили сношения между этой армией и флотом.

В это время неприятель своими главными силами занимал передовые позиции на линии от Shung-tai-kou через An-tzu-ling до Sao-tso-shan, а на командующей между Артуром и Дальним гряде высот Вэйтоушань, Chi-kuan-chan и Lao-tun-shan были расположены его значительные отряды. Ввиду того, что с вершины Wai-tsu-shan можно было, наблюдая за всем заливом Талиенван на восток, видеть все действия на наших позициях, а к западу открывался общий вид на всю крепость Порт-Артур и с Lao-tun-chan было видно лежащее у его подножия Ping-tu-tau, то владение этими высотами должно было упрочить наше обладание Талиенваном и вместе с тем облегчить разведку Порт-Артура, а владение Ping-tu-tau делало охрану залива Талиенвана со стороны моря более действенной.

Поэтому генерал Ноги 25 июня отдал по армии приказ о наступлении. Левый фланг 1-й дивизии на рассвете следующего дня, отогнав незначительные неприятельские пикеты, перешел на линию высот к северу от Hau-shia-tun и до юго-запада от него. Правая колонна 2-й дивизии, действуя в связи с левым крылом 1-й дивизии, овладела целым поясом высот, лежащих к востоку от Luan-mu-chiao-tzu. Центральная колонна, заняв гору Вэйтоушань, в 8 часов утра снова двинулась вперед к высоте в 368 метров (в нашей армии ее называли Кенсан — Крутая гора) и после жестокого боя завладела ею. Левая колонна, очистив наконец от неприятеля Lao-tun-shan и продвинувшись до линии от Shung-ting-shan до Ta-chin-hsin-shan, овладела также якорными стоянками в Ping-tu-tau. Неприятель, по-видимому, сознавая важное значение горы Кенсан, в начале 1 июля в течение нескольких дней предпринимал вылазки (контрата-

ки) против нашего центра и левого фланга, то бросаясь в штурм под музыку, то производя внезапные атаки, пользуясь ночью или туманом. Несмотря на большую смелость его действий, наша армия каждый раз отражала атаки и наконец заставила неприятеля отступить вглубь.

К этому времени ввиду того, что по операциям наших армии и флота требовалось как можно скорее взять крепость Порт-Артур, и кроме того, приостановка атак крепости давала возможность неприятелю все более и более укрепляться, генерал Ноги, сознавая всю невыгоду оставаться долгое время под огнем крепостных батарей в бездействии, тем не менее принужден был ожидать окончания разных приготовлений, как то — подхода резервов, бывших еще в отдалении от крепости, и в особенности прибытия осадной артиллерии, разных обозов и укладки в тылу железной дороги, почему пришлось оставаться на занятой линии почти целый месяц.

В конце июня, когда на театр войны прибыли из Японии вновь зачисленные в 3-ю армию 3-я дивизия (начальник дивизии генерал-лейтенант барон Осима Хисанао) и отряд полевой артиллерии, а остальные части должны были прибыть в скором времени, генерал Ноги приказал начать наступление по всей линии. Имея на правом фланге 1-ю дивизию, на левом 11-ю, а в центре 9-ю дивизию, он начал наступление 25 июля. Однако ввиду того, что неприятель занимал сильные позиции и оборонялся с ожесточением, только после нескольких отчаянных боев удалось 28 июля сбить неприятеля с высот на NW от Chang-ling-tzu и перейти на линии от Ying-ko-tan до Pao-yu-tu. После этого для приведения в порядок частей и пополнения боевых запасов армия временно прекратила бой и повела вторичную атаку уже с 30 июля. Сломив сопротивление неприятеля, 1-я дивизия перешла на линию высот от NO берега бухты Луизы до Nuo-tan-lin, 9-я дивизия на линии от Teng-huan-shan до Yin-lan-tzu, а 11-я дивизия заняла линию от левого фланга 9-й дивизии и до Kuo-chia-kou. Тогда же штаб-квартира армии перешла в Shung-tai-kou и вместе с тем была учреждена 1-я линия обложения крепости.

Хотя с последним наступлением позиции впереди армии и были очищены от неприятеля, но находившаяся на левом флан-

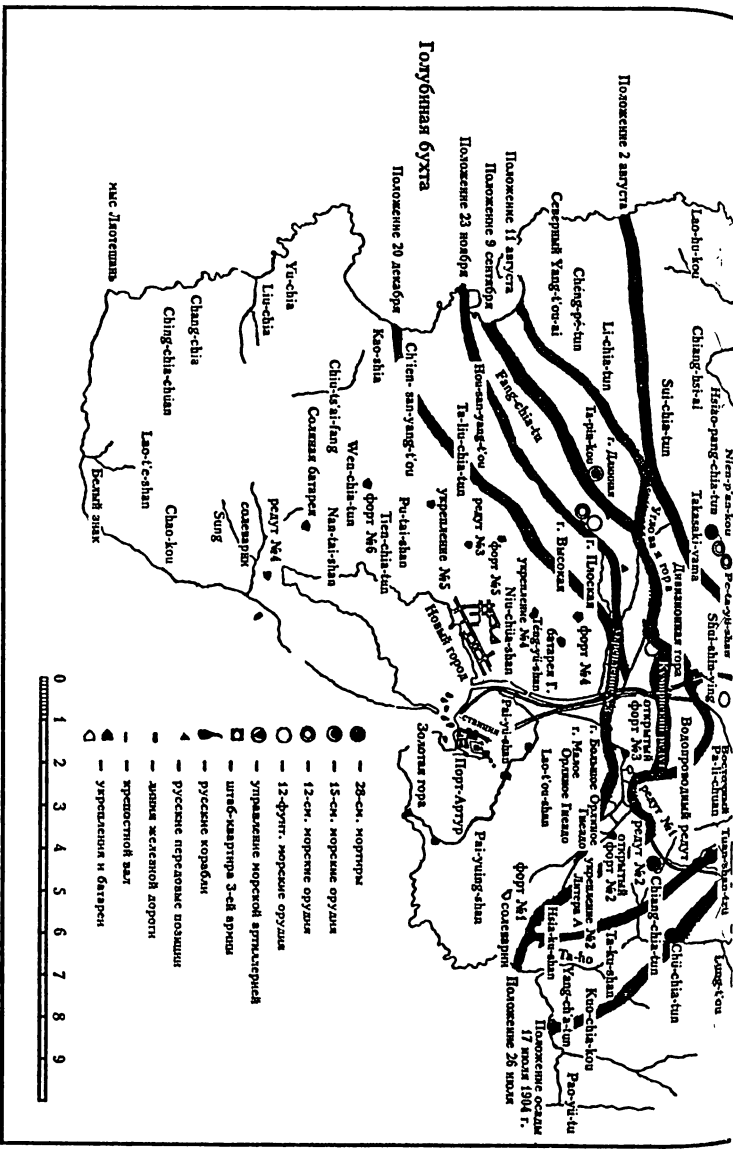
ге армии гора Дакушань все еще находилась в его руках, и установленные на ее вершине 6-дюймовые дальнобойные полевые пушки наносили нашему левому флангу и расположенным в центра частям значительные потери, в то время как мы не имели возможности отвечать на огонь; особенно эти орудия мешали нашим осадным работам.

6 августа генерал Ноги приказал 11-й дивизии атаковать эту возвышенность. Дивизия эта, сломив упорное сопротивление неприятеля 9-го числа, завладела Большим и Малым Кушанем (гора Сиротка?) (Дакушань и Hsiao-ku-shan), и таким образом наши войска стали лицом к лицу с неприятелем у главной линии укреплений крепости. Затем, 13 августа, командующий армией, для того чтобы неприятель не мог угадать пункта нашего главного удара, предпринял усиленную рекогносцировку 1-й дивизией на правом фланге армии. Эта дивизия направилась на высоты, расположенные к югу от линии Li-chia-tun, Kan-tai-shan и Hsiao-tung-kou.

Несмотря на серьезные оборонительные приготовления неприятеля, упорную оборону и по временам неблагоприятную погоду, мешавшую нашему движению, дивизия завладела сперва липией высот от Kan-tai-shan через Nien-p'an-kou и Hsiao-tung-kou до Hsia-chia-tun, а после упорных боев удалось к 15 августа овладеть высотами к востоку от Hsiao-tung-kou и к западу от Takou-chia-tun. 14-го также была закончена установка осадной артиллерии и вообще все приготовлены для тесной осады.

1. В записках генерал-майора Костенко в общих чертах говорится следующее:

«Все были в тревожном ожидании, на какой именно пункт пойдет противник свою атаку; все с трепетом ожидали этого момента и готовились к нему, надрывая последние силы свои по укреплению позиций и фортов. Работы безусловно были тяжелые, так как производились в каменных породах; работали стрелки, артиллеристы, моряки, саперы и работали с полным сознанием необходимости этой работы, работали что называется "вовсю", чтобы окончить эту работу в возможно короткий срок; строились блиндажи, окопы для стрелков, закрытия для прислуги и резервов, выкапывались рвы, закладывались фугасы, устраивались сетевые преграды. Эту гигантскую работу

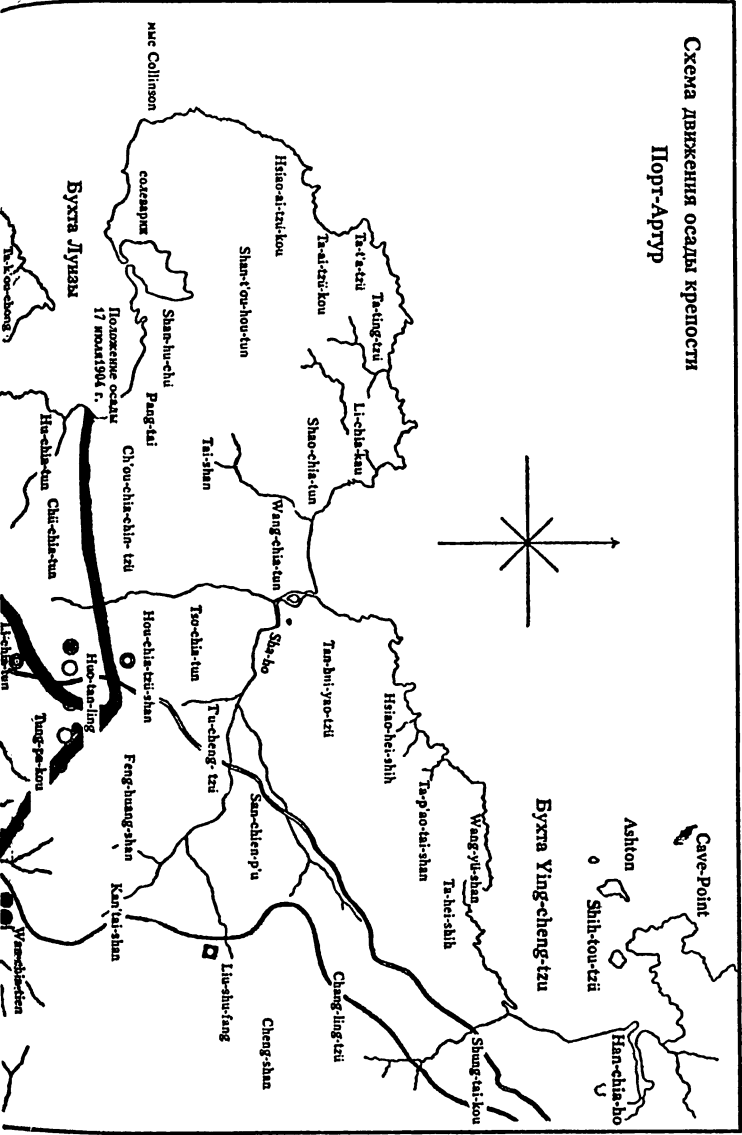
Голубинная бухта

мыс Лиотешань
 Восточный знак

- — 28-см. мортиры
- — 15-см. морские орудия
- — 12-см. морские орудия
- — 12-фунт. морские орудия
- — упрямые морские артиллерийские
- ▣ — штаб-квартира 3-й армии
- ▣ — русские корабли
- ▲ — русские передовые позиции
- — линия жесткой дороги
- — временный вал
- ◊ — упрямая и батареи

Схема движения осады крепости
Порт-Артур

днем и ночью уже к 5 июня отметил в своем приказе за № 347 генерал Стессель, а, объехав 12 июня позиции, в приказе за № 367 констатировал, что он "твердо уверен, что сила вражья разобьется о твердыни, вашими (войсковых частей) невероятными трудами созданные". Действительно, только эти "невероятные труды", гигантские труды, хоть сколько-нибудь обеспечивали продолжительность защиты крепости; только сила и энергия солдата в два-три месяца укрепила хотя бы несколько позиций, которые в девственном виде стояли до войны, но на бумаге значились "Артурскими твердынями".

Теперь, оборудовав крепость со стороны защиты, не так уже встревожила нас и телеграмма Командующего армией генерала Куропаткина, в которой он говорит: "Теперь требуется самая упорная и продолжительная оборона Артура, на что мы вполне надеемся" (приказ № 368). Несомненно, исправить все прорехи не хватало ни времени, ни сил, но эти прорехи должны были пополниться мужеством и беззаветной храбростью гарнизона.

Наконец, наступило злополучное 13 июня, когда противник, устроив свои силы и выбрав направление, перешел в наступление. Место удара было очень удачно — это гора Куинсан (Хуинсан). Вообще, к чести японцев, нужно отнести чрезвычайно умелую оценку значения того или другого пункта на позициях, куда они обыкновенно и направляли свой удар.

Излюбленный и верный прием их, как и при Кинчжоу, выразился в массировании артиллерийского огня, который был сосредоточен на этой горе. Начата была атака в 9–10 часов утра, а к 4 часам вечера они уже владели этой горой, и наш отряд отступил на каменный (скалистый) кряж сзади, бросив целый ряд позиций и не оценив значения их в тактическом отношении.

Так как гора Куинсан по своим тактическим свойствам являлась чрезвычайно важной, командовала над окружающими высотами и с вершины ее был виден почти весь Артур, то приказано было возвратить ее обратно, к выполнению какой задачи и было приступлено 21 июня, но бой продолжался и 22-го числа. Отмечу здесь одно интересное явление: части войск, узнав о переходе в наступление, проявили такой громадный подъем духа и энергию, что своей беззаветной храбростью просто-таки поражали; стрелки шли в атаку, действительно как на маневрах, несмотря на страшные потери в рядах; даже казаки дрались в пешем строю, не уступая стрелкам, а артиллерия

занимала постепенно ряд таких позиций, которые были мало доступны даже для пеших частей; но, несмотря на этот необычайный героизм, на большое количество жертв, гора не была возвращена обратно, и войска отступили к передовым Артурским позициям.

Бой начался в 6 часов утра 13-го числа обстреливанием их самым сильным артиллерийским огнем, но особенно он группировался на правом фланге, где обстрелу подвергались Зеленые горы, а в центре позиции — перевал Шининзы и гора Юпилаза. Вскоре орудийный огонь был развит до невероятной степени, который и продолжался до 3—4 часов дня, когда колонны пошли в атаку. Тут сразу картина изменилась: артиллерийский огонь перешел в отдельные редкие выстрелы, но зато стрельба из ружей залпами и пулеметов наполнила воздух ужасной трескотней; судя по звукам, каждую минуту таких пуль выпускалось десятки тысяч. Но не дрогнули защитники и с небывалой энергией и мужеством открыли не менее убийственный огонь из пулеметов и ружейный, поддержанный залповым огнем наших полевых батарей и некоторых укреплений; уже темнело, но бой продолжался и гул ружейной трескотни стоял непрерывно; наконец, он начал мало-помалу стихать и совершенно замолк к 9 часам вечера. Атака с успехом была отбита на всех пунктах, и противник отступил на свои позиции после 15 часового боя.

С рассветом, около 5 часов, японцы открыли еще более сильный артиллерийский огонь по горам Юпилазе, Зеленым, высоте 139 м у деревни Талангоу и всему нашему левому флангу, выдвинув против последнего ночью у Инчензы от 70—80 новых орудий и поставив уступом у деревни Анзынсана до 20 орудий большого калибра — 6-дюймовых, такие же орудия были поставлены и в центре против горы Юпилазы и высоты 139 метров, из которых они буквально засыпали снарядами; поражение последних было прямо-таки ужасное, благодаря фугасному действию мелинита; несколько наших орудий были сразу же подбиты и пришли в негодность, а часть пулеметов совершенно разбита. После продолжительной подготовки огнем противник вновь повел на приступ свои колонны, вновь заработали ружья и пулеметы, и еще с большей энергией и силой ринулся он на наши позиции, сходясь грудь на грудь.

Но не дрогнули защитники и так же мужественно и стойко встретили неприятеля сначала ружейным огнем, а потом и штыками; в особенности силен был напор противника на Зеленые горы,

Юпилазу и высоту 163 метра, где стрелки прибегали даже к камням и поражали японцев последними, скатывая их по крутым откосам вниз и уничтожая целые группы; это был уже не бой, а какая-то свалка, где каждый выбирал наиболее подходящее и действенное для него оружие; занимавшиеся японцами окопы в одну минуту наполнялись камнями и трупами и сравнились с землей. Наконец, неприятель, видимо, начал слабеть, выбился из сил и начал отступать; бой закончился к 8 часам.

Нервность противника, видимо, дошла до крайнего предела; ночью орудия были продвинуты им вперед, вновь загремели около 11 часов, и японцы ураганом повели атаку на Зеленые горы. Дрогнули мужественные стрелки и защитники; не выдержали натиска свежих сил, и неприятель овладел горами; но, собравшись с силами, стрелки вновь пошли отбивать захваченное и выбили японцев штыками. Но это было последнее усилие, так как приток свежих сил одолел храбрых защитников-страдальцев, изнемогавших в трехдневном почти без перерыва бою, и они отступили в 4 часа утра на Волчьи горы, под музыку, по приказанию генерала Стесселя, и при пении "Боже Царя храни", что немало удивило японцев, которые, однако, не зевали в это время, стреляя по отступающим, причинив нам при таком порядке нашего отступления еще больший урон».

2. Порт-Артур со стороны суши окружен двумя горными грядами, разделенными рекой Lung (Драконова река). Один из них, называемый русскими Драконовым хребтом, начинается у Lao-lu-tsu и тянется на SO возвышенности Pai-yuing-shan, Lao-t'ou-shan, Восточным Chi-kuan-shan, Wang-tai и Sung-shu-shan. Из них самой высокой, достигающей 198 метров, является гора Lao-t'ou-shan, за ней следует Wang-tai (190 метров); расстояние от обеих до Старого города около 2000-3000 метров, и с них виден весь город и Западный и Восточный бассейны. Другая гряда, поднимаясь с правого берега Lung-t'ou, тянется своими холмами и вершинами, как-то: I-tzu-shan, An-zu-shan, Ya-hu-tsui, P'an-chia-kou и пр., далеко до возвышающейся на самой южной оконечности полуострова горы Lao-te-shan (458 метров) и защищает Новый город и Западный бассейн. Западная часть этой гряды низменная, состоит из небольших холмов, образующих Голубиную бухту, северная от I-tzu-shan до бухты Луизы образуется из перемежающихся долин и возвышенностей, самой высокой из которых является Erh-lung-shan (Высокая гора), с которой

видно всю долину Нового города и Западного бассейна и часть Восточного бассейна.

Говорят, что когда Россия впервые вырабатывала планы обороны Артура, то было решено иметь для сухопутной обороны гарнизон в 70 тысяч человек и 500 орудий с протяжением сухопутного фронта в 70 километров, но затем проект был значительно сокращен, и была оставлена с соответствующими исправлениями часть старых китайских укреплений; гарнизон был в 11 тысяч человек, орудий 200 и протяжение сухопутного фронта 18 километров. Однако для защиты военной гавани проект снова был изменен и линия обороны увеличена до 25 километров. Выполнение этого плана было разделено на 2 срока. По проекту первого срока должны были быть сооружены укрепления, начиная от Wang-tai через I-tzu-shan, An-tzu-shan до высот близ Ta-yang-kou, а во второму сроку было решено приступить к укреплению Taku-shan, южных высот Shui-shih-ying, Ta-ting-tzu-shan, Hai-lieh-shan и Erh-lung-shan. В январе 1900 г., получив утверждение Российского Императора, было приступлено к работам. Так как при начале этой войны шел только 5-й год работ 1-го срока, то было едва лишь закончено 7–8%, и потому неприятель после открытия военных действий построил несколько временных укреплений для пополнения недостатков оборонительной линии. Во время первого штурма крепости существовали следующие укрепления и батареи.

Перечень фортов и батарей на сухопутном фронте Порт-Артура¹

Тип	Китайское (местное) название	Японское название	Русское название	Характер постройки
1	2	3	4	5
На Восточном фронте				
Старый форт	Pai-yuing-shan	Хакучинсан	Редут Такэ	Долговременный
Батарея	Pai-yuing-shan	Хакучинсан		Временная

¹ Ввиду трудности установить и согласовать русские, китайские и японские названия редакция ограничилась выяснением главнейших пунктов оборонительных линий. Нужно иметь в виду, что многие пункты, показанные японскими составителями как батареи, представляли собой оборонительные стрелковые окопы.

1	2	3	4	5
Батарея	Pe-tai-shan	Хокутосан	Форт № 1	Временная
Северная батарея	Lao-t'ou-shan	Ротосан		Временная
Новый форт	Pai-yuing-shan	Хакучинсан	Укрепление № 1	Временный
Северная батарея	Pai-yuing-shan	Хакучинсан		Долговременная (закончена вчерне)
Батарея	Lao-t'ou-shan	Ротосан	Капонир № 1	Временная
Южный форт	Восточного Chi-kuan-shan	Кейкасан		Временный
1-я батарея	Восточного Chi-kuan-shan	Кейкасан бат. S		Временная
Батарея	Восточного Chi-kuan-shan	Кейкасан	Литера А	Долговременная (закончена)
2-я батарея	Восточного Chi-kuan-shan	Кейкасан бат. R		Временная
На Северо-Восточном фронте: 1-я линия				
Форт		Иосинога — форт Q	Укрепление № 2	Временный
Форт		Ичинохэ — форт P	Батарея лит. Б	Временный
Западный форт	gan-lung-shan	Бан-риу-сан	Редут № 1	Временный
Форт	Erh-lung-shan	Нирейсан (Высокая гора)	Форт № 3	Долговременный
Северный форт	Восточного Chi-kuan-shan	Кейкасан	Форт № 2	Долговременный
Восточный форт	Pan-lung-shan	Бан-риу-сан	Редут № 2	Временный
Форт	Po-chun-shan	Хак-кан-сан	Капонир № 3	Временный
Форт	Sung-shu-shan	Шоо-дзо-сан	Укрепление № 3	Долговременный
На нем же 2-я линия				
3-я батарея	Восточного Chi-kuan-shan		Кейкасан — бат. N	Временная

1	2	3	4	5
Батарея		Кейкасан — бат. Н		Временная
Новая батарея	Pan-lung-shan	Бан-риу-сан		Временная
Батарея	Wang-tai	Боодай	Большое Орлиное Гнездо	Временная
Батарея		Батарея I		Временная
4-я батарея	Sung-shu-shan.	Шоо-дзо-сан		Временная
На нем же 3-я линия				
1-я батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
2-я батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
Батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
4-я батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
Правая северная батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
3-я батарея	Chiao-i-kou	Кио-дзо-коо		Временная
Северный форт	Chiao-i-kou	Ри-ка-коо		Временный
1-я батарея	Liu-chia-kou	Ри-ка-коо		Временная
Батарея	Liu-chia-kou	Ри-ка-коо		Временная
1-я батарея	Sung-shu-shan	Шоо-дзо-сан		Временная
2-я батарея	Sung-shu-shan	Шоо-дзо-сан		Временная
3-я батарея	Sung-shu-shan	Шоо-дзо-сан		Временная
На Северо-Западном фронте				
1-й форт	Sun-shia-kou	Сон-ка-коо	Кладбищенская бат.	Временный
2-й форт	Sun-shia-kou	Сон-ка-коо		Китайское укрепление
Форт	I-tzu-shan	И-су-сан	Форт № 4	Долговременный
2-я батарея	I-tzu-shan	И-су-сан	Батарея В	Временная
1-я батарея	Малого An-tzu-shan	Аншиань	Батарея Г	Долговременная

1	2	3	4	5
2-я батарея	Малого An-tzu-shan	Ансишань	Зубчатая бат.	Временная
Форт	Большого An-tzu-shan	Ансишань	Укрепление № 4	Долговременная
Северный форт	Западного Ta-yang-kou	Дай-иоо-коо	Редут № 5	Временный
Форт	Западного Ta-yang-kou	Дай-иоо-коо	Форт № 5	Долговременный
Батарея	Западного Ta-yang-kou	Дай-иоо-коо	Редут № 3	Долговременный
Батарея	Mo-pan-shan	Ма-хан-сан		Временная
Батарея	Erh-teng-tzu-shan	Ни-тоо-си-сан		Временная
Батарея	Niu-chuch-shan	Ги-каку-сан		Временная
Батарея	Lao-t'ou-shan	Ро-тай-сан		Временная
1-й и 2-й форты	Западного Ta-yang-kou	Дай-иоо-као		Временные

На Юго-Западном фронте

1-й и 2-й форты	Ya-hu-tzui	Га-ко-суй	Укрепление № 5	Долговременные
1-я и 2-я батареи	Ya-hu-tzui	Га-ко-суй	Укрепление № 5	Временные
Западный форт	Cheng-chia-kou	Сей-ка-коо	Форт № 6	Временный
Западная батарея	Cheng-chia-kou	Сей-ка-коо	Соляная бат.	Временная
Северный форт	Cheng-chia-kou	Сей-ка-коо		Временный
Западный форт	P'an-chia-kou	Бан-ке-коо	Редут № 4 (Белый Волк)	Временный
Форт	Pai-lan-tzu	Хаку-ран-си		Временный

Укрепления от Pai-yuing-shan и до Sung-shu-shan были соединены между собой Китайской стеной, и кругом Старого города были построены крепкие преграды.

Кроме указанных выше укреплений, к работам 2-го срока еще совершенно не приступали, но после начала войны были устроены временные укрепления: на восточном фронте на Большом и Малом Kushau (Taku-shan) и Hsiao-ku-shan, на северо-восточном для защиты водопровода северный форт Ling-yen, южный форт Shui-shih-ying, на северо-западном фронте на высоте 93 метра, на Ssu-erh-kou, на Tating-tzu-shan, на Hai-lieh-shan и Erh-lung-shan и прилегающих к ним высотах и ограде в Новом городе. В числе вышеперечисленных укреплений были как назначенные для боя на близкой дистанции, так и на больших дистанциях, приспособленные для разных расстояний. Хотя временные укрепления сами по себе не были сильно укреплены, но в связи с соседними составляли могущественную линию обороны. Кроме того, перед укреплениями как вспомогательная оборона были протянуты сетевые заграждения. Перед каждым укреплением, начиная от I-tzu-shan на NO, были протянуты проволоки на расстояние 300–400 метров для пускания по ним тока высокого напряжения, а в долинах и предполагаемых пунктах сосредоточения нашей армии перед атаками были заложены многочисленные фугасы. На случай внезапной атаки нашей армии по низменности, прилегающей к ложу реки Lung-ho, были устроены разные препятствия в виде волчьих ям, частоколов, кольев, досок с гвоздями и т. п., а также имелись многочисленные прожекторы. Число бывших на сухопутном фронте орудий с прибавлением к ним морских пушек насчитывалось около 700, а численность всего гарнизона крепости в конце августа была 32 батальона пехоты, 1 эскадрон кавалерии, 16 батарей артиллерии, 3 роты саперов и некоторое количество моряков.

Статья 2. Подготовки морского отряда тяжелой артиллерии

Когда в начале июля высадившиеся в Дальнем подкрепления для 3-й армии подошли к Порт-Артуру, адмирал Того, не будучи в состоянии оказать непосредственную активную помощь армии со стороны моря, намеревался сформировать морской отряд тяжелых дальнобойных орудий для содействия армии и 11 июня сообщил о своем желании начальнику Морского Генерального штаба адмиралу Ито; генерал Ноги со своей стороны также обратился с подобной просьбой в Главную квартиру,

из которой адмирал Того получил соответствующие распоряжения относительно сформирования этого отряда. Ввиду сего, начальник сводного десанта, капитана 2 ранга Курои Тейдзиро по приказанию адмирала Того прекратил охранную службу у места высадки 2-й армии и 23 июня вернулся со своим отрядом на крейсер «Нихон-мару». Переформировав свою команду в отряды тяжелой артиллерии, он на другой день высадился в Дальнем, выгрузил на берег десять 12-фунтовых скорострельных десантных орудий и боевые припасы и, когда прибыли из Сасебо шесть 120 мм орудий Армстронга, распределил их по принадлежности.

Первым делом капитана 2 ранга Курои было изготовить платформы для орудий, пользуясь железнодорожными шпалами, судостроительными материалами и т. п.; 2 июля, когда были закончены все приготовления, от адмирала Того было получено приказание идти на усиление осадной армии к Порт-Артуру, и с тех пор, поступив в ведение 3-й армии, отряд до конца действовал совместно с ней согласно указаниям генерала Ноги.

В это время в левом крыле 3-й армии, бывшем на линии Кенсан — Thung-ting-shan, после отражения 2-й и 3-й контратак неприятеля для отобрания горы Кенсан чувствовался недостаток в орудиях, и потому 4 июля капитаном 2 ранга Курои была получена телеграмма от начальника штаба армии генерал-майора Идзичи, в которой указывалось, что ввиду приближения срока, когда участие морского артиллерийского отряда будет необходимо, желательно закончить все приготовления и произвести предварительную разведку и выбор будущих позиций. Поэтому капитан 2 ранга Курои приказал готовиться к выступлению 12 фунтовым пушкам (10 орудий), а сам в ожидании дальнейших приказаний предпринял исследование важнейших пунктов местности. Наконец, ночью 8 июля был получен приказ генерала Ноги об отправлении шести 12-фунтовых орудий к назначенному пункту на SO от Кенсана (на SW в 300 метрах от Вэйтоушань) в ведение начальника 11-й дивизии. Вследствие этого капитан 2 ранга Курои приказал командиру батареи лейтенанту Хигучи с шестью орудиями спешно выступить на назначенную позицию. Выйдя на другое утро из Дальнего и преодолев трудности

горного перехода, отряд дошел до места назначения, где орудия были втащены на возвышенность в 240 метров. 10 июля утром все приготовления и установка были окончены; батарея эта получила название 1-й батареи. Затем, 20 июля, ввиду нового приказа отправить в распоряжение начальника 11-й дивизии еще четыре 12-фунтовых орудия для установки их на возвышенности между Кенсан и вышеупомянутым пунктом, капитан 2 ранга Курои на другой день приказал выйти на назначенную позицию лейтенанту Канадзаки с 4-мя 12-фунтовыми орудиями. Эта батарея была названа батареей № 2.

26 июля армия начала наступление по всей линии. 11-я дивизия, бывшая на ее левом фланге, вместе с 9-й в центре пошла на линию от Jing-ko-tan до Рао-у-ту; 1-я и 2-я морские батареи, поступив в ведение начальника тяжелой артиллерии, по приказанию начальника 11-й дивизии были также назначены участвовать в атаке. На рассвете 26-го числа обе батареи были готовы к бою, но ввиду тумана нельзя было различать цели. К 8 часам утра туман понемногу рассеялся, и наши батареи открыли огонь по неприятельским батареям, расположенным на W от Таро-shan и на N от La-shu-kou (батареи в 2 пунктах около 10 полевых пушек). Особый отряд тяжелой артиллерии также начал стрельбу; одновременно пехота, пользуясь этим моментом, перешла в наступление, и бой понемногу разгорался. Сначала неприятельские батареи не отвечали, но в 9 часов 40 минут загрохотали ответные выстрелы; одним попавшим во 2-ю батарею снарядом были ранены 2 нижних чина. Бывшая на высоте в 280 метров к западу от Кенсана неприятельская батарея (4 орудия) открыла частый огонь по нашей батарее № 1, и хотя мы заставили ее замолчать, но за это время в нас попало 5 снарядов и было убито и ранено 12 человек прислуги. В том числе первый же попавший снаряд взорвался над складом снарядов и проник через всю толщу земляного прикрытия, так что едва не взорвался весь склад. 11-я дивизия, выждав результатов артиллерийского огня, пошла в атаку, но, встретив сильное сопротивление со стороны неприятеля, не могла достигнуть своей цели и, только отбросив за этот день его от Lao-t'ou-shan, приостановила бой. Так как на другой день, 27-го числа, эта дивизия должна была вновь идти в атаку, то морские орудия с 6 ча-

сов 50 минут утра открыли огонь по прежним целям; снаряды ложились хорошо, и неприятельские орудия временно замолчали; мы также прекратили огонь. Начиная с рассвета наша пехота несколько раз бросалась в атаку, но сбить неприятеля не могла.

В 9 часов 30 минут утра «Ретвизан», «Паллада», «Баян», «Аскольд», «Новик» и более 10-ти канонерских лодок и миноносцев появились в виду бухты Лунвантань и открыли жестокий огонь по нашему левому флангу. В то же время неприятельский десант высадился на берег к югу от Lao-t'ou-shan. Это привело к тому, что ход сражения был временно не в нашу пользу, но в 5 часов дня наша пехота вновь двинулась вперед, а морская артиллерия, открыв огонь по неприятельским батареям у Taro-shan и La-shu-kou, нанесла им повреждения и, заставив в 7 часов 50 минут вечера их замолчать, прекратила огонь. На самом рассвете 28 июля бывший на высотах к Ost от Taro-shan неприятель наконец отступил, и 11-я дивизия, преследуя его, немедленно заняла весь пояс высот. Морская артиллерия хотя и открывала снова огонь по Taro-shan, но так как неприятель отступил еще ночью, то огонь был прекращен в 7 часов 50 минут утра.

Адмирал Того, ввиду желания начальника 3-й армии обезопасить железную дорогу вдоль берега бухты Кинчжоу от возможных атак неприятельских судов, прибавил еще два 12-фунтовых орудия к десантному отряду для установки их на берегу у Hsia-chia. Эти орудия высадились в Дальнем и 25 июля по назначению. Рано утром 29 июля капитан 2 ранга Курои получил приказание от генерала Ноги отправить с той же целью к Shung-tai-kou для установки на побережье у Liu-tu-mao еще две 12-фунтовые пушки и потому немедленно послал приказание бывшему у г. Кенсан лейтенанту Хигучи спешно вернуть в Дальний два орудия. Они были высланы с лейтенантом Сонода, который по крутым и грязным горным дорогам сделал переход ночью и прибыл в Дальний 30 июля в 3 часа утра. По прибытии этих орудий в Дальний капитан 2 ранга Курои прибавил к ним еще два 12-фунтовых орудия и отправил в Liu-tu-mao; 31 июля отряд под командой того же лейтенанта Сонода был отправлен по железной дороге из Дальнего в Ying-chen-tzu, откуда ему было приказано идти в Liu-tu-mao.

Вскоре 8 морских орудий, бывших с лейтенантом Хигучи и Канадзаки, окончив свое дело, вернулись в Дальний. 30 июля по приказанию генерала Ноги морской отряд поступил в ведение начальника осадной артиллерии генерал-майора Тойосима. В ту же ночь было получено приказание отправить две 12-см пушки на высоту к S от Tu-cheng-tzu, почему капитан 2 ранга Курои, назначив командовать ими младшего лейтенанта Нага-но, 2 августа отправил их из Дальнего.

Таким образом, морской отряд, участвуя в боевых операциях армии, увеличивал ее артиллерийскую силу. Ввиду того, что орудия были распределены по разным местам, капитан 2 ранга Курои 3 августа произвел новое распределение состава отряда и, кроме существовавших до сего времени двух отрядов в Hsia-chia-ho-tzu и Liu-tu-mao, сформировал еще и третий. Таким образом, состав отрядов был следующий:

Начальник отряда	— капитан 2 ранга Курои
Начальник штаба	— капитан-лейтенант Исикава
Офицер для передачи приказаний	— мичман Цутомари
Врач	— Судзуки
Ревизор	— мичман Сиги

Состоящие при штабе старшие боцмана: кондукторы Ямада и Иноуэ

На передаче приказаний	— 1 боцман
Писарей	— 2
Сигнальных боцманмата	— 2
Телеграфистов	— 4
Переводчиков	— 2
Итого: 3 офицера, 2 старших боцмана, 7 унтер-офицеров, 2 матроса, 2 переводчика.	

1-я батарея: (6 орудий 12 см)

Командир батареи	— капитан-лейтенант Ямагучи
Адъютант-лейтенант	— Такакура
Старший боцман	— Кото

Сигнальщик 1; переводчик 1.

1-й взвод (2 орудия). Командир — лейтенант Такасаки. При взводе: унтер-офицер; 1 баталер; 2 сигнальщика.

1-е орудие — старший боцман Танока

2-е орудие — старший боцман Цуноо

При каждом орудии по 1 боцману при лафете, 2 унтер-офицера; прислуга 2-х орудий, 31 матрос.

2-й взвод (2 орудия). Командир — лейтенант Абурадани.

При взводе: 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика.

1-е орудие — старший боцман Танабе

2-е орудие — старший боцман Эндо.

Прислуга: 2 унтер-офицера, 31 нижний чин и при каждом орудии по 1 боцману при лафетах.

3-й взвод (2 орудия). Командир — младший лейтенант Нагано.

При взводе: 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика.

1-е орудие — старший боцман Намитано

2-е орудие — старший боцман Танака.

Прислуга: 2 унтер-офицера, 31 нижний чин и при каждом орудии по 1 боцману при лафетах.

Итого: 5 офицеров, 7 старших боцманов, 25 унтер-офицеров, 192 матроса и 1 переводчик.

2-я батарея: (6 12-фунтовых орудий)

Командир батареи — капитан-лейтенант Таио

Адъютант — младший лейтенант Аванака

Старший боцман — Когава

1 унтер-офицер сигнальщик

1 переводчик

4-й взвод (4 орудия) Командир — лейтенант Канадзаки

При взводе: 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика

1-е орудие — старший боцман Тао.

2-е орудие — старший боцман Имура.

Прислуга: 1 унтер-офицер, 24 матроса и при каждом орудии по 1 боцману при лафете.

5-й взвод (3 орудия). Командир — лейтенант Янагивара

При взводе: 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика

1-е отделение — старший боцман Кога, 1 унтер-офицер, 24 нижних чина и при каждом орудии по 1 боцману при лафете.

6-й взвод (3 орудия). Командир — лейтенант Сонода

При взводе: 1 унтер-офицер; 1 баталер; 2 сигнальщика,

1-е отделение — старший боцман Одзаки, 1 унтер-офицер, 24 нижних чина и при каждом орудии по 1 боцману при лафете.

7-й взвод (3 орудия). Командир — лейтенант Куросе

При взводе: 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика

1-е отделение — мичман Кагава, 1 унтер-офицер, 24 матроса, при каждом орудии по 1 боцману при лафете.

8-й взвод (3 орудия). Командир — лейтенант Тогава

При взводе 1 унтер-офицер, 1 баталер, 2 сигнальщика

1-е отделение — мичман Накамура, 1 унтер-офицер, 24 матроса, при каждом орудии 1 боцман при лафете.

Итого: 9 офицеров, 5 старших боцманов, 45 унтер-офицеров, 392 матроса и 1 переводчик.

3-я батарея: (4 12-фунтовых орудия)

Командир батареи — лейтенант Хигучи, при нем 2 унтер-офицера

1-е отделение — (в Hsia-chia-tu-tzu) мичман Киносита, 1 унтер-офицер и 9 матросов

2-е отделение — (в Liu-tu-mao) старший боцман Гамо, 1 унтер-офицер и 14 матросов

Итого: 2 офицера, 1 старший боцман, 6 унтер-офицеров и 46 матросов.

Вошедшие в состав отряда:

1) 1-й инженерный отряд — командир старший боцман Сакада, 1 машинный квартирмейстер, 2 машиниста, 2 корабельных мастера, 8 плотников;

2) 1-й амуниционный отряд — командир старший боцман Сакамото, 5 унтер-офицеров, 60 матросов (6 партий) (при 12 см орудиях);

3) 2-й инженерный отряд — командир старший боцман Ивамото, 1 машинный квартирмейстер, 2 машиниста, 2 корабельных мастера, 8 плотников;

4) 2-й амуниционный отряд — командир старший боцман Симана, 7 унтер-офицеров, 80 матросов (8 партий), при 12 фунтовых орудиях);

5) Санитарный отряд — начальник доктор Судзуки, при нем младший врач Куроива, фельдшеров 4, санитаров 16, носильщики—3 унтер-офицера, 30 матросов, 2 машинных квартирмейстера и 22 машиниста;

6) Счетная часть — начальник ревизор Сиги, младший ревизор Кавасое;

7) Телеграфный отряд — младший лейтенант Мимура, при нем старший боцман Иомура, 12 сигнальщиков.

Итого	офицерских чинов	5	
	старших боцманов	5	
	унтер-офицеров	33	
	матросов	256	
Всего:	офицеров	20	
	офицерских чинов	4	
	старших боцманов	20	
	переводчиков	4	
	унтер-офицеров	114	} 1050
	матросов	888	

		Унтер-офицеров	Матросов
Из них	строевых	90	788
	сигнальных	4	26
	машинных	4	26
	корабельных мастеров	4	—
	плотников	—	16
	фельдшеров	4	—
	санитаров	—	16

писарей	4	—
коков	—	16
баталеров	4	—

Вышедшая 3 августа из Дальнего под командой лейтенанта Нагано 3-я батарея 4 августа с полудня приступила к постройке земляных сооружений на возвышенности к югу от горы Ноучиа-tzu-shan и, окончив все работы к 6-му числу, со следующего дня начала впервые перекидную стрельбу по Порт-Артуру.

Однако одна из пушек при первом же выстреле разорвалась, и потому продолжали стрельбу только из одного орудия. Снаряды ложились хорошо, так что в старом городе возник пожар, продолжавшейся почти 2 часа, 8 августа вели стрельбу по старому городу и вызвали большой пожар в местности по восточную сторону от Перепелиной горы; 9-го числа, при обстреливании стоявших в Западном бассейне судов, снаряд попал в кормовую часть «Ретвизана» и вызвал на нем пожар, тогда же был потоплен большой 3000-тонный коммерческий пароход. Стрельба 3-й батареи в течение нескольких дней нанесла неприятелю немалый вред. Но 10 августа неприятельская эскадра внезапно в полном составе вышла из гавани, и с тех пор эта батарея стреляла по старому и новому городу, а когда суда снова вернулись в гавань, то и по ним. Во время бомбардировок укреплений эта батарея участвовала и в них, выбирая себе подходящую цель. При первом штурме крепости, когда наша осадная артиллерия еще не была готова и из тяжелых орудий могли действовать пушки этой батареи, неприятель сосредоточил на ней свой огонь; однако, находясь на хорошо укрытой позиции, 3-я батарея никакого вреда не понесла.

Так как неприятельские суда часто появлялись у Ping-tu-tai для обстреливания левого фланга 3-й армии, то Командующий армией для охраны этой местности пожелал отправить в ведение начальника 11-й дивизии на Дакушань четыре 12-фунтовых орудия. Согласно данному приказу капитан 2 ранга Курои послал туда 4 орудия под командой лейтенанта Канадзава; 10 августа, выйдя из Chang-ling-tzu и идя весь день и ночь, отряд прибыл на другое утро в Куо-chia-коу, где немедленно стал на позиции на прибрежных высотах для обороны местности близ Jung-cheng-chiao.

Статья 5. Первый штурм

А. Ход боя 3-й армии

После нескольких жестоких боев наконец 15 августа удалось запереть неприятеля в пределах крепости. Прежде чем начать штурм генерал Ноги послал 16 августа парламентаря в лице офицера своего штаба майора артиллерии Ямаоки Кумадзи для передачи неприятелю письма с милостивым разрешением его величества императора покинуть крепость некомбатантам, чтобы не подвергать их опасностям боя. Письмо гласило следующее:

«Имеем честь этим письмом сообщить Вашим Превосходительствам Всемилостивейшую и великую волю Его Величества Императора Японии, что пребывающие в настоящее время в Порт-Артуре женщины, дети, священнослужители и наблюдающие за ходом военных действий офицеры нейтральных государств во избежание опасностей бомбардировок и штурмов могут быть выпущены из крепости.

Во исполнение воли Его Величества Императора Японии мы делаем следующие предложения Вашему Превосходительству:

1) Всем желающим из ранее перечисленных лиц воспользоваться человеколюбивым позволением Его Величества Императора Японии Вашим Превосходительством должны быть составлены списки с подразделением по роду пола и службы и указанием общего числа их. Юноши более 16 лет от роду освобождению не подлежат.

2) Парламентар Вашего Превосходительства с вышеназванными общими списками должен прибыть по большой дороге, идущей из Порт-Артура к Кинчжоу, на первую линию японской армии, к северу от Shui-shih-ying, завтра, т. е. 17 августа 37 г. Мейдзи (1904 г.), не позже 10 часов утра.

3) Указанные выше лица должны прибыть на тот же пункт под белыми флагами завтра, т. е. 17 августа 37 г. Мейдзи (1904 г.), не позже 2 часов дня.

4) На назначенный пункт к этому времени в ожидании прибытия вышеупомянутых лиц будет выслан также с белыми флагами отряд нашей пехоты.

5) Каждому из вышесказанных лиц предоставляется нести при себе по одному месту (сколько могут поднять) багажа, причем в случае необходимости таковой может подвергнуться осмотру.

6) В вышеуказанном багаже не разрешается иметь: никаких книг, карт, и пр. печатных произведений, записок и набросков, а также предметов, имеющих прямое отношение к военным действиям, и в случае, если таковые будут обнаружены, то будут уничтожаться.

7) Вышеназванные лица под полной охраной указанного в 4-м пункте отряда будут доставлены в Дальний, где будут распределены для дальнейшего следования.

8) Ответ Вашего Превосходительства должен или полностью принять вышеизложенное, или полностью его отвергнуть, без изменения отдельных статей. Если парламентар, указанный в пункте 2-м, не прибудет к назначенному времени, то это будет принято за отказ.

Имеем честь быть:

Командующий осадной армией Порт-Артура
барон Ноги Маресуке (собственноручная подпись).

Командующий флотом,

блокирующим Ляодунский полуостров,

Того Хейхачиро (собственноручная подпись).

Высшему начальнику сухопутных войск,

находящихся в Порт-Артуре.

Высшему начальнику Морских Сил,

находящихся в Порт-Артуре.

16 августа 37 г. Мейдзи (1904 г.).

В Штаб-квартире осадной армии Порт-Артура».

В то же время генерал Ноги, желая побудить неприятеля к сдаче крепости, послал следующее предложение за своею и адмирала Того подписью:

«Имеем честь написать Вам следующие строки. Доблестная оборона Порт-Артура снискала себе похвалу по всему свету. Однако крепость, будучи изолированной и окруженной превосходными сухопутными и морскими силами и не имея на-

дежды на прибытие освобождения в ближайшее время, как бы ни был талантлив и предан долгу ее руководитель и как бы ни были храбры ее защитники, никак не может избежать падения. Приготовления нашей армии для общей атаки уже близки к окончанию, и она должна начать свои действия, и раз она начнет их — заранее можно знать судьбу Порт-Артура. Таким образом, в этот последний момент наш долг гуманности обязывает нас объяснить Вашему Превосходительству, что если бы Вы пожелали вступить в переговоры, то подходящий момент наступил именно теперь, потому что раз армия начала атаку, то прекратить ее до полного падения крепости будет не соответствовать нашим интересам. Сверх того, хотя сдача крепости без условий может быть сделана всегда, но ввиду того, что потребуется много времени на передачу приказа прекратить бой по широко растянутым по всему фронту атакующим частям войск, будет очень трудно избежать бесполезных больших жертв жизней и имущества.

В случае, если наша армия возьмет крепость силой, то хотя будут строго соблюдены законы войны просвещенных наций, но разница между сдачей крепости по предварительному соглашению в полном порядке и беспорядочной сдачей на всяких условиях, склоняясь перед силой, — велика, о чем Ваши Превосходительства, как военные люди, должны знать и в последнем случае, в пределах международных законов, конечно, победившей стороной не могут не быть не применены беспощадные способы.

Ваши Превосходительства свободны выбирать сдачу с условиями или нет, но в том случае, если бы выбрали сдачу на условиях, то с настоящего момента и не позже 10 часов завтрашнего дня 17 августа 37 г. Мейдзи (1904 г.) должен быть выслан парламентар на первую линию японской армии на большую дорогу из Порт-Артура в Кинчжоу севернее деревни Shui-shih-ying.

Наш долг уведомить Вас официально, что после назначенного времени предложения Ваши будут отвергнуты.

Имеем честь быть:

Командующий осадной армией барон

Ноги Маресуке (собственноручная подпись).

Командующий флотом,
блокирующим Ляодунский полуостров,
Того Хейхачиро (собственноручная подпись).

16 августа 37 г. Мейдзи (1904 г.).
В Штаб-квартире осадной армии Порт-Артура».

Неприятель 17 августа выслал парламентария на наши передовые пикеты к северу от Shui-shih-ying и передал нижеследующий ответ, отвергающий наше предложение:

3 августа 1904 г.
Крепость Порт-Артур

«Японскому Командующему армией
и Командующему флотом у Порт-Артура.

Ваши Превосходительства!

Имеем честь уведомить, что Ваше любезное предложение относительно свободного удаления женщин, детей и пр. указанным способом не может быть исполнено в такое короткое время.

Пользуясь этим случаем, мы свидетельствуем свое почтение

Командир 3-го Сибирского корпуса
генерал-лейтенант Стессель.

Комендант крепости Порт-Артура
генерал-лейтенант Смирнов.

Начальник русской Тихоокеанской эскадры
контр-адмирал князь Ухтомский».

Относительно же предложения о сдаче неприятель послал следующий ответ с отказом:

3 августа 1904 года
Крепость Порт-Артур

«Командующему японской армией
и Командующему японским флотом у Порт-Артура.

Ваши Превосходительства!

Предложение о передаче крепости Порт-Артур совершенно не соответствует чести и достоинству России и положению крепости, и в переговорах нет нужды.

Пользуясь сим случаем, свидетельствуем почтение:
Командир 3-го Сибирского корпуса
генерал-лейтенант Стессель.
Комендант крепости Порт-Артур
генерал-лейтенант Смирнов.
Начальник Русской Тихоокеанской эскадры
князь Ухтомский».

В тот же день генерал Ноги отдал приказ относительно штурма крепости, дал инструкции войскам и назначил главным пунктом атаки линии обороны, расположенную в северо-восточной части крепости между укреплениями Нирейсан (Egh-lung-shan) (форт № 3) и южным фортом Восточного Кейкасана (Chi-kuan-shan), желая одним ударом штурма взять крепостные твердыни.

Однако начало штурма с 18 августа отложили до следующего дня, так как из-за бывшего накануне дождя почва сделалась грязной и вязкой и затрудняла движение.

19 августа в 6 часов утра со стороны Si-lang-tzu прогремел первый выстрел, и наша артиллерия открыла жестокий огонь по неприятельским укреплениям. Так начался горячий бой с крепостью Порт-Артур.

Бывшая на правом фланге армии 1-я дивизия бросилась в атаку на Дайсисан (Ta-ting-tzu-shan — Угловая гора), а в центре 9-я дивизия обрушилась своим правым флангом на укрепления к северу от Риусан (Sung-yeu — Водопроводный редут); после упорного боя хотя и овладели горой Дайсисан, но взять укрепление Риусан не могли, и поневоле пришлось приостановить бой. Действие нашего сосредоточенного огня по Банриусан (Pan-lung-shan — редут № 1) и по Восточному Кейкасану (Chi-kuan-shan) проявилось в сильной степени: на Pan-lung-shan был взорван пороховой погреб и близ Восточного Chi-kuan-shan были почти совершенно срыты огнем два-три укрепления. Поэтому генерал Ноги приказал 9-й и 11-й дивизии идти на решительный штурм, назначив его в 4 часа утра 21 августа. На рассвете 21-го числа 9-я дивизия бросилась на штурм Pan-lung-shan, а 11-я дивизия на форты и батареи Восточного Chi-kuan-shan. Неприятель не только упорно оборонялся, но вне-

запно окружив нас с фронта, с флангов и с тыла осыпал снарядами и пулями. Наша штурмовая колонна едва не была целиком уничтожена; обе дивизии снова во второй и третий раз пытались посылать на штурм оставшиеся войска и резерв, но решившийся защищать свои укрепления до последней капли крови неприятель сражался изо всех сил; все доблестные атаки наших войск не только не достигали своей цели, но вскоре обе дивизии потеряли между собой связь, и бой постепенно становился все труднее.

Генерал Ноги, видя, что ход боя не идет, как предполагалось, решил хотя бы ценой полного уничтожения дивизии повторить штурм, но войска, находясь несколько дней подряд в бою, значительно потеряли свою боеспособность и без изменения способа ведения атаки не могли бы добиться лучших результатов.

Однако 22 августа в 10 часов 30 минут утра часть 9-й дивизии внезапно ворвалась в укрепление Восточного Pan-lung-shan (редут № 2) и после жестокого боя завладела частью его. Поэтому Командующий армией вновь приказал начальникам 9-й и 11-й дивизии продолжать штурм. Спротивление неприятеля, однако, постепенно увеличивалось; ворвавшаяся ранее в укрепление Восточного Pan-lung-shan часть 9-й дивизии подверглась сильной атаке с соседних батарей и вылазкам со стороны защитников форта. Бой достиг своего крайнего предела; люди дрались на саблях или бросали друг в друга камнями, но, наконец, мы все-таки закрепили за собой победу, а вечером 22 августа впервые вполне завладели Восточным и Западным укреплениями Pan-lung-shan (редуты № 1 и № 2).

11-я дивизия хотя и ворвалась на рассвете в северный форт Восточного Chi-kuan-shan (форт № 2) и на батарею на горе этого имени, но сразу же попала под сильный перекрестный огонь соседних батарей; раненые и убитые валялись один за другим, а помощь и боевые запасы не подходили. Оставшиеся в живых солдаты укрылись под откосами форта в расщелинах горы. В это время пришло известие, что 9-я дивизия завладела частью укрепления Pan-lung-shan, почему начальник 11-й дивизии пытался снова пойти на штурм, но офицеры и солдаты, будучи до крайности утомлены, не годились для боя. Затем было получе-

но приказание от Командующего армией приостановить атаку и, утвердившись на укреплении Pan-lung-shan, наступать на северное укрепление Восточного Chi-kuan-shan (форт № 2).

9-я и 11-я дивизии снова начали готовиться к штурму и 24 августа в 1 час ночи, опираясь на этот пункт, повели наступление на высоты на NW от Боодай (Wang-tai — Большое Орлиное Гнездо) и на самый Wang-tai. 9-я дивизия овладела возвышенностью H, а 11-я дивизия северо-западным откосом батареи Wang-tai (Заредутной), и хотя на ее вершине и был временно водружен наш флаг, но потери были слишком велики; почти не оставалось ни одной целой части, и трупы горами валялись на откосе горы. Наконец, генерал Ноги решил прекратить атаку и 24 августа в 4 часа дня отдал приказ дивизиям прекратить штурм и укрепляться на занятых позициях.

В записках русского генерал-майора Костенко об этом в общих чертах говорится следующее:

«3 августа от передовых японских постов показались парламентареры с белым флагом. Огонь был немедленно остановлен и на встречу им выслан начальник штаба укрепленного района полковник Рейс, которому японский майор Ямаока передал два пакета — один на имя генерала Стесселя, другой Командующему нашей эскадрой.

Пакет на имя генерала Стесселя заключал в себе предложение сдать крепость; оно было написано на японском языке с приложением перевода на английский и подписано командующим армией Ноги и адмиралом Того.

Для ответа был собран совет под председательством генерала Стесселя из коменданта крепости генерала Смирнова и командующего эскадрой князя Ухтомского. Ответ был послан на японском языке с приложением перевода на французский такого содержания (приблизительно):

“Ни честь, ни достоинство России не позволяют не только сдать Артур, но и вести какие-либо переговоры о сдаче крепости”.

В то же время генералу Смирнову было донесено, что японцы, пользуясь приостановкой огня по случаю прибытия парламентареров, за древней Сьюшуин строят укрепления; почему генерал Смирнов немедленно передал по телефону полковнику Рейсу предупредить Ямаоко, что если эти работы не будут немедленно приостановлены,

то батареи откроют огонь. Так как во время передачи ответа работы продолжались, то Ямаоко возвратился обратно под гром наших орудий. Говорят, что один из членов совета предлагал вместо ответа открыть самый сильный огонь из всех батарей, но другие члены нашли необходимым соблюсти международную вежливость и послали вышеозначенный ответ.

Так как Ямаоко привез одновременно пакет такого же самого вида и на имя начальника эскадры, то полагали, что содержание его тождественно письму генералу Стесселю и касается сдачи флота; между тем, оказалось, что в этом пакете заключались условия относительно вывоза из Артура женщин, детей, священников. Они были таковы:

"Всех этих лиц собрать и препроводить в деревню Сюйшуин, где и должна состояться передача их японцам".

При разрешении этого вопроса генерал Стессель и князь Ухтомский выразили желание согласиться на эти условия, но комендант крепости решительно протестовал против принятия их и предложил категорический отказ. Мотив к этому был следующий: так как деревня Сюйшуин была расположена впереди всех наших позиций и на виду их, то генерал Смирнов в условиях японцев заметил желание воздействовать на дух наших войск; в самом деле, сдача японцам на виду всего гарнизона священников, так ценимых при наших тяжелых обстоятельствах, а также трогательная и раздирающая картина прощания мужей с женами и детьми на глазах того же гарнизона, подействовала бы на последний угнетающим образом и настолько, что была бы равносильна сдаче половины Артура. Ввиду этого очень основательного мотива остальные члены вполне согласились с комендантом, и ответ был дан также отрицательный.

Присылка письма о сдаче Артура пролетела электрической искрой по всему гарнизону и не только не встревожила последний, но, наоборот, возбудила всеобщий энтузиазм, так как предложение о сдаче крепости почему-то было истолковано в смысле слабости войск Ноги овладеть Артуром силой.

С этого момента Артурский гарнизон вступает в страшную борьбу на жизнь и смерть, в борьбу, покрывшую его неувыдаемой славой и окружившую его поистине лаврами героизма.

Наконец наступило 6 августа, день Преображения Господня. Около 5 часов утра этого дня редкая стрельба, не прекращавшаяся всю

ночь, приняла характер канонады. Все были уверены и не ошиблись, что начинается давно ожидаемый жестокий штурм наших фортов и укреплений. Особенно сильно массировался огонь на Угловой, Длинной и редутах — Водопроводном, Кумирнском и № 1-й и № 2-й; в то же время стрельба производилась и по городу, в особенности по расположенному у Перепелиной горы нашему арсеналу. Продолжаясь непрерывно целый день, канонада еще более усилилась к вечеру. Наконец около 6 часов 30 минут вечера меткой стрельбой японцам удалось взорвать в арсенале склад наших дистанционных трубок и китайских старых патронов. Взрыв был грандиозный, после чего начался пожар. Когда совершенно стемнело, то представилась чудовищная картина с батареи № 9; зарево пожара, осветившее часть небосклона и усилившееся порывами бывшего тогда сильного ветра, непрерывно рвущиеся снаряды в порту и городе, страшный гул канонады, непрерывное освещение неприятельского фронта ракетами — делало ее и страшной и интересной. Канонада продолжалась всю ночь, и утром 7 августа я проснулся под звуки той же музыки. Ночью японцы несколько раз порывались атаковать Угловую, но были отбиты с успехом. 7 августа, около 10 часов утра, им удалось занять деревню Сюйшуин (по средней Артурской дороге), находившуюся против Кумирнского и Водопроводного редутов. Занятие этой деревни было для нас очень опасно, так как отсюда рукой подать до города; почему приказано было со всех батарей сосредоточить огонь на этой деревне, а в том числе произвести стрельбу с батареи № 9. Так как с последней деревня Сюйшуин была как на ладони, то я отправился на батарею и, вооружившись биноклем, смотрел на эту страшную бойню. Трудно себе даже представить ту адскую картину, которую изображала в этот момент деревня; в нее ежеминутно влетали сотни снарядов, и дым от разрыва заволакивал вид ее; это был ураган огня и железа. К вечеру японцев удалось выгнать из деревни, но Угловую наши войска оставили, так как на ней не было возможности держаться за силой адского огня противника; но и японцы не заняли ее по той же причине.

Ночь на 8 августа прошла в таком же адском огне, усилившемся и в нашем центре, где обстрелу его подверглись редуты № 1 и № 2, люнет Куропаткина и батарея Орлиное Гнездо с фортом № 2; вновь эта местность осветилась ракетами и огласилась ревом наших орудий, причем даже береговые батареи и морская артиллерия приняли участие в отражении атакующих неприятельских колонн. День 8 ав—

густа прошел в такой же огневой агонии, причем из Дальнего был вызван японцами последний их резерв в десять тысяч.

Действительно, потери японцев были многочисленны; трупы их облегали наши позиции холмами, где также были и раненые, которых они не убрали. Около 11 часов утра показался японский воздушный шар сигарообразной формы; результатом этого поднятия было еще более сильное действие артиллерийского огня, сосредоточенного на Орлином Гнезде, где одно орудие было сбито, другое подбито, а третье засыпано землей; отрыть его нельзя было за действием сильного огня. На горизонте моря видны были неприятельские миноноски и суда большого типа, которые, как коршуны, ожидали момента броситься на Артур при взятии его с суши. В этот день окончательно пришлось оставить Угловую, которую не заняли, как я указал выше, и японцы, так как она буквально засыпалась снарядами.

В ночь на 9 августа, как и этот день, продолжалась такая же канонада, и только к вечеру этого дня были взяты редуты № 1 и № 2; впрочем, там нечего было брать, так как они были сравнены с землей; они также не были укреплены прочно и носили характер полевых укреплений. Прорыв неприятеля в этом месте угрожал опасностью, на что было обращено особенное внимание, соседство его очень угрожало форту № 2, так как японцы уже были несколько в тылу его и обстреливали к нему дорогу.

День 10 августа продолжалась атака всего правого фланга и закончился общим штурмом всех позиций, которые гарнизон отстоял со славой».

Б. Стрельба морского отряда тяжелой артиллерии

Ввиду того, что 3-я армия заставила неприятеля войти в пределы крепости и понемногу приближался день штурма, морской отряд тяжелой артиллерии 8 августа вышел из Дальнего и на другой день прибыл в Tu-cheng-tzu. 5 — 12-см орудий (в том числе 1 орудие для замены разбитого), 18 — 12-фунтовых орудий (в том числе 2 запасных), боевые припасы и разные материалы были отправлены по железной дороге в Tu-cheng-tzu. С помощью команд осадной артиллерии отряд приступил к постройке следующих батарей и командных постов:

1-я батарея (исключая 3-й взвод) — в седловине, к востоку от Hua-tan-ling.

2-я батарея (исключая 4-й взвод) — на возвышенности, к западу от Hua-tan-ling.

Командный пост — на высоте в 211 метров на NO от 1-й батареи, около 600 метров.

14 августа капитан 2 ранга Курои дал приказание готовиться к общей атаке. 17-го числа батареи раскинули палатки за горой Hou-chia-tzu-shan, командный пост перебрался на вершину горы в 211 метров, и команды, работая изо всех сил, закончили все приготовления к вечеру того же дня. Этой же ночью было получено извещение из штаба армии, что штурм отложен. Ночью 18 августа было получено приказание от начальника осадной артиллерии бухты Луизы обстреливать неприятельские прожекторы у Исудзан (I-tzu-shan) (форт № IV); с полуночи 19 августа орудия пробовали стрелять по ним, но как только мы открывали огонь, неприятель немедленно гасил прожекторы, а как прекращали, снова открывал освещение. Поэтому, не будучи в состоянии вести верную стрельбу, в 2 часа ночи ее прекратили. Когда на рассвете 19 августа со стороны Si-lung-tzu загредел сигнальный выстрел, указывающий начало бомбардировки, морской отряд тяжелой артиллерии открыл огонь по следующим районам:

1-я батарея (исключая 3-й взвод) четыре 2-см орудия — прицельная стрельба по укреплениям Erh-lung-shan (форт № 3).

2-я батарея (без 4-го взвода, бывшего у Kuo-chia-kou) десять 12-фунтовых орудий — прицельная стрельба по укреплению Sung-shu-shan (укрепление № 3).

По укреплению I-tzu-shan (форт № 4) и An-tzu-shan (укрепление № 4).

Отделение 3-го взвода — одно 12-см орудие (перекидная стрельба).

Отделение 2-й батареи — четыре 12-фунтовых орудий (прицельная стрельба).

Отделение 3-го взвода — одно 12-см орудие — перекидная стрельба по Старому городу.

Вначале неприятель не отвечал на огонь, но через 10 минут его форты и батареи постепенно начали стрельбу; стреляли с

укреплений на I-tzu-shan, An-tzu-shan и Pai-yuing-shan (Перепельная гора), и с 10 часов утра до полудня наши батареи подвергались их сильному огню; однако укрепления на Erh-lung-shan и Sung-shu-shan в конце концов, по-видимому, принуждены были замолчать вследствие нашего огня и лишь по временам выпускали по несколько снарядов. Еще перед этим одно 12-см орудие, стрелявшее по Erh-lung-shan, разорвалось.

Было 5 часов 40 минут дня, когда было получено приказание от начальника осадной артиллерии, находившегося у бухты Луизы, открыть частый огонь по Erh-lung-shan и Sung-shu-shan ввиду того, что наша пехота подошла к неприятельским укреплениям, разрушая проволочные заграждения, а затем, если наши войска ворвутся в северное укрепление Sung-yeu, то заставить замолчать два вышеназванных укрепления и кроме того, если возможно, то обстрелять также и An-tzu-shan. Вследствие этого капитан 2 ранга Курои всей 1-й батареей и с прибавлением 2-х орудий 2-й батареи начал обстреливать форт Erh-lung-shan. Неприятельские укрепления и батареи, начиная от Erh-lung-shan и до I-tzu-shan, на некоторое время замолчали, и наши батареи опять начали стрелять с целью прикрытия наступления наших войск.

Около 7 часов вечера наши войска бросились на северное укрепление Erh-lung-shan, и неприятель снова открыл огонь, мы также вновь начали стрельбу по ним, стараясь стрелять как можно чаще. Хотя неприятель на Sung-shu-shan и Erh-lung-shan совершенно замолчал, но с I-tzu-shan и An-tzu-shan наши штурмующие колонны подвергались сильному анфиладному огню, почему и мы, продолжая обстреливать из 2–3 орудий Erh-lung-shan и Sung-shu-shan, из остальных орудий открыли сильный огонь по обоим названным укреплениям. Однако ввиду приказа начальника артиллерии перешли на ночную стрельбу, и только одно 12-см орудие с захода солнца до полуночи стреляло перекидным огнем по Старому городу. Тогда же одна запасная 12-см пушка была перетащена от Chang-ling-tzu в придачу к 1-й батарее.

На второй день штурма 20 августа, приготовившись к стрельбе, с 6 часов утра 1-я батарея (четыре 12-см орудия; из них одно было повреждено и не действовало до 23 августа) взяла

за цель укрепление Sung-shu-shan, а 2-я батарея (четырнадцать 12-фунтовых орудий) начала стрельбу по нему же и по I-tzu-shan. Во время штурма батареи в зависимости от хода боя меняли цель и увеличивали или уменьшали силу огня, поставив себе задачей пересилить огонь неприятеля.

К 3 часам 10 минутам дня ввиду приказа от начальника артиллерии, «что так как укрепления неприятеля в атакуемой местности почти разрушены, то армия с рассветом следующего дня пойдет на штурм, и потому морская артиллерия должна продолжать стрельбу, увеличив ее силу до пределов возможного», — капитан 2 ранга Курои приказал приложить все силы, чтобы заставить замолчать неприятеля, и только когда тот почти совершенно прекратил огонь, мы также несколько ослабили его. Так как 2-я батарея была расположена позади высот и не могла в большинстве случаев стрелять иначе как перекидным огнем, то, опасаясь уменьшения силы огня, капитан 2 ранга Курои перевел наиболее неудобно расположенный для прицельной стрельбы 8-й взвод на высоту в 300 метров на SO от 1-й батареи и велел ему быть готовым к стрельбе к 5 часам следующего утра. Этой ночью одно 12-ствольное орудие обстреливало внутренность крепости, а одно 12-фунтовое орудие — неприятельские прожекторы у I-tzu-shan.

21 августа, хотя наша пехота еще с 5 часов утра начала наступление, но артиллерия из-за бывшей еще темноты не могла ясно различать цели и потому не открывала огня до 5 часов 30 минут. Распределение батарей и их огня было следующее:

По укреплениям на I-tzu-shan и An-tzu-shan:

1-я батарея (за исключением 3-го взвода) — четыре 12-ствольных орудия (из них одно еще не было готово для стрельбы).

2-я батарея (за исключением 8-го взвода) — десять 12-фунтовых орудий.

По укреплениям Sung-shu-shan:

3-й взвод — два 12-ствольных орудия (перекидная стрельба).

8-й взвод — четыре 12-фунтовых орудия.

Сначала батареи стреляли последовательно, но ввиду сильного огня со стороны неприятеля усилили скорость стрельбы и жестоко обстреливали неприятельские батареи концентрированным огнем так, что минут через 15 огонь их ослабел, и

тогда мы снова перешли к последовательной стрельбе. С восьмого часа утра 3-й взвод перешел на перекидную стрельбу по Старому городу и батареям на Перепелиной горе. К 8 часам вечера батареи прекратили огонь. В 8-м взводе снова были разбиты два 12-фунтовых орудия, почему капитан 2 ранга Курои перевел одно орудие из 7-го взвода в 8-й. В этот же день около 1 часа 30 минут дня 4-й взвод 2-й батареи, бывшей под командой лейтенанта Канадзаки у Куо-chia-kou, заметив, что 4 неприятельских миноносца появились к Ost от Suo-sei-kaku и обстреливают наши позиции, открыли по ним огонь и минут через 15 заставили их удалиться.

22-го числа с рассвета 3-й взвод обстреливал перекидным огнем Старый город: 1-я и 2-я батареи—укрепления на I-tzu-shan и An-tzu-shan, а два орудия 3-го взвода и три орудия 8-го взвода—укрепления на Sung-shu-shan.

В 9 часов 30 минут утра было получено приказание от начальника артиллерии оказать содействие 1-й дивизии, атакующей высоты к северу от Нирейсан (Высокая гора), почему капитан 2 ранга Курои приказал 1-й батарее усилить огонь по I-tzu-shan и An-tzu-shan, а 2-й батарее обстреливать вышеназванные высоты для прикрытия наступления 1-й дивизии. В 10 часов 40 минут утра был взорван нашим снарядом пороховой погреб на An-tzu-shan, в 12 часов 15 минут дня снова был взрыв порохового погреба батареи на вершине горы, лежащей на SO от Heu-yang-shu-kou; тогда же были принуждены замолчать и укрепления Sung-shu-shan. После 7 часов вечера в течение почти целого часа отряд обстреливал частым огнем Старый город и местность близ Liu-chia-kou.

Бывший у Куо-chia-kou 4-й взвод в 12 часов 30 минут этого дня, когда наша армия овладела горой Панлуньшань и должна была атаковать Восточный Chi-kuan-shan, немедленно открыл огонь по укреплениям Lao-lu-tsui и Pai-yuing-shan, чтобы отвлечь внимание неприятеля.

23 августа все батареи приготовились к стрельбе к 5 часам утра и ждали приказания; в 10 часов утра было получено приказание от начальника осадной артиллерии, что «ввиду того, что неприятельская полевая батарея, бывшая позади Erh-lung-shan, обстреливает занятые нами укрепления на Pan-lung-shan,

следует ее бомбардировать», капитан 2 ранга Курои поручил это 1-й батарее и 8-му взводу. В 11 часов утра укрепление Sung-shu-shan открыло по нам огонь, почему снова стали стрелять в него и, наконец, заставили его замолчать. Тогда же 1-я батарея, отвечая на огонь с Erh-lung-shan, также заставила замолчать и его. После этого батареи обстреливали Erh-lung-shan и Sung-shu-shan. Батарея у Liu-chia-kou утром того же дня отогнала пришедших в бухту Тахе три неприятельских миноносца, которые обстреливали занятые нами позиции. Около 11 часов утра в этой же бухте появились «Севастополь» и 9 неприятельских миноносцев; батарея завязала с ним перестрелку, и несколько наших снарядов попало в «Севастополь», кроме того, было замечено, что 1 неприятельский миноносец был взят на буксир своим товарищем и уведен в гавань.

В 3 часа утра 24 августа было получено приказание от начальника артиллерии обстреливать Старый город, чтобы привести неприятеля в расстройство, т. к. на фронте в то время шел жестокий бой. 3-й взвод выпустил несколько десятков снарядов по Старому городу, прочие же батареи по приказанию начальника артиллерии некоторое время обстреливали укрепления на Erh-lung-shan и Sung-shu-shan. 8-й взвод с 2 часов 45 минут дня стрелял по строениям у водопровода и насчитал до 16 попаданий. За это время 1-я батарея стреляла по An-tzu-shan, 3-й взвод по Erh-lung-shan для отвлечения внимания неприятеля, помогая 8-му взводу, а с 6 часов вечера начали стрелять по бывшему в доке Восточного бассейна какому-то неприятельскому судну.

Этой ночью в 11 часов было получено извещение от начальника артиллерии, что армия приостанавливает атаку и морскому отряду, приняв меры предосторожности, следует быть готовым ко всяким случайностям, о чем капитан 2 ранга Курои немедленно передал по батареям и, распределив пикеты впереди своих позиций, приготовился к возможной вылазке неприятеля. Кроме того, убедившись в преимуществе прицельной стрельбы переменившего ранее свое место 8-го взвода, капитан 2 ранга Курои решил также выдвинуть немного вперед и остальную 12-фунтовую батарею из-за скрывавших ее холмов. Работы были начаты той же ночью и совершенно закончены на другой

день 25 августа; затем капитан 2 ранга Курои по приказанию из штаба армии велел бывшим на побережье у Liu-tu-mao двум орудиям 3-го взвода перейти в тыл 11-й дивизии близ Tuanshan-tzu. За все время штурма с 19 по 24 августа было выпущено с морских батарей снарядов: 12-см — свыше 3 тысяч, 12-фунтовых — свыше 10 тысяч. Потери — убитыми 4 человека и ранеными — 37.

Статья 4. Второй штурм

А. Ход боя 3-й армии

Несмотря на все жестокие атаки нашей 3-й армии, с 19 по 24 августа мы не могли сломить искусно вооруженных батарей и защищавшего их до последней капли крови неприятеля. Потеряв около 15 тысяч воинов, мы едва лишь могли завладеть укреплениями Западного и Восточного Pan-lung-shan (1 и 2 редуты).

Генерал Ноги, видя неудачу штурма, прекратил его на время и решил, действуя согласно требованиям правильной осады, утвердившись сперва на западных укреплениях, постепенно брать бывшие с ними по соседству, о чем и донес в Главную квартиру и главнокомандующему Маньчжурскими армиями и сообщил командующему флотом.

Адмирал Того, препроводив в Главную квартиру свое предложение об усилении морского отряда тяжелой артиллерии еще четырьмя 12-ствольными орудиями, выразил генералу Ноги чувство удивления по поводу геройства 3-й армии в жестоких боях в течение нескольких дней подряд и, кроме того, командировал для пополнения санитарного персонала подведомственных ему санитарных чинов в госпитали и этапные управления армии.

3-я армия, пополняя части и боевые припасы, немедленно приступила для окончательного упрочения занятых фортов Pan-lung-shan к инженерным работам, к устройству крытых траншей и рвов для сообщения между ними, но так как эти форты были расположены внутри линии обороны неприятеля и непрерывно подвергались прицельному огню с ближайших

высот и соседних укреплений, то работы медленно подвигались вперед, и поддерживать их было очень трудно.

Пытавшаяся было уйти из Порт-Артура эскадра, будучи разбита в бою в Желтом море, хотя и значительно потеряла свою боевую силу и спряталась глубоко в гавани, но так как в России спешно готовилась к выходу добавочная эскадра, то по-прежнему для нас было важно как можно скорее покончить с Порт-Артурской эскадрой. Поэтому в армии прежде взятия самой крепости была осознана необходимость взять Высокую гору, которая занимала командующее положение над эскадрой. 31 августа генерал Ноги издал приказ готовиться к новой фронтальной атаке 1-й дивизии на укрепления близ Нирейсан (Erh-lung-shan — Высокая гора), 9-й дивизии на укрепления на высотах к северу от Sung-yen (Водопроводный редут) и на два укрепления между Erh-lung-shan и Pan-lung-shan, а 11-й дивизии на батарею Восточного Chi-kuan-shan и укрепление к северу от него. Из Главной квартиры было прислано армии шесть 28-ствольных мортир, а от Соединенного флота, как уже выше сказано, Командующим флотом было прибавлено четыре 12-см орудия и, кроме того, двенадцать 47-мм орудий Гочкисса и два 15-см скорострельных морских орудия.

Получив приказания готовиться к фронтальной атаке, все дивизии с 1 сентября приступили к земляным работам по направлению к заданным им пунктам атаки, но неприятель также исправлял батареи, рыл траншеи и строил прикрытия и, таким образом, постепенно усиливал оборону; кроме того, временами он производил смелые вылазки против наших передовых частей и хотя этим значительно затруднял ход работ, но наша армия каждый раз их успешно отражала. Наконец, земляные работы 1-й дивизии по направлению к группе укреплений к югу от Shui-shih-ying и 9-й дивизии к укреплениям севернее Sung-yen значительно подвинулись вперед, и так как мы уже подошли к неприятелю на 50 метров и пополнение частей и боевых запасов было окончено, то генерал Ноги 19 сентября приказал 1-й и 9-й дивизиям начать атаку, а 11-й дивизии и осадной артиллерии оказывать им содействие и вместе с тем отвлекать внимание неприятеля. В 9 часов утра 19 сентября наша тяжелая артиллерия, бывшая у Nien-p'an-kou и Taku-shan, первая

открыла огонь по неприятелю, находившемуся близ Wang-tai (Большое Орлиное Гнездо); вскоре и прочие осадные орудия начали стрельбу по назначенным целям, и в 4 часа дня ими были разбиты в нескольких местах верки на неприятельском укреплении к северу от Sung-yeu. Начальник штурмовой колонны 9-й дивизии, думая воспользоваться этим моментом, в 5 часов 30 минут дня бросился в атаку, но неприятель тотчас открыл сильный огонь из пулеметов, бросал камнями из разбитых укреплений и осыпал ручными гранатами, почему, понеся большие потери, наши временно должны были отступить на старые позиции. Снова набравшись мужества, несколько раз повторяли мы отчаянные атаки и на другой день, наконец, отбросив упорного неприятеля, с рассветом завладели этими укреплениями, и, таким образом, весь район к северу от линии железной дороги всецело попал в наши руки.

1-я дивизия, разделившись на три отряда, атаковала: правый — Нирейсан (Высокую гору), средний — Hai-lieh-shan, а левый — группу укреплений у Shui-shih-ying. 19 сентября в 2 часа 30 минут дня артиллерия этой дивизии открыла огонь по атакуемым пунктам, и когда к 4 часам дня на укреплениях у Shui-shih-ying проявились результаты действия огня, то левый отряд в 5 часов 15 минут бросился на центральные укрепления и на их фланговые траншеи. Неприятель храбро оборонялся, стреляя из пулеметов и бросая в наши траншеи ручные гранаты, и нанес нам большие потери в людях, почему командир левой колонны, полагая трудным продолжать атаку днем, предпринял две атаки с наступлением ночи, но снова безуспешно. Однако 9-я дивизия на другое утро овладела укреплениями к северу от Sung-yeu, чем воспользовался командир левой колонны и занял северо-восточные укрепления. К 9 часам утра, когда проявились результаты огня нашей артиллерии на укреплениях центра, войска пошли в атаку по всей линии и после сильного рукопашного боя, длившегося несколько минут, отогнали неприятеля и наконец завладели центральным укреплением; затем были заняты 2 тыловых укрепления, а к 11 часам 15 минутам удалось овладеть всей группой.

Действовавшая против Hai-lieh-shan центральная колонна 19 сентября в 5 часов 30 минут дня уже двинулась вперед, как

вдруг молчавший доселе неприятель появился в различных частях траншей и открыл убийственный огонь; наши войска, не поддаваясь, бросились вперед и в 6 часов 45 минут вечера взяли было северо-восточную линию вторых окопов, но бывший на вершине неприятель, поддерживая сильную стрельбу и бросая гранаты и камни, крепко защищался, почему приблизиться было невозможно и штурмующий отряд провел ночь в своих окопах лицом к лицу с неприятелем.

На другое утро с рассветом артиллерия снова начала бомбардировку против группы укреплений, расположенных к югу от Shui-shih-ying, и, пользуясь поддержкой прочих наших батарей, поддерживала жестокий огонь по Hai-lieh-shan. К 4 часам дня результаты его обнаружались в значительной мере, и колонны, воспользовавшись этим, снова бросились вперед и в 5 часов вечера овладели всей горой Hai-lieh-shan.

На горе Нирейсан, против которой действовала правая колонна, бомбардировка не достигла никаких заметных результатов, и только около 6 часов 10 минут вечера заметили немного разбитую часть внешнего угла его брустверов; штурмовая колонна, разглядев это, немедленно бросилась в атаку. Однако ввиду сильного отпора неприятеля, осыпавшего колонну дождем шрапнелей со всех южных батарей, мы понесли громадные потери: люди падали без счета, и, когда дошли только до подошвы горы, убитых и раненых было уже больше половины. Тем не менее, 20 сентября, в 2 часа ночи, несмотря на дождь снарядов, прорвали, наконец, первую линию неприятельских окопов и с ожесточением атаковали 2-ю линию.

Неприятель, светя прожектором, оборонялся изо всех сил, стреляя из пулеметов и ружей и бросая бомбочки. Наши потери все увеличивались и увеличивались. В 6 часов 30 минут утра наша штурмовая колонна снова бросилась вперед и, пройдя 2-ю линию, достигла юго-западного угла форта; здесь обе стороны, бросая бомбочки, завязали отчаянный бой; наконец, наши завладели частью форта и, напрягши усилия, почти достигли вершины горы, но, встретив упорную оборону неприятеля, не смогли достигнуть своей цели и отступили на прежние позиции.

Связь с тылом была нарушена. Неприятель непрерывно бросал бомбочки и большие камни. Офицеры почти все были

перебиты, и части, смешавшись, не могли двигаться ни взад, ни вперед и, едва сдерживая наступавшего неприятеля, бросали в ответ камни и спешно устраивали прикрития из земляных мешков, дотянув так до захода солнца. Еще перед тем начальник 1-й дивизии, видя, что правая колонна несет сильные потери, двинул туда весь дивизионный резерв, приказав вместе с тем части центральной колонны с западной стороны Hai-lieh-shan идти на северо-восточный угол Высокой горы.

Командир правой колонны, видя тяжелое положение боя первой линии, отправил туда подкрепление, но еще в пути, попав вдруг под огонь неприятеля, оно понесло настолько большие потери, что не могло дойти до назначения, и только с заходом солнца могло подвигаться вперед. Таким образом, очутившаяся прямо перед позициями неприятеля и едва державшаяся наша штурмовая колонна, получив к ночи подкрепление и пополнив боевые запасы и провиант, на другое утро с рассветом могла повторить штурм; однако, находясь под орудейным и ружейным огнем неприятеля с фронта и с флангов, осыпаемая градом бомбочек, колонна была почти целиком уничтожена.

В то же время отряд, шедший от Hai-lieh-shan, наткнувшись на колья и проволочные преграды, хотя и двигался вперед, но понес столь сильные потери от огня неприятеля, что отступил на прежнее место. Таким образом, повторные штурмы только увеличивали наши потери и не приносили желаемых результатов в ходе операции. Поэтому начальник 1-й дивизии приказал командиру правой колонны всеми силами постараться удержаться на настоящих позициях, а артиллерии поддерживать самый сильный огонь по утесу Высокой горы. Было около 6 часов вечера, когда показавшаяся близ деревни Hou-sa-yang-t'ou неприятельская полевая батарея начала с фланга обстреливать нашу штурмовую колонну, державшуюся на SW части Высокой горы, почему нашим войскам пришлось бросить эту позицию и временно отступить в глубь долины.

Ввиду этого начальник 1-й дивизии донес генералу Ноги о бесполезности продолжать дальнейший штурм, и штурмовая колонна, подобрав раненых, вернулась на первоначальные штурмовые позиции.

Таким образом, хотя за этот штурм армии и удалось завладеть укреплениями к северу от Sung-yeu, группой укреплений к югу от Shui-shih-ying и горой Hai-lieh-shan, но, не достигнув своей главной цели — овладения Высокой горой, она прекратила атаку. Тем не менее, с вновь занятой горы Hai-lieh-shan можно было видеть часть Нового города и большую часть судов, почему морским отрядом тяжелой артиллерии был устроен на этой горе наблюдательный пост, а с 28 сентября была начата стрельба по неприятельским судам из двух 6-дюймовых орудий и шести 12-ствольных. Присланные ранее к 3-й армии 28-ствольные мортиры (по 2 на Tien-shan-tzu, на Chi-chia-tun и на Wang-chia-tien) с 1 октября также присоединились к ним, .. ежедневно наблюдалось несколько попаданий; однако неприятельские суда, избегая наших снарядов, скоро укрылись в Восточном бассейне и у подошвы Перепелиной горы. С 8 октября, хотя наблюдение за снарядами было затруднительно, однако морские пушки продолжали стрелять по неприятельским судам и доку, обстреливая в то же время бывшие в Западном бассейне шлюпки и береговые укрепления; 28-ствольные мортиры также по временам обстреливали площадь расположения судов и порт.

На фронте по подготовке к атаке шли следующие работы: 1-я дивизия вела постройку траншей против укреплений Sung-shu-shan, 9-я дивизия сейчас же по овладении северными укреплениями Lung-yeu начала вести траншею к Erh-lung-shan, а 11-я дивизия продолжала работы против Восточного Chikuan-shan.

Чем более мы приближались к неприятелю, тем более встречалось препятствий с его стороны, но и в нашей армии по опыту прежних сражений стали применять разные ручные гранаты, пушки для метания бомб на близком расстоянии, переносные щиты, щитовидные листы для стрельбы из ружей и т. п. Неприятель также придумывал всевозможные приспособления для усиления обороны.

В первых числах октября из Главной квартиры было прислано в армию еще двенадцать 28-см мортир, а с Соединенного флота к морскому отряду было прибавлено еще два 15-см орудия; к концу этого месяца приготовления для атаки были по-

всюду окончены, и генерал Ноги приказал начать 26 октября вторую атаку на линии от Sung-shu-shan до Восточного Chi-kuan-shan.

26 октября в 8 часов 30 минут утра, когда окончательно разошлась утренняя дымка, первыми открыли огонь все орудия осадной артиллерии; 28-сантиметровые мортиры и морские орудия главным образом стреляли по Sung-shu-shan и Erh-lung-shan и укреплениям к северу от Восточного Chi-kuan-shan, а остальные орудия поддерживали их с целью заставить замолчать неприятеля и отвлечь его внимание. С 28 октября к ним присоединились еще 6 вновь прибывших 28-сантиметровых мортир, и к вечеру того же дня уже были заметны значительные результаты действия огня на обстреливаемых пунктах: кое-где были подбиты орудия, кое-где разрушены брустверы, и немало снарядов, пробив прикрытие, взорвало пороховые погреба. С 29-го числа велась стрельба по мешавшей наступлению нашей пехоты Китайской стенке и по расположенным между разными укреплениями пехотным окопам. 26-го числа в 5 часов дня бывшая на правом фланге 1-я дивизия, ворвавшись в бывшие перед Sung-shu-shan окопы, завладела ими. Центральный отряд — правый фланг 9-й дивизии — в то же время занял окопы на откосе укрепления Erh-lung-shan, а ее левый фланг занял гору Po-chüan-shan. Бывшая на левом фланге армии 11-я дивизия, разрушив фланговые казематы северного форта Восточного Chi-kuan-shan, овладела частью его и перерезала бывшие перед батареей того же имени проволочные и сетевые заграждения. С тех пор каждая дивизия под огнем неприятеля, отражая его отчаянные вылазки, работала над укреплением занятых позиций и над рытьем траншей.

30 октября штаб-квартира армии передвинулась вперед на лежащую на SO от горы Feng-huang-shan высоту в 1000 метров, и осадные пушки открыли с 7 часов утра подготовительную стрельбу по назначенным целям. С 1 часа дня пехота каждой дивизии дружно начала атаку. 1-я дивизия пробовала сначала разрушить внешний контрэскарп и засыпать внешний ров, но безуспешно, почему штурмовая колонна одним духом достигла вершины бруствера и под огнем неприятеля пыталась было перейти через внешний ров, но не достигла цели; ночью,

набросав мешки с землей, построила новую дорогу и на другое утро должна была повторить штурм.

Правое крыло 9-й дивизии для перехода внешнего рва имело с собой переносные мосты и пробовало их наложить, но мосты были разбиты снарядами и штурм не удался. С наступлением ночи или бросали мешки с землей или разбивали контрэскарп, стараясь во что бы то ни стало перейти ров, но работы эти не шли, как предполагалось.

Шедшее против укрепления Р левое крыло этой дивизии в 1 час 05 минут дня овладело штурмом 1-й линией, но, будучи обстреливаемо с соседней батареей и с Китайской стенки продольным огнем, несло большие потери, едва удерживая занятое до захода солнца; подвергнувшись затем нескольким контратакам неприятеля, крыло это принуждено было отступить. Видя это, командир левой колонны генерал-майор Ичинохэ, сам став во главе резерва, сделал отчаянную атаку на первую линию, отогнал неприятеля и, преследуя его, наконец, овладел всем укреплением (с тех пор это укрепление получило название укрепления Ичинохэ).

Шедшее против укреплений Восточного Chi-kuan-shan правое крыло 2-й дивизии с утра заняло часть наружного его рва и хотя в 1 час дня и ворвалось через бруствер, но ввиду стрельбы оставшегося в другой части рва неприятеля с тыла из пулеметов и бокового огня с соседних батарей и множества бомб, бросаемых защитниками форта, штурмующий отряд почти целиком был уничтожен. Отряд центра, шедший против батареи Восточного Chi-kuan-shan, в 1 час дня снова бросился на штурм и овладел пехотными окопами, бывшими в середине горы, и хотя затем и ворвался в укрепление, но, подвергшись внезапному сосредоточенному неприятельскому огню, понес громадные потери: почти все наши были убиты или ранены. Хотя частые вылазки неприятеля и заставляли нас отступать, но одна часть все-таки ворвалась в форт Siu-shan (Кобу-яма — укрепление № 2) и, овладев им, немедленно принялась за работы по его укреплению.

Так как 30 октября удалось завладеть только укреплениями Р и Siu-shan, генерал Ноги на другой день отдал приказание каждой дивизии укреплять занятые позиции и в то же время продолжать атаку на Sung-shu-shan, Erh-lung-shan и Восточный

Chi-kuan-shan. Каждая дивизия для достижения этой цели бросилась на эти укрепления, стараясь изо всех сил перейти внешние рвы, но ввиду упорного сопротивления неприятеля сделать этого не удалось. 1-я и 9-я дивизии, для того чтобы разрушить фланговые казематы внешних укреплений, начали рыть подкопы, а 11-я дивизия взорвала каземат северного укрепления Восточного Chi-kuan-shan. В 5 часов 30 минут вечера штурмовая колонна, вскарабкавшись на бруствер и сражаясь с бывшим внутри неприятелем ручными гранатами, понесла большие потери; оставшиеся в живых, прислонившись к наружному откосу, ожидали до 6 часов вечера подхода второй штурмовой колонны, когда совместными силами снова старались проникнуть внутрь укрепления, но ввиду страшного огня с соседних батарей и нечеловеческого сопротивления неприятеля не могли достичь своей цели. В то же время шедшие на Sung-shu-shan и Erh-lung-shan части продолжали работы по рытью подкопов и подготовки взрывов контрэскарпов, а шедшие против укрепления Восточного Chi-kuan-shan с помощью подрывных патронов подвели работы к откосу бруствера. Все это привело начальника дивизии к решению попытаться овладеть укреплением, взорвав бруствер и заставить чуть отступить его защитников.

1. Гора Нирейсан (Высокая гора) (Erh-lung-shan) находится в 2700–2800 метрах на W от I-tzu-shan и приблизительно в 3500 метрах на NO от центра Нового города. Одиноко стоящая гора высотой в 203 метра. Ее вершина разделяется отлогой седловиной на два пика — северо-восточный и юго-западный, находящиеся друг от друга в ста с лишком метрах. Эта гора несколько выдается вперед из линии крепостных укреплений и, будучи самым возвышенным пунктом в NW части Порт-Артура, командует всем Новым городом, Западным бассейном и частью Восточного бассейна и потому является наиболее важной тактической позицией для обороны. Однако даже после начала военных действий неприятель все еще по-видимому не придавал ей такого важного значения, едва лишь только устроив на ней временные сооружения.

2. Укрепление Sung-shu-shan (укрепление № 3) — крайнее западное на главной оборонительной линии к востоку от реки Sung-ho долговременного типа, на верхнем скате середины горы. С востока к

нему примыкало укрепление Erh-lung-shan (форт № 3), а с запада по другую сторону реки Sung-ho тянулись укрепления I-tzu-shan, An-tzu-shan и проч. Наружный вид этого укрепления соответствовал изгибам местности и сверху имел форму удлиняющихся террас. Главный фасад был обращен на NW. Толщина бруствера по фронту достигала 20 метров, а с боков и в горже была 6 метров. Внешний ров вырыт в скале так, что контрэскарп и эскарп были вертикальны. Глубина рва от 6 до 9 метров, а ширина от 7 до 14 метров. На контрэскарпе были построены бетонные казематы (тамбуры), защищающие с фронта и с флангов наружный ров. В горже форта под парапетом также были построены бетонные прикрития, сообщающиеся посредством подземных коридоров с фланговыми казематами внешнего рва. Линия огня, включая фронт и оба фланга, достигала 70 метров. Вооружение его хотя по временам изменялось, но в главных чертах было следующее:

Два	— 15-см орудий Канэ (по фронту, со щитами)
Одно	— 15-мм морское орудие
Пять	— 87-см полевых Круппа
Одна	— 75-мм скорострельная полевая пушка
Два	— 75-мм старых орудия
Две	— 64-мм морские пушки
Шесть	— 47-мм и 37-мм орудий
Два пулемета «максим»	

3. Укрепление Erh-lung-shan (форт № 3) — долговременного типа, находясь между укреплениями Sung-shu-shan и Pan-lung-shan, было, несомненно, самым сильным в главной линии к Ost от реки Sung-ho и вместе с тем, командуя городом и внутренней гаванью, являлось весьма важной позицией. Его фронт был направлен на NW на лежащие близ Huo-tan-ling высоты. Форма его редутообразная, с постепенно увеличивающимися продольными террасами. Толщина парапета по фасаду достигала 10 метров, а с флангов и в горже до 6 метров. Глубина наружного рва 10 метров, ширина дна 8 метров. Его эскарп и контрэскарп, искусно вырытые в скале, почти отвесны. Длина линии огня по фронту около 60 метров, а по флангам около 70 метров. На среднем фасе имелись 4 платформы для тяжелых орудий, а под контрэскарпами наружного рва и под эскарпами были бетонные казематы. Вооружение состояло из следующих орудий:

Пять	— 15-см орудий Канэ
Двадцать одна	— 87-мм полевая пушка
Две	— 75-мм полевые пушки
Одно	— 64-мм морское орудие
Пять	— 57-мм скорострельных пушек
Две	— 47-мм
Шестнадцать	— 37-мм
Четыре пулемета «максим»	

4. Укрепление Восточного Chi-kuan-shan (форт № 2) несомненно было самым солидным в оборонительной линии из числа укреплений долговременного типа. Крепкий бруствер толщиной в 12 метров был выстроен из крепкого известняка. Внешний ров глубиной в 5–6 метров, шириной вверху в 10 метров. Его контрэскарп, имея бетонные казематы, спускался отвесно и был обложен камнем. Контрэскарп фронта имел углообразную форму и с обеих сторон имел по каземату. Линия огня фронта была направлена на SW высоты Sung-tou. Профиль — пятиугольный редут. Длина линии огня по фронту и обоим флангам 180 метров. Длина горловой части почти 60 метров. Артиллерия его хотя и менялась по временам, но в общем была следующая:

Шесть	— 87-мм полевых пушек Круппа
Два	— 75-мм
Два	— 57-мм скорострельных орудия
Два	— 47-мм
Два	— 37-мм
Три	— 37-мм пулемета
Два пулемета «максим»	

5. Батарея Восточного Chi-kuan-shan (Кейкасан) была вооружена орудиями Канэ, имела бетонный бруствер и временно построенные пехотные окопы. Хотя перед сдачей крепости неприятель сам взорвал эту батарею и, таким образом, нельзя было узнать подробности, но, по-видимому, на ней стояло четыре 15-сантиметровых орудия Канэ и сорок пять 8,7-сантиметровых полевых пушек. Чтобы заполнить промежутки между вышеуказанными долговременными укреплениями были построены укрепления — Р, Хаккан-сан (Po-chuan-

shan.), укрепления Q и Кобу-яма (Риусан) (Liu-shan) и, хотя они были временного типа, но благодаря поддержки окружающих соседних укреплений, атака на них была затруднительна, и они не уступали долговременным укреплениям.

II. В записках генерал-майора Костенко описывается следующее:

«Поздно вечером 7 сентября, после продолжительной адской канонады, была брошена стрелками также Длинная гора с ее тремя орудиями. Рассказывают, что она была оставлена при таких обстоятельствах: когда стрелки сидели в окопах и стреляли по штурмующим колоннам, то около 40 японцев, подкравшись незаметно к стрелкам, крикнули на русском языке: "Японцы идут! Спасайтесь!" Стрелки, как сумасшедшие, бросились из окопов и убежали; только комендант горы и его вестовой остались верными своему долгу — не ушли с горы, на которой и были убиты. Генерал же С... передавал мне, что стрелки сами по себе оставили гору, будучи осыпавемы шрапнелью.

Заняв Длинную, японцы 8 сентября буквально окружили и соседнюю с ней Высокую гору, на которой даже заняли часть окопов, подбравшись почти к середине высоты ее. Положение становилось опасным, так как эта гора была командующей над остальными и с вершины ее как на ладони были видны Новый город и бухта.

К счастью, гора эта была отбита 9 сентября и окончательно в ночь на 10-е. Дело было так: утром 9 сентября генерал Смирнов, несмотря на массированный огонь по форту № 4, отправился на последний с целью осмотреть и приспособить его к наилучшему обстрелу Высокой, которая на три четверти была уже в руках японцев и только на вершине ее оставался наш маленький гарнизон. Около часу дня начальник охотничьей команды поручик 28-го полка Ерофеев увидел с занимаемой им высоты, что японцы, около 3-х батальонов, незаметно сосредоточиваются в ложине, как видно, для решительного штурма Высокой, о чем и донес генералу Смирнову. Последний приказал начальнику участка полковнику Ирману немедленно вызвать взвод полевой артиллерии и обстрелять ложину. Около четырех часов выехал со взводом поручик Ясенский и открыл шрапнелью такой губительный огонь, что японцы в испуге бросились врассыпную и убежали на отроги гор, с которых стали видимой целью для крепостной артиллерии, немедленно открывшей по ним также огонь. Благодаря такой неожиданной случайности, батальоны эти почти были уничтожены в самый короткий срок. После этого Ясенский перенес свой

огонь на нижние окопы Высокой, занятые японцами, которые принуждены были оставить их; изгнание же из средних окопов произошло ночью.

В этих окопах японцы устроились очень надежно, переместив в них несколько пулеметов и орудие. Они так близко находились от окопов наших стрелков, что последние переговаривались даже с ними, шутили, перебрасывались камнями, бранились и мирились. Рассказывают, что один из наших офицеров, налив в серебряный стакан водки и постучав им о камень, крикнул: "Японцы! Мы, русские, пьем за вашу лихую храбрость и отвагу!" На это снизу послышался ответ на русском же языке: "Да и мы выпили бы за ваше мужество и храбрость, да водки нет!" Ответ этот так понравился нашим солдатам, что офицер хотел скатить им бутылку водки, завернув ее в платок, но ввиду возможных обвинений в недозволенных переговорах с неприятелем отказался от этой мысли. Однако, несмотря на такое милое соседство, близость японцев была очень опасна, так как с падением Высокой грозила опасность прорыва в крепость, почему все усилия были направлены к тому, чтобы выгнать оттуда японцев. Часть этой работы, и самая важная, благодаря распорядительности только генерала Смирнова, как я описал выше, была исполнена днем, остальное dokonчено ночью и произошло так. При атаке ими зеленых гор, Юпилазы и Куинсана, японцы с успехом применяли ручные пироксилиновые шашки, которые бросали в лицо нашим стрелкам при столкновении в штыки; разрываясь, шашки производили потрясающее действие на стрелков, так как сжигали на них одежду, жарили тело и рвали его на куски. Ко времени изгнания японцев с Высокой лейтенант Подгурский заготовил пироксилиновые мины весом в 18 футов, которые и были впервые применены на этой горе. В ночь на 10 сентября, около 12 часов, наши стрелки, в том числе и лейтенант Подгурский, бывший в числе защитников Высокой, начали шутить с японцами и бросать в них камнями; те, в свою очередь, отвечали тем же. Наконец, с нашей стороны полетели камни уже большего веса, а потом лейтенант Подгурский скатил к ним свою мину, которая произвела поразительный эффект: взрыв ее был до того сильный, что моментально обрушился блиндаж на сидевших там японцев и засыпал их; образовавшееся же громадное пламя охватило соседних к блиндажу людей, шелковая одежда на которых моментально вспыхнула, и они, как безумные, начали бросаться в стороны, давить друг друга и сообщать

от себя огонь остальным; некоторые бросились вниз под гору, но, забыв о существовании там проволочных сетей, путались в них, падали друг на друга и образовали горящие костры из тел; в это же время стрелки открыли по ним самый адский губительный огонь, поддержанный подошедшим резервом. Поддержать атакованных спешили японские полки, которые, будучи встречены таким же губительным огнем, пироксилиновыми шашками и минами, шли, бежали, лезли и карабкались по скалам, тут же падали, горели, другие двигались по горе как горящие факелы; словом, получилась картина, которую трудно нарисовать даже в воображении: свист пуль и пулеметов, крики и стоны раненых, но еще более раздирающие душу вопли живых горящих факелов, которые металась по горе в различных направлениях, но все-таки добираясь до вершины ее, где и находили смерть, — представляла ночью, при освещении горы ракетами, настоящий ад. К четырем часам все окопы были очищены, а уцелевшая горсть японцев отступила к Голубиной бухте. Потери их доходили до 3–4 тысяч, истребленных почти в три часа; трупы их буквально лежали холмами на скалах Высокой и у ее подошвы».

III. В тех же записках генерал-майора Костенко говорится следующее:

«В ночь на 14 октября японцы предприняли наступление на форт № 3 и укрепление № 3, но с успехом были отбиты. Канонада началась около часу ночи и разразилась до того страшным грохотом и ревом, что я, несмотря на мой крепкий сон, неожиданно проснулся и с тревогой начал одеваться, предположив, что японцы прорвались в Артур.

Разозленные ночной неудачей, японцы со злобой начали бомбардировать город и порт 15 октября также залпами, произведя пожар в порту: горели мастерские. Пожар был грандиозный и продолжался почти всю ночь; но бомбардировка не прекращалась, и я проснулся под выстрелами. До чего японцы идеально прицеливались, видно из следующих примеров: в Восточном бассейне стояла канонерская лодка "Забияка", на которой помещался штаб начальника миноносков; перекидной стрельбой через горы "Забияка" на 3-м выстреле пошла ко дну.

Транспорт "Ангара", стоявший в Западном бассейне, был обращен в лазарет, и в нем помещалось около 200 раненых; чтобы предохранить их от снарядов, всех перевели в трюм. На втором выстреле 11-дюймовый снаряд попал в "Ангару" и пробил дно, почему она на-

чала тонуть; при этом получилась удручающая и поучительная картина спасения раненых; между ними некоторые были безрукие, другие безногие, так как прислуги оказалось недостаточно, то, чтобы вынести поскорее всех, а спешить было необходимо, кто в силах был двигаться, сам полз на палубу, безногие же обвивали шею безруким и последние выносили их на своих плечах, несмотря на испытываемые страдания от незаживших еще ран: тут-то вполне сказалась любовь человека к человеку. Все обошлось благополучно, все спаслись, а "Ангара" вскоре затонула кормой, пристав к берегу. В том же бассейне погиб и пароход минной роты "Новик", к которому пристрелялись также почти с третьего выстрела.

Наступавшие дни, однако, не предвещали ничего хорошего, так как, по сведениям китайцев и пленных японцев, к 21 октября, дню рождения Микадо, предписано во что бы то ни стало взять Артур. Это известие приобрело характер действительности, так как 16 октября была открыта адская бомбардировка по городу, которая продолжалась целый день и ночь на 17 октября, а с 10 часов этого дня она приобрела характер канонады не столько по городу, сколько по всему фронту наших позиций, в особенности же по фортам № 2, № 3 и укреплению № 3; все указывало на близкий штурм, который и наступил около 3 часов дня, чуть не в первый раз днем.

Японцы повели его так стремительно, что указанные форты и укрепление к 4 часам оказались уже в их руках; перед этим орудийный огонь был до того губительный, что на фортах все окопы и постройки были срезаны и сравнены с землей. Лишившись прикрытия, наши стрелки засели в ямы, вырытые снарядами, откуда и производили ружейную стрельбу по наступающим, но с каждой минутой слабели и уступали пядь за пядью; увидев же водруженным японский флаг на форту, они, как по мановению, бросились в штыки и опрокинули японцев с крутостей фортов. Рассказывают, что это был один момент, пронесшийся ураганом, и в воздухе замелькали руки и ноги опрокидываемых японцев; одному приходилось драться против десяти; одним ударом штыка пронизывалось по 2–3 человека, которые и скатывались вниз, образуя холмы человеческих тел. Этот удар был просто-таки невероятный и невиданный по своей силе, далеко превзошедший собой августовские и сентябрьские удары.

Спустя четверть часа форты были в наших руках, окруженные горами тел. Потери наши превышали тысячу человек; от морской роты

в 200 человек осталось три. Но потери японцев далеко превышали наши; от четырех японских рот, атаковавших форт № 2, не осталось ни одного человека; из остальных же рот уцелели немногие и бежали; резервы их, двигавшиеся на помощь, но опоздавшие, были встречены таким страшным губительным огнем, что разбежались раньше прибытия помощи.

Однако смелый и решительный натиск японцев многих заставил призадуматься серьезно, так как успех наш обуславливался только опозданием прибытия их резерва.

Как и всегда, после таких неудачных штурмов японцы, озлившись, с утра 18 октября открыли адскую бомбардировку города залпами и вновь зажгли участок его по соседству с только что прекратившимся пожаром; разгорясь, огонь захватил громадную площадь города, и вновь понесся к небу гигантский столб черного дыма, прорезываемый снизу языками пламени, а к вечеру осветил полнебосклона заревом, продолжаясь всю ночь.

В тот же день генерал Стессель отдал такой приказ за № 776: "По сведениям, мною полученным, армия генерала Куропаткина движется с успехами, причем один японский генерал взят в плен; а здесь 13 или 14 сего месяца тоже один старший японский генерал лишил себя жизни. Взятый в плен японский солдат при опросе почти не отвечал, но все-таки показал, (?) что «они потому торопятся, чтобы взять форты к 21 числу, ко дню рождения Микадо»; нам же известно, что 21 числа сего месяца день Восшествия на престол Нашего Великого Царя. Я вас знаю и не сомневаюсь, чья возьмет; осталось два дня".

Напряженное состояние еще более усилилось. Эти "два дня" представлялись чем-то страшным, роковым в нашей страдальческой жизни. День 19 октября прошел в усиленной бомбардировке города и порта; казалось, снаряды летали еще с большим свистом и злостью, ломая и ниспровергая все на своем пути; один из них попал в пожарище и разорвался, подняв сажень на 30 вверх куски обгоревшего дерева и камней.

Наступило 20 число; все ожидали еще более жестокой бомбардировки, но несчастье пришло к нам с другой стороны. По соседству с моей квартирой было здание минной роты, в мастерской которой приготавливались взрывчатые вещества и находилась масса мин, динамита и пероксилина. Около 10 часов утра раздался страшный ог-

лушительный взрыв, от которого с треском разлетелись стекла в моей и в соседних квартирах и задрожали каменные здания. Предположив взрыв какого-либо из наших фортов, я моментально выскочил из квартиры, но, увидев здание минной роты в пламени, сейчас же догадался о несчастье.

Вскоре после этого раздался второй, еще более страшный взрыв, а потом последовали третий и четвертый. Оказалось, что благодаря неосторожности произошел первоначально разрыв мины, а затем последовательно взрывался динамит и пироксилин; погибло около 30 человек. К счастью, японцы молчали и, видимо, любовались этой интересной картиной взрывов. Вечером того же дня они более сдержанно бомбардировали старый и новый город, что дало повод предполагать подготовку штурма или бомбардировку города 21 числа, в день Восшествия на Престол Государя Императора.

Ночь на 21 число и утро прошли спокойно, что немало удивило каждого из нас; но около 10–11 часов дня по соседству с моей квартирой у подошвы Перепелки раздался страшный оглушительный взрыв, от которого каменное здание, в котором я жил, буквально зашаталось; взрыв этот произошел от залпов брошенных японцами и разорвавшихся снарядов большого калибра; несмотря на то, что квартира моя находилась от места разрыва не ближе 300 саженей, осколки полетели на крышу здания и во двор. Все снаряды попали в частные склады, где хранилось около 1500 литров оливкового масла, и немедленно же вспыхнул грандиознейший пожар, еще небывалый до этого времени; пламя поднималось к небу на высоту не менее 15–20 саженей, прорезывая громадный густой столб черного дыма, начинавшего расстилаться по всему городу и вскорости окутавшего густой мглой весь город. Жутко было глядеть на этот пожар, предоставленный самому себе, при невозмутимой тишине в городе; нигде ни одной души на этой улице, и только изредка в боковых видны были пробежавшие китайцы или солдаты, спешившие на позицию. Произведя пожар, японцы начали обстреливать город и порт, разбрасывая снаряды в беспорядке по различным частям города. Продолжалась бомбардировка не менее 2 часов; пожар с одинаковой силой пожирал имущество до вечера, но дымился еще и 22 октября.

Таким салютом японцы приветствовали день рождения Микадо и день Восшествия на Престол Нашего Государя».

Статья 2. Действия морского отряда тяжелой артиллерии

Так как после 1-го штурма неприятель установил полевую батарею на высотах за Fang-lung-shan, чтобы препятствовать нашим работам по укреплению занятых позиций, то 25 августа была начата по ней стрельба 8-м взводом и двумя 12-ст. орудиями 1-й батареи, которые вместе с тем обстреливали и Новый город, суда в Западном бассейне, Sung-shu-shan и Erh-lung-shan. Неприятель энергично отвечал, причем были убиты командир 1-го взвода лейтенант Такасаки и 3 нижних чина. 27 августа 3-й взвод обстреливал порт и мастерские, а прочие орудия по временам стреляли по Wang-tai, Sung-shu-shan и Erh-lung-shan, а батарея у Kuo-chia-koу обстреливала местность у Ma-chia-tun. 28-го числа 3-й взвод опять обстреливал город и вызвал большой пожар близ дока, черные клубы дыма далеко разносились ветром. В то же время ввиду полученного сведения, что неприятель, опасаясь нашего огня, прекратил днем работы на пороховом заводе, а производил таковые ночью, 3-й взвод обстреливал эту местность в течение ночи. 31 августа 8-й взвод (этим утром прибыла запасная пушка и, таким образом, в нем было 3 орудия), два орудия 1-й батареи и 3-й взвод обстреливали пороховой завод на SW стороне Kung-chia-tun и насчитали 16 попаданий; прочие орудия стреляли по укреплению на Sung-shu-shan, причем сильным огнем неприятеля в 8-м взводе было совершенно разбито одно 12-фунтовое орудие и убито и ранено 10 человек прислуги.

Ночью 1 сентября 3-й взвод обстреливал Старый город и порт. На другой день, 2-го числа, 1-я и 2-я батареи стреляли по укреплению на Sung-shu-shan с целью подбить его орудия, на что нам отвечали укрепления на Erh-lung-shan и Pai-yü-shan (Перепелиная гора), а также и неприятельские суда перекидным огнем. 3 сентября 3-й взвод обстреливал Старый город; когда же четыре 12-см орудия стали стрелять по Восточному бассейну и стоящим в нем судам и доку, то Sung-shu-shan и Erh-lung-shan открыли огонь по нашей 1-й батарее. У нас было убитых и раненых 8 человек.

Название батареи	Местонахождение	Орудия	Какого взвода	Начальник
А	Перед Hou-chia-tzu	Два 12-см (перекидная стрельба)	11-го взвода	Лейтенант Кудай
Б	К W от Huo-tan-ling	Шесть 12-фунт.	6-го и 7-го взводов	Лейтенант Сонода и Куроса
В	К O от Huo-tan-ling	Четыре 12-см	1-го и 10-го взводов	Лейтенант Хосоки и Кога
Г	Перед высотой в 211 метр	Два 12-фунт.	8-го взвода	Лейтенант Тогава
Д	На высотах к N от Tung-pe-kou	Два 12-см	3-го взвода	Лейтенант Нагано
Батарея	Kuo-chia-kou	Четыре 12-фунт.	4-го взвода	Лейтенант Канадзаки
Батарея Nien-pau-kou	Nien-p'an-kou	Два 12-см	2-го взвода	Лейтенант Абурадани

С прибытием 4 сентября в Chang-ling-tzu назначенных еще ранее адмиралом Того для усиления отряда четырех 12-см орудий под командой лейтенанта Кудай (при 4-х офицерах и кондукторах и 110 нижних чинов), капитан 2 ранга Курои сформировал из них 10-й и 11-й взвод, включил их в 1-ю батарею и распределил их, как показано в помещенной выше таблице.

Кроме этих семи батарей, находившихся в непосредственном ведении капитана 2 ранга Курои, два 12-фунтовых орудия 9-го взвода были под командой командира 1-го артиллерийского пехотного полка, а два других орудия этого взвода оставались в запасе в Chi-chia-tun; затем 5-й взвод (три 12-фунтовых орудия, командир-лейтенант Янагивара) должен был стать на высотах к северу от Tung-pe-kou и с двумя запасными 12-фунтовыми пушками 6 сентября прибыл в Sui-chia-tun, где и поступил в ведение начальника 1-й дивизии.

7 сентября батареи стреляли по Erh-lung-shan, Sung-shu-shan и батарее литеры Н. Затем ввиду того, что вновь ожидалось при-

бытие двух 15-см орудий, то для них было выбрано место на высотах в 600 метрах на W от Huo-tan-ling, где и было приступлено к земляным работам; 16 сентября работы по их установке были совершенно закончены. Она была названа 15-см батареей и составила 12-й взвод (командир лейтенант Такемицу, 1 кондуктор и 40 нижних чинов), причисленный к 1-й батарее

16 сентября капитан 2 ранга Курои отдал приказ с назначением районов стрельбы для каждой батареи, а именно: батарее А приказал стрелять по западному укреплению Та-уанг-коу, а прочим отвлекать внимание неприятельских батарей, стреляющих по нашим. Бомбардировка была начата на другой день 7-го в 4 часа 07 минут дня. Некоторое время на наш огонь отвечали батареи на I-tzu-shan, Sung-shu-shan и Pai-yü-shan, причем в особенности их огонь был сосредоточен на наших батареях А и Г, где был тяжело ранен мичман Накамура и 5 нижних чинов и, кроме того, было немало повреждено орудийных принадлежностей.

3-я армия, начав штурм с 1 сентября и завладев высотами к северу от Sung-уен и к югу от Shui-shih-ying, решила овладеть позициями наиболее важной для расстрела неприятельской эскадры Высокой горы, и потому капитан 2 ранга Курои 18 сентября сделал следующее распределение целей для стрельбы:

Стрельба 1-го периода (с момента открытия огня морским отрядом и до начала общей бомбардировки):

Батарея на Nien-p'an-kou (два 12-см орудия) — весь пояс укрепления в тылу к востоку от Sung-shu-shan;

15-см батарея — то же;

Батарея А (два 12-см перекидная стрельба) — укрепления на I-tzu-shan и An-tzu-shan;

Батарея Б и Г (восемь 12-фунтовых орудий) — соответственно ходу боя;

$\frac{1}{2}$ батареи В (два 12-см орудия) — батареи на Pai-yü-shan (Перепелиная гора);

$\frac{1}{2}$ батареи В (два 12-см орудия) — батареи к северу от Западного Та-уанг-коу;

Батарея Д (два 12-см орудия) — весь пояс впереди Wang-tai и высоту в 192 метра.

Стрельба 2-го периода (после начала общей бомбардировки):

Батарея на Nien-p'an-kou — укрепления к SW от Shui-shih-ying, и форт на Sung-shu-shan и 4 батареи того же имени;

1/2 батареи Б (3 орудия) — то же;

1/2 батареи Б (3 орудия) — укрепления на I-tzu-shan и An-tzu-shan;

Батарея А (2 орудия) — то же;

1/2 батареи В (2 орудия) — укрепления западного Ta-yang-kou;

1/2 батареи В (2 орудия) — батареи на Pai-yuing-shan (Перепелиная гора);

Батарея Г (2 орудия) — укрепления на Erh-lung-shan;

Батарея Д (2 орудия) — укрепления к N от Sung-yen.

19 сентября в 8 часов 30 минут утра капитан 2 ранга Курои приказал открыть огонь батарею Nien-p'an-kou, а затем приказал 15-см батарее обстрелять укрепление Sung-shu-shan, на что неприятельские батареи также начали отвечать одна за другой. В особенности сильный огонь был развит с укрепления Sung-shu-shan, и потому было приказано батареям В и части батареи Д обстреливать этот форт и по возможности заставить его замолчать. Еще перед этим, когда неприятель, видя тяжелое положение боя у Sung-shu-shan, стал стрелять частью мортир большого калибра по нашей батарее В, а другой частью по батарее Д, то капитан 2 ранга Курои приказал батареям Г и на Nien-p'an-shan стрелять по ним и заставить их замолчать; достигнув этого, наши батареи прекратили огонь.

В 1 час дня морской отряд с началом общей бомбардировки перешел на стрельбу 2-го периода: батарея Д обстреливала северное укрепление Lung-yen, а батарея на Nien-p'an-shan — укрепления к югу от Shui-shih-ying; ввиду близости расстояния снаряды ложились верно, и вскоре были разбиты все прикрытия неприятеля. В то же время батарея В, обстреливая укрепления западного Ta-yang-kou, оказывала поддержку в атаке правому флангу 1-й дивизии. Затем ввиду того, что укрепления Erh-lung-shan и Sung-shu-shan опять открыли огонь, то в 1 час 55 минут дня три орудия батареи Б начали стрелять по Erh-lung-shan, а 15-см батарея и два орудия батареи В по укреплению Sung-shu-shan. В 3 часа 26 минут дня форты на I-tzu-shan

и An-tzu-shan начали жестокую канонаду по нашей батарее Nien-p'an-kou, тому же подверглась и батарея А. Вслед за тем батарея Г перенесла огонь на Erh-lung-shan, а батарея Б на малый An-tzu-shan. Когда было получено уведомление от начальника артиллерии, что в 5 часов 1-я и 9-я дивизии пойдут на штурм и потому следует ускорить и усилить огонь, то каждая батарея перешла на частый огонь, и пехота, пользуясь этим, бросилась в смелую атаку на укрепления северного Sung-yeu и южного Shiu-shih-ying; однако неприятель также храбро оборонялся и штурм не удался. Поэтому в 9 часов 20 минут вечера батарея А снова открыла огонь по I-tzu-shan и An-tzu-shan, а батарея В и 15-см по Sung-shu-shan, содействуя ночной атаке армии. В этот день стрельба всех батарей была особенно ожесточенная; в особенности батарея Nien-p'an-kou, будучи в состоянии обстреливать тыл батарей близ Wang-tai с фланга, нанесла им сильные повреждения; она же вела самую жестокую стрельбу против укреплений к югу от Shui-shih-ying, но ввиду близости своей к неприятелю подвергалась сосредоточению его огня, так что в районе, занимаемом этой батареей, в 30–50 метров насчитали 170 попаданий неприятельских снарядов; на ней было убито 5 и ранено 5 нижних чинов.

20 сентября в 6 часов 28 минут утра было получено приказание от начальника артиллерии обстреливать укрепление западного Ta-yang-kou, которое стреляло по нашей 1-й дивизии; по нему открыли огонь два орудия батареи В; в это время Sung-shu-shan и An-tzu-shan снова открыли огонь, и по ним начала стрелять батарея А, а позже, когда наши завладели укреплением Sung-shu-shan, она перенесла огонь на укрепление к северу от Sung-yeu и стреляла до тех пор, пока оно не замолчало; в это время 15-см батарея стала стрелять по Sung-shu-shan, а батарея Д по штаб-квартире неприятеля в тылу Wang-tai. Однако ввиду того, что укрепление Sung-shu-shan вновь открыло огонь по нашему укреплению к северу от Lung-yeu, на него немедленно стала отвечать батарея Д, затем батарея Б, помогая батарее А, отвечала на сильный огонь с An-tzu-shan. С этого момента батареи меняли цель по мере надобности.

Когда в 3 часа 50 минут было получено приказание от начальника артиллерии «начать ввиду атаки средней колонны 1-й

дивизии на Hai-lieh-shan обстреливать эту местность для отвлечения неприятеля», батарея В, начала стрелять по Tai-yang-kou, I-tzu-shan и An-tzu-shan, а батарея Б по I-tzu-shan и Малому An-tzu-shan, отвлекая на себя неприятеля. Когда наши войска завладели Hai-lieh-shan и неприятель стал вдруг стрелять в фланг по штурмовой колонне, то батареи снова открыли по нему частый огонь с прибавлением батареи А. Кроме того, батареи Д, Г, и 15-см обстреливали препятствовавшие нашей стрельбе укрепления на Erh-lung-shan и Sung-shu-shan. В этот день батарея на Nien-p'an-kou сначала обстреливала укрепления к югу от Shui-shih-ying, а когда наши войска овладели первым из них, перенесла огонь на следующие; затем, так как форт Sung-shu-shan сосредоточил сильный огонь на занятом нами укреплении, то начала стрелять по нему, а позже обстреливала местность у Yüan-pao-feng. Одновременно часть батареи А и батарея В, по приказанию начальника артиллерии, с 7 часов вечера обстреливала I-tzu-shan, An-tzu-shan и западный Та-yang-kou; в 8 часов 5 минут эти батареи снова открыли огонь, и батарея А на него отвечала.

Около 2 часов ночи 21 сентября, когда укрепление на западном Та-yang-kou открыло огонь, ей отвечала батарея В. Затем в 6 часов 55 минут по нему продолжали стрелять два орудия названной батареи, а другие два — с батареей Д обстреливали Sung-shu-shan. Далее батарея А стреляла по I-tzu-shan, а три орудия батареи Б по Erh-lung-shan. В 8 часов 10 минут утра батарея А переменила цель и стала стрелять перекидным огнем по городу, одно орудие батареи Д по Wang-tai и батарея Г по батарее литеры Н. 15-см и батареи Г и Д стреляли по местности близ дока и затем обстреливали разные батареи до захода солнца. Батарея Nien-p'an-kou этим утром обстреливала весь район позади Wang-tai, а после полудня обстреливала старый город, казармы, мастерские, склады и мельницу.

Хотя наша армия за предыдущие дни овладела укреплениями к северу от Sung-yeu группой укреплений к югу от Shui-shih-ying и Hai-lieh-shan, но на Erh-lung-shan (Нирейсан — Высокая гора) ввиду сильного сопротивления неприятеля 1-я дивизия все еще продолжала штурм.

22-го числа утром два орудия батареи Б подверглись обстрелу с западного Та-уанг-коц, немедленно стали отвечать и заставили неприятеля замолчать. Затем батареи по временам обменивались с неприятелем выстрелами.

Когда атака на Нирейсан не удалась, капитан 2 ранга Курои по приказанию начальника артиллерии приказал батарее А удерживать постоянный огонь по укреплению An-tzu-shan, а прочим быть в готовности и ожидать приказаний, но 23-го числа было приказано приостановить бой всем батареям и заняться исправлениями на позициях. Затем ввиду того, что с вновь занятого Hai-lieh-shan и с наблюдательного поста 15-см батареи можно было видеть часть неприятельских судов, капитан 2 ранга Курои по совещанию с состоявшим при 3-й армии капитаном 2 ранга Ивамуре решил устроить наблюдательный пост на Hai-lieh-shan и начать стрельбу по неприятельским судам. Поэтому 28 сентября с 10 часов утра два 15-см и шесть 12-см орудий батареи В и два орудия батареи Д начали стрельбу по стоявшим у Тигрового хвоста судам «Пересвет», «Победа» и «Севастополь».

Батарея Д первой выпустила снаряд через Перепелиную гору, а за ней последовательно по одному выстрелу сделали батареи Д, Г и 15-см. Снаряды, в общем, ложились хорошо, и за время стрельбы было немало снарядов, попавших в трубы и борта «Победы». 29 сентября опять продолжали стрельбу и имели несколько попаданий. Вечером было получено приказание от начальника артиллерии, что ввиду предполагаемой атаки 9-й дивизии этой ночью на окопы неприятеля у северной подошвы Egh-lung-shan морскому отряду следует обстреливать укрепление Sung-shu-shan, чтобы отвлекать его внимание. С 8 часов 55 минут вечера два орудия батареи Г и батарея Д начали стрельбу по назначенной цели, а остальные орудия батареи Г обстреливали Старый город.

30-го числа с 9 часов 30 минут утра батарея Г обстреливала стоявшие в Западном бассейне землесосы, которые, разведя пары, быстро шли в Восточный бассейн. Затем с 1 часа дня начали стрельбу по неприятельским судам из 15-см и 12-см орудий. Снаряды ложились все лучше и лучше, и стрельба давала хоро-

шие результаты. Насчитали 6 попаданий в «Пересвет» и 5 в «Победу»; каждое, по-видимому, нанесло большие повреждения. С наступлением ночи снова стреляли по судам.

1 октября батарея Г стреляла по бывшим в Западном бассейне землесосам и военным судам, а батарея Д и 15-см — по судам. Так как броненосец «Победа» ночью переменил место стоянки и на прежнем месте оставался только «Пересвет», то обстреливали только его, причем насчитали 9 попаданий.

Батарея Niép-p'an-kou стреляла, как было ей назначено, а затем обстреливала порт и мастерские. В 6 часов 30 минут вечера все батареи прекратили огонь. 20 октября стрельба по «Пересвету» была особенно действенна: насчитали 16 попаданий и наблюдали на нем несколько пожаров.

С тех пор, когда наша армия начала стрельбу по неприятельским судам, неприятель также энергично отвечал на огонь, но несмотря на то, что крупные снаряды часто падали вблизи нас — повреждения бывали редко. В этот же день был тяжело ранен и умер состоявший при 15-см батарее мичман Сузуда и было ранено и убито 5 нижних чинов.

Установка прибывших еще ранее для усиления 3-й армии шести 28-см мортир была закончена и они в тот же день начали стрельбу по неприятельским судам, причем было замечено несколько попаданий.

Так как бывший нашей мишенью флагманский корабль «Пересвет», наконец, 2 октября ночью, перешел в Восточный бассейн, то с наблюдательного поста 15-см батареи не стало видно ни одного судна и 3 октября некоторое время стреляли по судам, пользуясь наблюдательным постом на Hai-lieh-shan.

На другой день, 4 октября, батарея Д и 15-см батарея обстреливали площадь Внутренней гавани, выпуская по 10 снарядов за раз, причем было несколько попаданий в «Полтаву», «Пересвет» и «Победу». 5 октября батареи Г и Д с полудня стреляли по порту и площади Внутреннего рейда. Будучи обстреливаема сильным огнем с Pai-yü-shan (Перепелиной горы) и Sung-shu-shan батарея Г вступила с последними в перестрелку и заставила его замолчать, а затем перенесла огонь на суда; вскоре по ним начали стрельбу и 28-см мортиры, почему огонь батареи Г временно прекратили, а когда мортирная стрельба кончилась, то ее

начала снова 15-см батарея. Так как 9-я дивизия прошлой ночью внезапной атакой завладела и взорвала 47-мм батарею на высотах к востоку от солеварен, а неприятель этим утром предпринял вылазку для обратного завладения ею, то батарея Куо-chia-kou немедленно открыла огонь и заставила его отступить.

6 октября с 1 час дня батареи Г, Д и 15-см батарея начали стрелять перекидным огнем по предполагаемому месту стоянки судов, но т. к. в то же время начали стрельбу и 28-см мортиры, то в 2 часа 30 минут они перенесли огонь; батареи Г и Д стали стрелять по Восточному бассейну, а 15-см батарея по мастерским порта и имели несколько попаданий. Этим вечером, по приказанию начальника артиллерии, капитан 2 ранга Курои велел перенести два 12-фунтовых орудия батареи Куо-chia-kou на высоты к югу от Chang-chun-an, а два орудия с батареи А перенести на высоты на SW от Nien-p'an-kou с наименованием ее 2-й батареей Nien-p'an-kou, а бывшая там до того была названа батареей № 1.

Батареи А и В окончив земляные работы, 8 октября снова приступили к стрельбе по судам. Спустя немного времени было получено известие, что «Ретвизан» на буксире выходит из гавани, а прочие суда как будто также собираются выходить; поэтому все батареи обстреливали Внутреннюю гавань почти в течение получаса и выпустили более 160 снарядов; из них 18 попало в строения на Тигровом полуострове и вызвали большой пожар; было также несколько попаданий в «Пересвет» и «Победу». Вскоре дым взрывов и пожаров заволок море и падения снарядов не стало видно.

9-го числа, ввиду приказания начальника артиллерии поддерживать огнем 9-ю дивизию, которая в 3 часа дня предполагает произвести внезапную атаку на передовые окопы неприятеля под Erh-lung-shan, капитан 2 ранга Курои дал батареям инструкции и назначил им пункты стрельбы. С 1 час дня батареи В и Д начали обстреливать перекидным огнем порт и стоявшие в Восточном бассейне «Баян» и «Севастополь», по будущи сильно обстреливаемы с Sung-shu-shan, Erh-lung-shan и Золотой горы спустя полчаса прекратили огонь.

Когда в 3 часа началась атака 9-й дивизии, то батареи открыли огонь по назначенным им целям; неприятель отвечал и

бой разгорался, но получив в 3 часа 43 минут известие, что 9-я дивизия овладела окопами, прекратили огонь.

В этот же день 1-я батарея Nien-p'an-kou обстреливала батарею литера Н и тыл укреплений Sung-shu-shan и, содействуя наступлению 9-й дивизии, своим огнем рассеяла подкрепления неприятеля. Затем, когда около 8 часов вечера неприятель пошел в контратаку на занятые нами окопы под Erh-lung-shan — 15-см батарея и батарея В в помощь нашим войскам обстреливали форт Erh-lung-shan, и в 9 часов прекратили бой.

10 октября после полудня батареи — 15-см батарея, В и Д стреляли по неприятельским судам, на что отвечали батареи Перепелиной горы, Sung-shu-shan и Мортирная батарея в долине к востоку от Erh-lung-shan и хотя в батарею Д попал один снаряд и разрушил заднюю ее половину, но орудиям и людям повреждений не нанес.

Так как адмирал Того еще ранее отправил на усиление морского отряда два 15-см орудия, капитан 2 ранга Курои 11 октября произвел необходимые перемены в составе батарей, зачислив эти два орудия в 3-й взвод с наименованием его 2-й 15-см батареей. 7-й взвод был исключен из 2-й батареи и распределен в первой батарее, из его 12-фунтовых орудий одно перешло в 6-й взвод, два — в 4-й; кроме того, бывшие временно в 8-м взводе два 12-фунтовых орудия 4-го взвода были оставлены в нем окончательно.

В тот же день согласно приказанию начальника артиллерии «оказывать содействие левому флангу 1-й дивизии при ее внезапной атаке на насыпь железной дороги под Sung-shu-shan, батареи 15-см и батарея В с 7 часов вечера стреляли по фортам Sung-shu-shan, I-tzu-shan и An-tzu-shan. Батарея Fuo-chia-kou отогнала появившихся было в бухте Тахе около 2 часа 30 минут дня 8 неприятельских миноносцев. Так как на другой день 12 октября после полудня неприятель предпринял вылазку для отобрания занятой нами прошлой ночью железнодорожной насыпи, то батареи Nien-p'an-kou и Д обстреливали для отвлечения огня укрепления Erh-lung-shan и I-tzu-shan, затем батареи В и Д стреляли по неприятельским судам.

13 октября по неприятелю стреляло только одно орудие батареи В. 14-го числа батареи 15-см, В и Д с 9 часов 30 минут

утра начали обстреливать неприятельские суда, на что неприятель отвечал. Ввиду особенно сильного огня с Мортирной батареи к востоку от Erh-lung-shan против нее специально стреляли 4 орудия батареи Г.

15 октября, ввиду приказа начальника артиллерии поставить возвращаемые от 1-й дивизии пять 12-фунтовых орудий близ Yü-ta-shan, капитан 2 ранга Курои приказал установить их в указанной местности, чтобы они могли стрелять по Sung-shu-shan и Erh-lung-shan.

16 октября 9-я дивизия атаковала неприятельские траншеи у Po-chüan-shan и в середине горы Erh-lung-shan, предполагая пойти в атаку около 4 час; 1-я дивизия также должна была штурмовать окопы на середине горы Erh-lung-shan, почему батареи Г и Д с 3 часа дня начали стрелять по батарее примыкающей к зигзагообразной траншее форта Po-chüan-shan и Китайской стенке, на что часть орудий этой батареи отвечала. Батарея Г продолжала огонь по ней, но вскоре в виду атаки нашей пехоты, она перенесла огонь на Мортирную батарею и на окопы на вершине горы Po-chüan-shan. Тем временем укрепление Sung-shu-shan исключительно обстреливало батарею Д, почему против него начали стрелять также 15-см и батарея В.

За это время наши войска достигли своей цели, но в 9 часов вечера неприятель предпринял контратаку, поддержанную сильным огнем с соседних батарей, почему на него отвечала батарея Г, которая к 11 часов 50 минут ночи прекратила огонь.

22 октября была закончена установка 15-см орудий 2-й батареи и капитан 2 ранга Курои, желая вести из нее стрельбу по неприятельской эскадре, 24 октября в 1 час 30 минут дня приказал пяти батареям, а именно: 15-см батарее, Б, В, Г, и Д обстреливать военные суда, Pai-yü-shan (Перепелиная гора) и Sung-shu-shan, на что отвечали сильным огнем укрепления западного Ta-yang-kou, Sung-shu-shan и Erh-lung-shan и число падавших на наши позиции снарядов было очень значительно; в их числе близ батареи Д упало свыше 180, причем было убито и ранено 8 нижних чинов. На 15-см батарее также было 3 человека убитых.

25 октября батареи открыли огонь с 9 часов утра: первая 15-см батарея обстреливала Pai-yü-shan, вторая 15-см батарея —

Sung-shu-shan и Erh-lung-chan, а затем обе стреляли по какому то пароходу, стоявшему в Западном бассейне. 12-см орудия батареи В обстреливали Восточный бассейн и прижавшиеся под склоном Перепелиной горы неприятельские суда, а затем стреляли по Sung-shu-shan и бывшим в Западном бассейне землесосам. Батареи Б, В и Г обстреливали разные укрепления неприятеля. Каноада в этот день была очень сильна — в окрестности Нюо-tan-ling насчитали свыше 360 попавших снарядов; так, например, у 15-см батареи в течение одной минуты падало до 7 снарядов. В батарее В были убиты лейтенант Хосоки и убито и ранено 12 нижних чипов. После прекращения штурма Высокой горы подготовительные работы каждой дивизии значительно подвинулись вперед, пополнение личного состава и боевых запасов было почти закончено и потому было решено на 26-е октября начать второй штурм. Капитан 2 ранга Курои, согласно приказанию начальника осадной артиллерии, в тот же день дал распоряжение батареям относительно цели и порядка стрельбы для оказания помощи 1-й и 9-й дивизиям.

Каждая батарея с 11 часов утра 26-го октября и до 6 часов вечера стреляла, как указано ниже (см. табл.).

Неприятельские батареи отвечали на огонь и число выпущенных по морским батареям снарядов достигало 219. Этой ночью батарея Г, чтобы мешать работам неприятеля по исправлению фортов, обстреливала укрепления Erh-lung-shan и Sung-shu-shan. Батарея Куо-chia-коу обстреливая высоты к югу от солеварен, оказывая содействие левому крылу 11-й дивизии. 27-го октября первая и вторая 15-см батареи, Г, Д и 1-я и 2-я Nien-p'an-коу стреляли по неприятельским батареям или вели перекидную стрельбу по порту и мастерским, а батарея Г стреляла ночью, также как и накануне, с целью препятствовать работам. В 11 часов 50 минут ночи было получено приказание начальника артиллерии «обстреливать неприятеля для отвлечения его стрельбы от занятых нами окопов на Erh-lung-shan и Sung-shu-shan», почему батарея В немедленно открыла из двух орудий огонь по указанной цели; к 12 часам 35 минутам ночи неприятель замолчал, и батарея Г прекратила огонь. 28-го октября батареи продолжали стрельбу по названным выше целям и нанесли большие повреждения строениям, расположенным

Батарея	Местонахождение	Цели	
		До полудня	После полудня
1-я 15-см батарея	Нuo-tan-ling на западе от дороги на Порт-Артур	Укрепление Sung-shu-shan (укрепление № 3)	4-я батарея Sung-shu-shan, укрепление An-tzu-shan и Pai-yü-shan
2-я 15-см	Там же	Укрепления Erh-lung-shan и Pai-yü-shan	Укрепления Pai-yü-shan, Erh-lung-shan, высоты H, I-tzu-shan, An-tzu-shan
Батарея В	Нuo-tan-ling на Восточной дороге Порт-Артура	4-я батарея Sung-shu-shan	Укрепления Chia-tun и Sung-shu-shan и 4-я батарея Sung-shu-shan
Батарея Д	На высотах к северу от Tung-pe-kou	Укрепление Sung-shu-shan	То же, что и до полудня
Батарея Б	Нuo-tan-ling на западной дороге Порт-Артура	Весь пояс от 4-й батареи Sung-shu-shan	4-я батарея Sung-shu-shan и окопы на этой горе
Батарея Г	В седловине на восток от командного поста на высоте в 211 метр	Укрепление Erh-lung-shan	На полевой батарее с восточной стороны укрепления Sung-shu-shan
1-я батарея Nien-p'an-kou	На восточных высотах Nien-p'an-kou	По горже и с тылу укреплений Sung-shu-shan и Erh-lung-shan	То же, что и до полудня
2-я батарея Nien-p'an-kou	Там же, несколько впереди	Укрепления I-tzu-shan и An-tzu-shan	То же, что и до полудня

к югу от Kung-shia-tun, также было насчитано 18 попаданий в западное укрепление Та-уанг-кoу. Перекидная стрельба по Восточному бассейну также была действительна: был вызван большой пожар на северном берегу его, продолжавшийся 3 часа.

Рано утром 29 октября возник бой на фланге 1-й дивизии, так как неприятельские батареи открыли огонь, то батарея В отвечала на него по направлению I-chien-chün-tso-ying; прочие батареи также начали стрельбу и бой разгорелся. 2-я батарея Nien-

р'an-kou, будучи местом сосредоточения огня неприятеля, понесла потери 5 ранеными нижними чинами, но и наша стрельба была действительна — сосредоточенный огонь первой 15-см батареи по сгруппировавшимся в Западном бассейне землечерпалкам, потопил одну из них, а на двух других вызвал пожары. Вторая 15-см батарея нанесла немалые повреждения батарее западного Та-yang-kou; один снаряд, по-видимому, попал в пороховой погреб и произвел большой пожар. Также было разбитокрытие бруствера на западной стороне Erh-lung-shan, разрушена добрая половина верхней части восточного бруствера форта Sung-shu-shan. Два орудия батареи Б, дабы препятствовать неприятелю вести исправительные работы, всю ночь стреляли по укреплениям Sung-shu-shan и Erh-lung-shan. Батарея Г также стреляла по ним с тою же целью.

30 октября в 7 часов утра, когда батареи были готовы, была начата стрельба первого периода по ниже помещаемому расписанию, а с часу дня, с момента атаки пехоты, перешли на стрельбу второго периода, главным образом, сосредоточивая огонь на различных пунктах соответственно ходу боя.

Стрельба 1-го периода:

1-я и 2-я батареи Nien-p'an-kou — Укрепления Erh-lung-shan, Sung-shu-shan и тыл горы Erh-lung-shan;

3-я батарея Nien-p'an-kou — 4-я батарея Sung-shu-shan;

1-я и 2-я 15-см батареи — Форт Erh-lung-shan;

Батарея В — Укрепления Sung-shu-shan;

Батарея Б — Укрепления Sung-shu-shan и высоты позади него;

Батарея Д — Тыл г. Po-chüan-shan и местность близ Китайской стенки;

Батарея Г — то же.

Стрельба 2-го периода:

1-я и 2-я батареи Nien-p'an-kou — Тыл Wang-tai;

3-я батарея Nien-p'an-kou — 4-я батарея Sung-shu-shan;

1-я 15-см батарея — Батарея Pai-yü-shan;

2-я 15-см батарея — Батарея I-tzu-shan;

Батарея В — По I-chien-chün-tso-ying;

3 орудия батареи Б — Высоты за Sung-shu-shan

3 орудия батареи В — Южные высоты Po-chüan-shan

Батарея Д — то же;

Батарея Г — Высоты батареи Н.

31 октября батареи прекратили общую канонаду и так как с самого раннего утра не было надобности обстреливать передовые укрепления, то стреляли, главным образом, перекидным огнем по порту и мастерским и по предполагаемому месту стоянки эскадры. С 3 часа дня в Восточном бассейне близ входа возник сильный пожар и до захода солнца все еще валил дым. Около 8 часов было получено известие от начальника артиллерии, что и вторая атака была неудачна и вследствие этого стрельба прекращена.

Статья 5. Третий штурм и овладение Высокой горой

А. Третий штурм

3-я армия с конца октября предприняла второй штурм и хотя каждая дивизия в течение нескольких дней вела жестокий бой вплотную с неприятельскими укреплениями, но ввиду крепкой обороны и упорного сопротивления неприятеля, не могла достигнуть своей цели и, едва овладев лишь одним укреплением и горой Liu-shau (Кобу-яма), должна была приостановиться. Таким образом, нельзя было предвидеть, когда падет крепость В то же время Порт-Артурская эскадра, по-прежнему укрывшись в гавани, поддерживала свое существование; ремонт владивостокских судов, по-видимому, был закончен и эскадра, посылаемая на усиление, уже вышла из России и была на пути на Восток. Однако ввиду того, что наш Соединенный флот с начала войны почти не имел отдыха и корпуса и машины судов пришли в неподходящее для боевого плавания состояние, то для восстановления его боевой силы требовалось свыше двух месяцев на ремонт. Поэтому в Главной квартире желали как можно скорее приступить к ремонту судов Соединенного флота, дабы успеть приготовить их к военным операциям второго периода, что накладывало на 3-ю армию первую обязанность — уничтожить неприятельские суда. Главнокомандующий Мань-

чжурской армией и командующий флотом обменялись по этому поводу мнениями. 3-я армия была усилена подошедшей 7-й дивизией (начальник дивизии генерал-лейтенант Осемари), которая, начиная с 19 ноября, высаживалась в Дальнем. К этому времени работы каждой дивизии против назначенных им пунктов атаки значительно подвинулись вперед. Наши позиции против юго-западной и северо-восточной вершин горы Нирейсан (Высокой горы) пододвинулись близко ко второму ряду окопов неприятеля. У укрепления Sung-shu-shan наши войска владели с фронта боковыми казематами и все время подвигались вперед для овладения горловой частью форта с флангов. У форта Erh-lung-shan с фронта фланговые казематы были в наших руках и уже были готовы перекидные мосты для перехода внешнего рва и для входа на брустверы. Работы против укреплений Po-chüan-shan, западного и восточного Pan-lung-shan и от укрепления Ичинохэ до Китайской стенки тоже подвинулись вперед, так что мы находились от неприятеля на расстоянии 50–100 метров. В северном укреплении Восточного Chi-kuan-shan фланговые казематы с фронта всецело находились в наших руках, и неприятель с большим трудом едва мог лишь удерживать часть ограды правого фланга. У укрепления литера А нами были заняты позиции впереди на 100 метров от батареи Восточного Chi-kuan-shan, и мы находились от неприятельских окопов не далее как в 15 метрах. Таким образом, мы сильно подвинулись вперед, и как только была прислана на усиление 7-я дивизия, то генерал Ноги, собрав 21 ноября начальников штабов дивизий, начальника осадной артиллерии и командира бригады полевой артиллерии, дал им инструкции относительно общей атаки, а затем отдал приказ по армии. Было решено начать штурм 26 ноября. Перед началом боя была получена особая грамота от императора, что сильно подняло дух войск. Осадная артиллерия еще накануне открыла разрушительную стрельбу по укреплениям Sung-shu-shan и северному Восточного Chi-kuan-shan, а также стреляла против остальных укреплений и батарей, чтобы заставить их замолчать. 26 ноября с 11 часов утра бригада полевой артиллерии и артиллерия каждой дивизии одна за другой открыли огонь по указанным целям, чтобы подготовить штурм. В 1 час дня, когда прояви-

лись результаты нашей канонады, штурмовые колонны каждой дивизии сразу бросились в атаку.

Штурмовая колонна 1-й дивизии предприняла штурм против Sung-shu-shan; с 1 часу дня и хотя ей удалось одним духом перескочить внешний ров и взобраться на бруствер, но неприятель, внезапно появившись со всех сторон форта, осыпал ручными гранатами, и на помощь ему пришло соседнее укрепление, почему потери у нас были очень велики. Хотя командир колонны и послал вновь подкрепления, но под убийственным ружейным огнем неприятеля ни один человек не дошел живым до вершины бруствера. В 5 часов 30 минут дня командир штурмовой колонны по приказанию начальника дивизии снова предпринял штурм. Снова взобравшись на бруствер, колонны вступили в бой с неприятелем ручными гранатами и револьверами и, наконец, с трудом ворвались было внутрь форта; однако неприятель сейчас же произвел контратаку и ручными гранатами, жестоким огнем из пулеметов, к которому прибавился сосредоточенный огонь с соседних укреплений, заставил нас, потеряв более половины офицеров и нижних чинов, в 6 часов вечера бросить бруствер и отступить на прежние позиции. Хотя обе наши отчаянные атаки причинили нам только напрасные потери, начальник 1-й дивизии снова приказал штурмовать этою ночью 4-ю батарею Sung-shu-shan с помощью особого отряда. Командир штурмовой колонны, распределив в третий раз части, бросился на штурм в 8 часов 30 минут вечера, но сильный огонь неприятеля и взрывы фугасов, наносившие сильные потери, значительно затрудняли движение вперед. Ввиду того что и этот шедший против батареи особый отряд, не достигнув успеха, вернулся назад, командир штурмовой колонны отказался от намерения штурмовать и приступил к работам по укреплению пехотных позиций.

26 ноября 9-я дивизия перешла в наступление с часу дня. Правая штурмовая колонна, подойдя к откосу бруствера, отчаянно бросилась вперед, но под градом неприятельских снарядов не могла дорваться до внутренности форта; подкрепление также не достигло цели и потери все увеличивались; в 3 часа дня по приказанию командира правой штурмовой колонны всеми силами устремились против главной ограды форта и взоб-

рались на вершину бруствера. Когда неприятель увидел, что мы уже взобрались, то стал бросать бесчисленное количество ручных гранат и открыл жестокий ружейный огонь, вследствие чего наши снова понесли сильные потери: офицеры почти все были перебиты, в живых осталось только несколько человек. Командир штурмовой колонны, послав подкрепления, приказал продолжать штурм и этот отряд в 4 часа дня бросился в самую отчаянную атаку; часть его успела проникнуть во внутренность форта, но была сразу уничтожена бомбами и огнем из револьверов. Таким образом, сколько раз мы не повторяли атаку, успеха достигнуто не было, почему командир правой штурмовой колонны решил перенести атаку на новую батарею Pang-lung-shan. Шедшие против высоты Н и Wang-tai вместе с левой колонной части правой колонны несколько раз бросались в атаку, но, встречая препятствие в китайской стенке, несколько раз целиком были уничтожаемы и никакого успеха не имели. Поэтому, начальник 9-й дивизии приказал в 11 часов вечера произвести внезапную совместную атаку правой колонной от Rochüan-shan на новую батарею Pan-lung-shan, а левой от Западного и Восточного укреплений Pan-lung-shan на высоты Н. Оба отряда с прибавлением части 7-й дивизии в назначенный срок пошли в атаку, но, опять понеся большие потери, отступили.

11-я дивизия в 1 час дня сбила бруствер Северного форта Восточного Chi-kuan-shan, благодаря чему штурмовая колонна, взобравшись на вершину бруствера со стороны форта, завязала бой гранатами с находившимся внутри неприятелем, а часть ее бросилась внутрь форта и вступила в рукопашную, но почти целиком была уничтожена огнем неприятеля, подоспевший на помощь отряд подвергся той же участи. В то же время шедший с левой стороны на горловую часть форта отряд, потерпев большие потери и не имея шансов на успех, изменил направление и пошел на фасад форта, неся все время потери от неприятельских гранат. Начальник 11-й дивизии послал резервы и приказал снова идти в атаку. Командир штурмовой колонны в 3 часа дня, сам, взяв знамя, повел ее в атаку к внешнему рву. Однако снова без успеха. Штурмовая колонна, шедшая на Китайскую стенку в тылу укрепления Ичинохэ и на укрепление О, сойдясь вплотную с неприятелем и бросая бомбы, вела

ожесточенный бой, но встреченная пулеметным огнем с северного укрепления прекратила атаку. Шедший против укрепления Восточного Chi-kuan-shan штурмовой отряд захватил было передовые неприятельские окопы, но около 4 часа дня, будучи атакован превосходными силами неприятеля, поневоле отошел на прежние позиции.

Перед этой атакой генерал Ноги, чтобы ускорить падение крепости, решил назначить особый отряд для прорыва внутрь крепости и перерыва оборонительной линии неприятеля.

Для этой цели была сформирована особая штурмовая колонна под командой командира 2-й пехотной бригады генерал-майора Накамура. Генерал Накамура распределил отряд. Для отличия 3 тысячи человек офицеров и нижних чинов этой колонны повязали белые повязки. Когда в 6 часов вечера 26 ноября отряд крадучись выходил из Shui-shin-ying, повсюду огонь батарей понемногу ослабевал и в темноте вечера неприятельские прожектора спокойно освещали местность впереди нашего расположения.

В 8 часов 50 минут вечера авангард отряда достиг долины на запад от Sung-shu-shan и пользуясь тем, что луна еще не взошла, внезапно бросился на северо-западный угол 4-й батареи Sung-shu-shan.

Неприятель сейчас же открыл боевое освещение и начал стрелять из ружей и бросать гранаты, но наши не сдавали и, разрушив проволочное заграждение, с ружьями и саблями приближались к первому брустверу. Вдруг раздались раскаты взрывов фугасов... наши потери были неисчислимы. Опиравшийся на второй бруствер неприятель буквально засыпал нас гранатами. За густым дымом, не видя ничего впереди себя в двух шагах, наши герои, пробиваясь сквозь едкий дым, сражались чем могли, но неприятель, получив подкрепление, стал оказывать все более и более сильное сопротивление и мы, неся все время потери, с трудом вели горячий бой. Ввиду этого, генерал Накамура пытался несколько раз, высылая подкрепления, повторить атаку, но без успеха. К тому же пулеметы неприятеля обстреливали нас с правого фланга и тыла, с левого фланга и тыла стрелял форт Sung-shu-shan; огонь с I-tzu-shan и An-tzu-shan также был силен.

Тяжело раненый генерал Накамура был сменил полковником Ватанабе, который, собрав оставшиеся войска, снова бросился в атаку, но снова без успеха и потому с полуночи начал отступление.

Таким образом, несмотря на отвагу и решимость этой третьей атаки, неприятельские укрепления сверх нашего ожидания обладали такой оборонительной силой, что мы нигде не достигли хороших результатов, даже и от атаки особого отряда, на которую возлагались большие надежды. Однако генерал Ноги, желая с рассветом следующего дня точной стрельбой орудий разрушить часть Китайской стенки и со свежими войсками снова предпринять атаку против Erh-lung-shan, приказал каждой дивизии крепко держаться на занятых ими позициях.

Между тем, так как по поступаемым отовсюду донесениям было видно, что укрепления неприятеля крепки и сопротивление защитников их сильно, то чтобы новыми повторными атаками не увеличить напрасно наших потерь, командующий армией решил, прекратив атаку всего фронта, снова атаковать Высокую гору.

27 ноября в 7 часов утра был отдан о том приказ по армии.

Так как в этот день начальник 11-й дивизии генерал-лейтенант Цучия был ранен неприятельским снарядом, то его временно заменил командир 10-й пехотной бригады генерал-майор Яманака, командовать же дивизией был назначен состоявший при 3-й армии генерал-лейтенант Самедзима.

Б. Овладение Высокой горой

Хотя ночью 26 ноября командующий армией, прибавив большую часть 7-й дивизии к 9-й дивизии, хотел было повторить штурм, но убедившись по различным донесениям в трудности добиться успеха, решил, что лучше сначала овладеть Высокой горой и решить участь неприятельской эскадры, так как был уверен, что, поставив в первую очередь совместные действия армии с флотом, дальнейший успех дастся легче.

Приказав войскам всеми силами готовиться к атаке в этом районе, генерал Ноги поставил главную часть вновь прибывшей 7-й дивизии на правом фланге и назначил ее для штурма

Нирейсана (Высокой горы). Когда на другой день, 27-го числа, войска постепенно перешли к Нирейсану, начальник 1-й дивизии распределил свои войска для атаки следующим образом: правый фланг дивизии был назначен идти на юго-западную вершину горы и на седловину между ними, центр против северо-восточной вершины и горы Акасака. 28-см мортиры и прочие орудия тогда же открыли подготовительную к атаке стрельбу. Как только проявились первые результаты нашего огня, отряды в 6 часов вечера бросились в атаку. Неприятель, соединив усилия отрядов занимавших Высокую гору, гору Акасака и Shen-li-shan (Цуракаса-яма — в 300 метрах к югу от Высокой горы), стрелял из пулеметов и бросал гранатами, и потери наши были очень велики, но все же колонне, шедшей против горы Акасака, удалось после горячего боя завладеть неприятельскими окопами. Однако спустя немного, будучи атакована превосходящим неприятелем, она была отброшена. Отряд, шедший на юго-западный утес Нирейсана, несмотря на большие потери, также завладел частью крытых ходов под самой вершиной горы, но из-за огня неприятеля не мог добраться до самой вершины и едва держался на занятых позициях, подвергаясь дождю снарядов с других батарей. В особенности большой вред нанесла картечь крупного калибра с Ta-yang-kou, которою большая часть отряда была сметена, а оставшиеся в живых должны были отступить на прежние позиции. Повторные атаки на Нирейсан также кончились поражением и войска, едва лишь произведя кое-какие оборонительные работы впереди неприятельской линии, провели всю ночь, сражаясь с неприятелем гранатами.

С рассветом 28 ноября 28-см мортиры снова открыли огонь с целью разрушения верхов, полевая же артиллерия стреляла главным образом по людям. В 8 часов утра, воспользовавшись движением среди неприятеля, штурмовые отряды бросились в атаку. Неприятель, увидя это, открыл ружейный огонь и стал бросать гранаты, но наши войска, невзирая на это, по трупам стремительно двигались вперед; штурмовая колонна против юго-западного Нирейсана снова заняла часть окопов первой линии неприятеля и, получив подкрепление, бросилась к вершине горы и, наконец, полностью завладела ею. Однако эта вершина тотчас же подверглась сосредоточенному огню непри-

теля и наши, понеся большие потери, были отброшены. Командир правого отряда все чаще и чаще посылал резервы и, наконец, штурмовая колонна после горячего боя вторично заняла часть западной вершины и немедленно приступила к защитным работам, сражаясь изо всех сил до захода солнца. Шедшему против северо-восточной вершины отряду также удалось, наконец, овладеть ее частью; войска на западной вершине тоже почти полностью завладели ею. Отряд же направившийся против Акасака-яма, подвергшись перекрестному огню неприятеля, чем более подвигался вперед, тем более нес потери, вследствие чего эта колонна прекратила атаку и ожидала результатов действия артиллерийского огня. В 4 часа 40 минут дня эта колонна снова пошла в атаку и после жестокого боя проникла в передовую линию неприятеля; подвергшись здесь свирепой контратаке, в конце концов отступила на прежние позиции.

Таким образом, теперь наши войска владели обеими вершинами Высокой горы и положение боя было для нас чрезвычайно благоприятно.

Однако, около 1 часа ночи 29 ноября, будучи внезапно атакованы большими силами неприятеля, наши были отброшены; в особенности пострадал отряд на северо-западном утесе, который был совершенно истреблен; наши войска отступили на передовую линию своих позиций к середине горы.

Генерал Ноги, сообразуясь с донесениями 1-й дивизии, все-таки решил так или иначе достигнуть цели и в 3 часа ночи того же 29 ноября дал приказание начальнику 7-й дивизии перейти со своей дивизией к Такасака-яма и, командуя 1-й и своей дивизиями, продолжать атаку. Начальник 7-й дивизии немедленно двинулся к Такасака-яма и, заменив начальника 1-й дивизии, распределил части для атаки. Осадная артиллерия тотчас начала стрельбу по неприятельским укреплениям с целью заставить их замолчать и достичь их разрушения, причем 28-см мортиры, стреляя по Высокой горе и Акасака-яма, нанесли им большие повреждения; с наступлением ночи стрельба продолжалась с целью поддержки войск.

С 7 часов утра 30 ноября артиллерия снова открыла жестокий огонь по пунктам атаки с целью их разрушения и к 10 часам утра большая часть прикритий укреплений Высокой горы

была совершенно сбита. Штурмовая колонна бросилась в атаку, но сразу была встречена жестоким огнем неприятеля и понесла тяжелые потери — траншеи были заполнены трупами, офицеры почти все были перебиты или ранены, и атака в конце концов не удалась.

Начальник дивизии требовал от командира штурмового отряда продолжения атаки и колонна с заходом солнца с громкими криками, не обращая внимания на потери, пошла к вершине горы, продолжая бой. Шедшая на северо-восточный утес колонна бросилась к вершине, но неприятель, защищаясь изо всех сил, не отступал и обе стороны, находясь на расстоянии едва 10 метров, бросали друг в друга бомбами и камнями. Однако получив подкрепление, неприятель беспрерывно вел контратаки и штурмовая колонна попала в критическое положение и едва лишь держалась на занятых позициях в ожидании прибытия подкреплений.

Отряд, шедший против юго-западной вершины, подвергшись продольному огню из пулеметов и ружей, нес большие потери, но не сдавался; наконец, он добрался до возвышенной седловины, истребил большую часть бывшего там неприятеля и крики «банзай», нарушив ночную тишину, далеким эхом отозвались на тыловых позициях. В течение недолгого времени держались еще остатки неприятеля на седловине и двумя-тремя пулеметами и ручными гранатами оказывали нам сопротивление; наши, не останавливаясь, продолжали бой с неприятелем, бывшим за линией вершины горы, почему командир штурмовой колонны все время высылал на правую линию подкрепления.

Овладев северо-восточной вершиной, наши войска также преследовали упорного неприятеля; к 10 часам вечера большая половина горы была в наших руках и положение боя значительно склонилось в нашу пользу.

Однако, около 3 часа ночи 1 декабря преобладающие силы неприятеля, засыпав нас ручными гранатами, произвели контратаку, и мы, понеся большие потери, в конце концов потеряли северо-восточную вершину; также была отнята и юго-западная вершина. Начальник дивизии пытался разными способами вернуть их, но удалось лишь занять только часть юго-западной вершины.

С начала атаки наши потери убитыми и ранеными уже достигали 7 тысяч человек, и все войска, будучи в непрерывном бою в течение нескольких дней и ночей, были утомлены и являли такой жалкий вид, что начальник дивизии решительно приостановил атаку. Войска, пополняя убыль частей и отдыхая для восстановления сил, в то же время удерживали занятые позиции и вели приготовления для нового штурма. 5 декабря была начата новая атака.

Артиллерия, направив с 7 часов утра жестокий огонь на Высокую гору, сбила прикрытие, дробила скалы и камни и дым взрывов и пыль застилала вершину горы. Штурмовые колонны одна за другой шли в атаку и, невзирая на огонь неприятеля, добрались до юго-западной вершины и тотчас же начали окапываться. После полудня штурмовая колонна снова бросилась на северо-восточную вершину и, одним духом взобравшись на нее, общими силами с отрядом, занимавшим юго-западную вершину, завладели седловиной, и под градом неприятельских снарядов немедленно приступили к укреплению позиции. На вершинах были установлены пулеметы для отражения ночной атаки неприятеля; однако он этой ночью не предпринимал ничего и его войска, бывшие близ седловины, понемногу отступали.

На другой день в 8 часов утра впервые вся Высокая гора находилась крепко в наших руках. Бывший на Акасака-яма неприятель также отступил, и в 1 час дня нами была занята и эта гора. Неприятель, по-видимому, перенес все свои силы на оборону Высокой горы. С 27 ноября, начала атаки, и до сей поры жестокий бой продолжался почти непрерывно — то мы овладеем, то неприятель снова отберет, не считая сколько раз на дню переменится положение из атакующего в обороняющееся. За это время наши офицеры и нижние чины, терпя от ветра, снега и голода, произвели несколько десятков штурмов, один за другим, то сражаясь штыком и саблями, то бросая гранаты, то схватываясь врукопашную и кусая друг друга, и только теперь после этих тяжелых боев, разбив упорного неприятеля, завладели, наконец, ключом позиций крепости Порт-Артур и, таким образом, ход военных действий должен был сразу измениться.

В записках генерал-майора Костенко в общих чертах говорится: «Японская армия еще с 7 ноября начала штурмы и канонаду по городу и порту, зажегши 9 ноября в последнем масло и причинив грандиознейший пожар, еще небывалый до того времени.

Эти бомбардировки продолжались непрерывно почти всю ночь и следующие дни, что предвещало близкий штурм крепости. Все готовились к этому ужасному моменту, так как каждый понимал, что он будет на жизнь и смерть и, может быть, последний. В действительности, это произошло 13 ноября; к часу дня канонада по городу постепенно была переведена на позиции и преимущественно сосредоточилась на центре ее, у фортов № 2 и № 3, Куропаткинского люнета и укрепления № 3; к 2 часам был развит адский огонь, разрушавший и ниспровергавший жалкие остатки наших укреплений, после чего наступили ружейная и пулеметная трескотня. Но то, что произошло с наступавшими колоннами, превзошло все ожидания. Японцы наступали тремя колоннами, которые двигались стройно, перебежками одна за другой; вот первая колонна достигла уже гласиса форта № 2, а некоторые отдельные отряды пробившись уже на самый форт; но в это время раздался страшный взрыв — был взорван первый фугас. Это было так неожиданно, так поразительно эффектно, что задние колонны невольно попятнулись назад. Взрывом этим первая колонна была уничтожена до одного человека. Опомнившись и придя в себя, японцы еще стремительнее бросились на этот форт, но наскочили на второй фугас, который прикончил и вторую колонну таким же образом. Эти неудачи, однако, не остановили их напора, и третья колонна еще стремительнее пошла вперед, но взрыв третьего фугаса имел те же последствия. В какой-нибудь час перестало существовать до 3–4 тысяч человек. Некоторым маленьким частям удалось, однако, достигнуть брустверов и уже на одном из них был водружен японский флаг; но при виде его, защитники с таким озлоблением бросились на японцев, приняв их в штыки, что минут 10–15 спустя на форту не осталось ни одного неприятеля. Этот рукопашный бой представлял собою нечто невероятное, феерическое; в человеке ничего не осталось человеческого, а жил один зверь; удары штыков до того были сильны, что в рану проникал даже до половины ствол ружья. Рассказывают, что одному нижнему чину осколком шрапнели оторвало часть сиденья, но он не пошел на перевязочный пункт, а продолжал стрелять с остервенением; когда же от потери крови он упал в беспамятстве, то

его отнесли на перевязочный пункт; после перевязки, придя в себя, он отказался ехать в госпиталь, а вновь отправился на форт, но к тому времени бой окончился, и он был отправлен в госпиталь. Другому нижнему чину перебило осколком шрапнели левую руку, и он потерял способность владеть ею, но на пункт не пошел, а стрелял одной рукой через бойницу. К 4 часам дня бой закончился полнейшим разгромом японцев, без уступки им даже малейшей пяди земли. Полагают, что потери японцев были за 13 ноября до 10 тысяч, у нас же выбыло из строя убитыми и ранеными до 1200 человек. Вечером того же дня я узнал, что со стороны японцев было поползновение прорваться в город по Казачьему плацу между фортом № 3 и укреплением № 3, но и тут им не повезло. Страшную картину представлял из себя один из наступающих батальонов, в котором все до одного человека оказались перебитыми и перерезанными; по рассказам очевидцев, тела убитых лежали холмами и между ними в корчах мучились тяжелораненые, что производило потрясающее впечатление.

Мы привыкли уже к тому, что после таких неудач японцы изливали свою злобу и ярость бомбардировкой по городу. Все с трепетом ожидали этого момента, который и наступил в 9 часов вечера.

Сколько мне ни приходилось переносить этих бомбардировок, но той, которая была произведена в ночь на 14 ноября, по своей силе и действительности, по своей ярости и злобе пришлось подвергнуться в первый раз за все время осады. Началась она залпами 6-дюймовых снарядов с правой стороны города (считая с Западного бассейна), переходя постепенно к левой; описав круг, обстреливался центр города, а потом стрельба шла по радиусам. За залпами 6-дюймовых снарядов непрерывно следовала стрельба 11-дюймовыми снарядами, которые своим шипением, ревом и громом разрывов буквально заглушали голоса разговаривающих. В начале всеми овладело отчаяние, а потом наступило какое-то пассивное состояние и покорность судьбе, казалось, не было точки в городе, которая не подвергалась бы обстрелу.

День 14 ноября прошел совершенно спокойно; даже не было обычных по городу салютов, какими японцы встречали наши высокопраздничные дни. Но вечером того же дня, около 5 часов, вновь загремели выстрелы и японцы повели атаку на Высокую гору. Один из их батальонов пошел так стремительно, что занял часть наших окопов и блиндаж; наши отступили, но как оказалось впоследствии, умышленно, иначе были бы окружены японцами и вырезаны; теперь

же честь эта выпала на долю японцев; они, в свою очередь, были окружены и все до одного перерезаны. По рассказам очевидцев, нигде такого сильного озлобления не было проявлено во время всей осады, как именно в этом бое; тут не было пощады даже бросившим оружие; побоище представляло страшную картину изрубленных, исколотых, перебитых и вырезанных японцев; самые яркие краски были бы бледны при описании этого ужасного, чудовищного и зверского боя, где в горячке рубили и кололи даже мертвых,

Ночь на 15 ноября прошла спокойно, но около 5 часов утра вновь загремели пушки, вновь начался бой за овладение Высокой, который и продолжался до 5 часов вечера. Положение крепости становилось опасным; люди постоянными боями были измучены до крайности, так как перемены не было и одним и тем же частям приходилось драться непрерывно; резервы все иссякли и люди с одного пункта позиции перебежали на другой оказать помощь товарищам, а полевые орудия передвигались крупной рысью; помощь японцам была также оказана артиллерийским огнем и с моря, откуда слышна была канонада.

16 ноября бой начался с новой силой самым ранним утром; наступление велось на форт № 3, но оно стремительно было отбито. Эта неудача не остановила японцев и они утром же 17 ноября вновь повели атаку на Высокую, которая продолжалась с небольшими перебивками всю ночь и следующий день 18 ноября.

18 ноября японцы, как я уже указал выше, с самого раннего утра начали обстреливать левый фланг и в особенности Высокую гору; но все позиции остались за нами и неприятель ни на шаг не продвинулся вперед. Тем не менее, японцы, видимо, серьезно избрали объектом своего действия Высокую, так как обстреливание ее и незначительные пробные штурмы продолжались до 22 ноября, когда канонада с самого раннего утра приняла грандиозный характер, предвещающая не менее грандиозный штурм, который и наступил в ночь на 23 ноября. Штурм был так стремителен и поведен такими большими силами, что противостоять ему — значило подвергать бесполезной резне своих солдат; позиция была оставлена и защитники отступили на основную позицию в порядке, а японцы заняли Пулантиен, Плоскую и Высокую горы, имевшие для нас громадное значение. Этим боем и занятием Высокой японцы сузили линию обороны и на западном фронте, заперев нас в тесное кольцо.

В то же время с раннего утра открылась бомбардировка 11-дюймовыми снарядами по порту; объектом ее, как я и предсказал, сделались наши суда, которые все видны были с Высокой. Первой была подбита "Полтава", от которой виднелись из воды только мачты; в таком же положении очутился вскоре и "Ретвизан", затонувший по палубу; 24 ноября была подбита "Победа", накренившаяся сильно на бок и готовая затонуть ежеминутно».

В. Действия морского отряда тяжелой артиллерии

По прекращении второй общей атаки морская артиллерия, не имея надобности вести перестрелку с неприятельскими укреплениями, расположенными впереди, после 1 ноября в течение нескольких дней подряд, главным образом стреляла перекидным огнем по неприятельским судам и постройкам и, вызывая пожары или производя взрывы в складах пороха, способствовала сломлению неприятельской силы. 3 ноября, празднуя день рождения императора, каждая батарея, распределив районы, с полудня сделала 101 выстрел, вызвав большой пожар близ Восточного бассейна. 4-го числа, получив приказание поступить в ведение начальника полевой артиллерии 2-й бригады, 6 орудий батареи Б с заходом солнца вышли из Hou-kuo-tan-ling. Два орудия были установлены на северо-восточных высотах Shui-shih-ying, четыре орудия на северо-западных высотах от высоты в 93 метра, а остальные орудия по два были причислены к 16-му, 17-му и 18-му артиллерийским полкам.

7 ноября капитан 2 ранга Курои, согласно приказанию, выдвинул четыре 12-см орудия батареи В на северные высоты от Li-chia-tun и назвал их батареей Li-chia-tun, а пять 12-фунтовых орудий третьей батареи Nien-p'an-kou перенес на высоту в 93 метра к западу от Shui-shih-ying с присвоением им названия западной батареи Shui-shih-ying и приказал всем батареям обстреливать или Внутреннюю гавань или неприятельские укрепления.

16 ноября согласно приказания начальника артиллерии «помогать в разбитии стенки рва форта Sung-shu-shan для атаки 1-й дивизии» батареи с полдня 17 ноября открыли стрельбу. Батареи Li-chia-tun и Д обстреливали форт Shui-shih-ying и

полевою батарею на SO от одиноко стоящего здания на этой горе; 1-я и 2-я батареи Nien-p'an-kou обстреливали 4-ю батарею Sung-shu-shan и весь пояс высот позади нее; западная батарея Shui-shih-ying стреляла по 4-й батарее Sung-shu-shan; часть 15-см батареи обстреливала док, мастерские, Перепелиную и Золотую горы.

19 ноября было получено приказание начальника артиллерии отвлекать внимание неприятеля, так как 9-я дивизия должна была взрывать контрэскарп укрепления Erh-lung-shan. На другой день 15-сантиметровые 1-я и 2-я батареи, 1-я и 2-я Nien-p'an-kou и батарея Li-chia-tun приготовились к стрельбе. 9-я дивизия в 10 часов 30 минут утра взорвала каземат форта Erh-lung-shan и так как со стороны неприятельских батарей сопротивления оказано не было, то и наши батареи не стреляли. Однако с 5 часов дня у Erh-lung-shan разгорелся сильный артиллерийский бой, и эти батареи начали стрельбу вновь.

Операции 3-й армии в стороне Wang-tai значительно подвинулись вперед, и так как с 26 ноября армия предполагала начать третью общую атаку, то капитан 2 ранга Курои 24 ноября распределил обязанности батарей следующим образом:

Батареи	Число орудий	Цели
1-я 15-см батарея	Два 15-см орудия	По Pai-yu-shan
2-я 15-см батарея	То же	По Малому An-tzu-shan, батарее к югу от него и по Tang-chu-shan
12-см батарея Li-chia-tun	Два 12-см орудия	По Tang-chu-shan и Малому An-tzu-shan
12-см батарея Li-chia-tun	То же	По I-tzu-shan
Батарея Д	То же	По SO батарее Sung-shu-shan и батарее на восточной вершине от нее
1-я и 2-я батареи Nien-p'an-kou	Четыре 12-см орудия	По лагерю позади Wang-tai и по передвигающимся войскам
Западная батарея Shui-shih-ying	Пять 12-фунтовых орудий	По 4-й батарее Sung-shu-shan и по находящимся к O от нее войскам
Батарея Г	Четыре 12-фунтовых орудия	По Китайской стенке впереди новой батареи

Когда 26 ноября в 10 часов 36 минут было получено приказание начальника артиллерии открыть огонь, морская артиллерия совместно с осадной начала стрельбу по назначенным ей пунктам. В 1 час дня колонны каждой дивизии предприняли смелую атаку на укрепления Sung-shu-shan, Erh-lung-shan и Восточного Chi-kuan-shan и несмотря на горячий бой в течение нескольких часов не могли достигнуть своей цели. Ввиду этого, капитан 2 ранга Куро, отдав приказание готовиться к ночной стрельбе, ожидал распоряжений. В 8 часов 10 минут вечера было получено уведомление от начальника артиллерии, что прожекторы к югу от I-chien-chün-tso-ying сильно мешают действиям нашего особого отряда в его атаке 4-й батареи Sung-shu-shan и их надлежит обстрелять; 1-я 15-см батарея немедленно открыла по ним огонь и заставила их прекратить свет, а затем, чтобы облегчить штурм особого отряда, эта батарея обстреливала площадь Старого города.

Батареи 2-я 15-см Li-chia-tun, Nien-p'an-kou и западная Shui-shih-ying с тою же целью обстреливали тыл особого отряда и Старый город. Батарея же Д обстреливала площадь Старого города с целью внести смятение в тылу неприятеля и разрушить мастерские. Во время этой перестрелки на батарее Nien-p'an-kou были убиты старший боцман Сивоцубо и 3 нижних чина и ранено 4 нижних чина; на батарее Shui-shih-ying было 1 убитый и 5 раненых нижних чинов.

27 ноября на рассвете от начальника артиллерии было получено приказание, что, так как вчерашняя атака не увенчалась успехом и армия, разбив Китайскую стенку, снова начнет штурм, то батарея Д должна стрелять по этой стенке в местности под батареей Н, а батарея Г впереди батареи I, прочие же батареи стрелять по прежним своим целям. Ввиду этого, каждая батарея с 7 часов 30 минут утра открыла огонь. Батареи 15-ти сантиметровая и Li-chia-tun стреляли по Pai-yü-shan и I-tzu-shan, батарея Г по китайской стенке, а батарея Shui-shih-ying по дороге позади батареи Yen-huan-fang и по 4-й батарее Sung-shu-shan. Однако в 10 часов 47 минут утра ввиду сообщения начальнику артиллерии, что фронтальная атака временно приостанавливается, морской артиллерии было приказано вернуться к стрельбе по назначенным ранее целям; затем с наступлением в

6 часов вечера момента, когда 1-я дивизия должна была штурмовать Высокую гору, было приказано снова начать обстреливать I-tzu-shan и An-tzu-shan, почему батареи 15-ти сантиметровая и Nien-p'an-kou открыли огонь по указанным укреплениям.

28-го числа было получено приказание от начальника артиллерии, что так как ночная атака на Нирейсан накануне не удалась, то армия снова пойдет на штурм в 8 часов утра этого дня и морские орудия должны обстреливать укрепления I-tzu-shan, An-tzu-shan, западный Ta-yang-kou и Pai-yü-shan. Вследствие этого, 15-см батарея и батареи Li-chia-tun и Nien-p'an-kou стреляли по назначенным целям с восхода до захода солнца. В этот день капитан 2 ранга Курои произвел некоторые перемещения в составе отряда, а именно:

Новые назначения	Старая должность	Командиры
Командир 1-й батареи		Капитан-лейтенант Ямада
Командир 2-й батареи	Командир 1-й батареи	Капитан-лейтенант Тайоо
Командир батареи Nien-p'an-kou	Командир 2-й батареи	Старший лейтенант Вада
Командир 15-см батареи	Командир батареи Li-chia-tun	Старший лейтенант Итогова
Командир батареи Li-chia-tun	Командир 12-го взвода	Старший лейтенант Такемицу

В 3 часа ночи 29 ноября капитан 2 ранга Курои по приказанию начальника артиллерии, велел 1-й батарее Nien-p'an-kou обстреливать казармы и тыл Sung-shu-shan, а батареи 15-сантиметровые, Li-chia-tun и Nien-p'an-kou стреляли по назначенным им ранее целям; батарея же Д стреляла перекидным огнем по судам, стоявшим в Восточном бассейне.

Так как 1-я дивизия хотя и завладела прошлой ночью почти всей Высокой горой, но снова отдала ее неприятелю и не была в состоянии далее продолжать бой, то туда была послана на подкрепление 7-я дивизия. Обе дивизии должны были снова начать штурм в 10 часов утра 30 ноября.

Поэтому капитан 2 ранга Курои по приказанию начальника артиллерии распределил огонь своих батарей следующим образом: 1-я 15-сантиметровая батарея стреляла по укреплению западного Ta-yang-kou, 2-ая 15-сантиметровая, 2-я Nien-p'an-

kou и батарея Li-chia-tun обстреливали I-tzu-shan и Большой и Малый An-tzu-shan, 1-я батарея Nien-p'an-kou стреляла по казачьим казармам, а западная Shui-shih-ying по укреплению Sung-shu-shan, чем было оказано большое содействие штурмовому отряду.

В 11 часов 40 минут ночи наши войска прочно завладели всей Высокой горой; по получении этого известия начальник артиллерии в 1 час 22 минуты ночи отдал приказание батареям Li-chia-tun, Nien-p'an-kou и 15-ти сантиметровым обстреливать укрепления I-tzu-shan, An-tzu-shan и западный Ta-yang-kou, чтобы отвлечь внимание неприятеля и дать возможность нашим войскам укрепиться на занятых позициях. Однако на рассвете Нирейсан снова был взят неприятелем.

7-я дивизия в 3 часа дня предполагала произвести последний штурм, и батареи приготовились оказывать ей помощь, но так как атаки впредь временно были приостановлены, то и морская артиллерия прекратила огонь.

Ввиду того, что штурм был временно прекращен, морская артиллерия с 2 декабря переменяла цели стрельбы и только стреляла из 15-см орудий по прижавшимся под Перепелиной горой судам. Каждый день бывало по несколько попаданий в «Победу» и «Ретвизан» (точно неизвестно был ли это «Ретвизан» или же «Паллада»); также по временам перестреливались с неприятельскими батареями.

4 декабря около 11 часов вечера от начальника артиллерии было получено уведомление, что 7-я дивизия 5 декабря около 9 часов утра должна штурмовать юго-западный утес Высокой горы, почему морская артиллерия должна стрелять для отвлечения неприятеля; согласно с этим капитан 2 ранга Курои немедленно распределил огонь батарей. Когда 5 декабря в 9 часов 23 минуты утра было получено известие, что наши войска начали атаку, то 1-я 15-см батарея открыла огонь по укреплению западного Ta-yang-kou, а батареи Li-chia-tun и 2-я Nien-p'an-kou по I-tzu-shan и An-tzu-shan. Одно орудие 1-й 15-сантиметровой батареи, 2-я 15-сантиметровая батарея стреляли по «Побед», «Полтаве» и «Ретвизану» (или «Палладе»), а батарея Д по судам, стоявшим в Восточном бассейне у крана. Батарея же Shui-shih-ying обстреливала 4-ю батарею Sung-shu-shan.

Статья 6. Расстрел Порт-Артурской эскадры и овладение местностью у Wang-tai

С самого начала войны опиравшаяся на Порт-Артур русская эскадра при боевых встречах с нашим Соединенным флотом каждый раз ослаблялась потерей судов и к середине августа уже лишилась многих из своих больших боевых единиц. Однако, хотя сила ее значительно уменьшилась, все-таки она состояла еще из 5 броненосцев («Ретвизан», «Пересвет», «Победа», «Полтава», «Севастополь»), двух крейсеров («Баян» и «Паллада») и более 10 канонерских лодок и миноносцев. Эти суда, стоя в гавани, по-видимому, ожидали прихода посылаемой на выручку эскадры.

Поэтому желанием Соединенного флота было уничтожить порт-артурские суда до прихода вспомогательной эскадры.

3-я армия с 19 августа предприняла ряд общих атак крепости, а 19 сентября атаковала Высокую гору, но благодаря упорной обороне неприятеля не могла достигнуть желаемых результатов. Поэтому морская артиллерия с конца сентября открыла стрельбу по стоявшим на Внутренней гавани судам неприятеля (со 2 октября к ним присоединились также 28-см мортиры) и ежедневно имела несколько попаданий. Однако спустя немного времени неприятель переменил место стоянки и встал вплотную под Перепелиной горой, чтобы избежать наших снарядов. Хотя наблюдение за падением снарядов с тех пор стало затруднительным, тем не менее, наши орудия все еще продолжали ежедневную стрельбу по предполагаемой площади стоянки неприятельских судов.

В то же время, опасаясь, что с более тесным обложением крепости 3-й армией неприятельская эскадра попытается прорваться, наша блокирующая эскадра, терпя разные невзгоды, бдительно охраняла прилежащие воды. Тем временем добавочная эскадра неприятеля была уже в пути на Восток и почему являлась необходимость возвращения нашего флота в Японию, чтобы подготовиться к бою с нею. Вследствие этого 3-я армия всеми силами повела атаку на Высокую гору и после горячего боя овладела ее юго-западной вершиной, с кото-

рой можно было видеть почти все суда, стоявшие во внутренней гавани.

2 декабря на ней был устроен наблюдательный пост, но он внезапно был разрушен неприятельским снарядом и не выполнил своего назначения. С 5 декабря генерал Ноги решил одновременно с новой атакой начать обстреливать и суда эскадры.

5 декабря 28-см батарея одновременно с началом атаки пехоты на Высокую гору приступила к устройству наблюдения и прочим приготовлениям и с 2 часов дня открыла огонь. Две 28-см мортиры на Nien-p'an-kou стреляли по «Пересвету», а две с Chi-chia-tun по «Полтаве»; через полчаса попавший в «Полтаву» снаряд вызвал взрыв порохового погреба и пожар, продолжавшийся полтора часа. Этот броненосец на другое утро затонул до средней палубы. 15-см орудия морского отряда, главным образом, стреляли по стоявшим под Перпелиной горой «Победе» и «Ретвизану» (или «Палладе») и ежедневно имели несколько попаданий. Вскоре неприятель, по-видимому, истощив все свои силы у Высокой горы, 5-го числа ночью, пользуясь темнотою, отступил: 6 декабря наша армия уже вполне завладела всей горой и с полдня был открыт жестокий огонь по судам неприятеля; несколько десятков снарядов с 28-см батареи Nien-p'an-kou попали в «Пересвет». Четыре 28-см мортиры бывшие на Chiang-chia-tun также в этот день начали стрельбу и из выпущенных по «Ретвизану» снарядов насчитали попавшими семь, причем броненосец значительно накренился на левый борт. Перенеся огонь на «Баян», сделали 4 попадания. Батарея Chi-chia-tun стреляла по «Победе» и «Ретвизану». На получившей накануне сильные повреждения «Полтаве» в этот вечер вода достигала уже верхней палубы, а «Ретвизан» накренился почти на 20°. 7 декабря наши батареи сосредоточивали огонь на прежних целях. Снарядами с батареи Chiang-chia-tun был произведен пожар на «Победе» и броненосец накренился на правый борт градусов на 10. В «Пересвет» также попало 15 снарядов, и возник пожар, не прекращавшийся до вечера. По наблюдениям в этот день с Высокой горы «Полтава» и

«Ретвизан» уже сели на дно, «Победа» значительно накренилась на правый борт и, за исключением «Севастополя», все главные боевые единицы эскадры, по-видимому, потеряли способность к плаванию. На имевшем сравнительно небольшие повреждения «Баяне» 8 декабря возник пожар, и он значительно накренился на правый борт; к полудню крен постепенно увеличивался и, наконец, крейсер затонул носом.

Таким образом, наша армия после завладения Высокой горой в течение нескольких дней потопила и разрушила все суда, за исключением броненосца «Севастополь» и нескольких лодок и миноносцев; 9 декабря начали стрельбу по «Севастополю», но этот броненосец рано утром выйдя из гавани, прижался к берегу на юг от Cheng-tou-shan, почему в этот день наши орудия исключительно стреляли по казавшимся сравнительно уцелевшими «Пересвету», «Баяну» и «Палладе».

Этот последний крейсер после вчерашней стрельбы по нему накренился на левый борт и при полной воде, последняя доходила до верхней палубы. На «Баяне» три часа спустя возник большой пожар, и крен на правый борт достиг почти 25°. 11 декабря по наблюдениям с Высокой горы флаг-офицера штаба 3-й эскадры Идзуина на «Пересвете» была сильно разбита средняя дымовая труба и броненосец сел на дно, и в полную воду вода доходила с носа до носового аппарата, а с кормы — до высоты средней палубы. «Полтава» также села на дно, и в прилив вода покрывала кормовую палубу. «Ретвизан» затонул еще более «Полтавы» и шканцы его даже в отлив были под водой. Сверх того сперва слегка накренившаяся на правый борт «Победа» накренилась почти на 20°, обнаружив красную подводную часть правого борта под ватерлинией. «Паллада» частью корпуса прикасалась к «Победе» и имела немалые повреждения, так как кормовая часть почти всецело была в прилив под водой. Крен на левый борт на «Баяне» достиг почти 15° и он, несомненно, сидел на дне.

Так как большая часть «Амура» была скрыта берегом и постройками, то степень повреждения его была неизвестна, но таковые должны были быть велики. Крен на «Гиляке» на левый борт достиг свыше 30° и он без орудий со сломанной мачтой

лежал на отмели. Убедившись в окончательной порче 4 броненосцев и 2 крейсеров, чтобы еще более нанести повреждения неприятелю два 12-см орудия 1-й батареи Nien-p'an-kou и три 12-фунтовых орудия бывших в седловине к западу от Акасака-яма западной батареи Shui-shih-ying были перемещены на склоны Акасака-яма и с 12-го декабря открыли сильный огонь по разным судам в Западном бассейне, Тигровому полуострову, Минному городку и разным строениям в Новом городе, нанося безжалостное разрушение и гибель. Теперь добрая половина Западного бассейна была совершенно испещрена нашим огнем. Скрывавшийся под Cheng-tou-shan «Севастополь», будучи поврежден нашими минными атаками, уже не мог оправиться и так как теперь главные боевые единицы неприятельского флота почти целиком были уничтожены и способных к бою судов не оставалось, то адмирал Того, оставив часть флота нести блокаду у Порт-Артура, прочие суда постепенно отсылал в Японию, чтобы готовиться к военным действиям второго периода.

3-я армия, овладев ключом позиций на северо-западном фронте крепости — Высокой горой, снова продолжала атаку против пояса высот Wang-tai и дивизии, окончив приготовления, брали одно за другим укрепления Erh-lung-shan, Sung-shu-shan и Восточный Chi-kuan-shan, 11-я дивизия 18 декабря в 2 часа 11 минут дня одновременно со взрывом бруствера на форте Восточного Chi-kuan-shan (форт № 2), произведенного посредством подкопа, бросилась на штурм. Неприятель, опираясь на горловую часть форта, оказал упорное сопротивление, но штурмовая колонна стойко выдерживала его и около полночи 19 декабря всецело завладела фортом. Затем и 9-я дивизия 28 декабря в 10 часов утра, разрушив посредством взрыва бруствер укрепления Erh-lung-shan (форт № 3) немедленно ворвалась внутрь и после нескольких горячих боев захватила среднюю платформу тяжелых орудий, неприятель, все еще держась в горловой части форта, храбро оборонялся и только в 8 часов вечера наши войска после тяжелого боя завладели всем укреплением. 1-я дивизия 31 декабря в 10 часов утра таким же способом взорвала бруствер форта Sung-shu-shan (укрепление № 3), причем большая часть неприятеля была разбросана взрывом и по-

гребена обсыпавшейся землей или засыпана в коридорах; наши войска, встретив лишь слабое сопротивление, немедленно завладели всем фортом.

Таким образом, когда все составлявшие главную оборонительную линию неприятеля укрепления Восточного Chia-kuan-shan, Erh-lung-shan и Sung-shu-shan находились уже в наших руках, 9-я часть 11-й дивизии 1 января 38-го года, снова двинулись вперед, овладели целым поясом высот Wang-tai и высотой Н и предполагали спуститься спешным маршем прямо в лежащий внизу Старый город, но в этот день, наконец, начальник обороны Стессель предложил сдать крепость, на что командующий армией Ноги согласился.

Итак, 3-я армия закончила свое дело, операций нашего Соединенного флота против русской Порт-Артурской эскадры были также вполне окончены.

Морской отряд тяжелой артиллерии впервые принял участие в бою в конце июля в деле под Кенсаном и в то же время в атаке на Порт-Артур. С 7 августа, когда им был выпущен 1 снаряд по крепости, и до 2 января 38-го года — дня сдачи Порт-Артура — прошло 149 дней. За это время за исключением времени, ушедшего на постройку батарей или по случаю приостановки боев — когда орудия не стреляли, т. е. всего за исключением 20 дней, не было дня, чтобы мы не обменялись выстрелами с неприятелем. Всего в отряде было орудий: семь (в том числе 3 были повреждены) — 15-см; двенадцать (в том числе поврежденных — 4) — 12-см; двадцать пять (в том числе повреждены 6) — 12-фунтовых. Общее число выпущенных снарядов: из 15-см орудий около 5 тысяч, из 12-сантиметровых — 17 тысяч, из 12-фунтовых — около 23 500; за время осады в среднем выпускали в день по 350 с лишком снарядов. Наибольшее число снарядов пришлось на каждое 12-см орудие, а именно — свыше 3100. Морской отряд тяжелой артиллерии, являясь важной составной частью осадной артиллерии, участвовал в больших и малых боях и принёс немалую пользу при бомбардировках крепости и в стрельбе по неприятельским судам. За время осады отряд нередко подвергался сосредоточенному огню неприятеля и понес потери в 56 человек убитыми и 289 человек ранеными.

Статья 7. Сдача крепости Порт-Артур

Вот, наконец, и так называемые, не имеющие себе равных твердыни крепости Порт-Артур не выдержали продолжавшейся более полугода настойчивой, неослабной осады нашей 3-й армии. С начала декабря, когда наконец была отдана Высокая гора, укрывавшиеся в гавани военные суда одно за другим были потоплены на своих якорных стоянках, один за другим пали фортовые укрепления крепости — Восточный Chi-kuan-shan (форт № 2), Erh-lung-shan (форт № 3) и Sung-shu-shan (укрепление № 3). Самая важная позиция в этом районе Wang-tai (Большое Орлиное Гнездо) также 1 января 38 года перешла в наши руки. Поэтому начальник крепостного района генерал-лейтенант, генерал-адъютант Анатолий Михайлович Стессель, наконец решил послать в нашу армию предложение о сдаче крепости и 1 января в 4 часа дня выслал парламентаря к нашей передовой линии к югу от Shui-shih-ying с письмом относительно сдачи крепости генералу Ноги следующего содержания:

«Порт-Артур. Декабрь 1904 г. № 2545.

Ваше Превосходительство! Судя по общему положению в районе военных операций, я полагаю, что дальнейшее сопротивление бесполезно и потому, чтобы избежать дальнейшей бесполезной потери жизней, я предлагаю Вам вступить в переговоры о сдаче крепости. Если Ваше Превосходительство принимает это предложение, прошу Вас назначить представителя для обсуждения с нашим представителем условий и порядка сдачи и назначить место для их встречи.

Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить уверения в совершенном моем уважении.

Генерал Стессель.

Его Превосходительству Командующему Осадной Армией под Порт-Артуром Генералу барону Ноги».

Находившийся в то время в своей штаб-квартире под Siu-shu-fang командующий армией генерал Ноги, получив это письмо в 9 часов вечера, немедленно передал его содержание по те-

леграфу в Главную квартиру и главнокомандующему Маньчжурской армией и рано утром 2 января выслал генерал-лейтенанту Стесселю парламентаря в лице офицера штаба 3-й армии Ямаоки со следующим ответным письмом.

«2 января 1905 г.

Штаб-квартира осадной армии под Порт-Артуром.

Милостивый Государь!

Сим имею честь выразить мое согласие на предложение Вашего Превосходительства открыть переговоры для выработки условий и порядка сдачи крепости. Для этой цели я назначаю представителем начальника штаба Осадной армии под Порт-Артуром генерал-майора Идзичи Косука с прикомандированием к нему нескольких офицеров штаба и гражданских чиновников, которые встретят представителя от Вашей армии в деревне Shui-shih-ying в полдень 2 января 1905 г. Представители обеих армий должны быть вполне уполномочены подписать условия сдачи крепости, каковые вступают в силу сейчас же после подписания без их дальнейшей ратификации. Доверительные грамоты должны быть подписаны высшими начальниками обеих армий и обменены.

Пользуясь этим случаем, чтобы выразить уверения в совершенном уважении.

Командующий Осадной Армией под Порт-Артуром

Генерал барон Ноги Маресуке

Его Превосходительству Начальнику Квантунского укрепленного района генералу Стесселю».

Наш полномоченный представитель генерал-майор Идзичи, офицер штаба 1-й эскадры капитан 2 ранга Ивамура и еще 3 человека с нашей стороны и русский уполномоченный начальник штаба Квантунского укрепленного района полковник Рейс, командир «Ретвизана» капитан 1 ранга Щенснович и еще 6 человек с русской стороны встретились в 1 час дня в деревне Shui-shih-ying в помещении нашего санитарного отряда и обменялись доверительными грамотами.

Таковые, относившиеся к флоту, гласили следующее:

«1904 года декабря 15-го дня на флагманском корабле "Микаса".

Сим предоставляю офицеру штаба 1-й эскадры капитану 2-го ранга Ивамура Дандзиро по соглашению с полномочными представителями Осадной армии, находящихся при сдаче русских сухопутных и морских сил в Порт-Артуре, не ожидая моего разрешения, полное право подписывать условия, вступающие в немедленную силу, и полное право вести переговоры с русскими представителями армии и флота.

Командующий Флотом,
блокирующим Ляодунский полуостров.
Адмирал Того Хейхачиро».

«2 января 1905 года
(по русскому стилю 20 декабря 1904 года).

Сим предоставляю полное право командиру броненосца "Ретвизан" капитану 1-го ранга Щенсновичу, по соглашению с представителями осажденной армии, при переговорах об условиях сдачи Порт-Артура, не ожидая моего одобрения, подписывать вступающий немедленно в силу договор о сдаче крепости.

Командующий Русской эскадрой в Порт-Артуре
Контр-адмирал Р. Вирен».

Генерал Идзичи предъявил русскому представителю имеемый при нем договор о сдаче крепости и приложения к нему и после некоторого обмена мнений сделал в двух местах некоторые исправления. Так как русские представители приняли эти условия, то в 4 часа 35 минут переговоры были закончены и протоколы подписаны. Вместе с тем было объявлено по всей армии о приостановлении боя. Заключенный обеими сторонами договор и приложения к нему гласили следующее:

Договор о сдаче крепости Порт-Артур

1. Все русские сухопутные и морские офицеры и нижние чины, волонтеры и правительственные чиновники, пребывающие в крепости и на водной поверхности Порт-Артура, становятся военнопленными.

2. Все укрепления и батареи, военные суда и пароходы, оружие, боевые припасы, лошади, все прочие военные материалы, казенные деньги и казенные здания и имущество должны быть переданы японской армии в том виде, как они есть.

3. Если русские военные и морские власти соглашаются с двумя первыми пунктами, то в поручительство их согласия они должны снять гарнизон с фортов и батарей I-tzu-shan, Малого и Большого An-tzu-shan и всего пояса высот на юго-восток от них и передать их японской армии к полдню 3 января.

4. В том случае, если будет замечено, что русские военные или морские силы уничтожили или так или иначе изменили состояние предметов, перечисленных во 2-й статье, после подписания этого договора, то японская армия прерывает переговоры и возобновляет свою свободу действий.

5. Русские военные и морские власти в Порт-Артуре должны приготовить и передать японской армии карту крепости Порт-Артура, карту заложённых фугасов, подводных мин и прочих опасных предметов, таблицу военно-морской организации Порт-Артура, список сухопутных и морских офицеров с обозначением их должности и имен полностью, список чиновников с обозначением должности и имен полностью, списки военных частей, военных судов, пароходов и судов со списками их команд и список мирных жителей с указанием их пола, племени, числа и занятий.

6. Оружие (включая носимое при себе), боевые припасы, все военные материалы, казенные здания, все казенное имущество, лошади, военные суда, пароходы и суда и все вещи на них (исключая частной собственности) должны быть оставлены в настоящем их виде. Способ передачи их должен быть выработан японскими и русскими представителями.

7. Японская армия, в честь доблестной защиты, оказанной русскими, позволяет русским сухопутным и морским офицерам, а также гражданским чиновникам иметь (носить) при себе сабли и взять с собою необходимое для жизни количество частных вещей. Вышеозначенным офицерам, чиновникам и волонтерам разрешается вернуться на родину, если они дадут письменное клятвенное обещание не принимать участия до окончания настоящей войны и не предпринимать каких-либо действий,

идуших к невыгоде Японии. Каждому такому сухопутному и морскому офицеру разрешается взять с собою по вестовому, которые будут отпущены на честное слово.

8. Сухопутные и морские унтер-офицеры и нижние чины, а также волонтеры, которые сняли оружие, в форменной одежде с палатками и необходимыми вещами, должны быть собраны под командою своих офицеров в назначенном японской армией месте. Японские представители должны выработать о сем подробности.

9. Медицинский и хозяйственный персонал военно-морских сил, находящихся в Порт-Артуре, должен продолжать выполнение своих обязанностей по уходу за русскими больными и ранеными и по их продовольствию под ведением медицинских и хозяйственных чинов японской армии до тех пор, пока японская армия признает это нужным.

10. Подробные правила относительно судьбы комбатантов, передачи административных и финансовых дел городского управления с соответствующими документами и прочее должны быть изложены в приложении к этому договору. Вышеназванное приложение имеет ту же силу, как и этот договор.

11. Этот договор должен быть подписан уполномоченными обеих армий и вступать в силу тотчас же после подписания.

Этот договор составлен в двух экземплярах 1905 года января 2-го дня.

В деревне Shui-shih-ying.

Начальник Штаба Осадной Армии

Генерал-майор Идзичи Касука.

Капитан 2 ранга Ивамуро Дандзиро.

Начальник Штаба Квантунского укрепленного района
полковник Рейс.

Капитан 1 ранга Щенснович».

Приложения к договору о сдаче крепости Порт-Артур, подписанного 2 января 1905 года

Ст. 1. Для выполнения пунктов этого договора со стороны японской и русской армии назначаются следующие комиссии:

А. Комиссии, относящиеся к пункту 6 договора.

а) Комиссия сухопутная о укреплениях и батареях, оружии и боевых припасах.

- б) Комиссия по военным и портовым судам.
- в) Комиссия по провианту и довольствию.
- г) Комиссия по удалению опасных предметов.
- Б. Комиссия касательно ст. 8 этого договора.
- В. Комиссия касательно ст. 10 этого договора.

Ст. 2. Вышеупомянутые комиссии должны встретиться при входе в город на главной дороге Порт-Артура у северной подошвы Перепелиной горы в полдень 3 января и начать свои работы.

Ст. 3. Военные и морские чины, находящиеся в Порт-Артуре, должны быть выстроены согласно распоряжениям сделанной японской армией по получении таблицы военной организации и следовать к восточной оконечности Yohu-tsui, авангард должен быть там к 9 часам утра 5 января и затем получить приказания от комиссии, назначенной согласно ст. 8. При этом офицеры и чиновники армии и флота должны быть при саблях, но нижние чины без оружия. Все эти чины должны иметь при себе провизию на 1 день.

Ст. 4. Русские чиновники, не принадлежащие к армии или флоту, должны составить группы согласно их роду службы и следовать за чинами, указанными в предыдущей статье. Чиновники, бывшие волонтерами, будут отпущены без дачи честного слова.

Ст. 5. Необходимое число офицеров и нижних чинов или соответствующих лиц должны быть оставлены для сдачи в каждом укреплении, батарее, здании, складе и при прочих предметах; они должны иметь на себе отличительные значки, данные от японской армии.

Ст. 6. С офицерами армии и флота, волонтерами и чиновниками, которые после 9 часов утра 5 января будут продолжать носить оружие или откажутся идти на назначенный сборный пункт, будет поступлено соответственно законам японской армии.

Ст. 7. Частные вещи, которые согласно ст. 7 договора могут нести с собой офицеры армии и флота, в случае нужды могут быть осматриваемы. Весь состав такого частного имущества должен в общем соответствовать количеству, определенному для офицеров и чиновников японской армии.

Ст. 8. Военные и морские госпитали и госпитальные суда в Порт-Артуре будут сначала осмотрены японской комисси-

ей и затем подчинены правилам, определенным этой комиссией.

Ст. 9. Мирные жители свободны продолжать спокойно свои занятия. Желаящие выехать могут взять с собою всю свою частную собственность. В случае, если семейства офицеров и чиновников армии и флота пожелают выехать, японская армия окажет им возможное содействие.

Ст. 10. В случае, если будет признано необходимым приказывать выехать какому-нибудь частному лицу, проживающему в пределах крепости Порт-Артур, то таковые лица должны уехать в срок и путем, указанным японской армией.

Ст. 11. Русская комиссия, назначенная согласно ст. 1 договора, должна ознакомить соответствующую японскую комиссию с прошлой и настоящей административной и финансовой деятельностью, в то же время передав все документы.

Ст. 12. Японские военнопленные должны быть переданы японской комиссии, обозначенной в ст. 9 этого договора 3 января в 3 часа дня.

Этот документ составляется в 2 экземплярах и должен быть подписан каждым уполномоченным.

1905 года января 2-го дня

в деревне Shui-shih-ying.

Начальник штаба Осадной армии,

генерал-майор Идзичи Косука.

Капитан 2 ранга Ивамура Дандзиро.

Начальник штаба Квантунского укрепленного района,
полковник Рейс.

Капитан 1 ранга Щенснович.

Генерал Ноги, основываясь на этом договоре, немедленно установил порядок приведения в действие сдачи крепости и одновременно издал приказ по армии с распоряжениями относительно ее возвращения. На другой день, 3 января, первым делом, как гарантия сдачи, была закончена передача укреплений I-tzu-shan, Большого и Малого An-tzu-shan, а также фортов и батарей всего пояса высот, лежащих от них на юго-восток. Затем он принял взятых ранее в плен наших военных и морских чинов. С утра 4 января комиссия и отряды приступили к при-

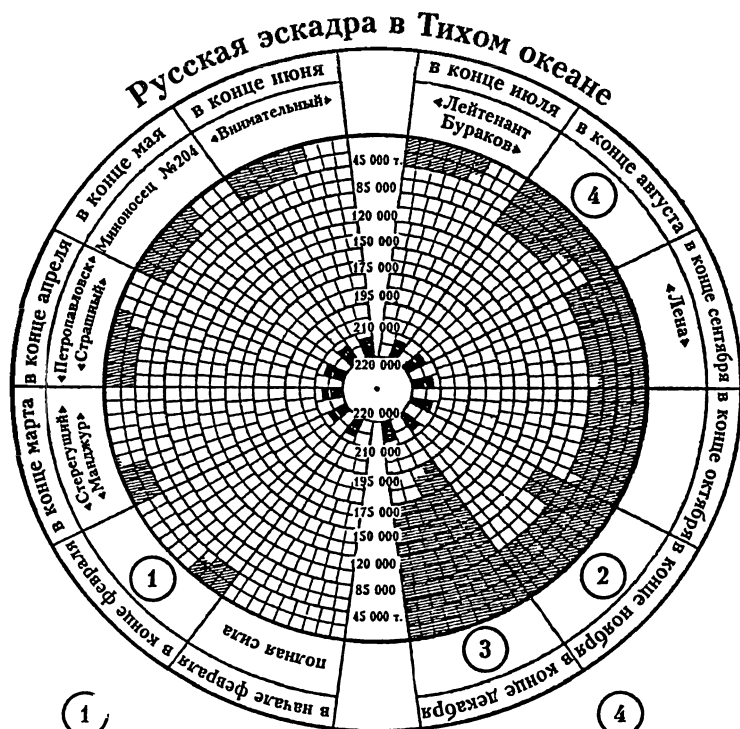
ему всех боевых принадлежностей, начиная с фортов и батарей и кончая разным казенным имуществом. 7 января был закончен прием русских пленных, а 10-го полностью всей крепости.

Еще ранее, когда предложение о сдаче крепости достигло до сведения императора, его величество соизволил пожаловать генерал-лейтенанту Стесселю ввиду проявленных им высоких качеств, преданности долгу во имя страны своих предков, сохранение воинских почестей. Начальник генерального штаба, генерал, член верховного военного совета, маркиз Ямагата Аритомо передал это высочайшее повеление генералу Ноги и генерал Ноги передал его генерал-лейтенанту Стесселю. Затем генерал Стессель в 7 часов вечера донес всеподданнейшей телеграммой русскому императору о неизбежности последовавшей сдачи крепости, испрашивая также повеления относительно дальнейшего направления офицеров и чиновников.

Генерал лейтенант Стессель, контр-адмирал князь Ухтомский и 441 сухопутный и морской офицер, дав клятву не участвовать более в настоящей войне, вернулись в Россию. Генерал-лейтенант Смирнов, контр-адмирал Вирен и остальные офицеры вместе с нижними чинами, сделавшись пленными, были задержаны в Японии.

В это время внутренняя гавань Порт-Артура представляла из себя следующую картину: у южного подножия Перепелиной горы находились разбитые и затонувшие «Пересвет», «Полтава», «Ретвизан», «Победа», «Паллада», у южной стенки Восточного бассейна — «Баян», в доке стоял поваленный «Амур». Вся главная артиллерия на судах, за исключением одного-двух больших орудий, и тяжелые орудия свыше 15-см почти остались нетронутыми, но замки у всех были вынуты и, по-видимому, брошены. Во входе в гавань, вследствие нарочно взорванных неприятелем разных пароходов, фарватер был значительно стеснен, и едва можно было пройти на паровом катере, держась вблизи берега у Золотой горы. На берегу у Перепелиной горы и западном берегу Тигрового полуострова лежали разбитыми и затонувшими свыше двухсот всевозможных шлюпок и катеров. Мастерские порта и прочие строения на берегу, хотя и пострадали более или менее от нашего огня, не носили на себе следов умышленного поджога.

Сравнительная таблица потерь Императорского флота и русской эскадры в Тихом океане (с начала военных действий до падения Порт-Артура)

- 1
- «Варяг»
 - «Боярин»
 - «Енисей»
 - «Кореец»
 - «Впушительный»

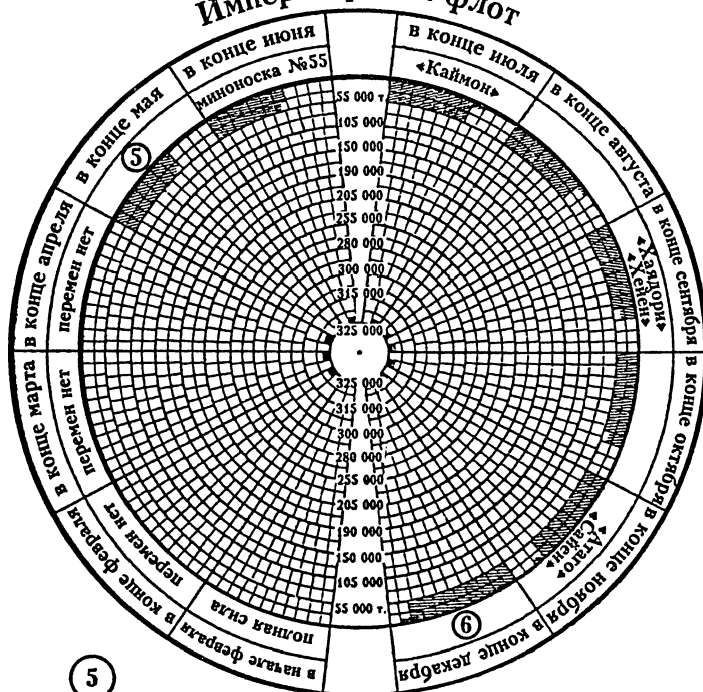
- 2
- «Ангара»
 - «Бесшумный»
 - «Расторопный»
 - «Сторожевой»
 - «Сильный»

- 3
- «Пересвет»
 - «Паллада»
 - «Севастополь»
 - «Ретвизан»
 - «Амур»
 - «Всадник»
 - «Гайдамак»
 - «Отважный»
 - «Разбойник»
 - «Джигит»
 - «Забяйка»
 - «Боевой»

- «Властный»
- «Разящий»
- «Сердитый»
- «Смелый»
- «Сторожевой»
- «Скорый»
- «Статный»
- «Бобр»
- «Бдительный»
- «Бойкий»
- «Гиляк»

- 4
- «Цесаревич»
 - «Рюрик»
 - «Диана»
 - «Аскольд»
 - «Новик»
 - «Гремящий»
 - «Сивуч»
 - «Беспощадный»
 - «Бесстрашный»
 - «Бурный»
 - «Выносливый»
 - «Грозовой»
 - «Решительный»
 - миноносек №208

Императорский флот

5

- «Ясима»
- «Хацусе»
- «Иосино»
- «Осима»
- «Мияко»
- «Акацуки»
- миноноска №48

6

- «Такасаго»
- миноноска №42
- миноноска №55

Объяснение:

- полная сила
- потери
- прибавления

Из полной силы флота последовательно по месяцам вычитается убыль. Остаток показывает наличное число тонн флота, считая каждый квадратик за 250 тонн.

Назначенный от флота председателем приемной комиссии по приему вещей Морского ведомства капитан 2 ранга Курои, основываясь на пунктах договора о сдаче, распределил вверенных ему чинов по разным обязанностям. 3 января были приняты от русской передаточной комиссии вещи и материалы, хранившиеся в складах у Восточного бассейна, суда и кораблестроительные мастерские. 4-го числа приняты разные предметы из Минного городка. В тот же день, устроив штаб-квартиру морского отряда тяжелой артиллерии в здании старого управления портом и расставив часовых в нужных местах, капитан 2 ранга Курои принялся за приведение всего в порядок. С 15 января морской отряд тяжелой артиллерии был исключен из ведения командующего 3-й армией и возвращен в первоначальное состояние. Капитан 2 ранга Курои должен был принять от армии все предметы, подлежащие возвращению флоту, и до учреждения управления военного порта в Порт-Артуре должен был привести их в порядок и отвечать за хранение. Согласно приказанию начальника 3-й эскадры вице-адмирала Катаока капитан 2 ранга Курои обратился о том с просьбою к 3-й армии, но так как она предполагала с середины января выступить на север и готовилась к этому, то не могла заняться передачей вещей. 21 января, назначенная приказанием адмирала Катаока комиссия приняла от находившегося в ведении командующего Ляодунской оборонительной армией генерала барона Ниси (был назначен на этот пост 8 сентября 37 г.), председателя комиссии по приведению в порядок крепости Порт-Артур генерал-майора Идзичи (15 января был назначен комендантом крепости Порт-Артур и председателем названной комиссии) строения, оружие, боевые запасы, машины и снабжение, а также ниже следующие суда:

Броненосец «Пересвет», крен на правый борт 3°. Разбита носовая башня. В корме и носу следы пожаров. В полную воду заполняется водой до высоты средней палубы. Сидит на дне.

Броненосец «Полтава». Крен на правый борт 2° 30'. Разбита носовая башня. Погружен в воду до верхней палубы. Пригнувшись на дне.

Броненосец «Ретвизан». Крен на левый борт 4° и то же, что и на «Полтаве».

Броненосец «Победа». Крен на правый борт около 15°. Все, что над поверхностью воды в корме и в носу сожжено. Сидит на дне, затонув по верхнюю палубу.

Крейсер «Паллада». Крен на левый борт 7°. Следы пожаров в носу и корме. Сидит на дне, погрузившись до верхней палубы.

Крейсер «Баян». Крен на левый борт 8°. На правом борту следы в двух местах от взрывов. Выгорело все, что над поверхностью воды в носу и корме. Затонул до высоты средней глубины. Сидит на дне.

Канонерская лодка «Гиляк». Приткнувшись к грунту. Разрушена.

Минный транспорт «Амур». Крен на левый борт в 68°. Выгорел над поверхностью воды.

Транспорт «Ермак». Совершенно затонул, и над водой остались только 3 мачты.

Крейсер «Разбойник». Над поверхностью воды только мачты и труба.

Канонерская лодка «Бобр». Разбита и затонула. Над водой едва видна носовая часть верхней палубы.

Миноносец «Сильный». Разбит, приткнувшись на камнях.

Миноносец «Безумный» — то же.

Минный крейсер «Гайдамака». Разбит и затонул, над водой едва обнажается часть верхней палубы.

Минный крейсер «Всадник» — то же.

Миноносец «Боевой». Разбит, на камнях.

«Разящий». Разбит, затонул.

«Сторожевой» — то же.

Крейсер «Забияка», Разбит, верхняя палуба совершенно под водой.

Крейсер «Джигит». Затонул, над водой едва видна часть носа.

Кроме того:

Пароходов 10

Паровых катеров 8

Землечерпательных судов 12

Частных шлюпок — несколько; все эти суда были разбиты и затонули.

Паровых судов от 4 до 200 тонн, которые годились в дело сейчас же — 18.

Паровых судов, на которых надо было произвести большой или меньший ремонт — 17.

Одновременно капитан 2 ранга Курои был назначен хранителем принятых предметов и, вернув по принадлежности временно назначенных в свой отряд чинов, принялся за приведение в порядок предметов военной добычи. В то же время начались приготовления по учреждению в Артуре военного порта и 4 февраля главнокомандующим порта Артур был назначен вице-адмирал Сибаяма, которому капитан 2 ранга Курои и сдал 6 февраля хранимые предметы, а с 7-го числа управление порта было открыто.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Куропаткин А.Н.

Причины успехов японцев в войне с нами

Сухопутная армия, выставленная Россией на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. в срок, который был ей предоставлен для борьбы с Японией, не могла победить японцев.

Каким же образом считавшаяся нами второ-степенным государством Япония, еще незадолго до войны не имевшая регулярной армии, оказалась полной победительницей России на море и победительницей сильной армии на суше?

Исследование этого вопроса, конечно, составит цель многих историков, и мы получим всесторонний ответ на поставленный вопрос. В настоящем же труде мы ограничимся лишь перечислением самых общих причин, послуживших к победе на Дальнем Востоке России Японией.

Наиболее важной из этих причин можно признать следующую: мы не оценили материальные и особенно духовные силы Японии и отнеслись к борьбе с нею недостаточно серьезно.

Остановимся более подробно на исследовании этой причины.

Еще при Петре Великом мы заняли Камчатку и вошли в соседство с Японией. В 1860 г., заняв без пролития крови по Пекинскому договору обширный Уссурийский край, мы дошли до грани-

цы Кореи и вышли к Японскому морю. Острова Японии и восточный берег Кореи образуют это внутреннее море, имеющее для прилегающих к нему побережий огромное значение. Выходы из этого моря в океан находились в руках Японии и легко могли сделаться доступными для нас. Только северный выход через замерзающий на продолжительное время Татарский пролив с приобретением Сахалина был у нас в руках. Наше побережье за 40 лет владения нами Уссурийским краем осталось пустынным, только Владивосток получил довольно быстрое развитие. Долгое время наша соседка Япония не привлекала нашего внимания, настолько Япония жила отдельной от нас жизнью, и мы были уверены в ее слабости. Мы знали японцев за весьма искусных и терпеливых рабочих, любили японские вещи, восхищались тонкой работой, яркими цветами, но в военном отношении не интересовались Японией. Наши моряки с особою симпатией отзывались об этой стране и об ее обитателях; стоянки в Японии, особенно в Нагасаки, были особенно любимы. Взаимно и к нашим морякам в населении Нагасаки сохранились отличные воспоминания. Но наши путешественники, дипломаты и моряки проглядели пробуждение энергичного, самобытного народа.

Еще в 1867 г. вооруженные силы Японии составляли всего 10 000 человек, сведенные в 9 батальонов, 2 эскадрона и 8 батарей, которые и составляли кадры настоящей армии. Для обучения этих войск были приглашены французские инструкторы. От них японцы заимствовали и форму обмундирования.

В 1872 г. в Японии введена была общая воинская повинность, и после войны 1870–1871 гг. французских инструкторов заменили немецкие, которые и организовали японскую армию по германскому образцу. Каждый год японцы стали командировать в Европу офицеров.

Во время японо-китайской войны японская армия состояла из 7 пехотных дивизий. Не воспользовавшись плодами своих побед вследствие своей слабости на суше и на море, Япония напрягала все силы, чтобы иметь возможность выставить для защиты своих интересов сильную армию и флот. Повелением Микадо о реорганизации армии, последовавшим 19 марта 1896 г., армия в 7 лет должна была удвоиться. В 1903 г. реорганизация уже была закончена.

В численных отношениях сухопутное и морское ведомства не проглядели создание и рост большой сухопутной и морской силы в Японии, ибо в наших отчетах отмечались постройка каждого во-

енного судна, формирование каждой новой дивизии пехоты, но мы давали слишком малую оценку этим начинаниям Японии и не признавали возможным измерять боевую стоимость этих сил на европейский образец.

В Главном штабе ежегодно исправлялись и печатались подробные сведения об организации и численности японской армии, а также делалась оценка тактической подготовки и мобилизационной готовности этой армии.

В означенном труде помещены были следующие данные о численности японских войск, принимавших участие в войне с Китаем в 1894–1895 гг. и экспедиции в Печилийскую провинцию в 1900 г.

1. Война с Китаем в 1894–1895 гг.

Военные действия против Китая в 1894 г. потребовали напряжения всех сил государства. Все имевшиеся тогда 7 дивизий японской армии были мобилизованы и по мере развития военных операций были отправлены из Хиросимы на театр военных действий.

Еще до объявления войны, в начале июня, в Корею была отправлена половина 5-й дивизии. Объявление войны последовало 4 августа (н. с.), после чего из Хиросимы в Корею были отправлены другая половина 5-й и вся 3-я дивизия. Обе дивизии составили 1-ю армию, которая 15 сентября разбила китайский отряд под Пхеньяном, 25 октября переправилась с боем через реку Ялу и двинулась на Мукден через юго-восточную Маньчжурию. После морского сражения в устье реки Ялу, 17 сентября, в Хиросиме была собрана 2-я армия в составе 1-й половины 6-й дивизии. Эта армия высадилась к северу от Бицзыво и 21 ноября взяла с боя Порт-Артур. К концу 1894 г. на южно-маньчжурском театре военных действий находились всего 3 1/2 дивизии общей численностью около 52 000 человек. В начале 1895 г. 2-я и другая половина 6-й дивизий были высажены на Шантунский полуостров. Эти войска составили 3-ю армию численностью около 24 000 человек. Таким образом, к началу 1895 г. в Китай было отправлено более 75 000 человек японских войск.

Для перевозки войск морем было зафрахтовано 30 паровых транспортов субсидируемой правительством Японской паровой компании. Сухопутная доставка всех видов довольствия, по условиям пересеченной местности театра военных действий, производилась по преимуществу отрядами носильщиков (инибу).

Главная масса их была набрбована в Японии, остальную часть составляли кули, набранные в Корее и Маньчжурии.

Для первоначальных расходов по ведению войны из государственного казначейства было отпущено 45 млн иен. Кроме того, правительство выпустило внутренний заем в 150 млн иен. В настоящее время подведен окончательный итог всех чрезвычайных расходов, из коего оказывается, что война с Китаем обошлась Японии около 200 млн иен, из коих на издержки военного ведомства приходится 164 200 000 иен, а остальные 35 800 000 иен — на издержки морского ведомства.

2. Экспедиция в Китай в 1900 г.

Сначала в июле мобилизован был отряд из 3 батальонов, 1 эскадрона и 1 роты саперов, всего 3000 человек из состава 5-й и 11-й дивизий. Затем последовала мобилизация всей 5-й дивизии (приказ дан 13/26 июля), которая выступила из Удзина спустя почти месяц. Перевозка войск в Таку была совершена на 21 зафрахтованном у общества Ниппон-Юдзон-Кайса пароходе; перевезено было, не считая первоначального отряда, 19 000 человек (вся 5-я дивизия, 30 полевых батарей, часть железнодорожного батальона из Токийского гарнизона и от 6000 до 7000 кули, т. е. вольнонаемных носильщиков, одетых в военные мундиры и заменивших часть положенных для обоза лошадей). Всего перевезено было 22 000 человек 5-й дивизии с приданными ей частями кули. Все продовольствие подвозилось из Японии. Эвакуировано было за все время (т. е. по октябрь 1900 г.) около 6000 раненых и больных. За время экспедиции погибла половина кавалерийских и артиллерийских и 3/4 обозных лошадей. Стоимость экспедиции определяется в 38–40 млн иен, взятых из запасного фонда, предназначавшегося для постройки военных судов, а также на случай народных бедствий и достигавшего всего 50 млн иен.

После войны с Китаем в 1894–1895 гг. Япония, главным образом за счет контрибуции с Китая, в течение семи лет почти удвоила свои вооруженные силы. Кажется, уплата Китаем Японии денег произведена при нашем посредстве.

Численность японской армии по штатам военного времени перед войной с нами определялась по сведениям Главного штаба.

Численность постоянной армии (не считая войск острова Формозы) по штатам мирного времени определена в 8116 офицеров и

133 457 нижних чинов. В действительности же, по экономическим соображениям, в мирное время в рядах армии числилось всего 6822 офицера и около 110 000 нижних чинов, причем из этого числа около 13 500 человек находятся в постоянном отпуске.

Численность японской армии по штатам военного времени определяется в 10 735 офицеров (без запасных войск) и 348 074 нижних чинов. Таким образом, для пополнения армии до штатов военного времени требуется добавить около 3900 офицеров и около 240 000 нижних чинов.

К 1 января 1901 г. в японской постоянной армии, в ее запасе и в территориальной армии числилось всего 2098 генералов и штаб-офицеров, 8775 обер-офицеров и старших фельдфебелей, 35 248 унтер-офицеров, 6964 подпрапорщика и юнкера и 273 476 рядовых, а всего 10 873 офицера и 315 688 нижних чинов.

Принимая мирную численность постоянной армии в 8116 офицеров и около 110 000 нижних чинов, следует признать, что к 1 января 1901 г. в запасе и в территориальной армии находилось офицеров 2757 и нижних чинов около 205 000 человек.

Сравнивая это число офицеров и нижних чинов с таковым же, потребным для пополнения мирного состава армии до штатов военного времени получим, что потребность эта к 1 января 1901 г. не могла быть вполне удовлетворена: офицеров не хватало почти в том же количестве, которое необходимо для запасных войск, нижних чинов не хватало около 35 000 человек.

Приняв во внимание вероятный ежегодный контингент новобранцев в 45 000 человек, а также сроки службы в различных категориях войск, можно считать, что к 1 января 1903 г. число людей в запасе и в территориальной армии достигло приблизительно 265 000 человек.

Наконец, для пополнения армий, в крайнем случае, могут служить еще 50 000 человек рекрутского резерва, большей частью совершенно не обученных.

В означенных сведениях вовсе не упоминалось о резервных войсках. Между тем сформирование их в случае войны было подготовлено, и резервные войска по числу выставленных батальонов увеличили постоянную армию почти на две трети ее состава.

Новейшие сведения, которые мы имели о японской армии, ее численности, организации и обучении, были основаны на донесениях военного агента в Японии полковника Генерального штаба Ваншовского. Посетивший в 1903 г. Японию полковник Генераль-

ного штаба Адабаш доставил в Главный штаб генералу Жилинскому весьма важные сведения о резервных войсках, кои подготовлены к формированию Японией, но так как эти сведения совершенно расходились с доставленными полковником Ванновским, то генерал Жилинский не поверил этим сведениям. Через несколько месяцев наш морской агент в Японии, весьма талантливый офицер, капитан 2 ранга Русин доставил в Главный морской штаб такие же сведения о готовящихся в Японии формированиях резервных войск. Выписку об этих формированиях Главный морской штаб препроводил начальнику Главного штаба генералу Сахарову. Впоследствии оказалось, что доставленные сведения были вполне верны, но и на этот раз генералы Жилинский и Сахаров им не поверили, «положили под сукно», и в печатный сборник сведений о японских вооруженных силах в 1903 и 1904 гг. не включили ни одного слова о резервных войсках.

Не было нами оценено также огромное значение многочисленных запасных войск в японской армии.

Таким образом, по расчетам нашего Главного штаба, основанным на работах наших военных агентов в Японии, общий запас людей в постоянной и территориальной армиях и для запасных войск, которым могла располагать Япония, составлял лишь четверта с небольшим тысяч человек.

Ныне опубликованы главным медицинским инспектором японской армии генерал-доктором Кипке официальные данные о потерях японцев во время войны. Из этих данных видно, что в течение войны японцы потеряли: убитыми 47 387 человек, ранеными 172 425 человек; итого — 219 812 человек.

Общая же потеря японцев убитыми, ранеными и больными составила 554 885 человек, т. е. значительно больше, чем по расчетам Главного штаба японцы могли всего выставить против нас войск. Эвакуировано в Японию раненых и больных было 320 000 человек.

По другим сведениям, японцы похоронили только в Токио на почетном кладбище 60 624 убитых и, кроме того, 74 545 умерли от ран и болезней. Из этих цифр видно, что японцы признали свои потери убитыми и умершими в прошлую войну в 135 000 человек.

По заявлению японского медицинского инспектора, японская армия потеряла убитыми и ранеными 14,58 % всего состава армии, что дает общую численность войск разных категорий, выставленных японцами против нас, свыше одного миллиона пятисот тысяч человек.

Такое число бойцов выше чем в три раза превосходило предположение Главного штаба.

Таким образом, наши сведения о силах, которые может выставить против нас Япония, были недостаточны.

Формирование резервных войск нами в расчет не принималось. В плане стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией, составленном в Порт-Артуре в ноябре 1903 г., силы, которые могут выставить против нас японцы, определены так: до окончательного устройства своей территориальной армии японцы могут назначить для полевых действий в начале кампании из имеющихся 13 полевых дивизий лишь 10, в составе 120 батальонов пехоты, 46 эскадронов конницы, 10 инженерных батальонов и одного осадного батальона, всего до 125 000 человек боевой силы.

Этот расчет был согласован с донесениями нашего военного агента в Японии подполковника Генерального штаба Самойлова, присланными им в 1903 г. В бытность мою в Японии подполковник Самойлов тоже докладывал мне свое мнение, что из 13 дивизий японцы могут выставить против нас только 10, и о резервных войсках не знал.

В записке по оперативной части Главного штаба, представленной мне начальником Главного штаба 30 января 1904 г., значилось, что, «по имеющимся сведениям, японцы назначают для борьбы из 13 своих полевых дивизий — 11, оставляя две в Японии». В этой записке о резервных войсках тоже не упоминалось.

Вследствие принятия территориальной системы и незначительности расстояний, на которые приходилось передвигать запасных, мобилизационная готовность армии признавалась нами весьма высокой. Мы принимали, что срок окончания мобилизации для войск 3—4 дня, а для продовольственных и эвакуационных колонн от 7 до 10 дней.

Расчет сделанных нами транспортных средств указывал, что эти средства настолько были обширны, что в 1902 г. в 7-дневный срок могло быть собрано 86 судов водоизмещением в 224 000 тонн и в 14 дней 97 судов водоизмещением в 268 000 тонн.

На мобилизационную дивизию требуется судов: при переходе более 48 часов около 40 000 тонн, при переходе менее 48 часов около 20 000 тонн.

Таким образом, транспортные средства Японии позволяли по окончании мобилизации начать немедленно перевозку 6 мобили-

зованных дивизий при переходе более 48 часов, а при меньшем расстоянии начать перевозку почти всей постоянной армии.

Относительно тактической подготовки японской армии перед войной наши войска в Маньчжурии получили сведения из Главного штаба. Относительно действий крупными отрядами из всех родов оружия сведения Главного штаба дают следующие данные:

«Отличительными свойствами действий отрядов из всех родов оружия, выказавшимися на маневрах, являются: 1) стремление занимать растянутые позиции при обороне; 2) равномерное, независимо от обстановки, распределение войск при атаке; 3) отсутствие наблюдения за флангами, как при походных движениях, так и в бою; 4) при движении главные силы значительно отстают от авангарда, вследствие этого последнему приходится долго вести дело одному; 5) отсутствие указания пункта атаки в наступательном бою; 6) чрезмерно быстрое расходование резервов, следствием чего является отсутствие средств противодействовать обходам и охватам; 7) отсутствие сознания необходимости довести бой до штыкового удара; 8) стремление избегать закрытой и особенно горной местности; 9) стремление атаковать в лоб, не прибегая к обходам; 10) пренебрежение при обороне пассивным укреплением позиции; возводятся одни только стрелковые и орудийные окопы; 11) полное отсутствие преследования; 12) в случае необходимости отступления оно производится очень спешно (при этом с позиции уходят прежде всего пехота главных сил, потом артиллерия, а затем уже остальная пехота); 13) нерасположение к ночным действиям; 14) в отрядах из двух и более дивизий каждая дивизия действует отдельно без всякой связи с другими вследствие отсутствия общего руководства со стороны командующего отрядом.

При оценке военных действий японцев против китайцев в 1900 г. в японской печати высказывались мнения, что японские войска отлично действуют небольшими отрядами и, вероятно, значительно уступают европейским войскам при массовых столкновениях.

На последних больших осенних маневрах 1903 г. замечено было, что войска обучены и втянуты; видна масса инициативы среди низших начальников, нельзя сказать того же о высших; громадный интерес и сознательное исполнение, прекрасная техника; артиллерия и пехота действовали отлично; кавалерия научилась ездить, видно желание работать, но нет еще умения пользоваться ею и привычки к ней, так что, в общем, работы кавалерии было

мало, но выучка хороша. Особенно обращала на себя внимание быстрота выезда горной артиллерии на позицию: будучи вызвана из глубины колонны, артиллерия 13-й батареи бегом подошла к ней и в 3,5 минуты открыла огонь».

Из изложенного видно, насколько лица, коим вверено было изучение на месте японских войск, недостаточно внимательно отнеслись к своим обязанностям. В особенности ошибочными оказались их выводы относительно неудовлетворительности японской артиллерии и подготовки к боевому командованию высших начальников.

После войны с Китаем, окончившейся изгнанием японцев с Ляодунского полуострова и занятием нами Квантуна, Япония начала лихорадочно готовиться к войне с нами.

С двадцати с небольшим миллионов иен в 1893, 1894 и 1895 гг. военный бюджет Японии возрос в 1896 г. до 73 млн иен, в 1897-м — до 103 млн, в 1900-м — до 133 млн, и в 1902 г. все приготовления были, по-видимому, закончены, и бюджет вновь уменьшен до 75 млн иен.

Из произведенных с 1896 по 1902 г. расходов на новые формирования по сухопутному ведомству было израсходовано в 7 лет до 48 млн иен, а на постройку судов военного флота за 9 лет — до 138 млн иен. Одну иену надо приравнять к одному нашему рублю.

Надо прибавить, что, развивая свои силы, Япония готовилась к войне с нами и в других отношениях. Масса японцев изучали военное дело в Европе, в том числе и в России. Маньчжурский театр действий изучался очень подробно; всюду организовались связи, японские офицеры самоотверженно шли занимать самые низкие должности у нас на Дальнем Востоке с целью изучения нас и достигли в этом отношении больших результатов, тогда как в это время наши военные представители в Японии смотрели на японцев на их родине свысока.

Таким образом, по вопросам организационным наши сведения были достаточно полны относительно всего, что касалось войск постоянной армии. Мы знали также количество запасных войск и предполагаемый состав территориальных войск. Но готовясь сами воевать с японцами наполовину резервными войсками, мы не подозревали, что и японцы подготовили обширные формирования резервных войск и вследствие медленно сосредоточения наших войск успели окончить эти формирования. В резервные войска попали запасные старших сроков службы, и в то же время,

когда у нас запасные старших сроков службы составляли элемент особой слабости, у японцев при общем приподнятом патриотическом настроении и воинственности резервные части, по отзывам наших боевых генералов, дрались не только не хуже полевых японских войск (в полевых войсках были новобранцы, физически неразвитые), но в некоторых случаях даже лучше. Появление резервных войск на театре военных действий уже в первых боях было для нас неожиданностью.

Мы не оценили также значения организации у японцев сильных запасных войск. Каждый полк постоянной армии имел свой запасной батальон, который пополнял непрерывно и быстро убыль своего полка. Позже многие запасные батальоны получили увеличенное число рот и были силой до 1500 человек и даже более. Часть запасных войск была передвинута в Маньчжурию и находилась вблизи боевых линий. Предполагаю, что эти запасные войска употреблялись иногда и как боевые части, охраняя, например, оставляемые действующими войсками участки позиции. Но главная их задача — пополнение убыли в войсках — была выполнена с огромным успехом: японские войска, меньшие наших числом батальонов, быстро, даже во время длительных боев, пополняемые по числу штыков, часто превосходили наши войска. В общем каждый японский батальон по числу штыков равнялся нашим полутора, а иногда и двум и даже трем батальонам.

Пополнение наших войск, как будет изложено ниже, производилось очень несвоевременно и имело отчасти случайный характер.

Мы были довольно хорошо ознакомлены с материальной стороной японской вооруженной силы. Но мы проглядели и неверно оценили моральную стоимость этой силы. Мы проглядели, в каком патриотическом, воинственном направлении много лет велось воспитание японского народа, проглядели постановку школьного дела в Японии, где вместе с горячей любовью к родине с малых лет подготавливались даже в начальных школах будущие воины. Проглядели, с какой гордостью служили японцы в своей армии и с каким глубоким доверием и уважением относился японский народ к ней. Проглядели железную дисциплину в этой армии. Проглядели роль самураев-офицеров в армии. Мы совершенно не оценили значения того возбуждения против нас, какое явилось после лишения японцев результатов их побед над Китаем. Не оценили, что корейский вопрос был жизненным вопросом для японцев. Не

оценили, что партия молодой Японии давно настаивала на войне с Россией, и только сдерживалась благоразумным правительством. С началом войны мы прозрели, но было уже поздно. В то время когда у нас война с Японией была не только не популярна, но непонятна для русского народа, вся Япония, как один человек, откликнулась высоким патриотическим порывом на призыв под знамена ее сынов. Были случаи, когда матери убивали себя, когда их сыновья оказывались по слабости здоровья не принятыми в ряды армии. Сотни желающих являлись идти на верную смерть, на самые отчаянные предприятия. Офицеры и нижние чины, уходя на войну, исполняли над собой обряд погребения, знаменуя этим намерение умереть за родину. В первое время войны, попавшись в плен, японские офицеры лишали себя жизни. В армию рвалась вся молодежь. Самые знатные семьи стремились принести родине пользу своей службой, службой своих детей или средствами. Были полки, который с криком «банзай» доходили до наших препятствий, прорывали их, заполняли трупами волчьи ямы и по трупам товарищей врывались в наши укрепления. Весь народ вместе с войском сознавал важность веденной Японией войны, сознавал значение совершавшихся событий и не жалел жертв для достижения победы. Силу Японии составляло полное единение народа с армией и правительством. Это единение и дало победу японцам. Мы вели борьбу только армией, ослабляемой при этом настроением народа, против всего вооруженного японского народа.

В то время как японцы имели сотни тайных и явных агентов на Дальнем Востоке, изучавших наши сухопутные и морские силы, мы доверяли сбор сведений о военных силах и средствах Японии одним офицерам Генерального штаба. К сожалению, и выбор этих офицеров не был удачен. Один из таких знатоков Японии перед войной во Владивостоке определял, что в случае войны надо рассчитывать одного русского солдата против трех японских. С началом войны после первых успехов японцев он сбавил тон и признавал, что на каждого японского солдата надо иметь по одному русскому солдату, а через месяц уже утверждал, что для победы над японцами нам надо выставить в поле против каждого японского солдата по три русских.

Один из бывших в Японии военных агентов в мае 1904 г. авторитетно пророчествовал, что Порт-Артур должен пасть в самом непродолжительном времени и что вслед за сим та же участь постигнет и Владивосток; я сделал резкое замечание этому слабо-

душному болтуну и пригрозил ему высылкой из армии, если он будет продолжать свои вредные и несвоевременные поучения о силе японцев и нашей слабости.

Лично я после Японо-китайской войны, изученной мною с возможной подробностью, проникся уважением к японской армии и следил с тревогой за ее ростом.

Участие японцев вместе с нашими войсками в 1900 г. в Печилийской провинции только утвердило меня в мнении, что японцы — отличные воины. В бытность в Японии я в короткое время не успел достаточно ознакомиться со страной и войском, но и того, что я видел, было достаточно, чтобы признать достигнутые японцами результаты в последние 25–30 лет поразительными. Я видел прекрасную страну с многочисленным трудолюбивым населением. Оживленная деятельность царила повсюду. Подкупало жизнерадостное настроение населения, его любовь к родине, вера в будущее. В военной школе я видел спартанское воспитание. Физические упражнения на эскадронах, ружьях и палках будущих офицеров не подходили ни к чему мною виденному в Европе; дрались с ожесточением. В конце боя схватывались в рукопашную, пока победитель не становился на грудь побежденного и не срывал с него маску. Проявлялось ожесточение в упражнениях, били друг друга с дикими криками, но тотчас с окончанием боя или по сигналу вытягивались в струнку и принимали деревянный бесстрастный вид.

Во всех школах страны военные упражнения занимали видное место, и дети и юноши занимались ими с увлечением. Военные прогулки сопровождались задачами по применению к местности, практикой в обходах, неожиданных нападениях, движениях бегом. Во всех школах изучение истории Японии должно было способствовать укреплению любви к родине и укоренению убеждения, что Япония непобедима. Особо подчеркивались все удачные войны, веденные Японией, и прославлялись герои этих войн. Японцы учили, что ни одно из военных предприятий Японии не было неудачно.

На оружейных заводах я видел огромное производство ручного оружия, работы выполнялись быстро, аккуратно и дешево.

В Кобе и Нагасаки я внимательно осматривал кораблестроительные заводы, видел на работе не только минные суда, но и броненосные крейсера, и все это исполнялось своими рабочими, своими мастерами и под руководством своих техников. В Осаке на огромной выставке вся страна была представлена поучительно и

величественно: ткани, изделия, самые сложные инструменты, в том числе рояли, машины, самые огромные орудия — все это было исполнено в Японии, японскими мастерами и преимущественно из японских материалов (кроме одного хлопка и железа, которые привозились из Китая и Европы). Не менее произведений, привезенных на выставку, обращала внимание и японская толпа, внимательная, вежливая и сохранявшая во всех случаях собственное достоинство.

На полях Японии осталась во многом древняя культура, но, несомненно, весьма высокая. Обработка полей была самая тщательная, но борьба населения из-за каждого кусочка земли, борьба с горами, чтобы и их сделать производительными, недостаток производства в стране питательных веществ указывали, что населению Японии стало тесно на их островах и что корейский вопрос для японцев есть вопрос жизненный. Прожив до 10 дней среди рыбацкого населения, я несколько познакомился и с обратной стороной быстрого роста Японии по европейскому образцу. Мне жаловались на тяжелые налоги, очень возросшие в последнее время, и на дороговизну предметов первой необходимости.

Мне показывали японские войска смотровым порядком (гвардейскую дивизию, два полка 1-й дивизии, много батарей и два полка конницы). Все это было подтянуто, отлично маршировало, солдаты выглядели, как наши юнкера. Тактическое учение прошло шаблонно. Бросался в глаза слабый конский состав артиллерии. Офицеры и начальствующие лица в японской армии, которых я видел и с которыми познакомился, производили очень хорошее впечатление. Даже короткое знакомство не оставляло сомнения, что многие из них по образованию и знанию военного дела в любой армии заняли бы почетное место. Кроме японского военного министра генерала Тераучи, с которым я был дружески знаком еще с 1886 г., когда мы оба находились во Франции на больших маневрах в 17-м корпусе генерала Леваля, я познакомился с генералами Ямагата, Ойяма, Кодама, Фукусима, Нодзу, Хасегава, Мурата, принцами Фусима, Канин и другими.

Несмотря на тяжелую войну, положившую между нациями, казалось бы, созданными для союза и дружбы, преграду, я до сих пор храню чувства симпатии к своим знакомым в Токио. В особенности с уважением вспоминаю, какой горячей любовью к родине и преданностью к императору они все были проникнуты. Эти чувства они доказывали и на деле.

Я познакомился также со многими государственными деятелями на других поприщах, в том числе с Ито, Коцура, Комура и др.

В представленном мною по поездке в Японию отчете я поставил японскую вооруженную силу по достоинству наравне с европейской. При обороне я признавал, что наш батальон может противиться двум японским батальонам, но при наступлении указал, что нам понадобятся двойные против японцев силы. Опыт войны подтвердил, что мое заключение было правильное. Были, конечно, и печальные случаи, когда японцы меньшим числом батальонов сбивали наши войска с занимаемых ими позиций, но это происходило от ошибок в командовании или от крайней слабости боевого состава наших батальонов. Некоторые бригады в последние дни боев под Мукденом имели состав штыков несколько более тысячи человек. Очевидно, что для успешного боя с бригадой такой силы японцы могли выставить два, три батальона.

Японцы — прирожденные моряки и рыбаки, смелые и опытные. Они любят море, знают его и дают отличный контингент для военного флота.

Все, касающееся Японии, ее вооруженных сил и ее задач на Дальнем Востоке, все, что мне пришлось видеть и изучать, приводило меня к заключению о необходимости прийти к мирному соглашению с нею и сделать даже большие и, на первый взгляд, обидные уступки национальному нашему самолюбию, лишь бы избежать войны с нею. Я не останавливался даже перед предложением возвратить обратно Китаю Квантун с Порт-Артуром и продать южную ветвь Восточно-Китайской железной дороги. Я предвидел, что война с Японией будет крайне непопулярна, предвидел, что не будет патриотического подъема духа ввиду неясности для народа целей, из-за которых война велась, указал, что противоправительственная партия воспользуется этой войной, чтобы увеличить смуту внутри России. Но я не оценил в полной мере возможности найти в нашем противнике такую энергию действий, высокий патриотизм, храбрость, какие проявили японцы. Поэтому я ошибся и в определении времени, которое находил необходимым для борьбы с Японией; не 1,5 года, как я предполагал, а надо было рассчитывать, ввиду нашей железнодорожной неготовности, двойной срок для борьбы на суше. Мы дали в общем менее, чем ожидал весь мир, а японцы дали более, чем даже ожидали они сами.

Майор Иммануэль дает следующую характеристику японской армии: «Начав войну, Япония обладала армией, организованной и обученной по немецкому образцу, тщательно приносившей к национальным особенностям. Вооруженная и подготовленная наилучшим образом, армия эта имела во главе безукоризненно подготовленный корпус офицеров, достойный уважения. Флот составляет жизненную потребность страны, каждый японец — прирожденный моряк, и благодаря уму, практике он прекрасно справлялся с новейшими судами. Народ, усвоивший современный прогресс и сочетавший его с национальными особенностями, выставил армию, не имевшую нервов, но понявшую особенности современного боя. Японский солдат соединил в себе порыв, презрение к смерти и стремление атаковать с вдумчивостью и любознательностью». (Русско-японская война. Вып. 4. С. 108, 109).

Талантливый писатель и наблюдатель, майор прусской службы Бронсар фон Шеллендорф, очевидец войны, в изданной им книге «Шесть месяцев при японской действующей армии» в своем отзыве о японской армии указывает, что «дисциплина и нервы японцев железные» (Разведчик. 1906, № 808).

Английский генерал Гамильтон, состоявший при японской армии во время войны, в изданном им труде «Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны» пришел к заключению, что батальон японской армии превосходит по своим качествам такой же батальон каждой европейской армии. В характеристике японских войск он говорит: «К патриотизму, всосанному японским солдатом с молоком матери, правительство озаботилось привить инициативу, быстроту и сообразительность. Это совершается в школах, где воинская доблесть стоит во главе всего курса обучения».

Но за сильными сторонами японцы обнаружили и слабые, которые могут повториться в будущих войнах. Перечислять их не буду. Укажу только, что во многих случаях участь боя колебалась, и было близко поражение японцев. В других случаях мы избежали серьезного поражения благодаря ошибкам командования японскими войсками. Говорят, победителя не судят. Прибавлю, что победителю поклоняются. Такой результат получился и по отношению к японцам. Общий тон отзывов о них всей печати приподнят в их пользу. Поистине, от похвал может закружиться даже прочная, практически поставленная голова японца. Дальше всех, однако, в этом направлении пошел граф Лев Толстой. В печатаемых

им в заграничной прессе статьях (в «Fortnightly Review») наш маститый писатель и философ пришел к выводу, что японцы одерживали над нами победы потому, что в настоящее время благодаря военному патриотизму и мощной верховной власти японцы — самый могущественный народ в мире, непобедимый ни для кого ни на суше, ни на море.

Из изложенного видно, что мы перед войной недостаточно оценивали материальные и особенно духовные силы Японии.

Из других причин успеха действий японцев в войне с нами перечислим следующие.

Главную роль в войне с Японией должен был играть наш флот. В Главном морском штабе, как и в главном штабе сухопутного ведомства, велся подробный учет всем судам японского флота, но наши руководители морским делом на Дальнем Востоке вели счет на тонны, число орудий, их калибр, и, получив удовлетворительный арифметический итог при сравнении нашей восточно-океанской эскадры со всем японским флотом признали в 1903 г. возможным, принять в основание нашего плана действий против японцев положение, что «при настоящем соотношении сил нашего и японского флотов возможность поражения нашего флота японским не допускается» и, что «высадка японцев в Инкоу и Корейском заливе немыслима».

Расчет потребных для войны с Японией сухопутных сил зависел от трех данных: а) от силы японской армии, которая могла быть двинута в Маньчжурию и в наши пределы, б) от силы нашего флота и в) от силы железной дороги, по которой должно было происходить сосредоточение наших войск.

Если бы наш флот одержал успех над японским, то и военные действия на материке стали излишни. Но даже без победы над японским флотом, пока японцы не приобрели полного господства на море, они вынуждены были оставлять значительные силы для охраны своих побережий и, главное, не могли рискнуть производить высадки на Ляодунском полуострове; вынужденные двигать ся через Корею, они давали бы нам время сосредоточиться.

Нечаянным ночным нападением на наш флот в Порт-Артуре ранее объявления войны Япония получила временно перевес в броненосном флоте и широко воспользовалась этим перевесом, получив господство на море. Наш флот, особенно после гибели адмирала Макарова, в самый важный период борьбы сосредоточения японских войск не оказал никакого сопротивления японцам.

При высадках их вблизи Порт-Артура мы не делали даже попыток помешать этим операциям. Последствия такого положения получились весьма тягостные для сухопутной армии.

Вместо предположенной Морским ведомством невозможности для японцев высадки в Корейском заливе японцы получили возможность угрожать нам высадкой на всем побережье Ляодунского полуострова, начиная с Квантуна. При слабых сухопутных силах адмирал Алексеев признал необходимым допустить большую разброску их. Мы готовились встретить японцев и на реке Ялу, и у Инкоу, и на Квантуне, он же допустил и разброску морских сил. В результате мы всюду оказались слабыми.

Вместо высадки только в Корею, как то было предположено по разработанному в Порт-Артуре плану, японцы, располагая огромным транспортным флотом, высадили три армии на Ляодунском полуострове и лишь одну в Корею и, оставив одну армию против Порт-Артура, начали наступление тремя армиями против нашей Маньчжурской армии, медленно сосредоточивавшейся в Южной Маньчжурии, в районе Хайчень—Ляоян. Этим японцы, получившие уже инициативу действий на море, приобрели такую и на суше.

Получив господство на море, Япония могла двинуть против наших сухопутных сил всю свою армию, не заботясь об обороне своих берегов. Этим, вопреки сделанным нами расчетам, Япония получила возможность выставить в первый период войны превосходящие против нас силы. Одержанные успехи в первых боевых столкновениях с нами еще более подняли нравственный дух наших противников и понизили его у нас.

Став хозяйкой на морях, Япония получила возможность быстро подвозить морем к армиям все необходимые для них запасы. Перевозки даже огромных тяжестей, требовавших для перевозки в нашей армии по слабой железной дороге месяцы времени, исполнялись японцами в несколько дней. Но что не менее важно, Япония при господстве на море и почти бездеятельности нашего флота беспрепятственно получала в японские порты и арсеналы заказанные ею в Европе и Америке оружие, боевые, продовольственные запасы, лошадей и скот.

Сообщение японских армий стало обеспеченным и коротким. Сравнительно с нами, удаленными от центров питания на 8000 верст и связанными с родиной одной слабой железнодорожной линией, выгода на стороне Японии в этом отношении была огромная.

Вследствие медленности сосредоточения нашей армии, перевозимой за 8000 верст слабой одноколейной дорогой, Япония во время войны успела сформировать значительное число новых воинских частей и двинуть их на театр военных действий.

Уже в первый период войны японцы, убедившись в значении в бою огня пулеметов, успели вооружить свою армию многочисленными пулеметами.

Маньчжурский театр военных действий был знаком японцам со времени Японо-китайской войны. Климат Маньчжурии, жара, ливни, грязь, горы и гаолян Маньчжурии были знакомы японцам по их родине. Особенно в горах, так угнетавших наши войска, японцы чувствовали себя как дома. Готовясь к войне в течение 10 лет, японцы не только изучили Маньчжурию, но подготовили в ней своих агентов, принесших японской армии большую пользу. Прибавим, что китайское население, несмотря на суровое, даже жестокое обращение с ними японцев, помогало последним в борьбе с нами. Японцы, в общем, несмотря на превосходство в числе нашей конницы, хорошо знали наши силы и их расположение. Мы же действовали часто в потемках.

Японцы имели значительное преимущество перед нами в своем снаряде с сильным разрывным действием, в многочисленной горной артиллерии, в пулеметах, в обилии взрывчатых веществ, средств защиты и поражения (провокола, мины, ручные гранаты).

Организация японских войск, снаряжение их и обозы были более приспособлены к местному театру военных действий, чем у нас.

Японцы располагали значительно большим, чем у нас, числом саперных частей.

Выучка японских войск способствовала развитию в них инициативы и самостоятельности.

Выше было изложено, что, по наблюдению во время войны иностранных военных агентов, японские войска обладали «инициативой, быстротой и сообразительностью».

Наставление для боя, с которым японские войска выступили на войну, изменялось весьма существенно во время военных действий. Так, в наставлении не рекомендовалось атаковать ночью. Японцы скоро убедились в выгодах ночного боя и широко воспользовались этими выгодами.

Фон Лютвиц, майор германской армии, издал брошюру «Атака японцев во время войны в Восточной Азии 1904–1905 гг.». Автор приходит к заключению, что японцы хотя и не пренебрегали

никакими средствами: для облегчения атаки, но секрет их успехов кроется в стремлении во что бы то ни стало сблизиться с противником (Разведчик. 1906, № 816; рецензия К. Адарида).

Унтер-офицерский состав вследствие большого развития и образования японского простолюдина сравнительно с нашим, был выше нашего. Многие японские унтер-офицеры могли с полным успехом нести офицерские обязанности.

Корпус японских офицеров проявил на войне выдающуюся храбрость, распорядительность, упорство и знание. Авторитет офицеров в японской армии весьма высок. Офицеры даже высших рангов вели на войне суровый образ жизни.

Но главное, что послужило к успеху японских войск, — это их высокий нравственный дух, готовность на все жертвы для достижения победы и упорство, с которым все чины армии, от солдата до главнокомандующего, добивались победы. Во многих случаях положение японских войск было настолько тяжелым, что требовались чрезвычайные усилия воли, чтобы держаться или подвигаться вперед. Японские офицеры находили в себе силу требовать, казалось бы, невозможных усилий, не останавливаясь перед расстрелом отступавших, а японский солдат собирал последние физические и духовные свои силы и этим последним усилием часто вырывал у нас победу. Несомненно одно: не будь вся японская армия патриотично настроена, не чувствуй армия дружную поддержку всей нации, не сознавай армия во всех чинах ее огромную важность начатой борьбы, — такие усилия, даже сделанные японскими вождями, не оказались бы результативны. Приказание идти вперед было бы отдаваемо, но войска, не поддержанные родиной, не нашли бы в себе сил к подвигу, который представлялся им свыше их сил.

Причины наших неудач в войне с Японией: малая роль во время войны с Японией нашего флота; слабость Сибирской магистрали и Восточно-Китайской железной дороги; отсутствие дипломатической подготовки для свободного расходования своих сил для борьбы с Японией; запоздалая мобилизация подкреплений, назначенных на Дальний Восток; недостатки «частных мобилизаций»; увольнение в запас из округов Европейской России во время войны; несвоевременное укомплектование действующей армии офицерами и нижними чинами; ослабление во время войны дисциплинарных прав начальствующих лиц по наложению наказаний на нижние чины; замедление по подвиганию вперед отличавшихся на войне; наши недочеты в техническом отношении.

После ряда тяжелых боев, сражаясь с все возраставшей энергией и мужеством, армия наша заняла в марте 1905 г. так называемую Сипингайскую позицию и простояла на ней, все усиливаясь, до заключения мира. Этот неожиданный и нежеланный для армии мир застал ее оканчивающей свои приготовления к переходу в наступление.

Ниже, в своем месте, будет изложено, какой еще небывалой у нас готовности мы достигли к августу 1905 г. Генерал Линевиц для начала решительных действий ожидал сосредоточения последнего (13-го армейского) корпуса из назначенных в его распоряжение. Корпус этот своей головой уже прибыл в Харбин, хвост — в Челябинск. Миллионная армия, устроенная, получившая боевой опыт, выделившая много имен, на которых мы могли остановиться с доверием, приготовилась продолжать кровавую борьбу с японцами. С другой стороны, по массе получавшихся и несомненных для нас данных, наш противник начал ослабевать материально и морально. Все ресурсы Японии казались нам истощенными; среди пленных стали попадаться старики и почти дети; число пленных, которых мы брали, начало возрастать, и эти пленные уже не обнаруживали такого патриотического фанатизма, как пленные в 1904 г. Мы, напротив того, избавились в значительной степени от запасных старших возрастов назначением их в тыл и на нестроевые должности, а взамен получили несколько сот тысяч молодежи: новобранцев и нижних чинов обязательного срока службы, значительной частью вызвавшихся идти в армию добровольно. Первый раз с начала войны армия была укомплектована до полного военного состава, а некоторые части, например 7-й Сибирский корпус, получили значительный сверхкомплект, позволявший выводить, за всеми расходами, роты в составе свыше 200 штыков. К армии прибыли пулеметы, гаубичные батареи, запас полевых железных дорог обеспечивал подвоз к армиям довольствия, которое было заготовлено на несколько месяцев; технические средства: телеграфы, телефоны, проволока, инструменты — все это было, наконец, налицо. Явился и начал действовать беспроволочный телеграф. Транспортная часть пополнилась. Санитарное состояние войск было отличное.

Армия стояла твердо на сильно укрепленных Сипингайских позициях и имела до Сунгари еще две сильно укрепленных оборонительных линии: Гунчжулинскую и Куанчензинскую. Вполне несомненно, что армия встретила бы переход японцев в наступление твердо.

По всем нашим расчетам, при переходе в наступление мы могли обрушиться на японцев превосходными силами. Никогда за военную историю Россия не выставляла такой силы армии, какую представляли в августе 1-я, 2-я и 3-я Маньчжурские армии, расположенные относительно сосредоточенно.

И вот при таких благоприятных для сухопутной армии условиях, неожиданно для армии, получилось роковое для нее известие, что в Портсмуте между нами и японцами состоялось соглашение.

Несомненно поэтому, что война нами была окончена ранее, чем Япония победила нашу сухопутную армию, выставленную против нее.

Наши войска, защищая шаг за шагом Южную Маньчжурию, за год отступили до Сипингайской позиции, находящейся еще в Южной Маньчжурии. Еще вся Северная Маньчжурия с Харбином и часть Южной с Гирином и Куанченцзы были в наших руках. Еще враг, за исключением беззащитного Сахалина, не касался русской территории, а мы уже сложили в Портсмуте оружие и притом не только уступили японцам половину Сахалина, но, что в военном отношении несравненно важнее, отдали японцам без боя Сипингайскую и Гунчжулинскую оборонительные линии вместе с плодородным районом, кормившим нашу армию в несколько сот тысяч человек.

Со скорбным чувством и недоумением армия наша отходила в октябре 1905 г. на зимние квартиры к Сунгари. Несомненно, что ни одна из испытанных нами неудач не подействовала на нашу армию таким вредным образом, как этот преждевременный, ранее победы, мир.

Я твердил войскам с моего приезда в армию, что возврата домой никому ранее полной победы не будет, что без победы каждому из нас будет стыдно показаться домой, и при дружном содействии начальствующих лиц всех степеней, добился, что все твердо уверовали в необходимость борьбы до победы, глубоко прониклись этой мыслью, и даже запасные начали не признавать возможным возврат домой без победы.

«Бабы засмеют», — говорили они мне неоднократно.

Такое настроение, конечно, менее ценно, чем патриотическое возбуждение, чем воинственный порыв вперед, чем искание подвига, но при тех обстоятельствах, в коих война велась, сознание, охватившее всю армию, что возврата домой до одержания победы не будет, давало полную уверенность, что армия

в новых боях проявит упорное мужество. При таких условиях будущий историк, подводя итоги по Русско-японской войне, спокойно решит, что наша сухопутная армия в этой войне, хотя несла неудачи в первую кампанию, но, все возрастая в числе и опыте, наконец достигла такой силы, что победа могла быть ей обеспечена, и что поэтому мир был заключен в то время, когда наша сухопутная армия не была еще побеждена японцами ни материально, ни морально.

Таким образом, нашей армии не был произведен полный экзаме́н. При одной весьма слабой железной дороге армия наша медленно сосредоточивалась, попадала под удары готового более нас к бою противника по частям, а ценой огромных жертв удержавшись в Южной Маньчжурии, наконец сосредоточилась и обеспечила всем необходимым для самой упорной борьбы.

Поэтому при рассмотрении причин наших неудач необходимо внести большую поправку: наша армия оказалась не в силах дать нашей родине победу в тот срок, который был оставлен в ее распоряжении, но могла продолжать борьбу с полной надеждой на успех.

Нельзя также принимать, что японская сухопутная армия победила в минувшую войну русскую сухопутную армию. В сражениях под Ляояном, на Шахэ и под Мукденом у нас сражалась только относительно небольшая часть нашей армии против всех сухопутных сил Японии. Даже в августе и сентябре 1905 г., когда почти сосредоточились на Маньчжурском театре действий все предназначенные в армию подкрепления, мы по числу бойцов выставили против Японии примерно только одну третью часть всех своих вооруженных сил.

Наша морская военная сила в Порт-Артуре и в сражении у Цусимы действительно была большей частью уничтожена, но сухопутная армия не только не была уничтожена, но после Мукдена, кроме прибывших подкреплений, значительно усилилась развертыванием трехбатальонных Восточно-Сибирских стрелковых полков в четырехбатальонные. Кроме того, была вновь сформирована 10-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия. Эти меры дали увеличение нашим войскам на Дальнего Востоке в 76 батальонов пехоты.

Таким образом, при дальнейшем рассмотрении причин наших неудач в войне с Японией мы будем рассматривать по отношению к нашей сухопутной армии лишь частный вопрос: почему наши

войска в период до марта 1905 г. не могли одержать победы над японцами?

· Ответ на этот вопрос в полном объеме весьма затруднителен, ибо мы еще не имеем данных о численности японских войск, действовавших против нас в главнейших боях минувшей войны. Мы приблизительно знали число действовавших против нас батальонов постоянной армии, но не знали числа резервных батальонов и числа штыков. Между тем участь боя в значительной степени решалась не числом частей войск, а числом стрелявших ружей.

Вполне возможно, что с появлением правдивой истории войны по японским источникам нашему самолюбию будет нанесен новый удар. Мы знаем, что во многих случаях мы были многочисленнее японцев, и все же не остались победителями. Объяснение такому явлению, однако, весьма просто: японцы, уступая нам в этих случаях материально, были сильнее нас морально.

Вот эта сторона и заслуживает особого нашего внимания, ибо военная история учит, что во всех войнах противник более сильный морально и является победителем. Исключения составляли только такие случаи, как, например, в войне англичан с бурами, когда противник, более слабый морально, выставил в поле подавляющие по численности силы и несмотря на многие поражения раздавил своего противника. В таком же положении находилась в войну североамериканскую армию южан: северянам потребовалось ввести в дело превосходные силы, чтобы победить ее. Но при подробном соотношении противных сил особо благоприятным обстоятельством служит для стороны, в начале войны морально слабейшей, то, что армия эта крепнет духом одновременно с приобретением превосходства сил. Примеры сему мы видим в Северную войну перед Полтавой и в войну Отечественную.

В предыдущей главе выяснено, что до заключения мира несла неудачи только относительно небольшая часть наших сухопутных сил. В период между сражением под Мукденом и заключением мира наша армия возросла почти вдвое, заняла весьма прочное положение на Сипингайской линии, имея в тылу до реки Сунгари еще две сильно укрепленные линии: Гунчжулинскую и Куанчензинскую, и была готова к наступлению. В то же время японцы напрягали все свои силы, поставили в ряды войск даже контингент новобранцев 1906 г. и по многим признакам начали ослабевать морально.

В войне с Японией, по преимуществу морской державой, главное место должно было принадлежать действиям не на суше, а на

море. Разбей мы японский флот, война на китайской территории стала бы для японцев невозможной. В действительности наш флот мало помог сухопутной армии. Укрывшись в Порт-Артуре, наш флот не сделал даже попытки помешать операциям японцев. Три японских армии — Оку, Ноги и Нодзу — произвели высадки на Ляодунском полуострове совершенно беспрепятственно. Из них две армии — Оку и Ноги — высаживались непосредственно вблизи стоянки нашего флота.

Имея прекрасную базу во Владивостоке, мы расположили главную силу нашего флота в Порт-Артуре, представлявшем огромные недостатки в морском отношении (не закончено строительство, не имел доков, мастерских, достаточно укрытого внутреннего бассейна).

Настоящий труд я пишу в деревне, лишенный возможности пользоваться официальными данными морского министра. У меня под руками имеется только статья Бруна «Итоги морской войны» (Русский вестник. 1095, октябрь и ноябрь). Многие данные этой статьи соответствуют тому, что мне было известно по морской части, и поэтому ниже я приведу некоторые из них.

Наш флот начал сильно увеличиваться с Японо-китайской войны, и в 1902 г. морской бюджет наш дошел до 112 млн руб.

К началу войны в списках нашего флота числилось 28 эскадренных броненосцев, 14 броненосцев береговой обороны, 15 мореходных канонерских лодок, 39 крейсеров, 9 минных крейсеров, 133 миноносца и 132 менее значительных в военном отношении вспомогательных судна. На создание этого флота в период с 1881 по 1904 г. мы израсходовали 1300 млн руб.

Морские бюджеты (млн руб.), в годы, предшествовавшие войне, были следующие:

Год	1899	1900	1901	1902	1903
Россия	90	96	108	112	120
Япония	60	45	41	32	32

В японском флоте числилось:

эскадренных броненосцев	— 6
броненосцев береговой обороны	— 2
броненосных крейсеров	— 11
малых крейсеров	— 14
миноносцев	— 50
канонерских лодок	— 17

Ко времени начала войны наш Тихоокеанский флот состоял:

эскадренных броненосцев	— 7
больших крейсеров (из них только 4 броненосных)	— 9
малых крейсеров и минных миноносцев	— 4 — 42

Флот наш не держался соединенно и в готовности к бою. Четыре крейсера стояли во Владивостоке и один в Чемульпо. Большая часть Порт-Артурской эскадры держалась во внутреннем рейде, но за несколько дней до нападения, 27 января вытянулась на рейд, пробовала машины и не принимала должных мер предосторожности, даже когда последовал разрыв дипломатических сношений.

Еще в 1901 г. Главный штаб считал, что в случае войны с Японией наш флот в Тихом океане слабее японского.

Через два года, по указанию наместника генерал-адъютанта Алексева, в основании плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока было принято в 1903 г., что при настоящем соотношении сил нашего и японского флотов возможность поражения нашего флота не допускается.

Нечаянным нападением 27 января японцы вывели из строя несколько наших наиболее сильных судов.

Как ни значительны были повреждения их, но при хорошо усвоенных доках поправки пошли бы быстро. Но мы израсходовали много миллионов рублей на оборудование доков и пристаней города Дальнего, а Порт-Артур остался без дока. Поэтому исправления велись медленно, с помощью самодельных кессонов (деревянных).

Тем не менее наша тихоокеанская эскадра ожила с приходом в Порт-Артур адмирала Макарова, и шансы на успех нашего флота возросли.

После гибели адмирала Макарова командование флотом перешло к адмиралу Витгефту. Получив приказание прорваться во Владивосток, адмирал Витгефт вышел в море и вступил в бой с эскадрой Того.

Сам адмирал Витгефт погиб, наша эскадра возвратилась в Порт-Артур, но ни одно из судов не было потеряно. Эскадра Того понесла серьезные повреждения.

В бою 28 июля 1904 г. наши моряки целый день упорно сражались с превосходной в силах японской эскадрой, отбивали много-

численные атаки миноносного японского флота, и вправе считать, что бой 28 июля был морским сражением с нерешительными для обеих сторон результатами.

Со времени возвращения в Порт-Артур эскадра наша держалась совершенно пассивного образа действий и, постепенно разрушаясь, усиливала по примеру Севастополя оборону Порт-Артура. По всеобщему свидетельству, действия моряков на сухом пути были самоотверженны и во многом облегчили положение сухопутного гарнизона.

Насколько наш флот мог приносить существенную пользу в войне с Японией, видно из результатов молодецких действий небольшой крейсерской эскадры адмирала Эссена, сделавшей из Владивостока смелый набег к берегам Японии. На потопленном японском транспорте, кажется, были погружены и значительные осадные средства для Порт-Артура.

Успех Эссена произвел сильное впечатление в Японии.

1 октября 1904 г. вышла из Либавы в тихоокеанские воды эскадра адмирала Рожественского в составе 7 броненосцев, 5 крейсеров 1 ранга, 3 крейсеров 2 ранга и 12 миноносцев. Всего в эскадре было 519 офицеров и 7900 нижних чинов.

3 февраля 1905 г. из Либавы вышла на соединение с эскадрой адмирала Рожественского эскадра адмирала Небогатова из 1 эскадренного броненосца, 3 броненосцев береговой обороны и 1 крейсера 1 ранга. На эскадре было 120 офицеров и более 2100 нижних чинов.

Эскадре адмирала Рожественского приходилось до Владивостока сделать путь в 16 400 миль.

Без угольных станций, преодолевая чрезвычайные трудности, адмирал Рожественский успешно довел эскадру до Японского моря.

Бой 14 и 15 мая 1905 г. у о. Цусимы окончился полным поражением нашего флота. Из 47 вымпелов мы в 24 часа потеряли потопленными и взятыми в плен 30. Из 157 000 тонн водоизмещения нашего флота осталось на воде 19 600. Во Владивосток прошли только легкий крейсер «Алмаз» и два миноносца «Грозный» и «Бравый».

По донесениям адмирала Того, он потерял лишь три миноносца, убитыми 7 офицеров и 108 нижних чинов, ранеными 40 офицеров и 620 нижних чинов.

Много подвигов совершено нашими моряками в этом бою. Броненосец «Суворов», уже тонувший, до последнего момента стре-

лял по врагу. С «Наварина» спаслось только два человека. Слабый броненосец береговой обороны «Ушаков» отвечал залпом на предложение начальника отряда японских крейсеров сдаться и пошел ко дну со всей командой.

Г. Брун следующими строками оканчивает свою замечательную статью: «Несомненно, в числе причин Цусимской катастрофы были и тактические ошибки, и неуместность транспортов среди эскадры, и неустойчивость кораблей, перегруженных вдвойне против первоначальных проектов, и даже окраска наших кораблей, и множество других мелочей.

Но главнейшая причина всех причин — неподготовленность нашего флота к войне, общая поголовная неподготовленность администрации, строевых чинов, материальная и духовная. У нас думали, что войны не будет и что флот существует лишь для ценза, министерства и смотров. Лучший в мире живой материал нашей команды, способные, восприимчивые, добродушные и отважные люди, не были не только обучены действовать всеми новейшими средствами войны, как, например, новейшими прицелами, но даже жить на кораблях.

Офицеры и командиры, глубоко сознававшие свой долг, понимавшие всю важность возложенной на них чрезвычайной задачи, впервые встретились со своими командами на палубах незнакомых им кораблей, управлять которыми им предстояло в виду флота, приобретшего боевую опытность в течение многих месяцев войны. Природные моряки, японцы не сходили с палуб своих кораблей еще и тогда, когда наши корабли не имели постоянных и полных экипажей. Даже в последние 8 месяцев похода нашей эскадры командиры не имели возможности повторить курс стрельбы и проверить свои знания по недостатку снарядов, отпущенных в обрез для одного сражения с неприятелем. Да, мы потеряли флот потому только, что не готовили к войне главнейший элемент, душу его — личный состав. Мы проиграли нашу войну, утратили значение на Тихом океане потому, что, готовясь торжественно отпраздновать героическую защиту Севастополя, забыли, что вся сила защиты зиждилась на духе всех чинов этого славного морского гнезда.

Но неужели герои-защитники, чудные моряки, так гордо носившие Андреевский флаг, унесли с собой в могилу тайну создания личного состава?

Если это так, если тайна скрыта от Морского министерства, оно не воссоздаст флот и на затраченные миллиарды понастроит

столько же кораблей, сколько мы утопили их в Японском море. Но корабли — не флот, не сильная вооруженная рука империи. Сила не в бронях, не в пушках, не в минах, а в людях, одухотворяющих их».

Вместо помощи эскадра Рождественского принесла сухопутной армии непоправимый вред. Поражение под Цусимой предрешило вступление на путь мирных переговоров и предрешило заключение мира в то время, когда собранная миллионная армия уже готова была к энергичному переходу в наступление.

Таким образом, во время минувшей войны, как и в войну 1853–1856 гг., флот оказал услугу сухопутному ведомству только усилением моряками и морскими орудиями сухопутной обороны Севастополя и Порт-Артура. Неправильная оценка сил нашего и японского флотов и заявление о невозможности для японского флота высаживаться в Корейском заливе повело к тому, что мы назначили первоначально меньшие сухопутные силы для борьбы с Японией, чем бы это следовало. Содействие нашим сухопутным войскам при атаке японцами Цзичжоуской позиции было оказано ничтожное (стреляла одна канонерская лодка).

Опасаясь за участь флота, мы сделали попытку движения на выручку Порт-Артура совершенно недостаточными силами и потерпели неудачу под Вафангоу. Имея флот запертым в Порт-Артуре, мы не могли пользоваться морем для подвоза к армии разных видов довольствия, что облегчило бы работу железной дороге.

Препятствия подвозу японцам разного рода довольствия, оружия, снарядов, материалов наш флот не оказал, и, наконец, неудача под Цусимой в значительной степени содействовала заключению Россией преждевременного и не почетного мира.

Из предыдущего видно, насколько в то же время приобретение японцами господства на море усилило их положение на суше. Позволительно поэтому сделать вывод, что успех японцев на суше во многом был обеспечен отсутствием у нас активно действовавшего флота в Тихом океане. Имей мы такой флот, японцы вынуждены были бы оставить часть войск в Японии, перевозка запасов затруднилась бы, некоторые запасы попали бы к нам в руки, и, самое главное, десантные операции на Ляодунском побережье стали бы невозможными, или при совершении их японцы понесли бы большие потери.

После флота важнейшим фактором, облегчившим японцам их наступательные операции и затруднившим нашу боевую деятель-

ность, послужила слабость Сибирской магистрали и Восточно-Китайской железной дороги. Чем сильнее была наша Сибирская магистраль, тем быстрее мы могли выполнить сосредоточение нашей армии. При условиях, в которых велась война, быстро собранные 150 000 человек могли сделать более, чем 300 000, собираемые в течение 9 месяцев и подставляемые под удар по частям.

Во всеподданнейшем докладе военного министра в 1900 г., когда Япония еще не закончила своих вооружений, я писал, что Япония может развить в военное время свои вооруженные силы до 380 000 человек при 1090 орудиях и что около половины этих сил могут принять участие в десантных операциях, но что в наибольшей готовности в Японии содержится с этой целью 7 дивизий, составляющих в военное время силу в 126 000 штыков, 55 000 шашек и 494 орудия.

В 1903 г., в марте, перед поездкой в Японию военный министр определял, что при существовавших в то время взглядах наших моряков на соотношение сил нашего и японского флотов мы должны в случае войны готовиться выставить в Маньчжурии армию в 300 000 штыков.

Насколько эта цифра значительна, видно из того, что в сражениях под Ляояном и на Шахэ число штыков составляло только около 150 — 180 тыс. Имея более сильную железную дорогу и сосредоточив ко времени боев под Ляояном 300 000 штыков, мы несомненно, даже делая ошибки, победили бы японцев.

Из представленной мною 24 июля 1903 г. всеподданнейшей записки видно, что в августе 1901 г. мы могли располагать для военных перевозок на Восточно-Китайской железной дороге 20 вагонами в сутки. Летом 1903 г. мы располагали 75 вагонами, а с 1 января 1904 г. нам было обещано для военных перевозок 5 пар военных поездов в сутки 35-вагонного состава, что дает 175 вагонов в каждую сторону. В то же время предполагалось, что Сибирская дорога будет в состоянии давать по 7 пар военных поездов в сутки.

Эти обещания не были осуществлены.

Для сквозного движения по Сибирской дороге мы могли в 1903 г. рассчитывать лишь на 4 воинских поезда, а на Восточно-Китайской — лишь на 3 слабого состава.

В конце 1903 г. переговоры с Японией весьма усложнились, и стало возможным предполагать, что Япония, приготовившись к войне, ищет поводов к разрыву с нами, и что поэтому, даже уступив в том или другом требовании, мы можем встретить новое и

вполне неприемлемое требование. Наша неготовность была очевидна, но в то же время было ясно, что в два-три года спокойной работы мы настолько укрепимся на Дальнем Востоке, настолько усилим железную дорогу, флот, сухопутные силы, крепости Порт-Артур и Владивосток, что борьба с нами уже не даст достаточных для Японии шансов.

На случай разрыва с Японией, кроме войск Дальнего Востока, предполагалось сначала двинуть из Европейской России на подкрепление войск Дальнего Востока четыре корпуса: два действующих и два резервных. Планы перевозки, ввиду неготовности железной дороги и неизвестности, с какой быстротой можно будет производить усиление дороги, можно было составлять только с весьма условной точностью. По этим планам при движении из Европейской России укомплектований для войск Дальнего Востока, третьих батальонов для Восточно-Сибирских стрелковых полков, нескольких батарей, местных частей и парков для Восточно-Сибирских стрелковых дивизий и Сибирского корпуса и двух корпусов из Европейской России (10-го и 17-го), требовалось пропустить через станцию Маньчжурия около 500 воинских поездов с войсками, кроме большого числа поездов с грузами. Кроме того, с объявлением мобилизации Сибирского военного округа таковая требовала местных перевозок на весьма значительные расстояния, которые отнимали около трех недель от перевозок войсковых частей. Мы ожидали, что с января 1904 г. Сибирская и Восточно-Китайская железные дороги могут давать нам ежедневно по 5 пар воинских поездов. Таким образом, даже не принимая в расчет половины назначенных на Дальний Восток подкреплений, сосредоточение относительно слабых наших сил требовало до 5 месяцев со дня объявления войны. Очевидно, что при такой медленности сбора войск, они подставлялись бы нашему противнику по частям. Поэтому главной заботой военного министра было добиться возможно быстрого усиления Сибирской и Восточно-Китайской магистралей первоначально до 7 пар воинских поездов в сутки, а на южной ветви Восточно-Китайской железной дороги, по которой движение должно было производиться через Харбин с двух сторон, с Приамурья и с Забайкалья, до 14 пар поездов в сутки.

Представленный мною доклад был утвержден, причем против цифры в 14 пар последовала высочайшая отметка: «хотя бы до 12 пар воинских поездов».

Для обсуждения вопроса о потребных кредитах и времени для проектированного нами первоначального усиления железных дорог по воле государя императора в середине января 1902 г. образовано было особое совещание из представителей министерств: военного, путей сообщения, финансов и государственного контроля, под председательством инженер-генерала Петрова. Совещание это должно было выяснить, какие необходимы средства и что должно сделать, чтобы получить возможность пропускать по Сибирской и Восточно-Китайской магистралям до 7 пар поездов в сутки, а по южной ветви (от Харбина до Порт-Артура) — по 12 пар поездов.

16 января 1904 г. наместник прислал депешу о состоянии Восточно-Китайской железной дороги, в которой значится:

«Вновь полученные сведения о состоянии Восточно-Китайской железной дороги дают основание, несмотря на официально заявленные цифры о ее провозоспособности, усомниться в полной пригодности дороги для выполнения в настоящее время усиленного воинского движения. Ощущается недостаток в ремонтных средствах, почему много паровозов пришло в негодность. Водоснабжение оказывается настолько необеспеченным, что из-за него дорога недавно должна была отказаться от срочной доставки грузов. Личный состав, кроме воинских чинов, нельзя признать вполне надежным. Среди служащих проявляются уже некоторые признаки беспокойства, но самый существенный недочет заключается в отсутствии на линии достаточных запасов топлива, уголь сосредоточивается главным образом в Дальнем, и оттуда развозится на линию по тысяче тонн ежедневно, но из этого количества только половина идет на приращение запасов, а другая составляет суточную потребность самой дороги. Для вывоза на линию всего Дальнинского запаса нужно еще около 25 дней, после чего только дорога будет обеспечена для усиленного движения на время до трех месяцев. На большие заказы, сделанные дорогой, едва ли можно рассчитывать в случае военного времени, т. к. они подлежат доставке морем».

В заседании особого совещания 22 января, т. е. за 4 дня до начала военных действий, из доклада ведающих делами Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог лиц выяснилось следующее состояние этих дорог ко времени объявления войны.

Сибирская железная дорога, по расчетам министерства путей сообщения, могла давать 6 пар сквозных поездов, в том числе

4 воинских, один пассажирский, один хозяйственный. Из числа 4 воинских поездов, по состоянию вагонного парка, только 3 могли следовать с войсками, а один должен идти с грузами (платформы). Но представитель военного ведомства, заведовавший передвижением войск, бывший на заседании, указал, что на участке Забайкальской железной дороги от станции Карымская до станции Маньчжурия можно было пропускать с войсками и грузами всего 3 воинских поезда. Таким образом, официальные сведения Министерства путей сообщения расходились со сведениями наших военных представителей по железнодорожным делам.

Представитель Восточно-Китайской железной дороги заявил на заседании 22 января, что по Восточно-Китайской железной дороге может пускать в январе всего 5 пар поездов. В апреле они рассчитывали довести пропускную способность до 6 пар на магистрали и до 7 пар на южной ветви.

При разборе в подробностях, какие работы надлежит выполнить, выяснилось, как слабо были оборудованы различные участки Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог. Наибольший расход вызывался необходимостью увеличить подвижной состав. Затем следовали крупные расходы по увеличению станционных путей, разъездов и по увеличению водоснабжения. На Восточно-Китайской дороге оказалось весьма недостаточное число паровозных депо и слабое оборудование мастерских. Требовалось доставлять на линию рельсы, скрепления, шпалы, развозить балласт и пр., и все это одновременно с сформированным воинским движением.

Дабы ускорить сосредоточение войск, я написал управляющему Военным министерством генералу Сахарову письмо (25 февраля, № 185), в котором указал, что ввиду полученных мною сведений о наличных запасах в наместничестве я признаю необходимым занимать на всей линии до станции Маньчжурия под перевозку грузов, за редкими исключениями, не более одного поезда в сутки, а остальные поезда отправлять с войсками.

На Сибирской магистрали озеро Байкал представляло огромное препятствие. Ледокол действовал неисправно.

Работы по Кругобайкальской железной дороге еще мало продвинулись вперед. У князя Хилкова явилась мысль, приведенная им в исполнение, проложить временный путь по льду, по этому пути перегонять вагоны и этим ускорить передачу их. Паровозы

предположено было перевозить по «временке» в разобранном виде. Тяга для вагонов и перевозов — лошади.

3 февраля мною была получена следующая депеша министра путей сообщения князя Хилкова:

«Вернулся с осмотра Забайкальской. В Маньчжурии виделся с Хорватом. Забайкальская сейчас доведена до 6 пар всяких поездов. Приступлено к устройству разъездов для 9 пар, но этого можно достигнуть только с наступлением теплого времени и при передаче подвижного состава. Теперь почти все реки промерзли до дна, делаются работы по устройству 13 временных водоснабжений, о наступлении теплого времени, об усилении его до 12 пар сообщу отдельно. Хорват сообщил, что теперь может принимать войсковых поездов три пары на западном участке, пять — на южном. Дальнейшее усиление почти исключительно зависит от подвижного состава, который будет передан. Сильные бураны, некоторые замешательства при призыве запасных несколько замедляют укладку пути через Байкал; тем не менее рассчитываю на успех. На станции Маньчжурия принимаются меры к временному помещению в бараках и землянках от четырех до шести тысяч».

Из этой депеши видно, что мы начали войну с Японией, располагая для мобилизации, сосредоточения и подвоза запасов лишь тремя воинскими поездами в сутки, ибо пропуск на западной ветви Восточно-Китайской железной дороги от станции Маньчжурия до Харбина только трех пар воинских поездов определял силу дороги на всем ее протяжении от Европейской России до Харбина.

Таким образом, в первый период войны главной пробкой для скорейшего успеха перевозок служил не Байкал, а западный участок Восточно-Китайской железной дороги. Промерзание рек в Забайкалье тоже составляло тяжелое явление. Приходилось вновь организовать водоснабжение на многих станциях. Главное, что требовалось — это передать скорее подвижной состав на Забайкальскую и особенно на Восточно-Сибирскую железные дороги, пропускная способность которых была значительная, но провозная, вследствие недостатка подвижного состава, составила только три воинских поезда в сутки.

При нормальных условиях мы были бы вынуждены ждать весны и вскрытия озера Байкал и только тогда начать массовую перевозку к востоку от Байкала подвижного состава, а до середины

марта довольствоваться тремя парами поездов в сутки. (На один ледокол надежда была плохая, ибо успех работы был весьма незначительный, а остановки в действии частые.) Вдохновение и энергия князя Хилкова выручила нас из этого тяжелого положения: невзирая на все трудности, на страшном морозе и ветре, старый князь лично вел дело и хотя крепко заболел, но выручил нас. Уже 22 февраля я получил от него следующую депешу:

«17 (февраля) начата переправа подвижного состава (по льду через Байкал). Передано свыше 150 вагонов. В ходу на озере около ста. Если погода будет благоприятна, начнется передача паровозов».

25 февраля мною получена от него депеша с изложением встреченных затруднений. Ввиду происходивших на Байкале частых и резких колебаний температуры на озере образовывались многочисленные трещины, и приходилось часто передвигать только что уложенный путь. Князь Хилков просил помочь ему рабочими из войск, что и было исполнено.

Насколько многое требовалось исполнить вновь, чтобы хотя несколько усилить Маньчжурскую дорогу, видно из доставленной мне 25 февраля 1904 г. по особому совещанию расценочной ведомости. Правление Восточно-Китайской железной дороги определило, что для доведения провозоспособности этой дороги до 7 пар и по южной ветви — до 12 пар воинских поездов требуется отпуск в 44 240 000 рублей. При таком расходе сила дороги получилась бы следующая: по главной линии — провозная: 7 пар воинских, 1 пара пассажирских и 1 пара хозяйственных, всего 9 пар; пропускная: 10 пар, водоснабжения 10 пар; по южной линии — провозная: 12 пар воинских, 1 пара пассажирских и 2 пары хозяйственных, всего 15 пар; пропускная: 16 пар, водоснабжения 16 пар.

В показной ведомости главными статьями расходов являлось проложение 126 верст станционных путей, требовавших доставки и развозки по линии 602 000 пудов рельсов и скреплений. Затем требовалось выстроить 224 паровозных стойла, 7600 кв. саж. мастерских, 2400 кв. саж. платформ. Жилых домов требовалось выстроить на 4 млн руб. Водоснабжение на южной ветви предполагалось увеличить на 60 %. Но наиболее важную статью расходов составлял подвижной состав на сумму свыше 23 млн руб., в том числе 335 паровозов (16,7 млн руб.), 2350 товарных вагонов, 810 платформ и 113 пассажирских вагонов.

Очевидно, что доведение Сибирской и Восточно-Китайской магистралей до 7 пар воинских поездов и на южной ветви до 12 пар было совершенно недостаточно для успешной войны с Японией и должно было составить только первоочередные работы. Еще в июне 1903 г., в бытность мою в Маньчжурии, была задана для Восточно-Китайской и Сибирской дорог первоначальная задача по доведению всей магистрали до 7 пар, а на южной ветви до 12 пар воинских поездов.

Перед отъездом на Дальний Восток для вступления в командование армией мною был представлен 23 февраля государю императору доклад с изложением наиболее настоятельных нужд наших для возможного обеспечения успеха в войне с Японией. Доклад этот с собственноручными отметками государя императора был передан вступившему в управление Военным министерством генералу Сахарову.

В докладе этом значится:

«Согласно высочайшего соизволения Вашего Императорского Величества всеподданнейше докладываю, что для обеспечения успеха войны с Японией очередными, наиболее настоятельными нуждами нашими, по моему мнению, представляются следующие:

1) Усиление Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог для постепенного доведения числа воинских поездов до 14 пар в сутки на всей магистрали и до 18 пар в южной ветви. Прибавка каждой пары поездов, сокращая время для сосредоточения войск, обеспечит в то же время в большей мере снабжение армии всеми видами довольствия. Большие затруднения будут встречены в особенности по увеличению пропускной способности на Средне-Сибирской и Забайкальской железных дорогах. С устранением этих затруднений увеличение провозной способности может быстро быть достигнуто временным позаимствованием подвижного состава с других железных дорог.

Позволяю себе высказать убеждение, что в ряду всех вопросов, успешное решение коих обеспечит результаты войны, вопрос об усилении железнодорожной связи всей России с ее сибирской окраиной есть главный. Поэтому к решению его в том объеме, который указан выше, необходимо, несмотря на значительные расходы, приступить безотлагательно. Расходы эти не пропадут и после успешной войны. Эти расходы будут в высокой степени производительны и потому, что сократят продолжительность войны.

2) Одновременно с передвижением войск и грузов по железной дороге необходимо энергично организовать гужевую перевозку по старому Сибирскому тракту и по грунтовым путям вдоль Восточно-Китайской железной дороги.

Для успешного сосредоточения и быстрого обеспечения подвоза всех грузов необходимо иметь до 30 воинских поездов в сутки. Мы же будем иметь, когда вышепоставленные требования будут удовлетворены, всего 14 пар, т. е. менее половины.

Отсюда видно, в каком тяжелом положении мы находимся теперь, располагая между Байкалом и Харбином всего 4 парами воинских поездов».

При проезде в марте 1904 г. по Сибирской и Маньчжурской дорогам меня сопровождал начальник Сибирской железной дороги Павловский. Он заявил мне, что при отпуске ему в первую очередь 6,5 млн руб., если дадут заимообразно подвижной состав, он признает возможность уже в 1904 г. увеличить число воинских поездов до 10, а затем до 14 пар.

После доклада начальника Сибирской дороги мною была послана 6 марта управляющему Военным министерством генерал-адъютанту Сахарову депеша следующего содержания:

«Вместе с сим телеграфирую тайному советнику Мясоедову-Иванову ходатайство следующего содержания: “Усердно ходатайствую об энергичном усилении провозной и пропускной способности Сибирской железной дороги. По докладу мне начальника Сибирской дороги инженера Павловского, им уже представлена расценочная ведомость для доведения к лету сего года числа поездов на западном — 13, на среднем — 14, горном — 15. Из них воинских будет 9, 10 и 11. Требуется отпуск 6,5 млн руб. Усердно прошу о скорейшем ассигновании этой суммы. Прошу ускорить отпуск соответствующих кредитов и на Забайкальскую железную дорогу. Я представлял уже Его Императорскому Величеству мои соображения о необходимости всю магистраль от Волги до Харбина оборудовать на 14, первоначально хотя на 12 пар воинских поездов. Инженер Павловский признает вполне желательным и возможным общее число сквозных поездов довести до 17. Признаю невозможным надеяться на энергичное ведение войны без указанного выше окончательного усиления железной дороги до Харбина, а от Харбина необходимо иметь до 18 и временно до 14 пар воинских поездов. Покорнейше прошу Ваше Превосходительство с своей стороны поддержать настоящее мое ходатайство”».

Ввиду слабости Забайкальской и Маньчжурской дорог движение по Сибирской дороге совершалось при моем проезде до Байкала без задержек. Мною обращено еще в Челябинске внимание, что платформы, нагруженные повозками, принимают полезный груз лишь 200–300 пудов. Сопровождавший меня по железнодорожной части подполковник Генерального штаба Гаврилица подал совет догружать эти платформы тяжелыми предметами, особенно рельсами. Совет был применен и принес большую пользу.

На Байкале князь Хилков успел в середине марта передать по рельсовому пути, проложенному по льду, 65 паровозов в разобранном виде и 1600 вагонов. Я встретил его на Байкале совершенно больным. Но большое дело было им сделано и, надо надеяться, будет оценено Родиной.

Эшелоны войск делали в один день переход по льду в 44 версты. На каждых 4 человека наряжались одни сани для перевозки солдатских вещей. Во время моего переезда через Байкал через него переправлялось не более 4 эшелонов в сутки.

Забайкальская дорога работала слабо и вместе с Байкалом составляла пробку. Охрана дороги найдена мною недостаточной — на 1200 верст охрана состояла всего из 400 человек.

По Маньчжурской дороге эшелоны, принятые на станции Маньчжурия шли беспрепятственно. Но дорога через туннель еще не была окончена. Временные тупики требовали пересоставления поездов.

В видах ускорения сосредоточения войск в Южной Маньчжурии я телеграфировал наместнику (3 марта, № 293) о необходимости организовать в широкой степени передвижение войсковых частей и грузов от Харбина грунтовыми дорогами к Мукдену и занимать под грузы, кроме исключительных случаев, на южной ветви не более одного поезда в сутки. Я обращал вместе с этим внимание наместника, чтобы войска не провозили с собой нештатных грузов. Осмотренные мною в пути на Байкале третьи батальоны стрелков везли с собой из России массу сундуков с солдатскими вещами, как будто передвигались на новую мирную стоянку.

14 марта я прибыл в Ляоян, где и началось томительное ожидание прибывающих эшелонов с подкреплениями.

Первоначально прибывали по одному, по два в сутки третьи батальоны для семи Восточно-Сибирских стрелковых бригад, прибывали артиллерийские части, укомплектования для бригад 31-й и 35-й дивизии. Между тем вопросы об ассигновании необходи-

мых денежных средств для усиления Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог не разрешались с должной быстротой.

6 мая мной была получена от министра финансов (депеша от 5 мая, № 180) копия с его депеши наместнику от 2 мая. В этой депеше значилось, что вопрос о доведении провозной способности Восточно-Китайской железной дороги до 7 пар поездов и на южной ветви до 12 пар подвергался в многочисленных заседаниях особого совещания всестороннему рассмотрению. Причем была выяснена необходимость отправить на Восточно-Китайскую дорогу, сверх имевшихся в наличии, рельсы со скреплениями 285 верст, стрелок 770 штук, паровозов 355, вагонов классных 88, вагонов товарных и платформ 2755. В дополнение к этому количеству адмирал Алексеев просил еще выслать рельсы со скреплениями на 46 верст, стрелок 265 и 1628 товарных вагонов. Министр финансов сообщил, что для усиления и эксплуатации Китайской дороги на нее необходимо доставить по сделанным расчетам около 3000 вагонов разных грузов. Между тем в течение апреля удалось отправить на эту дорогу только 200 вагонов, в мае (по 16 мая) включен в планы перевозки 201 вагон: всего 401 вагон. Поэтому министр финансов сделал заключение, что «на вывозку всего вышеуказанного груза можно рассчитывать не ранее осени».

Насколько замедлилась отправка видно из того, что из 1000 разрешенных к приобретению вагонов были назначены к 5 мая только 60, а из 355 паровозов, назначенных к отправке, отправлено было только 105 паровозов. 120 паровозов представляется возможным отправить только 17 июля, а последние 130 паровозов гораздо позже.

Ввиду задержки в Харбине трех полков 1-й Сибирской дивизии на усиление Маньчжурской армии в течение всего апреля не прибыло ни одного батальона, а между тем 18 апреля мы понесли неудачу под Тюренченом, а 23 апреля началась высадка армии Оку и Бицзыво. Затем в течение первой половины мая прибыла в Ляоян 2-я Сибирская дивизия, мы все еще были крайне слабы. 10 мая ко мне уже принес письмо наместника генерал Жилинский, в котором указывалось, что, по мнению наместника, для Маньчжурской армии уже наступило время перейти в наступление к Ялу или к Порт-Артуру.

Несмотря на мое мнение о нашей неготовности к наступательным действиям, несмотря на то что из 12 назначенных нам на подкрепление дивизий прибыла только одна, несмотря на крайнюю

еще слабость железной дороги, наступление было предписано и, предпринятое недостаточными силами, окончилось 1 июня неудачей под Вафангоу.

Только 4 июня прибыла в Ляоян голова 10-го армейского корпуса. Таким образом, потребовалось свыше трех месяцев от начала военных действий, чтобы нашим войскам на Дальнем Востоке подать помощь корпусами, назначенными на подкрепление из Европейской России.

В это продолжительное и особо важное время кампания лежала на 5 Восточно-Сибирских стрелковых дивизиях, развернутых в трехбатальонные полки лишь в марте и апреле. 4-й Сибирский корпус, прибывший в мае, участия в боях не принимал.

За эти три месяца японцы, пользуясь нашей малочисленностью и, главное, бездействием нашего флота, высадили три армии на Ляодунском полуострове и на Квантуне, продвинули первую армию Куроки из Кореи в Южную Маньчжурцию и одержали три победы на суше: под Тюренченом, на Цзинчжунском перешейке и у Вафангоу. Имей мы железную дорогу, подготовленную к началу военных действий хотя бы на 6 воинских поездов, мы под Вафангоу могли бы иметь не один 1-й Сибирский корпус, а три корпуса: 1-й и 4-й Сибирские и 10-й армейский. Исход боя был бы иной, что несомненно отразилось бы и на ходе всей кампании, ибо инициативу действий мы могли бы взять в руки.

Прибытие головы 10-го корпуса было более чем своевременно, но по ходу военных действий мы не могли дожидаться сбора всего корпуса, так как армия генерала Куроки продвигалась вперед, и направление Саймадзы — Анпин-Ляоян, на котором обозначились значительные силы, прикрывалось нами лишь конницей и одним полком пехоты. Поэтому по высадке в Ляояне головной бригады 9-й пехотной дивизии, она и была двинута на это направление. Точно так же наши войска 17-го армейского и 5-го Сибирского корпусов прямо из вагонов шли на боевые позиции ранее сосредоточения корпуса. Только в 20-х числах августа, т. е. через 7 месяцев после начала военных действий, в Маньчжурии сосредоточились первые три корпуса войск, назначенные на подкрепление из Европейской России, — 10-й и 17-й армейские и 5-й Сибирский. Ко времени решительных боев под Ляояном из 1-го армейского корпуса успел прибыть лишь один Выборгский полк, который прямо из вагонов пошел в горячий бой.

Если бы мы располагали с начала военных действий хотя бы одним воинским поездом более, мы ко времени боев под Ляояном успели бы сосредоточить к этому пункту 1-й армейский и 6-й Сибирский корпуса, а располагая лишними 60 батальонами, разбили бы японцев.

Но слабость железной дороги отражалась роковым образом и в другом отношении: усиливая нашу армию новыми частями войск, мы не могли в то же время своевременно подвозить укомплектования для передовых войск, несших большие потери убитыми, ранеными и больными.

Так, за время боев с 1 мая по 1 октября, в течение 5 месяцев, Маньчжурская армия потеряла убитыми, ранеными и больными свыше 100 000 человек, а на пополнение их за тот же 5-месячный срок она получила всего 21 000 человек укомплектования. Между тем японцы быстро и непрерывно пополняли свои потери. Таким образом, мы хотя и выигрывали в счете батальонов, но мало увеличивали и даже в иных случаях уменьшали число бойцов.

В конце сентября была закончена перевозка в Маньчжурно одного армейского и шести Сибирских корпусов. Пользуясь этими подкреплениями, я перешел в наступление, но в кровопролитном бою на реке Шахэ, где мы потеряли около 45 000 человек убитыми и ранеными, участь боя не была решена ни в ту, ни в другую сторону.

В течение последующих четырех месяцев, до февральских боев, армия получила укомплектование, и в состав ее прибыли 8-й и 16-й армейские корпуса и пять стрелковых бригад. Тем не менее к февральским боям в армии все еще был некомплект в 50 000 штыков, т. е. недоставало двух корпусов. Другими словами, 8-й и 16-й армейские корпуса числом штыков как бы дополнили некомплект в остальных корпусах. В боевом отношении хотя эти корпуса и усилили нас артиллерией, но предпочтительнее было бы влить 50 000 бойцов в уже испытанные в боях корпуса, нежели иметь их в составе вновь прибывших частей. К февралю, несмотря на прибывшие, как выше указано, значительные к нам подкрепления, положение наше ухудшилось, ибо к противнику прибыла после падения Порт-Артура армия Ноги.

Вслед за 16-м корпусом к нам должны были прибыть еще две стрелковые и одна пластунская бригады и 4-й армейский корпус. Передвижение этих частей в армию было задержано более чем на месяц с целью продвинуть вперед массу скопившихся по пути гру-

зов всех ведомств. Только к 20 февраля, т. е. спустя пять недель после прибытия хвоста 16-го армейского корпуса, прибыли к Мукдену голова 3-й стрелковой бригады, 9-й и 10-й полки и прямо из вагонов попали в бой. Если бы этого перерыва не было и мы имели бы под Мукденом в составе стратегического резерва 60 батальонами больше (две стрелковые бригады, одна пластунская и 4-й армейский корпус), участь боя под Мукденом, несмотря на все наши ошибки, могла решиться в нашу пользу. Всего за год, с конца февраля 1904 г. по конец февраля 1905 г. мы подвезли к головным частям Маньчжурской армии, состоявшим из войск наместничества, восемь армейских корпусов, три стрелковые бригады и одну резервную дивизию. В среднем, при слабости нашей железной дороги, для прибытия к нашим армиям каждого корпуса войск требовалось около полутора месяцев.

Уже эти данные указывают на особые трудности собрать превосходные силы при слишком медленном сборе этих сил, они неизбежно при необходимости для нас принимать бои подставлялись ударам противника по частям.

Одновременно с перевозками войск производились работы по усилению железных дорог и провозились необходимые для этого материалы. С августа успех работ стал заметен. В октябре мною получена была депеша военного министра генерала Сахарова о том, что, по сообщению министра путей сообщения, с 15 октября Сибирская магистраль будет пропускать по 12 пар воинских поездов. Но это обещание еще долгое время (почти год) не было осуществлено. В особенности усиленное движение происходило в октябре и ноябре.

Всего за 1,5 месяца (47 дней) с октября 15 по 1 декабря прибыло в Харбин 257 воинских, 147 грузовых (артиллерийских, интендантских, Красного Креста и железнодорожных) и 23 санитарных поезда, итого 427 поездов, что дает в среднем в сутки по 9 пар поездов, в том числе с войсками лишь по 5,5 поезда.

Таким образом, за 10 месяцев войны железная дорога увеличила свою работу с трех воинских поездов до девяти. Требовалось в среднем свыше 1,5 месяцев, чтобы прибавить одну пару воинских поездов.

Наконец к лету 1905 г., т. е. через 16 месяцев войны, железные дороги, связывающие с действующей армией, достигли, сколько мне известно, 12 пар воинских поездов на магистрали и 18 пар на южной ветви, т. е. по магистрали мы все еще не достигли 14 пар

воинских поездов, о которых я ходатайствовал 23 февраля 1904 г., отправляясь на войну.

Из вышензложенного видно, какую решающую роль в наших действиях имела железная дорога. Каждый лишний воинский поезд давал бы нам возможность располагать в решительных боях одним или двумя лишними корпусами против тех, которыми мы располагали в действительности. Таким образом, на министерствах путей сообщения, финансов и отчасти на военном лежала весьма важная и ответственная задача не потерять ни одного дня для усиления дороги.

Оглядываясь на то, что было этими ведомствами исполнено, нельзя не признать достигнутые результаты весьма большими, а службу всех железнодорожных агентов, работавших днем и ночью, в высокой степени напряженной и самоотверженной.

Действительно, располагая еще летом 1903 г. лишь двумя воинскими поездами для доставки подкреплений на Дальний Восток, мы за два года доводим это число до 12 поездов, а в южной магистрали — до 18 пар, оканчиваем постройку Кругобайкальской железной дороги и, что всего поучительнее, исполняем эту работу одновременно сосредоточением на Дальнем Востоке войск и запасов.

Ко времени заключения мира мы имели в пределах наместничества армию в один миллион человек, снабженную всем необходимым для боя и для жизни.

Результаты для слабой одноколейной дороги поразительны. Но именно вследствие слабости дороги результат этот достигался при форсированной работе в течение двух лет.

Ныне в Европе мобилизацию и сосредоточение при сильных железных дорогах совершают крайне быстро. В 10–14 дней армии германская и австрийская могут двинуть в наши пределы около двух миллионов солдат.

Быстрый сбор войск дает возможность захвата в свои руки инициативы, возможность быстрых действий.

Имея одну слабую дорогу и подвозя войска к району сосредоточения, так сказать, капля по капле, мы не могли рассчитывать ни на быстроту действий, ни на захват в свои руки инициативы действий.

Как выше было указано, военный министр уведомил меня (депешей от 26 октября), что с 15 октября Сибирская и Забайкальская дороги пропускают по 12 пар воинских поездов. Но в действительности такой силы дороги, перевозящие войска до Харбина, как изложено выше, достигли только летом 1905 г.

На основании этой депеши, считая, что заявленные мной в феврале 1904 г. требования по железным дорогам в первую очередь близки к осуществлению, я признал возможным представить государю императору соображения о необходимых железнодорожных работах следующей очереди. Таковыми, и неотложными при том, работами я признал прокладку второй колени на всем пути до Южной Маньчжурии.

Соображения мои по этому вопросу были изложены в письме государю императору от 30 октября 1904 г. Так как в письме этом не содержится сведений, кои ныне могут быть признаны секретными, я помещаю ниже это письмо дословно:

«Ваше Императорское Величество. Перед отправлением в действующую армию мне было разрешено представить соображение о главнейших нуждах наших для обеспечения успеха в войне с Японией. Эти соображения были представлены мной 23 февраля сего года и удостоились милостивых отметок Вашего Императорского Величества на полях.

В означенных соображениях, еще 8 месяцев тому назад, я признавал, что для успешного сосредоточения и быстрого подвоза всех грузов к армии необходимо иметь до 30 пар воинских поездов в сутки. В первую же очередь мною было поставлено требование об усилении Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог для постепенного доведения числа воинских поездов до 14 пар в сутки на всей магистрали и 18 пар на южной ветке.

Против выражения — «до 14 пар в сутки» — Ваше Императорское Величество изволили начертать: «Весьма желательно».

Военный министр депешей от 26 октября сего года уведомил меня, что с 15 сего октября Сибирская и Забайкальская дороги пропускают 12 пар воинских поездов в сутки, что предполагается дальнейшее усиление Сибирской магистрали до 14 пар воинских поездов в сутки и что уже сделано сношение с министром финансов о безотлагательном усилении Восточно-Китайской железной дороги до соответствия с Сибирской магистралью.

Таким образом, в течение 8 месяцев мы еще не могли достигнуть общего числа воинских поездов (14 пар в сутки), указанных мною в соображениях, представленных Вашему Императорскому Величеству 23 февраля.

Усердно ходатайствую, чтобы в первую очередь и было поставлено доведение всей Сибирской магистрали и Восточно-Китайской дороги до пропуска 14 пар воинских поездов в сутки до Харбина, а на южной ветке до 18 пар.

Я знаю, что дело это нелегкое, но оно неизбежное и безотлагательное.

Эти 14 пар в сутки далеко не могут удовлетворить всех потребностей армии.

Значительное усиление войск, назначенных для действий против Японии, увеличивает и общую потребность в перевозках. По сделанным общим подсчетам, нам для всей армии потребно будет не 30 пар в сутки (о которых я докладывал в соображениях, представленных 23 февраля), а уже 48 пар поездов в сутки, дабы питание армии всем необходимым и отвоз излишнего совершались со сколько-нибудь достаточной быстротой. И это не только не преувеличенное, но минимальное требование. При сколько-нибудь нормальных условиях необходимо было бы каждой из Маньчжурских армий иметь свою мощную линию (вроде линии Бологое—Седлец), дающую 48 пар в сутки.

Перед невозможным приходится склоняться, но и расплачиваться затяжкой войны и лишними жертвами, людьми, деньгами.

Насколько важен для армии каждый лишний поезд, можно привести наглядный пример. Если бы мы с начала войны были в железнодорожном отношении сильнее на одну пару поездов в сутки, то в августовских боях у Ляояна мы имели бы два лишних корпуса войск: 1-й армейский и 6-й Сибирский, причем успех действий наших войск мог бы считаться достаточно обеспеченным. Этот же один лишний поезд мог в течение сентября и октября месяцев подвести к армии лишние 5000–10 000 укомплектований, в которых мы ощущаем ныне такую тяжкую нужду.

В будущем с каждым новым месяцем мы все более будем ощущать потребность в усилении железнодорожной связи с Россией.

Пока армия была немногочисленна, мы довольствовались почти исключительно местными средствами (пшеница, ямень, сено, солома, топливо, скот), но ныне эти средства скоро будут истощены и довольствие армии в весьма значительной степени придется рассчитывать на подвозе из Европейской России. С движением вперед наше положение еще ухудшится. Мы вступим в часть Маньчжурии, уже истощенную войной, а в горном районе и ранее небогатую средствами.

По настоящему составу армии для подвоза дневного довольствия (в муке, крупе, овсе, сене, мясе) требуется пять поездов в сутки. Скоро придется подвозить и дрова.

Но армии нельзя жить изо дня в день. Необходимо образование достаточных запасов, кои не только удовлетворяли бы текущую потребность, но и составляли резерв довольствия, обеспечивающий армию на несколько месяцев, распределенный в передовых и главных магазинах. Для образования такого резерва, при ежедневной потребности в подвозе довольствия пятью поездами, потребуются особые дополнительные поезда. Если таких дополнительных поездов будет дано тоже пять в сутки, то для образования месячного запаса довольствия потребуется месяц времени. Только располагая значительным числом поездов, можно с необходимой для успеха военных операций быстротой образовать запасы и передвигать их в новые пункты.

Особенно настоятельна нужда в возможно большем числе поездов в дни боевых столкновений, к дороге в дни военных действий предъявляется масса экстренной важности требований не только по полному продовольствию, но по подвозу артиллерийских средств, инженерных требуется перевозка частей войск, парков, подвоз укомплектований, вывоз раненых, достигающих нескольких десятков тысяч в течение 2–3 дней и пр.

Нужды войск на войне так разнообразны и так велики, что в Европе установилось убеждение в необходимости иметь для каждого корпуса войск свою особую железнодорожную линию (одной колеи), дающую 10–20 пар поездов в сутки, мы же ныне имеем для 9 корпусов войск лишь одну однопутную линию, дающую до последнего времени от 8 до 10 пар поездов в сутки. Такое несоответствие железнодорожных средств с силами, назначенными для борьбы с Японией, и составляет главную причину медленного и нерешительного хода войны.

Наши подкрепления идут капля по капле, наши запасы, двинутые из Европейской России, застряли с весны на Сибирской железной дороге. Непромокаемые накидки, высланные для лета, будут получаться теперь, когда нужны полушубки. Боюсь, что полушубки на всю армию мы получим, когда потребуются непромокаемые накидки. Но до сих пор мы все переносили, бились с врагом, отступали, но не голодали, ибо хватало местных средств. Теперь положение совершенно изменяется: местных средств хватит лишь на короткое время. Наши лошади скоро перестанут получать сено или солому, и если мы не сделаем чрезвычайных усилий по усилению железнодорожной магистрали и не успеем сосредоточить значительные запасы на базе, то после лошадей и люди,

собранные в огромном количестве на малом пространстве, начнут терпеть лишения, недоедать, болеть.

Каждая случайная порча дороги без образования больших запасов для армии будет тяжело отражаться на жизни армии.

С полной откровенностью верноподданного, облеченного высоким доверием Вашего Величества — великой властью по главнокомандованию тремя армиями, высказываю глубокое убеждение, что для успеха действий трех армий необходимо ныне же приступить к прокладке второй колеи по всей Сибирской магистрали и на Восточно-Китайской железной дороге. Наши армии должны иметь связь с Россией, основанную на 48 парах поездов в сутки.

Хорошо знакомый по своей службе и управлению в течение 8 лет Закаспийской железной дорогой со всеми предстоящими трудностями, я тем не менее уверен, что все трудности будут преодолены, если Вашим Императорским Величеством будет то приказано.

Война, быть может, кончится ранее, чем мы уложим второй путь на значительной части магистрали, но война может и затянуться настолько, что лишь прокладка второго пути даст возможность России выйти победительницей из переживаемого ею на Дальнем Востоке испытания.

Только имея второй путь, мы с состоянием будем по окончании войны быстро возратить все подкрепления для нее, пришедшие из Европейской России, обратно и демобилизировать все войска, в том числе резервные.

Мы переживаем события огромной важности. От исхода их будет зависеть будущее не только Дальнего Востока, но отчасти и всей России. Надо не останавливаться перед жертвами, дабы обеспечить победный исход войны в настоящем и спокойствие на Дальнем Востоке в будущем.

Даже побежденная Япония и просыпающийся Китай не дадут этого спокойствия России, если связь дальнего Востока с Россией не будет закреплена возможностью быстро прислать на Дальний Восток несколько армейских корпусов. Это достижимо только при двух колеях.

Ставая окончательной нашей задачей проложение второго пути до Харбина и далее на юг, ныне самым энергичным образом должно добиться возможности давать нам до Харбина 14 пар воинских поездов в сутки, а от Харбина на юг — 18 пар поездов.

Приступив к укладке второго пути, добиться, чтобы одна колея давала нам 18 пар воинских поездов в сутки (быть может, для сего прокладку второго пути придется начать с горных участков).

По мере укладки второго пути последовательно добиваться пропускной и провозной способности всей линии до Харбина и к югу до 24 пар воинских поездов в сутки, до 36 пар, и наконец, до 48 пар воинских поездов в сутки».

Первоначально на основании моего письма в Петербурге деятельно приступили к разработке предварительных соображений о проложении второго пути. Изыскивались способы доставить рельсы на дорогу без сокращения военных перевозок. Предполагалось провезти их Ледовитым океаном. Кажется, даже делалась попытка к этому, но затем, к сожалению, отказались от мысли проводить во время войны вторую линию. Между тем все земляные работы и массу других работ можно было бы выполнить, не ослабляя воинского движения. Приведи это серьезное мероприятие в исполнение, мы и после войны чувствовали бы свое положение на Дальнем Востоке несравненно более прочным, чем в настоящее время.

Японцы, подготавливаясь к войне с нами материально и духовно, в то же время заключением договора с Англией обеспечивали себе направление своих вооруженных сил только против России. Мы, не подготовившись к войне ни материально, ни духовно, не признавали в то же время возможным значительно ослабить себя на западной границе, на Кавказе, в Средней Азии. Наша дипломатия, не отстранив войны с Японией, в то же время не обеспечила нам полную уверенность за спокойствие на западной границе.

В результате в то время, как Япония выступила против нас полностью своих сил, мы уделяли для усиления войск, кои были расположены на Дальнем Востоке, только небольшую часть сил из расположенных в Европейской России. Да и то делали это с оглядкой на Запад. У нас стояли на Западе корпуса с несравненно большей боевой готовностью, чем корпуса внутренних округов: по числу рядов в ротах, количеству запряженных орудий и пр. В этих корпусах и пушки были уже скорострельные. Мы брали корпуса мирного состава (17-й и 1-й) и придавали к ним артиллерию из пограничных округов. Между тем боевая годность частей в ротах, в которых было 160 нижних чинов в мирное время или 100 человек, весьма различна.

Таким страхом за наше положение на Западе, страхом совершенно естественным, объясняется то, что в состав подкреплений войскам наместничества из пяти корпусов войск три посылались из резервных дивизий. Необходимы были войска и для поддержания внутреннего порядка, чего японцам не требовалось.

Наши отборные войска — гвардия и гренадеры — участия в войне не принимали, а японская гвардейская дивизия первая атаковала наши войска под Тюренченом. Таким образом, посылая резервные войска и корпуса слабого, мирного состава, мы, имея миллионную армию в мирное время, возлагали надежды в войне с японцами не на этот миллион постоянной армии, а на людей из запаса.

При войне народной, с приподнятым патриотическим настроением, при полном внутреннем спокойствии такое решение, быть может, и не оказалось бы опасным, но при войне с Японией, войне вполне непонятной и ненавистной для русского народа, возложение главной роли на запасных оказалось большой ошибкой. Мы исправили эту ошибку летом 1905 г., влив в армию молодежь, новобранцев этого года и укомплектования из постоянного состава армии. Эти молодцы прибыли на театр военных действий с бодростью и надеждами, кои не замечались среди чинов запаса. Особенно поезда со срочнотружущими, подвозимыми на укомплектование армии, радовали сердце песнями веселости, отличным духом. Большинство ехало добровольно. Несомненно, что и в боях они проявили бы себя доблестно, но боевого крещения эти свыше 300 000 человек (новобранцев и срочнотружущих вместе) не получили, ибо был заключен спешный мир.

В 1870 г. Пруссия при войне с Францией обеспечила себе полный нейтралитет с нашей стороны и потому воевала против Франции всеми своими силами, оставив на границе с нами ничтожные силы. Япония, начиная войну с нами, тоже обеспечила себе возможность направления против нас всех своих сил. Мы, начиная войну с Японией, признавали необходимым сохранить в готовности на случай европейской войны свои главные силы, и потому для отправки на Дальний Восток была предназначена лишь небольшая часть сил, расположенных в Европейской России. Войска Варшавского военного округа, наиболее многочисленные, не выделили ни одного корпуса войск на Дальний Восток. Не признано было возможным удовлетворить и мое ходатайство о посылке на Дальний Восток из Варшавы 3-й гвардейской дивизии. Наша многочисленная драгунская конница была представлена только одной бригадой. К сожалению, вследствие плохого выбора начальника этой бригады и одного из командиров полков и эта бригада дала много менее, чем могла дать, ибо состав офицеров, младших чинов и лошадей был хороший. Драгуны мы держали на западной границе, а на Дальний Восток посылали даже третьоочередные пол-

ки Забайкальского и Сибирского войск с великовозрастными казаками на мелких лошадях. Полки эти по конскому составу скорее напоминали пехоту, посаженную на лошадей, чем конницу.

В представленном мною 23 февраля 1904 г. государю императору докладе о мероприятиях, необходимых для обеспечения успеха войны с Японией, значится, чтобы предназначенные для усиления войск Дальнего Востока подкрепления из Европейской России были мобилизованы одновременно тотчас после праздника Святой Пасхи. В докладе значение этой меры объяснялось так: «Этим мы дадим время сплотиться частям, особенно резервным, дадим возможность пройти курс стрельбы и проделать строевые с тактическими предположениями учения. Дадим время прочно организовать обозы, парки, госпитали».

Я придавал особое значение тому, чтобы части войск, предназначенные на Дальний Восток, возможно долгое время могли спланироваться и обучаться до отправки их по железной дороге. Это в особенности было важно для резервных войск, имевших весьма слабые кадры.

Вышеуказанный доклад с пометками его величества был передан для руководства управляющему Военным министерством, но со стороны генерала-адъютанта Сахарова некоторые из важнейших мероприятий, изложенных в этом докладе, не были вовсе приведены в исполнение, другие изменены или приведены в исполнение слишком поздно. Так и в вопросе о времени мобилизации подкреплений генерал-адъютант Сахаров не разделял моих взглядов: 1) о необходимости одновременно мобилизовать все подкрепления и 2) о необходимости мобилизовать эти подкрепления тотчас после Святой Пасхи.

В представленном им всеподданнейшем докладе по Главному штабу от 5 марта 1904 г. (№ 68) генерал Сахаров испросил разрешение произвести мобилизацию подкреплений не одновременно, а в три очереди, причем ранее всех, во второй половине апреля, назначена мобилизация 6 казачьих полков, затем 1 мая 10-го корпуса, 1 мая или несколько позже 17-го корпуса и в начале июня 4 резервных, дивизий Казанского военного округа.

Еще при представлении доклада по Главному штабу от 18 июля 1904 г. (№ 80) изложены соображения о том, производить ли мобилизацию всех подкреплений одновременно или разновременно. Главный штаб предпочитал второе решение, причем в числе мотивов, кроме слабости Сибирской дороги, излагалось, что «и по-
19*

литическая обстановка может сложиться таким образом, что не потребуется приступить к одновременной мобилизации всех намеченных в докладе войск», и далее: «конечно, при необходимости с одинаковым успехом перечисленные части могут начать свою мобилизацию и одновременно». Против этого места доклада мною положена резолюция: «Лучше одновременно».

Назначенный командующим Маньчжурской армией, я, как указано выше, представил государю императору свои соображения, чтобы мобилизация подкреплений была произведена тотчас после праздников Св. Пасхи и одновременно.

Этой мерой мы действительно достигли бы сплоченности частей и дали бы некоторым из них 2–3 месяца времени на основательную подготовку к действиям в поле, что особенно было важно для резервных войск.

Вновь назначенные начальствующие лица в резервных войсках и многие вновь назначенные в полевых могли бы получить первую оценку при мирной обстановке сами и, что не менее важно, познакомились бы хорошо со своими подчиненными.

Несмотря на серьезность этих соображений, генерал Сахаров испросил разрешение производить мобилизацию не одновременно и начальные сроки мобилизации определил на месяц позже против моих требований.

Еще на пути в армию я получил депешу генерала Сахарова (от 8 марта, № 1478), в которой значится, что мое ходатайство усилить охрану железной дороги до Харбина одной из дивизий Казанского военного округа, мобилизовав ее вместе с другими подкреплениями тотчас после праздников Св. Пасхи отклонено ввиду неудобства для населения слишком ранней мобилизации. Предлагалось для охраны дороги поставить одну из дивизий 4-го Сибирского корпуса, т. е. расстроить этот корпус.

В результате произведенной генералом Сахаровым разновременной и запоздалой, против моих соображений, мобилизации подкреплений головные части корпусов прибыли на театр военных действий далеко не сплоченными, нижние чины не знали своих офицеров, и наоборот. Курс стрельбы некоторыми частями не был пройден, запасные старших сроков службы не знали своего оружия. Тактические учения не производились вовсе или они производились в недостаточной мере. Занятия целыми дивизиями и корпусами в составе трех родов оружия не производились.

6-й Сибирский корпус был мобилизован при относительно благоприятных условиях. 55-я и 72-я пехотные дивизии были даже привлечены в 1904 г. в общие лагерные сборы, но эти дивизии обучались без придания к ним артиллерии и конницы. В прежнее время до первого боя войска совершали продолжительные марши походным порядком. Правильно веденные, эти марши сплачивали и закаляли части. Все лишнее из имущества выбрасывалось, наиболее слабые отставали. Начальники и подчиненные хорошо узнавали друг друга. Теперь, с перевозкой по железным дорогам, результаты получаются иные. На Дальний Восток нижние чины, тесно набитые в вагоне, ехали 40 дней. Контроль офицеров, ехавших в отдельных вагонах, почти отсутствовал. Для части старой и с твердым внутренним порядком такой переезд особого вреда не причинял, но для части вновь сформированной, где призывные, особенно старших сроков, только что призванные из дома, оставались в вагонах крестьянами и мещанами и не становились солдатами, был очень вреден. Надо прибавить нежелание этих призванных идти на войну, отсутствие военного одушевления, прибавить влияние прокламаций, которыми широко снабжались ехавшие на Дальний Восток войска, и можно представить себе, как понимали мы боевую ценность посылаемых подкреплений, не дав им времени образовать твердые воинские части, не дав времени слить малочисленный постоянный состав с многочисленными призывными из запаса. Многие начальники частей мне говорили, что они совершенно не успевали узнать своих подчиненных. Ротные командиры, несмотря на 40–50-дневный переезд, не успевали узнать поступивших в их роты нижних чинов. В полевых войсках, вследствие разных перемен в личном составе, командиры дивизий, бригад, полков, батальонов и рот в большом числе оказались вновь назначенными, а в резервных войсках почти все начальники были вновь назначены. И без того слабый мирный состав посылаемых на Дальний Восток корпусов был уменьшен разными формированиями и командировками. Например, в 10 армейском корпусе в ротах оставалось лишь по 60 срочнотружущих, и из них 30 молодых солдат, еще недостаточно подготовленных. Прибавьте к ним 150 человек запасных Полтавской губернии со старшими возрастными сроками, совершенно не слившимися, и получится рота скорее резервных, чем действующих войск. Дух полтавских запасных первоначально был нехорош, много попало и участников аграрных беспорядков.

Очевидно, что при такой обстановке подкрепления, прибывшие из Европейской России и часто прямо из вагонов двинутые в бой, не могли принести пользы, какую принесли бы, если бы для боевой готовности и годности было приложено более забот, чем то было в действительности.

Какими же мотивами руководствовался военный министр генерал-адъютант Сахаров, поступивший в этом важном вопросе вопреки моего мнения и как военного министра (в 1903 г.), и как командующего Маньчжурской армией (в 1904 г.)?

В указанном выше всеподданнейшем докладе от 5 марта, № 68, генерал-адъютант Сахаров, изложив свои соображения об ожидаемых сроках передвижения по железной дороге полевых войск 10-го и 17-го корпусов, пришел к заключению, что если резервные войска будут мобилизованы одновременно с полевыми в начале апреля, как о том я просил, то они будут ожидать очереди отправки в течение 3,5 месяцев. Генерал-адъютант Сахаров, как значится в докладе, признал такой срок излишним и полагал достаточным, чтобы резервные части, «исполнив все мобилизационные работы, имели примерно две-три недели на строевую подготовку». Объяснение такому взгляду находится в следующих строках доклада от 5 марта, № 68:

«Резервные части, мобилизованные в начале апреля, ожидали бы около 3,5 месяцев очереди отправки.

Не говоря про то, что население некоторых уездов будет преждевременно оторвано от весенних сельских работ, Военное ведомство понесет большие и совершенно излишние расходы по содержанию примерно 60 000 человек, призванных из запаса. Сплочение мобилизованных частей, конечно, не нуждается в продолжительном сроке».

Таким образом, в этом важнейшем вопросе, имея полную возможность хорошо подготовить в военном отношении посылаемые на Дальний Восток подкрепления, мы по соображением финансовым и с целью не отрывать будущих бойцов от весенних работ отказались от такой задачи.

На чем было основано мнение генерал-адъютант Сахарова, что для сплочения вновь сформированных резервных войск излишне было бы давать им 3,5 месяца, а достаточно было для головных частей 2–3 недель, неизвестно. Но необходимо принять во внимание, что для старших сроков запасных даже 3-линейная винтовка была новым, неизвестным им оружием.

Праздник Св. Пасхи в 1904 г. был ранний и приходился на 28 марта. Я ходатайствовал, чтобы общая мобилизация всех предназначенных на Дальний Восток подкреплений была произведена тотчас после праздника Св. Пасхи, т. е. в первых числах апреля. Между тем генерал-адъютант Сахаров перенес начальный срок мобилизации на месяц позже против моего доклада — на 1 мая. Этим запасные 10-го и 17-го корпусов на 1 месяц менее обучались и сплачивались до отправки их по железной дороге.

В действительности первыми днями мобилизации были: для 10-го и 17-го армейских корпусов — 25 апреля 1904 г.; для 5-го Сибирского корпуса — 1 июня 1904 г.

Головные эшелоны тронулись по железной дороге: 10-го корпуса — 5 мая 1904 г., 17-го корпуса — 1 июня 1904 г., 5-го Сибирского — 29 июня 1904 г.

Таким образом, головные эшелоны 10-го корпуса имели лишь 10 дней на все мобилизационные работы и на подготовку. Если выкинуть время смотров, то несомненно, что головные эшелоны 10-го корпуса не могли пройти ни сокращенного курса стрельбы, ни проделать тактических учений. Но и всему 10-му корпусу на эти важные отделы можно было уделить около двух недель времени. Корпусные занятия не могли быть произведены. В таком же положении находились и головные эшелоны 17-го армейского корпуса. Будь мобилизация объявлена, как о том я ходатайствовал, в первых числах апреля, 10-й корпус мог бы явиться на театр военных действий значительно более сплоченным, чем он явился в действительности.

Головным эшелонам 5-го Сибирского корпуса, составленного из резервных дивизий, со дня объявления мобилизации до посадки на железную дорогу оставался один месяц. Если выкинуть мобилизационный период и время на смотры, то для обучения и сплочения останется лишь около двух недель. Опыт Русско-японской войны показал, что этот срок совершенно недостаточен, особенно для запасных старших сроков службы. Если бы войска 5-го Сибирского корпуса мобилизовались, как о том я ходатайствовал, одновременно с 10-м и 17-м корпусами, то даже головные части 5-го Сибирского корпуса получили бы возможность около 2,5 месяца обучаться и сплачиваться. При этих условиях и боевая готовность полков этого корпуса оказалась бы даже в первом бою лучшей, чем то было под Ляояном в колонне генерал-майора Орлова.

В результате запоздалой мобилизации головные эшелоны 10-го армейского корпуса (9 дивизий), прибывшие на театр военных действий к 17 июня, явились, по отзыву начальствующих лиц сего корпуса, в большом некомплекте, особенно в офицерском составе, а запасные из Полтавской губернии не только не слились со срочнослужащими, но после первых боев между срочнослужащими и запасными в некоторых ротах готовы были возникнуть серьезные беспорядки. Мне передавали, что срочнослужащие упрекали запасных за оставление рядов во время боя, а те отвечали им: «вы солдаты, так и деритесь, а мы мужики». Раздоры доходили до того, что едва в дело не было пущено оружие. Прибавлю, что эти «мужики» в последующих боях под командой своего спокойного и мужественного начальника дивизии генерала Гершельмана постепенно обращались в закаленных солдат и особенно под Мукденом сражались молодецки.

Части 5-го Сибирского корпуса прибыли на театр военных действий мало сплоченными и недостаточно обученными, особенно по отношению к старшим срокам службы. В первых боях полки этого корпуса не обнаружили должной стойкости, но в последующих боях, особенно под Мукденом, полки 54-й и 71-й дивизий дрались отлично.

Располагая огромным числом запасных, мы мобилизовали подкрепления, посланные на Дальний Восток, не младшими призывными возрастами запасных, а взяли в некоторых уездах различных губерний запасных всех возрастных сроков, а в соседних уездах тех же губерний не брали даже самых младших возрастов. Тотчас же по прибытии на театр военных действий подкреплений было обнаружено, что старшие возрастные сроки запасных в возрасте 39–43 лет и по физическим, и по духовным качествам были наименее надежными и по отзыву начальствующих лиц не усиливали, а ослабляли боевую стойкость частей. Наибольший процент из уходящих во время боя в тыл падал, по отзывам начальствующих лиц, на запасных старших возрастных сроков. Были, конечно, и отрядные исключения, но масса запасных старших сроков стремилась на нестроевые назначения в тыл, на этапы, в лазаретную прислугу, обозные.

Начальствующие лица после первых боев и делали эту замечу.

Наш крестьянин в возрасте свыше 35 лет часто тяжелеет, становится, как говорят, сырым, обрастает бородой, теряет солдатс-

кий вид, труднее молодежи переносит тяжести походной жизни. Особенно малороссы Полтавской губернии старших возрастных сроков, попав с равнин Малороссии в горы Маньчжурии, оказывались слишком грузными, чтобы карабкаться по сопкам. Маленькие, живые, подвижные, выросшие в горах японцы имели большое над ними преимущество в июльских и августовских боях. Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже являлись домохозяевами, часто много-семейными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Маньчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них веселость, бодрость, необходимые для солдата. А тут еще сама война казалась непонятной, а с родины вместо призыва к подвигу присылались прокламации, подговаривавшие не сражаться с японцами, а бить своих офицеров. Характерен следующий случай: во время отступления из-под Мукдена некоторые части отходили в беспорядке, и встречались нижние чины, бросившие свое оружие. Один из чинов моего штаба, подъехав к такому безоружному, услышал от него вопрос: «А где тут идет дорога в Рассею?» А на упреки в трусости получил ответ: «Какой-такой я сражатель — у меня за плечами шестеро детей».

Порядок частных мобилизаций, примененный в Русско-японскую войну, оказался неудовлетворительным, но не был случайно принят во время войны.

При обширности русских государственных границ Россия могла быть втянута в войну как с европейскими державами, например, с тройственным союзом, что требовало бы полного напряжения сил России и объявления общей мобилизации, так и с державами, борьба с которыми не требовала бы, по нашим расчетам, напряжения всех военных сил России. Отсюда и явилась потребность, кроме плана общей мобилизации, выработать планы частных мобилизаций на несколько вероятных случаев. В основе такого плана частной мобилизации предполагалось, чтобы приведение в исполнение его не препятствовало, в случае надобности, объявить вслед за частной и общую мобилизацию. Поэтому для частной мобилизации требовалось назначать для призыва особые местности и в целях наименьшего нарушения общего плана возможно ограничивать число этих местностей вычерпыванием из них запасных всех возрастных сроков.

Первый план частной мобилизации был составлен и утвержден еще в 1896 г. при военном министре генерал-адъютанте Ван-

новском. Когда потребовалось составить план частной мобилизации на случай осложнения с Японией, то основания плана частной мобилизации 1896 г. были приняты и для нового плана частной мобилизации 1903 г. Относясь с полным доверием к запасным старших сроков, я вторично, после генерал-адъютанта Ванновского одобрил эти основания и представил их на высочайшее утверждение в 1903 г., но лишь по отношению к первым подкреплениям, предназначенным для следования на Дальний Восток. На основании указаний опыта после осмотра первых прибывших подкреплений я возбудил ходатайство, чтобы в армию не присылались призывные старших возрастных сроков и многосемейные.

Уже при второй частной мобилизации (54-я, 61-я и 71-я пехотные дивизии) сделана попытка, но слабая, освободить многосемейных, и только при 5-й и 6-й частных мобилизациях, ввиду указаний государя императора, запасные старших сроков и многосемейные не были взяты на службу.

Ни население, ни сами запасные не могут понять, почему в одном уезде или даже волости берут запасных старших сроков и многосемейных, а в соседнем уезде и даже волости остаются дома холостые запасные, только что возвратившиеся со службы.

Очевидно, что и в будущем при составлении планов частных мобилизаций необходимо будет принять иные основания, чем принятые в 1896 и 1903 гг.

Посылая в армию старшие возрасты запасных, мы допустили увольнение в запас во время войны обычным порядком нижних чинов, даже не выслуживших установленного для них пятилетнего обязательного срока службы.

Такое крайне невыгодное для интересов действующей армии явление имеет следующие, но недостаточно основательные объяснения.

Весной 1904 г., т. е. перед началом военных действий, должны были стать во всех войсках Европейской России новобранцы призыва 1904 г. В мирное время по окончании лагерных сборов производилось обычно в пехоте увольнение в запас нижних чинов, прослуживших вместо пяти лишь три года и несколько месяцев (4 лагерных сбора и три зимы).

Главный штаб не задался целью извлечь пользу для действующей армии из этих нижних чинов в количестве свыше 200 000 человек, отлично подготовленных и молодых. Они могли быть перечислены в запасные части и направлены затем в армию на укомп-

лектование. При решении сего вопроса Главный штаб задавался другими соображениями, чуждыми интересам действующей армии.

В Главном штабе рассматривался вопрос о содержании подлежащих увольнению в запас нижних чинов в частях войск, в коих они служили, и такое задержание признавалось имеющим серьезные невыгоды. Прежде всего Главный штаб интересовала политическая сторона вопроса о задержании подлежащих увольнению в запас в пограничных округах. Кроме того принимались в расчет соображения хозяйственные и экономические, ибо задержанные нижние чины по прибытии новобранцев образовали бы сверхкомплект. Кроме того, ввиду некомплекта во многих воинских частях, вызванного новыми формированиями, несение караульной внутренней службы в сих частях затруднялось и представлялось желательным, как то в подобных случаях проектировалось ежегодно, приостановить в некоторых частях увольнение в запас до постановки в строй молодых солдат.

Запрошенные по этому вопросу командующие войсками в округах ответили различно: одни за удержание, другие за увольнение.

Тогда летом 1904 г. военный министр испросил высочайшее соизволение на предоставление главным начальникам военных округов права задержать увольнение в запас нижних чинов пехоты, пешей артиллерии и инженерных войск по их усмотрению, но с тем, чтобы нижние чины были задержаны на службе не далее 31 марта 1905 г. Перечисление же в запас нижних чинов прочих родов оружия (конницы, крепостной артиллерии, административных войск) было испрошено произвести в те же сроки, в которые таковое производилось в прежние годы.

Таким образом, задержание увольнения в запас являлось как бы исключением и притом вовсе не обусловленным веденною нами кровопролитной войной.

Всё опасаясь европейской войны, всё оглядываясь на Запад, мы вместо ушедших на Дальний Восток войск из Европейской России сформировали большое число новых дивизий (из резервных войск). Эта мера была необходима и для поддержания внутреннего порядка в России. Командующим войсками в округах было предоставлено 10 августа 1904 г. право задержанных нижних чинов общего срока службы переводить во вновь сформированные пехотные и артиллерийские части, уволив соответственное число людей, призванных из запаса старших сроков службы.

Таким образом, резервные дивизии, сформированные для службы внутри России, начали укомплектовываться отличными нижними чинами и освобождаться от призванных из запаса старших возрастных сроков ранее резервных дивизий, находившихся на театре военных действий.

Осенью 1904 г. по ходатайству строевого начальства последовало разрешение задержанных на службе до 31 марта 1905 г. нижних чинов перевести в мобилизуемые и развертываемые части при 7-й частной мобилизации с увольнением из этих частей призванных из запаса старших возрастных сроков и многосемейных.

Наконец, только 14 декабря 1904 г. последовало распоряжение задержанных на службе нижних чинов в войсках, не мобилизованных и не развернутых, по постановке в строй молодых солдат перевести в запасные части «со всеми последствиями такого перевода».

Эти нижние чины могли попасть на укомплектование действующей армии еще летом и осенью 1904 г., а попали лишь после мукденских боев, т. е. годом позже. Но было уже поздно: эти отличные солдаты вследствие заключения мира в бой не попали.

Из главы 7-й видно было, как широко развили японцы запасные войска и как быстро пополняли потери. Организация запасных войск в нашей армии не была перед войной закончена. Составленные расчеты и соображения по развитию запасных войск сообразно надобности в них пришлось привести в исполнение за неотпуском потребных денежных средств лишь в незначительной степени. Запасные войска на Дальнем Востоке соответствовали первоначальному небольшому числу частей, там находившихся, но мы, усиливая войска Дальнего Востока, не признали выгодным усиливать запасные там части: число запасных, проживавших на Дальнем Востоке и в Сибири, не было достаточно, чтобы образовать резерв для пополнения запасных частей. Таким образом, если бы на Дальнем Востоке мы имели много запасных частей с кадровым составом, все равно приходилось бы запасных посылать в эти части из Европейской России. Ввиду спокойного состояния на дороге запасные посылались вооруженными при небольшом кадре нижних чинов постоянного состава. Прибавим, что по пути некоторые эшелоны шли спокойно.

Расположенные в Приамурье 6 запасных батальонов отдали свой перемещенный состав в армию еще после первых боев. Затем наша армия действовала при постоянном, временах уменьшав-

шемся, но большей частью весьма значительном некомплекте. Этот некомплект образовывался от разных причин:

1) части, прибывшие на подкрепление, уже имели некомплект иногда до 15–20 % нижних чинов и 25 % офицеров. В особенно большом некомплекте прибыл 10-й армейский корпус, на что я тотчас обратил внимание военного министра;

2) за неимением достаточного числа войск вспомогательного назначения из состава действующих полков приходилось производить значительные наряды для тыловой службы в этапные части, госпитали, интендантство, для охраны разных складов, в транспорты. Этими нарядами войск пользовались, чтобы отделаться от запасных старших сроков службы;

3) в войсках числилось большое число командированных для охраны имущества, оставленного в штаб-квартирах на местах, для охраны разных складов, запасов и гуртов скота, заготавливаемых самими войсками, и командированных для постройки дорог, мостов и, наконец, командированных для разных хозяйственных надобностей (привоз одежды, заготовка продуктов и пр.);

4) в дни больших сражений некомплект сразу увеличивался на несколько десятков тысяч, но в периоды относительного затишья убитые и раненые в иных частях составляли значительное число;

5) наконец, некомплект в частях образовывался вследствие заблеваемости войск.

По всем этим причинам требовался непрерывный прилив в армию значительного числа укомплектований. Между тем при слабости железной дороги были периоды, и довольно продолжительные, когда вовсе не приходило в армию укомплектований. Так, например, в июле, августе и сентябре 1904г., как указано выше, мы потеряли до 100 000 человек, а укомплектований прибыло всего 21 000 человек. Переход в наступление в конце сентября пришлось произвести со значительным некомплектом в армии, достигавшем в отдельных частях до половины и более состава сих частей.

Имея перед боями сильный некомплект нижних чинов, мы перед боем увеличивали его, оставляя большое число, нижних чинов при обозах, штаб-квартирах, офицерской прислугой, числящихся по штабу строевыми. Особой заботливости, дабы вывести часть в бой при возможно большем числе штыков и шашек, многие командиры частей совершенно не проявляли. Но что давало особенно тяжкие для нас результаты, это быстрое таяние введенных в бой частей. Как только начинались потери, начиналось и

это таяние. С ведома начальствующих лиц всех степеней разрешалось в помощь ротным и дивизионным санитарам назначать нижних чинов из строя для выноса раненых. При большом числе раненых уходило в тыл под этим предлогом огромное число нижних чинов. Затем слабодушные и преступные пристраивались к назначенным для выноса раненых или самовольно выносящих таковых или уходили в тыл без всякого предлога. Мне приходилось видеть носилки с ранеными, при которых толкалось до десяти здоровых нижних чинов. Самовольный уход с поля сражения доходил в некоторых полках до нескольких сот человек, а в одном полку в первом деле, в которое он попал, ушло в тыл здоровых людей более одной тысячи человек. Необходимо пояснить, что уход из боя в тыл практиковался преимущественно запасными, в особенности старших сроков службы. Кадровые нижние чины в большинстве доблестно несли на себе главную тяжесть боя и, даже уменьшившись в ротах до горсти в несколько десятков человек, вместе с офицерами продолжали бой.

Конечно, и среди призванных из запаса всех сроков находились истинные герои, но обычно подвиги совершали срочнотруженики и запасные младших возрастных сроков. Прибавим, что посылаемые на укомплектование нижние чины недостаточно внимательно осматривались, и среди них прибывало довольно большое число неспособных вовсе нести службу. В 1905 г. на укомплектование первой армии поступило 76 000 человек, и из них 4100 оказались негодными к службе или больными. Относительно качества нижних чинов, поступавших на укомплектование армии, в отчете дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии имеется следующая оценка:

«Прибывшие укомплектования до мукденских боев представляли из себя запасных старых сроков службы, начиная с 1887 г., незнакомых с настоящим вооружением (3-линейной винтовкой), и чтобы довести их подготовку до того уровня, на котором находятся кадровые нижние чины, требовалось большое внимание и напряжение сил со стороны начальствующих лиц. Некоторые из этих запасных в физическом отношении для перенесения трудов в походной и боевой службе заставляли желать много лучшего, некоторые оказались одержимыми различными хроническими болезнями, как, например, ревматизмом, затруднявшим несение строевой службы. Прибывшие же после мукденских боев запасные были хороши.

Замечалось, что иногда в части войск назначались запасные нижние чины не того рода оружия, в котором служили до увольнения в запас. Так, например, в артиллерию прибывали люди, ранее служившие в кавалерии и пехоте и, следовательно, вовсе не знающие артиллерийской службы. В инженерные войска поступали люди, служившие в пехоте и даже вне строя. Означенное обстоятельство составляло, конечно, значительные затруднения в обучении прибывающих людей и не могло не отразиться на действиях войск, в особенности специального рода оружия.

Укомплектования старослужащими и молодыми солдатами были вполне соответствующие, но они начали прибывать только после мукденских боев».

Оценка сделана правильно. Таким образом, до мукденских боев мы посылали укомплектования в армию значительно менее надежные, чем после мукденских боев. Но этими отличными укомплектованиями служащих и молодых солдат мы не воспользовались, заключив спешный мир.

Прибывшие укомплектования из запасных старших сроков службы представляли из себя настолько сырой материал, что начальники частей, если ожидался близкий бой, просили не присылать к ним укомплектований, ибо они не надеялись на их стойкость и полагали, что в боевом отношении вверенные их командованию части, уже сплоченные, сделают более в слабом составе, чем укомплектованные перед самым боем запасными. С таким ходатайством ко мне обращался, между прочим, и командующий 1-м Сибирским корпусом.

Некомплект офицеров в действующей армии был тоже хроническим во многих частях, несмотря на значительность присылаемых офицеров на укомплектование. Причины тому тоже различны. Прежде всего наши войска, как расположенные на Дальнем Востоке, так и присылаемые на подкрепление, начали войну при наличном составе офицеров совершенно недостаточном. Были случаи, что роты вступали в первый бой, имея только одного младшего офицера. Слабый начальный состав с развитием военных действий часто являлся и в частях, в коих по списку находилось не только полное штатное число офицеров, но и имелся иногда значительный сверхкомплект.

Это явление происходило от многочисленных командировок для тыловой службы или для хозяйственных надобностей, от заболеваемости офицеров (большей, чем у нижних чинов).

Некомплект офицеров в войсках, посланных на подкрепление на Дальний Восток, увеличился также вследствие оставления при штаб-квартирах всех тех офицеров (врачей и чиновников), которые, согласно мобилизационным планам, предназначались на случай общей мобилизации для занятия разных должностей или для пополнения офицерских составов во вновь формируемых частях.

С прибытием на театр военных действий между офицерами обозначалась болезненность, превосходившая болезненность среди нижних чинов. Наконец, наши офицеры, за немногими исключениями, ведя себя доблестно, теряли большой процент убитыми и ранеными (значительно больший, чем нижние чины). По всем этим причинам после первых боев были многочисленные случаи, что батальоном командовали капитаны, ротами подпоручики и даже зауряд-прапорщики. В артиллерии и в коннице, вследствие меньших потерь, чем в пехоте, офицерский состав был в большинстве случаев хотя и ниже штатного, но достаточный для ведения боя. Уже по пути в армию я убедился в значительном некомплекте офицеров в 1-й, 2-й и 3-й Сибирских пехотных дивизиях и казачьей Забайкальской дивизии и несколько раз телеграфировал генералу Сахарову о присылке офицеров для укомплектования этих частей.

Несомненно, что для Военного министерства положение офицерского состава в действующей армии представляло весьма тяжелую задачу. Но эта задача усложнялась обстоятельствами, от армии не зависящими. Когда начались большие бои и тяжкие потери в офицерском составе, то разница в полках между списочным и наличным составом быстро возросла. Большое число раненых и больных числилось по спискам полков очень долгое время. Были полки, где по спискам значилось свыше двух штатных офицеров, а налицо состояла лишь половина, положенная по штату. Ранские и больные, находившиеся на театре военных действий, возвращались, хотя и медленно, в свои части, но многие из вывезенных в Европейскую Россию офицеров застревали там и, несмотря на выздоровление, не ехали в армию. Были случаи, что командиры отдельных частей, лечившиеся в России, давно поправившиеся, почти год не возвращались в армию, числясь во главе полка и получая присвоенное этой должности жалование. Большое число офицеров, прибывшее в Европейскую Россию из армии по болезни или для излечения ран, проживали в столицах или больших городах месяцами, фланжировали по улицам, и ни общество,

ни военное начальство не находили такое их поведение предосудительным. Прибавлю, что, несмотря на принимавшиеся меры, врачи и эвакуационная комиссия слишком снисходительно относились к лицам, желающим уехать в Россию, и выдавали им установленные документы, дававшие им право на такую поездку.

Таким образом, пополнение офицерского состава выбывшего из строя и отправленного в Европейскую Россию, происходило совершенно неудовлетворительно. К чести нашего офицерского состава надлежит, однако, признать, что если много офицеров больных уклонялось и затягивало время возвращения в армию, то большое число раненых офицеров, напротив того, стремилось всеми силами скорее возвратиться в строй, возвращались, еще не оправившись. Были многочисленные случаи, что возвращались после ранений дважды и трижды. Эти герои составили бы силу и гордость любой армии в мире.

Только в корпусах 1-й армии из числа раненых офицеров возвратились в строй 837 человек.

По изложенным выше причинам и при огромной убыли в офицерах мои требования о командировании офицеров на пополнение армии были часты и настойчивы. Удовлетворение их не всегда было в силах Военного министерства. Приходилось брать офицеров из частей войск, расположенных в Европейской России, на Кавказе и в Туркестане. При этом должная разборчивость при командировании офицеров не проявлялась. Посылали к нам в армию совершенно непригодных по болезненности алкоголиков или офицеров запаса с порочным прошлым. Часть этих офицеров уже на пути в армию заявляла себя с ненадежной стороны пьянством, буйством. Доехав до Харбина, такие ненадежные офицеры застревают там и, наконец, водворенные в части по прибытию в них, ничего, кроме вреда, не приносили и были удаляемы. Наиболее надежным элементом, конечно, были офицеры срочной службы, особенно поехавшие в армию по своему желанию. Среди них было много вполне выдающихся офицеров. Наименее надежны были офицеры запаса, а из них не те, которые оставили службу добровольно, а те, которые подлежали исключению из службы, но по нашей мягкосердечности попали в запас.

Еще в бытность военным министром мною поручено было члену Военного совета генералу Нарбуту разработать вопрос о подготовке офицерского состава в течение войны. Сущность проекта заключалась в том, чтобы с объявлением мобилизации наши юн-

керские училища производили усиленный выпуск юнкеров в офицеры и затем получали задачу по приготовлению по сокращенному сроку к офицерскому званию вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов и нижних чинов срочной службы, имевших среднеобразовательный ценз. Лица этих категорий в количестве нескольких тысяч человек могли выделить массу офицеров с чином прапорщика для занятия младших офицерских должностей. Почему этот проект не был приведен в исполнение, мне неизвестно, но без энергичного применения этой меры мы не обойдемся и в будущем. Мы не воспользовались также возможностью произвести с объявлением войны или вскоре по объявлению войны усиленный выпуск из старших классов военных и юнкерских училищ. В 1902 г. эти училища дали 2642 офицера. Значит, в течение войны мы могли получить на пополнение армии в начале 1904 г. и в начале 1905 г. свыше 5000 молодых офицеров для пополнения рядов действующей армии. Япония и воспользовалась этим средством.

Уже 6 марта 1904 г. (депеша № 324) я, убедившись в сильном некомплекте сибирских войск, просил военного министра об ускоренном до лагерного сбора выпуске офицеров из военных и юнкерских училищ, по расчету двух человек на батальон, одного на батарею, четырех на казачий полк и ста офицеров в резерв, но это ходатайство не встретило сочувствия военного министра. Он признавал необходимость, чтобы юнкера, окончившие теоретический курс к лету 1904 г., еще отбыли ранее производства лагерные сборы, точно лагерный сбор в Маньчжурии был для них менее поучителен. На мои повторные представления об усиленном выпуске я получил депешей летом в 1904 г. резкий ответ, что по закону пополнение офицерского состава действующей армии относится к обязанностям его, военного министра, а не командующего армией. Наконец, когда выпуск и был произведен, мы получили в армию лишь относительно небольшое число вновь произведенных офицеров. Прибавлю, что прибывшие молодые офицеры были желанным элементом в армии и в большинстве случаев, по отзывам начальствующих лиц, вели себя в бою прекрасно.

В результате изложенного можно признать, что в минувшую войну большинство боев наши войска вели с значительным некомплектом офицеров, что в то же время масса офицеров, числившихся в строевых частях, находилась на службе в тылу, в лечебных заведениях или даже проживала в России, и что хотя по числу высланных в армию офицеров работа Военного ведомства была

очень велика, но должной разборчивости при командировании в армию офицеров не было проявлено. Наконец, надо прибавить, что мы мало воспользовались нижними чинами в войсках Европейской России для подготовки их в офицеры по сокращенному курсу и мало усилили армию прекрасным элементом, который представляли из себя вновь производимые офицеры из военных и юнкерских училищ.

Но вот окончилась война, и совершилось чудо: масса офицеров, не признававших возможности во время войны нести строевую службу и проживавших по всей России по болезни и по другим причинам, оказалась вновь годной к строевой службе и начала возвращаться в строй, отесняя от командования ротами и батальонами тех доблестных служак, которые вынесли на себе с честью все трудности войны, приобрели боевой опыт и получили, казалось бы, право на быстрое движение вперед для пользы всей нашей армии. В «Разведчике» (1906, № 828) появилась по этому вопросу прекрасная статья Глинского «Воскресшие покойники». Мысли и факты, изложенные в этой статье, заслуживают полного внимания.

Дисциплина в наших войсках во время военных действий была надлежащая в боевых линиях, но чем дальше от боевых линий, тем слабее. Но и в боевых линиях дисциплина не была у всех чинов одинаковая. Наиболее дисциплинированными были срочслужащие. Дисциплина наиболее ослабленная была у запасных старших сроков. Будь и они связаны с частями, в которых служили, железной дисциплиной, уход из боя в тыл не был бы возможен.

Но нижние чины из отличных в отношении дисциплины частей войск, попавшие в обстановку, развращающую их, например, видя безнаказанный грабеж, насилие соседей, сами быстро заражались и творили бесчинства и насилия в тылу. В боевых линиях всегда было строгое и серьезное настроение чинов. Только в тыловых линиях, и то относительно нечасто, встречались даже специально мародерствующие нижние чины.

Во времена Фридриха Великого выработался принцип, что солдат должен бояться палки капрала более, нежели пули неприятеля. В этом был залог в то время многих побед, особенно с чинами, служившими в войсках по вольному найму.

Конечно, общеобязательная воинская повинность улучшила и приподняла в нравственном отношении солдатскую среду, но при малой культурности нашего простолюдина понятия о дис-

циплине даются ему нелегко. Вера в Бога, преданность царю, любовь к отечеству и до сих пор дисциплинируют массу хороших солдат в каждой войсковой части в одну семью и делают солдата храбрым и послушным. Но эти основы в последнее время так усердно расшатывались и вырывались из сердец русских людей, что результаты не могли не отразиться и в прошлую войну заметным увеличением в частях войск недостаточно дисциплинированных нижних чинов, грубых, нахальных, все критикующих, часто вредно влиявших на своих товарищей. Держать их в руках можно бы только строгостью. Они повиновались из чувства страха. Между тем летом 1904 г. последовала отмена телесного наказания в войсках не только в мирное, но и в военное время. Я тоже был защитником отмены телесного наказания в войсках в мирное время и провел это мероприятие через Военный совет, но для военного времени, согласно с мнениями многих командиров корпусов и командующих войсками в округах, в том числе и генерала Драгомирова, не надлежало менять существующего закона, дозволявшего применять телесное наказание в войсках к нижним чинам, находившимся в разряде штрафованных. Многих слабых духом, порочных страх перед телесным наказанием мог удержать от преступления и удержать в рядах войск в бою. Это средство было вырвано из рук начальствующих лиц и никаким другим не заменено. Нельзя, конечно, в военное время говорить о карцере, о наряде не в очередь на работу и пр. Таким образом, многие поступки, в том числе грубость против начальствующих лиц, оставались без должного и чувствительного наказания. В военное время масса преступлений подводится под смертную казнь. Но правильно ли, что между смертной казнью и безнаказанностью не было достаточно сильных промежуточных наказаний? Положение ухудшилось тем, что нижние чины, даже приговоренные к отбыванию наказания в дисциплинарных батальонах, продолжали оставаться в рядах войск и при сердоболии нашего начальства ничтожным проявлением заслуживали уже ходатайства о прощении или смягчении наказания. Кроме того, в армию присылались на исправление неблагонадежные матросы.

По мнению строевых начальников, неблагоприятное влияние на дисциплину в армии оказывало и лишение начальствующих лиц, последовавшее во время войны, права перевода порочных нижних чинов в разряд штрафованных, лично под властью начальников.

Лишение во время войны начальствующих лиц права перевода в разряд штрафованных и телесного наказания, при неудовлет-

ворительно поставленной в армии военно-судной части (медленность производства и сложность его), приводило во многих случаях или к безнаказанности или к самосуду. В действительности во время войны в некоторых случаях телесное наказание продолжало применяться, иногда по приговору нижних чинов и по их почину. Били иногда вместо розог шомполами. В особенности при условиях, в которых велась Русско-японская война, при несочувствии к ней населения, при усиленной противоправительственной пропаганде, проникшей и в ряды армии, ослабление дисциплинарных прав офицерского состава по отношению к нижним чинам было совершенно несвоевременно. Добавлю, что таковое было произведено без запроса мнений начальствующих лиц, стоявших во главе действующей армии.

Общие причины, делавшие войну с Японией непопулярной, влияли и на стойкость войск в бою. В ряду с истинными подвигами отмечаются и случаи малого упорства отдельных частей и, в частности, отдельных лиц. Случаи сдачи в плен не ранеными в прошлую войну были часты не только среди нижних чинов, но и среди офицеров.

К сожалению, по отношению к этим лицам не были применены существующие законы во всей строгости. По возвращении из плена некоторые офицеры, ранее суда над ними, уже получили в командование отдельные части и, возвращаясь в полки, вступали в командование ротами и батальонами.

Такое отношение к пленным не могло не отразиться недовольством лучших элементов армии, доблестно служивших все время в рядах ее. Но это недовольство в особенности было велико, когда обозначилось, что разные лица, удаленные из армии по негодности и даже по недостатку мужества, получили в России высокие назначения. Такое недовольство расшатывало дисциплину в армии. Один отъезд в особом экстренном поезде бросившего армию генерала Гриппенберга немало прибавил смуты в армии накануне решительных боев и повлиял на умаление авторитета главнокомандующего.

Допущенные в периодической печати осуждения чинов действующей армии, брань по адресу офицерского состава, резкая критика начальствующих лиц вместе с подпольными воззваниями к солдатам не слушаться своих офицеров, бить их, не драться с неприятелем подрывали доверие к начальствующему персоналу и тоже расшатывали дисциплину и умаляли стойкость войск в бою.

Такое отношение к армии уменьшало энергию у лучших представителей армии и удручающим образом действовало на слабых духом. Война — дело грозное. Поэтому грозны и действительны должны быть и средства поддерживать в войсках железную дисциплину. Мы несомненно желали победы, но во многих случаях действовали так, что эту победу делали маловероятной или отдаляли ее. В числе причин, отдалявших победу от наших знамен, несомненно, должны быть перечислены и те, которые способствовали умалению власти и подрывали авторитет в армии офицерского состава всех степеней.

Аттестации мирного времени во многом оказались несоответствующими при боевом испытании. Начальники, которые проходили службу всюду с отметками «выдающийся», «вне очереди», на боевом поле по физическим и духовным качествам не выдерживали боевого испытания. Наоборот, проходившие служебный путь незамеченными, в боевой обстановке неожиданно разворачивали свои глубокие духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества. К числу последних принадлежит и незабвенный герой Порт-Артура генерал Кондратенко. Необходимо было после первых же боевых столкновений возможно быстро очистить армию от лиц, оказавшихся несоответствующими занимаемым ими должностям и возможно быстро двигать вперед, не стесняясь старшинством, тех из офицеров, которые в боевом отношении выказали себя выдающимися.

Уже 21 мая (депешей № 740) я уведомлял военного министра о несоответствии двух генералов, стоявших во главе корпусов, следовавших в армию. Заявление мое во внимание принято не было. Замена корпусных командиров и начальников дивизий, не выдержавших боевого испытания, встретила большие затруднения и требовала много времени. Между прочим, я получил из Петербурга указание, что слишком часто ходатайствую о замене командиров корпусов. Отставление мною от должности начальника 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, обнаружившего болезненную нервность в бою и оставившего свою дивизию перед решительным боем, вызвало ряд запросов об основаниях такого моего распоряжения. Лица, оставившие ряды армии по неспособности, болезненности или даже недостатку мужества, получали в России иногда высокие назначения.

Представления мои о скорейшем отчислении от должностей лиц этой категории задерживались. По году и более полками командовали «временно командующие полком».

Характерный образец в этом отношении представляет история отчисления от должности командира 148-го пехотного Каспийского полка полковника Фреймана. Этот штаб-офицер, контуженный в первом же бою, в котором участвовал с полком, в конце сентября 1904 г. уехал лечиться в Европейскую Россию и возвратился в полк, пробыв почти год в отсутствии, причем значительную часть этого времени был здоров. За его отсутствием полком командовал достойный штаб-офицер полковник Курдюков, получивший Георгиевский крест за молодецкие действия с Каспийским полком во время мукденских боев. В течение года мной было сделано 10 представлений, чтобы отчислить полковника Фреймана от командования полком и назначить таковым полковника Курдюкова. Главнокомандующий поддерживал мои ходатайства представлениями военному министру и начальнику Главного штаба (в том числе от 15 мая 1905 г., № 6236 и 16 августа 1905 г., № 0586).

Несмотря на все эти представления, Главный штаб не согласился дать им ход и запросил, почему прибывший в армию полковник Фрейман не вступает в командование Каспийским полком? Я снова сделал представление и снова получил отказ.

Эти упорные отказы были тем более непонятны, что мной уже было получено уведомление о том, что главнокомандующий войсками Петербургского военного округа не встречает препятствий к назначению на должность командира 148-го пехотного Каспийского полка полковника Курдюкова. Наконец, давно ожидаемое назначение полковника Курдюкова состоялось. Начальник Главного штаба уведомил, что такое решение последовало по ходатайству бывшего командира 1-го армейского корпуса генерала барона Мейендорфа.

В первых же боях выказали особые отличия и военные способности несколько полковников, командиров полков. Ввиду весьма слабого состава, за некоторыми отрядными исключениями, наших бригадных командиров, я усиленно депешами ходатайствовал о производстве в генерал-майоры нескольких полковников, командиров полков, в том числе Леша, Редько, Стельницкого, Душкевича. Указывал при этом и свободные для них бригады в армии. Главный штаб долго тянул с этими назначениями, все запрашивая дополнительные сведения. Оказалось в результате, что, например, представленный в общем наградном порядке командир Омского полка полковник Остолопов, достойный штаб-офицер, но не выдающийся в боевом отношении, был произведен ранее, чем вышеперечисленные мною полковники.

Представления о продвижении вперед достойнейших офицеров Генерального штаба встречали препятствия в том, что они обходили своих сверстников, сидевших в канцеляриях.

Близко зная доблестную боевую службу и выдающиеся способности, например, капитана Генерального штаба Кримова, служившего в штабе 4-го Сибирского корпуса, я, согласно с представлением командира корпуса генерала Зарубаева, несколько раз делал представления о производстве его в подполковники за боевые отличия. Так я и не успел в этом в период кампании, но к недоумению своему и корпуса офицеров Главного штаба, находившихся на войне, узнал, что сверстник капитана Кримова, на войне не участвовавший, был произведен в подполковники, не имея на то права по существовавшим законам. Таких примеров было немало.

Относительно представления строевых капитанов в пехоту подполковниками затруднений Главный штаб, к счастью, не делал, и мы в армии получили массу молодых, энергичных штаб-офицеров. Некоторые из них обладали такими выдающимися боевыми качествами, что с пользой для дела могли тотчас стать во главе полков.

Желая для пользы службы в армии привлечь на службу лично известных мне некоторых лиц, я получил согласие на некоторых и отказ уже в апреле 1904 г. в остальных, мотивированный тем, что состав управлений и учреждений армии достаточен для удовлетворения всех служебных нужд армии. Заведование разведывательной частью (сводка сведений о противнике, о пленных, организация тайной разведки) требует для успешной работы особых способностей. Не удовлетворившись постановкой этого важного отдела в армии, я просил о назначении одного штаб-офицера Генерального штаба, заявившего себя исключительно способным к этой деятельности, но получил отказ, совершенно недостаточно мотивированный.

В то же время Главный штаб относился невнимательно к опубликованию наших донесений с театра войны. Он печатал такие данные, как, например, название местностей, частей войск, которые облегчали противнику точно определить местонахождение частей. В то же время, зная достаточно точно цифры наших потерь и утраченных орудий в сражении под Мукденом, Главный штаб очень долго не опубликовывал этих сведений, оставляя, таким образом, без опровержения проникшие в печать известия о потере нами нескольких сот орудий.

Я уже в апреле просил о присылке в армию 30 инженерных и 30 саперных офицеров, но мне прислали только половину. Моя просьба о высылке топографов не была уважена в самое важное для нас время.

Весьма продолжительное отсутствие из армии начальников отдельных частей вынудило меня к многочисленным ходатайствам, дабы был положен срок, после которого вакансия считалась бы свободной. Ходатайство это наконец было уважено, и многие генералы и штаб-офицеры, долгое время временно командовавшие бригадами и полками, наконец, на основании прав, предоставленных главнокомандующему, допущены к командованию этими частями на законном основании, с получением ими и присвоенного сим должностям содержания. Но вот началась демобилизация, из Петербурга последовало распоряжение, на основании которого главнокомандующий, к подрыву своего авторитета, должен был отдать приказ об отмене ранее отданных им приказов о различных назначениях, ибо «воскресшие покойники» надумали возвратиться в армию и вступить в командование частями, из которых отсутствовали продолжительное время. Очевидно, что на будущее время необходимо будет избежать такого вредного вмешательства петербургских канцелярий в дела армии и давать полномочия и по личному составу лицам, поставленным во главе армии.

К числу причин, препятствовавших нам достигнуть успеха над японцами в тот срок, который был нам предоставлен до заключения мира, довольно видное место должна занять и наша отсталость от японцев в технических силах и средствах (кроме железной дороги, о чем сказано выше).

Японцы имели перед нами преимущество в саперных войсках. У них при каждой дивизии находился сильного состава саперный батальон. У нас саперные батальоны придавались корпусам, но вследствие необходимости одновременно производить обширные работы в тылу по устройству мостов и дорог, при корпусах обыкновенно оставались по две роты саперов, т. е. на каждую дивизию пехоты приходилось по одной роте, что, как обнаружилось на опыте, было недостаточно. Телеграфные и телефонные средства и силы у японцев тоже были более значительны, чем у нас. Только после мукденских боев мы достаточно обеспечили себя этими важными средствами.

Благодаря доставке морем японцы с большой легкостью доставляли на театр военных действий железнодорожные средства

для облегченного типа дорог и технические средства для устройства укреплений и атаки наших войск. Мы тоже, лишь после Мукдена, вследствие слабости железной дороги, обеспечили себя, и то недостаточно, полевыми железными дорогами, проволокой, взрывчатыми веществами, инструментами.

Несмотря на превосходство нашего орудия над японским, мы сделали ошибку, приняв только одного типа снаряд — шрапнель, надеясь, что поставленная на удар наша шрапнель даст достаточно разрушительное действие. На практике это оказалось малодейственным, и мы тяжело поплатились, не имея возможности в должной степени готовить атаку местных поселений, занятых японцами, в то время как японцы, подготавливая атаку на селения, нами занятые, разрушали их самым действительным образом. Примеры изложены в описании сражения под Мукденом. В инструкции для действия японских войск армии Куроки (в октябре 1904 г.), между прочим, значилось относительно нашего артиллерийского огня: «у неприятеля, по-видимому, нет гранат. Его шрапнель малодействительна. Даже осколки ее наносят слабый удар, так как стенки ее слабы» (Русский инвалид, 1906, № 109).

Долгое время наша армия была лишена горной артиллерии. Между тем для действия в горах приходилось пользоваться в значительной степени дорогами, непроходимыми для нашей полевой артиллерии. Японцы, обладая большим числом горных орудий, имели над нами серьезное преимущество. Только ко времени мукденских боев мы успели снабдить часть корпусов, действовавших в гористом районе (восточном), небольшим числом горных батарей. Но все же, например, отряд генерала Ренненкампа был снабжен ими недостаточно. Японцы выступали против нас, не имея пулеметов. Мы имели несколько пулеметных рот, приданных к некоторым Восточно-Сибирским стрелковым дивизиям. Уже в первом бою под Тюренченом наша пулеметная рота, приданная к 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, принесла большую пользу. Японцы быстро воспользовались этим боевым опытом, и уже после сентябрьских боев при японских войсках появилось весьма большое число пулеметов легкого переносного типа. Эти пулеметы принесли японцам большую пользу, в особенности усилили оборону занятых ими даже незначительными силами местных предметов. Снабжение нашей армии пулеметами, и то в количестве недостаточном (по 8 на дивизию), шло крайне медленно и было закончено только ко времени заключения мира.

Наши 4-колесные обозные повозки не были пригодны для движения и по горам, и по маньчжурской грязи. Ходатайство о замене хотя бы части этих повозок в присылаемых из России подкреплениях двуколками не было удовлетворено.

Затем в течение военных действий выяснилась недостаточность принятого нами комплекта снарядов. Несмотря на посылаемые запасы снарядов (патронов) для скорострельной артиллерии, в дни сражений под Ляояном, на Шахэ и под Мукденом мы почти израсходовали весь свой запас, и пополнение его требовало после каждого из этих главных сражений продолжительного времени; выяснилась также необходимость иметь гаубичную артиллерию сильного действия и ручные гранаты. Одна гаубичная батарея прибыла уже по заключении мира. Ручные гранаты мы изготовляли местными средствами, но недостаточно сильные.

В представленном мною перед отъездом в армию 23 февраля докладе о наших очередных нуждах для обеспечения успеха в войне с Японией (на который уже мною делались ссылки), значится: о необходимости, кроме уже заказанных по моему представлению 48 орудий (горных), заказать еще 94. Ходатайство это было уважено, но заказ исполнялся крайне медленно;

о посылке на Дальний Восток возможно безотлагательно пулеметов по расчету 8 на каждую из дивизий, как находящихся на месте, так и посылаемых на подкрепление.

По отчетам Военного министерства видно, что в 1904 г. было заказано и выполнено: пулеметов выючных — 246, выполнено — 16; пулеметов на лафетах — 411, выполнено — 56; фугасных мелинитовых снарядов — 25 600, не выполнено; фугасных бомб для 6-дюймовой полевой мортиры — 18 000, не выполнено; скорострельных гаубиц — 48, не выполнено; горных орудий — 240, выполнено — 112.

В 1905 г. вновь заказано большое число пулеметов, в том числе датских (неудачного образца), но в период военных действий по март 1905 г. наша армия действовала с ничтожным числом пулеметов, без снарядов с сильным разрывным действием, без достаточного числа горной артиллерии, без гаубичных батарей. Все это наконец поступило или начало поступать в 1905 г., но уже было поздно: мы заключили мир.

Наша недостаточная во многих случаях тактическая подготовка войск, недостатки, обнаруженные во время войны в личном составе армии и, главное, недостаток боевого одушевления будут рассмотрены в следующих главах.

Причины наших неудач в войне с японцами (продолжение)

Недостаточная тактическая подготовка наших войск в Русско-японскую войну. Примеры из прошлой войны: 1. До Ляоянского сражения включительно; 2. Из сражения на реке Шахэ; 3. Из действий 8-го армейского корпуса под селом Сандепу.

В числе выводов из опыта войны XIX столетия находится и указание на недостаточную тактическую подготовку наших войск, обнаруженную в войны: Крымскую 1853–1856 гг. и Русско-турецкую 1877–1878 гг. В особенности можно было подчеркнуть неумение со стороны командного состава согласовать действия различных групп войск для достижения одной и той же цели, неумение правильно решать вопрос о направлении главного удара в зависимости от знания сил и расположения противника (эти знания были большей частью недостаточны). Отмечена малая роль нашей многочисленной конницы и наша большая подготовка к оборонительным, чем к наступательным действиям. Наконец, отмечено было, что вследствие малого искусства в употреблении войск для победы над турками потребовалось превосходство в силах (чего в прежние войны не было).

После войны 1877–1878 гг. в армии нашей первоначально очень деятельно принялись за изучение наших слабых сторон с целью их исправления. Многое было сделано, ибо несомненно, что армия наша перед войной с Японией в тактическом отношении стояла выше, чем четверть века тому назад. Тем не менее многое еще оставалось недоделанным, а по некоторым пунктам даже обозначился поворот к старому.

За обучение войск по закону ответственны строевые начальники всех степеней. Командующие войсками в округах представляют из себя последнюю инстанцию в этом отношении. Хотя для обучения войск существуют уставы, общие для всех войск, но в зависимости от взглядов командующих войсками на многие важные вопросы тактической подготовки войск в нашей армии в последние 15–20 лет начало обнаруживаться существенное разнообразие и в обучении этих последних. Присутствуя на многих маневрах и командуя на больших маневрах 1902 г. под Курском армией, я наметил главнейшие, по моему мнению, недочеты в

тактической подготовке наших войск и представил в октябре 1903 г. доклад по этому важному вопросу.

В означенном докладе, между прочим, изложены заключения мои по следующим вопросам:

1. Деятельность штабов армий и отрядов на больших маневрах.

«Эту деятельность в общем нельзя назвать вполне успешной. Главными причинами тому служили не вполне удачный выбор начальников штабов и недостаточная организация штабной службы, как вследствие слишком ограниченного личного состава, так и снабжения войск и штабов недостаточным количеством телеграфных и телефонных средств, недостаточного обеспечения сообщений между войсками устройством летучих почт, приданием автомобилей, команд велосипедистов. Сведения о противнике и сведения о расположении своих частей, кроме того, запаздывали поступлением в штабы армий и отрядов по причине не во всех случаях правильной и успешно организованной деятельности конницы.

Разного писания в штабах была масса. Работали вечер, ночь. Литографировали, печатали, рассылали, но войска получали приказания в общем несвоевременно. На маневрах Варшавского военного округа в 1899 г. я отметил случай, где начальники дивизий получили приказание о движении уже утром, на 2 часа позже времени, назначенного для выступления.

Во многих случаях проявилось неумение штабов войск организовать во время хода маневра ближнюю разведку о противнике. Поэтому штабы не знали в достаточной мере о расположении сил противника, что отражалось на распоряжениях начальников сторон, особенно по употреблению резервов (Курские маневры, маневры под Псковом и под Влодавой). Равно выказалось неумение штабов организовать непрерывную связь по фронту и в глубину своих частей, что приводило к запаздыванию разных приказаний и распоряжений».

2. Деятельность на маневрах конницы.

«Необходимо отметить увлечение стратегической ролью конницы в большой ущерб службе конницы при войсках. Эта стратегическая роль тоже понималась в большинстве случаев неправильно. Конные массы двух сторон стремились главным образом к единоборству, оставляя начальников сторон без необходимых о противнике сведений до боя, а во время боя оставляя пехоту без содействия при обороне и атаке. Служба дальних разъездов во многих случаях велась весьма успешно, но вследствие недостаточной

организации быстрой доставки собранных сведений о противнике, таковые сообщались войскам уже запоздалыми, когда противник переменил свое расположение. Ближняя разведка не пополняла дальнюю. Ночью связь с противником большей частью утрачивалась под предлогом необходимого отдыха лошадям и людям.

Десятки людей и лошадей жалели по ночам, и в то же время целые дивизии и кавалерийские корпуса мотались днем в направлениях маловажных и задавались целями, не всегда согласованными с общей задачей маневра.

Необходимо все действия конницы связать теснее с действиями других родов оружия и привить всем начальникам кавалерийских частей сознание, что их роль есть роль вспомогательная, что они должны помочь начальникам войск принять правильное решение на основании сведений, добытых конницей, и что конница должна, главное, помочь этим начальникам привести это решение в исполнение и одолеть противника на поле сражения».

3. Оборона и атака.

«Наши начальники маневрирующих войск не добивались в каждом своем решении атаковать или обороняться возможности действовать сознательно, на основании сведений, собранных о противнике, на основании указаний местности и, главное, сообразно тем задачам, кои на них возложены. Мы еще сильнее в обороне, но сознательное наступление нам не часто удается. Начальники отрядов при наступлении не всегда принимали меры, дабы возможно точно выяснить себе расположение и численность сил противника, оценить позицию и уже сообразно полученным сведениям составить план атаки, определить направление главного удара, нацелить сообразно этому плану войска, принять меры, дабы ввести в заблуждение противника относительно направления главного удара и, собрав в направлении сего удара достаточные силы в первых линиях, двинуть туда и резервы всех родов оружия.

В особенности мы не умели вести наступление и атаку с силой, подготовкой артиллерийским и ружейным огнем. Идеи о безостановочном наступлении без производства ружейного огня, к сожалению, привились очень прочно у многих начальников в нашей армии, и при встрече с таким противником, как, например, германцы, который систематично приучает войска наступать с сильным ружейным огнем, мы очутимся в худшем, чем они положении, ибо часто наступаем в мирное время, почти не производя ружейной стрельбы, уже с дистанции в 800–1000 шагов.

Наша артиллерия весьма часто прекращает стрельбу тоже в самый важный период, а именно, когда пехота уже приблизится к противнику для атаки его. При разборе причин такого несвоевременного прекращения огня обыкновенно отвечают, что вышли все снаряды. При настоящей скорострельности артиллерии, если не обратить внимания на обязательное сохранение значительной части снарядов, именно для решительной подготовки атаки, когда пехота готовится уже атаковать, то и в военное время артиллерия не будет атаковать в те минуты, когда ее содействие особенно необходимо и драгоценно.

При обороне мы значительно успешнее, чем при атаке, умеем подготовить действия артиллерийского и ружейного огня. Обыкновенно перед выбранной позицией измеряются расстояния и обозначаются какими-либо видимыми предметами. Но и при обороне мы не пользуемся своими резервами, даже когда уже обозначилось главное направление атаки, чтобы ввести их в боевую линию, усилить огонь до возможной степени и, уже допустив противника на близкую дистанцию, обрушиться на него стремительной контратакой. Во многих случаях мы держим резервы в сомкнутых порядках и пускаем их в контратаку без выстрела. Многие полки и бригады, назначенные в состав резервов, при обороне оканчивают маневр, не выпустив ни одного патрона».

4. Возрождение в нашей пехоте колонн к атаке.

«В то время, когда в европейских армиях принимаются все меры, дабы ослабить убийственное действие современного артиллерийского и ружейного огня, и в то же время самым как можно сильнее развить этот огонь при наступлении и обороне, когда в этих усилиях германцы дошли до крайности, разворачивая все свои войска, иногда без резервов, в длинные тонкие линии, мы, судя по опыту последних маневров, переходим в другую крайность: устанавливаем производство решительной атаки почти без предварительной подготовки огнем и массой войск частью в сомкнутых колоннах.

Несомненно, что если такому увлечению сомкнутыми строями при производстве атак не будет положен предел, мы тяжко будем расплачиваться огромными потерями. Это увлечение тем опаснее, что мы при наступлении не умеем еще готовить атаки артиллерийским и ружейным огнем».

5. Деятельность на маневрах артиллерии.

«В большинстве случаев артиллерия умело выбирала позиции для действий, но ведение огня не всегда было соображено долж-

ным образом. При известном числе выданных зарядов необходимо, чтобы артиллеристы привыкли беречь каждый выстрел, что особенно важно при современной скорострельной артиллерии. Между тем не раз приходилось наблюдать, что заряды расходуются более, чем нужно, поспешно, по второстепенным целям и на слишком большие расстояния, а ко времени решительной атаки батареи только обозначают огонь, ибо все заряды оказываются уже израсходованными».

6. Деятельность на маневрах саперов.

«Тяжелые и кровавые уроки под Плевной и Горным Дубняком вызвали после войны оживление военно-саперного дела в нашей армии. Мы сделали большие успехи в умении строить войсками окопы, небольшие укрепления. Явились войсковые саперы, началось даже увлечение самоокапыванием. Но скоро наступила реакция. Генерал Драгомиров много способствовал тому, чтобы возвратиться к прежнему взгляду, что на войне чуть не все решит штык. Он назвал самоокапывание неподходящим словом и довел свои требования до абсурда, до запрещения ложиться при остановках при наступлении.

Копаться в земле нелегко и требует много времени. Кроме того, явилось требование зарывать снова все отрытые рвы, уничтожать окопы. Это очень сузило сферу применения в нашей армии окопного дела. Шанцевый инструмент в войсках, которому тотчас после войны отводили место рядом с пулей и сухарем, попал в отдел мобилизационных предметов. Им перестали заниматься и его осматривать.

На многих маневрах значительных масс войск вовсе не практиковалось укрепление позиций, на других — линии окопов только обозначили.

Отдавая должную дань прекрасной подготовке наших саперных частей, я не могу не выразить опасения: не слишком ли наши саперы специализируются в массе мелочей, упуская главное, что им предстоит на войне, т. е. содействие во всех видах пехоте по укреплению позиций и по атаке укрепленных позиций».

7. Разборы начальниками частей маневров войск.

«Понемногу мы прекращаем делать разборы крупных маневров войск. Ошибки проходят незамеченными и в результате повторяются вновь. В действиях наших войск встречаются ошибки, имеющие хронический характер, и с ними ведется борьба. Я помню весьма поучительные разборы маневров войск, которые делал генерал

Гурко. Слушал с интересом и пользой разборы действия войск, делаемые генералом Роопом. Знаю, что разборы всегда делались в Киевском военном округе и делаются в Петербургском военном округе, но ныне уже встречаются случаи, где командующие войсками, присутствуя на маневрах, не только не делают сами разбора маневров, но не требуют, чтобы таковые были сделаны начальниками сторон и старшими посредниками. Отдаваемые через продолжительное время приказы с перечислением всех замечаний и печатаемые после общих сборов и больших маневров войск отчеты относительно мало приносят пользы, если не было сделано начальниками всех степеней разбора действий войск на месте.

Необходимо также отметить наше неумение во многих случаях делать разборы действий войск. То разбор выходит совершенно бесцветен, то разбор делается слишком страстно. В особенности наши даже лучшие генералы не умели избегать обидных для самолюбия начальников резких на их счет суждений. Забывается при этом, что унижение престижа старшего начальника, особенно в присутствии младших, всегда принесет, особенно в военное время, горькие плоды. Забывают при этом большую условность различных тактических положений, забывают, что на мирных маневрах войск не должно быть победителей и побежденных, и самостоятельное решение, совсем не плохое, но по вопросу, по которому старший начальник имеет свое мнение, признавалось ошибочными и резко осуждалось. Такой разбор отнимает у начальников частей желание работать самостоятельно: они стараются узнать пункты своего начальника и угодить ему».

8. Заключение по тактической подготовке наших войск.

«Большой и вполне желательный авторитет, который должны иметь и имеют в нашей армии по вопросу об обучении войск командующие войсками в округах, не должен все же переходить известные границы. Нельзя, например, допускать, чтобы каждый командующий войсками обучал войска округа главнейшим видам деятельности войск на войне на свой образец. Нельзя, например, чтобы производство обороны и атаки производилось в соседних округах совершенно или значительно различными способами. А между тем в нашей армии завелось уже нечто подобное. Мы сами в Петербурге отчасти виноваты в этом, затягивая издание для войск устава полевой службы, наставления для действий в бою отрядов из всех родов оружия. Но несомненно факт, что, например, в Киевском военном округе генерал Драгомиров проводил излюблен-

ные им приемы для обучения производства атаки, польза которых вполне сомнительна. Известное подпирание, примененное на практике, приведет к тяжким потерям, а обучение подпиранию в мирное время составляло неестественную картину, вызывавшую у зрителей удивление. Требование генерала Драгомирова, чтобы стрелковые цепи прикрывали артиллерию на линии орудий, привело бы нашу артиллерию ранее времени к молчанию. Требование, чтобы цепи при остановках не ложились, тоже невыполнимо: в бою остановленная цепь сама ляжет и сделает это хорошо, ибо лежащий человек легче найдет укрытие от огня противника, чем стоящий. Ныне, по примеру генерала Драгомирова, и генерал Гриппенберг в Вилецком военном округе стал проводить свои мнения, отличные от указаний устава. Так, в приказах сего года по округу, в коих помещены замечания командующего войсками на действия войск на маневрах, генерал Гриппенберг рекомендует пехоте в сомкнутом строю отражать атаки конницы не залпами, а одиночным огнем пачками. Равно при наступлении цепей перебежками генерал Гриппенберг слишком безусловно указывает, что перебежки надо начинать непременно с флангов.

К сожалению, многое, что я видел и наблюдал, посещая войска различных округов, участвуя на больших маневрах и командуя армией на Курских маневрах, приводит меня к заключению, что тактическая подготовка наших войск, в особенности начальников войсковых частей, от командиров полков и выше, еще недостаточна и что эта подготовка не однообразна в нашей армии».

Указанные мною выше недочеты по тактической подготовке войск в мирное время, к сожалению, подтвердились и во время Русско-японской войны.

Маньчжурский театр военных действий, особенно для войск, прибывавших из России, представлял большие особенности по местности, климату, населению, сравнительно с театрами вероятных военных действий наших армий в Европе, которые изучились нашими войсками. Равно и японцы как наш новый противник нам мало были известны, и мы в большинстве относились к борьбе с японцами с сознанием своего превосходства, а подчас и пренебрежительно. Устав полевой службы прежнего издания совершенно устарел, а новое издание еще находилось в печати. При таких условиях требовалось, чтобы войска, собираемые в Маньчжурии, получили особое наставление в новой для них боевой обстановке. Такие указания и были мною составлены, напечатаны и разосла-

ны всем начальникам частей до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов.

В означенных условиях мною обращено особенное внимание на ознакомление в самых общих чертах с нашим противником. Перечисляя сильные и слабые стороны японских войск, я указывал на чувство патриотизма у японцев и на исторически сложившееся у них равнодушие к смерти. Сделал вывод, что сильные стороны японской армии преобладают, что в японцах мы будем иметь очень серьезного противника, с которым надо считаться по европейскому масштабу.

Далее я писал: «Очень важно в первых боях, где японцы будут иметь превосходные силы, не дать им сознания одержанной победы. Это еще более приподнимет их дух.

Никакой особой тактики по отношению к японцам, кроме той, которой мы обучаемся, применять не приходится. Надо только, чтобы мы и по отношению к японцам не повторяли тех ошибок в употреблении войск, которые в войну с турками в 1877–1878 гг. были причиной тяжелых неудач наших войск».

Перечисляя причины этих неудач под Плевной, я остановился на главнейших.

После овладения Никоподем наши войска двинулись к Плевне, не зная расположения и сил противника. Нашей конницей для раскрытия сил противника воспользовались неумело. Располагая в первом бою под Плевной (7 июля 1877 г.) еще недостаточными силами, мы направили их для атаки укрепленной турецкой позиции разрозненно. В боях 18 июля и 30 августа мы повторили те же ошибки, но в более крупных размерах. Атаки велись в слишком густых строях и не подготавливались достаточно ни артиллерийским, ни ружейным огнем. Роль многочисленной конницы нашей и румынской была ничтожна. В общем, атака 30 и 31 августа 1877 г. не удалась как вследствие неправильного распределения сил, так и вследствие недостаточной тактической подготовки наших войск.

Делая оценку деятельности наших войск в войну с турками в 1877–1878 гг., я поместил следующие строки:

«Деятельность штабов в Русско-турецкую войну не всегда была успешна. Войска получали часто распоряжения слишком поздно. Много времени терялось даром на ожидания выстроенными войсками приказанья к началу движения. Части, приходившие на указанные места ночью, не всегда находили офицеров, которые ожидали бы их прибытия, дабы провести на места. Началь-

ники войск иногда не только не получали от штабов сведений о силах и расположении противника, но и сведения о соседних колоннах или частях русских войск не всегда поддерживались в должном порядке. Отсюда и шла главная причина наших неудач: мы иногда атаковали, не зная сил и расположения противника, не зная точно сил, расположения и намерений соседних русских войск.

Примером тому, что могут выполнить наши войска в наступательном бою, служит штурм Карса. Пример поучительный. Под Плевной слабые в конструктивном отношении полевые укрепления задерживают русскую армию пять месяцев. Под Карсом наши войска не могут остановить ни крепостные верки, ни глубокие рвы. Ночью, с командой охотников впереди, искусно направленные, искусно веденные, полные боевого воодушевления, славные кавказские войска с удивительной отвагой овладевают твердынями, признававшимися неприступными.

В оборонительном бою войска всегда действовали с огромным упорством. Достаточно вспомнить из прошлой войны оборону Шипки, чтобы иметь пример, достойный подражания и для настоящей войны».

После краткого очерка наших недочетов в тактической подготовке войск, обнаруженных в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., я перечислил и те недочеты, которые, несмотря на опыт войны с турками, продолжали замечаться в действиях наших войск на маневрах мирного времени.

С развитием военных действий выяснились и те и другие особенности в действиях наших противников, а также наши слабые стороны. Поэтому я постепенно пополнял изданные мною указания начальникам частей в августе, сентябре, октябре и декабре 1904 г.

Наиболее важные из этих дополнительных указаний приводятся ниже.

Указания, данные в августе.

Несмотря на многочисленность нашей конницы и деятельность охотничьих команд, нам не удалось знать общее расположение сил противника и его численность. Сведения, доставляемые лазутчиками, оказывались преувеличенными или неверными. В результате в тех случаях, где мы вели наступательные действия, мы начинали наступление без достаточного знакомства с силами противника и их расположением. В указаниях значится:

«Мы начинали атаку слишком быстрым движением вперед, не закрепляя за собой занятые участки, не воспользовались ар-

тиллерней, слишком рано отказывались от продолжения боя, когда у нас еще находилось большое количество войск как в общем, так и в частных резервах, а при отступлении отходили к местам первоначального расположения, не приняв мер, дабы удержаться на одной из занятых нами позиций, что могло бы составить немаловажный успех и, главное, дало бы возможность повторить удар.

При обороне прежде всего надлежит отметить, что все наши позиции, на конх мы принимали оборонительный бой, были не соответственно силам войск растянуты. Несмотря на это, наступление противника с фронта в большей части случаев, даже когда мы оборонялись на случайных позициях, не имело успеха. Благодаря, однако, превосходству в силах противника и обходам мы вынуждены были оставлять наши позиции».

Расход пушечных патронов в оборонительных боях был в некоторых случаях чрезмерно велик.

Конница мало помогала другим родам оружия.

Относительно характера наступательного боя мною даны следующие указания:

«При наступательном бое, особенно при действиях в горах, наступающие части вынуждены приостанавливаться с целью подготовки атаки огнем, передышки или выжидания частей, производящих обходное движение. Но бывают и другие приостановки, которые вызываются сопротивлением противника; останавливаются без разрешения и, что особенно опасно, без разрешения начинают отступать; обыкновенно начинает отступать небольшая часть какой-нибудь роты, попавшая под особенно сильный ружейный или шрапнельный огонь; за нею следует вся рота, а за отступившей ротой начинают отступать соседние роты, даже находящиеся во вполне выгодных для борьбы с противником условиях. Эти минуты поистине могут быть названы критическими: найдется доблестный офицер, который сумеет вернуть отступившую кучку, удержать начавшую отступать роту — дело будет выиграно. Начальнику части в этих случаях, кроме личного примера, чтобы вернуть отступавшие роты, необходимо выдвинуть хотя бы небольшую часть из резерва, которая, двинувшись вперед, должна остановить отступающих. Вообще же в эти тяжелые минуты главное — пример офицеров и лучших нижних чинов, особенно георгиевских кавалеров. Исполняют свои обязанности офицеры — нижние чины их не оставят. Важно участие ротных командиров, главных ответчиков за вверенные им роты. Поэтому какими бы достоин-

ствами мирного времени ротные командиры ни обладали, но если они, бывши в боях, не обнаружили личного мужества — таковые должны быть самым энергичным образом удалены от командования ротами и заменены другими, невзирая на старшинство.

В наступательном бою, как и в оборонительном, особенно при действиях в горах, наиболее действенным средством бороться против всякой случайности является оставление сильного резерва и весьма бережливое расходование его. В бывших боях мы не исполнили сего; резервы оставались малые, а расходование их производилось чрезвычайно быстро; посылают в поддержку целые полки, когда в иных случаях достаточно было послать две роты, батальон.

Наконец, необходимо отметить наше увлечение слишком длинными, не соответствующими силам позициями. Надо помнить, что самые лучшие части, разбросанные на большом протяжении, не могут выполнять с успехом возлагаемые на них задачи.

Ведя наступательный, как и оборонительный бой, начальники войск обязаны сообщать о всем происходящем у них соседям и доносить начальству. Мы к этому, к сожалению, не приучены; до боя мы доносим о всех мелочах, но как только бой начинается, настолько им поглощаемся, что забываем самые элементарные свои обязанности. Установление частных донесений во время боя возлагаю на ответственность начальников штабов всех степеней».

Обращалось особое внимание начальников частей, чтобы войска при всех трудных условиях боя получали горячую пищу.

После боев в августе, готовясь к переходу в наступление, мною даны были следующие главные указания:

«К сожалению, нельзя не признать, что в тех случаях, когда мы переходили в наступление, мы до сих пор терпели неудачи. Основной причиной этих неудач я признаю неприятие нами мер к раскрытию сил и расположения противника; вследствие сего вместо сознательной атаки по определенному плану мы наносили удары недостаточно сознательно и потому терпели неудачи. Не принимая в расчет воли противника, мы решали направление главного удара слишком заблаговременно. Были случаи, что мы, не зная расположения противника, расписывали войска по мелким колоннам до батальона включительно. В других случаях мы действовали без определенного плана. Наконец, были и случаи слишком малого упорства в достижении поставленной при наступлении задачи».

Указывалось на важность одержать с началом наступления первоначально хотя бы небольшие успехи над передовыми частями противника. Предлагалось применять при атаке противника, кроме действий с фронта, охват одного из флангов. Начатое наступление предлагалось вести энергично до достижения успеха. Указывалась необходимость отстаивать твердо каждый завоеванный шаг. Передовым частям рекомендовалось не доводить дело до удара, пока наши силы, направленные в фланг противника, не войдут с ними в тесную связь.

Предлагалось деятельно помогать успеху артиллерийским и ружейным огнем. В числе указаний значится:

«Как в прошлые войны, так и в настоящую, мы испытывали неудачи вследствие недостаточно согласного между собой действия различных начальников колонн и отрядов. Особо наглядный пример тому представляет бой 20 августа, в котором левая колонна начала несвоевременно бой и еще более несвоевременно закончила его беспорядочным отступлением, что отразилось самым неблагоприятным образом на исходе всей операции.

Я напому также вновь о необходимости беречь патроны, особенно орудийные. Под Ляояном мы в два дня израсходовали свой особый запас, превосходивший 100 000 орудийных патронов, надо помнить, что подвоз их крайне затруднителен и что батарея, израсходовавшая свои патроны, становится тяжелым бременем для армии».

Подробно рассмотрены особенности действий по местности, покрытой гаоляном.

«При наступлении выход людей из строя с целью сопровождения или переноски раненых необходимо строго запрещать.

Для успеха наступления требуется, чтобы роты и сотни имели возможно большее число рядов, для чего надо принять самые энергичные меры, дабы возможно сократить расход нижних чинов на разные наряды и в обозы. Казаки должны быть отобраны от всех лиц, не имеющих права обращать вверенных временно их командованию казаков в постоянных вестовых и конвой. Здоровых лошадей от больных казаков надо употреблять для безлошадных здоровых казаков.

К сожалению, мною неоднократно замечено, что войсковые начальники не относятся с должным вниманием и уважением к неприкосновенному носимому сухарному запасу. Расходование сего запаса без немедленного принятия самых энергичных мер к попол-

нению его производилось сплошь и рядом. Многие начальники войск спокойно допускали доедать весь носимый запас в уверенности, что кто-то помимо них должен позаботиться о подвозе к месту расположения полка интендантского транспорта с запасами».

В заключение значится следующее:

«Изложенные выше указания касаются только некоторых отделов предстоящей войскам боевой деятельности. Основным же руководством должен служить Устав полевой службы, но и этот устав не может, конечно, ответить на все те случаи, кои представляются войскам к решению при совершенно новой обстановке, в которой нам ныне приходится действовать. Призываю поэтому начальников всех степеней к проявлению возможно большей инициативы в той сфере деятельности, которая предоставлена каждому занимаемым им положением».

Указания, данные в октябре, заключали в себе замечания на действия войск во время перехода в наступление в конце сентября. В них, между прочим, значится:

«Во время бывших наступательных боёв мною замечено, что многие части войск наступали густыми стрелковыми цепями, за которыми слишком близко следовали поддержки и резервы; применялись к местности недостаточно. Весь боевой порядок представлял прекрасную цель для неприятельской артиллерии и пехоты. Если бы такой порядок был принят перед ударом в штыки, то, невзирая на жертвы, этот порядок наиболее обеспечивал бы действительно сильный штыковой удар. Но наши части принимали этот порядок и действовали в нем еще в нескольких верстах от противника. В результате мы несли тяжелые потери совершенно бесполезно. Надлежит при наступлении под сильным огнем противника принять способ, практикуемый японцами. Способ этот применялся и у нас, особенно во время войны на Кавказе, а именно: надо принимать все меры к укрытому от огня противника расположению, хорошо ознакомиться с впереди лежащей местностью и воспользоваться каждой складкой местности, каждым местным предметом, дабы передвинуть туда наступающие части с возможно меньшими потерями. Лучшее для сего средство — перебежки одиночными людьми и группами в несколько человек и постепенное «накапливание» наступающей части; при открытой местности и благоприятном грунте, если наступление приостанавливается с целью выждать результата артиллерийской подготовки, наступающие части должны быстро окопаться.

При отступлении также замечался мною одновременный отход всего боевого порядка, что представляло отличную цель для противника и было сопряжено с большими потерями. Во многих случаях мы, опасаясь больших потерь при отступлении, упорно задерживались на некоторых участках позиции, дабы отойти лишь по наступлению темноты. При большой подвижности со стороны японцев в тех случаях, где соседние участки позиций были уже нами оставлены, изолированное отставание какого-либо одного из участков позиции могло обойтись нам весьма дорого. Необходимо применять отступление и днем, пользуясь для этого тем же приемом, который указан выше для наступления, т. е. не двигать назад целые сомкнутые части, а отходить небольшими группами, пользуясь местностью, накапливая и устраивая войска в таких складках или за такими местными предметами, которые недоступны или малодоступны наблюдению и обстрелу со стороны противника.

Мною и другими высшими начальниками замечено, что еще до окончания боя сотни и тысячи здоровых нижних чинов покидают строй, вынося раненых. В боях 29 и 30 сентября, 1 и 2 октября я лично наблюдал, как одного раненого несли целые кучки нижних чинов, до 9 человек.

Предлагаю самым энергичным образом бороться с этим злом, твердо наставляя, чтобы до окончания боя раненых в наступающем бою выносили только специально для того назначенные санитары.

Японцы укрепляют лежащие против нас позиции, обращая в опорные пункты сопки, холмы, селения; позиции усиливаются искусственными препятствиями. Напоминаю данные мною указания относительно необходимости самым внимательным образом изучить различные участки этих позиций, определить опорные пункты на них и в каждом районе войск наметить план действия против соответствующих участков неприятельской позиции. В особенности важно заблаговременно сообразить организацию артиллерийской подготовки атаки того или другого из пунктов неприятельской позиции.

Впереди штурмующих частей иметь саперные команды и команды охотников для разрушения искусственных препятствий. При подготовке атаки на укрепленные селения большую пользу принесут поршневые и мортирные батареи. Повторяю о крайней необходимости при движении нашем вперед для атаки неприятельской позиции пользоваться каждым местным предметом, каж-

дой кладкой местности, каждым гребнем, дабы возможно сблизиться с противником ранее производства решительной атаки. Если какая-либо передовая часть не будет в силах овладеть тем или другим неприятельским укреплением, на которое она направлена, то ей надлежит, отнюдь не отходя далеко назад, утвердиться в возможной близости к противнику, дабы повторить атаку вместе с подходящим подкреплением».

Наконец, в указаниях, данных в декабре 1904 г., сделан вновь перечень главнейшим указаниям, основанным на бывшем боевом опыте. В числе их обращалось особое внимание начальствующих лиц:

— на необходимость лучшего применения к местности при наступлении, на наступление строем, который менее подвержен потерям;

— на бережливое расходование артиллерийских патронов;

— на более широкое пользование ружейным огнем, чем то было в предыдущих боях. На стрельбу залпами ночью;

— на широкое развитие действий ночью;

— на правильную организацию связи между начальствующими лицами разных степеней;

— на необходимость самого дружного содействия всех родов оружия и поддержания боевой связи как по фронту, так и в глубину.

Далее в указании значится:

«Самое главное условие для одержания успеха — это крайнее упорство в преследовании раз поставленной задачи, даже по израсходовании всех резервов нельзя отказываться от продолжения боя, ибо противник может находиться в таких же, а может быть, и в худших условиях; чего не удалось достигнуть днем, можно достигнуть ночью атакой. К сожалению, в бывших боях некоторые начальники даже крупных частей войск находили невозможным достижение тех или других поставленных им задач, располагая еще довольно значительными, не введенными в бой резервами. Самая опасная минута боя наступного или оборонительного — когда та или другая часть, иногда даже одна рота, вместо движения вперед останавливается, а затем начинает и отходить, или вместо того, чтобы стоять на месте, начинает подаваться назад. Если в эту минуту не будут приняты меры возратить или остановить начавшую отступление часть, то соседние роты, даже и не думавшие об отступлении, во многих случаях последуют этому роковому примеру, и через короткое время для того, чтобы вновь вернуться на

оставленную позицию, потребуются огромные усилия и жертвы. Между тем своевременно принятые меры или в виде личного примера начальника, или в виде отправки к начавшей отходить части хотя бы самой незначительной поддержки вместе с приказанием соседним частям твердо держаться могут спасти дело.

Как только начались наши неудачи, появились в печати и обвинения в недостаточном обучении наших войск. Эти обвинения имеют свои основания.

Прежде всего большинство бойцов было призвано из запаса, многое позабыв. Во-вторых, настоящая война представила первый опыт войны с бездымным порохом, скорострельной артиллерией, большим числом пулеметов, большим развитием технических средств. Многие для войск было действительно новым и неожиданным. В особенности первое время поражала воображение действенность артиллерийского огня по невидимым артиллерии целям, поражал новый порядок наступления пехоты, когда противника почти не было видно, когда продвигались вперед одиночными людьми частью ползком, пользуясь каждой складкой местности, чтобы «накапливаться» вне взоров противника. Мы многому учились и дома, но учились в зависимости от личных мнений тех или других командующих войсками в округах и, как то выше указано, весьма разнообразно. Чем авторитетнее был командующий войсками, тем менее он считал себя обязанным держаться при обучении войск существующих уставов, инструкций. В этом отношении не представлял исключение и прибывший к действующей армии генерал Гриппенберг. Несмотря на существующее в уставе указание о пользовании при отбитии ночных атак залпами, несмотря на боевую практику, которая вполне подтвердила необходимость и полезность залповой стрельбы, несмотря, наконец, на руководящие по этому вопросу указания главнокомандующего, он решился за несколько дней до боя переучивать войска вверенной ему армии, приказав даже ночью встречать противника одиночным огнем. В напечатанных и разосланных по войскам «Указаниях о действиях пехоты в бою», им подписанных 22 декабря 1904 г. и вызвавших в армии общее недоумение и что хуже — глумление, приказано стрельбу залпами производить только в случае внезапного появления противника на самом близком расстоянии, когда вслед за залпом должно броситься в штыки.

Осуждая в означенных указаниях способ действий наших войск под Тюренченом, генерал Гриппенберг дает рецепт, как сле-

довало бы действовать, чтобы наши два батальона могли уничтожить японскую дивизию. В «Указаниях» после расчета количества выпущенных пуль значится:

«Если бы наши два батальона были развернуты и в полном составе стреляли одиночным учащенным огнем, то японская дивизия была бы уничтожена и победа осталась бы за нами»

Так легко казалось генералу Гриппенбергу уничтожать японские дивизии. Но когда через несколько дней он, располагая сильной армией в 120 батальонов, двинулся против позиций у Сандепу, эти рецепты оказались непригодными, и первые дни, имея против себя не более двух японских дивизий, генерал Гриппенберг не мог овладеть Сандепу, спутал войска, дал противнику время подвести сильные подкрепления и отступил... в Петербург.

Прибывающие из Европейской России части при проверке их тактической подготовки в большинстве действовали слишком сомкнуто, густыми цепями с поддержками, близко к цепям расположенными; боевой порядок плохо прикрывался местностью и, применяемый и в бою, вызвал огромные непроизводительные потери. Особенно сомкнуто училась и мало применялась к местности 41-я дивизия, прибывшая из Виленского военного округа, которым до войны командовал генерал Гриппенберг.

Наши артиллеристы тоже прибыли с подготовкой располагать батареи открыто и действовать только по видимой цели, за что и поплатились в первых боях.

Приведу ниже наиболее характерные примеры из прошлой войны, где выказалось наше неумение управлять войсками в бою, слабая тактическая подготовка армии и недостаточное упорство некоторых войсковых частей.

1

2 июня под Вафангоу генерал-лейтенант барон Штакельберг, не выяснив, достаточно ли сил противника и их расположения, переходит в наступление, предрешив еще накануне (1 июня), что он перейдет в наступление именно левым флангом. Для наступления назначаются две колонны: генералов Геригроса и Гласко силой в 20 батальонов. При этом колонна генерала Геригроса должна была действовать с фронта, а генерала Гласко — в охвате правого фланга противника. Несмотря на превосходство японцев в числе штыков, если бы удар этими 20 батальонами был произведен

быстро и энергично, мы, вероятно, одержали бы успех. Между тем, вместо точного указания о времени выступления колонны левого фланга и точного подчинения всех войск этого фланга одному лицу, начало наступления было предоставлено определить генералу Гернгросу по соглашению с генералом Гласко. В результате колонна генерала Гернгросса долго ожидала колонну Гласко, а этот последний по неизвестной причине крайне медлил. Когда наконец движение началось, причем в колонне генерала Гернгросса вполне успешно, положение нашего правого фланга стало настолько критическим вследствие атаки войск этого фланга превосходными силами японцев, что генерал барон Штакельберг отдал приказание генералу Гернгросу отступить.

Упорство в бою наших войск под Вафангоу было недостаточное. Бригада 35-й дивизии понесла весьма незначительные потери (Моршанский полк — 140 человек). Три полка 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии потеряли в общей сложности около 700 человек, Тобольский полк потерял менее 50 человек. Таким образом, три полка — Моршанский, Зарайский и Тобольский — боя почти не вели. Приморский драгунский полк потерял одного человека, что было возможно только при уклонении от встречи с противником. Полки 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии потеряли свыше 1500 человек, но главным образом при отступлении.

2

В начале июля для частного перехода в наступление против армии Куроки с целью обратного овладения Уфангуанским перевалом Восточный отряд под начальством генерал-лейтенанта графа Келлера был доведен до 43 батальонов пехоты.

4 июля генерал-лейтенант граф Келлер начал наступление с Янцелинского перевала.

Генерал Кашталинский из 14 батальонов главной колонны, которыми он располагал, направил для атаки горного массива, как оказалось, сильно занятого противником, один батальон, а после неудачи этого батальона — три батальона, но и они были тоже отбиты. Не имели успеха и другие разрозненные попытки. Прибывший почти на линию стрелковых цепей генерал-лейтенант Келлер признает, что силы противника превосходят наши и отдает уже в 10 1/2 часов утра приказ об отступлении, когда не только общие, но

еще и частные резервы не были израсходованы. Отряд силой в 43 батальона, потеряв лишь около одной тысячи человек, признается бессильным продолжать бой. В дальнейших донесениях генерал-лейтенант граф Келлер с благородной откровенностью признал, что силы противника не превышали сил колонны генерала Кашталинского: «неприятель превосходит нас только в умении действовать и в искусстве пользоваться артиллерией» — так закончил свое донесение генерал граф Келлер. Упорства в этом бою мы тоже не проявили.

3

В бою 11 июля под Ташичао командир 4-го Сибирского корпуса располагал 48 батальонами 1-го и 4-го Сибирских корпусов против армии Оку. После горячего боя на левом фланге, где мы ходили в штыки (особенно отличился Барнаульский полк), нам удалось отстоять свои позиции, но вечером по приказанию начальника отряда войска отступили к Хайчену. Упорства в бою тоже проявлено не было. В 1-м Сибирском корпусе все потери составили до 100 человек, а в 4-м Сибирском корпусе — до 500 человек. Резервы еще в составе до 14 батальонов не были израсходованы, а мы уже начали отступать в опасении обхода левого фланга.

18 июля японцы переходят тремя армиями в наступление, и мы повсюду отступаем. В 10-м армейском корпусе генерал Случевский не решается принять бой на заблаговременно выбранной и укрепленной позиции у Гуцзядзы (на направлении Самайцзы—Ляоян) и, потерпев неудачу на крайнем правом фланге (бригада 9-й дивизии генерал-майора Мартсона), отводит войска к Аньпину, всего в 30 верстах от Ляояна. Многие полки в деле не участвовали. На один из полков 10-го корпуса японцы производят неожиданное нападение и овладевают лагерем. Упорство не было проявлено.

Наступление японцев 18 июля против войск генерал-лейтенанта графа Келлера, занимавших Янзелинскую позицию, тоже было успешно. Сам генерал граф Келлер был убит. 23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, заслуживший в последующих боях репутацию одного из самых доблестных полков в действующей армии, в этом деле под начальством слабого духом командира полка полковника Волкова (был отдан под суд и признан су-

дом виновным) не проявил должного упорства. Порученная обороне его важная позиция была оставлена без натиска противника. Вступивший в командование начальник 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии принял слишком поспешное решение отвести 3-й Сибирский корпус к позиции у Ляньдяня, тоже в 30 верстах от Ляояна. Никакого упорства отстоять вверенные корпусу позиции не было проявлено. Мы уступили несколько переходов от Фейшулинского перевала до Ляньдяня, не вводя в бой значительного числа отличных полков 3-го Сибирского корпуса.

Во всех перечисленных боях мы не проявили должного упорства и отступали, даже не раскрыв в достаточной степени силы противника.

Во всех этих случаях командиры корпусов действовали и принимали решения об отступлении вполне самостоятельно.

В 1–3-м томах моего отчета с достаточной подробностью описаны сражения под Ляояном, на реке Шахэ и под Мукденом. Среди эпизодов геройских действий отдельных частей войск и отдельных лиц общее заключение о действиях наших войск в тактическом отношении может быть сделано благоприятное. В этих боях мы повторяли ошибки Севастопольской войны и войны 1877–1878 гг., но с несомненностью даже при этих ошибках выступает факт все большего и большего упорства наших войск, уже побывавших в бою. В боях последующих мы крепили в неудачах. Это отрадное, возможное только в русской армии явление и позволяло нам в Маньчжурии неослабно верить в победный конец нашей войны с Японией.

Ныне, вспоминая, при какой исключительно неблагоприятной обстановке наши войска не падали духом, а закалялись, мы можем спокойно исследовать свои недочеты и не бояться их. А таких недочетов, как изложено выше, было много по всем отделам.

Из описаний сражения под Ляояном, на реке Шахэ и под Сандепу обращают на себя внимание следующие факты неумелого руководства войсками и недостаточной тактической их подготовки.

4

Из сражения под Ляояном

Выбранная на левом берегу реки Тайцзыхэ в августе позиция в селе Сыквантун не была, несмотря на достаточное время, долж-

ным образом укреплена. Не был очищен даже гаолян для образования обстрела. Японцы ночным нападением в ночь на 21 августа сбили занимавший эту позицию Нежинский полк. 21 августа генералу барону Бильдерлингу поручено было обратное овладение Сыквантунской позицией и дано в распоряжение 44 батальона. Действия наши в течение 21 августа были чрезмерно медленны. Артиллерийская подготовка велась неумело. Руководство боем не было организовано. Части перемешались. Тем не менее с наступлением темноты после горячего боя мы овладели Сыквантунской позицией, но не сумели отстоять ее. Ночью японцы вновь атаковали наши войска и сбили их. Вместо движения вперед командир 17-го армейского корпуса отвел вверенные его командованию войска назад на три версты, на высоту села Эрдагоу.

5

20 августа генерал-майор Орлов с 13 батальонами занимал прочную и важную позицию у Янтайских копей. В этом направлении двигался и генерал-лейтенант барон Штакельберг с 1-м Сибирским корпусом. Получил от начальника 35-й дивизии генерал-лейтенанта Добржинского просьбу о помощи (эта просьба о помощи была послана, когда генерал-лейтенант Добржинский еще не начинал боя). Генерал-майор Орлов, не войдя в связь с генерал-лейтенантом Штакельбергом, оставил преждевременно высоты и двинулся гаоляном к левому флангу 17-го корпуса. Попав в море гаоляна, части колонны генерал-майора Орлова, встреченные огнем с фронта и фланга, смешались, подверглись панике и в беспорядке отступили. Некоторые части безостановочно двигались до самой станции Янтай.

6

Генерал-майор Любавин, прикрывавший во время боев под Ляояном важное направление Бенсиху — Мукден, с бригадой кавалерии и 4 батальонами пехоты почти без боя и не выяснив сил противника, против него действовавших, отступил во время боев под Ляояном к первому Тунзяфынину, всего в 25 верстах от Мукдена.

Бои колонн 21 августа генералов Бильдерлинга и Орлова тоже не выяснили, сколько и какие силы японцев против них действовали.

Из сражения на реке Шахэ

В Восточном отряде, на который был возложен обход правого фланга расположения японцев, мы имели большое превосходство в силах над японцами. Местность была удобна для обороны, но мы в этой местности уже действовали несколько месяцев до сражения под Ляояном и после сражения. Беньсиху нами занималось продолжительное время.

При наступлении в конце сентября 1904 г. Восточный отряд под начальством генерала барона Штакельберга силой в 73 батальона, 158 орудий, 30 пулеметов, 32 эскадрона, сотни и 3 саперных батальона, получил задачу наступать против правого фланга японских армий с охватом этого фланга.

Отряд генерал-лейтенанта Ренненкампфа силой в 13 батальонов, 30 орудий, 20 сотен казаков должен был охранять левый фланг армии и наступать на фронт Мицзы—Сяосыр.

Большая часть этих войск действовала в связи с Восточным отрядом. Всего для наступления против позиций, занятых правым флангом армии Куроки, назначено было 83 батальона. Силы противника определялись в полторы-две дивизии.

Предписанием начальнику Восточного отряда (от 22 сентября № 9877) общей целью для действий отряда ставилось оттеснение японских войск за рекой Тайцзыхэ. Наиболее благоприятным результатом признавалось, если бы правый фланг армии Куроки был отрезан от своих сообщений по левому берегу реки Тайцзыхэ. Общее направление движения войск отряда указывалось на село Беньсиху.

В первые дни наступления признавалась необходимость действовать осторожно, чтобы одержать частный успех. Рекомендовалось для сего вводить в бой превосходные силы.

Сильная позиция у села Баньяпуза (Ваньяпуза) была оставлена японцами без боя. Отступление было произведено поспешно, и мы утратили на время связь с противником.

Несмотря на указанное выше предписание от 22 сентября, генерал Штакельберг после занятия Баньяпуза испросил приказа командующего армии. Мною того же 26 сентября отвечено, что в дальнейших действиях он должен руководствоваться полу-

ченными уже предписаниями: по оттеснении противника за рекой Тайцзыхэ Восточному отряду будут предстоять действия против линии Янтайские копи — река Тайцзыхэ в связи с действиями других войск.

Продолжая наступление, генерал барон Штакельберг на 26 сентября только коннице генерала Самсонова дал боевую задачу, не сообразованную притом с силами конницы, а именно: генерал-майору Самсонову приказано было «занять село Беньсиху (в тылу японцев)».

Генерал Самсонов с отрядом силой в 11 сотен, 1 охотничьей командой и 2 орудиями ночевал в селе Саньшанцзы, отделенном от долины Тайцзыхэ горами. Для овладения селом Беньсиху ему приходилось брать несколько перевалов и сделать свыше 20 верст пути, что было совершенно не по силам конному отряду. Попытка, сделанная охотничьей командой, овладеть перевалом Восточный Тумынчин не удалась. К утру 26 сентября японцы успели занять перевал и прилегающие возвышенности 2–3 батальонами при 4 орудиях и укрепиться. Утром казаки генерала Самсонова были подкреплены охотничьими командами 17-го, 18-го и 20-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, но мы все же не могли продвинуться вперед.

В течение дня и к вечеру к позициям, занятым конницей генерала Самсонова и охотничьими командами, подошли 34-й и 24-й Восточно-Сибирские стрелковые полки и сменили казаков.

На 26 сентября 3-му Сибирскому корпусу указывалось занять линию Каотайцзы—Йогоу, выдвинув авангард в Уйнюнин. Генерал Иванов в своей реляции указывает, что полученное им предписание привело его к заключению, что 3-му Сибирскому корпусу предстоит действовать на левом берегу реки Тайцзыхэ.

Генерал Иванов, получив донесение генерал-майора Самсонова о том, что он ведет бой с противником, занимающим Восточный Тумынчин, послал к нему на подкрепление 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Полк этот к 12 часам подошел к деревне Хоэлин, занял позицию и не мог продвинуться вперед, ибо с фронта шла позиция противника почти с отвесными скатами к северу. После рекогносцировки для обхода правого фланга противника был выслан 3-й батальон. В том же направлении для связи с отрядом генерала Ренненкампаф генерал-лейтенантом Ивановым было выслано по батальону от 21-го и 22-го Восточно-Сибирских стрелковых полков. Западнее 24-го Вос-

точно-Сибирского полка вышел 34-й полк 1-го Сибирского корпуса, тоже имевший назначение занять Восточный Тумынчинский перевал.

Таким образом, против позиции японцев на Восточном Тумынчине, занятой 2–3 батальонами, мы к вечеру 26 сентября собрали 8 батальонов, несколько охотничьих команд и 11 сотен казаков с артиллерией. Действия этих войск выразились большим успехом: ночью на 27 сентября охотничья команда и 9-я рота 24-го полка из 3-го батальона капитана Стародубцева, обойдя с юго-востока гору Лаутхалаза, заняли ее. Три остальные роты 3-го батальона подошли к японцам с фронта на 600–800 шагов. Не поддержанные другими частями, расстреляв все патроны, охотники и 9-я рота отступили. Гора Лаутхалаза, составлявшая тактический ключ позиции, снова перешла в руки японцев. Они успели подвести подкрепления, и наши дальнейшие попытки овладеть этой позицией не имели успеха.

Таким образом, собрав 8 батальонов, мы в ночь на 27 сентября действовали только одной ротой и охотничьей командой. Остальные части сближались с противником, укреплялись и, имея перед собой крутые высоты, бездействовали.

Причина такого исхода боя за гору Лаутхалаза, имевшего огромное влияние на неуспех всей операции, по-видимому, заключается прежде всего в отсутствии общего руководства собранными против Восточного Тумынчина войсками. Тут 26 сентября собрались части, принадлежащие к 1-му и 3-му Сибирским корпусам, четырем полкам и подчиненные трем начальникам: командирам 24-го и 34-го полков полковникам Лечицкому и Мухелову и подполковнику Горницкому, который командовал двумя батальонами 21-го и 22-го полков. К сожалению, все эти части не были подчинены генерал-майору Самсонову с целью выполнения возложенной на него задачи по занятию Беньсиху. Результат известен: мы перевалом не овладели.

Того же, 26-го числа восточнее Тумынчинского перевала шел бой колонны генерала Ренненкампа весьма выгодно для нас вышедшей не только на правый фланг, но и в тыл японцам.

Генерал Ренненкампф, получив указания генерала барона Штакельберга действовать в направлении на Беньсиху, отдал на 26 сентября следующие приказания.

Генерал-майору Петрову с 4 ¹/₂ батальонами, 4 орудиями и сотней наступать от Уйнюнина на Беньсиху через Ходигоу.

Генерал-майору Любавину с 5 сотнями и 4 конно-горными орудиями наступать левым берегом Тайцзыхэ тоже на Беньсиху.

В общем резерве у Уйнюнина было оставлено 2 батальона, 16 орудий, 1 сотня.

Генерал-майор Любавин, действуя на левом берегу Тайцзыхэ, отеснил две роты японцев, подошел к Беньсиху на 1000 шагов и сделал попытку овладеть судовым мостом через реку, но не имел успеха. Весь тыл японцев, занимавших позиции на перевалах к северу и к северо-востоку, был отлично виден с позиции генерал-майора Любавина. 4 наших орудия, став в расстоянии меньше версты, обстреливали Беньсиху и тыл японских войск, действовавших против колонны генерала Ренненкампа и конницы генерала Самсонова. К сожалению, снаряды уже к полудню были израсходованы, и мы прекратили огонь, а затем и отступили назад.

Пехота генерала Ренненкампа, поддержанная огнем 14 орудий, из коих 6 горных были присланы из 3-го Сибирского корпуса, несмотря на трудности местности и огонь противника, хотя и медленно, но подвигалась вперед. Особенно энергично действовали роты Стретенского пехотного полка. По полковым реляциям значится, что бой велся по инициативе ротных командиров. К 19 часам мы обладали двумя гребнями высот, отделявших нас от Беньсиху. Оставался еще один кряж. В патронах оказался недостаток.

Несмотря на то что к Уйнюнину уже подошли части авангарда 3-го Сибирского корпуса, войска этого корпуса, кроме упомянутых выше 6 горных орудий, поддержки пехотой войскам отряда генерала Ренненкампа не оказали. Вместо присылки свежих частей для развития 27 сентября достигнутого уже успеха в 24 часа передовые части отряда генерала Ренненкампа получили приказание отступить и к 2 часам отошли к позиции у Уйнюнина, с которой утром начали наступление.

Таким образом, имея возможность уже 26 сентября действовать против правого фланга расположения японцев (весьма слабо ими занятого) силами до 20 батальонов и 16 сотен с многочисленной артиллерией, мы произвели несколько разрозненных усилий сбить противника с занимаемых им позиций. Отдельные части, действуя молодецки, достигали значительных успехов. Гора Лаутхалаза, тактический ключ позиции, была в наших руках, к Беньсиху наши части подошли на 1000 шагов, били в тыл японцев, а в результате этого важного для успеха всей операции дня мы отступили с горы Лаутхалаза, отступили в отряде генерала Ренненкам-

пфа с занятых нами гребней, отступили от Беньсиху. Вместо пользы действия 26 сентября нанесли большой вред, ибо мы раскрыли наши намерения японцам, потерянными нами днем они воспользовались, чтобы подкрепить свои слабые силы, и на другой день, хотя мы и ввели в бой довольно значительные силы, встретили более сильный отпор.

Такой результат тем более был неожиданным, что 26 сентября в описанных выше действиях распоряжались начальники, которые с полным основанием считаются выдающимися, а именно: генералы Ренненкампф, Самсонов, Иванов, командир бригады генерал-майор Любавин, командиры полков, полковники Лечицкий и Мухелов.

В штабе Восточного отряда, однако, не оценили значения действий 26 сентября, иначе трудно объяснить, каким образом, ввязавшись уже в бой в непосредственной близости от Беньсиху, генерал Штакельберг назначает на 27 сентября отдых главной массы войск, ему подчиненных, и предписывает употреблять 27 число на рекогносцировку подступов к позициям противника и на разыскание обходных путей в тыл противника.

Генерал Самсонов получил приказание передвигаться к западу и служить связью между 1-м и 3-м Сибирскими корпусами. Генералу Ренненкампфу послано указание действовать к Беньсиху левым берегом реки Тайцзыхэ. Так как войска генерала Ренненкампфа все вели бои 26 сентября на правом берегу, то г. Ренненкампф ранее исполнения этого указания просил генерала Иванова сменить войска его колонны частями 3-го Сибирского корпуса.

В пику мнению начальника Восточного отряда командовавший 3-м Сибирским корпусом генерал-лейтенант Иванов, ближе знакомый с обстановкой, признавал необходимым вести уже 27-го бой для овладения позицией противника, прикрывавшей Беньсиху с севера. В 20 часов 45 минут 26 сентября генерал-лейтенант Иванов доносит генералу Штакельбергу, что «завтра (27) считаю совершенно необходимым занять высоты к югу и юго-западу от Каотайцзы, для чего поддержку ранее высланные части».

Получив приказание генерал-лейтенанта Штакельберга о дневке главных сил на 27 сентября, генерал-лейтенант Иванов изменил свое намерение поддержать передовые части, но не отменил действие передовых частей, и в результате выдвинутые вперед полки 1-го и 3-го Сибирских корпусов вели 27 сентября наступной бой разрозненно, без поддержки, без общего руководства

и, несмотря на ряд геройских подвигов, не успели продвинуться вперед. Между тем обстановка была очень благоприятна для атакующих. Густой туман позволял подойти к противнику на самое близкое расстояние без потерь.

Выше было указано, что охотники и 9-я рота 24-го полка уже заняли вершину горы Лаутхалаза, но, не поддержанные, расстреляв свои патроны, на рассвете 27 сентября отступили к подошве сопки. Три роты 24-го полка, посланные к ним 27-го на подкрепление, прибыли слишком поздно.

Нашим войскам пришлось повторить атаку горы Лаутхалаза. Мы приблизились к японским окопам, но, не поддержанные ротами 21-го полка, потерявшими с нами связь, отступили.

Отдельно, не вместе с батальоном 24-го полка, действовал 2-й батальон 22-го полка под начальством подполковника Горницкого. Две роты атаковали с фронта. Сблизившись с противником, эти роты залегли и начали окапываться. Две роты пошли в дальний обход. Результат их действий неизвестен.

В промежутке между двумя группами рот 2-го батальона 22-го полка наступал 1-й батальон 21-го полка под начальством подполковника Некрасова. Наступали, несмотря на все трудности местности, сознательно и энергично. Движение передовых рот поддерживалось залповым и пачечным огнем рот стрелков, препятствовавших японцам становиться на самый гребень для стрельбы, по условиям местности возможной только стоя.

Решено было занять этот гребень немедленно. 2-й и 3-й ротам оставалось добежать до японских позиций лишь несколько десятков шагов. Две остальные роты составляли как бы ружейные батареи. О дальнейшем ходе боя в реляции 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка значится:

«Но к сожалению, как раз в это время наша артиллерия открыла огонь по гребням атакующей скалы: недолеты поражали своих, что вынудило не только прекратить развитие окончательной атаки, но даже отодвинуть передовые части ниже, чтобы не терпеть от своих же артиллерийских недолетов. Артиллерийская стрельба кончилась только с наступлением темноты, когда было получено от начальника дивизии приказание: «...убрать с этой сопки батальон назад, чтобы не препятствовать утром 28-го использованию артиллерийского огня».

Таким образом, в этот день тактический ключ позиции японцев гора Лаутхалаза была атакована разрозненно тремя батальо-

нами трех разных полков. Мы не только не поддержали эти передовые части, но наша артиллерия помешала движению колонны подполковника Некрасова.

Не сделай начальник Восточного отряда распоряжения, дабы войска Восточного отряда ограничили свои действия на 27 сентября только рекогносцировкой расположения противника, в описанной атаке на гору Лаутхалаза должны были принять участие расположенные вблизи действий указанные выше три батальона: 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и два батальона 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Итого в атаке в первую очередь приняло бы участие 8 батальонов. Эта атака была бы поддержана с востока атакой во фланг японского расположения отрядом генерала Ренненкампа и частями 3-го Сибирского корпуса, прибывшими еще 26 сентября к селу Уйюнуну. Действия этих двух групп войск, в свою очередь, весьма облегчились бы направлением конницы генерал-майора Самсонова для действий левым берегом реки Тайцыхэ. Второй важный день 27 сентября в результате был потерян, а по показанию пленных к японцам подошли сильные подкрепления.

Весьма интересны указания начальника Восточного отряда, данные им командиру 3-го Сибирского корпуса для решительных действий 28 сентября (предписание 27 сентября, № 137 и 140). В этих указаниях значится:

«Если противник сохранит до начала нашего наступления свои передовые позиции на перевалах к юго-западу от деревни Ходигоу, то колонна наша, назначенная для овладения этими перевалами, должна быть, в свою очередь, расчленена на три отряда: средний (главный) отряд наступает уступом назад и нажимает на противника с фронта крайне медленно (ведет бой артиллерийским огнем), тогда как боковые отряды исключительно пехотные и более слабого состава, но ведомые энергичными начальниками, должны наступать по отношению к главному отряду значительно выдвинутыми вперед группами с таким направлением движения, чтобы обязательно угрожать своим движением не только флангам противника, но и тылу его. Когда же после такого двойного обхода противник принужден будет очистить первый перевал, чтобы отступить на второй, тогда только отряд, действующий с фронта, должен быстро двинуться вперед, занять оставленную неприятелем позицию, преследовать огнем отступающего противника, если он не успел уйти из сферы огня нашего, и немедленно приступить к укреплению заня-

той таким образом позиции. Дальнейшее наступление против занятых перевалов должно вестись в таком же порядке».

Предполагалось, что главные силы, назначенные для действий с фронта, будут вести лишь демонстративный бой (артиллерийским огнем), а два боковых отряда будут обходить противника без связи с главным отрядом с целью угрозы флангам и тылу противника. Предполагалось, что такой «двойной обход» вынудит японцев очищать один перевал за другим. Все это, конечно, оказалось неприменимым. Японцы твердо держались на занятых ими позициях и требовались, чтобы сбить их, не демонстративные действия и не разрозненные атаки слабых сил, а дружные действия наших многочисленных войск Восточного отряда, доведенные до штыкового боя.

Приказание по Восточному отряду на 28 сентября было отдано следующее:

«Завтра, 28 сентября, предписываю атаковать противника на его передовых позициях с целью сбить его с последних и во что бы то ни стало занять перевалы.

а) 1-му Сибирскому корпусу сбить противника с перевалов Ченгоулин, Туминлин (Восточный и Западный) и укрепиться на последних;

б) 3-му Сибирскому корпусу сбить противника с трех перевалов на дороге Ходигоу—Беньсиху, которые затем укрепить;

в) коннице генерала Самсонова и отряду генерала Ренненкампа движением левым берегом Тайцзыхэ содействовать атаке перевалов и угрожать тылу позиции у Беньсиху. Иметь сильный заслон на дороге в Боэлин для связи с 1-м Сибирским корпусом;

г) 2-му Сибирскому корпусу перейти в Сяшицяоцзы. Отряды генералов Самсонова и Ренненкампа подчинены командиру 3-го Сибирского корпуса».

Относительно поставленной этим приказанием задачи отряду генерала Ренненкампа, командир 3-го Сибирского корпуса не был согласен с мнением начальника Восточного отряда и просил об оставлении войск генерала Ренненкампа для действий на правом берегу реки Тайцзыхэ. Просьба эта была уважена. Между тем сам генерал Ренненкампф ожидал более результативных действий при направлении его колонны левым берегом реки, ибо он мог при этом действовать во фланг и в тыл расположения японцев. Дорога левым берегом к тому же оказалась доступной и для движения полевой артиллерии.

Удержав генерала Ренненкампа на правом берегу, командир 3-го Сибирского корпуса, по-видимому, основывал свой план атаки на сильном поражении японцев, занимавших позицию фронтом на север, артиллериею, в то время, когда пехота и артиллерия будут теснить их с востока. Полагалось, что сильное действие артиллерии с фронта может помочь нам последовательно выбивать японцев из занятых ими позиций.

Относительно атаки горы Лаутхалаза, тактического ключа позиции японцев, начальник 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, ввиду опыта атаки подполковника Некрасова, попавшего под огонь нашей артиллерии, высказал, что для овладения этим пунктом надо: 1) или, оттянув пехоту назад с занятых ею позиций, заставить противника, действуя подавляющим артиллерийским огнем, очистить гору, двинуть пехоту в атаку, 2) или окружить гору сомкнутым кольцом пехоты и штурмовать ее без содействия артиллерии. Командир 3-го Сибирского корпуса, полный веры в могущество артиллерии, остановил свой выбор на первом способе. Но в действительности артиллерия не пошатнула силу сопротивления японцев. Мы потеряли много времени на артиллерийскую подготовку, выпустили массу снарядов, а при движении нашей пехоты вперед японцы встретили наши войска бешеным огнем ружей и пулеметов.

Командир 3-го Сибирского корпуса для атаки неприятельской позиции отдал на 28 сентября следующие приказанья:

Правой колонне в составе 9,5 батальонов, 4 орудий, 1 роты саперов под начальством генерал-майора Данилова овладеть горой Лаутхалаза, тактическим ключом позиции.

Левой колонне в составе 10,5 батальона, 26 орудий и 1 роты саперов под начальством генерал-лейтенанта Ренненкампа предписывалось овладеть перевалами: Ходигоу—Беньсиху (т. е. вести атаку в том же направлении, как она велась 26 сентября).

24-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку оставаться на занимаемых им позициях для обеспечения правого фланга и связи с 1-м Сибирским корпусом.

12 орудиям 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады с позиции у Каотайцзы подготавливать атаку.

Общему резерву в составе 9,5 батальона, 2 сотен и 2 рот саперов оставаться у Кайотайцзы.

Отряду генерал-майора Самсонова в составе 12 сотен, 1 батареи, 2 орудий действовать на левом берегу Тайцзыхэ, поддержи-

вая конницу генерал-майора Любавина, обеспечивать мосты, производить дальнюю разведку к югу и вверх по Тайцзыхэ.

В подготовке артиллерийской атаки участвовали 24 пеших и 14 горных орудий. Огонь был открыт в 9 часов. Целью ставилось заставить противника очистить гребни высот. Огонь продолжался до часу дня.

Результаты огня, согласно с реляцией Красноярского полка, не приносили никакого или приносили очень мало вреда японцам. Вся командующая высота была покрыта как бы туманом от разрывавшихся наших шрапнелей. Но эта высота, как потом оказалось, была занята лишь сторожевыми постами.

Правая колонна генерал-майора Данилова в свою очередь была разбита на три колонны: правая — два батальона, средняя — два батальона и левая — около четырех батальонов.

Правая колонна дошла до подошвы позиции в нескольких сотнях шагов от противника и залегла. Огонь был чрезвычайно силен. Надо было для атаки ждать темноты, но с наступлением темноты эту колонну отвели назад. Ночью была сделана попытка атаковать противника только двумя ротами, но вследствие недостаточности посланных для атаки сил она успеха не имела.

Генерал-майор Данилов, храбро руководивший боем в передовой линии, был ранен в 1000 шагов от позиции противника, но остался в строю.

Левая колонна под начальством отличного штаб-офицера полковника Станиславова, командира Енисейского полка, в 11 часов двинулась вперед; «пути наступления не были исследованы, предварительной рекогносцировки сделано не было» (реляция 7-го Красноярского полка). Войска, несмотря на большие потери, продвигались вперед. На пути наступления в 400–500 шагах от позиции они неожиданно наткнулись на большой с крутыми берегами овраг, частью скатились в него, но атака далее не пошла. Присланный из корпусного резерва батальон 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка повторил атаку, но успеха не имел. Продержавшись до темноты, части левой колонны отошли назад. Начальник колонны полковник Станиславов остался на поле сражения.

Средняя колонна из 1-го и 2-го батальонов 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под начальством подполковника Некрасова начала движение в 12 часов по пространству, пройденному ею накануне, и снова достигла подножия труднодоступной позиции противника (почти отвесная скала в 15 саженей). Прож-

дав некоторое время начала атаки соседних участков позиции, подполковник Некрасов сделал попытку овладеть горой Лаутхалаза собственными силами. Роты 1-го батальона 21-го полка и пешие охотники вскарабкались еще выше на узкую террасу, находившуюся всего в нескольких шагах от японской позиции. Оба батальона как бы висели в течение дня на скалах под японскими позициями, но бодро ждали темноты, чтобы произвести общую атаку. К штурмующим прибыл спешенный конно-горный саперный взвод с пироксилиновыми шашками. Решено было в голове двух штурмующих колонн послать саперов с подрывными средствами. Все было готово, шашки связаны, капсулы вложены, штурмовые колонны назначены и направлены к своим местам, но в это время случилось неожиданное и неизвестно чем вызванное, роковое для успеха дела приказание командующего 6-й Восточно-Сибирской дивизией: «Отходить и занять в эту же ночь такую позицию, с которой возможно отступление даже днем». Приказание было исполнено. И этот решительный день не дал нам успеха.

Войска генерал-лейтенанта Ренненкампа были разделены на две колонны.

Сводная бригада генерал-майора Кречинского (2 батальона 22-го полка и 2 ³/₄ батальона 23-го полка) под начальством генерал-лейтенанта Экка. Батальоны мужественно продвигались вперед по труднодоступной местности, неся большие потери, подошли близко к противнику, но с наступлением темноты, вместо того чтобы сделать последние усилия для движения вперед, отступили на свои первоначальные позиции.

Конница генерал-майора Самсонова, соединившись с конницей генерал-майора Любавина, действовала на левом берегу Тайцзыхэ, занимая чрезвычайно выгодную позицию. Не подкрепленная пехотой, наша конница долго держалась вблизи Беньсйху. Но японцы, усилившись, сами перешли в наступление и потеснили нашу конницу назад.

Для подкрепления колонны генерала Ренненкампа командир 3-го Сибирского корпуса выслал бригаду (5 батальонов) 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майора Морданова. Ренненкампф решил повторить атаку в 20 часов. По сообщению командира 1-го Сибирского корпуса, и он назначил тоже 20 часов для общей атаки неприятельской позиции частями 1-го Сибирского корпуса. К сожалению, время атаки первоначально было изменено на 2 часа ночи с 28 на 29 сентября, а затем на 4 часа.

Между тем командир 3-го Сибирского корпуса, получив донесение генерал-майора Самсонова, что конница нашу теснит противник, противно указаниям начальника Восточного отряда и располагая еще значительными резервами, решил отменить ночную атаку. Приказание об этом было послано в 2 часа 30 минут, но когда оно было получено, колонны, назначенные для ночной атаки, уже двинулись вперед, и генерал-майор Ренненкампф не признал возможным остановить их.

В ночь на 29 сентября действовали только в отряде генерала Ренненкампфа.

Наступление вели: бригада генерал-майора Кречинского из частей 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и присланная на подкрепление бригада 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Морданова. Несмотря на большие потери в двух батальонах 22-го полка, эти батальоны, сведенные в четыре роты, вместе с 23-м полком, предводимым храбрым подполковником Туровым, энергично атаковали японцев и взяли после рукопашного боя японские окопы. Не поддержанная атакой соседних частей, колонна генерал-майора Кречинского с рассветом начала обстреливаться японцами с фронта и обоих флангов. Части понесли тяжелые потери. В пяти ротах 23-го полка осталось, например, только два офицера. Подполковник Туров, бросившись из числа первых на японцев, был тяжело ранен.

В 6 часов 35 минут 29 сентября, вместо поддержки атакой соседних частей колонн генерала Данилова и Ренненкампфа, колонна генерала Кречинского получила приказание от генерала Экка «отойти на позиции, занятые вечером».

Бригаде генерал-майора Морданова для атаки японцев был дан сложный маршрут. Она должна была первоначально перейти на левый берег Тайцзыхэ, двигаться этим берегом, потом снова перейти на правый берег и атаковать «три сопки, на которых упорно держатся японцы».

Для атаки пять батальонов генерала Морданова были разделены на боевую часть — три батальона 9-го Сибирского стрелкового полка и резерв — 2 батальона 10-го полка.

Боевая часть 9-го полка, в свою очередь, была разбита на три колонны — по батальону в каждой. Один батальон должен был следовать на позиции Читинского полка, второй — на позиции Черноярского полка, третий — на позицию 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Частям 9-го полка и надлежало произвести атаку совместно с переименованными войсками отряда генерал-лейтенанта Ренненкампфа. Ночью проводники сбились с дороги, и все батальоны 9-го полка сосредоточились у позиции чернойяцев.

В 4 часа 30 минут на позицию прибыл от командира 3-го Сибирского корпуса офицер Генерального штаба с приказанием об отмене атаки и о возвращении к рассвету 1-й бригады 3-й дивизии к деревне Коатайцзы. Но колонна уже двинулась вперед. Это приказание хотя и не было исполнено, но полученное в минуту, когда требовался особый подъем духа, не могло не ослабить энергию начальствующих лиц. Упорства в атаке нельзя ожидать, когда известно, что старший начальник уже отменил атаку. Отступление является лишь как бы исполнением приказаний.

Ночь была темная. Несмотря на действия в этой местности с 26 сентября, мы ее не знали. Тем не менее стрелки и чернойяцы после рукопашного боя овладели Лесистой сопкой, захватив много японских ружей в козлах, патронов в ящиках и мешках и лент от пулеметов.

Генералам Петрову и Морданову положение дел не было известно. Так от генерала Петрова пришло приказание послать один батальон 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка преследовать японцев. Полагали, что мы овладели всеми тремя сопками. С утра началось обычное явление, уже не раз мною упомянутое. Мы не развивали достигнутый успех, а японцы, оправившись, охватывали наше расположение на отбитой у них сопке с фронта и флангов. Занятые японские окопы были эскарпированы настолько глубоко, что стрелять из них в тыл по японцам было невозможно. Пришлось наших стрелков расположить открыто. Тем не менее стрелки 9-го полка, потеряв 11 офицеров и около 400 нижних чинов, держались твердо. Они были подкреплены батальоном 10-го полка.

Но вот в 11 часов на левом берегу Тайцзыхэ появился неприятель в числе нескольких батальонов с артиллерией и пулеметами, теснивший отряды генералов Любавина и Самсонова и вскоре открывший огонь в тыл 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. После полученного донесения об обстреливании, генерал-лейтенант Ренненкампф приказал отходить на прежние позиции.

То, что мы не сделали в течение 26, 27 и 28 сентября, сделали японцы. Посланные нами несколько батальонов пехоты в эти дни левым берегом могли атаковать в тыл японские войска (генерал Любавин 26-го был в 1000 шагах от Беньсиху). Посланные япон-

цами, вероятно, тоже не более двух-трех батальонов оказались достаточными, чтобы решить участь операции, которую вел командир 3-го Сибирского корпуса, располагая почти 40 батальонами отличной пехоты.

К вечеру 29 сентября генерал-лейтенант Ренненкампф, по невыясненным еще причинам, прислал донесение, что он, не будучи в состоянии удержать занимаемых им позиций и ввиду обхода противником его левого фланга, отошел на высоты восточнее деревни Уйнюни. Кроме генерал-лейтенанта Ренненкампфа, среди командуемых им войск было несколько генералов. Не имеется никаких указаний, что было сделано этими лицами, чтобы вырвать победу у японцев. Отступление отряда генерала Ренненкампфа не встретило отпора со стороны командира 3-го Сибирского корпуса. Еще располагая в резерве 11-м и 12-м стрелковыми полками и несколькими не бывшими в бою батальонами других полков, генерал-лейтенант Иванов, вместо возвращения генерал Ренненкампфа на оставляемые им позиции и поддержки его, донес начальнику Восточного отряда, что ввиду отступления отряда генерал Ренненкампфа, он находит необходимым ночью на 30 сентября отступить на позицию севернее Каотайцзы, где и сосредоточить весь корпус в ожидании атаки японцев.

Таким образом, несмотря на несомненное большое превосходство в силах, несмотря на геройские усилия и частные успехи многих частей войск, мы 26, 27, 28 и 29 сентября не достигли в 3-м Сибирском корпусе с приданными ему частями успеха. Мы в некоторых случаях окружали японцев, заходили им в тыл, а они все держались, рассчитывали на выручку своих и успевали удержаться потому, что мы, вместо поддержки одержавших успех передовых частей, отводили их назад, а 29 сентября достаточно было небольшим силам японцев показаться на фланге нашего расположения, чтобы группа войск в 40 батальонов начала отступление.

Таким образом, неудачи действий 3-го Сибирского корпуса и отряда генерала Ренненкампфа обозначились ранее, чем явилась необходимость в зависимости от перехода в наступление всех японских армий перейти к обороне в войсках Восточного отряда.

В частности, в действиях 3-го Сибирского корпуса с приданными к нему частями обращает на себя внимание большое перемешивание частей и раздергивание полков по батальонам. В решительном бою 28 сентября начальник 6-й Восточно-Сибирской

стрелковой дивизии из 12 батальонов его дивизии располагал только четырьмя.

Остальные приданные ему 5,5 батальона были в составе 4-го Сибирского корпуса. В то же время 5 батальонов 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии были отданы в колонну генерала Ренненкампа, и ими командовал начальник 71-й дивизии генерал Экк. Отличный 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с выдающимся командиром полковником Лечицким в решительный день 28 сентября бездействовал, хотя именно из этого полка охотники и 9-я рота уже были на горе Лаутхалаза и хорошо знали доступы к ней. Артиллерийские части, подготавливавшие успех атаки генерал-майора Данилова, не были ему подчинены. Саперных частей у нас было мало вообще, в особенности сравнительно с японцами. Между тем две саперные роты оставлены при резерве. Начальник 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Кашталинский за всю наступательную операцию к активной деятельности призывается не был.

8

Во время описанных выше действий войск 3-го Сибирского корпуса с приданными к нему частями войска 1-го Сибирского корпуса атаковали позиции противника с целью овладеть перевалами Ченгоулин, Тумынлин Западный и Тумынлин Восточный. Как и при действиях войск 3-го Сибирского корпуса, отдельные части войск достигали важных результатов: победа казалась близка, но вместо поддержки имевших успех передовых частей, их отводили назад. Атаки днем не производили, откладывали ее на ночь, затем отказывались и от ночных атак. Наиболее характерны из действий войск 1-го Сибирского корпуса следующие примеры.

26 и 27 сентября войска 1-го Сибирского корпуса боев не вели. На 28 сентября войскам 1-го Сибирского корпуса поставлена задача: «атаковать перевалы Ченгоулин, Западный и Восточный Тумынлин с целью сбить противника и во что бы то ни стало занять эти перевалы».

Корпусу в 24 батальона слабого состава указывалось атаковать противника на линии около 8 верст протяжением и определенно ставились задачи по атаке трех перевалов. Уже постановка такой задачи, требовавшая разброски сил, носила в себе зародыш неудачи. Но выполнение этой задачи в особенности затруднялось

тем, что 26 и 27 сентября были потеряны, а противник успел подкрепить свои силы, первоначально весьма незначительные, на перевалах. Командующий 1-м Сибирским корпусом признал необходимым одновременно атаковать противника на трех вышеуказанных перевалах, причем левая колонна генерал-лейтенанта Кондратовича силой в 9 батальонов направлялась на перевал Тумынлин Западный, а правая из трех батальонов 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка — на перевал Ченгоулинский. В общем резерве оставалось два полка. Достаточной рекогносцировки предположенных для атаки позиций не было произведено ни 26, ни 27 сентября. Двинувшись вперед, войска левой колонны дошли до половины сильной местностью позиции противника, выбили японцев из передовой сопки, остановились, стали окапываться и отложили атаку до ночи.

Генерал-лейтенант Кондратович для выполнения порученной ему задачи атаковать с 9 батальонами Тумынлинский перевал отдал приказание: «34-му полку, батальону 35-го полка и двум батальонам 36-го полка под общим начальством подполковника Мухелова атаковать противника ночью перед рассветом». Таким образом, генерал Кондратович возложенную на него задачу признал возможным возложить, в свою очередь, на командующего 34-м полком подполковника Мухелова, оставшись сам при двух батальонах. Атака этими шестью батальонами была произведена разрозненно — мы сразу атаковали несколько участков неприятельской позиции без общего руководства. Опять отдельные части достигали успеха, но, не поддержанные вовремя, или отзывались назад, или уходили назад сами. В особенности молодецки действовали семь рот 34-го полка под начальством капитана Москвина. Молодцы-стрелки, воодушевленные примером начальника капитана Москвина, стремительно атаковали в штыки японцев, защищавших первую сопку. За этой сопкой рукопашным боем было взято еще две сопки, причем последняя очень высокая, с двухъярусными окопами. Осталось взять еще одну сопку, наиболее высокую, командующую над всей линией. С рассветом занятая нами передовая сопка начала сильно обстреливаться. Узнав о тяжелом положении капитана Москвина, подполковник Мухелов вместо того, чтобы поддержать его, приказал остаткам колонны 34-го полка отойти на прежние позиции. Имея еще более половины не введенных в бой сил, генерал-лейтенант Кондратович не использовал успех капитана Москвина.

Два батальона 36-го полка тоже атаковали каждый по отдельной сопке. Оба эти батальона овладели сопками, но, не поддержанные, попав под сильный огонь японцев, не удержались и отступили. Таким образом, в ночной атаке участвовало 7 рот 34-го полка и два батальона 36-го полка, итого $3\frac{3}{4}$ батальона из 9, которыми располагал генерал Кондратович, и дело все же мы признали проигранным. Сосредоточь мы усилия всех 9 батальонов в одном направлении, вероятно, мы овладели бы позицией противника. Особенно важно было развить успех, достигнутый капитаном Москвиным. Почему 4,5 батальона бездействовали — сведений не имеется.

Действия 28 сентября средней колонны 1-го Сибирского корпуса под начальством генерал-майора Лисовского из 6 батальонов заключились в следующем. Колонне этой ставилась задача овладеть перевалом Западный Тумынлин. Японцы занимали поперечный к дороге через перевал кряж, состоящий из ряда сопок, и продольный кряж, перпендикулярный к первому, состоящий также из ряда сопок. Три батальона из колонны генерал-майора Лисовского повели с 6 часов энергичное наступление и к вечеру 28 сентября завладели всем поперечным хребтом.

Вечером 28 сентября был получен в колоннах генералов Кондратовича и Лисовского приказ по 1-му Сибирскому корпусу продолжать 29 сентября атаку перевалов и овладеть ими. Колонна генерала Лисовского была усилена из корпусного резерва тремя батальонами и доведена до 9 батальонов.

Ночью на 29 сентября в колонне генерал-майора Лисовского продолжался успешный бой. 33-й Восточно-Сибирский стрелковый полк под начальством полковника Владимирова атаковал японцев на продольном кряже, выбил штыками японцев из занимаемых ими окопов и укреплений и к рассвету занял вершину сопки, но не поддержанный своими и обстреливаемый артиллерией противника, отступил несколько назад, имея расстояние между собой и японцами от 100 до 500 шагов. В этой атаке был убит полковник Владимиров. Особенно отличались командиры 11-й и 12-й рот Хильченко и Шимановский. Они первыми во главе своих рот вскочили на вал неприятельского люнета и выбили оттуда японцев. Оба были ранены и остались в строю.

На Ченгоулинском перевале шесть рот и охотничья команда 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командой капитана Хаскина атаковали с наступлением темноты японцев и заняли две сопки, но дальше продвинуться не могли и отступили назад.

В общем, к утру 29 сентября, вместо поддержки и развития вводом в бой резервов достигнутого большого успеха частей войск 3, 33-го и 34-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, мы отступили на прежние позиции. Еще один день был потерян к выгоде японцев. Подвиги отдельных частей войск и отдельных лиц не были использованы.

Утром 29 сентября по приказанию командующего армией начальник штаба армии прислал следующее указание командиру 1-го Сибирского корпуса, переданное в 11 часов 45 минут и начальнику Восточного отряда:

«Противник сильно наступает на наш фронт. Мы ведем упорный бой, в который постепенно втягиваются резервы. Скорейшее овладение перевалами и ваш выход к левому флангу 4-го Сибирского корпуса имеет огромное значение».

Командующий 1-м Сибирским корпусом генерал-лейтенант Герингрос не признал, однако, возможным атаковать противника днем и назначил общую атаку перевалов в 2 часа на 30 сентября.

Артиллерия в течение дня подготавливала атаку, но по свойствам местности с очень отдаленных позиций.

В 21 час командующий 1-м Сибирским корпусом получил следующее приказание начальника Восточного отряда: «Предписываю для образования более сильного корпусного резерва сегодня же ночью оттянуть незаметно с передовой линии все, что может быть снято без ущерба ныне занятых нами передовых позиций (сопок), и усиленный таким образом корпусной резерв поставить в деревне Шанпинтайцзы».

Командующий 1-м Сибирским корпусом признал возможным оттянуть из колонн только один батальон, но тем не менее отменил ночную атаку.

В 23 часа 40 минут 29 сентября по 1-му Сибирскому корпусу был отдан следующий приказ: «На завтра и последующие дни, по получении нового приказа войскам 1-го Сибирского корпуса ставится задачей удержание занятых ими позиций». Таким образом, значительная часть войск 1-го Сибирского корпуса еще и не участвовала в бою, а мы уже отказались от наступательной задачи.

9

2-й Сибирский корпус в составе 17 батальонов, составлявший резерв начальника Восточного отряда, во все время наступательных действий Восточного отряда бездействовал. Даже 28 сентября,

когда была назначена решительная атака перевалов, войсками этого корпуса не воспользовались, чтобы образовать на каком-либо одном направлении большую группу войск. Ведя атаку на протяжении по фронту свыше 20 верст, мы всюду были относительно слабы и во многих случаях действовали группами войск в один батальон и менее — без связи с соседними войсками. Но сохранение неизрасходованными 17 батальонов все же могло принести нам пользу, когда обозначился общий переход японцев в наступление. Эти батальоны как раз находились на наиболее угрожаемом японцами направлении: Янтайские копи—г. Маоэршан—село Войтошан. Действуя по этому направлению, японцы при успехе разъединяли наши две группы войск: Западного и Восточного отрядов.

В особенности расположение у села Войтошана и на передовых позициях войск 2-го Сибирского корпуса явилось выгодным 30 сентября, когда японцы теснили левый фланг 4-го Сибирского корпуса и отряда генерал-майора Мищенко. В этот день японцы, атаковавшие левый фланг 4-го Сибирского корпуса и отряды генерала Мищенко, поставили свой тыл под удары 2-го Сибирского корпуса. Простым движением вперед японцы были бы взяты в тиски, и им могло быть нанесено тяжелое частное поражение, а 4-й Сибирский корпус удержался бы на позициях у Хамытана.

Начальник Восточного отряда, по-видимому, оценил эту обстановку, приказав начальнику 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии перейти в наступление на деревню Хамытан. Для наступления было назначено всего 6 батальонов и 24 орудия. Но и эти силы могли многое сделать, хотя наступление велось весьма медленно. Тем не менее к 18 часам был занят, после незначительного боя, горный массив, командующий над долиной Хамытан, но в связи с войсками 4-го Сибирского корпуса эти атакующие части не хотели войти, ибо получили приказание отступить назад и приготовиться прикрывать отступление 1-го Сибирского корпуса.

Из изложенного видно, насколько неудача действий Восточного отряда зависела только от местности, действительно труднодоступной для действий. Наши войска, энергично командуемые, преодолевали и не такие трудности. Имея, особенно первые дни, в Восточном отряде огромное превосходство в силах над противником, не воспользовались этим превосходством. Мы не использовали успешные подвиги многих передовых частей. Начальником Восточного отряда отдавались приказы об овладении перевалами во что бы то ни стало, указывалось, что отступления не будет, а подчиненные начальники отступали и прекращали бой, когда в

бою участвовала только часть вверенных их командованию сил. Мы задавались сразу многими целями, разбросались и всюду были слабы. Мы не оценили важного значения действий на левом берегу реки Тайцзыхэ. Мы в разных колоннах действовали без связи между собой. Случаев взаимной выручки соседних колонн не было. Но главное, чего не доставало для успеха действий Восточного отряда — это решимости довести бой до успешного конца употреблением для сего всех находившихся в распоряжении начальствующих лиц сил и средств. Ночные бои малыми частями мы вели успешно, но не поддержанные вовремя, эти части отступали. Днем мы, опасаясь больших потерь, боя часто не вели, откладывая атаку на ночь, а ночью по разным причинам отказывались от атаки. Трудно предвидеть результат, если бы действия Восточного отряда были успешны. Но очевидно, что выход во фланг войскам Куроки (действовавшим 28–29 сентября против частей 4-го Сибирского и 1-го армейского корпусов) двух корпусов Восточного отряда должен бы иметь решающее и выгодное для нас значение для всей наступательной операции Маньчжурской армии.

10

На 28 сентября начальник Западного отряда получил следующее приказание: «В случае общего перехода японцев в наступление, авангарды, сдерживая противника и раскрывая его силы, под напором превосходящих сил должны отходить на укрепленную позицию главных сил, где и принять решительный бой».

Это приказание являлось тогда подтверждением ранее сделанных распоряжений, дабы решительный бой войск Западного отряда произошел на линии заранее выбранной и укрепленной. В зависимости от этого решения было определено и местонахождение 6-го Сибирского корпуса с целью обеспечения правого фланга Западного отряда от охвата противника.

Командующий 17-м корпусом на 28 сентября сделал распоряжения, неизвестно на каком приказании основанные, принять бой не на главной позиции, а на линии авангардов.

Войскам 17-го корпуса приказано было в случае наступления противника принять бой на позиции авангардов, на линии: Шилихэ—Улиге—Ендоуниулу—Сядунтай.

3-я пехотная дивизия (15 батальонов) была назначена в 1-ю линию протяжением 6 верст, 35-я дивизия назначена в резерв и

расположилась на главной позиции у села Ченлпутхангоу и Лну-сандназа побригадно.

Для охраны правого фланга назначен отряд полковника Стаховича из 5 эскадронов и 1 батальона.

Начальник 3-й пехотной дивизии генерал-майор Янжул разделил позицию на три участка: правый — генерал-майор Защук от Сяодунтая до Эндоуниулу включительно. Для обороны его назначены: 9-й Ингерманландский полк, один батальон 10-го Новингерманландского полка и три батареи 3-й артиллерийской бригады; центральный участок — от села Эндоуниулу до Шилихэ по обе стороны железной дороги — полковник де Витта, два батальона 12-го Великолуцкого полка, две батареи 3-й артиллерийской бригады, и левый участок составляло село Шилихэ, оборона коего возложена на полковника Грулева с тремя батальонами 11-го Псковского полка и одной батареей.

В резерв под начальством генерал-майора Якубинского стали 2,5 батальона Новингерманландского полка, два батальона Великолуцкого полка, и два эскадрона драгун расположились у села Улиге (Бейулигай), где находился и начальник 3-й дивизии со штабом.

Генерал-майор Защук расположил все 5 батальонов первого участка в боевую линию без резерва и распространил позицию к западу, заняв село Эршидназа (Эршицзяцзы).

Уже утром 28 сентября дивизионный резерв был уменьшен направлением к селу Эндоуниулу батальона 10-го полка и направлением на левый фланг к полковнику Грулеву батальона 12-го Великолуцкого полка. В резерве осталось 2,5 батальона.

Японцы в течение 28 сентября вели довольно оживленный бой против позиции 3-й дивизии. В особенности они энергично действовали против войск, занимавших село Эндоуниулу. Наши войска не выдержали артиллерийского огня и отступили. Несколько попыток, сделанных нами, чтобы вновь овладеть этим селением, не имели успеха. На прочих участках мы удержали свои позиции.

В течение дня начальник 3-й пехотной дивизии израсходовал почти весь свой дивизионный резерв; у него осталось лишь две роты.

В то же время и корпусный резерв был израсходован, за исключением Нежинского полка. Из 35-й дивизии два батальона Зарайского полка были посланы на правый фланг к полковнику Стаховичу. Один полк (Болховский) послан на левый фланг, дабы поддержать правый фланг 10-го армейского корпуса и возвратить

оставленные этим флангом позиции с целью иметь общую линию фронта с 17-м корпусом. Для атаки назначались 124-й Воронежский, 11-й Псковский и 138-й Болховский полки. Генерал барон Бильдерлинг, извещенный о наступлении по Мандаринской дороге около двух бригад японцев, отменил это наступление, но полк в корпусный резерв не возвратился. Один батальон 137-го Нежинского полка был направлен для поддержки генерал-майора Зашука. С рассветом он должен был возвратиться к корпусному резерву, но тоже не мог этого исполнить.

Наконец, шесть батальонов корпусного резерва (139-й Моршанский полк и два батальона 140-го Зарайского полка) были назначены для ночной атаки села Евдоуниулу для обратного им овладения.

Колонной командовал генерал-майор Гласко. Боевой частью трех батальонов Моршанского полка и одного батальона Зарайского полка командовал полковник Мартынов (командир Зарайского полка). В 22 часа началось движение. В это время японцы произвели наступление по всему фронту. Завязалась горячая стрельба. «Полковник Мартынов, встревоженный начавшейся стрельбой, предполагал отложить атаку до рассвета и собирался послать об этом соответственное донесение». Но в это время к полковнику Мартынову явился унтер-офицер Зарайского полка и доложил, что селение уже нами взято. Действительно, молодецкий 4-й батальон Моршанского полка и 4-я рота зарайцев без выстрела ворвались в селение, застали там японцев врасплох и перекололи их. Наши потери были ничтожны. Несмотря на части 3-й дивизии, которые должны были оборонять село Ендоуниулу, все шесть батальонов корпусного резерва были оставлены в боевой линии авангардов.

Таким образом, рассвет 29 сентября застал 17-й корпус в положении малой боевой готовности для упорного боя. На линии авангардов, где не предполагалось вести решительного боя, вытянувшись в линию в 6 верст, стояли вперемешку части 3-й и 35-й дивизий. В дивизионном резерве находилось две роты, в корпусном резерве — три батальона. А между тем серьезного боя ни мы, ни японцы в течение 28 сентября не вели. Успех ночного дела у села Ендоуниулу, значение которого было сильно преувеличено, обошелся 17-му корпусу дорого: мы израсходовали свой корпусной резерв. Положение 17-го корпуса ухудшалось тем, что за ночь 10-й армейский корпус, не соотносясь с действиями 17-го корпуса, отошел на главную позицию у Хунбоасанской сопки, обнажил

левый фланг 17-го корпуса у Шилихэ. В то же время отступление конницы генерала Грекова и отряда полковника Стаховича обнажило правый фланг 17-го корпуса у села Эршидиаза и Сяодунтай.

Наконец, передвинутый вперед 6-й Сибирский корпус, ставший уступом за правым флангом главной позиции 17-го корпуса, оставался на месте и не мог оказать помощи правому флангу 17-го корпуса у Сяодунтая.

28 сентября вполне ясно обнаружился переход всех японских армий в наступление. Японцы, сдерживая незначительными силами превосходные силы Восточного отряда, могли получить перевес в силах против войск Западного отряда. Напомним, что части 10-го и 17-го и особенно 5-го Сибирского корпусов находились в большом некомплекте.

По составленному ранее предположению, в случае перехода японцев в наступление войска Западного отряда должны были встретить их на главных, заранее выбранных и укрепленных в предыдущие дни позициях. Держаться на авангардных позициях предполагалось лишь необходимое время для раскрытия сил противника.

Рано утром 29 сентября начальник Западного отряда получил приказание командующего армией, в котором указывалось на возможность обхода войсками армии Оку правого фланга Западного отряда и предполагалось немедленно отойти на главную позицию, на линию деревень Лиутхангоу—Хунбоасан. По мнению командовавшего 17-м корпусом, исполнение этого распоряжения было затруднительно, ибо наступление противника уже началось. Это мнение разделял и начальник Западного отряда, разрешивший «оставаться на позициях авангардов до темноты, когда отход мог произойти при благоприятных условиях».

На усиление 17-го корпуса была назначена бригада из 6-го Сибирского корпуса. Бригада должна была «временно войти в состав 17-го корпуса и обеспечить его отход на главные позиции».

Утром 29 сентября начальники 3-й, 35-й и 55-й пехотных дивизий получили приказание от генерала Волкова держаться на занятых позициях до наступления темноты, затем отойти на главную позицию и расположиться: 35-й дивизии на участке Паньхяопу—Ченлиутхангоу включительно. Бригаде 55-й дивизии вправо от 35-й дивизии до села Хунлишгу, отряду полковника Стаховича в селе Хунлинпу; 3-й пехотной дивизии собраться в общем резерве у села Шулинца.

Правый фланг расположения 17-го армейского корпуса на авангардных позициях составлял участок под начальством генерал-майора Защука, опорным пунктом которого служило село Сяодунтай (между рекой Шахэ и железной дорогой, в 8 верстах к юго-западу от железнодорожной станции Шахэ). На этом участке были расположены 9-й и 10-й пехотные полки (9-й Ингерманландский и 10-й Новоингерманландский) 3-й дивизии. Полки эти выдержали 28 сентября довольно упорный бой с передовыми частями японцев и отстояли свои позиции. К утру 29 сентября войска участка генерал-майора Защука были усилены пятью ротами 12-го Великолуцкого полка и батальоном 137-го Нежинского полка.

Правый фланг участка генерал-майора Защука прикрывал небольшой отряд полковника Стаховича, оренбургские казаки и уральцы генерал-майор Грекова. Влево, к востоку от участка генерал-майора Защука, село Ендоуниулу было сильно занято шестью батальонами Моршанского и Зарайского полков под начальством командира Зарайского полка полковника Мартынова.

Японцы за ночь успели вырыть на расстоянии 400–600 шагов от расположения нашего отряда окопы и стянули туда значительные силы. Несколько позади окопов были расположены пулеметы, усиленно действовавшие по нашим окопам и селу Сяодунтай. Атаки японцев начались с утра, но все усилия их овладеть нашей авангардной позицией атакой с фронта разбивались о стойкость наших войск: двух батальонов 9-го полка, одного 10-го и одного 137-го. Но артиллерия японцев скоро взяла верх над нашей, что очень ухудшило положение пехоты.

Между 8 и 9 часами генерал-майором Защуком получено донесение об обходе его правого фланга густыми колоннами японцев. Он несколько удлинил свой правый фланг. Новые атаки японцев с фронта и вдоль оврагов, образуемых на реке Шахэ, вынудили наши части, занимавшие село Ершидиаза (лежит к западу от села Сяодунтай), отойти назад. Тем не менее 9-й полк, руководимый своим доблестным командиром полка полковником Криштопенко, продолжал упорно держаться в селе Сяодунтай, но около 10 часов Криштопенко был убит. Несколько ранее был ранен в ногу, но остался в строю генерал-майор Защук. В 11 часов в штаб 3-й пехотной дивизии была получена записка генерал-майора Защука: «Командир 9-го полка убит. Я ранен, остался в строю. Прошу послать заместителей». Почему таковым заместителем не явился сам начальник 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Янжул,

большая часть дивизии которого действовала на правом фланге, и у него уже не оставалось в непосредственном подчинении каких-либо частей вверенной ему дивизии, неизвестно, но заместителем генерал-майора Защука совершенно неожиданно для войск был назначен командир дивизиона 52-го драгунского полка полковник Ванновский. Генерал-лейтенант Янжунь со штабом и командир бригады генерал-майор Якубинский остались зрителями.

Между 10 и 13 часами генерал-майором Защуком получено донесение об отходе конницы генерал-майора Грекова и отряда полковника Стаховича. В действительности полковник Стахович еще не отходил. Несмотря на явную опасность не только флангу расположения наших войск у села Сяодунтай, но и их тылу, генерал-майор Защук, надеясь на содействие 6-го Сибирского корпуса, решил оставаться на занятой им позиции.

Только когда противник в больших силах сблизился с нашими войсками и стал поражать их не только во фланг, но и в тыл, генерал-майор Защук отдал приказание отходить и удерживаться в селе Лянзыгай, лежащем несколько севернее Сяодунтая. Но было уже поздно. Японцы быстро заняли село Сяодунтай, взобрались на крыши домов и поражали столпившиеся при отступлении наши части огнем с близких дистанций. Отступление приняло беспорядочный характер, и мы потеряли две батареи 2-й артиллерийской бригады, расположенные близ села Лянзыгай.

Полковник Ванновский сделал несколько энергичных усилий восстановить порядок, но не имел успеха. Расстроенные боем части 3-й дивизии, сведенные в три сводных батальона, почти дошли до орудий, но не могли обратно овладеть ими. В это время соседние части, занимавшие село Ендоуннулу, Улиге и Шилихэ, почти не атакованные японцами, ввиду отхода правого фланга, тоже начали отходить, не пытаясь облегчить положение правого фланга.

Отступление войск левого и среднего участков, несмотря на то что противник на них не наседал, не было произведено благополучно. Мы совершенно забыли про одну из батарей, подчиненную полковнику де Витту, но расположенную близ села Шилихэ, занятого частями полковника Грулева. Японцы овладели 6 орудиями после геройской обороны штаб-капитаном Тарновским.

После ночного боя у села Ендоуннулу для обороны его были оставлены под начальством полковника Мартынова 6 батальонов Моршанского и Зарайского полков. Японцы пытались днем 29-го овладеть этим селением, но были легко отбиты. Начальник 3-й пе-

хотной дивизии дал указание полковнику Мартынову в случае невозможности удержаться в селе Ендоуниулу отступить и убрать батарею. После полудня батарея начала поражаться ружейным огнем и отступила. Между 13 часами 30 минутами и 15 часами Моршанский полк очистил село Ендоуниулу, за ним стали отходить и два батальона Зарайского полка. Эти 6 отличных батальонов сохранили полный порядок и были готовы к самому упорному бою. Потери этих батальонов были весьма незначительные. Во время этого отступления к полковнику Мартынову обратился полковник Ванновский с просьбой поддержать готовящуюся контратаку, но получил ответ, что он, Мартынов, «считает в опасности свой правый фланг и отходит назад». Никакая опасность этому флангу не угрожала, и присоединись к собранным полковником Ванновским частям 6 молодецких батальонов Моршанского и Зарайского полков, мы, вероятно, возвратили бы оставленные орудия.

Несколько позже Моршанский полк, вопреки вышепомещенному мнению полковника Мартынова, был послан на поддержку правого фланга 17-го корпуса, но было уже поздно.

Еще более необъяснимы действия полковника Мартынова в тот же день в другом случае.

По настояниям генерала барона Бильдерлинга командир 6-го Сибирского корпуса выслал в распоряжение начальника Западного отряда бригаду 55-й дивизии в составе 219-го Юхновского и 220-го Епифанского пехотных полков с 4 батареями. Уже в 9 часов голова бригады подошла к главной позиции 17-го армейского корпуса у села Ченлутхангоу.

Командующий 17-м армейским корпусом по получении известия, что войска правого фланга отступают, просил назначить в его распоряжение один из прибывших полков с целью восстановить бой на правом фланге. Просьба эта была уважена, и был назначен 219-й Юхновский полк. Начальник 3-й пехотной дивизии получил приказание командующего корпусом «назначить офицера провести полк к тому месту, где таковой необходим».

В 12 часов командующий 55-й дивизией генерал-майор Лайминг получил приказание «выслать один полк без артиллерии в направлении на Сяодунтай на правый фланг расположения 9-го и 10-го полков, где и поступить в распоряжение генерал-майора Янжула».

Около часу дня полк начал отступление, но по неизвестным причинам не к правому флангу расположения 17-го корпуса, а к

его центру. Попытка полковника Ванновского направить полк на поддержку частей правого фланга не имела успеха. По реляции 55-й дивизии, «все движения полка производились смело, навстречу отступающих Моршанского и Зарайского полков».

При этом наступлении юхновцы пропустили части Моршанского и Зарайского полков и продолжали движение в направлении на село Ендоуниулу. Почему прибытие Юхновского полка не послужило для полковника Мартынова сигналом к приостановке отступления и производству общей контратаки — неизвестно, но совершился малообъяснимый и печальный факт: в то время как четыре батальона Юхновского полка продвигались вперед, шесть отличных, не расстроенных боем батальонов в том же направлении продвигались назад. Юхновцы шли в густых строях, чуть не в колоннах. Встреченный огнем с фронта и с флангов, полк этот в самое короткое время понес потери в 22 офицера и 810 нижних чинов и в беспорядке отступил, увлекая своим отходом и войска полковника Ванновского.

2 октября полковнику Мартынову было поручено начальствование над войсками левого фланга участка 17-го корпуса с приказанием упорно оборонять село Ламатунь. Не теснимый противником, полковник Мартынов очистил село Ламатунь, за что получил замечание от командующего 17-м корпусом. В японской армии командир полка из армии Ноги не поддержал под Порт-Артуром соседний полк и был за это расстрелян. У нас полковник Мартынов за бои на реке Шахэ получил чин генерал-майора.

После неудачной во всех отношениях контратаки положение дел ухудшилось настолько, что войска 17-го корпуса не удержались на своей главной позиции, а отступили за реку Шахэ, предприняв этим и отход к этой реке войск 10-го армейского корпуса.

В войсковых реляциях имеется указание, что уже при начале отступления войск правого фланга начальник 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Янжул отдал приказание: «отходить на деревню Шулинцза (на реке Шахэ)».

Между тем командующий 17-м корпусом рассчитывал задержаться на главной позиции и получил разрешение расположить 220-й Елифанский полк с 4 батареями 6-го Сибирского корпуса на главной позиции, и несколько впереди был расположен корпусной резерв в составе трех батальонов Нежинского полка.

Всего с подходом бригады 55-й дивизии начальник Западного отряда располагал 11 батальонами, еще не бывшими в бою (счи-

тая и три батальона Нежинского полка). К ним могли быть присоединены 6 батальонов полковника Мартынова совершенно бодрых. На правом фланге у полковника Стаховича 3 батальона тоже понесли весьма малые потери и были вполне готовы к упорному бою. Таким образом, в распоряжении начальника Западного отряда и командующего 17-м корпусом к 15–16 часам еще находилось 20 батальонов, с которыми можно было продолжать упорный бой. Уступом позади в нескольких верстах стояло 16 батальонов 6-го Сибирского корпуса, еще не бывших в бою. Но вместо энергичного употребления этих сил мы вновь допустили разброску их. Мы подали помощь правому флангу только 4 батальонами Юхновского полка, а могли подать 11 (бригадой 55-й дивизии и 3 батальонами Нежинского полка). Но и этот полк попал не туда, куда назначался. 6 батальонов полковника Мартынова контратаку не поддержали. Остальные 7 батальонов, вместо поддержки передовых частей, мы израсходовали на занятие главной позиции, но эта задача им оказалась не по силам. При отступлении других частей 17-го корпуса без упорного боя отступили и эти 7 батальонов к реке Шахэ.

Одной из причин неудачного распоряжения войсками 17-го корпуса и прибывающими к ним подкреплениями служила весьма малая осведомленность начальствующих лиц разных степеней о том, что происходило не только у противника, но и в наших боевых линиях.

Так, утром 29 сентября, для отряда генерал-майора Зашука было неожиданностью, что японцы за ночь в 400–600 шагах от наших позиций вырыли окопы и заняли их большими силами. Тяжелое положение отряда генерал-майора Зашука, теснимого с фронта и обходимого во фланг и в тыл, было неожиданностью для штаба 17-го корпуса. В реляции 17-го корпуса о бое 29 сентября значится, что известие об отступлении 9-го и 10-го полков и оставлении ими артиллерии «явилось полной неожиданностью после спокойных донесений о положении дел на правом фланге и об отбитых атаках».

Начальник штаба Западного отряда генерал-майор Тизенгаузен совершенно был не знаком с тем, что делалось в 17-м корпусе. Вечером 29 сентября он послал командиру 10 корпуса сообщение о том, что части 17-го корпуса не отступили с главной позиции.

Начальник Западного отряда был тоже недостаточно осведомлен о ходе дел на правом фланге. Так им послано было донесение

командующему армией, что контратака на правом фланге под начальством полковника Ванновского имела успех и мы отбили оставленные нами орудия обратно. Командир 6-го Сибирского корпуса тоже не оценил значения боя на правом фланге и, имея указание оказать содействие Западному отряду в случае перехода японцев в решительное наступление, не сделал это в достаточной мере, а продолжал укреплять оборонительную позицию, занятую им всего в 4 верстах за правым флангом главной позиции, выбранной для войск Западного отряда.

Для лучшей оценки приведенного описания действий 17-го армейского корпуса прибавим несколько слов и о действиях соседних с корпусом частей войск.

10-й армейский корпус, составлявший левый фланг расположения Западного отряда, с вечера 29-го начал отход на главную позицию (где Хунбоасанская сопка), а затем, не дождавшись указаний начальника Западного отряда и не предупредив соседний 1-й армейский корпус, отступил к позиции вперед реки Шахэ. 28 и 29 сентября против 10-го корпуса действовали только незначительные силы японцев.

На правом фланге 17-го корпуса действовали, кроме отряда полковника Стаховича, сильный конный отряд генерал-майора Грекова и отряд из всех родов оружия генерал-лейтенанта Дембовского (10 батальонов, весьма слабого состава, 10 сотен).

Никакого содействия 17-му корпусу эти два отряда не оказали. Генерал-майор Греков неизвестно что делал и не доставлял достаточных о противнике сведений, а в отряде генерал-лейтенанта Дембовского, имея против себя незначительные силы японцев, мы бездействовали и укрепляли позиции.

Действия 17-го корпуса 29 сентября рассмотрены в настоящей главе, потому что они весьма характерно рисуют наши недочеты по тактической подготовке войск. В числе причин, повлиявших на неудачу, можно перечислить следующие:

1. Решение занять всю позицию в 6 верст частями одной 3-й дивизии, с тем чтобы иметь 35-ю дивизию полностью в резерве, можно было назвать правильным только в том случае, если бы 35-я дивизия была употреблена по возможности полностью в том и другом направлении, особенно в направлении правого фланга. Но так как 35-я дивизия была раздернута по полкам по всему фронту позиции, начиная от отряда полковника Стаховича до участка полковника Грулева, то такое решение привело только к полному пе-

ремешиванию всех частей корпуса, причем начальники дивизий со своими штабами оставались не у дел.

2. Расходование резервов — как дивизионного, так и корпусного — было слишком быстрое в то время, когда в том не было настоящей надобности, а когда таковая наступила, корпусный резерв в три батальона Нежинского полка остался неизрасходованным и даже мало помог отступлению войск.

3. Употребление резерва, прибывшего из 6-го Сибирского корпуса, было неправильное. Один полк не попал туда, куда был направлен, а другой, оставленный для обеспечения отступления, тоже не помог в должной мере удержаться на главной позиции.

4. Распределение на участке генерал-майора Защука всех 5 батальонов в одну линию без резервов тоже неправильно.

5. Действия полковника Мартынова, преждевременно отступившего, отказавшего в помощи полковнику Ванновскому и не приостановившего вверенных его командованием 6 отличных батальонов, когда с ними поравнялся Юхновский полк, совершенно необъяснимы.

6. В составе 17-го корпуса было 28 и 29 сентября не менее 6 генералов, между тем бой 29 сентября, за исключением генерал-майора Защука, ведут полковники Стахович, Криштопенко, Мартынов, де Витт, Грулев. Деятельность начальников дивизий генералов Янжула и Добржинского малозаметна и малорезультативна. Что делали в этот день наличные командиры бригад Гласко, Якубовский, Степанов, совершенно неизвестно.

7. Атака, веденная Юхновским полком, характерна, ибо многие полки, попадавшие первый раз в бой, действовали так же: шли вперед храбро, но без сознательного отношения к цели для действий, шли в слишком густых строях, представляя массой около 4000 людей отличную цель. Попав под огонь, быстро несли большие потери, быстро расстраивались и быстро в беспорядке исчезали с поля сражения, внося расстройство в другие части войск. Почему генерал Янжул, на которого было возложено поручение направить должным образом атаку этого полка, не исполнил сего поручения, неизвестно.

8. Как и в других делах, в описанных действиях 17-го корпуса много случаев героических действий отдельных частей и отдельных лиц. Генерал-майор Защук проявлял редкое упорство в бою, но не поддержанный соседями с тыла и с фланга, в результате этого упор-

ства довел бой до такого напряжения, что отступление совершилось с потерей двух батарей. 9-й Ингерманландский полк со своим доблестным командиром, полковником Криштопенко, молодецки отбивал многочисленные атаки.

9. Передача командования войсками на важнейшем правом фланге неизвестному войскам штаб-офицеру, командовавшему драгунским дивизионом, полковнику Ванновскому может быть объяснена полным недоверием к прямым начальникам этих войск генералам Якубовскому и Янжулу. Так как в войска правого фланга входили части 35-й дивизии, то такое командование могло быть возложено и на оставшихся без войск генералов Добржинского и Гласко, особенно после направления на помощь правому флангу Моршанского полка.

10. Связи в действиях различных групп войск по фронту не было. Эта связь наблюдалась только при отступлении: стоило какой-либо части начать отступление, как и соседняя часть признавала возможным для себя, вместо помощи соседу, с целью возврата покинутой позиции тоже отступить, даже если противник и не теснил ее. Исключение составлял небольшой отряд полковника Стаховича, деятельно работавшего, но он был слишком малочислен, чтобы поправить дело. Не было связи и в действиях 17-го корпуса с 10-м и с группой войск генерал-лейтенанта Дембовского, а также и с войсками 6-го Сибирского корпуса.

11. Роль нашей многочисленной конницы, хорошей по своему составу, но неудачно предводимой в этом деле, как и в других делах, была невидная и не славная. Намерений противника и группировки его сил конница не открывала, конницу противника не рубила, а перед пехотой и артиллерией противника слишком спешно отводилась назад. В то время, когда наши пехотные полки, например 9-й Ингерманландский, продолжали вести бой даже после потери свыше половины своего состава, в коннице мы отступали после потери нескольких человек в полку, а иногда и вовсе без потерь. Убыль в коннице всей армии за весь период боевых действий с 25 сентября по 5 октября составляет в среднем на каждые 6 эскадронов и сотен по 1 офицеру и 12 нижних чинов. При этом главная убыль падает на конницу, которой командовали генералы Мищенко и Самсонов.

12. Роль саперных частей в бою 29 сентября был ничтожна. Про саперов, когда начинался бой, забывали, как и в других отрядах. Достаточно сказать, что во всех саперных батальонах, придан-

ных к армии, потери составили за весь период с 25 сентября по 5 октября 1 офицер и 29 нижних чинов.

13. Наконец, одной из главных причин неудачных действий 29 сентября 17-го армейского корпуса надо признать пассивное отношение старших начальствующих лиц к тому, как велся бой. Передав командование войсками в руки полковников, командиры бригад, дивизий и корпусов, за исключением храброго генерал-майора Защука, не сделали ни одного энергичного усилия, чтобы помочь начальнику Западного отряда сдержать врага и восстановить бой, воодушевить войска, увлечь их своим примером вперед. Это были в большей мере зрители боя, чем участники его.

11

Действия в январе 2-й армии под Сандепу не могли быть включены в отчет мой, ибо дела штаба 2-й армии были преждевременно увезены в Петербург, а составление описания действий 2-й армии возложено на полковника Генерального штаба Филатьева и капитана Энкеля. По сообщению начальника Генерального штаба, работа эта до конца сентября настоящего года не была еще закончена. Между тем в разных газетных сообщениях и печатных брошюрах действия под Сандепу генерала Гриппенберга, подполковника Новицкого и других изложены в совершенно неверном виде, и впечатление получилось такое, что войска под руководством генерала Гриппенберга действовали отлично, что нами всюду достигались большие успехи и что совершенно неожиданно успехи эти были прерваны приказанием главнокомандующего отступить.

По получении необходимых материалов будет нетрудно доказать, что обвинения, возведенные на главнокомандующего генералом Гриппенбергом в его статье «Истина о Сандепу» (Разведчик, 21 февраля 1906 г.), не согласны с истиной. Но рассматривая в настоящей главе моего труда недочеты по тактической подготовке войск в минувшую войну, нельзя обойти молчанием заявление генерала Гриппенберга в вышеозначенной статье «Истина о Сандепу» о том, что бои вверенными его командованию войсками под Хегоутаем и Сандепу были ведены, «насколько это было возможно, по всем правилам тактики, просто, чисто и с соблюдением порядка и спокойствия».

Уже и теперь я располагаю достаточными материалами (копиями с реляций войск и другими документами), чтобы доказать,

что в действительности действия под Сандепу представляют во всех отношениях пример в высокой степени неумелого употребления войск в бою.

Преыдущие бои научили нас, что атака даже неукрепленных или слабо укрепленных позиций только с фронта, при современной силе ружейного и орудийного огня, имеет мало шансов на успех. При переходе нашем в наступление против весьма сильно укрепленных неприятельских позиций к югу от Шахэ с большим числом опорных пунктов, защищенных искусственными препятствиями и минами, мы могли рассчитывать одержать успех только при одновременной атаке неприятельского расположения с фронта и фланга. Поэтому наши наступательные операции в январе 1905 г. решено было начать атакой левого фланга расположения противника на участке между реками Шахэ и Хуньхэ с двумя сильными опорными пунктами Лидиантунь и Сандепу.

Задача была возложена на 2-ю Маньчжурскую армию, доведенную до 120 батальонов пехоты и расположенную вполне сосредоточенно с резервом у Мукдена.

Противник занимал эту линию, по нашим сведениям, лишь слабыми силами. Несмотря на отданное мною приказание возможно долее сохранить сосредоточенное расположение для 2-й армии на правом берегу Хуньхэ, дабы скрыть от противника предполагаемые действия, генерал Гриппенберг 31 декабря 1904 г. передвинул 14-ю пехотную дивизию на правый берег реки Хуньхэ к Сыгонгаю, а 3 января, не испросив разрешения главнокомандующего, выдвинул в боевые линии и 10-й армейский корпус, примкнув его к правому флангу 3-й армии. Передвижения эти открыли противнику наши намерения; японцы начали усиливать свой левый фланг, а 2-я армия из сосредоточенного резервного расположения уже получила фронт свыше 200 верст.

Операцию 2-й армии решено было начать с овладения укрепленной позицией японцев у Сандепу. Первым днем наступления назначено было 12 января.

Общее распределение сил армии определено командующим армией следующее: 1-й Сибирский корпус, начав наступление и овладев селом Хегоутай, должен был прикрыть действующие против села Сандепу войска с юго-востока; 8-й армейский корпус, оставаясь на своих позициях к северо-востоку от Сандепу, предназначался для овладения Лидиантунем, а во время операции под

Сандепу имел роль демонстративную; сводно-стрелковый корпус назначался в армейский корпус.

Диспозицией по 2-й Маньчжурской армии от 11 января овладение селом Сандепу было возложено на 8-й армейский корпус. Из состава сего корпуса только одна дивизия, именно 14-я, назначалась для боя, а 15-я дивизия, заняв позицию с севера, должна была помогать атаке лишь сильным артиллерийским и ружейным огнем. Атака Сандепу ставилась в зависимости от овладения 1-м Сибирским корпусом селом Хегоутай. 8-й корпус начинал атаку только по овладении сим селением. Одна бригада 1-го Сибирского корпуса должна была принять участие в атаке села Сандепу.

Весь день 12 января 1-й Сибирский корпус, хотя и медленно, но успешно выполнял возложенную на него задачу. К вечеру 12 января (около 21 часа 30 минут) село Хегоутай было взято.

Таким образом, уже вечером 12 января могли начаться решительные действия войск 8-го армейского корпуса под Сандепу.

В действительности весь день 12 и ночь на 13 января войска этого корпуса достигнуты весьма недостаточные результаты.

Произведенной разведкой было выяснено, что деревни, лежащие на левом берегу Хуньхэ между рекой и селом Сандепу, заняты лишь отдельными пешими и конными частями противника.

Около 14 часов 4-й дивизии было приказано перейти на левый берег реки Хуньхэ. Дивизия исполнила это и, продвигаясь вперед с очень незначительными потерями, к сумеркам заняла деревни Цзюцанхэцзы, Маландян, Чифантаньхенан, Ванцзявону, Яцзыпао. Эти селения оставались японцами почти без боя. В седьмом часу вечера полки Подольский и Житомирский начали ошибочно продвигаться вперед в направлении вместо села Сандепу на село Датай (т. е. вместо движения на восток двинулись на юго-восток). Достигнув ручья, протекающего западнее села Сандепу, полки остановились. Разведка охотников 55-го и 54-го полков выяснила, что село Сандепу охраняется сильными секретами. По соглашению командиров полков Подольского и Житомирского, признавших опасным оставаться вблизи противника, полки начали в 2 часа отступление и к 4 часам возвратились в деревню Ванцзявону. По реляциям Житомирского полка, полк перед движением вперед собрал стрелковые цепи и перестроился в строй поротно на сближенных дистанциях и интервалах. Вследствие этого безрезультатного движения Житомирский полк не спал еще одну, уже третью ночь. Сведение о том, что Хегоутай был взят вой-

сками 1-го Сибирского корпуса, в полки 14-й дивизии сообщено не было.

Артиллерийская подготовка атаки на Сандепу 12 января была назначена также и с позиции 15-й пехотной дивизии к северу от Сандепу. Стрельба началась с рассвета. Японцы очистили важное для нас село Бейтайцзы. Три роты японцев и одна батарея, занимавшие эту деревню, отошли к Сандепу. Вечером эта деревня была нами занята. Ранее полдня артиллерия 15-й дивизии (29-я артиллерийская бригада), ввиду запоздания атаки 14-й дивизии, прекратила огонь.

В 16 часов 45 минут было послано приказание командующего 2-й армией вновь открыть огонь. Японцы отвечали. Все потери за 12 января ограничивались в 15-й дивизии с ее артиллерией одним раненым нижним чином и четырьмя убитыми лошадьми.

Осадные батареи 12 января действовали по Сандепу, но наблюдения были затруднены. За весь день 12 января в 8-м армейском корпусе были потери убитыми и ранеными: 1 офицер и 57 нижних чинов; бой, в сущности, не велся; потери были случайные.

Действия 13 января 14-й пехотной дивизии. На 13 января полкам 14-й дивизии ставилась задача, определенная диспозицией по 2-й армии на 12 января, т. е. штурм Сандепу.

С рассвета 13 января артиллерия 14-й дивизии (41-й артиллерийской бригады), расположенная поддивизионно (один дивизион у деревни Чэфаньфуанца, второй — вблизи деревни Ванцзявопу), открыла огонь по селу Сандепу. Дистанция — от 3,5 до 5 верст.

О действиях 13 января артиллерии, приданной 15-й дивизии (29-я артиллерийская бригада, 8 поршневых орудий, 16 мортир и 4 осадных орудия), имеются следующие сведения.

В реляции начальника 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Иванова значится, что в 2 часа 45 минут на 13 января им получено было приказание командира корпуса не открывать огня под Сандепу до его приказа. Несколько позже была получена диспозиция 8-го армейского корпуса № 3, по которой на 15-ю дивизию возлагалась задача с рассветом 13 января открыть артиллерийский огонь по Сандепу. Какие были отданы приказания начальником дивизии, из реляции его не видно, но в реляции действий 29 артиллерийской бригады значится, что несколько батарей бригады в течение 13 января огня по Сандепу не открывали даже тогда, когда батареи эти начали обстреливаться японцами

(около 17 часов). Потери в 29-й артиллерийской бригаде за 13 января были два нижних чина раненых.

3-й дивизион 29-й артиллерийской бригады расположенный к западу от деревни Чфауганпу, обстреливал Сандепу (реляция командира 8-го армейского корпуса. В ней указано, что дивизион выпустил 582 снаряда). По реляции 29-й артиллерийской бригады точная пристрелка по различным пунктам Сандепу была произведена только 14 января. Осадная батарея, приданная 15-й дивизии, выпустила 59 бомб, по-видимому, по селу Баотайцзы. Относительно действий осадных орудий 13 января имеются указания, что в этот день мы ошибочно вместо Сандепу обстреливали село Баотайцзы.

Командир 8-го армейского корпуса, в предположении, что бригада стрелков 1-го Сибирского корпуса должна была подойти с юга от села Датая, приказал не открывать огня из осадных батарей, дабы не подвергать свои же войска поражению.

С подходом одной бригады 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии полковника Леша выставленная им скорострельная батарея для обстреливания Сандепу была убрана в резерв. Равно не приняли по распоряжению командира 8-го корпуса участие в обстреливании Сандепу и специально прибывшие для этой цели две мортирные и две поршневые батареи (реляция 14-й пехотной дивизии).

В общем, артиллерийская подготовка атаки Сандепу 13 января была совершенно недостаточная, день был туманный, мороз утром доходил до 20° по Реомюру. Наблюдение затруднялось. Днем мороз стал меньше и день прояснился.

Действия 14-й пехотной дивизии 13 января в общем, насколько можно их выяснить из имеющихся войсковых реляций, заключались в следующем.

Согласно отданному приказанию по 14-й дивизии, различным полкам ее ставились следующие задачи: 55-му Подольскому полку атаковать северную половину села Сандепу.

56-му Житомирскому полку атаковать южную половину совместно с бригадой 1-го Сибирского корпуса, которая должна была атаковать южную окраину села Сандепу.

54-му Минскому полку назначено наступать за правым боевым участком, т. е. за Житомирским полком. Когда в распоряжение начальника 14-й дивизии был передан из корпусного резерва 53-й Волянский полк, то ему назначено было наступать за левым боевым участком, т. е. за Подольским полком.

Дивизия должна была начать наступление еще в темноте, в 6 часов, но едва полки тронулись вперед, как получено было распоряжение штаба корпуса, в котором значилось, что командир корпуса приказал атаку вести на рассвете после предварительной артиллерийской подготовки. Начатое движение приостановилось. Около 10 часов было приказано начать наступление, но в атаку не переходить до подхода бригады 1-го Сибирского корпуса.

Около 11 часов показалась голова колонны стрелков 1-го Сибирского корпуса. Двинутая от Хегоутая в ошибочном направлении на село Пяоцяо, бригада была обстреляна японцами и повернула вместо направления на Сандепу на север к селу Маландань (Маландян). Командир 8-го корпуса, находившийся у деревни Яцзына, приказал полковнику Лешу переменить фронт, отряду занять село Маландань и выставить артиллерию. По донесению командующему 2-й армией о появлении противника с юга, 8-му корпусу была придана бригада стрелков сводно-стрелкового корпуса, но и с прибытием ее бригада 1-го Сибирского корпуса осталась прикованной к оборонительным позициям и вопреки диспозиции по 2-й армии участия в штурме Сандепу не принимала.

Около 14 часов в штабе 8-го корпуса появилось донесение, что неприятель в нескольких колоннах наступает с юга от села Датай. Этого не подтвердившегося донесения было достаточно, чтобы вызванный из боевых линий в тыл к командиру корпуса начальник 14-й пехотной дивизии получил приказание приостановить наступление (реляции 14-й пехотной дивизии и 8-го армейского корпуса).

Наконец, в 17 часов командир корпуса, получив приказание командующего 2-й армией овладеть Сандепу днем 13 или ночью 14 января, отдал новое приказание атаковать Сандепу не ранее 24 часов на 14 января.

После отдачи распоряжений об атаке Сандепу не ранее 24 часов, около 18 часов к генерал-лейтенанту Мылову прибыл начальник штаба 14-й пехотной дивизии полковник Трегубов доложить, что село Сандепу уже взято. Об этом успехе тотчас было донесено командующему 2-й Маньчжурской армией. Генерал-адъютант Гриппенберг в свою очередь об одержанной им победе донес главнокомандующему и в Петербург, сделав вместе с этим распоряжения: 1) об отправлении всех осадных средств в район 10-го армейского корпуса и 2) о назначении 14 января войскам 2-й армии дневки. Между тем распоряжение, дабы атака Сандепу не была произ-

ведена ранее 24 часов, не могло дойти до полков 14-й дивизии, ибо несколько ранее отдачи этого распоряжения все полки дивизии уже производили атаку на Сандепу. Атака эта была произведена следующим образом.

В первой линии, как указано выше, должны были следовать Подольский и Житомирский полки.

Подольский полк, который должен был атаковать северо-западную часть села Сандепу, двинулся вперед в 7 часов 30 минут. Вследствие тумана, снега, морозной мглы и ложных указаний китайцев-проводников полк принял неправильное направление движения и в 8 часов 30 минут попал под шрапнельный и ружейный огонь, открытый против фронта и левого фланга наступавших частей полка. Левофланговые роты отступили. Храбрый командир полка полковник Васильев (убит в сражении под Мукденом) восстановил по компасу направление движения. При этом два батальона второй линии очутились в первой линии. Расстояние до японцев определилось от 800 до 1000 шагов. В такой близости от противника полк оставался на месте 7,5 часа, ожидая выхода на одну высоту с собой Житомирского полка, и атаковал село Сандепу одновременно с этим полком. Движение в атаку было начато в 15 часов 30 минут (реляция 53-го Волынского полка). Волынский полк, составляя резерв дивизии, должен был следовать за Подольским полком. Выстроившись в окрестностях села Ванцзявопу, полк подтянул к себе кухни, чтобы накормить людей. Около 10 часов над головой колонны начали рваться шрапнели. Одна попала в кухню. «Полк впервые попавший под сильный шрапнельный огонь, дрогнул и бросился к укрытиям» (реляция 53-го Волынского полка). Дабы установить порядок и успокоить людей, командир полка вывел его несколько вперед. Вскоре обозначилось, что к расположению полка отходили назад густые цепи Подольского полка. Волынский полк двинулся вперед, принял на себя подольцев, чем и приостановил отступление полка. При этом несколько рот Волынского полка влились в боевую линию Подольского полка, рассыпавшись в цепь. Резервы расположились в овраге. «В это время было получено приказание командира бригады передвинуть Волынский полк на правый фланг к Миискому полку, сейчас же и отмененное» (реляция. Кроме этого случая, нигде о деятельности командира 1-й бригады 14-й пехотной дивизии не упоминается).

Ко времени движения вперед Волынский полк принял расположение на левом фланге Подольского полка, причем в первой линии был расположен 3-й батальон. Командиру этого батальона было отдано приказание при движении вперед Подольского полка остаться на месте, дабы составить резерв атакующих частей. Но когда в 15 часов 30 минут подольцы двинулись вперед, все усилия удержать 3-й батальон Волынского полка на месте оказались тщетными: батальон этот, поднявшись, одновременно с подольцами двинулся также вперед. За ним были двинуты и другие батальоны без разрешения на то начальника дивизии.

Житомирский полк ночевал в деревне Яцзыпао. Двинувшись вперед, полк в 8 часов 30 минут занял без боя одну деревню. Минский полк следовал за Житомирским. Направление движения этих полков тоже вследствие тумана, неизвестной местности было принято неправильное: вместо движения на восток к Сандепу полки двинулись на юго-восток по направлению к селу Датай. Полки прошли овраг ручья, протекающего западнее Сандепу и развернулись в боевой порядок, подставив при этом левый фланг под выстрелы из Сандепу.

По-видимому, в то же время Житомирский полк начал обстреливаться из села Датай, что понудило полк отступить и укрыться в овраге, загнув правый фланг по направлению к селу Датай. В овраге спустились и батальоны Минского полка. В 11 часов поступило приказание начальника дивизии «спустить весь полк в овраг и, продвинувши его скрытно по оврагу до села Лицзявопу, взять оттуда правильное направление на село Сандепу и атаковать совместно с 55-м пехотным Подольским полком западную и юго-западную окраины деревни». Это было исполнено, и в 12 часов 30 минут полк начал наступление на Сандепу, имея в первой линии два батальона и во второй остальные два.

Минский полк, как указано выше, следовал за Житомирским и вместе с ним переменял фронт. Эта перемена фронта производилась под сильным артиллерийским огнем, не прекращавшимся целый час. Один батальон Минского полка прикрывал перестроение бригады. Приехавший к полку начальник дивизии генерал-лейтенант Русанов указал правильное направление, ободрил войска и приказал начать наступление вторично (реляция Минского полка). При перестроении, по-видимому, Минский полк выстроился правее (западнее) или уступом позади Житомирского полка. При дальнейшем продвижении вперед дивизии полки резерва

Волынский и Минский вошли в боевую линию, удлинив ее: Волынский — слева, а Минский с правого флангов.

Около 14 часов 30 минут боевой порядок 14-й дивизии приблизился к пунктам атаки. До противника оставалось 400–1000 шагов. По реляции начальника 14-й дивизии, огонь противника был очень силен, а резерва в дивизии уже не было. Тогда он обратился за помощью к командующему сводно-стрелковым корпусом, который и выслал на помощь 14-й дивизии 18-й стрелковый полк. Полк этот был направлен на помощь Минскому полку.

Полкам дивизии не было известно, что они встретят у противника. Не было известно и то, где находится Сандепу. То, что ими принималось за Сандепу, были селения, лежащие вблизи этой деревни — Баотайцзы и Сяосуца. На эти селения и была направлена атака. За ними на расстоянии 600–800 шагов лежало сильно укрепленное обширное село Сандепу с редутом, наружным рвом, стенкой, с одним и двумя рядами бойниц, а перед рвом находились искусственные препятствия в два и три ряда, главным образом проволочные сети. Ручей, протекающий западнее Сандепу, образовал длинное озеро, по льду которого надо было перебежать, дабы добраться до Сандепу.

По реляциям полков видно, что только при Подольском полке (реляция Подольского полка) находились для содействия штурму рабочая команда из охотников, руководимая саперами. Эта команда при наступлении совершенно расстроилась. Много штурмовых лестниц было употреблено для переноски раненых. Выданные перед самым выступлением в одну из рот полка 50 ручных гранаток оказались в большинстве неисправными и были большей частью закопаны при наступлении.

По общему свидетельству всех участников, «атака совершенно не была подготовлена артиллерийским огнем». В укреплениях японцев не было замечено никаких разрушений, и огонь противника не ослабевал ни на минуту (реляция Подольского полка).

14-я дивизия двинулась вперед без приказа старшего начальства. По-видимому, движение началось Житомирским полком и было принято всеми остальными полками дивизии. В то время как дивизия двигалась вперед, начальник дивизии, вызванный к командиру корпуса, получил приказание приостановить наступление ввиду опасения обхода японцами правого фланга корпуса. Это приказание не достигло до полков дивизии. Когда начальник дивизии, возвращаясь к дивизии, поравнялся с батареей

ми 41-й артиллерийской бригады, он увидел общее движение дивизии вперед. Это было позже 15 часов. Точно установить начало движения в атаку весьма трудно. По реляции Подольского полка, атака началась в 16 часов 30 минут. Поэтому сделанные генерал-лейтенантом Мыловым распоряжения, чтобы атака Сандепу была начата не ранее 24 часов, могли достигнуть полков дивизии, когда атака, собственно, уже окончилась.

По имеющимся войсковым реляциям, атака Сандепу произведена следующим образом.

Все полки дивизии вытянулись в одну линию. Поддержки шли близко за густыми стрелковыми цепями. Издали казалось, что движется одна тонкая линия. Движение совершилось быстро и в большом порядке. По свидетельству разных лиц, движение напоминало маневр мирного времени. Даже в реляциях полков есть указания, что полки двигались, как на учении. Но это все казалось наблюдателям издали. Вблизи совсем не все шло гладко уже потому, что полки не знали, что их ожидает впереди, не имели средств преодолеть трудности, которые их ожидали и, главное, действовали без руководства. Одновременно с Житомирским полком двинулся вперед и Подольский полк.

Атака артиллерийским огнем совершенно не была подготовлена, так как шрапнельный огонь трех скорострельных батарей, стоявших на левом фланге полка, не в состоянии был ни отогнать стрелков, ни заставить замолчать неприятельскую батарею, которая продолжала все время безнаказанно расстреливать лежащий впереди полк шрапнелями и шимозами.

Направление для атаки Подольским полком было дано командиром полка на северо-западную оконечность деревни, в действительности же оказалось, что указанный для атаки пункт представлял собой совершенно отдельную от села Сандепу деревню (деревня, на которую шла атака наших войск, называлась Баотайцзы), лежащую против западной ее половины. Очертания деревни на двухверстной карте не давали о ней истинного представления, а никакие более подробные рекогносцировки в полку не имелись. Полк двинулся в указанном направлении стройно, правильными рядами, как на учении, но когда попал в пространство между видимыми опушками, выбранными для атаки Подольским и Житомирским полками, то из лежащей сзади этих пунктов деревни был осыпан таким градом пуль из пулеметов и шрапнелей, что разделился; большая часть бросилась в атаку совместно с Житомир-

ским полком на правую видимую часть деревни, которая горела ярким огнем, зажженная отошедшими японцами, и только две роты (1-я и 7-я) и охотничья команда под личным руководством командира полка овладели западной частью деревни (деревня Баотайцзы).

В 18 часов положение дела было следующее: ворвавшиеся в горящую южную часть деревни роты Подольского и Житомирского полков вынуждены были отойти назад, так как в горящих фанзах в гаоляне начали рваться патроны, артиллерийские снаряды, фугасы и в большом количестве повсюду разбросанные японцами и облитые керосином много жестянок, которые были найдены впоследствии.

Волынский полк наступал на левом фланге, севернее подольцев. Атака велась на село Баотайцзы. Большая часть рот наступала с запада, а часть рот охватила селение с севера. Наступали безостановочно. В селе Баотайцзы японцы боя не приняли и отступили в Сандепу.

Когда роты Волынского полка быстро прошли Баотайцзы и вышли на восточную его опушку, то перед ними открылось обширное гладкое пространство пруда или озера, за которым и находилось Сандепу.

В реляции Подольского полка значится: «По донесениям от передовых частей выяснилось, что южная часть деревни, занятая Подольским и Житомирским полками, отделена от остальной части деревни большой площадью, за которой имеются: засека, проволочные сети, глубокий ров с высокой за ним насыпью и стенка с бойницами в несколько ярусов. За ними в глубине виднелась стена редута».

Те же препятствия находились и перед Волынским полком. Командир Волынского полка, выяснив невозможность, по его мнению, брать уставшим полком без артиллерийской подготовки такую сильно укрепленную позицию, послал к артиллерии просьбу подъехать ближе и поддержать атаку, но батареи остались на отдаленных позициях.

С наступлением сумерек большая часть Волынского полка была переведена на северную часть селения Баотайцзы. В то же время и подольцы, атаковавшие вместе с волынцами, передвинулись к югу на присоединение к главной массе полка, действовавшего против Сандепу в юго-восточном направлении. Против западного фронта Сандепу войск не оставалось. Волынцы, таким об-

разом, были отделены от остальных трех полков, столпившихся в юго-восточном направлении и южной части селения, и фанз, окружавших Сандепу.

При таких обстоятельствах командир полка оставил полк и поехал к начальнику дивизии просить подкреплений.

Начальник дивизии, за отсутствием свежих частей в его распоряжении, отказал. Тогда командир полка поехал искать командира 8-го корпуса (реляция Волынского полка) и к полку возвратился только около 2 часов.

Житомирский и вышедший тоже в первую линию Минский полки атаковали Сандепу в направлении юго-восточном и южном. Достигнув селения, расположенного вблизи Сандепу и к западу от него, и отдельных фанз (дворов), по-видимому, составлявших неукрепленный квартал Сандепу, отделенный от прочей укрепленной части обширной эспланадой, полки приостановили атаку. Японцы, находившиеся вне Сандепу в незначительном количестве, быстро отступили, подожгли кучи гаоляна, бросили в огонь патроны и пр. Части смешались, но тем не менее продвигались от фанзы к фанзе вперед, пока не вышли к эспланаде.

Положение, в котором находились Подольский, Житомирский и Минский полки, и причины, вызвавшие отступления этих частей, описаны в реляции Житомирского полка.

В 16 часов получилось такое положение: 3 батальона Житомирского, 3 батальона Подольского и 2 роты Минского полков вошли в южный квартал села Сандепу, прочие части, по неимению места, столпились у южной окраины деревни. Прорвавшиеся вперед части полка укрепились наскоро в крайних фанзах, но дальше подвинуться не могли, так как следующий квартал деревни, отделявшийся пустырем шириной 400–600 шагов, был огражден высокой глинобитной стеной с двойным рядом бойниц, высоким земляным валом с глубоким рвом, впереди которого обнаружена полоса заграждений в виде засек и проволочных сетей; в середине этого фаса деревни японцами были поставлены орудия, которые начали громить крайние занятые нами фанзы, а попытки отдельных рот перейти пустырь встречались убийственным огнем ружей и пулеметов, выставленных в середине и на оконечностях ограды. Попытка нескольких рот Минского полка охватить и атаковать село Сандепу с востока тоже не увенчалась успехом, так как роты эти были встречены убийственным ружейным и пулеметным огнем из окопов к вос-

току от селения и, понеся большие потери, должны были отойти и вновь укрыться за деревней.

«В 17 часов 30 минут замечено наступление на южную окраину села Сандепу неприятельской части, приблизительно около 2 батальонов. Из столпившихся за деревней войск удалось выдвинуть вперед несколько рот, а прибывший в это время 18-й стрелковый полк был направлен в охват наступавшему неприятелю, почему последний отступил назад и кружным путем присоединился к гарнизону села Сандепу. Около 19 часов 30 минут передовые части донесли, что с востока подошла к Сандепу колонна неприятеля около полка пехоты и слышен был стук колес как бы артиллерии; в то же время замечены по всем направлениям световые сигналы».

Ввиду такого положения командиром Житомирского полка как старшим были собраны начальники частей на совет, что делать далее, на который прибыли только командир 55-го Подольского и временно командовавший Минским полком подполковник Джорджадзе; прочие начальники частей разысканы не были. Результатом этого совета была посылка в 20 часов 40 минут начальнику 14-й пехотной дивизии записки следующего содержания за подписью командиров Житомирского и Подольского полков: «Взята юго-западная, неукрепленная совсем, отдельная часть деревни Сандепу, которая горит. По окраине ее расположены 2 батальона Житомирского и 2 батальона Подольского полков. До настоящей деревни Сандепу не менее 600 шагов обстреливаемого пространства артиллерией и пулеметами. Огонь нашей артиллерии атаки совершенно не подготовил. Деревня Сандепу совершенно цела и занята сильным отрядом японцев. Артиллерия и пулеметы продолжают обстреливать западную часть деревни. Части Подольского, Минского и Житомирского полков пошли в обход с юго-востока и оторвались. Вольнский полк занял в 600–800 шагах юго-западную окраину и продвигаться дальше от сильного огня не может. Стрелковый полк бездействует на правом крайнем фланге всего расположения. Много убитых и раненых офицеров и нижних чинов, число которых определить точно невозможно. Вынос раненых из боя крайне затруднен. Общего управления босм нет, так как нет ни одного генерала на поле сражения. Люди трое суток не спали и двое суток не имеют горячей пищи. Необходима или немедленная помощь, или распоряжение об отступлении в тыл, чтобы вторично пойти в атаку завтра после надлежащей артиллерийской подготовки. Точного направления пункта атаки нет, ис-

прашиваем дальнейших указаний. Деревня к югу от Сандепу первым корпусом, очевидно, не взята, так как оттуда продолжается стрельба и кругом замечена сигнализация огнями».

В 22 часа к войскам 14-й дивизии прибыл корпусный инженер, командир 12-го саперного батальона полковник князь Баратов. Но и он не внес успокоения в слишком нервно настроенных командиров полков 14-й дивизии и тоже присоединился к их мнению, что надо отступить. Не удерживаемый командиром Подольского полка полковником Васильевым, к которому он был направлен начальником 14-й дивизии, полковник князь Баратов отправился в тыл сам и увел с собой 2 роты саперов.

В своей реляции полковник князь Баратов описывает, что на узком и сравнительно небольшом пространстве занятой деревни скопилась масса войск до 28–30 рот, из которых 3–4 роты находились в самой деревне и вели перестрелку, несмотря на наступившие сумерки, с противником, занимавшим Сандепу, а остальные роты, буквально облепив деревню, лежали, прижавшись к опушке ее, причем большинство людей, донельзя истомленных, спали мертвецким сном, несмотря на сильный мороз.

Положение Вольнского полка было значительно лучше. Полк прочно занял село Баотайцзы, привел части деревни в оборонительное положение, выставив секреты, часовых и назначив патрули.

По получении первых известий о том, что полки 14-й дивизии при атаке Сандепу встретили неожиданно препятствия, генерал-лейтенант Русанов просил о поддержке дивизии свежей частью, командир корпуса отказал в этом. Тем не менее начальник дивизии, несмотря на приведенную выше записку командиров полков, решил продолжать бой. «Но когда диспозиция для атаки Сандепу была уже закончена, прибыл корпусный инженер, полковник князь Баратов, доложивший начальнику дивизии о совершенной невозможности атаковать редут села Сандепу, ни одно из препятствий которого не было повреждено бомбардировкой осадных орудий, громивших село Баотайцзы, принятое, очевидно, за село Сандепу. Полковник князь Баратов заключил свой доклад, что можно положить всю дивизию, но без уничтожения искусственных препятствий Сандепу взять нельзя. За неотысканием места пребывания командира корпуса, начальник дивизии принял решение отойти от Сандепу (реляция о действиях 14-й пехотной дивизии).

Это решение было сообщено командирам полков 14-й дивизии. Отход совершился в порядке. Японцы не преследовали.

Кутру 14 января полки 14-й дивизии расположились по квартирам в селе Чжантань. Район, который занимала 12 января 14-я дивизия, был занят частями сводно-стрелкового корпуса.

Для продолжения действий против Сандепу на 14 января были сделаны следующие распоряжения 2-й армии: деятельность командира 8-го армейского корпуса была ограничена оставлением в его подчинении одной бригады 15-й дивизии. Вся 14-я дивизия и одна бригада 15-й дивизии были подчинены командиру сводно-стрелкового корпуса генерал-лейтенанту Кутневичу.

Первоначально было предположено штурмовать Сандепу 14 января, затем 15 января, но отправление осадной артиллерии в 10-й армейский корпус делало невозможным подготовить эту атаку должным образом. От атаки Сандепу 14-го и 15-го числа пришлось отказаться, и самый вопрос о времени готовности нашей произвести штурм Сандепу с надеждой на успех остался невыясненным. К Сандепу подошли еще значительные подкрепления японцев. Только 18 января наблюдениями с воздушного шара были получены данные к определению расположения укреплений у Сандепу и начали выясняться расстояния до них.

Из изложенного выше видно, что штурм 13 января Сандепу произошел помимо воли начальника 14-й дивизии и командира 8-го корпуса, по инициативе командиров полков, и был случайным.

Такой же случайный бой произошел 14 января с целью овладения селом Сунопу, окончившийся отступлением 1-го Сибирского корпуса на линию Таунхо—Хегоутай—Ханцнхецзы.

Не касаясь ныне оценки всей операции под Сандепу, в настоящей главе остановлюсь лишь на оценке действий 8-го армейского корпуса 12–13 января под Сандепу для выяснения причин неудачи этих действий.

По общему управлению боем командующего армией. Преждевременным выдвиганием 10-го армейского корпуса и 14-й дивизии было раскрыто противнику направление удара; это дало ему возможность усилить войска своего левого фланга.

Общее распределение войск при начале операции было слишком растянутое. Назначением бригады 5-го Сибирского корпуса действовать против села Мамакая это расположение еще более растянулось.

Назначение 18 батальонов 1-го Сибирского корпуса из 120, которыми располагал генерал Гриппенберг, для прикрытия действий против Сандепу с юго-востока недостаточно.

Не отделяя 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и притянув к 1-му Сибирскому корпусу бригаду 5-го Сибирского корпуса, можно было располагать 32 батальонами, даже не трогая стратегического резерва 2-й армии.

Назначение диспозицией на 13 января для 15-й дивизии только демонстративной роли было весьма невыгодно для успеха дела.

Зависимость начала атаки Сандепу от взятия Хегоутая была невыгодна для дела: мы потеряли день, которым противник воспользовался с выгодой для себя.

Расходование стратегического резерва шло 13 января слишком быстро. Атака еще не начиналась, а уже $\frac{2}{3}$ этого резерва были израсходованы.

Сведения о Сандепу, доставленные войскам, были недостаточные.

Должной подготовки общевойсковыми артиллерийскими средствами (осадные орудия, поршневые орудия, полевые мортиры) штурма Сандепу не было.

Связи в действиях 1-го Сибирского и 8-го армейского корпусов и связи действий конницы с действиями сих корпусов установлено не было. Войска не знали не только того, что происходило у противника, но и того, что происходило у соседей. Так, известие о взятии 1-м Сибирским корпусом Хегоутая не было передано в 14-ю пехотную дивизию, а между тем начало действий этой дивизии становилось в зависимости от времени взятия этого селения.

Связь командующего 2-й армией с командирами корпусов не была установлена достаточная. Часто донесения, ранее чем достигнуть командующего армией, завозились в тыл, в деревню Матурань. Вследствие недостатка этой связи командующий армией не мог хорошо оценивать обстановку боя и ход его. Преждевременное донесение о взятии Сандепу главнокомандующему и в Петербург служит тому доказательством.

Малым знакомством с тем, что происходило во 2-й армии 12–15 января, можно объяснить и обращение генерала Гриппенберга к главнокомандующему три раза за подкреплениями, когда значительные группы войск, ему подчиненных, например 15-я дивизия, еще в бой не вступали. В результате малого знакомства с обстановкой явилась и разрозненность боевых действий 2-й армии:

12 января действует один 1-й Сибирский корпус; 13 января действует лишь 14-я дивизия; 14 января опять действуют только войска 1-го Сибирского корпуса. Командующий армией назначил для штурма Сандепу 12 января наиболее утомленные войска.

Штурм села Сандепу последовательно назначается 12, 13, 14 и 15 января; и ни разу село Сандепу не штурмуется.

По действиям командира 8-го армейского корпуса. В штабе корпуса не воспользовались 12-го января, чтобы ознакомиться с предстоящими против Сандепу действиями. Уже 12 числа можно было занять ближайшие к Сандепу селения, выяснить подступ к Сандепу и способ артиллерийской подготовки.

В штабе корпуса не знали достаточно того, что делалось не только у противника, но и у своих соседей. Переменяли без нужды время атаки на Сандепу. Назначали атаку в 24 часа, а таковая состоялась между 16 и 17 часами.

Организация артиллерийской подготовки атаки была недостаточная.

Просьбы о подкреплениях были преждевременными.

Употребление присланных резервов было пассивное.

Доверие к донесению о взятии Сандепу было излишне большое.

Можно отметить также, что вызов в тыл в течение одного дня два раза из боевой линии начальника 14-й дивизии был невыгоден для дела.

По действиям начальника 14-й пехотной дивизии. Недостаточно держал полки дивизии в своих руках: два полка без ведома начальника дивизии вошли в боевую линию.

Оказал излишнее доверие донесениям командиров полков и полковника князя Баратова о невозможности держаться на занятых позициях и отдал поэтому приказание об отступлении преждевременно.

Не воспользовался днем 12 января, чтобы ознакомить лучше войска дивизии с предстоящими им задачами. Допустил бесполезные действия 2-й бригады.

Деятельность командиров бригад. Об этой деятельности нет никаких сведений, кроме вышеприведенных. На передовых позициях против Сандепу командиров бригад не было.

Деятельность полковых командиров. Бой 13 января вели полковые командиры; они решили вопрос о начале атаки; они вводили

ли командуемые полки, находившиеся в дивизионном резерве, в боевые линии без разрешения начальника дивизии. Они же решали вопрос и об отступлении.

Действия отдельных родов оружия. Пехота. Многие до сих пор продолжают восхищаться тем порядком, в котором 14-я дивизия произвела наступлением атаку. Но быстрое расходование сил дивизии и быстрое расходование полковых и дивизионных резервов при атаке укрепленной позиции, конечно, составляет весьма слабую сторону в действиях 14-й дивизии. Сохранись дивизионный и полковые резервы, вероятно, не пришлось бы после спешного наступления приказывать и спешное отступление. Картина наступления всей дивизией, вытянутой в одну линию против сильно укрепленной позиции, без знания местности, сил и расположения противника могла вызвать восхищение только у очень неопытных в боевом деле зрителей.

Основной работы, которая должна была предшествовать такому предприятию, как штурм укреплений, по типу временного характера, выяснения сил, позиции, определение направления главного удара, подготовка штурма артиллерией, подготовка штурмовых средств, произведено не было.

Докатившись одной тонкой и длинной волной до передовых к Сандепу позиций и овладев только этими позициями, дивизия утратила силу на дальнейшие еще несравненно труднейшие усилия по овладению Сандепу. Наступила реакция, и эта слишком быстрая реакция имела объяснение в крайнем утомлении трех полков дивизии, совершивших перед боем форсированные ночные марши. Артиллерия помогла мало. Саперы не помогли вовсе, и пехота 14-й дивизии, вся вытянутая в бой, уже считала непосильной для себя задачей продолжать борьбу с противником, укрытым сильными укреплениями, с массой искусственных препятствий. А между тем потери дивизии, как мы видели выше, были не особенно велики, а в Вольнском полку очень незначительны.

Прояви мы большее упорство в достижении поставленной цели, полки дивизии могли бы удержаться на занятой ими позиции, укрепить ее при помощи саперов, пододвинуть за ночь вперед полевые мортиры и поршневые орудия, дать верные расстояния и указать цели для действий осадных орудий и пр., тогда и результат получился бы другой.

И несмотря на очевидность неудачных действий 13 января войск 14-й дивизии и несоответствие боевого порядка, принятого дивизией при атаке сильных укреплений, все еще даже в печати восхваляется этот порядок, приведший к неудаче. Так, очевидец боя 14-й дивизии генерал-лейтенант Баженов в своей статье «По поводу суждений о новой технике» (Военный сборник, 1906, № 4) пишет:

«Несколько позже 3 часов дивизия дружно двинулась вперед в том же строю, в котором я ее застал у подошвы холма, но потом с холма казалось, что поддержки как бы слились с цепью, и наступала как бы одна сплошная цепь; но наступала безостановочно и, конечно, не на четвереньках и без коленопреклонения; одним словом, то была дивизия Драгомировская, и наступала она так, как учил ее покойный Михаил Иванович».

Очевидно, на этот раз указанное генерал-лейтенантом Баженовым обучение не соответствовало ни противнику, с которым мы имели дело, ни укреплениям, которые нам предстояло брать.

Артиллерия. Артиллерия помогала мало, не стремилась в этом бою выручить пехоту и мало облегчила ее задачу. Потерь в 41-й артиллерийской бригаде, действовавшей с 14-й дивизией, за 13 января не было. Пользы от осадных орудий, полевых мортир и поршневых орудий мы не извлекли. Укрепления Сандепу остались нетронутыми и в конструктивном отношении представляли, по свидетельству очевидцев, ту же силу, как и до начала подготовки.

Саперы. Роль саперов была ничтожна. 2 роты прибыли с полковником князем Баратовым слишком поздно и были уведены этим корпусным инженером и в то же время командиром саперного батальона слишком рано.

Конница. Роль двух приданных к корпусу сотен казаков неизвестна. О ней нигде не упоминается.

Наконец, в числе недочетов в действиях 14-й дивизии 13 января отметим слишком частые отсутствия начальствующих лиц из вверенных их командованию резервов с целью розыска старших начальствующих лиц.

Начальник дивизии дважды настойчиво вызывается командиром корпуса в тыл в то время, когда его присутствие при дивизии особенно было необходимо.

Начальник штаба дивизии лично едет в тыл с неосновательным докладом о том, что Сандепу взято.

Корпусный инженер, ничего не сделав в боевой линии, едет в тыл с докладом первоначально к начальнику дивизии, а затем к командиру корпуса.

Командир Волынского полка оставляет свой полк и теряет несколько часов для поездки к начальнику дивизии и командиру корпуса.

Из изложенного о действиях наших войск под Сандепу видно, насколько генерал Гриппенберг имел основание печатно заявить, что бои под Сандепу были ведены, «насколько это было возможно, по всем правилам тактики, просто, чисто и с соблюдением порядка и спокойствия».

Своей обязанностью считаю прибавить, что в последующих февральских боях под Мукденом уже обстрелянные под Сандепу войска 14-й дивизии с начальником дивизии генерал-лейтенантом Русановым во главе действовали вполне доблестно. Равно и командир 8-го армейского корпуса генерал-лейтенант Мылов в самые тяжелые для армии дни 25 и 26 февраля, командуя сильным арьергардом, своим мужеством и распорядительностью во многом облегчил положение армии.

Вышеприведенными примерами из прошлой войны я ограничусь. В первых трех томах моего отчета найдется еще много примеров, где наши ошибки по ведению боя, перечисленные выше, повторяются с большим постоянством.

Но уже из всего вышесказанного позволительно по важному вопросу руководства войсками в бою и по их тактической подготовке в минувшую войну сделать следующие выводы.

Со стороны командного состава выказано неумение согласовать действия различных групп войск для достижения одной и той же цели и неумение правильно решать вопрос о направлении главного удара в зависимости от знания сил и расположения противника.

Знание сил и расположения противника были недостаточные.

Как и в прежние войны, главная тяжесть боя ложилась на пехоту, и в большинстве случаев пехота действовала самоотверженно, продолжая бой даже после потери свыше половины состава. Во многих случаях, особенно при наступлении, нами принимались строи, вызывавшие огромные потери. Ходили, особенно в первых боях, слишком компактными массами. Связи по фронту не держали. Соседям часто не помогали.

Наша многочисленная конница недостаточно помогала другим родам оружия.

Содействие артиллерии во многих случаях было недостаточное.

Роль в бою саперов была слишком незначительна.

Технических сил и средств было недостаточно, да и теми, которые находились в нашем распоряжении, мы не пользовались в должной мере.

Деятельность штабов по установлению связи в действиях войск, по сообщению войскам необходимых им сведений и по своевременному доставлению всех распоряжений была недостаточная.

Упорства в преследовании раз поставленных целей не было проявлено ни старшими, ни младшими начальниками, начиная от полковых командиров.

В общем, тактическая подготовка наших войск в войне с японцами оказалась недостаточной и разнообразной.

Вышеперечисленные недочеты по управлению войсками и их тактической подготовке составляют в главном полное повторение наших недочетов, явленных в Крымскую войну и в войну 1877–1878 гг.

Из помещенного в приложении № 11 «Заключения о действиях наших войск под Плевной», написанного мною 27 лет тому назад (действия отряда генерала Скобелева, том 2, с. 647–678), видно, что большая часть наших ошибок под Плевной повторилась под Сандепу и в других боях с японцами.

Такой вывод указывает, что в самой системе подготовки наших войск и их начальников в тактическом отношении в мирное время существуют такие недочеты, которые мешали нам значительно подвинуться вперед в боевом отношении в течение полувека времени.

Эти недочеты во многом, конечно, зависят от деятельности начальников войск, но серьезное улучшение в обучении войск и в их снабжении всем необходимым для боя, в свою очередь, находится в тесной зависимости от роста духовных и материальных сил всего народа.

Та школа, которой пользуется народ и та жизнь, в нравственном и материальном отношении, которую он ведет, отражаются в армии, как в зеркале, и не только в отношении нижних чинов, но и в отношении офицерского состава.

Причины наших неудач в войне с Японией (окончание)

Особая трудность стратегической обстановки для нашей армии в Русско-японскую войну. Недостатки организационного характера. Недостатки личного состава. Отсутствие военного одушевления в нашей армии во время войны с Японией и упорство в ведении военных действий. Нарушения в бою организации войск

В обязанности Главного штаба лежала разработка всех соображений на случай войны с нашими европейскими или азиатскими соседями независимо от добрых отношений, в которых мы с ними находимся.

Так и на случай разрыва с Японией в Главном штабе были выработаны совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской области и утверждены в 1901 г. следующие «Общие основания для действий против Японии».

«Япония, пользуясь выгодами своего военного положения — более ранней боевой готовностью и численным превосходством своих сухопутных и морских сил — в начальный период кампании может поставить себе более или менее широкие задачи.

1) Ограничиться занятием Кореи, не переходя против нас в наступление. Случай этот представляется более вероятным.

2) Занять Корею и перейти против нас в наступление: а) в Маньчжурии, б) против Порт-Артура, в) в направлении Южно-Уссурийского края и г) на Владивосток.

В первом случае соотношение сил и условия подвоза наших подкреплений подсказывают необходимость на первое время предоставить Японии распоряжаться в Корее, не переходя против нее в наступление, если только сама она ограничится занятием этой страны, не развивая своих замыслов против Маньчжурии и наших владений. Во втором случае мы вынуждены будем вступить в борьбу и должны поставить себе твердой целью закончить ее только тогда, когда сухопутная армия и флот Японии потерпят решительное поражение. Но первый период борьбы, ввиду превосходства сил японцев и большей их боевой готовности, должен принять для нас в общем характер оборонительный. Наличные наши войска должны по возможности уклоняться от решительных столкнове-

ний, дабы избежать частных поражений до сосредоточения достаточных для поражения японцев сил.

Численный перевес японского флота не позволит, вероятно, широко развить активные действия нашего флота, и последнему придется ограничиться сравнительно скромной задачей: по возможности замедлить время высадки противника.

Оборона собственных владений должна составить задачу особо выделенных для сей цели отрядов: Южно-Уссурийского и Квантунского, опирающихся на крепости Владивосток и Порт-Артур.

Все за сим остальные войска, за исключением назначенных для охраны тыла и поддержания спокойствия в Маньчжурии, должны быть сосредоточены в районе Мукден—Ляоян—Хайвен. При наступлении японцев войска эти, замедляя по возможности движения противника, постепенно отходили к Харбину.

Если обстановка первого периода кампании укажет, что все усилия японцев направлены против наших войск, находящихся в Маньчжурии, то войска, собираемые первоначально в Южно-Уссурийском крае (10-го Сибирского корпуса), должны быть перемещены в Манчжурию».

В течение последовавших затем двух лет произошли значительные перемены в силе, расположении и боевой готовности наших сухопутных войск и флота на Дальнем Востоке. Произошли перемены в политической обстановке как по отношению к Маньчжурии, так и вследствие начавшейся активной деятельности в Северной Корее. Поэтому необходимо было в 1903 г. пересмотреть эти основания и ввести в них, если потребуется, отвечающие новой обстановке перемены.

В эти два года наша боевая готовность на Дальнем Востоке возросла не только по увеличению сухопутных войск, но по усилению нашего флота и готовности железнодорожной. Выше мы видели, в чем именно заключается это усиление. Напомним лишь, что вместо 20 вагонов, которыми мы располагали на всей Китайской дороге в 1901 г., в 1903 г. мы имели на этой дороге в распоряжении Военного ведомства 75 вагонов в сутки и, что еще важнее, на основании данных нам обещаний надеялись иметь в начале 1904 г. пять сквозных воинских поездов сильного состава. Флот наш, признававшийся еще в 1901 г. слабейшим японского, в конце 1903 г., на основании авторитетного заключения наместника, адмирала Алексева, был признан настолько сильным, что возможность победы над ним японского флота не допускалась. Но за эти два года

возросла и боевая готовность Японии, непрерывно увеличивавшей свои сухопутные и морские силы. Поэтому в Главном штабе было признано более осторожным сохранить и в 1903 г. основные основания для действий против Японии, принятые и утвержденные в 1901 г.

В записке, представленной мною 24 июля 1903 г. государю императору, значится:

«В докладе, который будет представлен по Главному штабу после тщательной оценки наших и японских сил, делается вывод, что и ныне, как и два года тому назад, мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Что сбор наших войск и общее распределение их в главном остаются те же. Что хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден—Ляоян—Хайвен, но отстоять Южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, не можем. Мы должны, как и два года тому назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывающими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев.

К сему можно прибавить, что, принимая те же основания для действий, что и два года тому назад, мы можем быть значительно спокойнее за исход войны, ибо флот наш сильнее японского, а подкрепления будут прибывать несравненно быстрее, что даст нам возможность перейти быстрее и в наступление».

В записке начальника Главного штаба, представленной мне 30 января 1904 г., т. е. через несколько дней после нападения японцев на наш флот в Порт-Артуре генерал-адъютант Сахаров так представлял себе намерение японцев:

«Идеал японских желаний, по-видимому, сводится:

1. Сильный удар нашему флоту, чтобы окончательно парализовать его активную силу и обеспечить свободу действий своих транспортов (их безопасность). Для достижения этой цели, как показала ночь с 26 на 27 января, японцы не остановились перед нападением до объявления войны. Ту же цель преследовали они и 27 января под Порт-Артуром. Передача им англичанами Вейхайвеев предоставила в руки нашего противника выгодную морскую позицию на фланге всех операционных направлений нашей эскадры.

2. Овладение Порт-Артуром для достижения той же цели — уничтожения нашего флота.

3. Наступление к Харбину и овладение этим пунктом для разобщения Приамурского округа от империи и уничтожения железной дороги».

К сожалению, наши надежды на усиление железной дороги в той мере и в те сроки, как то было предположено, не оправдались, а наш флот, ослабленный нападением японцев ранее объявления войны, не только не оказался сильнее японского, но не выполнил и той скромной задачи, которая, как выше изложено, ожидалась от него в 1901 г., т. е. замедления высадки противника. Поэтому сосредоточение наших войск совершилось медленнее, чем было предположено, а японцы, получив господство на море, перебросили на материк всю свою армию.

Приобретая не только свободу действий на море, но и инициативу действий на суше, сражаясь в то же время с высоким патриотическим воодушевлением, японцы имели первое время над нами преимущество как в материальном, так и в моральном отношениях.

При этих условиях задача наша хотя и затруднительна в высокой степени, но ввиду обширности средств России, сравнительно с Японией, затягивался лишь период нашей полной готовности к борьбе с Японией. Несмотря на неблагоприятно сложившуюся для нас обстановку, мы после 15 месяцев борьбы, стоя на Сынгайских позициях, хотя еще не перешли в решительное наступление, но достигли того, что не отступили к Харбину, как то предполагалось возможным по нашему плану войны с Японией.

При твердой решимости выполнить этот план мы должны были прекратить войну лишь после решительного поражения японцев. С этой точки зрения то, что нами было сделано, можно рассматривать лишь как период подготовительный к решительной борьбе с Японией. Уже по плану войны предполагалось, что отстоять в первый период войны Южную Маньчжурию (т. е. Ляоян, Мукден, Телли), если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Но сопротивление, оказанное нашими войсками под Ляояном, на Шахэ и Мукденом было так значительно, что японцы, овладев большей частью Южной Маньчжурии, не решились продолжать наступательные против нас действия в течение 6 месяцев.

Несомненно, что трудности, которые преодолевала японская армия, чтобы пройти путь от Ташичао до Телина, нельзя и срав-

нить с теми трудностями, которые они должны были встретить, если бы задались целью отбросить нас к Харбину, овладев тремя созданными нами на пути к Харбину оборонительными линиями: Сыпингайской, Гунчжулинской и Куанчензинской.

Повторим то, что нами было высказано в предыдущих главах. Хотя война и была закончена, но японцы не победили нашу армию. То, что в августе 1905 г. стояло на Сыпингайской позиции, наполовину (считая и укомплектование) еще даже не участвовало в боях с японцами. Поэтому ниже в самых кратких чертах я приведу лишь некоторые объяснения, почему в 15 месяцев войны мы все еще не приобрели такого превосходства материального и духовного, чтобы победить японцев. В моем дневнике за время посещения Японии помещены следующие строки в пояснение японского вопроса о возможности для России защищать вооруженною рукой наши интересы в Маньчжурии и особенно в Корее:

«Схематически вот какую картину представляют Россия и Япония по вопросу о возможности защищать наши интересы в Маньчжурии и особенно в Корее.

Япония находится по отношению к вероятному театру военных действий в относительно благоприятном положении. Ее база — вся страна — будет находиться в 900 верстах морского пути от нашего берега и всего в 200 верстах от корейского. Мы вытянувшись своим населением все утончающейся к востоку ниточкой до Восточного океана, все же вынуждены будем базой своих действий считать Европейскую Россию, удаленную от театров действий от 5000 до 9000 верст. Очевидно, что для серьезной войны с Японией одноколейной Сибирской железной дороги не хватит. Надо будет проложить вторую колею и увеличить число пропускаемых в одну сторону поездов до сорока. Вся эта линия на значительном ее протяжении идет вдоль границы с Китаем, а частью по территории Китая. Поэтому в случае одновременной войны с Китаем линия эта надежной признана быть не может».

В числе причин, повлиявших на наши неудачи в Русско-японской войне, необходимо принимать в расчет исключительную трудность стратегического положения нашей армии на Маньчжурском театре военных действий.

Этот театр действий, удаленный от России на 8000 верст и связанный с нею одной слабой одноколейной железной дорогой, был к тому же отличен от местностей, действия в которых были привычны для наших войск.

Наша армия собиралась с огромной медленностью и первые месяцы войны, самые важные, не могла быть готова к наступательным действиям не только по малой численности, но и по отсутствию горной артиллерии и транспортных средств. Она была прикована к железной дороге и не могла тронуться в сторону без опасности, что останется без продовольствия и боевых запасов. Наша полевая артиллерия и тяжелые 4-колесные обозы не могли пройти по большей части путей горного района.

Начавшиеся летние дожди сделали для нашей армии с тяжелыми обозами, парками движение крайне затруднительным. В орудие запрягалось по 20 лошадей. Повозки, даже пустые, надо было передвигать при помощи людей. Но особенно ухудшило положение нашей армии приобретенное японцами с начала войны полное господство на море. Высадкой трех армий на побережье Ляодунского полуострова, без малейшего затруднения этой сложной операции со стороны нашего флота, японцы отрезали Порт-Артур от армии и начали наступление, имея охватывающую базу против нашей армии, прикованной к железной дороге.

Движению вперед в южном направлении для выручки Порт-Артура угрожала армия Куроки, базировавшаяся на Корею. Движение против Куроки, особенно для прибывших из России корпусов, оказалось невыполнимым при неподготовке сих корпусов к действиям в горном районе.

Наш тыл в Маньчжурии не был обеспечен. Мы могли ожидать восстания китайского населения. Наша связь с Россией ежедневно могла быть разорвана (порча моста, забастовки, морозы). Довольствие армии зависело от местных средств, которые, если бы настроение населения стало явно враждебным к нам, могли быть легко скрыты, вывезены или даже уничтожены. Подвоз запасов из России был весьма незначителен и случаен. Армия стала бы в буквальном смысле голодать.

Случайные бои под Тюренченом и Вафангоу, в которых японцы одержали успех над нашими наиболее надежными войсками, еще более подняли их дух и не могли не отразиться понижением нравственного духа в нашей армии.

При отсутствии военного одушевления в войсках, при проникшей в войска пропаганде против войны, при недостаточной стойкости в первых боях многих войсковых частей и при прочих вышперечисленных наших недочетах требовалось (необходимо в этом совершенно откровенно признаться) значительное превос-

ходство в силах, чтобы победить японцев, действовавших с фанатическим одушевлением.

Между тем это достаточное превосходство в силах пришло к нам слишком поздно: когда мы стояли на Сыпингайской позиции, а в Портсмуте уже велись переговоры о мире; до декабря мы действовали войсками довольно многочисленными по числу батальонов, но слабыми по числу штыков. В самый важный начальный период войны, с мая по октябрь включительно, армия, неся большие потери, получала вследствие слабости железной дороги ничтожные укомплектования. Во многих случаях японские батальоны по числу штыков были в два раза сильнее наших.

Все наши действия крайне затруднялись недостаточными сведениями о противнике.

Сведения о том, что происходило в тылу, в Монголии, в Маньчжурских провинциях, доставленные генералом Чичаговым и другими лицами, носили тревожный характер и вызвали отделение значительных сил для охраны тыла. Владивосток и Уссурийский край, при господстве японцев на море, требовали выделения достаточных сил на случай десанта японцев. Вся эта сложная и неблагоприятно сложившаяся для нас обстановка дала в руки японцев инициативу для действий с первого шага войны.

Японская армия, подкрепляемая всем японским народом, напрягала силы всей своей армии, дабы победить нас. Тыл японских войск был хорошо обеспечен. Сообщение с базой — Японией — было быстро и надежно. Необходимые запасы могли подвозиться вполне обеспеченно. Мы, напротив того, выставили против японцев лишь незначительную часть своих сухопутных сил и должны были до сосредоточения достаточных для борьбы с Японией сил преследовать несколько целей:

- обеспечивать сосредоточение подходивших подкреплений, дабы не дать их разбить по частям;
- принимать меры для выручки Порт-Артура;
- обеспечивать спокойствие в тылу и целостность железной дороги;
- обеспечивать продовольствие армии главным образом местными средствами;
- охранять пределы Уссурийского края.

Захват японцами сообщений мог повести к небывалой еще в военной истории катастрофе. Но и без победы над нами силой оружия, разрушение железной дороги в тылу и лишение нас местных средств грозило тоже катастрофой — голодом армии. В таких тя-

железных условиях наша армия 15 месяцев боролась и не только не была окончательно побеждена, но выросла, окрепла и вместе с усилением железной дороги получила несравненно более прочную связь с Россией, чем в начале кампании.

Мы серьезно признавали возможным быть отброшенными к Харбину и за Харбин, а удержались у Сыпингайя. Все вышеперечисленные задачи могли быть разрешены главным образом лишь одним способом — быстрейшим усилением железной дороги для сбора сил, достаточных, чтобы перейти в решительное наступление. В период сбора этих сил каждый бой наших войск, сильно ослаблявший противника независимо даже от исхода боя, мог быть для нас выгоден (Ляоян, Шахэ).

Отступления от принятого плана действий против японцев, к сожалению, начались с началом войны. Вместо арьергардного боя генерал Засулич ведет упорный бой у Тюренчена против всей армии Куроки и терпит неудачи.

Уже в мае, когда в Ляояне, кроме войск Приамурского военного округа, высадилась только 3-я Сибирская дивизия, наместник, в опасениях за участь Порт-Артура, предлагает мне переходить в наступление против армии Куроки к Ялу или на юге на выручку Порт-Артура.

Выдвинутые к югу недостаточные силы генерала барона Штакельберга, вследствие незнания, что против них находятся превосходные силы японцев, втягиваются в упорный бой под Вафангоу и тоже терпят неудачу.

С прибытием всех частей 4-го Сибирского корпуса и одной дивизии 10-го армейского корпуса казалось возможным, упорно обороняясь против армии Куроки, быстро собрать к Ташичао 50–60 батальонов и попытаться отбросить к югу армию Оку.

Нашей армии представлялся, по-видимому, отличный случай действий по внутренним линиям. Неприятель группировался на трех операционных направлениях: Дальний—Гайчжоу—Тешичао (Оку), Дагушань—Сюань—Далин—Хайчен (Нодзу), Ялу—Фынхуанчен—Фейшулинь—Ляоян (Куроки).

Мы занимали центральное положение Ляоян—Хайчен—Ташичао с выдвинутыми авангардами по Фейшулинскому хребту. Можно было, прикрывшись со стороны двух групп и введя противника в заблуждение демонстрацией, ударить на третью группу возможно большими силами. Удар на Куроки или Нодзу не обещал успеха вследствие нашей неготовности к действиям в горах (не

было горной артиллерии, обозы тяжелы, продовольствие не могло быть обеспечено вследствие недостатка транспортных средств).

Оставался удар на Оку, опираясь на железную дорогу, но удар в этом направлении мог быть опасен для нас, если бы Куроки и Нодзу, сбив наши заслоны вышли на наши сообщения.

13–14 июня, когда из 10-го армейского корпуса прибыла в Ляоян только одна бригада 31-й дивизии (голова 10-го корпуса прибыла 17 июня), японцы на Восточном фронте в армиях Куроки и Нодзу сами перешли в наступление и овладели перевалами Фейшулинского хребта: Фейшулинским, Модулинским и Далинским. Мы оказали слишком слабое сопротивление и не раскрыли даже сил противника. Войска Восточного отряда отошли к Тхавуопу, отряд генерала Левестама — к Симучену.

Мы расположили, таким образом, свои заслоны на операционном направлении армии Куроки лишь в двух переходах от Ляояна, а на операционном направлении армии Нодзу всего в одном переходе от Хайчена (на железной дороге). Наш заслон на операционном направлении армии Оку у Ташичао был расположен в четырех переходах от Ляояна (90 верст по трудной, размякшей от дождей дороге).

Положение наше становилось тревожным, особенно, если бы подтвердились получаемые нами сведения о сборе японцами значительных сил именно для действия в направлении на Хайчен. Тем не менее при возможности нанести быстрый удар армии Оку, мы еще могли вырвать инициативу из рук противника и, оттеснив армию Оку, броситься на войска армии Нодзу.

С оттеснением и этих войск положение армии Куроки оказалось бы настолько выдвинутым вперед и оторванным от остальных групп японских войск, что опасность прорыва этой армии к Ляояну миновала бы. Но для столь решительных действий требовалась возможность собрать достаточные силы для наступательных действий против армии Оку.

В середине июня мы располагали всего против трех армий японцев 120 батальонами, уступая японцам как в числе батальонов, так в особенности в общем числе штыков. Положение наше ухудшилось тем, что среди войск, собранных у Ташичао, развилась значительная болезненность дизентерией, ослаблявшей число рядов. В наиболее ослабленном Красноярском полку число больных в середине июня дошло до 1500 человек, но что в особенности препятствовало производству наступательных действий, это

наступившие дожди, сделавшие почву весьма труднопроходимой, а местами совершенно непроходимой для наших обозов. Войска наши, стоя на месте, начали встречать затруднения в подвозе им продовольствия на расстоянии меньше перехода. Пришлось распрячь обоз и перевозить продовольствие на лошадях вьючным способом, но без вьючных седел. Даже вьюки с трудом проходили 10–16 верст в сутки. На направлениях Ляоян—Ляндясян—Тхавулин было еще хуже: горные реки вздулись, сносили мосты, и на некоторое время, до спада вод, совершенно прекращались сообщения войск Восточного отряда (3-й Сибирский корпус генерала Келлера) с Ляояном. Вместо готовности к наступлению вперед командиры 1-го и 4-го Сибирских корпусов, встречая вследствие сильно испортившихся от дождей дорог, очень большие затруднения в продовольствии войск, 16 июня просили отвести войска к позициям, выбранным у Ташичао (близ железной дороги), оставив в районе Гайчжоу и к востоку от него лишь конницу, поддержанную небольшими пехотными частями.

Генерал граф Келлер настоятельно просил об обеспечении его отряда с Ляояном, но средств к тому, а главное времени (прокладки дорог, устройства солидных мостов), не было.

16 июня в опасении дальнейшего движения японцев к Хайчену я сосредоточил 39 батальонов у Симучена. Небольшой переход 15 июня от Хайчена войска совершали по глубокой грязи с очень большими затруднениями, а 16 июня временно сообщение с Хайченом вследствие разлива горных речек прекратилось.

Обеспечение продовольствием собранных войск встретило такие затруднения, что часть войск пришлось возвратить к железной дороге, как только выяснилось, что японцы не только не продвигаются вперед, но отошли несколько назад к Далинскому перевалу.

5 июля, пользуясь прикрытием частей 17-го армейского корпуса, мы сделали попытку перехода в наступление против одного из участков, занятого армией Куроки, с целью продвинуться вперед и одержать хотя бы небольшой частный успех. Генералу графу Келлеру было подчинено 43 батальона. Попытка эта не имела успеха. Мы отказались от продолжения боя, когда в бой была введена лишь небольшая часть наших сил. 16 июля армия Оку перешла в наступление, и мы после недостаточного сопротивления очистили Ташичао и Инкоу. Армии Оку и Нодзу соединились.

Посетив 10 июля части 10-го армейского корпуса, занимавшие позиции у Гуцзяцзы (на направлении Ляоян—Саймацзи), я

убедился в полной неготовности прибывших из Европейской России частей войск к действиям в гористой местности. Требовалось ранее перехода в наступление обеспечить эти части хотя бы небольшим выучным обозом и произвести хотя бы несколько упражнений с войсками для ознакомления их с действиями в горах.

18 июля японцы всеми тремя армиями перешли в решительное наступление. После ряда боев мы сосредоточились под Ляояном и дали сильный отпор трем соединившимся японским армиям. На левом берегу реки Тайцзыхэ все атаки японцев были отбиты. Но вследствие неудачных наших действий на правом берегу Тайцзыхэ стратегическая обстановка начала складываться для нас столь неблагоприятно, что я отвел армию к Мукдену, не потеряв ни одного орудия или обоза, нанеся японцам под Ляояном большие потери, чем мы понесли сами. В трех томах моего отчета подробно описаны действия наших войск под Ляояном, на реке Шахэ и под Мукденом. Из этих описаний видно, какие огромные трудности нашим войскам приходилось преодолевать, и изложены причины наших неудач.

Эти действия доказали, что основания для плана войны с японцами были приняты совершенно правильные, и необходимость отступления наших войск к Харбину была предвидена вполне прозорливо. Действительно, обстановка для нас, как под Ляояном, так и на Шахэ и особенно под Мукденом, могла сложиться несравненно хуже, чем сложилась в действительности, и мы могли быть вынуждены к отступлению к Харбину еще в конце сентября 1904 г., но удержались в Южной Маньчжурии. Еще Клаузевиц признавал, что армия должна составлять одно целое со своей операционной базой. Наша база была Россия. Но какие трудности представлялись для нашей армии составлять одно целое за 8000 верст со своей родиной! Одно преодоление этих трудностей уже представляет огромный успех, который, конечно, будет оценен историей.

По выражению Наполеона — «на войне обстановка повелевает». Та обстановка, которая сложилась для нас, требовала огромного, упорного, терпеливого труда всей нации, чтобы пересоздать ее в нашу пользу.

Наши неудачи, позволительно высказать мнение, при сложившейся обстановке были объяснимы, но даже терпя неудачи, мы тяжело истощили своего противника, сами же все усложнились. Естественно, что должен был наступить перелом, при котором обстановка оказалась бы нам благоприятной.

Наша организация армии на основании опыта войны давала слишком малый процент бойцов сравнительно с общим числом чинов, находившихся на довольствии. Такое явление в высокой степени имело важные последствия: трудности по довольствию и содержанию армии были большие, а для действий в бою, при общем сильном составе армий, мы не располагали числом штыков, достаточных для победы над японцами.

Наши штатные составы различных родов оружия, а также парков, госпиталей, транспортов, полевых хлебопекарен, штабов, управлений и учреждений определяют весьма большой процент небоевого состава армии. Отсутствие у нас организованных тылов войск, необходимость производства обширных работ по проложению дорог, необходимость нарядов офицеров и нижних чинов в формировавшиеся транспорты, полевые хлебопекарни — все это еще более увеличивало небоевой элемент. Кроме того, обслуживание войсковых частей тем числом нестроевых, какое было положено по штату, оказалось невыполнимым. Пришлось по причинам, которые будут изложены ниже, допустить расход строевых нижних чинов для домашних парадов. Так как в небоевом элементе ранения были лишь случайные, то при больших потерях в бою отношение небоевого элемента к боевому еще более возрастало. Обыкновенно в ожидании боя подтягивались к войскам все командированные, прекращались наряды на работы в тылу. Но и при всех принимавшихся мерах боевой состав мог доводиться лишь до 75 % всего наличного числа чинов. В конце марта 1905 г., когда мы производили весьма энергично подготовку театра военных действий до реки Сунгари, в 1-й Маньчжурской армии боевой элемент армии составлял лишь 58 % в частях войск, большей же процент был отчислен на обслуживание тыла, на укомплектование разного рода управлений и учреждений.

Но главная тяжесть боя, как и в прежние войны, легла на пехоту. Между тем именно на пехоту наиболее тяжело ложились и все наряды, командировки, пехота теряла наибольшее число ранеными, и в результате можно принять с большей вероятностью, что в веденных нами боях мы выставляли число штыков, равное лишь половине всех чинов, находившихся на довольствии.

В апреле 1905 г. процент штыков в 1-й Маньчжурской армии относительно всего числа лиц, находившихся на довольствии, составил 51,9. С возвращением в строй выздоровевших от ран сила 1-й армии к концу ноября была до 192 000 ртов, из коих штыков

было 105 879. Но в бой могло идти значительно меньшее число вследствие домашнего расхода, нарядов и командировок. Рядом принятых мер, ввиду того что в августе 1905 г. ожидался переход в наступление, число штыков было доведено до 58,9 % всего числа чинов, находившихся на довольствии.

Дабы выйти из этого положения и получить в бою роты сильного состава, мною уже за время командования 1-й Маньчжурской армией отдан был приказ от 27 мая 1905 г. за № 412, которым приказано было не вводить в счет штыков и допустить в виде временной меры расход строевых нижних чинов, считая в том числе 128 санитаров, 35 музыкантов и 48 человек для охраны обозов (вместо выделения для этой цели полных рот). Независимо от этого расхода, неимение сформированных войск для тылов службы, необходимость постройки в тылу дорог, мостов, охраны разных складов, помощь интендантской и санитарным службам, для полицейской службы в населенных пунктах, для службы в транспортах армии, формировавшихся на театре военных действий, и пр. требовались значительные наряды от войск. Правда, войска освобождались при этом от запасных старших сроков службы, но число штыков редело весьма заметно. Наконец, надо принять в расчет раненых, больных и слабых, находящихся при частях войск или госпиталях.

По всем этим причинам средний расход всех чинов 4-батальонного полка, считавшихся строевыми, но действительно отсутствующих или не несших боевую службу, доходил до 800 человек. Другими словами, отсутствовала почти четвертая часть полка боевого состава. Обойтись же без устройства этапных линий, без достаточной охраны каждого этапного пункта, без проложения дорог, постройки мостов, назначения в обозы и транспорты мы не могли. Несмотря на хорошее вознаграждение, во многих пунктах, особенно в ожидании боя, туземное население не нанималось на работы. Часть туземцев служила в наших транспортах, но это был элемент ненадежный: при первой тревоге они разбежались и часто уводили лошадей и арбы. Так, во время мукденских боев вольнонаемный транспорт, состоявший при 1-й армии из 400 арб, весь разбежался. Попытки выписать русских вольнонаемных служащих делались, но не имели успеха, хотя, повторяю, вознаграждение было назначено очень хорошее.

Насколько только одна транспортная служба ослабляла боевой состав армии, видно из следующих цифр: за 15 месяцев войны

управлением транспортов Маньчжурской армии было сформировано 122 транспортные части, закуплено 8656 арб, куплено 51 000 лошадей и 20 000 вьюков.

На учете управления транспортов состояло: офицеров — 328, нижних чинов — 22 000, вольнонаемных русских — 1700 человек, китайцев — 9850 человек. Указанные выше 122 транспортные части были созданы при обстановке в высшей степени трудной, без каких-либо даже самых незначительных кадров. Очевидно, что при таких условиях и при спешности формирования ничего другого не оставалось, как выделять нужных транспортных офицеров и нижних чинов из состава войск армии.

Но и этот состав, выведенный из боя, таял слишком быстро частью от потерь, а во многих случаях вследствие ухода людей из боевой линии с разрешения или без разрешения для выноса раненых, а иногда и без видимой причины. Армия наша не получала своевременно укомплектований, и поэтому нам приходилось сражаться при большом некомплекте. Этот некомплект еще более увеличивался от следующих нескольких причин.

По военному составу в роте должно было находиться 220 штыков. Но из этого числа следует исключить некомплект наличного состава до штатного состава, с которым прибывали в состав армии части войск, больных, командированных и домашний расход, непредвиденный законом, но допускаемый начальниками частей, а потому часто наши роты выходили в первый бой, имея только 160–170 штыков. Со стороны начальствующих лиц всех степеней долгое время был недостаточный надзор, чтобы все, кто только мог, шли в бой. Напротив, замечалось обратное явление: кого только можно, отставляли от боя. Особенно отставляли от боя «нужных людей», от которых зависело правильное довольствие части и правильная денежная отчетность. Так, штабные чины полка, за исключением полкового адъютанта, часто в бой не попадали. Из нижних чинов, числящихся строевыми, не попадали в бой ротные писари, каптенармусы, артельщики, кашевары, прислуга офицерской кухни, резачи порционного скота, караульщики скота. Оставалась также вне боевых линий прислуга к офицерским лошадям. Вследствие формирования конных охотничьих команд пришлось выделить для них и обозных нижних чинов. Нельзя было также считать в числе бойцов санитаров, музыкантов. Наконец, по особенностям театра военных действий в ротах были заведены ослики для перевозки воды, что

также вызвало расход нижних чинов. Потребность иметь вышеперечисленных чинов вне боя признавалась начальниками частей столь настоятельной, что требования не допускать этого расхода не выполнялись или исполнялись в весьма слабой степени. С началом боя быстро оказывалось, что 8 санитаров на роту для выноса раненых совершенно недостаточно. Из сердоболния мы разрешили строевым выносить раненых товарищей. От этой причины многие роты буквально таяли, были многие случаи, что под предлогом выноса раненых уходили в тыл и здоровые или же одного раненого несли 6–8 и до 10 человек.

В результате рота, попавшая в горячий бой, через несколько часов боя имела только сто и менее штыков при потерях еще весьма незначительных. Возвращение в строй нижних чинов, выносивших раненых, было медленное и особенно ночью трудно контролируемое.

Между тем мы требовали укомплектований лишь по штатному составу, не принимая в расчет вышеприведенного расхода, и поэтому даже укомплектованные не могли выводить роты в бой в полном боевом составе. Необходимо прибавить, что ввиду удаленности обозов 2-го и 3-го разрядов от войск и недостаточной безопасности в тылу, по распоряжению начальников частей, первое время выделялись для охраны обозов от одной до двух рот от каждого полка.

Проложение дорог, особенно полевых железных, постройка мостов часто совершались при таких условиях, что могли производиться только при содействии войск. «Войск сообщения» мы еще не организовали, и это отражалось ослаблением боевого состава армии. Только благодаря удачному подбору многих начальствующих лиц, особенно из военных инженеров, в службе военных сообщений нам удалось одновременно вести бой и создавать пути общей длиной в несколько верст, обеспечивавшие сообщения по грунтовым путям большей части корпусов нашей армии. Эта огромная работа могла быть произведена только при нарядах от войск с ослаблением их боевого состава.

При нахождении, например, 1-й армии к югу от Хуньхэ в конце 1904 г. и в начале 1905 г. при армии в 180 000 человек в подчинении начальнику военных сообщений для тыловой службы находилось 7000 воинских чинов. В конце июня 1905 г., когда численность 1-й армии дошла до 250 000 человек и тыл армии протянулся до реки Сунгари в глубину на 220 верст, на сообщениях

армии находилось 10 000 человек, что тоже составляет 4 % всего состава армии. Вследствие неимения у нас тылов войск (или войск сообщений) большую часть вышеозначенных чинов приходилось первоначально назначать из состава армии и лишь впоследствии создавать штаты некоторых частей тылов службы.

Дорожные работы за время стоянки армии на Сыпингайских позициях состояли только для 1-й армии в проложении 1500 верст грунтовых дорог, мостов более трех сажен длины — 7 верст и гатей 56 верст. Эти работы удалось произвести большей частью вольнонаемным трудом китайцев. Тем не менее и на работы в этот относительно спокойный период войска армии дали наряды 30 000 рабочих дней.

Служба интендантская требовала также большого наряда нижних чинов. В начале кампании полевое интендантство, ввиду отсутствия личного состава, не имело возможности заняться выпечкой хлеба. Поэтому все заботы о хлебопечении были возложены на войска, которые сами строили печи, сами закупали муку и выпекали из нее хлеб.

Прибывшие в Харбин и Ляоян 8 полевых хлебопекарен (из них 4 — в Ляоян) были все без обоза и команд. Команды пришлось назначить из войсковых частей. С мая 1904 г. хлебопечение благодаря принятым генералом Губером мерам перешло большей частью в руки интендантства.

Энергичная и талантливая деятельность полевого интенданта армии генерала Губера выручила армию из трудного положения, в котором она очутилась при все возрастающей численности ртов и сравнительно слабом числе поездов, которые могли уделяться интендантским грузам. При дружной работе своих помощников генералов Бачинского и Андро, генералу Губеру удалось весьма широко воспользоваться местными средствами, но при этом требовалось содействие для охраны запасов, охраны и конвоирования гуртов скота. Значительную часть фуража, мяса войска доставали собственным попечением. Приходилось командировать от полков, далеко от места расположения армии, значительные команды, которые продолжительное время оставались в отделе, ослабляя состав частей. Окарауливание полковых гуртов скота требовало постоянного наряда.

При сосредоточении войск, расположенных в Приамурском крае, войсковые части оставляли довольно большое число чинов для охраны оставляемых помещений и имущества. Между штаба-

ми этих частей и войсками всю войну поддерживалась связь. Из штаб-квартир войска получали зимой часть теплой одежды, летом 1905 г. отвозили опять в штаб-квартиры свою теплую одежду. Эта служба требовала тоже довольно большого числа командированных. Наконец, наряды нижних чинов делались к топографам, производившим съемки, конвои к комиссарам и разным лицам и пр.

Все вышеперечисленные расходы вместе с большими и ранеными, числящимися в полках, составляли в среднем до 400-500 человек на полк. Этот наряд вместе с указанным мною выше расходом людей в 369 человек и составляет, как выше указано, средний расход строевых нижних чинов на полк до 800 человек. Очевидно, такой расход в весьма значительной степени понижал нашу боевую силу, что и надлежит принять во внимание при оценке боевой деятельности наших войск.

Особо серьезным недостатком организации наших войск в минувшую войну и было несоответствие числа штыков с числом ртов. Некоторые из причин этого явления рассмотрены выше.

Другие причины заключались в огромном развитии разных штабов, управлений и вспомогательных войсковых учреждений, парков, госпиталей, обслуживаемых офицерскими и нижними чинами. Эти заведения и учреждения тоже часто не удовлетворялись числом чинов, положенных по штату, и требовали наряда дополнительных чинов от войск. Массы обозов всякого рода загромождали пути и мешали быстрому передвижению войск. При этом вследствие особенностей театра военных действий (горы, грязь) полезный груз, поднимавшийся на наших обозах (колесных и вьючных), приходилось весьма уменьшать.

Наши корпуса, особенно состоявшие из полков 3-батальонного состава, после сильных боев сохраняли 10 000-15 000 штыков, а вся громоздкая корпусная организация — артиллерия, парки, обозы, транспорты — сохранялась. Бойцы исчезали за этими бесконечными обозами, обращались как бы в прикрытые их.

Даже полковые знамена, которые должны были являться источником силы и способствовать укреплению бойцов, во многих случаях преждевременно относились в тыл под прикрытые полуроты или роты, и этим ослабляли бойцов в самые важные для них минуты и материально и морально.

Мне пришлось предписать, чтобы в боях знамена держались при полковых резервах, а командиры полков принимали все меры к тому, чтобы в наиболее тяжелые минуты боя наши знамена, как

и в минувшее время, служили символом силы и победы и способствовали к укреплению бойцов, а не к ослаблению их.

В сентябре и октябре 1904 г. последовало сформирование вместо одной Маньчжурской армии трех: 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурских армий. Все эти армии предназначались для действий в мукденском районе и были привязаны к одной железнодорожной линии, составлявшей их общую коммуникационную линию. Права командующих этими армиями определены полностью, согласно с положением о полевом управлении войск в военное время. Полевые штабы и управления только несколько сокращены против определенных в означенном положении.

Между тем наше положение о полевом управлении отводит весьма самостоятельную роль командующим армиями как по ведению военных действий, так и по управлению тылов армии. На европейском театре этот порядок и был бы уместен, ибо каждая армия имела бы свой тыл и несколько железнодорожных линий. Между тем тыл в Маньчжурии всех трех армий был общим, и на все три армии имелась только одна слабая железная дорога. Поэтому на главнокомандующем осталась забота по управлению этим общим тылом и снабжение армий всем необходимым для боя и жизни. Только часть местных средств заготавливалась в районах, ближайших к расположению армий, попечением начальствующих лиц этих армий.

Командующим армиями, по положению о полевом управлении войск в военное время, издания 1890 г., были присвоены почти целиком все права, принадлежащие по прежнему положению главнокомандующему армией.

Относительно ведения военных действий в положении (§106) указано следующее: «в направлении военных действий командующий армией распоряжается по своему непосредственному усмотрению, руководствуясь указаниями главнокомандующего».

Такие широкие права, весьма уместные при действиях армий в отдельных районах, но при той боевой обстановке, которая сложилась под Мукденом — одна общая позиция и одна коммуникационная линия при различии взглядов командующих армиями на направление военных действий, — приводили к большим неудобствам. Могли возникать несогласия во взглядах на самые существенные вопросы, при которых или приходилось приказывать командующему армией вести операцию, которая, по его мнению, излишня, опасна или несвоевременна или просить о замене коман-

дующего армией другим лицом. Так, после самых решительных планов, за две недели до начала наступательных действий (12 января), генерал Гриппенберг 31 декабря высказал мне неожиданное мнение, что «кампанию надо считать проигранной, отступить к Харбину, отстаивать этот пункт и Владивосток и уже оттуда двинуться двумя армиями по другим направлениям». По каким именно направлениям, он объяснить не мог.

Указания главнокомандующего по многим основным вопросам, например, о необходимости не занимать непрерывных линий, иметь сильные армейские резервы, не исполнялись, ибо ответственными за удержание позиций являлись командующие армиями. Так, мои усилия выделить из 3-й армии в резерв если не весь 17-й корпус, то хотя бы 24 батальона не были приведены в исполнение, ибо командующий армией не признавал свое положение в центре расположения армий обеспеченным, если полки 17-го корпуса, стоявшие в передовой линии, будут сменены резервными полками 6-го Сибирского корпуса.

Генерал Гриппенберг, как указано в очерке действий 14-й пехотной дивизии под Сандепу, несмотря на указание мое о необходимости возможно долее скрывать от противника наши намерения — атаковать левый фланг японцев, без надобности в том, без испрошения моего разрешения начал наступательные действия почти на две недели ранее срока, мною установленного, передвинув 14-ю пехотную дивизию 31 декабря к селу Сифонтаю (на высоте села Сандепу) и выдвинув 3 января 10-й армейский корпус в боевую линию между правым флангом 3-й армии и реки Хуньхэ. Этим еще до начала наступления мы раскрыли противнику свои намерения и растянули фронт 2-й армии на 20 верст.

Командующие армиями, за исключением генерала Линевича, были излишне чувствительны в вопросе охраны предоставленных им законом прав. После демонстративного отъезда из армии генерала Гриппенберга положение главнокомандующего относительно командующих армиями еще значительно ухудшилось. Как ревниво охраняли командующие армиями предоставленные им по закону права и как странно их истолковывали, видно из следующего факта.

6 февраля я собрал командующих армиями и их начальников штаба, дабы выслушать их мнения, какого способа действий нам держаться при изменившейся к невыгоде нашей обстановке: Порт-Артур пал, действия генерала Гриппенберга под Сандепу успехом

не увенчались. Освободившаяся армия Ноги могла получить раз- лично назначенные: она могла быть направлена на соединение с четырьмя армиями, действовавшими против нас, она могла вместе с формируемыми в Японии дивизиями и войсками, расположенными в Корее, образовать группу войск в 70–80 сильных батальонов для действий против Владивостока или после высадки у залива Посьета для действий к Гирину и далее к Харбину в обход нашего расположения у Мукдена.

Наконец, по донесениям Чичагова, японцы вторглись в Монголию и при помощи многочисленных шашк хунхузов начали нападать на железную дорогу в тылу нашего расположения. Мне пришлось ослабить нашу армию выделением бригады пехоты и четырех казачьих полков для усиления охраны дороги нашего тыла.

Несмотря на эти данные, генералы Линевиц и Каульбарс высказались, что мы, по их мнению, должны без изменения продолжать исполнение данных мною директив на 12 января, т. е. произвести удар на левый фланг расположения японцев. Но когда начальник штаба главнокомандующего спросил командующего 2-й армией, войска которого должны были начать действия, как он думает распорядиться конницей, генерал Каульбарс обиделся, принял это за вторжение в его права и наговорил много лишнего и к делу не идущего.

Позже оказалось, что начальник штаба не без основания тревожился за решение вопроса о деятельности конницы, ибо эта деятельность в тяжелые дни Мукденских боев оказалась весьма неудовлетворительной.

Огромные права командующих армиями по награждению тоже были излишни и вредны. Командующие армиями имели право награждать орденом Святого Георгия 4-й степени по приговору думы, ими собираемой, и знаками отличия военного ордена нижних чинов. В их правах было награждение орденами Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, с мечами и бантом. При тесном расположении армий офицерский состав одной из армий оказывался, в зависимости от взглядов командующих армиями, награжденным менее, чем в других. Развилось равенство по армии, где награды выдавались более щедро. Это обесценивало награды, что скоро стали признавать и офицеры. Ордена с мечами стали давать без разбора. Особенно в этом отношении пошел далеко генерал Гриппенберг. Он за одно и то же дело под Сандепу надавал по

две награды разным лицам, а знаки отличия военного ордена с положением по 15 и более на роту и батарею.

В моем дневнике от 10 февраля записаны впечатления об осмотре мною частей, входивших в состав 2-й армии. Между прочим, там значится, что генерал Гриппенберг приказал выдать на батарею по 30 знаков отличия военного ордена, которые и пришлось в осматриваемой мною батарее на 70 человек, участвовавших в бою. Действительно, вся почти первая шеренга, к моему удивлению, была в крестах. Между тем батарея эта в деле почти не участвовала, имела только случайные потери — одного убитого и двух раненых. Командир батареи доложил мне, что ему было стыдно о такой награде объявлять чинам батареи и выбирать для награждения совершивших подвиг. Я выразил нижним чинам надежду, что они в следующих боях докажут, что достойны пожалованных им знаков отличия.

Огромные права командующих армиями по хозяйственной части при одной железной дороге и одном районе для продовольствия были излишни и способствовали лишь удорожанию многих предметов, ибо назначение справочных цен более высоких, чем в других армиях, могло служить поводом к повышению этих цен и в остальных армиях. Генерал Гриппенберг и в этом отношении действовал непонятным образом. В декабре возникли большие затруднения по доставке мяса в армию, и я предупредил командующего 2-й армией, что нам придется перейти с фунтовой на полуфунтовую дачу. Несмотря на это, приказом по армии от 21 декабря он увеличил дачу мяса до 1,5 фунта в день на человека.

Заслуживает также упоминание о сделанном по приказанию генерала Гриппенберга заказе 300 000 пудов муки и 120 000 комплектов белья на сумму в 900 000 руб. с поставкой в Тянь-Цзине. Очевидно, эта поставка не могла состояться.

В общем, при создавшейся обстановке на реке Шахэ, если бы наши корпуса были сделаны значительно большими, то нужды в трех командующих армиями с их особыми правами не было бы никакой.

Между тем, когда операция окончилась под Мукденом неудачно, вышло, по мнению многих, так, что за все и всех должен отвечать главнокомандующий.

Относительно личного состава я приведу ниже оценку, сделанную мною под свежим впечатлением пережитого боевого опыта в отчете по 1-й Маньчжурской армии. Оценка эта в глав-

ном согласована с мнениями старших начальствовавших в армии лиц.

Командный элемент. Вопрос об оценке высшего командного элемента, т. е. об оценке деятельности лиц, занимающих должности командиров корпусов, начальников дивизий и командиров бригад, не может быть и, казалось бы, не должен разрешаться теперь же.

Слишком много личных, чисто субъективных взглядов может лечь в основание этой оценки. Надо дать успокоиться и уму и сердцу, чтобы с беспристрастной оценкой на основании исторических данных приступить к данному вопросу.

Все же почти безошибочно можно сказать, что главным свойством нашего высшего командного элемента, особенно в первый период кампании, было отсутствие инициативы, неумение вести наступной бой и недостаток настойчивости. Результатом этого всегда являлось несогласование действий крупных единиц, равнодушие к положению соседа и преждевременное признание боя проигранным.

Даже лучше по качествам начальники всегда находили более выгодным, если наступать начнет сосед, а сами они будут только поддерживать.

Если кого-нибудь теснили и он отступал, соседи вместо того, чтобы помочь поправить положение, уходили.

Смелого порыва вперед не было почти ни у кого.

Работа полковых командиров была уже в значительной мере выше в боевом отношении, но нельзя не поставить в упрек недостаточное умение ориентироваться в обстановке и местности. Редко командир полка, посланный в отдел, мог обойтись без помощи офицера Генерального штаба. Пользоваться картами, учить подчиненных обращаться с картой, в особенности в начале кампании, не умели, что сильно сказывалось на ведении операции, так как полки опаздывали, шли зачастую не туда, куда надо. Все это отчасти объясняется и отсутствием навыка действовать в горной местности.

С течением времени этот недостаток уменьшился, но все же давал себя чувствовать и в мукденской операции, и после нее. Состав офицеров, хотя и лишенный должного военного одушевления, был хороший, в особенности в отношении офицеров действительной службы. Лучшим доказательством самоотверженной работы офицерского состава служит количество потерь, понесенных

армией за отчетный период, с ноября 1904 г. по сентябрь 1905 г., из которого видно, что процент убитых и раненых офицеров значительно превышает процент потерь в нижних чинах.

	Офицеры		Нижние чины	
	человек	процент к среднему наличному числу	человек	процент к среднему наличному числу
Убито	157	4,1	4779	2,5
Ранено	905	23,8	27 425	14,6
Без вести пропало	89	2,1	5684	2,9
Итого:	1151	30	37 888	20

Нельзя не прибавить, что в общем значительно ниже по качеству офицеров действительной службы были офицеры запаса, за исключением зачисленных на службу по собственному желанию.

Офицеры эти значительно отставали в тактической подготовке от офицеров действительной службы и не всегда с достаточным желанием несли свои обязанности с тем рвением, какое необходимо в боевых условиях.

Многие прапорщики запаса оказались неудовлетворительно подготовленными. Получив это звание лишь для того, чтобы в случае мобилизации не быть нижним чином, ничего не имея общего с военной службой, часто не симпатизируя ей и не обладая мало-мальски сноской подготовкой, прапорщики запаса во многих случаях не пользовались авторитетом среди подчиненных нижних чинов.

Что касается до прапорщиков и зауряд-прапорщиков, произведенных за боевые отличия из нижних чинов, то они оказались элементом прекрасным во всех отношениях. Выделившись из среды солдат и дорожа своим положением, с одной стороны, они имели среди нижних чинов достаточный авторитет, с другой стороны, они уживались и с офицерской средой, будучи прекрасными старательными помощниками ротных командиров.

Насколько зауряд-прапорщики относились самоотверженно к делу, свидетельствует то, что из 600 зауряд-прапорщиков, числившихся в армии, в феврале только за Мукденские бои были убиты и ранены 192 человека, т. е. свыше 28%.

Нравственный уровень офицерской среды был вполне удовлетворителен. За весь отчетный период удалено из района армии за неодобренные проступки всего 19 офицеров

При оценке деятельности Генерального штаба высшими строевыми начальниками, большинством высказывалось мнение, что теоретическая подготовка, умственные способности и самоотверженная служба офицеров Генерального штаба стоят высоко.

Вместе с тем столь же единодушно высказывалось, что офицеры Генерального штаба недостаточно слиты с войсками и не обладают в достаточной мере практическими знаниями, дабы правильно судить, что от войск можно требовать и в какой мере исполнимо то или другое приказание при данной обстановке, что нужно предпринять для избежания невольных неправильностей при передаче и исполнении приказаний и т. п. Как на средство для достижения практической подготовки офицеров Генерального штаба, строевые начальники указывали на прохождение службы преимущественно в войсках и при этом во всех родах оружия, и лишь отчасти в штабах.

Действительно, надо искоренить из войск взгляд на офицера Генерального штаба как, главным образом, на канцелярского работника. Надо снять с них обременившую их тяжесть письменных работ.

Как во всякой корпорации, так и в среде офицеров Генерального штаба есть и более способные к полевой службе, и такие, которые предпочитали служить исключительно в штабах. Полагаю необходимым разграничить эти категории.

В общем, состав офицеров Генерального штаба 1-й армии надо признать вполне выполнившим то, что от него требовалось.

За отчетный период потери офицеров генерального штаба убитыми и ранеными определились цифрой в 12% по отношению к среднему списочному числу.

Если же принять во внимание те потери, которые понесли корпуса в лице офицеров Генерального штаба до сформирования 1-й армии, то процент возрастет до 25,7.

Офицеров Генерального штаба, эвакуированных в Россию по болезни, в 1-й армии было за весь отчетный период всего 4. Большинство раненых возвращалось в строй.

Относительно старшего командного состава ныне признаю необходимым прибавить следующее:

Многие из генералов, командовавших с большим успехом отдельными частями в мирное время, в военное время, в голове более крупных частей, оказались несоответствующими. Должной практики в мирное время по строевому командованию дивизия-

ми и корпусами, очевидно, не было. Многие из этих начальников отстали от современных боевых требований. Характерной чертой большинства из них было не брать на свою ответственность сколько-нибудь энергичные решения.

В армию в голове крупных частей прибывали лица, заведомо несоответствующие или по болезненному состоянию, или по другим серьезным причинам. В трех армейских корпусах, составленных из старых полков, прибывших ранее других на театр военных действий, после первых боев удалились сами или были удалены один командир корпуса, четыре начальника дивизий и несколько командиров бригад.

В числе причин, неизбежно затруднявших для нас ход военных действий, надлежит отметить частую смену главнокомандующих: в течение 19 месяцев военных действий сменилось три главнокомандующих.

С началом военных действий до середины октября, в течение 8,5 месяца, главнокомандование находилось в руках адмирала Алексева. С середины октября по первые числа марта — в моих (всего в течение 4,5 месяца). С начала марта до конца военных действий, в течение 6 месяцев, — в руках генерала Линевича.

То соображение, что из 19 месяцев военных действий я был хозяином только 4,5 месяца, и то не в начале или в конце, а лишь в середине периода военных действий, не было принято в расчет, когда в прошлом году, точно по установленному сигналу, появились брошюры, статьи, газетные заметки, имевшие целью доказать, что я должен быть признан главным виновником наших неудач на войне как главнокомандующий и как военный министр.

По этому вопросу в письме к государю императору от 8 февраля 1906 г. из г. Шуанченпу мною изложено следующее:

«Мне известно, какие тяжкие обвинения появились в периодической печати на меня. Среди них есть и такие, на которые отвечать унижительно.

Но я был бы счастлив принять всю ответственность на себя и признать, что я один виновен в постигших Россию военных неудачах. Но это было бы неверно исторически и вредно для дела, ибо могло уменьшить в нашей, несмотря на неудачи, великой армии сознание важности всестороннего исследования всех причин наших частных неудач, дабы избежать их в будущем.

Я смело ставлю выражение “частных неудач”, потому что об общем поражении японцами наших сухопутных сил в Маньчжу-

рии, подобно тому, как были поражены наши морские силы, не может быть и речи: ко времени заключения мира почти миллионная русская армия твердо стояла на занятых ею после Мукденского боя позициях и уже готова была не только к оборонительному, но и к самому решительному наступлению.

Поступающие из Японии сведения указывают, что источники для дальнейшего пополнения сухопутных сил были истощены, финансовые средства иссякли, недовольство населения на затянувшуюся войну уже готово было разразиться и что по всем этим причинам японская армия не могла рассчитывать на дальнейшие успехи при встрече наших превосходящих сил.

Поэтому самое правдивое и откровенное изучение наших слабых сторон не может умалить твердо живущую в армии веру в окончательную победу наших войск в Маньчжурии, если бы признано было возможным продолжать войну.

Будущим историкам предстоит решить вопрос: были ли наши силы и средства, уже введенные в бой до марта 1905 года, достаточны в материальном и духовном отношениях, чтобы при ином, чем то было, руководстве войсками одержать над японцами победу.

Ныне, при крайне усложнившейся обстановке боя, личность старшего вождя сильно умалилась против прежнего времени. Без надежных, талантливых и энергичных помощников: командующих армиями и командиров корпусов, без развитой инициативы действий во всех чинах, без численного превосходства войск и, главное, без военного одушевления войск и патриотического подъема всей нации — роль вождя армий становится настолько тяжелой, что может оказаться по силам только гениальному полководцу. Быть может, гений восполнил бы собой недостатки нашей армии духовные и материальные, но, очевидно, Алексеев, Куропаткин, Линевиц, Гриппенберг, Каульбарс, Бильдерлинг этих недостатков восполнить не могли.

Беру смелость напомнить Вашему Императорскому Величеству, что по получении депеши о назначении меня главнокомандующим вместо радостной благодарности я ответил выражением мнения, что только бедность в людях заставила Ваше Величество остановить свой выбор на мне.

Если и после Мукденского боя у меня сохранилась твердая вера в победу, то на это были серьезные причины.

Наши войска после первых даже неудачных боев не только не ухудшались, но улучшались, приобретали боевой опыт и, главное,

осваивались с смертельной опасностью, привыкали к ней. Мы даже после поражений крепили духом. Но что не менее важно, мы росли численно и в августе месяце могли, наконец, надеяться нанести удар японцам превосходными силами».

Автор весьма талантливо написанной статьи дает такой отзыв: отсутствие инициативы, привычка быть на подхвате у начальства, делать дело только тогда, когда оно регламентировано приказанием свыше, все эти малоценные качества (низшего) строевого командного элемента усложняли, тормозили работу верха армии, забывая ценность и значение на войне элемента времени.

Современный стратег-теоретик Блюме говорит в своей стратегии, что «даже величайший гений полководца не заменит ему самостоятельного содействия частных начальников».

Относительно корпуса наших офицеров в разных печатных органах еще во время наших действий появилось много статей, подрывавших доверие к ним. Офицеров старались представить грубыми, невежливыми, пьяными, нечестными. В особенности в этом отношении пошел далеко один из даровитых наших публицистов Меньшиков. Про целую корпорацию, которая, не щадя жизни, исполняла свято свой долг, он писал: «В поражении на весь мир кричит промотанная совесть, пьянство, разгильдяйство, закоренелая лень».

В пасквиле на военный быт г-на Куприна под заглавием «Поединок» помещены такие картины: «Ротные командиры морили свои роты по два и по три лишнего часа на плацу. Во время учений из всех рот и взводов слышались беспрерывно звуки пощечин. Часто издали, шагов за двести, Ромашев наблюдал, как какой-нибудь расшвирепевший ротный принимался хлестать по лицам всех своих солдат поочередно, от левого до правого фланга. Сначала беззвучный взмах руки — и только спустя секунду сухой треск удара и опять, и опять, и опять... в этом было много жуткого и омерзительного. Унтер-офицеры жестоко били своих подчиненных за ничтожную ошибку в словесности, за потерянную ногу при маршировке — били в кровь, выбивали зубы, разбивали ударом по уху барабанные перепонки, валили кулаками на землю. Никому не приходило в голову жаловаться: наступил какой-то общий чудовищный, зловещий кошмар. Какой-то нелепый гипноз овладел полком». Автор «Поединка» пишет о своих надеждах на будущее. Эти надежды очень характерны и заключаются в том, что наступит время, когда офицеров будут бить по щекам в переулках, в тем-

ных коридорах, когда их станут стыдиться женщины и наконец перестанут слушаться солдаты.

В защиту наших офицеров напечатан в газете «Слово» «Ответ раненого офицера г. Меньшикову». В этом ответе, горячо и талантливо написанном капитаном Соловьевым, сделана правдивая оценка нашего офицера.

В огромной офицерской семье, как и в каждой корпорации, есть слабые и порочные члены. Но нельзя по ним составлять заключение обо всем корпусе офицеров. Нельзя, увидев пьянство нескольких офицеров в пути и в тылу в Харбине, делать заключение, что все офицеры пьянствуют. Офицеров надо судить, наблюдая их в бою, на позиции, на походе. А их, главным образом, судили по тому, что видели в тылу. Ведь бранить офицеров, сидя в Петербурге или даже в Харбине, много легче, чем наблюдать их работу в боевых линиях.

Огромный сравнительно с нижними чинами процент убитых и раненых офицеров указывает, что в бою наши офицеры вели себя, как и в прежние войны, доблестно. Наш солдат в настоящую войну был окружен заботами со стороны офицеров как никогда. Благодаря этим заботам он был сыт, одет, бодр и часто весел. Надо затем видеть, как восприимчивы наши младшие офицеры ко всему, что может служить на пользу им. Как быстро они ориентировались в новой и чуждой им обстановке, освоились с отличным применением местности, хорошо читают карты.

Самые строгие ценители службы офицеров не могут не признать, что со времени Русско-турецкой войны уровень наших офицеров и обер-офицеров значительно приподнялся.

Напротив того, по мнению тех же наблюдателей, наш солдат за эти 27 лет не стал лучше. Правда, в физическом отношении наш солдат в массе даже выиграл, но в духовном, по мнению многих начальствующих лиц, проиграл. Особенно трудный для командования материал стал поступать из фабричных центров, больших городов. Снова повторяю, что нижние чины постоянной службы были вполне надежны. Гораздо более требовали присмотра в бою и вне боя многие поступившие из запаса, особенно старших сроков службы. Ныне более, чем ранее требуется руководство, надзор в бою и вне боя офицера. Грамотных солдат было весьма мало.

Слава богу, до сих пор связь нашего офицера с нижним чином существует прочная, основанная на взаимном доверии. Но с самого начала войны эту связь пытались подрывать.

Кириллов и другие обрушились и на наш Генеральный штаб. Несомненно, что в настоящую войну очень многие офицеры Генерального штаба работали самоотверженно и пользовались часто доброй славой, командуя частями войск или служа в штабах. Многие из них выдавались своими военными дарованиями, энергией, исключительным мужеством и нашли славную смерть в бою.

Во главе их помянем незабвенного героя Порт-Артура генерала Кондратенко. Приведем затем имена убитых: отважного генерал-лейтенанта графа Келлера, штаб-офицеров героев Запольского, Науменко, Жданова, Пекуты, Васильева, Можейко, умершего от ран Андреева, убитого на Путиловской сопке капитана Ягодкина и др. Большое число офицеров Генерального штаба ранено. Назовем в числе их четырех начальников дивизий: генерал-лейтенантов Ренненкампа, Кондратовича, генерал-майоров Лайминга, Орлова, штаб-офицеров Маркова, Клембовского, Гутора, Российского, Гурко, Пневского и др., всего убито около 20 офицеров Генерального штаба и ранено 40.

Такое отношение к офицерскому составу со стороны нашей печати, старания различных лиц подорвать во время военных действий авторитет начальствующих лиц, равнодушные интеллигентных слоев России к тому, что происходило на полях Маньчжурии, и в особенности энергично веденная противоправительственная пропаганда в армии, имевшая целью военный бунт, не могли, конечно, способствовать подъему духа в армии, не могли создать стремления каждого к подвигу. Военного одушевления в армии не было.

Состав нижних чинов. Нижние чины так же, как и офицеры, делились на две категории: на состоящих на действительной службе и призванных из запаса.

Состав нижних чинов, состоящих на действительной службе, был хорош во всех отношениях. Нижние чины были достаточно стойки, достаточно выносливы и хорошо подготовлены.

Запасные были значительно слабее.

Прежде всего старшие сроки по состоянию здоровья не могли выносить тяжелых боевых условий при климатических данных Маньчжурии: солнечные удары, разрыв сердца были весьма частыми случаями при походных движениях по горам в летнюю жару. Во время периода боев под Дашичао, Хайчепом, Ляояном летом в 1904 г. часто до такой степени уставали, что делались неподвижными и совершенно непригодными для наступательных действий.

Кроме того, запасные старших сроков не были знакомы с трехлинейной винтовкой и забыли все, что знали на службе. Требовалась большая работа, чтобы подготовить и подучить их до уровня солдат действительной службы.

Главное же то, что запасные, особенно старших сроков службы, не обладали во всех случаях большой стойкостью. Части, составленные почти целиком из запасных, т. е. развернутые резервные полки, представляли из себя мало удовлетворительный элемент. Требовалось многократное привлечение их к боевым столкновениям, чтобы приучить и их к бою, к полям, чтобы, так сказать, обстрелять их.

Исключение составляли полки 4-го Сибирского корпуса, прекрасно показывавшие себя еще под Дашичао, Хайченом и Ляояном, укомплектованные исключительно сибиряками — людьми угрюмыми, но стойкими, с твердым и решительным характером.

Но в этих полках, при их выдающейся беззаветной твердости и стойкости, замечалась малая способность к покорным движениям, в особенности в жаркое летнее время.

Отличный боевой элемент представляли из себя укомплектования из молодых солдат. Только что прошедшие курс обучения, молодые годами, в большинстве не семейные, молодые солдаты были и выносливы, и подвижны, да кроме того, обязанные службой, они не тяготились боевыми условиями.

Укомплектование молодыми солдатами началось, к сожалению, уже после мукденских боев, но можно с уверенностью предположить, что этот элемент, прекрасно показавший себя в небольших делах, еще лучшие результаты мог дать в крупном, решительном сражении.

От нравственного элемента войск на войне, по мнению великого полководца Наполеона, зависит три четверти успеха. Это отношение нравственного элемента к материальному сохраняет свою силу и в настоящее время, когда условия боя еще более стали тяжелыми, чем были во время наполеоновских войн. Ныне больше, чем когда-либо, моральная сила армии зависит от настроения нации.

В главе 3-й сего труда мной указывалось, что ныне при современной организации армии войну ведут главным образом люди, призванные из запаса, и что поэтому для успеха требуется, чтобы война была народной и чтобы в достижении этого успеха дружно со своим правительством участвовал весь народ.

Такой народной войной и была война для японцев. Для наших же войск война, веденная в Маньчжурии, не была войной народной. Цели на Дальнем Востоке, которые мы преследовали, не были понятны русскому офицеру и солдату. Общее недовольство, охватившее все слои населения России перед войной, тоже только способствовало тому, чтобы начатая война стала ненавистной. Никакого подъема патриотизма война эта не вызвала. В армию стремились многие хорошие офицеры — это вполне объяснимо, но все слои общества остались равнодушными к начатой борьбе на Дальнем Востоке.

Несколько сот простых людей просились идти на войну добровольцами, но дети наших вельмож, купцов, ученых не рвались в армию. Из многих десятков тысяч учащейся молодежи, праздно проводившей время и часто жившей при этом за счет государства, нашлось (кроме студентов-медиков) лишь несколько человек, поступивших в ряды добровольцами. В это же время в Японии стремились стать в ряды дети самых знатных граждан, даже в возрасте 14–15 лет. Был случай, что мать убила себя со стыда, когда сын ее был признан негодным поступить в солдаты.

Равнодушные России к той кровавой борьбе, которую сыны ее вели в чужой стране за малопонятные интересы, не могло не колебать сердца даже сильных воинов. Военное одушевление, порыв к подвигу не могли явиться при таком отношении к ним на родине. Но в России не ограничились одним равнодушием к армии. Представители революционных партий чрезвычайно энергично принялись за работу, чтобы увеличить наши шансы на неудачи и воспользоваться ими для достижения своих темных целей. Возникла целая подпольная литература, имевшая целью расшатать доверие офицера к своим начальникам, доверие солдата к офицерам, доверие всей армии к правительству.

В распространенном в очень большом числе экземпляров издании социал-революционеров «К офицерам русской армии» приводится следующая главная мысль:

«Самый худший, опасный и единственный враг русского народа — его нынешнее правительство. Это оно ведет войну с Японией, под его знаменами сражаетесь вы и сражаетесь за неправоное дело. Всякая ваша победа грозит России бедствием упрочения “порядка”, всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, если русские радуются успехам нашего противника?» По лица, ничего общего с социал-революционной партией не имев-

шие и искренно любящие Россию, помогали врагам России распространением в печати мнений о бессмысленности веденной войны, об ошибках правительства, не устранившего этой войны. Об этих деятелях М. Горбатов в своей брошюре «Под впечатлением текущих военных действий» (издание редакции журнала «Море и его жизнь», 1905) пишет: «Еще ужаснее то, что эти мнимые друзья народа в то самое время, когда наши геройские войска идут в бой на жизнь и на смерть, нашептывают им страшные, смущающие слова: “Вы, господа герои, идете умирать бессмысленно, идете умирать за ошибки нашей политики, а не за кровные интересы нашей родины”».

Что может быть ужаснее подобной роли мнимых героев, друзей народа, подрывающих идейную почву под ногами наших героев, идущих на смерть? Легко можно себе представить состояние духа нашего офицера или солдата в бою после прочтения какой-нибудь газетной или журнальной статьи о безыдейности и бесполезности настоящей войны.

Революционные партии находили в этих мнимых друзьях поддержку своей работе, имевшей целью подорвать дисциплину в наших войсках».

Запасным при призыве их на службу давали возбуждающие против офицеров прокламации, посылали их в войска и в Маньчжурью. Получаемые письма сообщали о беспорядках в России. Получаемые газеты, читаемые нижними чинами и в госпиталях и на позициях, поносили начальствующих лиц и офицеров и подрывали доверие к ним со стороны нижних чинов. Работа по ослаблению дисциплины в армии велась энергичная и, конечно, не безрезультатная. Вожаки действовали при этом для достижения своей поставленной цели: «чем хуже, тем лучше». По отношению к военной силе их идеалом служила история на броненосце «Потемкин». Другие по неразумию помогали этим врагам не только нашей армии, но и нашей родины. Можно представить себе негодование Меншиковых, Кирилловых, Куприных и других, если бы им сказали, что по отношению к армии они играли ту же роль, какую сыграли лица, возмутившие матросов против офицеров «Потемкина». А между тем это так. Трудно даже придумать, что могли бы сказать матросам броненосца «Потемкин» худшего, чем сказал про наших офицеров Меншиков, упоминая про их промотанную совесть, пьянство, разгильдяйство, закоренелую лень.

Как ни крепок духом русский человек, но равнодушие одних и подстрекательство других возымели на многих вредное для успеха войны действие.

Уже в феврале поступило донесение командовавшего войсками Сибирского округа о фактах безобразного поведения эшелонов нештатных команд и запасных, разграбивших несколько станций. Были позже случаи разграбления станций при следовании войсковых частей. Большой уход во время боя в тыл нижних чинов, особенно запасных старших сроков службы, тоже объясняется не только трусостью их, сколько расшатанностью, нежеланием воевать. Прибавим, что начавшиеся в Портсмуте переговоры о мире, когда наша армия готовилась к решительным действиям, весьма невыгодно отразились на настроении даже наиболее сильных элементов армии.

Е. Мартынов в своей статье «Дух и настроение обеих армий» (Слово, 1906, № 378) указывает, что японский народ еще в мирное время воспитывался в патриотическом военном духе, затем самая идея войны с Россией пользовалась всеобщей популярностью, наконец, в продолжение войны армия постоянно опиралась на сочувствие нации. В России, как раз наоборот, патриотизм был расшатан систематической пропагандой идеей космополитизма и разоружения, во время ведения тяжелой кампании русская армия находила в своей стране или полное равнодушие, или даже прямо враждебное отношение. Оценка эта сделана правильно. Очевидно, что при таком отношении русского общества к Маньчжурской армии нельзя было рассчитывать на подъем в армии патриотического настроения, на готовность жертвовать своей жизнью из любви к отечеству.

В прекрасной статье А. Бильдерлинга «Чувство долга и любви к отечеству» (Русский инвалид, 1906, № 166) помещены следующие глубоко верные мысли: «Как бы ни были разнообразны и сложны причины наших неудач — виновность отдельных лиц, неумелые распоряжения, неподготовленность армии и флота, неудовлетворительность материальной части, злоупотребления по заготовкам и снабжению и пр. — все же главная причина кроется глубже: в недостатке патриотизма, чувства долга и любви к отечеству».

При столкновении двух народов главную роль играют не столько материальные средства, сколько нравственная сила, подъем духа, патриотические чувства. Там, где они выше, — на той стороне вероятнее успех.

Япония давно готовилась к войне, весь народ желал, и вся страна была охвачена высшим чувством патриотизма, поэтому в армии и во флоте все, от старшего начальника до последнего солдата, знали, на что они идут, за что жертвуют жизнью, ясно сознавали, что от успеха зависит участь страны, ее политическое значение, вся ее будущность в мировой истории. Каждый воин знал, что за него весь народ, матери, жены восторженно отправляли детей и мужей на войну, гордились их смертью за отечество. У нас война с самого начала была непопулярна, мы ее не желали, не предвидели и потому не были подготовлены. Солдаты, наскоро посаженные в вагоны, после 30-дневного пути высаженные в Маньчжурии, не знали, в какой стране, против кого и за что они дерутся, даже большинство офицеров и старших начальников шло неохотно, по обязанности, и вся армия чувствовала, как равнодушно относится к ней страна, чувствовала, что страна не живет с ней одной общей жизнью, что она — отрезанный от народа ломоть, брошенный за 9000 верст на произвол судьбы. От этого еще до решительного столкновения одна из враждующих сторон шла с полной надеждой и верой в победу, другая же несла в себе разлагающий дух сомнения в успех.

В общем, на войне побеждает тот, кто менее боится смерти. В прежние войны мы тоже делали ошибки, были не готовы к войне, но там, где моральная сила была на нашей стороне, мы выходили победителями (война со шведами, Отечественная война, с турками, на Кавказе, в Средней Азии). В войне с японцами мы по весьма сложным причинам в моральном отношении отставали от них, и только от этой причины, независимо от ошибок командования, могли нести поражения, а успех наш неизбежно надо было покупать ценой огромных усилий.

Уступая в нравственном отношении японцам, мы этим весьма понижали свою боевую годность. Это справедливо как для низших, так и для самых высших чинов. Те же войска и те же начальники при войне, веденной при других условиях, поддержанные лаской и доверием с родины, дали бы несравненно более, чем мы дали в Маньчжурии.

Отсутствие военного одушевления, отсутствие подъема нравственного духа, отсутствие порыва к подвигу в особенности отражались на упорстве наших боев. Во многих случаях упорства не было достаточно, чтобы сломить такого противника, как японцы. Вместо непоколебимого отстаивания порученной позиции — от-

ступали. Старшие начальники, всех степеней без исключения, не находили в такой обстановке сил и средств поправить дело и вместо новых чрезвычайных усилий, чтобы вырвать победу у врага, мирились с отступлением вверенных их командованию войск или сами отдавали приказания об отступлении.

Но в армии все же крепко жило чувство долга, благодаря этому чувству нам удалось в очень многих частях войск с каждым новым боем увеличивать силу сопротивления. Эта особенность прошлой войны вместе с приобретенным численным превосходством и замечаемым в течение войны понижением одушевления у японцев и позволяла нам с верой смотреть в будущее и не сомневаться в победном исходе войны с Японией.

Как в русской, так и в иностранной печати появилось много заметок, в которых командовавший Маньчжурской армией и впоследствии главнокомандующий обвинялся в недостатке настойчивости, упорства за время веденных им боев с японцами. Не имея фактических данных, критики рисовали обстановку боев таким образом, что победа уже склонялась не раз на нашу сторону, когда по неизвестным причинам отдавались распоряжения об отступлениях. Появились также заметки о «колеблющемся» характере вождя наших войск на Дальнем Востоке, упоминалось о каких-то то отдаваемых, то отменяемых приказаниях. Все это со слов одних повторялось другими и, наконец, вылилось в очень определенную легенду о том, что Куропаткин помешал командующим армиями и командирам корпусов разбить японцев.

Три первые тома моего отчета дают ответ на главные из этих обвинений.

Из них видно, какие чрезвычайные усилия мне приходилось делать, дабы результаты наших действий не оказались бы еще более тяжелыми для нас. Я вовсе не сторонник мнения, что отданное раз приказание не должно отменяться или изменяться: на войне обстановка так быстро может меняться, сведения, вызвавшие то или другое распоряжение, так часто могут оказаться ложными, что именно для пользы дела нельзя упорствовать в принятом решении вопреки изменившейся обстановке. Отличный пример сему мы видим в действиях наших войск во время операции под Сандепу. Полученное командиром 1-го Сибирского корпуса приказание дать отдых войскам на 14 января и занять для расположения корпуса район Хегоутай—Сунопу—Пяоцяо было основано на неправильном предположении командующего 2-й Маньчжурской ар-

мией о том, что Сандепу уже взято. Командиру 1-го Сибирского корпуса несколько раз подтверждается, чтобы он наступного боя не вел, и тем не менее, даже получив известие, что Сандепу не взято, мы упорствуем в выполнении отданного распоряжения, в котором ошибочно местом для отдыха назначены селения, сильно занятые противником. Результат известен: мы ведем целый день упорный бой, теряем до 700 человек и вынуждены на рассвете 15 января отступить.

Заслуживает внимания, что в это время, когда одни критики обвиняют бывшего главнокомандующего в частых отменах данных им приказаний, генерал Гриппенберг в своей статье «Истина о Сандепу» указывает, что он хотя и не был согласен с мнением главнокомандующего о необходимости отступления правого фланга 2-й армии для принятия более сосредоточенного расположения, но не решился высказать это мнение главнокомандующему, ибо он и члены его штаба знали, что главнокомандующий никогда не отменяет отданных им приказаний.

Что касается вопроса, могли ли мы одержать над японцами победу под Ляояном или под Мукденом, то ответ на этот вопрос, даже и по опубликованию моего отчета, все еще остается открытым, пока мы не узнаем в подробностях действия в этих боях японских войск. Поэтому по вопросу о Ляояне я могу высказать лишь свое личное мнение.

Такое огромной важности решение, как отдача приказаний войскам отступить, не может быть результатом минутного вдохновения. Отдавая такое приказание, принимается во внимание вся обстановка (результаты предшествовавших боев, настроение и степень утомления войск, настроение начальников войск, силы и расположение противника, результаты, которых он может достигнуть, если мы будем продолжать бой, получаемые донесения с фронта, флангов, тыла, наличие свободных резервов, их боевая готовность, количество оставшихся патронов и пр.).

Под Ляояном, кроме армии Куроки, еще и армия Нодзу могла быть легко переброшена на правый берег реки Тайцзыхэ, подобно тому, как под Мукденом, кроме армии Ногги, японцы смело перебросили на правый берег Хуньхэ большую часть армии Оку. Это было тем возможнее, что попытка наша перейти в наступление частью войск, расположенных на левом берегу, 20 августа окончилась полной неудачей. Если нет надежды победить противника переходом в наступление, то обороняющемуся в тех условиях, в ко-

торых мы находились (угроза сообщениям, Янтайские копи уже в руках противника), весьма важно было своевременно отступить, не доводя войск при упорном бое до крайнего расстройтва, после чего отступление становится беспорядочным, а число трофеев у противника все увеличивается.

Мы отступили при очень тяжелых условиях, по грязным дорогам, и не оставили противнику никаких трофеев: ни пленными, ни орудиями, ни повозками.

Промедли мы еще один день, и отступление могло походить на отступление 2-й и 3-й армий под Мукденом. Бой под Мукденом сложился весьма невыгодно для нас. Вследствие причин, подробно изложенных в третьем томе моего отчета, наша 2-я армия оказалась уже 22 февраля 1905 г. обойденной не только с фланга, но и с тыла. Требовались чрезвычайные усилия войск и их начальников, чтобы выйти из этого положения, хотя и не победителями, но и без полного поражения. Между тем этих усилий не было сделано, и положение армии 22, 23 и 24 февраля все ухудшалось, и все грознее назревала опасность окружения значительной части 2-й армии войсками армии Ногги. При том соотношении бойцов, которое определилось для нас 22 и 23 февраля, при том положении, которое 23 февраля занимали наша и японская армии и, главное, при том моральном превосходстве, которое приобрели в это время над нами японцы, я должен был утратить надежду на победный для нас исход кровавой битвы под Мукденом еще 22–23 февраля и поэтому должен был не допустить до расстройтва части нашей армии, своевременно отступить к Теллину. Поэтому относительно Мукденского боя будущие историки, вероятно, будут ставить мне в упрек не малое упорство в ведении дела, а слишком большое, при сложившейся обстановке. Это упорство и повело к тому, что приказание об отступлении мною было отдано лишь на 25 февраля, когда по ходу действий войск и моих помощников такое приказание надлежало отдать на 24 февраля. Отступи мы 24 февраля, вероятно, армии отошли бы в полном порядке, не только не оставив в руках японцев трофеев (кроме раненых), но мы могли бы увести с собой довольно значительное число пленных японцев, два орудия и несколько пулеметов.

В своем донесении о Мукденском сражении государю императору, признавая себя главным виновником неудачи, я вместе с ним признавал, что должен был лучше взвесить относительное настроение наших и японских войск и качества начальствующего

персонала и быть осторожнее в своих решениях: «упорствуя в надежде победить японцев, несмотря на неудачные действия 17–22 февраля войск 2-й армии, я отдал приказ об отступлении позже, чем бы то следовало сделать, вера в победу под Мукденом должна была у меня исчезнуть днем раньше, и тогда отступление армий могло совершиться в полном порядке».

Таким образом, общий вывод относительно сражений под Ляояном и Мукденом, по моему мнению, может быть выражен в такой форме: отступи мы от Ляояна днем позже, Ляоян мог обратиться для нас в Мукден, отступи мы от Мукдена днем раньше, Мукден мог обратиться для нас в Ляоян.

Можно также поставить в упрек бывшему главнокомандующему: почему он не задержался дольше под Телином и не принял там боя, а повел войска на Сыпингайскую позицию? Ответ на это находится в третьем томе моего отчета. Напомню только, что, когда решено было отходить от Телина (27–28 февраля), то по доставленным начальниками частей сведениям в полках 2-й и 3-й армий, наиболее пострадавших в сражениях под Мукденом, в 114 батальонах состояло налицо всего 16 390 штыков. Принимать бой у Телина при таком составе войск было опасно, ибо мы могли совершенно утратить кадры многих частей войск.

Насколько необходимо было нам выиграть время, чтобы устроиться до нового решительного боя, видно из того, что принятие решительного боя на Сыпингайской позиции на совещании у главнокомандующего 4 мая, т. е. через два месяца после отступления от Телина, признавалось командующим 2-й армии нежелательным. На этом совещании генерал Батьянов, ввиду нашей неготовности (не подошли все укомплектования), высказался за принятие на Сыпингайской позиции не решительного, а лишь арьсбергского боя.

В числе причин, затрудняющих войскам достижение тех боевых целей, которые им ставились в прошлую войну, несомненно, должно быть упомянуто и частое нарушение в Русско-японскую войну во время боя нормальной организации войск и их перемешивание.

Нарушение нормальной организации войск началось с объявления войны, и хотя в возможной степени исправлялось, но только после боев на реке Шахэ мы вполне разобрались в корпусах. Особенно не только корпусная, но и дивизионная организация

были нарушены во время февральских боев под Мукденом, что и послужило одной из причин нашей неудачи.

Корпусная организация наших войск, находившихся на Дальнем Востоке ко времени начала войны, еще не была закончена. Отдельные стрелковые бригады соединялись прямо в корпусах с доведением стрелковых полков до 12-батальонного состава, нормальным составом 1-го и 3-го Сибирских корпусов было 24 батальона. 2-й Сибирский корпус должен был состоять из одной стрелковой дивизии и одной резервной, формировавшимся в Забайкальской области. Еще до начала военных действий одна из дивизий, входившая в состав 3-го Сибирского корпуса именно 3-я Восточно-Сибирская, была по распоряжению наместника двинута на Ялу, другая, 4-я, со штабом корпуса, осталась на Квантуе. 1-я резервная дивизия, входившая в состав 2-го Сибирского корпуса, была задержана, помимо меня в тылу, в Харбине, и 2-й Сибирский корпус до назначения меня главнокомандующим состоял лишь из одной дивизии.

С началом военных действий мною приняты были меры, чтобы восстановить нарушенную корпусную организацию. На направлении Ляоян — Фынхуанчен я собрал 3-ю и 6-ю Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, образовав из них корпус войск, которому присвоил наименование 3-го Сибирского. Мне не удалось первоначально притянуть в состав этого корпуса 23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, составлявший охрану главной квартиры наместника в Мукдене. Моя просьба направить этот полк на Ялу в состав корпуса была отклонена. Только после сражения под Тюренченом полк этот был направлен в состав корпуса.

Направление Ляоян—Ташичао—Порт-Артур было охраняемо 1-м Сибирским корпусом в полном составе.

2-й Сибирский корпус, в состав которого были включены прибывшие на Дальний Восток в 1903 г. первые бригады 31-й и 35-й дивизий, составляли мой резерв, расположенный в Ляояне и в Хайчене.

Войсками 3-го Сибирского корпуса приходилось охранять первоначально при нашей малочисленности значительный район. 6 полков корпуса охраняли направление река Ялу—Фынхуанчен—Фейшулин—Ляоян, один полк охранял направление Дагушан (море и устье Ялу)—Сюянь—Далин—Хайчен. Один полк охранял направление Куаньяньсен—Саймацзы—Анпин—Ляоян.

С прибытием 4-го Сибирского корпуса направление Дагушан—Далин—Хайчен было занято бригадой 4-го Сибирского корпуса, ибо на направлении этом обнаружилось значительные силы японцев. Остальные три бригады 4-го Сибирского корпуса были сосредоточены в окрестности станции Ташичао (узел дорог близ Инкоу) с целью служить резервом 1-му Сибирскому корпусу на южном направлении или бригаде 4-го Сибирского корпуса на Далинском перевале.

Все части 10-го армейского корпуса, прибывавшие из России, были собраны на направлении Саймацзы—Анпин—Ляоян, где обозначились значительные силы японцев из армии Куроки. По занятии указанных выше направлений частями 4-го Сибирского и 10-го армейского корпусов полки 3-го Сибирского корпуса, охранявшие эти направления (21-й и 23-й Восточно-Сибирские стрелковые полки) были притянуты к своему корпусу.

Прибывшие из Европейской России части 17-го армейского корпуса собирались в окрестностях Ляояна и составляли мой стратегический резерв.

Две бригады 10-го и 17-го армейских корпусов, прибывшие на Дальний Восток еще в 1903 г., получили организацию отдельных бригад и по сосредоточении войск под Ляояном действовали с передовыми войсками: бригада 35-й дивизии приняла участие в бою под Вафангоу вместе с 1-м Сибирским корпусом, на подкрепление которого была послана. Бригада 31-й дивизии, отправленная на подкрепление войск, действовавших на направлении Дагушан—Далин—Хайчен, вместе с 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией вошла в состав войск 2-го Сибирского корпуса. Ко времени перехода японцев в решительное наступление тремя армиями 10 июля общее расположение наших войск было следующее:

1) на южном направлении, против армии Оку, — 1-й и 4-й Сибирские корпуса силой 48 батальонов (1-й Сибирский корпус в полном составе, 4-й Сибирский корпус в составе трех бригад) под начальством генерала Зарубаева;

2) на направлении Дагушан—Далин—Хайчен, против армии Нодзу, — 2-й Сибирский корпус и бригада 4-го Сибирского корпуса, всего 28 батальонов под начальством генерал-лейтенанта Засулича;

3) на направлении Ялу—Фейшулин—Ляоян, против армии Куроки, — 3-й Сибирский, 10-й и 17-й армейские корпуса, всего 80 батальонов под начальством генерала Бильдеринга.

В это время 5-й Сибирский корпус, по распоряжению заместника, высаживался в Мукдене, назначался для охраны тыла и направления Беньсиху—Мукден и в то же время служил резервом для поддержания передовых корпусов.

С отходом наших войск к Хайчену бригада 4-го Сибирского корпуса, действовавшая на направлении Хайчен—Далин—Дагушан, возвратилась в состав корпуса.

С отходом к Ляояну две бригады 10-го и 17-го армейских корпусов, выделенные с 1903 г. из корпусов, были возвращены в их состав.

В боях под Ляояном первые дни мы действовали 1-м, 3-м и 4-м Сибирскими и 10-м армейским корпусами в полном их составе. 2-й Сибирский корпус имел только одну дивизию, а 17-й армейский корпус сосредоточивался на правом берегу реки Тайцзыхэ и первые дни до сосредоточения полностью боя не вел.

С переходом наших войск на правый берег Тайцзыхэ с целью действий против армии Куроки корпусная организация нескольких корпусов была нарушена. Для обороны обширного Ляоянского укрепленного лагеря, кроме 2-го и 4-го Сибирского корпусов, пришлось оставить еще по бригаде от 3-го Сибирского и 10-го армейского корпусов.

При наступлении в конце сентября мною приняты возможные меры, дабы выдержать корпусную организацию, действительно, 1-й и 3-й Сибирские, 1-й, 10-й и 17-й армейские корпуса действовали в полном составе. 4-й и 6-й Сибирские действовали в составе трех бригад каждый: одна бригада 4-го Сибирского корпуса поступила на усиление 3-го Сибирского корпуса, получившего особо трудную задачу. Одна бригада 6-го Сибирского корпуса, подчиненного мне условно, была оставлена, по распоряжению заместника, для охраны тыла. 2-й Сибирский корпус, состоявший из 5-й стрелковой дивизии, был усилен пятью резервными батальонами.

Только 5-й Сибирский корпус, по уважительным причинам, был разбит на две группы: одна, под начальством командира корпуса, действовала на крайнем правом фланге армии, другая — на крайнем левом фланге под начальством генерала Ренненкампа.

Из изложенного в главе 9 видно было, что в сентябрьских боях Восточного и Западного отрядов по ходу боя без всякого вмешательства части значительно перемешались.

С назначением главнокомандующего я принял все меры, дабы закрепить корпусную организацию и не допускать, по возможности, смешения частей.

61-я резервная дивизия, не входившая в корпусную организацию и предназначенная заместником для усиления Владивостокского района, была мною направлена к армии, включена в состав 5-го Сибирского корпуса вместо 71-й дивизии, которая полностью была собрана на крайнем левом фланге под начальством генерала Ренненкампа.

Все полки 1-й Сибирской дивизии были направлены в состав 2-го Сибирского корпуса.

Корпуса 1-й Сибирский и 10-й армейский были выделены в полном составе из боевых линий в мой стратегический резерв.

Корпуса 3-й, 4-й и 6-й Сибирские, 1-й и 17-й армейские были расположены в боевых линиях и в резервах в полном составе. Исключения составили 2-й и 5-й Сибирские корпуса, которые действовали каждый в составе трех бригад. Одну бригаду из 5-го Сибирского корпуса пришлось оставить на правом берегу реки Хуньхэ для охраны крайнего правого фланга армии. Одна бригада 5-й дивизии, овладевшая Путиловской сопкой, по особому ходатайству начальства 1-й Маньчжурской армии была оставлена на взятых славными полками этой бригады (19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки) у японцев позициях, в расположении 1-го армейского корпуса.

С прибытием 8-го и 16-го армейских корпусов, они поступили в мой резерв. Прибывшие три стрелковые бригады образовали сводный стрелковый корпус.

В последних числах декабря 1904 г. я сосредоточил в резерве все три корпуса 2-й армии: 8-й, 10-й и сводный стрелковый, имел в своем стратегическом резерве 1-й Сибирский корпус и дивизию 16-го армейского корпуса (другая еще подвозилась по железной дороге). Всего, вне боевых линий, в резерве было 128 батальонов.

Положение было весьма благоприятное, но оно могло быть еще выгоднее, если бы я настоял на образовании сильных армейских резервов в 1-й и 3-й армиях.

Мое предложение выделить 17-й армейский корпус из боевых линий встретило усиленные ходатайства сохранить принятое в 3-й армии расположение. В 1-й армии можно было настоять на вывод в резерв всего 4-го Сибирского корпуса, поставив на сильной Эрдагоуской позиции, например, бригаду стрелков с

Путиловской сопки. С моей стороны было также ошибкой сводить три стрелковые бригады в корпус. Сохранив их отдельными бригадами, можно было избежать в нескольких случаях выделения из корпусов бригад, посылая вместо них отдельные стрелковые бригады. Японцы при меньшем числе против нас батальонов имели батальоны значительно более сильные и сведенные в большее число, чем у нас, самостоятельных войсковых единиц. В японских войсках дивизии в корпуса не сводились, а небольшие японские армии состояли из дивизий и отдельных бригад. На 13–15 японских дивизий и такое же число отдельных бригад наша корпусная организация оказалась не вполне соответственной. Японцы, не нарушая своей организации, могли выводить из боевых линий и передвигать свои дивизии и бригады с большей легкостью, чем мы свои корпуса, а в тех случаях, где действовала отдельная японская бригада, например, на направлении Саймацзы—Анпин, мы, выделяя против нее тоже бригаду, этим уже нарушали корпусную организацию (как то и было в 10-м армейском корпусе).

Из вышеизложенного видно, что до начала операции против Сандепу, хотя по ходу военных действий, а также по причинам, от меня не зависящим, и приходилось нарушать корпусную организацию, но таковая при первой же возможности восстанавливалась. Особенно невыгодное для нас нарушение этой организации имело место во время февральских боев под Мукденом и по причинам, не всегда достаточно уважительным.

После неудачных действий генерала Гриппенберга против Сандепу наше стратегическое положение значительно ухудшилось. Расположенные до этой операции в резерве четыре корпуса войск были введены в боевую линию, и три из этих корпусов значительно перемешаны. Я признал возможным из этих трех корпусов отвести в резерв лишь один 1-й Сибирский. Кроме того, в резерве был расположен 16-й армейский корпус и в состав резерва входили 72-я дивизия, бригада 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и Царицынский полк 1-го армейского корпуса, итого 82 батальона. Имея такой силы резерв, я надеялся с успехом противиться японцам, если бы по подходе от Порт-Артура войск армии Ноги они перешли в наступление.

К японцам, по нашим расчетам, могло подойти из-под Порт-Артура до 50 батальонов, но существовало предположение, что большая часть сил армии Ноги будет направлена против Влади-

востока и через залив Посьет к Гирину в обход и в тыл нашего расположения.

Эти предположения заставляли нас быть особо чувствительными за наш тыл и Владивосток. Прежде всего с освобождением армии Ноги пришлось усилить гарнизон Владивостока, весьма слабый для тех позиций, которые он должен был защищать. Я выделил кадры силой в 6 батальонов из всех трех армий, дабы развернуть их в четыре полка для сформирования в составе гарнизона 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Предполагалось, что одновременно с общим переходом в наступление японцы подготовили восстание в нашем тылу местного населения и разрушение железной дороги. Ряд донесений, одно тревожнее другого, приходили от генерала Чичагова с появившихся значительных силах японцев в нашем тылу и об их замыслах не только разрушить железную дорогу, но и овладеть Харбином. В третьем томе моего отчета видно, что силы японцев, находившиеся в тылу, измерялись генералом Чичаговым десятками тысяч. Означенный генерал настойчиво просил значительного усиления охраны дороги и в доказательство необходимости этого усиления доносил о поражении части пограничной стражи, высланной им на разведку к востоку от станции Куанченцзы, доносил об отбитых у нас во время этой разведки орудиях. В позднейших донесениях подтверждалось, что японские партии с сопровождавшими их шайками хунхузов глубоко проникли в тыл, прорвали наши посты между г. Хуананченцзы и г. Бодуне и угрожали этому последнему пункту, имевшему для нас огромное значение как центр хлебных запасов. Кроме того, получались донесения о направлении значительных японских и хунхузских отрядов в Фулярди (против Цицикара) с целью взорвать весьма большой железнодорожный мост через реку Нони и этим прекратить железнодорожное сообщение.

В то же время один из довольно значительных мостов близ станции Гунчжулин был после схватки с нашими охранниками разрушен японцами. При таких «вещественных доказательствах», как взятые у нас орудия и разрушенные мосты, нельзя было не дать веры донесениям генерала Чичагова (впоследствии оказавшимся совершенно преувеличенными) и не помочь ему. Сохранить за нами тыл являлось делом огромной важности, даже временное расстройство деятельности в тылу грозило бедствиями армии: не только прекращался бы подвоз подкреплений, но прекращалась постав-

ка продуктов населением, прием их и подвоз к армии. Зброшенные за 8000 верст от нашей базы — России, мы создали себе местную продовольственную базу, и потеря ее грозила голодом армии, ибо на подвоз всех необходимых продовольственных запасов рассчитывать было нельзя.

Действительная охрана дороги была слаба, для усиления ее мною были выделены бригады пехоты 16-го армейского корпуса и четыре казачьих полка (по докладу по штабу армии признавалось необходимым выслать в тыл шесть казачьих полков).

Японцы в феврале задались при наступлении чрезвычайно решительным планом: одновременно с атакой нас с фронта они смело начали обходить нас с обоих флангов.

Такой шаг для исполнения требовал больших сил или значительного ослабления войск на фронте. По-видимому, японцы, вполне надеясь на силу созданных ими позиций, действительно очень ослабили расположение войск на фронте. Казалось бы, при этих условиях наиболее сообразным обстановке способом действий был переход нами в наступление с фронта с тем, чтобы прорвать это расположение и уж затем действовать против обходящих частей. Но такой способ мог иметь в случае неудачи решительные последствия: удержанные на фронте относительно незначительными силами с большим числом орудий и пулеметов, подкрепленными, кроме того, вводом в боевую линию запасных войск (отлично организованных), мы могли оказаться окруженными обходящими группами войск японцев. Необычайная трудность фронтальных атак подтвердилась вполне во время Мукденских боев: наши войска, занимавшие даже весьма растянутые позиции, всюду отбили атаки японцев, если они направлялись только с фронта.

Поэтому с началом наступления японцев, когда обозначился обход нашего левого фланга армией Кавамуры, мною решено было принять энергичные меры, дабы остановить этот обход и атаковать армию Куроки с фронта и с фланга. Положение на левом фланге становилось очень тревожным: мы потеряли сильную Цинхеченскую позицию и отступили к Мацзяцзяну, обнажив левый фланг 3-го Сибирского корпуса на Гаутулинском перевале. Более глубокий обход японцев грозил отбросить войска 71-й дивизии к Фушуну. Быстро направленные в состав 1-й армии подкрепления и стратегический резерв остановили армию Кавамуры. В бывших при этом боях генералы Реншенкамф и Данилов с вверенными

им войсками 71-й пехотной и 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизиями действовали с выдающимся мужеством и упорством. 1-я армия, доведенная до 175 батальонов, движением вперед при успехе этого движения должна была повлиять и на операцию японцев против нашего правого фланга. Требуя перехода в наступление, я предоставил командующему 1-й армией выбор направления главного удара. Генерал Линевиц решил этот удар нанести в разрез между армиями Куроки и Кавамуры. Все приказания были отданы, и движение вперед началось. К сожалению, совершенно не подтвердившиеся донесения о движении нескольких японских дивизий в обход левого фланга 3-го Сибирского корпуса оказались достаточными, чтобы командующий 1-й Маньчжурской армией приостановил наступление и отвел части 1-го Сибирского корпуса, высланного в 1-ю армию с целью перехода этой армией в наступление, назад. Мы потеряли в сборах к переходу в наступление несколько дней. Между тем в обход нашего правого фланга за это время совершенно определенно обозначилось наступление значительных японских сил. В третьем томе моего отчета подробно изложено, какие меры были приняты, чтобы отвлечь эту опасность, и к каким результатам они привели.

Напомним здесь коротко следующее. Против 2-й армии в составе 96 батальонов, расположенной большей частью на левом берегу Хунхэ, действовала большая часть армии Оку. Войска правого фланга этой армии, по нашим сведениям, были расположены и действовали против 5-го Сибирского и частью, вероятно, 17-го армейского корпусов 3-й армии. Таким образом, против войск, подчиненных генералу барону Каульбарсу, в дни, когда обозначилось наступление армии Ноги, мы рассчитывали иметь не более 36–40 японских батальонов. Казалось бы и здесь войска 2-й армии, подкрепленные из стратегического резерва 24 батальонами 16-го армейского корпуса, энергичным переходом в наступление могли, отбросив части армии Оку к югу, разъединить их с войсками армии Ноги и затем обрушиться на войска последнего. Нашим войскам пришлось бы при этом брать с фронта укрепленную неприятельскую позицию с весьма сильными опорными пунктами — Сандепу и Лидиантунем. Так указывала теория, но на практике при несравненно более благоприятных условиях месяц тому назад 120 батальонов 2-й армии не могли в течение 6-дневных боев 11–15 января отбросить японцев к югу и овладеть Сандепу.

Являлось вполне обоснованное опасение, что, даже овладев этими пунктами и отбросив части армии Оку к югу, мы настолько израсходуем свои силы, что уже не будем в состоянии теми же силами дать отпор армии Ноги и допустим войска этой армии овладеть Мукденом и отрезать 2-ю и 3-ю армии от их сообщений.

Принимая то или другое решение, надлежало принять в расчет мало маневренную способность наших войск, уже сказавшуюся в предыдущих боях, надо затем было принять в расчет силу японских дивизий, необычайно упорную оборону японцами своих позиций. Все это вместе взятое указывало, что, быть может, в интересах нашего врага именно было затянуть возможно большее число наших войск для фронтальной атаки своих позиций, чтобы свободнее нанести решительный удар обходящими частями. Взвесив эту обстановку, я решил принять оборону на фронте 2-й и 3-й армий и возможно быстро передвинуть на правый берег Хуньхэ достаточные силы, чтобы остановить и затем отбросить назад обходящие войска армии Ноги. Прежде всего для этой цели должны были послужить войска 2-й армии, на обязанность коих и возлагалась охрана правого фланга всех армий. Я назначил для этой цели один корпус из состава этой армии, рассчитывая, что 64 остальных батальона без труда могут удержать напор частей армии Оку (30–40 батальонов). Генералу барону Каульбарсу приказано было возможно быстро направить этот корпус в район к селу Салинпу, где предполагался сбор части сил, из числа выставляемых нами против войск армии Ноги.

Для действий против этих войск одновременно мною двинуто было 24 батальонов 16-го армейского корпуса с подчинением этих войск генералу барону Каульбарсу. В резерв этим передовым войскам мною притягивались 12 батальонов из состава 3-й армии и 1-й Сибирский корпус, который, по получении известия о приостановке наступления и отходе назад к Шехуйчену 1-й армии, я приказал возвратить в состав моего резерва и направить к Мукдену. Таким образом, распоряжения были сделаны о сборе 92 батальонов, которые и должны были уже 18 февраля надежно прикрыть наш правый фланг, остановить армию Ноги и отбросить ее к югу. К сожалению, и на этом фланге расчеты не соответствовали действительности.

Для выделения корпуса войск для действий против армии Ноги генерал Каульбарс задумал произвести сложный маневр: увести с правого берега реки Хуньхэ на левый сводный стрелко-

вый корпус, а вместо него перевести на правый берег 8-й армейский корпус и направить его на Салинпу. Первая половина этого плана удалась: сводный стрелковый корпус перешел на левый берег, но и 8-й армейский корпус, ввиду перехода японцев в наступление, остался на левом берегу. Этим было положено смещение частей войск двух корпусов. Попытка направить к Салинпу сводную дивизию генерал-майора Голембатовского тоже была отменена генералом Каульбарсом. В действительности в окрестности Салинпу попали из 2-й армии только две бригады 10-го армейского корпуса, направленные туда моим распоряжением, вместе с 25-й пехотной дивизией. Между тем к Салинпу мог быть направлен весь 10-й армейский корпус или по меньшей мере 24 батальона из этого корпуса, ибо против расположения этого корпуса японцы располагали ничтожными силами. Уход с правого берега (угрожаемого) на левый частей сводного стрелкового корпуса имел, как известно, самые неожиданные последствия: правый фланг 2-й армии был слишком быстро лишен охраны, и войска этого фланга начали быстро отступать, увлекая к отступлению и соседние части.

Войска 16-го армейского корпуса, в зависимости от получаемых сведений о направлении и движении противника, были выдвинуты мною в двух направлениях: одна бригада по направлению на Синминтин и 25-я дивизия по направлению на Салинпу. Когда обозначилось, что японцы наступают не за Ляохэ, а между Ляохэ и Хуньхэ, генерал Каульбарс отдал совершенно правильное распоряжение притянуть бригаду 41-й дивизии к 25-й дивизии. Мы имели бы 16-й корпус в 24 батальона в составе одной группы войск, к нему генерал Каульбарс предполагал притянуть в полном составе 8-й армейский корпус, и мною эта группа была бы поддержана Сибирским корпусом. Мы имели бы против армии Ноги три наших корпуса. К сожалению, отданное уже приказание генералу Биргеру следовать на соединение с 25-й дивизией было генералом Каульбарсом отменено, и бригада эта все остальное время действовала отдельно от 25-й дивизии, увеличив смещение войск, особенно после отступления этой бригады частью к Мукдену и частью к станции Хушнтай. Вместо 8-го армейского корпуса на подкрепление 25-й дивизии прибыли две бригады 10-го армейского корпуса. Наконец, командующий 1 Маньчжурской армией не признал возможным исполнить отданное ему приказание о направлении к Мукдену 1-го Сибирского корпуса в полном составе и испросил разрешение задержать два полка этого корпуса. Так что

дивизии 1-го Сибирского корпуса прибыли к Мукдену каждая в трехполковом составе. Только командующий 3-й армией, вполне сознавая опасность нашего положения на правом фланге, с полной готовностью направил к Мукдену три полка 17-го армейского корпуса, составлявшие его армейский резерв, и прибавил к ним по собственной инициативе Самарский пехотный полк (в трехбатальонном составе), присланный к нему накануне распоряжением командира 1-го армейского корпуса на усиление левого фланга 3-й армии.

Между тем в течение боев 10–19 февраля распоряжениями командующих 1-й и 2-й армиями произведены различные перемещения войсковых частей, способствовавшие дальнейшему нарушению корпусной организации. За отсутствием достаточных резервов в армии, командующий 1-й армией помогал атакованным войскам, вводя войска из корпусных резервов войск еще не атакованные. Так, когда начались атаки на левый фланг расположения 1-й армии, командующим 1-й армии произведены передвижения частей вдоль фронта для содействия соседним частям, в том числе части 3-го Сибирского корпуса усилили движением на восток отряд генерала Ренненкампа.

Когда была атакована Гаутулинская позиция, вверенная обороне частям 3-го Сибирского корпуса, этим войскам помогли войска соседних к западу частей 2-го и 4-го Сибирских корпусов. Когда началась атака войск 2-го Сибирского корпуса, войскам этим помогли части 4-го Сибирского корпуса.

Таким образом, только распоряжением командующего армией и корпусных командиров уже получилось большое перемешивание частей. Подкрепления, присланные моим распоряжением, еще более увеличили в 1-й армии это перемешивание 16 и 17 февраля. В 1-й армии действовали против армии Кавамуры: 71-я дивизия в трехполковом составе, вся 6-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, один полк 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, один полк 1-го армейского корпуса, итого 29 батальонов (из них бригада 6-й Восточно-Сибирской дивизии и один полк 1-го армейского корпуса, присланный моим распоряжением). Против армии Куроки действовали: 3-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия в трехполковом составе, один полк 71-й дивизии, два полка 4-го Сибирского корпуса, полк 2-го Сибирского корпуса, итого 25 батальонов. К этим силам в расчете на переход в наступление были мною присланы 72-я дивизия и 1-й Сибирский корпус в пол-

ном составе и один полк 1-го армейского корпуса, итого 44 батальона. Всего, таким образом, на позициях 3-го Сибирского корпуса было собрано довольно сосредоточенно 69 батальонов.

Далее к западу на позициях 2-го Сибирского корпуса в составе этого корпуса — 14 батальонов, которые, подкрепленные одним полком 4-го Сибирского корпуса, отбивали с полным успехом все атаки японцев, в том числе японской гвардии. Далее к западу на позициях 4-го Сибирского корпуса, никем не атакованным, оставалось 20–24 батальона сего корпуса. Наконец, против правого фланга армии Нодзу — 24 батальона 1-го армейского корпуса не только отбивали с полным успехом атаки, но весьма удачно переходили и в наступление. В общем, в 1-й армии хотя и образовалось значительное перемещение частей, но корпусная организация 1-го, 2-го, 4-го Сибирских и 1-го армейского корпусов не была нарушена в тревожной степени.

Много хуже сложилось дело во 2-й армии. Неудачная рокировка двух корпусов сводного стрелкового и 8-го армейского положила основание к нарушению корпусной организации. Далее отступая под напором противника части сводного стрелкового, 8-го и 10-го армейских корпусов еще более перемешались. В особенности в ночь на 19 февраля разорвалась на все продолжение боя связь между частями 8-го армейского корпуса: 14-я дивизия в трехполковом составе и один полк 15-й дивизии переправились на правый берег реки Хуньхэ, двигаясь к западу, в то время как 15-я дивизия в трехполковом составе попала за левый фланг 3-й армии после ночного движения к северо-востоку.

Части 8-го и 10-го армейских и сводного стрелкового корпусов, сильно перемешанные, заняли к утру 19 февраля новые позиции на обоих берегах Хуньхэ. Усилия восстановить нарушенную организацию в дивизиях и корпусах делались недостаточные. Только командир 10-го армейского корпуса еще сохранил под своим начальством две бригады 9-й и 31-й дивизий в составе 16 батальонов, выдвинутые моим распоряжением в направлении на Салинпу. Командир 16-го армейского корпуса находился при 25-й пехотной дивизии тоже в 12-батальонном составе. Командиры 8-го армейского и сводного стрелкового корпусов не имели в своем непосредственном подчинении и таких сил.

Распоряжением генерала Каульбарса генерал Церпинский был назначен начальствовать над левым флангом войск, переведенных на правый берег Хуньхэ, причем в подчиненных ему войсках на-

ходился только один полк 10-го армейского корпуса, остальные части принадлежали 8-му армейскому, сводному и 5-му Сибирскому корпусам.

Одновременно с таким назначением командиры 8-го армейского, сводного стрелкового и 16-го армейского корпусов были отстранены командующим 2-й армией от непосредственного командования войсками. Корпусная организация во 2-й армии окончательно разрушилась. 21 февраля явилась, как значится в 3-м томе моего отчета, возможность вывести из боевых линий весь 10-й армейский корпус и восстановить в значительной степени организацию 8-го армейского и сводного стрелкового корпусов, но командующий 2-й армией этой возможностью не воспользовался.

Бездействие войск 2-й армии 19 февраля, неудачные действия и бездействие большей части войск 2-й армии 20 и 21 февраля создали весьма трудное положение для правого фланга нашего расположения: войска армии Ноги вышли не только во фланг, но и в тыл расположения войск 2-й армии. Командующий 2-й армией продолжал видеть опасность не там, где она обозначилась, и главное внимание приковал к действиям армии Оку, оставляя армию Ноги беспрепятственно заходить в тыл наших войск. Без моего вмешательства войска армии Ноги 22 февраля овладели бы Мукденом и вышли в тыл расположения 2-й армии, захватив село Сантайцзы и Императорские могилы.

Моим распоряжением 21 и 22 февраля организована была оборона позиции уже фронтом на север и на запад у Сантайцзы, Тахентуня и Унгентуня и приказано было занять Цуэртун. Отход к Хуньхэ 3-й армии, сокративший наши позиции, позволил мне притянуть в свой стратегический резерв войска 15-й дивизии, попавшие в ночь на 19 февраля случайно в состав 3-й армии, части 54-й дивизии с генерал-майором Артамоновым и части 9-й пехотной дивизии с генерал-лейтенантом Гершельманом. Благодаря сбору этих сил опасность выхода в тыл войск армии Ноги была временно предотвращена, но наши войска в районе 2-й армии уже дрались на три фронта: на юге, западе и севере. Очевидно, что при этих условиях мною направлялись в бой те части, которые находились под рукой. Тем не менее ядром обороны на Северном фронте служила бригада 41-й дивизии, Волынский полк и 9-й стрелковый, а у Цуэртуня собирались три полка 9-й дивизии и три полка 54-й дивизии.

21–22-го числа мною принимаются меры, дабы сделать последнюю попытку вырвать победу из рук японцев. В надежде на огромную убыль в предшествовавших боях в армии Куроки и на отличный состав войск 1-й армии, я после переговоров по телефону с командующим 1-й армией решил значительно ослабить состав этой армии, чтобы сохранить у Цуэртуни силы, достаточные для оттеснения армии Куроки. В мой резерв решено было направить всю 72-ю дивизию, бригаду 2-го Сибирского корпуса и 18 батальонов из 1-й армии и 4-го Сибирского корпуса. Командующий 1-й армией предупредил меня, что если мы не будем иметь быстрого успеха на правом фланге, такое ослабление может быть опасно для 1-й армии. Сознывая полную справедливость этого предупреждения, я тем не менее признал необходимость рискнуть на это ослабление по следующим причинам:

1. В подчинении генерала Линевича и за отделением вышечисленных сил оставалось 105 батальонов отличных войск.

2. Противник именно против войск 1-й армии, судя по донесениям командующего 1-й армии, должен был понести огромную потерю.

3. Японцы к этому времени перевели на правый берег Хуньхэ вслед за армией Ногги почти всю армию Оку, и мы должны были двигаться вперед для прорыва расположения противника или, подобно японцам, передвигаться вдоль фронта для усиления наших войск на правом берегу Хуньхэ.

Как видно из содержания 3-го тома, надежды наши не оправдались: передвижение резервов к Цуэртуни совершилось медленнее, чем то было предположено, а противник, воспользовавшись ослаблением войск на фронте 1-й армии, прорвал это расположение. На том участке нашей позиции у Кгузана, где совершился прорыв, в расположении командующего 1-й армии должно было находиться из оставшихся под его начальством войск четыре полка, а оказалось лишь 10 рот Барнаульского полка.

При этой обстановке, которая сложилась, наше отступление, по моему мнению, вышло запоздалым на один день. Вместо ввода в бой всех прибывших к Цуэртуни подкреплений, часть их (отряд генерал-лейтенанта Зарубаева) пришлось сохранить как последний резерв на случай, если бы японцы сделали попытку совершенно замкнуть огненное кольцо, которым все теснее сжимали части 2-й, 3-й и отчасти 1-й армий.

В особенности в последние бои под Мукденом был разобран по всему фронту боя 4-й Сибирский корпус. Причина к тому была определенная. Против весьма сильных позиций этого корпуса у Эрдагоу противник не наступал, и силы его были весьма незначительны. 32 отличных батальона 4-го Сибирского корпуса могли на этом участке быть употреблены командующим 1-й армии для перехода в наступление или совместно с войсками 1-го армейского корпуса, или с войсками 2-го Сибирского корпуса, или для общего перехода в наступление всеми войсками армии. В особенности благоприятный случай для перехода в наступление войск 4-го Сибирского корпуса представлялся, когда японцы вели яростные атаки на войска 2-го Сибирского корпуса. Движением вперед войска 4-го Сибирского корпуса брали во фланг и даже в тыл атаковавшие нас войска. Японской гвардии угрожал полный разгром. Но мы не воспользовались благоприятным случаем. Отсюда произошло то, что войска 4-го Сибирского корпуса, не имевшие против себя противника, как бы составили резерв 1-й и 2-й армий.

Наибольшая перемена частей была у нас 23–25 февраля на случайном северном фронте 2-й армии с центром у села Сантайцзы. Но части эти попали в руки весьма энергичного и храброго начальника генерала Лауница, и он с ними, самоотверженно действуя, отбивал все атаки японцев и выручил бездействующие войска 2-й армии, которым Ноги вышел в тыл. 25 февраля генерал Милов, начальствуя арьергардом, в составе которого был один Люблинский полк 8-го армейского корпуса, мужественно и успешно выполнил тяжелую возложенную на него задачу — прикрытия отступления 2-й и 3-й армий.

Надо иметь в виду, что полковая организация при смешении корпусов в большинстве случаев была сохранена. Это давало в бою твердые соединения, которые в энергичных руках, всюду, даже бок о бок с частями других дивизий и корпусов, дрались хорошо. Сохранение полковой организации было столь же важно и для продовольствия войск. Обоз 1-го разряда (с походными кухнями и патронами, двуколками) сохранялся при полках. Патроны пополнялись, и пища готовилась во многих случаях, несмотря на перемешку, часто своевременно. Близость запасов от Мукдена обеспечивала пополнение израсходованных полковых запасов.

Наконец, прибавим, что и у японцев во время, например, случайного для двух сторон кровопролитного боя 14 января у м. Си-

напу (близ Сандепу) при небольших относительно силах, выставленных японцами, оказались действующими против войск 1-го Сибирского корпуса части пяти японских дивизий.

Объяснения причин перемешки частей приведены выше, но оправдания во многих случаях я не признавал достаточными. Поэтому, донося государю императору о том, что главным виновником неудачи наших войск под Мукденом я признаю себя, мною в числе моих ошибок указано, что я не боролся в достаточной мере против перемешивания частей войск со своими помощниками, и по ходу боя сам вынужден был способствовать увеличению этого перемешивания.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 5

ОПИСАНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МОРЕ В 37—38 гг. МЕЙДЗИ (1904—1905 гг.)

Предисловие 9

Вступление. Причины войны
и объявление об открытии военных действий 11

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ В ПОРТ-АРТУРЕ

Глава I. Деятельность японского и русского флотов
перед открытием военных действий 33

Глава II. Выступление в поход
Соединенного флота 47

Глава III. Сражение у Чемульпо 50

Глава IV. Первая атака Порт-Артура 67

Глава V. Вторая атака Порт-Артура 92

Глава VI. Третья атака Порт-Артура и первое заграждение входа	99
Глава VII. Четвертая атака Порт-Артура.....	118
Глава VIII. Пятая атака Порт-Артура	135
Глава IX. Шестая атака Порт-Артура и второе заграждение входа	141
Глава X. Седьмая и восьмая атаки Порт-Артура	155
Глава XI. Третье заграждение входа	170
Глава XII. Действия флота 3-го заграждения входа и объявление блокады	189
Глава XIII. Выход неприятельского флота	204
Глава XIV. Действия Соединенного флота после выхода неприятельской эскадры	218
Глава XV. Сражение в Желтом Море	238
Глава XVI. Действия флота после сражения в Желтом море	282

ОСАДА ПОРТ-АРТУРА

Вступление. Состав морских сил Японии, действовавших против России	337
Глава I. Охрана флотом высадки 1-й армии и содействие ее наступательному движению	343
Глава II. Охрана перевозки и высадки 2-й армии	360
Глава III. Охрана высадки 10-й дивизии у Нандендзы	378
Глава IV. Первый поход к Кайпину. Гибель «Осима»	381

Глава V. Содействие 2-й армии при атаке Кинчжоу ...	386
Глава VI. Второй поход к Кайпину (Гайджоу)	400
Глава VII. Содействие наступлению 3-й армии	405
Глава VIII. Сторожевая служба у Инкоу	411
Глава IX. Содействие отряда лодок 3-й армии	417
Глава X. Общее состояние осады крепости Порт-Артур и действия морского отряда тяжелой артиллерии	426
 Приложение	
<i>Куропаткин А.Н.</i>	
Причины успехов японцев в войне с нами	531

ISBN 5-17-024932-2

9 785170 249329

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Научно-популярное издание

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА **Осада и падение Порт-Артура**

Ответственный редактор О.Ю. Клокова
Выпускающий редактор О.К. Юрьева
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: Ю.А. Хаджи
Технический редактор Л.Л. Подьячева
Корректоры Н.В. Волохонская, О.В. Гриндцева,
Г.В. Горянова, Н.А. Тюрина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

